

COURT
OF WINGS
AND RUIN

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

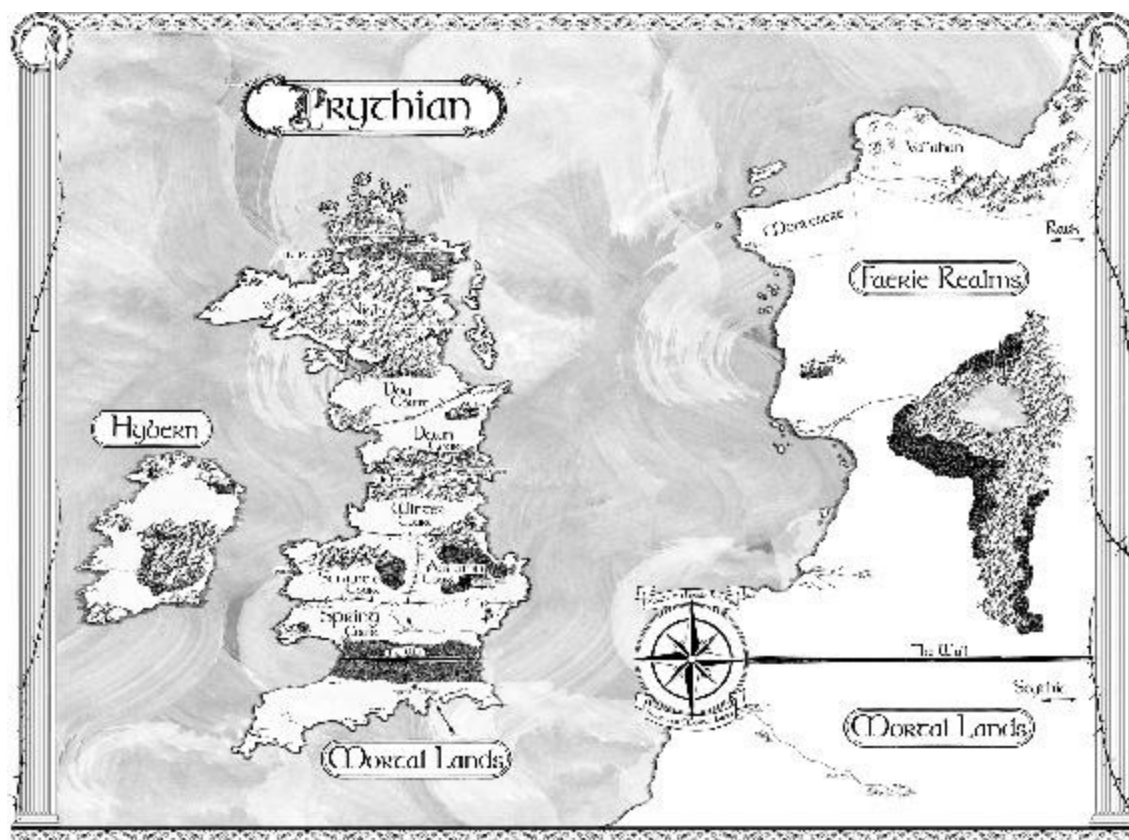
SARAH J. MAAS

BLOOMSBURY

Annotation

Фейра возвращается в Весенний Двор, полная решимости собрать информацию о действиях Тамлина и вторжении короля, угрожающего поставить весь Прифиан на колени. Но чтобы это сделать, она должна сыграть в смертельно опасную игру, обманывая всех - и даже маленький промах может означать гибель не только для Фейры, но и для всего ее мира.

По мере того, как близится война, Фейре придется решить, кому из ослепительных и смертоносных Высших Лордов ей доверять - и находить союзников в неожиданных местах.

*Джошу и Анне—
Дар. Все это.*

*Рисанд
За Два Года До Стены*

Жужжание мух и крики выживших уже давно сменили звуки военных барабанов.

Поле боя было теперь запутанной свалкой трупов, как людей, так и фейри, прерываемой лишь сломанными крыльями, вытянутых к серому небу, и редкими обрубками лошадей.

С такой жарой, несмотря на тяжелый облачный покров, запах скоро станет невыносимым. Мухи уже ползали по глазам, немигающе смотрящих вверх. Им не важно, смертная это или бессмертная плоть.

Я шел по некогда травянистой равнине, отмечая знамена, полупогребённые в грязи и крови. Большая часть моих оставшихся сил ушла на то, чтобы не тащить крылья по трупам и доспехам. Моя собственная сила была исчерпана задолго до того, как закончился бой.

Последние часы боя я сражался как смертные вокруг меня: с мечом и кулаками в грубой, безжалостной сосредоточенности. Мы сражались с легионами Равении — час за часом, сражались, как мне приказал отцом, как я сам знал, что должен был поступить. Колебания здесь были как смертельные удары нашему уже отступающему сопротивлению.

Крепость, маячащая за моей спиной, была слишком ценна, чтобы просто так уступить ее Лоялистам. Не только из-за ее расположения в центре континента, но и из-за запасов, которые она хранила. Из-за кузниц, днем и ночью работающих, чтобы поддержать наши силы.

Дым из этих кузниц теперь смешивался с кострами, уже зажженными позади меня, когда я продолжал идти, просматривая лица мертвых. Мысленно я сделал себе пометку, что нужно отправить всех солдат, которые смогут выдержать еще и это, для сбора оружия, оставшегося от обеих армий. Нам нужно держаться с честью. Особенно когда другая сторона вообще не беспокоится об этом.

Так тихо — поле боя такое тихое, в сравнении с резней и хаосом, которые, наконец, закончились здесь пару часов назад. Армия Лоялистов отступила, но не сдалась, оставив своих умерших на съедение воронам.

Я обернулся на упавшего гнедого мерина, глаза прекрасного зверя все еще широко раскрыты от страха, мухи облепили его окровавленный бок. Под ним — скрученный всадник, голова человека частично разорвана. Не ударом меча. Нет, эти жестокие раны нанесены когтями.

Они не уступят с легкостью. Королевства и территории, которые хотят своих человеческих рабов, не оставят себя без выбора. И даже тогда... Мы очень быстро узнали, что они не уважают древние правила и ритуалы битвы. А территории Фэ, сражающиеся на стороне смертных воинов... Они хотели нас растоптать, как паразитов.

Я смахнул муху, жужжащую у моего уха, рукой с запекшейся кровью, своей и чужой.

Я всегда думал, что смерть будет похожа на мирное возвращение домой — как сладкая, печальная колыбельная, ведущая меня во что бы там ни было после.

Под моим бронированным сапогом хрустнул флашток Лоялистов, красная грязь размазалась по кабаньему клыку, изображенному на их изумрудном флаге.

Сейчас я думал, что колыбельная смерти не милая песнь, а гудение мух. Как если бы мухи и личинки были слугами Смерти.

Поле боя сливалось с горизонтом во всех направлениях, кроме главной башни за моей спиной.

Три дня мы сдерживали их; три дня мы сражались и умирали здесь.

Но мы держали строй. Снова и снова, я сплывал людей и фейри, и мы не давали Лоялистам даже шанса на прорыв, даже когда на второй день битвы наш уязвимый правый фланг был весь усеян свежими трупами.

Я использовал свою силу, до тех пор, пока она не стала дымом в моих венах, и потом в дело пошли навыки с моих иллирийских тренировок, пока размахивание щитом и мечом не стало всем, что я знал, что я мог пустить в дело против полчищ врагов.

Из кучи трупов Высших Фэ торчало полуразорванное иллирийское крыло, как будто нужны были все шестеро, чтобы прикончить этого воина. Как будто он забрал их всех с

собой.

Мое сердце стучало в моем потрепанном теле, когда я разгребал груды трупов.

Подкрепление прибыло на третий и последний день, посланное моим отцом после моей просьбы о помощи. Я потерялся в сражении слишком сильно, чтобы увидеть, кто был в иллирийском отряде, особенно когда многие из них использовали Сифоны.

Но после того как они спасли наши задницы и повернули ход битвы, я не заметил ни одного из моих братьев среди живых. Не зная, сражались ли Кассиан и Азриэль на этой равнине.

Последний — маловероятно, так как мой отец держал его при себе для шпионажа, но Кассиан ... Кассиана могли призвать. Не исключено, что отец мог перевести Кассиана в подразделение, которое, скорее всего, погибнет. Поскольку было одно, едва половина которого ушла с поля битвы, прихрамывая.

Мои ноющие, окровавленные пальцы впились в помятые доспехи и липкую, жесткую плоть, когда я убирал последний из трупов Высших Фэ, нагроможденных поверх павшего иллирийского солдата.

Темные волосы, золотисто-коричневая кожа... Как у Кассиана.

Но это мертвенно-серое лицо, уставившееся в небо, не принадлежало Кассиану.

Из меня со свистом вырвалось дыхание, мои легкие все еще саднили от рева, мои губы были сухими и потрескавшимися.

Мне нужна вода, и сильно. Но неподалеку другая пара иллирийских крыльев выглядывала из-за груды трупов.

Спотыкаясь, я подскочил к ним, позволив своему сознанию плавать в каком-то темном и тихом месте, пока я выпрямлял скрученную шею, чтобы посмотреть на лицо под простым шлемом.

Не он.

Я пошел по трупам к другому иллирийцу.

Потом к другому. И к еще одному.

Некоторых я знал. Некоторых нет. Поле убийств все еще тянулось до неба.

Миля за милей. Царство гниющих трупов.

И я все еще искал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРИНЦЕССА ПАДАЛИ

ГЛАВА 1 *Фейра*

Рисование было ложью.

Яркой, красивой ложью, разрывающейся бледно-розовыми цветами и обильными солнечными лучами.

Вчера я начала ленивое изучение сада роз, скрытого за открытыми окнами студии. Яркая зелень холмов тянулась вдаль сквозь клубки шипов и атласных листьев.

Непрекращающаяся, неумолимая весна.

Если бы я рисовала этот двор так, как подсказывало мне мое нутро, то изобразила бы шипы, рвущие плоть, цветы, забирающие солнечный свет у растений, меньше их по

размерам, и холмы, окрашенные в красный цвет.

Но каждый мазок по широкому холсту был просчитан; каждое пятно и завихрение смешивающихся красок должно было изображать не только идеальную весну, но и солнечное настроение. Не слишком счастливое, но радостное, наконец исцеляющееся от ужасов, о которых я осторожно рассказывала.

Полагаю, что за последние недели сделала свою манеру поведения столь же хитросплетенной, как одна из этих картин. Я предполагала, что если бы проявила настоящую себя, то была бы украшена когтями, рвущими плоть на кусочки, и руками, забирающими жизни у тех, кто теперь меня окружал. Я бы оставила позолоченные залы красными.

Но не сейчас.

Не сейчас, говорила я себе с каждым мазком, с каждым движением, что я сделала за эти недели. Быстрая месть не поможет никому и ничему, кроме моей собственной разбушевавшейся ярости.

Даже если каждый раз, говоря с ним, я слышала рыдания Элейн, силой втянутой в Котел. Даже если каждый раз, смотря на него, я видела Нэсту, указывающую пальцем на короля Хайберна в обещании смерти. Даже если каждый раз, слыша его запах, мои ноздри наполнялись острым запахом крови Кассиана, когда она пролилась на темные камни замка из костей.

Кисть сломалась в моих пальцах.

Я расколола ее надвое: бледную ручку не починить.

Бормоча под нос проклятья, я оглядела окна, двери. Здесь слишком много наблюдающих глаз, чтобы рискнуть выбросить ее в мусорное ведро.

Я разбросила свой разум вокруг себя как сеть, вылавливая всех, кто был близок настолько, чтобы стать свидетелем или шпионить. Я не обнаружила никого.

Я вытянула руки перед собой, по половинке кисти в каждой руке.

На мгновение, я позволила себе заглянуть за чары, скрывающие татуировку на моей правой руке и предплечье. Метки моего настоящего сердца. Моего настоящего титула.

Высшая Леди Ночного Двора.

На полмысли сломанная кисть запылала в огне.

Огонь не обжигал меня, даже когда пламя поглотило дерево, щетину и краску.

Когда остались только дым и пепел, я призвала ветер, сметающий их с моих ладоней и уносящий прочь сквозь раскрытое окно.

Для верности, я вызвала легкий ветерок из сада, чтобы он проскользнул через комнату, смывая любой намек на дым, наполняя ее затхлым, удушающим запахом роз.

Возможно, когда я закончу свое задание, я сожгу это поместье дотла так же. Начиная с этих роз.

Двое приближаются, почувствовала я в глубине своего сознания, и схватила еще одну кисть, окунула ее в ближайшее завихрение краски и опустила невидимые темные ловушки, которые я расставила вокруг этой комнаты, чтобы предупредить себя о любых посетителях.

Я работала над тем, как солнечный свет освещает тонкие вены лепестков роз, пытаюсь не думать о том, что когда-то видела, как он делал то же самое с иллирийскими крыльями, когда двери раскрылись.

Я сделала хорошее шоу того, как затерялась в своих работах, немного наклонив плечи, покачивая головой. И сделала еще лучшее представление, медленно оглядываясь через

плечо, как будто прикладывая огромные усилия, чтобы оторваться от картины.

Но битвой стала улыбка, которую я заставила появиться на губах. В глазах — настоящее воплощение подлинной природы улыбки. Я тренировалась в зеркале. Снова и снова.

Так что мои глаза легко отреагировали, когда я подарила приглушенную, но счастливую улыбку Тамлину.

Люсьену.

— Прости, что отвлекаю, — сказал Тамлин, оглядывая мое лицо на любой признак теней, оставшихся с времен, когда я была жертвой, которые я продолжала сохранять, чтобы держать его на расстоянии, когда солнце скрывалось за этими холмами. — Но я подумал, что, возможно, ты захочешь подготовиться к встрече.

Я заставила себя сглотнуть. Опустить кисть. Не более чем нервная, неуверенная девушка, которой я когда-то давно была.

— Ты... поговорил с Ианфе? Она действительно придет?

Я еще не встречалась с ней. Верховная Жрица, которая предала моих сестер Хайберну, предала нас Хайберну.

И даже если мутные, быстрые отчеты Рисанда через связь мейтов успокоили некоторые мои страхи и ужасы... Она ответственна за это. За то, что произошло недели назад.

Ответил мне Люсьен, изучая мою картину так, будто она содержала доказательства, которые, я была уверена, он искал:

— Да. У нее... были свои причины. Она готова объяснить их тебе.

Возможно, вместе с причинами накладывания рук на всех мужчин, которые ей понравятся, хотя они того или нет. Причины, по которым она сделала это с Рисандом и Люсьеном.

Интересно, что Люсьен на самом деле об этом думает. И о факте, что залог ее дружбы с Хайберном оказался *его* мейтом. Элейн.

Мы не говорили о спасении Элейн, кроме одного раза, на следующий день после моего возвращения.

Несмотря на то, что подразумевал Юриан под отношением Рисанда к моим сестрам, сказала я ему, несмотря на то, как выглядит Ночной Двор, они не навредят Элейн или Нэсте таким способом — пока еще нет. У Рисанда есть более креативные способы нанести им вред.

Тем не менее, Люсьен все еще сомневался.

Но опять же, таким образом я подразумевала, с моими "провалами" в памяти, что, возможно, я не была удостоена этой креативности и вежливости.

То, что они поверили так легко, что они думали, что Рисанд может принудить кого-то... Я добавила это оскорбление в длинный-длинный список вещей, за которые я отплачу им.

Я положила кисть и стянула с себя халат, измазанный краской, аккуратно уложив его на табурет, на котором сидела два часа.

— Я схожу переодеться, — пробормотала я, перекидывая свою свободную косу через плечо.

Тамлин кивнул, следя за каждым моим движением, пока я шла в его направлении.

— Картина выглядит красиво.

— Она еще далека до завершения, — ответила я, вытаскивая ту девушку, которая избегала похвалы и комплиментов, которая хотела быть незамеченной. — Она все еще в беспорядке.

Откровенно говоря, она была одной из лучших моих работ, даже если ее бездушность была очевидна только мне.

— Думаю, как и мы все, — сказал Тамлин с неуверенной улыбкой.

Я подавила желание закатать глаза, и ответила ему улыбкой, проведя рукой по его плечу, проходя мимо него.

Люсьен ждал возле моей новой комнаты, когда я вышла десятью минутами позднее.

Это заняло у меня два дня, чтобы перестать идти в свою старую комнату — поворачивать направо после лестницы, а не налево. Но в моей старой комнате не было ничего.

Я зашла туда однажды, в день своего возвращения.

Разрушенная мебель; изорванная в клочки постель; одежда в таком беспорядке, будто он искал меня в шкафу. Никто, кажется, не был пропущен сюда для уборки.

Но здесь были лозы — шипы — которые сделали ее непригодной. Моя старая комната была переполнена ими. Они изгибались и скользили по стенам, обвиваясь вокруг обломков. Как если бы они сползали со шпалеры под моим окном, как если бы прошли века, а не месяца.

Комната была сейчас как могила.

Я присобрала мягкие розовые юбки моего утонченного платья и закрыла дверь в комнату за мной. Люсьен по-прежнему стоял, прислонившись к двери через коридор.

Его комната.

Я не сомневалась, что это она обеспечит мое проживание напротив себя. Не сомневалась, что его металлический глаз всегда смотрит в сторону моих покоев, даже когда он спит.

— Я удивлен, что ты так спокойна, дав такие обещания у Хайберна, — сказал Люсьен вместо приветствия.

Обещание, которое я дала, убить человеческих королей, Короля Хайберна, Юриана и Ианфе за то, что они сделали с моими сестрами. С моими друзьями.

— Ты сам сказал, что у Ианфе были причины. Даже будучи в ярости, я могу выслушать ее.

Я не сказала Люсьену, что я знала о ее настоящей натуре. Это вызвало бы объяснения, что Рис выставил ее из своего дома, что Рис сделал это, чтобы защитить себя и свой Двор, и вызвало бы слишком много вопросов, подрывая так много тщательно выверенной лжи, которая держала его и его двор — *мой двор* — в безопасности.

Но я задавалась вопросом, была ли в этом необходимость после Велариса. Наши враги знали о городе, знали, что это место добра и мира. И они попытались разрушить его при первой возможности.

Вина за нападение на Веларис после того, как Рис показал его человеческим королевам, будет преследовать моего мейта на протяжении наших бессмертных жизней.

— Она придумает историю, которую ты захочешь услышать, — предупредил Люсьен.

Я пожалала плечами, идя по пустому залу, устланному коврами.

— Я могу решить сама. Хотя, похоже, ты уже решил не верить ей.

Он шел со мной в ногу.

— Она втянула в это двух невинных женщин.

— Она сделала это, чтобы убедиться в силе союза с Хайберном.

Люсьен остановил меня, обхватив рукой вокруг моего локтя.

Я позволила это, потому что, если бы я *не позволила* ему так сделать, рассеясь, как я сделала это несколько месяцев назад в лесу, или использовала иллирийский защитный прием, чтобы усадить его на задницу, то разрушила бы свою хитросплетенную ложь.

— Ты умнее этого.

Я изучала широкую загорелую руку, обернутую вокруг моего локтя. Потом я встретила взгляд его красновато-коричневого и жужжащего золотого глаз.

— Где он держит ее? — выдохнул Люсьен.

Я знала, кого он имеет в виду.

— Я не знаю. У Рисанда есть сотни мест, где они могут быть, но я сомневаюсь, что он использовал бы одно из них, чтобы спрятать Элейн, зная о моей осведомленности об их расположении, — покачала я головой.

— Скажи мне в любом случае. Список их всех.

— Ты умрешь в тот же момент, как ступишь на его территорию.

— Я более чем выжил, когда нашел тебя.

— Ты не смог увидеть, что он держал меня в рабстве. Ты позволил ему забрать меня обратно, — *ложь, ложь, ложь*.

Но я увидела боли и вины, как ожидала. Люсьен медленно ослабил свою хватку.

— Мне нужно найти ее.

— Ты даже не знаешь Элейн. Связь мейтов это всего лишь физическая реакция, управляющая твоим здравым смыслом.

— Это то, что было между тобой и Рисом?

Тихий, опасный вопрос. Но я заставила страх появиться в моих глазах, позволила себе вспомнить Ткачиху, Резчика, Мидденгардского Червя, позволяя старому ужасу пропитать мой запах.

— Я не хочу говорить об этом, — сказала я голосом, похожим на грубый вопль.

На главном этаже пробили часы, и я мысленно поблагодарила Мать и устремилась вперед быстрым шагом.

— Мы опоздаем.

Люсьен лишь кивнул. Но я чувствовала его взгляд на своей спине, сфокусированный прямо на позвоночник, когда спускалась по лестнице. Для встречи с Ианфе.

И я в последний раз решила, каким способом я собираюсь разорвать ее на части.

Верховная Жрица выглядела точно так, как я ее помнила, как из воспоминаний Риса, которые он мне показал, так и из своих собственных мечтаний об использовании когтей, спрятанных под моими ногтями, чтобы вырвать ее глаза, затем язык, а потом вскрыть ей глотку.

Мой гнев стал живым существом у меня в груди, эхом сердцебиения, которое успокаивало меня во сне и пробуждало меня. Я утихомирила его, смотря на Ианфе через обеденный стол для официальных встреч, с Тамлином и Люсьеном по бокам от меня.

Она все еще носила бледный капюшон и серебряный обруч с прозрачным голубым камнем.

Похожим на Сифон — драгоценный камень в его центре напомнил мне о Сифонах Азриэля и Кассиана. И мне стало любопытно, что если, как и у иллирийских воинов,

драгоценность каким-то образом помогала сформировать огромную силу магии во что-то более утонченное, смертоносное. Она никогда не снимала его — но опять же, я никогда не видела, чтобы Ианфе показывала большую силу, чем зажигание шара фэйского света в комнате.

Верховная Жрица опустила глаза на стол из темного дерева, на ее идеальном лице плясали тени, отбрасываемые ее капюшоном.

— Я хотела бы начать с того, что действительно раскаиваюсь. Мною двигало желание... воплотить, как мне казалось, то, что ты, возможно, желала, но не решалась высказать, а также доказать нашу верность нашим союзникам в Хайберне.

Прекрасная, отравленная ложь. Но выявление ее настоящих мотивов... Я ждала эту встречу все это время. Проводя эти недели в притворном выздоровлении, исцелении от ужасов, пережитых от рук Риса.

— Зачем мне вообще желать, чтобы мои сестры вытерпели такое? — голос получился дрожащим, холодным.

Ианфе подняла голову, изучая мое неуверенное, если даже не отстраненное, лицо:

— Чтобы мы могла быть с ними вечно. И если бы Люсьен узнал, что Элейн — его мейт, раньше, для него это было бы... катастрофой, осознавать, что у него будут лишь пару десятилетий.

При звуке имени Элейн, срывающегося с ее губ, во мне начало нарастать рычание. Но я заглушила его, натянув маску болезненного безмолвия, новейшую в моем арсенале.

— Если ты ожидаешь нашей благодарности, то тебе придется подождать некоторое время, Ианфе — ответил Люсьен.

Тамлин послал ему предупреждающий взгляд — как за слова, так и за тон. Возможно, Люсьен убьет Ианфе раньше, чем у меня появится такой шанс, уже просто за то, что она заставила его мейта пережить в тот день.

— Нет, — выдохнула Ианфе, широко раскрыв глаза, идеальная картина раскаяния и вины. — Нет, я не ожидаю ни малейшей благодарности. Или прощения. Но понимание... Это и мой дом тоже. — Она обвела тонкой рукой в серебряных кольцах и браслетах покой, поместье. — Мы все вынуждены заключать союзы, которые даже не думали, что заключим, — даже сомнительные, да, но... сила Хайберна слишком велика, чтобы остановить ее. Мы можем лишь переждать ее, как любую другую бурю. — Взгляд на Тамлина. — Мы упорно трудились, готовясь к неизбежному приезду Хайберна — все эти месяцы. Я совершила серьезную ошибку, и я всегда буду сожалеть о той боли, что причинила, но давайте продолжим нашу работу вместе. Давайте найдем способ убедиться, что наши земли и люди выживут.

— За счет скольких жизней? — потребовал Люсьен.

Опять предупреждающий взгляд от Тамлина. Но Люсьен проигнорировал его.

— То, что я видел в Хайберне, — сказал Люсьен, сжимая ручки своего стула с такой силой, что резное дерево застонало. — Любые его обещания мира и безопасности...

Он замолчал, как если бы вспомнил, что Ианфе, скорее всего, передаст его слова королю. Он ослабил хватку на стуле, сжав свои длинные пальцы, прежде чем снова опереться на руки.

— Мы должны быть осторожными.

— Мы будем, — пообещал Тамлин. — Но мы уже согласились с определенными условиями. Жертвами. Если мы отступим сейчас... даже с Хайберном в качестве союзника,

мы должны показать прочное единство. Вместе.

Он все еще доверяет ей. Все еще думает, что Ианфе просто сделала плохой выбор. Не представляя, что скрывается под ее красотой, одеждами, и праведной магией.

Но в то же время эта же слепота мешала ему осознать, что жило внутри меня. Ианфе опять склонила свою голову.

— Я постараюсь быть достойной моих друзей.

Люсьен очень, очень сильно старался не закатить глаза.

Но Тамлин сказал:

— Мы все попробуем.

Попробуем было его новым любимым словом теперь.

Я лишь сглотнула достаточно громко, чтобы остальные это услышали, и медленно кивнула, смотря на Ианфе.

— Больше никогда так не делай.

Дурацкие слова — что-то из того, что она ожидала от меня, судя по тому, как быстро она кивнула. Люсьен откинулся на спинку своего стула, своим видом показывая, что ему больше нечего сказать.

— Однако Люсьен прав, — выпалила я с озабоченным лицом. — А как быть людям этого Двора на время этого конфликта? — нахмуренный взгляд на Тамлина. — Они подверглись издевательствам Амаранты — и я не уверена, что им будет хорошо жить рядом с Хайберном. Они достаточно пострадали.

Тамлин сжал челюсти.

— Хайберн обещал, что наши люди останутся нетронутыми и непо потревоженными.

Наши люди. Я чуть не нахмурилась — даже если и кивнула в понимании.

— Это часть нашей... сделки. — Когда он продал весь Прифиан, продал все порядочное и хорошее, что в нем было, чтобы вернуть меня. — Наши люди будут в безопасности, когда Хайберн прибудет. Но я все же разослал весть, что семьям следует... переехать на восточные территории. На некоторое время.

Отлично. По крайней мере, он осознает потенциальную угрозу — по крайней мере, он заботится хотя бы настолько о своих людях, осознает, в какие садистские игры любит играть Хайберн, и что обещая одно, он подразумевает совсем другое. Если он уже переместил тех, кто подвергнется наибольшему риску во время войны, с его пути... Это сделает мою работу здесь легче. На восток — кусочек информации, выхваченный мною. Если на востоке безопасно, значить на западе... Хайберн действительно придет с этого направления. Прибудет туда.

Тамлин перевел дыхание:

— Это подводит меня к другой причине этого собрания.

Я собрала с духом, придавая лицу легкое любопытство, когда он заявил:

— Первая делегация из Хайберна прибудет завтра.

Золотое лицо Люсьена побледнело. Тамлин добавил:

— Юриан будет здесь к полудню.

ГЛАВА 2

В последние недели я ничего не слышала о Юриане — не видела воскресшего человеческого командира с той ночи в Хайберне.

Юриан был возрожден с помощью Котла с помощью отвратительных останков его тела,

которые Амаранта хранила как трофеи в течение пятисот лет, его душа была поймана в ловушку и осознавала все происходящее, находясь в его глазу, сохраненном с помощью магии. Он был сумасшедшим — стал безумным задолго до того, как Король Хайберна возродил его для того, чтобы он повел человеческих королей по дороге слепого подчинения.

Тамлин и Люсьен должны знать. Должны были видеть этот блеск в глазах Юриана.

Но... они так же не осознавали полностью, что Король Хайберна владел Котлом — а он мог расколоть этот мир на части. Начиная со Стены. Единственную вещь, стоящую между смертоносными армиями Фэ и уязвимыми человеческими землями ниже.

Нет, эта угроза точно не мешала Люсьену и Тамлину спать по ночам. Или приглашению этих монстров в свой дом.

Тамлин пообещал мне во время возвращения, что теперь я буду вовлечена во все решения, приглашена на каждую встречу. И он держал свое слово, когда объяснял, что Юриан прибудет с двумя другими командирами из Хайберна, и я буду представлена им. Они хотели осмотреть Стену, найти идеальное место для того, чтобы уничтожить ее, как только Котел восстановит свои силы.

Превращение моих сестер в Фэ, конечно же, опустошило его.

Мое самодовольство от этого факта вспыхнуло всего на мгновение.

Мое первое задание: узнать, где они планируют ударить, и сколько времени понадобится Котлу, чтобы вернуться в боеготовность. И затем тайно передать эту информацию Рисанду и остальным.

На следующий день я выбирала наряд с особой тщательностью, после того, как спала урывками благодаря ужину с охваченной виной Ианфе, которая приложила много усилий, чтобы поцеловать наши с Люсьеном задницы. Жрица, по всей видимости, подождет, пока командиры Хайберна не устроятся на новом месте, прежде чем появиться самой. Она проворковала что-то о желании убедиться, что у них будет возможность познакомиться с нами, перед тем как она придет. Один взгляд на Люсьена дал мне понять, что мы хоть в чем-то согласны: она точно планирует грандиозное появление.

Это немного повлияло на меня — на мои планы.

План, который я послала по связи мейтов на следующее утро, слова и картинки, скользящие по коридору, наполненному ночью.

Я не рисковала использовать связь слишком часто. Я общалась с Рисандом лишь раз после прибытия сюда. Лишь раз, через час после того, как зашла в свою старую комнату и увидела шипы, заполнившие ее.

Это было похоже на крик с большого расстояния, на разговор под водой. *Я жива и здорова*, сказала я по связи. *Скоро я сообщу тебе все, что узнаю*. Я подождала, позволяя словам путешествовать во тьме. Затем я спросила, *Они живы? Ранены?*

Я не помнила, чтобы связь между нами была так трудна для восприятия, даже когда раньше я увядала в этом поместье, и ему приходилось использовать ее, чтобы убедиться, что я все еще дышу, что отчаяние еще не поглотило меня полностью.

Но ответ Рисанда пришел минутой позже. *Я люблю тебя. Они живы. Они восстанавливаются*.

Вот и все. Как будто это было всем, с чем он смог справиться.

Я вернулась обратно в свои новые покои, закрыла дверь и укутала это место стеной из твердого воздуха, чтобы не дать просочиться запаху моих тихих слез, когда я свернулась калачиком в углу ванной комнаты.

Когда-то я уже сидела в такой же позиции, смотря на звезды на протяжении долгих, мрачных часов ночью. Теперь передо мною было безоблачное голубое небо за открытым окном, и я слушала, как птицы поют друг другу, и мне хотелось взреветь.

Я не решилась спросить больше о Кассиане и Азриэле — или о своих сестрах. В ужасе от того, насколько плохи они были — и что я сделала бы, если бы даже после исцеления они будут в плохом состоянии. Что я навлеку на них.

Восстанавливаются. Живые и исцеляющиеся. Я напоминала это себе каждый день.

Даже когда я все еще слышала их крики, чувствовала запах их крови.

Но я спрашивала о большем. Не рисковала использовать связь после того первого раза.

Я не знала, мог ли кто-то отследить такие вещи — молчаливое общение между мейтами. Не тогда, когда связь мейтов можно определить по запаху, и я играла в столь опасную игру с ней.

Все верили, что она была разорвана, что тягучий аромат Риса на мне был потому, что он меня принудил, что он засадил этот запах в меня.

Они верили, что со временем, с расстоянием, его запах исчезнет. Через недели или месяцы, вероятно.

И когда он не исчезнет, когда он останется... Вот тогда я нанесу удар, с нужной мне информацией или без нее.

Но если есть вероятность, что с использованием связи его запах будет лишь укрепляться... Я свела к минимуму её использование. Даже если не разговаривая с Рисом, не слыша это коварство и веселье... Я услышу эти вещи снова, обещала я себе снова и снова. Увижу эту усмешку.

И я опять думала о том, какая боль была на его лице в нашу последнюю встречу, думала о Рисе, покрытом кровью Азриэле и Кассиана, когда Юриан и два командира Хайберна рассеялись на гравий главного въезда на следующий день.

Юриан был в той же легкой кожаной броне, весенний ветерок разметал его каштановые волосы по лицу. Он увидел нас стоящими на лестнице из белого мрамора, ведущей в дом, и его губы искривились в самодовольной улыбке.

Я пустила лед по своим венам, холод двора, в котором никогда не бывала. Но я владела подарком от его Лорда, превращая горящую ярость в ледяное спокойствие, когда Юриан направился к нам с видом победителя, держа руку на рукояти своего меча.

Но там были еще и два командира — мужчина и женщина — от которых в моем сердце появился осколок настоящего страха.

Высшие Фэ во всей красе, их кожа такого же красноватого оттенка и волосы идентичного чернильно-черного цвета, как у их короля. Но в глаза бросались их пустые, бесчувственные лица. Отсутствие эмоций, отточенное тысячелетиями жестокости.

Тамлин и Люсьен не двигались, когда Юриан остановился у подножия лестницы. Командир людей ухмыльнулся.

— Выглядите лучше, чем в нашу последнюю встречу.

Я посмотрела на него. И ничего не сказала.

Юриан фыркнул и жестом указал на двух командиров позади его.

— Позволь представить Их Высочества, Принца Дагдана и Принцессу Браннэ племянника и племянницу Короля Хайберна.

Близнецы — возможно, связаны силами и мысленной связью.

Тамлин, казалось, вспомнил, что они теперь наши союзники и сошел с лестницы.

Он продал нас. Продал Прифиан — за меня. Чтобы вернуть меня.

Дым завихрился в моем рту. Я впустила в себя лед опять, чтобы он исчез.

Тамлин поклонился принцу и принцессе.

— Добро пожаловать в мой дом. Мы подготовили вам комнаты.

— Мой брат и я должны жить вместе, — сказала принцесса.

Ее голос был обманчиво легкомысленным — почти девчачьим. Ничего, кроме полного отсутствия чувств, совершенной власти.

Я почти могла почувствовать едкое замечание от закипающего Люсьена. Но я спустилась с лестницы и сказала как хозяйка дома, которую эти люди и Тамлин ожидали во мне увидеть:

— Мы с легкостью может внести поправки.

Металлический глаз Люсьена зажужжал и прищурился на меня, но я сохраняла лицо невозмутимым, когда присела в реверансе. Для моих врагов. Кто из моих друзей столкнется с ними на поле боя?

Восстанут ли Кассиан и Азриэль достаточно для того, чтобы сражаться, не говоря уже о поднятии меча? Я не позволила себе заикнуться на этом — на том, как Кассиан кричал, когда его крылья были порваны.

Принцесса Бранна оглядела меня: розовое платье, волосы, накрученные и заплетенные Элис в корону на моей голове, бледно-розовые жемчужины в моих ушах.

Безобидная, милая упаковка, идеальная для Высшего Лорда, которую можно поместить куда угодно по своему желанию.

Бранна поджала губы, взглянув на своего брата. Принц считал так же, судя по его ответной усмешке.

— Если вы закончили разглядывать её, то, возможно, мы могли бы перейти к делу, — мягко прорычал Тамлин в предупреждении.

Юриан издал низкий смешок и пошел по лестнице без нашего приглашения.

— Им любопытно, — Люсьен застыл от наглости его действий, слов. — Не в каждое столетие случается так, что из-за оспаривания владения женщиной начинается война. Особенно из-за женщины с такими... талантами.

Я лишь развернулась на каблуках и начала подниматься за ним.

— Возможно, если бы ты не беспокоился о войне больше, чем о Мириам, то она не ушла бы к Принцу Дрейкону.

Казалось, Юриана пробил дрожь. Тамлин и Люсьен напряглись за моей спиной, разрываясь между наблюдением за нашей перебранкой и сопровождением двух членом королевской семьи Хайберна в дом. Причиной моего поведения было то, что Азриэль и его сеть шпионов хорошо поработали, очищая дом от ненужных слуг, избавляясь от шпионящих ушей и глаз. Остались лишь те, кому мы больше доверяли.

Конечно же, я забыла упомянуть, что я знала, что Азриэль оставил здесь своих шпионов неделями назад, информация, не стоящая их жизнью. Или что они служили *моим* целям, чтобы меньшее количество людей наблюдали за мной.

Юриан остановился на вершине лестницы, его лицо — маска безжалостной смерти, когда я сделала последние шаги к нему.

— Осторожнее со словами, девочка.

— Или что? Ты бросишь меня в Котел? — улыбнулась я, проходя мимо.

Я прошла через главный вход, обходя стол в центре пустого зала, ваза на нем доставала

до хрустальной люстры своей башней из цветов.

Прямо здесь — в паре шагах отсюда, я завернулась в шар ужаса и отчаяния все эти месяцы назад. Прямо здесь, в центре фойе, Мор забрала меня и вынесла из этого дома на свободу.

— Первое правило вашего пребывания здесь, — сказала я Юриану через плечо, направляясь в обеденный зал, где нас ждал обед. — Не угрожай мне в моем собственном доме.

Как я узнала мгновением позже, мое позерство подействовало.

Не на Юриана, который злобно смотрел на меня, садясь за стол.

Но на Тамлина, который провел костяшками руки по моей щеке, проходя мимо, не подозревая о том, с какой тщательностью я подбирала слова, как я использовала Юриана как наживку, чтобы получить возможность показать себя во всей красе.

Это был мой первый шаг: заставить Тамлина верить, искренне верить, что я люблю его и это место, и всех, кто здесь находился.

Так, чтобы он ничего не заподозрил, когда я настрою их друг против друга.

Принц Дагдан исполнял каждое желание и приказ своего близнеца. Как если бы он был клинком, которым она владела, чтобы прорезаться через мир.

Он наливал ей напитки, предварительно нюхая их. Он выбирал лучшие куски мяса из блюд и аккуратно клал их на ее тарелку. Он всегда давал ей отвечать, и никогда не смотрел на нее с сомнением в глазах.

Одна душа на два тела. И то, как они смотрели друг на друга, будто в безмолвном разговоре, навел меня на мысль о том, что они были... возможно, они были как я. Даэмати.

Мои мысленные щиты были как стена из черного адаманта с момента их прибытия. Но во время трапезы, тишина тянулась дольше, чем беседа, и я проверяла его снова и снова.

— Мы отправимся к стене завтра, — сказала Бранна Тамлину. Больше приказ, чем предложение. — Юриан будет сопровождать нас. Нам понадобятся дозорные, хорошо знающие расположение дыр в ней.

Мысль о том, что они будут так близко от людских земель... Но моих сестер там нет. Нет, мои сестры сейчас где-то на огромной территории моего двора, защищенные моими друзьями. Даже если мой отец может вернуться домой из своей деловой поездки на континент в течение одного-двух месяцев. Я все еще не представляла, как смогу рассказать ему.

— Люсьен и я можем сопровождать вас, — предложила я.

Тамлин повернул голову в мою сторону. Я ожидала отказ, запрет.

Но, кажется, Высший Лорд выучил свой урок, действительно был готов попробовать, когда просто указал на Люсьена.

— Мой эмиссар знает Стену не хуже любого дозорного.

Ты дашь им сделать это; ты действительно позволишь им уничтожить стену и начать охоту на людей по другую сторону. Слова вертелись и шипели в моем рту.

Но я заставила себя подарить Тамлину медленный, немного недовольный, кивок. Он знал, что я никогда не была в восторге от этого — девушка, которую он считал вернувшейся к нему, всегда стремилась защитить свою человеческую родину. И все же он думал, что я

выдержу это для него, для нас. Что Хайберн не будет лакомиться людьми после падения стены. Что мы просто поглотим их на нашей территории.

— Отправимся в путь после завтрака, — сказала я принцессе. И добавила для Тамлина:

— С несколькими охранниками, конечно же.

Его плечи расслабились. Интересно, что было бы, услышь он, как я защищала Веларис. Что я защищала Радугу против легиона существ, как Аттор. Что я убила Аттора, жестоко, зверски, за то, что он сделал мне.

Юриан оглядел Люсьена с бесхитростью воина.

— Мне всегда было любопытно, кто сделал этот глаз после того, как она вырвала его.

Мы не говорим об Амаранте здесь. Мы никогда не одобряем ее присутствие здесь. И это душило меня все те месяцы после возвращения из Подгорья, попытки засунуть боль и страх поглубже в себя убивали меня день за днем.

На мгновение, я сравнивала, кем я была и кем я должна быть сейчас. Медленное исцеление — превращение в девушку, которую Тамлин кормил, защищал и любил, прежде чем Амаранта свернула мне шею после трех месяцев пыток.

Так что я сдвинулась в своем стуле. Изучая стол.

Люсьен лишь послал тяжелый взгляд Юриану, когда два члена королевской семьи Хайберна наблюдали за происходящим с ничего не выражающими лицами.

— У меня есть давний друг в Дневном Дворе. Она умелая мастерица — смешивает магию и механику. Тамлин сильно рисковал, заставляя ее сделать его.

Злобная улыбка от Юриана.

— Значит ли это, что у твоего маленького мейта есть соперница?

— Мой мейт — не твое дело.

Юриан пожал плечами.

— Так же, как и не твое, учитывая, что ее уже трахнула половина иллирийской армии.

Я была уверена, что лишь века тренировок держали Люсьена от перепрыгивания через стол и вырывания глотки Юриана.

Но это Тамлин зарычал, сотрясая стекло.

— Тебе лучше начать вести себя подобающе гостю, или будешь спать в стойле вместе с остальным зверьем.

Юриан лишь отпил свое вино.

— Почему я наказан за констатирование правды? Никто из вас не был на Войне, когда мои войска были союзниками с иллирийским отродьем. — Косой взгляд на двух королевских особей. — Полагаю, вам двоим понравилось бы сражаться с ними.

— Мы храним крылья их генералов и лордов как трофеи, — сказал Дагдан с небольшой улыбкой.

Я приложила все свои силы, чтобы не посмотреть на Тамлина. Не потребовать месторасположение двух пар крыльев, которые его отец сохранил как трофеи, после того, как убил мать и сестру Рисанда.

Повесил в кабинете, как сказал Рис.

Но я не обнаружила и следа, когда пошла искать их после возвращения сюда, изображая исследование дома от абсолютной скуки в дождливый день. В подвалах тоже ничего не было. Ни чемоданов, ни ящиков, ник закрытых комнат, в которых могли бы быть эти крылья.

Два куска жареной ягнатины, которые я заставила себя съесть, теперь стали поперек горла. Но, по крайней мере, любой намек на отвращение был справедливой реакцией на то, о

чем говорил принц.

Юриан в самом деле улыбался, разрезая свою ягнятину на мелкие кусочки.

— Ты знала, что мы сражались вместе, не так ли? Я и твой Высший Лорд. Держали оборону против Лоялистов, сражались бок о бок, пока запекавшаяся кровь не достигла наших голеней.

— Он не её Высший Лорд, — сказал Тамлин с нервной мягкостью.

Юриан лишь промурлыкал мне:

— Он должен был рассказать тебе, где прячет Мириам и Дрейкона.

— Они мертвы, — сказала я решительно.

— Котел говорит совсем другое.

Холодный страх закрался в мои внутренности. Он уже пробовал это однажды — пробовал воскресить Мириам. И узнал, что ее нет среди мертвых.

— Мне говорили, что они мертвы, — сказала я опять, пытаюсь выглядеть скучающей, раздраженной.

Я взяла кусочек ягнятины, такой безвкусной в сравнении с богатством специй Велариса.

— Я думаю, что у тебя есть дела важнее, Юриан, чем одержимость возлюбленной, бросившей тебя.

Его глаза заблестели, яркость пяти веков безумия, когда он насадил кусок мяса на вилку.

— Они говорят, что ты трахала Рисанда, прежде чем бросила своего возлюбленного.

— Этого достаточно, — прорычал Тамлин.

Но затем я почувствовала это. Давление на мое сознание. Увидела их план, ясный и простой: управлять нами, разрушать нас, пока те притихшие королевские особи будут проникать в наши сознания.

Мое было защищено. Но Люсьен — Тамлин —

Я раскинула свою поцелованную ночью силу как сеть. И нашла два жирных щупальца, пронзающие умы Люсьена и Тамлина, будто они на самом деле были дротиками, брошенными через стол.

Я ударила. Дагдан и Бранна вздрогнули на своих стульях, как если бы я нанесла физический удар, пока их сила врезалась в щит из черного адаманта, который я вознесла вокруг сознаний Люсьена и Тамлина.

Они стрельнули своими темными глазами по мне. Я внимательно посмотрела на них.

— Что-то не так? — спросил Тамлин, и я осознала, как тихо стало.

Я разыграла хорошее представление, когда нахмурила лоб в замешательстве.

— Ничего, — и подарила сладкую улыбку близнецам. — Их Высочества, должно быть, устали после такого долгого путешествия.

Для верности я рванулась на их сознания, и нашла там стену из белых костей.

Они вздрогнули, когда я провела черными когтями по их ментальным щитам, оставляя глубокие борозды.

Предупреждающий удар стоил мне низкой пульсирующей головной боли, зародившейся в висках. Но я лишь ковырялась в своей еде, игнорируя подмигивание Юриана.

До конца трапезы никто больше не заговорил.

ГЛАВА 3

Весенний лес замолчал, когда мы проезжали мимо растущих деревьев, птиц и

маленьких меховых зверьков, которые попрыгали в норы задолго до того, как мы добрались сюда.

Не из-за меня, или Люсьена, или троих охранников, сопровождающих нас на вежливой дистанции. Но из-за Юриана и двух командиров Хайберна, которые ехали в центре нашей группы. Как если бы они были так же ужасны, как Богги или нага.

Мы достигли стены без происшествий, или попыток Юриана отвлечь нас. Я не спала большую часть ночи, разбрасывая свое сознание по поместью, ища любые намеки на то, что Дагдан и Бранна используют свою силу даэмати на ком-либо. К счастью, способность разрушать проклятья, которую я унаследовала от Гелиона Заклинателя, Высшего Лорда Дневного Двора, не выявила ни ловушек, ни заклинаний, кроме защиты вокруг дома, не позволяющей никому рассеиваться.

Тамлин был напряжен во время завтрака, но не просил меня остаться в стороне. Я даже зашла столь далеко, чтобы подразнить его вопросом, все ли в порядке — на который он лишь ответил, что у него болит голова. Люсьен похлопал его по плечу и пообещал присматривать за мной. Я чуть не рассмеялась.

Но теперь мне было не до смеха, когда стена пульсировала и трепетала, тяжелое страшное присутствие, маячившее на полмили отсюда. Близко, хотя... Даже наши лошади были напуганы, трясли головами и били копытами по мшистой земле, когда мы привязали их к низко висящим цветущим ветвям кизилов.

— Дыра в стене прямо здесь, — сказал Люсьен, звуча столь же взволнованно, сколь я ощущала себя в такой компании.

Перешагнув через упавшие розовые цветы, Дагдан и Бранна зашагали рядом с ним, а Юриан ушел, чтобы исследовать местность, оставив охранников с нашей ношей.

Я пошла с Люсьеном и близнецами, держась на небольшом расстоянии позади. Я знала, что моя элегантная, прекрасная одежда не введет принца и принцессу в заблуждение, что другая даэмати сейчас находится за их спинами. Но я все еще тщательно выбирала наряд: вышитый сапфирами жакет и коричневые штаны — украшенные лишь инкрустированным ножом и поясом, который Люсьен когда-то подарил мне. Как будто целая жизнь прошла с тех пор.

— Кто прорвал стену здесь? — спросила Бранна, осматривая дыру, которую мы не видели — нет, стена была полностью невидимой — но чувствовали, как если бы воздух был высосан в определенном месте.

— Мы не знаем, — ответил Люсьен, на его желтовато-коричневой куртке блестела от солнечного света золотая нить, когда он скрестил руки. — Некоторые дыры просто появлялись на протяжении столетий. Эта дыра широка достаточно, чтобы кто-то один прошел сквозь нее.

Близнецы переглянулись. Я вышла вперед, изучая дыру и стену вокруг нее, и все мои инстинкты кричали о ее... *неправильности*.

— Я через нее проходила — в тот первый раз.

Люсьен кивнул, а двое других подняли брови. Но я шагнула к Люсьену, чуть не коснувшись его руки своей, делая его барьером между нами. Этим утром за завтраком они были более осторожны в давлении на мой ментальный щит. Но даже сейчас, позволив им думать, что физически я напугана ими... Бранна смотрела, как близко я стояла к Люсьену; как он тоже слегка придвинулся ко мне, защищая.

Небольшая холодная улыбка заиграла на ее губах.

— Сколько всего дыр в стене?

— На нашей границе мы насчитали три, — коротко сказал Люсьен. — Плюс еще одна на побережье — примерно в миле отсюда.

Я не позволила своей холодной маске дрогнуть, когда он выдал эту информацию.

Но Бранна покачала головой, ее темные волосы впитывали солнечный свет.

— Вход с моря бесполезен. Мы должны сломать ее на земле.

— На континенте должны быть еще дыры.

— Их королевы еще меньше держатся за своих людей, чем вы, — сказал Дагдан. Я проглотила эту драгоценную информацию, изучая ее.

— Тогда мы оставим вас, чтобы вы могли изучить ее, — сказала я, махнув рукой в направлении дыры. — Когда вы закончите, отправимся к следующей.

— Она в двух днях пути отсюда, — возразил Люсьен.

— Тогда мы спланируем поездку туда, — просто сказала я.

Прежде чем Люсьен смог возразить, я спросила:

— И где же третья дыра?

Люсьен постукивал ногой по мшистой земле, но сказал:

— В двух днях пути в противоположном направлении.

Я повернулась к близнецам, выгибая бровь.

— Вы двое можете рассеиваться?

Бранна покраснела, выпрямившись. Но Дагдан признался:

— Я могу.

Он, должно быть, принес Браннэ и Юриана, когда они прибыли.

— Только на пару миль, если буду нести других, — добавил он.

Я лишь кивнула и направилась к клубку веток цветущего кизила, Люсьен следовал за мной. Когда вокруг нас были лишь розовые цветы и капли солнечного света, проглядывающих сквозь переплетения ветвей, когда близнецы были поглощены изучением стены, вне поля зрения и слуха, я села на гладкий чистый камень.

Люсьен присел рядом у дерева, закинув одну ногу на другую.

— Что бы ты ни планировала, мы окажемся в дерьме по колена.

— Я ничего не планирую.

Я подобрала упавший розовый цветок и завертела его в пальцах.

Золотой глаз прищурился, слегка щелкнув.

— Что ты вообще видишь с этой штукой?

Он не ответил.

Я бросила цветок на мох между нами.

— Не доверяешь мне? После всего, что мы пережили?

Он нахмурился, глядя на брошенный цветок, но все еще молчал.

Я занялась просмотром своей сумки, пока не нашла бутылку воды.

— Если бы ты жил во время Войны, — спросила я его, делая глоток, — ты бы сражался на их стороне? Или на стороне людей?

— Я был бы частью союза людей и Фэ.

— Даже если бы твой отец не был?

— Особенно, если бы мой отец не был.

Но Берон состоял в этом альянсе, если я правильно помню свои занятия с Рисом месяцы

назад.

— И вот ты здесь, готов идти за Хайберном.

— Я сделал это из-за тебя, ты же знаешь. — Холодные, суровые слова. — Я пошел с ним, чтобы вернуть тебя обратно.

— Никогда не осознавала, как может мотивировать вина.

— В тот день, когда ты... ушла отсюда, — сказал он, пытаясь избежать слова *покинула*. — Я заставил Тамлина вернуться в поместье — получив сообщение, мы были на границе и помчались сюда. Но единственным твоим следом было кольцо, расплавленный металл на камнях в гостиной. Я избавился от него мгновением раньше, чем Тамлин, вернувшись домой, смог увидеть его.

Исследующее, осторожное заявление. Фактов, не подтверждающих похищение.

— Они расплавили его на моем пальце, — солгала я.

Его горло сжалось, но он лишь покачал головой, солнечный свет, пробивающийся сквозь лесной навес, замерцал на его красно-рыжих волосах.

Мы просидели в тишине несколько минут. Судя по шороху и бормотанию, близнецы уже заканчивали, и я вся подобралась, высчитывая слова, которые могу сказать без подозрений.

— Спасибо. За то, что пошел в Хайберн за мной, — сказала я тихо.

Он потянулся ко мху, сжав челюсть.

— Эта была ловушка. То, что я думал, должно было произойти... все не должно было обернуться таким образом.

Я приложила усилия, чтобы не оскалиться. Но я подошла к нему, останавливаясь возле него напротив широко ствола дерева.

— Эта ситуация ужасна, — сказала я, и это было правдой.

Низкое фырканье.

Я ударила своим коленом о его.

— Не становись игрушкой Юриана. Он делает это, чтобы найти наши слабости.

— Я знаю.

Я повернулась лицом к нему, касаясь своим коленом его в тихом требовании.

— Почему? — спросила я. — *Почему* Хайберн делает это, помимо ужасающего стремления к завоеваниям? Что движет им — его людьми? Ненависть? Надменность?

Люсьен наконец посмотрел на меня, замысловатые фигурки и резьба на металлическом глазу хорошо просматривались с такого близкого расстояния.

— Ты...

Бранна и Дагдан пробирались через кусты и нахмурились, увидев нас сидящими здесь.

Но это Юриан — шел за ними по пятам, как если он рассказывал детали своего осмотра местности, — кто улыбнулся при виде нас, сидящими колено к колену и почти нос к носу.

— Осторожнее, Люсьен, — ухмыльнулся воин. — Ты видел, что происходит с мужчинами, трогаящими принадлежащее Высшему Лорду.

Люсьен зарычал, но я стрельнула по нему предупреждающим взглядом.

Вот и подтверждение, сказала я самой себе.

И, несмотря на Юриана, несмотря на ухмыляющихся принца и принцессу, уголок рта Люсьена дернулся вверх.

Когда мы вернулись, Ианфе ждала нас у конюшни.

Она воплотила свое грандиозное появление, когда во время завтрака как бы случайно зашла в обеденную залу, а солнце уже пускало лучи чистого золота сквозь окна.

Я не сомневалась, что она спланировала время появления, так же как спланировала остановку в одном из таких лучей, повернувшись так, чтобы ее волосы пылали, и украшение на макушке ее головы загорелось голубым огнем. Я бы назвала эту картину *Образец Благочестия*.

После того, как была кратко представлена Тамлином, она в основном ворковала Юриану — который лишь хмурился на нее, словно на жужжащее насекомое у уха.

Дагдан и Бранна слушали ее, нахмурившись, с такой скукой, что я заинтересовалась, возможно ли, что им нравилось только общество друг друга. В любом порочном объеме. Ни капли интереса в сторону красавицы, которую обычно разглядывали как мужчины, так и женщины. Возможно, любое физическое влечение исчезло вместе с их душами давным-давно.

Так члены королевской семьи Хайберна и Юриан терпели Ианфе около минуты, прежде чем сочли свою еду более интересной. Что, несомненно, объясняет, почему она решила встретиться нас здесь, ожидая нашего возвращения, когда мы въехали во двор.

Я впервые за долгие месяцы ехала на лошади, так что была довольно неуклюжей, когда наша группа спешила. Я послала Люсьену едва уловимый умоляющий взгляд, и он почти не скрывал ухмылку, когда подошел ко мне.

Наша компания наблюдала, как он крепко взял меня за талию и с легкостью снял меня с лошади, пока Ианфе пристально следила за нами.

Я лишь похлопала Люсьену по плечу в благодарность. Будто придворный, он поклонился.

Иногда было сложно помнить ненавидеть его. Помнить, что игра уже началась.

— Надеюсь, ваше путешествие было успешным, — пропела Ианфе.

Я указала подбородком на близнецов:

— Они выглядят удовлетворенными.

В самом деле, что бы там они не искали, они нашли это удовлетворительным. Я не осмелилась задавать слишком много любопытствующих вопросов. Еще рано.

— Благодарю Котел за это, — склонила голову Ианфе.

— Что ты хочешь, — слишком ровно сказал Люсьен.

Она нахмурилась, но подняла голову, сложив руки перед собой, и сказала:

— Мы устроим вечеринку в честь наших гостей — и совместим ее с Летним Солнцестоянием через пару дней. Я хочу обсудить это с Фейрой. — Двумерная улыбка. — Если у тебя нет возражений.

— У него их нет, — ответила я, прежде чем Люсьен успел возразить что-либо. — Дай мне час на еду и переодевание, и я встречу с тобой в кабинете.

Тон, возможно, более напористый, чем был у меня когда-то, но она кивнула. Я переплела свой локоть с локтем Люсьена и отвела его в сторону.

— Скоро увидимся, — сказала я ей, и почувствовала ее взгляд на нас, когда мы уходили от затененных конюшен в яркий дневной свет.

Он был напряжен, почти дрожал.

— Что между вами произошло? — прошипела я, когда мы затерялись среди живых изгородей и гравийных дорожек в саду.

— Не стоит это повторять.

— Когда я... была забрана, — я рисковала, почти запнулась на слове, почти сказала *ушла*. — Она и Тамлин...

Это не было притворством, когда мое нутро сжалось.

— Нет, — сказал он хрипло. — Нет. Когда наступил Каланмэй, он отказался. Он решительно отказался от участия. Я заменил его в Обряде, но...

Я и забыла. Забыла про Каланмэй и Обряд. Я мысленно подсчитала дни.

Не удивительно, что я забыла. Я была в домике в горах. Тогда Рис потерялся во мне. Пожалуй, мы создавали собственную магию в ту ночь.

Но Люсьен...

— Ты взял Ианфе в ту пещеру на Каланмэй?

Он не встретился со мной взглядом.

— Она настояла. Тамлин был... Все было плохо, Фейра. Я занял его место, и выполнил свой долг этому двору. Я пошел по собственной воле. И я совершил Обряд.

Не удивительно, что она отступала перед ним. Она получила, что хотела.

— Пожалуйста, не рассказывай Элейн, — сказал он. — Когда мы... когда мы найдем ее вновь, — поправил он.

Хоть он и совершил Великий Обряд с Ианфе по собственной воле, ему это точно не понравилось. Какая-то граница размылась — и это очень плохо.

И мое сердце немного сдвинулось в груди, когда я сказала ему без всяких уловок:

— Я никому не расскажу, если только ты сам не попросишь. — Инкрустированный нож и пояс, кажется, потяжелели. — Хотела бы я остановить это. Я должна была быть здесь, чтобы остановить это. — И подразумевала каждое слово.

Люсьен сжал наши переплетенные руки, когда мы обошли изгородь и вышли к дому.

— Ты мне больше друг, Фейра, — сказал он тихо, — чем я когда-либо был для тебя.

Элис нахмурилась, глядя на два платья, висящих на двери шкафа, ее длинные коричневые пальцы гладили шифон и шелк.

— Я не знаю, сможем ли мы заменить талию, — сказала она, не вглядываясь в меня, сидящую на краю кровати. — Мы вырезали оттуда слишком много, так что осталось не так много ткани, с которой можно было бы поиграть... Тебе срочно нужно заказать новые.

Она повернулась ко мне, бегло осматривая мое тело.

Я знаю, что она видела — то, что ложь и ядовитые улыбки скрыть не могут: я была тощей, когда жила здесь после случившегося с Амарантой. Даже учитывая то, что Рис делал, чтобы навредить мне, я вернула свой потерянный вес, стала мускулистее, и болезненная бледность уступила загорелой коже.

Для женщины, которую месяцами пытали и мучили, я выглядела на удивление хорошо.

Наши взгляды блуждали по комнате, стояла тишина, прерываемая лишь гудением тех немногих оставшихся слуг в коридоре, занятых подготовкой к солнцестоянию завтрашним утром.

Я провела последние два дня, играя роль красивой зверушки, приглашенная на встречи с принцем и принцессой Хайберна главным образом потому, что сохраняла молчание. Они были осторожны, так же, как и мы, уклоняясь от вопросов Тамлина и Люсьена о

передвижениях их армии, их иностранных союзниках — и других союзниках из Прифиана. Встречи не приносили результатов, так как всем, что *они* хотели знать, была информация о наших собственных силах.

И про Ночной Двор.

Я давала Дагдану и Браннэ детали как правдивые, так и лживые, легко переплетая их. Я выдала им иллирийский трактир в горах и степях, но рассказала о сильнейшем клане как о слабейшем; я упомянула об эффективности голубых камней из Хайберна против силы Кассиана и Азриэля, но забыла рассказать с какой легкостью они обходили это. На вопросах, от которых я не могла уклониться, я притворялась потерявшей память или получившей такую сильную травму, что не могу говорить об этом.

Но со всей моей ложью и маневрами, близнецы слишком защищались от раскрытия слишком большого объема информации, которой они владели. И со всеми моими осторожными высказываниями, Элис, кажется, была единственной, кто замечала крошечные несоответствия, которые даже я не могла контролировать.

— Как думаешь, есть ли здесь платья, подходящие к празднику солнцестояния? — повседневный вопрос, чтобы разрядить застоявшуюся тишину. — Розовое и зеленое подходят, но я одевала их уже трижды.

— Тебя никогда не волновали такие вещи, — сказала Элис, прищелкивая языком.

— Я не могу начать думать иначе?

Ее темные глаза прищурились. Но Элис раскрыла двери шкафа, от чего платья закачались, и просмотрела его содержимое.

— Ты можешь одеть этот, — и достала наряд.

Бирюзовые одежды Ночного Двора, выкроенные в стиле Амрен, болтались на ее длинных тонких пальцах. Мое сердце забило быстрее.

— Это... Почему... — слова застревали во мне, большие и скользкие, и я заставила себя замолчать резким рывком своего внутреннего поводка. Я выпрямилась.

— Я не знала, что ты так жестока, Элис.

Фырканье. Она бросила одежду обратно в шкаф.

— Тамлин изорвал два других наряда — упустив этот, потому что он лежал в другом ящике.

Я проверила коридор своей ментальной силой, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Он был расстроен. Я бы хотела, чтобы он уничтожил и этот наряд.

— В тот день я была здесь, ты же знаешь, — сказала Элис, складывая руки на груди. — Я видела, как пришла Морриган. Видела ее проникновение в кокон силы и как она подхватила тебя, словно ребенка. Я умоляла ее забрать тебя.

Мое сглатывание не было притворством.

— Я никогда не рассказывала ему об этом. Никому из них. Я позволила им думать, что тебя похитили. Но ты цеплялась за нее, и она готова была убить всех нас из-за произошедшего.

— Я не понимаю, почему ты так решила, — и затянула края своего шелкового одеяния плотнее.

— Слуги болтают. И в Подгорье я никогда не слышала и не видела, чтобы Рисанд поднимал руку на слуг. Стражников, близких друзей Амаранты, людей, которых ему было приказано убить, да. Но никогда на кротких. Никогда на тех, кто не мог защитить себя.

— Он монстр.

— Они сказали, что ты вернулась другой. Вернулась неправильной, — каркающий смех.

— Я никогда не скажу им, что думаю, что ты вернулась правильной. Наконец-то вернулась правильной.

Передо мной зияла пропасть. Направления — здесь были направления, и мое выживание и положение Прифиана зависело от того, куда я направлюсь.

Я встала с кровати с немного трясущимися руками.

Но затем Элис сказала:

— Моя двоюродная сестра работает в замке в Адриате.

Летний Двор. Элис происходит из Летнего Двора, и бежала сюда со своими племянниками, после того как ее сестра была жестоко убита во время правления Амаранты.

— Слуги в том дворце не должны смотреть и слушать, но они видят и слышат достаточно, когда никто не подозревает об их присутствии.

Она была моим другом. Она помогала мне в Подгорье, сильно рискуя. И была на моей стороне месяцами позже. Но если она подвергнет все опасности —

— Она говорила, что ты там была. И что ты была здорова, смеялась и была счастлива.

— Это было ложью. Он заставил меня так делать. — Колебания в моем голосе не привлекли внимания.

Понимающая кривая улыбка.

— Если ты так говоришь.

— Я *так* говорю.

Элис достала кремово-белое платье.

— Ты никогда не надевала его. Я заказала его, чтобы ты надела его после свадьбы.

Оно не выглядело как платье невесты, но все же было бледным. Чистым. Такое платье, на которое я бы обиделась после возвращения из Подгорья, отчаянно избегая сравнений с моей разрушенной душой. Но теперь... Я видела взгляд Элис, и гадала, какие из моих планов она разгадала.

— Я скажу это лишь раз. Что бы ты ни планировала, умоляю тебя оставить моих мальчиков подальше от этого. Соверши любое возмездие, но, пожалуйста, пощади их.

Я бы никогда — почти сказала я. Но я лишь покачала головой, изогнув брови, совершенно смущенная и огорченная.

— Все, что я хочу, это вернуться к жизни здесь. Исцелиться.

Исцелить земли с распространившейся по ней продажностью и тьмой.

Элис, кажется, тоже поняла это. Она повесила платье на дверь шкафа, взбивая свободные блестящие юбки.

— Надень его на солнцестояние, — сказала она тихо.

Так я и сделала.

ГЛАВА 4

Летнее Солнцестояние было точно таким, каким я помнила: серпантин, ленты и цветочные гирлянды повсюду, бочонки эля и вина выкатывают к подножьям гор, окружающих поместье, Высшие Фэ и низшие фейри стекаются на празднование.

Но если кого раньше и не было, так это Ианфе.

Праздник будет кошунством, заявила она, если сначала мы не раздадим благодарности.

Так что мы все проснулись за два часа до рассвета, с затуманенными глазами, и никто

из нас не слишком старался вытерпеть ее церемонию, когда солнце выглянуло из-за горизонта в самый долгий день года. Интересно, приходится ли Тарквину тоже терпеть такие утомляющие ритуалы в своем сверкающем замке у моря. Любопытно, какие празднования будут проводиться в Адриате сегодня, с Высшим Лордом Лета, который почти стал им другом.

Насколько я знаю, несмотря на перешептывания слуг, Тарквин так и не рассказал Тамлину о визите, который Рис, Амрен и я нанесли ему. Что Летний лорд теперь думает о моих изменившихся обстоятельствах? Я лишь немного надеялась, что Тарквин знает. И я молилась, чтобы он держался в стороне, пока моя работа здесь не будет выполнена.

Элис нашла мне роскошный белый вельветовый плащ для поездки к холмам в прохладную погоду, и Тамлин поднял меня на кобылу лунно-бледного окраса, в ее серебряную гриву вплетены дикие цветы. Если бы я хотела нарисовать картину безмятежной чистоты, то это было бы изображение меня этим утром, мои волосы заплетены вокруг головы, с короной из белых цветов боярышника на ней. Я наложила румяна на щеки и губы — легкий намек на цвет. Как первый багрянец весны на зимнем пейзаже.

Когда наша процессия прибыла к холму, на нем уже собралась толпа, все глаза устремлены на меня. Но я смотрела вперед, туда, где перед простым каменным алтарем, украшенным цветами и первыми фруктами и зерновыми лета, стояла Ианфе. Впервые капюшон ее бледно-голубого одеяния был снят, и теперь серебряный обруч лежал на ее золотистой голове.

Я улыбнулась ей, моя кобыла послушно остановилась у северного края полукруга, сформированного толпой вокруг края холма и алтаря Ианфе, и задалась вопросом, сможет ли Ианфе распознать оскалившегося волка среди нас.

Тамлин помог мне слезть с лошади, серый предрассветный света сиял на золотых нитях его зеленой куртки. Я заставила себя встретиться с ним взглядом, когда он опустил меня на мягкую траву, осознавая, что все смотрят на нас.

Вспоминая сверкнули в его взгляде — в том, как его взгляд опустился на мой рот.

Год назад в этот день он поцеловал меня. Год назад я танцевала среди этих людей, впервые беззаботная и радостная, и я верила, что была счастливее всех на свете.

Я слегка улыбнулась ему и взяла протянутую руку. Вместе мы пошли по траве к каменному алтарю Ианфе, принцу и принцессе Хайберна, Юриану, и Люсьен шел за нами.

Помнил ли Тамлин и другой день, когда я надела другое белое платье, когда цветы так же были повсюду?

Когда мой мейт спас меня, после того как я решила не выходить замуж, какая-то часть меня знала, что это неправильно. Я верила, что не заслуживаю этого, не хотела целую вечность обременять Тамлина кем-то столь сломленным, какой я была в то время. И Рис... Рис позволил мне выйти за него замуж, хотел, чтобы я была счастлива, даже если это убивало его. Но в тот момент, когда я сказала нет... Он спас меня. Помог мне спасти себя.

Я искоса посмотрела на Тамлина.

Но он изучал мою руку, держащую его. Пустой палец, на котором когда-то было кольцо.

Что он сделал из-за этого — куда он думал, кольцо могло исчезнуть, если Люсьен спрятал улики? На мгновение мне стало его жаль.

Жаль не только потому, что Люсьен солгал ему, но еще и Элис. Сколько еще людей скрывали правду о моих страданиях — и пытались избавить *его* от этого?

Видели мои страдания, и не сделали ничего, чтобы помочь *мне*.

Тамлин и я остановились перед алтарем, Ианфе подарила нам безмятежный царственный кивок.

Близнецы встали на ноги, не утруждая себя сокрытием своего нетерпения. Вчера вечером Бранна едва скрывала свои жалобы о солнцестоянии, заявив, что в Хайберне они не утруждали себя такими отвратительными вещами и просто устраивали пир. Подразумевая, что скоро у нас будет так же.

Я проигнорировала принца и принцессу, когда Ианфе подняла руки и сказала в толпу:
— Да благословит солнцестояние нас всех.

Затем началась нескончаемая череда молитв и ритуалов, прекрасные юные последователи помогали ей с наливанием священного вина, с чтением молитв над урожаем на алтаре, с призывом солнца.

Милый отрететированный номер. Люсьен почти заснул рядом со мною.

Но я прошла через эту церемонию вместе с Ианфе, и знала, что произойдет, когда она подняла священное вино и произнесла:

— Поскольку свет сегодня сильнее всего, он изгонит нежеланную тьму. Позволим ему изгнать черные метки зла.

Удар за ударом моему мейту, моему дому. Но я лишь кивала, соглашаясь с ней.

— Не окажут ли принцесса Бранна и принц Дагдан нам честь, испив священное вино?

Толпа заволновалась. Близнецы моргнули, нахмурившись друг на друга.

Но я отошла в сторону, мило улыбаясь и указывая на алтарь.

Они уже раскрыли рты, чтобы отказаться, но Ианфе отказов не принимает.

— Испейте, и станьте из наших союзников нашими друзьями, — заявила она. — Испейте, и отпустим эту нескончаемую ночь.

Два даэмати, скорее всего, проверяли чашу на яд с помощью магии и своих навыков, но я продолжала мягко улыбаться, когда они, наконец, подошли к алтарю и Бранна приняла протянутую ей серебряную чашу.

Каждый из них сделал небольшой глоток, прежде чем отступить на шаг. Но Ианфе зашебетала, настаивая, чтобы они подошли к алтарю с ее стороны, чтобы засвидетельствовать нашу церемонию.

Я убедилась, что она точно знает, какое отвращение они испытывают к ее ритуалам. Как они сделают все, чтобы вытрясти ее склонность руководить людьми, когда придут сюда. Теперь она пыталась склонить их в свою сторону.

Еще молитвы и ритуалы, затем Тамлин был призван к другой стороне алтаря, чтобы зажечь свечу для душ, потухших в прошлом году — и теперь вернуть их в объятия света. И так до тех пор, пока не встало солнце.

Облака начали розоветь позади их.

Юриан так же был призван вперед для прочтения финальной молитвы, которую я попросила Ианфе добавить в честь воинов, которые сражались за нашу безопасность.

И тогда мы с Люсьеном остались одни в круге травы перед алтарем и горизонтом позади нас, толпой позади нас и по бокам.

По принятой им позе и стреляющему взгляду я поняла, что сейчас он думает о молитвах и том, как я работала с Ианфе на церемонии. Как он и я остались на этой стороне линии, когда солнце почти прорвалось в мир, и остальные были отвлечены.

Ианфе шагнула к краю холма, ее золотистые волосы свободно спадали по ее спине, когда она подняла руки к небу. Место было выбрано заранее, точно как и расположение ее

рук.

Она делала такие же жесты на Зимнее Солнцестояние, стоя в помеченном месте, где солнце поднималось между ее поднятых рук, наполняя их светом. Ее последователи незаметно отметили место в траве резным камнем.

Медленно золотой диск солнца прорвался сквозь туманную зелень и синеву горизонта.

Свет наполнял мир, чистый и сильный, стреляя на нас.

Спина Ианфе изогнута, ее тело лишь сосуд для света солнцестояния, и я видела ее лицо, освещенное в праведном экстазе.

Солнце взошло, позолоченная нить эхом прошла по земле.

Толпа начала перешептываться.

Затем вскрикнула.

Не из-за Ианфе.

Но из-за меня.

Из-за меня, сияющей и чистой в белом, начинающей светиться дневным светом, когда путь солнца пролегал прямо через меня.

Никто не удосужился проверить или хотя бы заметить, что камень-метка Ианфе сдвинут на пять футов влево, слишком занятые моим прибытием, чтобы заметить призрачный ветер, пронесшийся по траве.

Ианфе заметила позже всех.

Она повернулась, чтобы увидеть, как сила солнца не наполняет ее, не благословляет ее.

Я освободила силу, которую выпустила в Хайберну, и мое тело раскалилось добела, когда начала светиться. Чистая, как день, чистая, как звездный свет.

— Разрушительница Проклятий, — пробормотал кто-то. — Благословенная, — прошептали другие.

Я приняла удивленный вид, удивленная и все же принимающая выбор Котла. Лицо Тамлина было искажено шоком, близнецы всего лишь озадачены.

Но я повернулась к Люсьену, мой свет ярко отражался в его металлическом глазу. Друг, просящий другого о помощи. Я поднесла к нему руку.

Я могла почувствовать, как Ианфе с трудом сдерживается, пытаюсь найти способ остановить это.

Возможно, Люсьен тоже. Так как он взял мою руку, а затем опустился на колени на траву, прижимая мои пальцы к своему лбу.

Как стебли пшеницы на ветру, остальные тоже упали на колени.

Потому что на всех церемониях и ритуалах жертвоприношения Ианфе никогда не подавала никаких признаков силы или благословенности. Но Фейра Разрушительница Проклятий, которая спасла Прифиан от тирании и тьмы...

Благословенная. Святая. Уничтожающая зло.

Я позволила своему сиянию распространиться, пока оно не перешло и на поклонившегося Люсьена.

Рыцарь перед своей королевой.

Когда я посмотрела на Ианфе и снова улыбнулась, то позволила себе немного побыть волчицей.

По крайней мере, празднование осталось таким же.

Как только шум и трепет иссякли, как только мое свечение исчезло, когда солнце поднялось выше моей головы, мы направились к близлежащим холмам и полям, где те, кто не присутствовал на церемонии, уже услышали о моем маленьком чуде.

Я держалась около Люсьена, который потакал мне, поскольку все, кажется, разрывались между радостью и трепетом, вопросами и заботой.

Следующие шесть часов Ианфе пыталась объяснить, что произошло. Котел благословил её избранного друга, говорила она всем, кто слушал. Солнце изменило свой путь, чтобы показать, какую радость испытывает по случаю моего возвращения.

Только её последователи действительно обращали внимание на ее слова, и то половина из них проявляла лишь незначительный интерес.

Тем не менее, Тамлин был настороженнее всех, как будто это благословение каким-то образом расстроило меня, как будто он вспомнил о таком же свете в Хайберне и не мог понять, почему это так его беспокоило.

Но долг заставил его выражать благодарность и добрые пожелания своим подданным, воинам и меньшим лордам, предоставив мне свободу передвижений. Меня то и дело останавливали воодушевленные Фэ, обожающие меня, и хотели дотронуться до моей руки, немного поплакать возле меня.

Раньше я бы съезжилась и вздрагивала. Теперь я блаженно принимала их благодарности и молитвы, благодаря их, улыбаясь им.

Некоторые из них были искренними. Я не ссорилась с жителями этих земель, пострадавших вместе со всеми остальными. Нет. Но придворные и стражники, ищущие меня... Для них я делала представление. Благословенная Котлом, звали они меня. *Это честь*, просто отвечала я.

Я повторяла эти слова снова и снова, во время завтрака и обеда, пока не вернулась в дом, чтобы освежиться и отдохнуть.

В уединении своей комнаты я поставила свою цветочную корону на стол и слегка улыбнулась вытатуированному глазу на своей правой руке.

Самый длинный день в году, сказала я по связи, посылая картинки всего, что произошло на вершине холма. *Я бы хотела провести его с тобой.*

Ему бы понравилось мое представление — он бы рассмеялся, увидев выражение лица Ианфе.

Я умылась и собиралась снова отправиться к горам, когда голос Рисанда заполнил мой разум.

Было бы честью, сказал он, смех в каждом слове, *провести даже мгновение в компании Фейры Благословенной Котлом.*

Я усмехнулась. Слова были далекие, напряженные. Получай их быстро — я должна была делать это быстро, подвергаясь риску. И больше всего мне нужно было спросить, узнать...

Все в порядке?

Я ждала, считая минуты. *Да. Настолько могут быть. Когда ты придешь домой ко мне?*

Каждое слово тише предыдущего.

Скоро, пообещала я ему. *Хайберн здесь. Скоро я все сделаю.*

Он не отвечал — и я подождала еще несколько минут, прежде чем одеть свою цветочную корону и спуститься по лестнице.

Когда я вышла в украшенный сад, слабый голос Рисанда снова забрался в мою голову. *Я бы тоже хотел провести сегодняшний день с тобой.*

Слова сжалились кулаком на моем сердце, и я стерла их из мыслей, когда вернулась на празднование на холмах, мои шаги тяжелее, чем когда я шла в дом.

Но обед уже убрали и начались танцы.

Я увидела его, ожидающего у края одного из кругов, наблюдающего за каждым моим движением.

Я заскользила между травой, толпой и группой музыкантов, извлекающих столь живую музыку из барабанов, скрипок и труб, когда приблизилась будто застенчивая, нерешительная лань.

Когда-то эти же звуки унесли меня, заставили танцевать без передышки. Теперь же они были как оружие в моем арсенале, когда я остановилась перед Тамлином, опустив ресницы и тихо спросив:

— Ты потанцуешь со мной?

Облегчение, счастье и небольшая тень беспокойства.

— Да, — выдохнул он. — Да, конечно.

Так что я позволила ему повести меня в быстрый танец, вращая и наклоняя меня, люди хлопали и веселились. Танец за танцем, пока пот не начал стекать по моей спине, когда я старалась не отставать, держать улыбку на лице, не забывать смеяться, когда мои руки были так близки к его горлу, что могли бы задушить.

Наконец музыка перетекла во что-то медленное, и Тамлин замедлил темп. Когда другие сочли своих партнеров более интересными, чем мы, он пробормотал:

— Сегодня утром... С тобой все в порядке?

У меня закружилась голова.

— Да. Я... я не знаю, что это было, но да. Ианфе... не впала в безумство?

— Я не знаю. Она видела, как это произошло, но не думаю, что она легко переносит сюрпризы.

— Мне следует извиниться.

Его глаза вспыхнули.

— Зачем? Возможно, это и правду было благословение. Магия до сих пор удивляет *меня*. Если она злится, то это ее проблема.

Я сделала вид, что подумала, прежде чем кивнуть. Прижалась ближе, испытывая отвращение к каждому месту, где наши тела соприкасались. Я не знала, как Рис вытерпел это — терпел Амаранту. На протяжении пяти десятилетий.

— Ты прекрасно выглядишь сегодня, — сказал Тамлин.

— Спасибо, — я заставила себя посмотреть на его лицо. — Люсьен... Люсьен сказал мне, что ты не совершил Обряд на Каланмэй. Что ты отказался.

И позволил Ианфе увести его в ту пещеру.

Он сглотнул.

— Я не смог это вынести.

И все же ты смог вынести заключение сделки с Хайберном, как если бы я была украденной вещью, которую нужно вернуть.

— Возможно, благословение этим утром было не только для меня, — предположила я.

В ответ он лишь погладил мою спину.

Это было всем, что мы сказали на протяжении еще трех танцев, пока голод не привел меня прямо к столам, где теперь был подан ужин. Я позволила ему наполнить мою тарелку, позволила ему обслужить себя, когда мы нашли место под старым искривленным дубом и

наблюдали за танцами и музыкой.

Я почти спросила его, стоило ли оно этого — стоило ли мое возвращение отказа от всего мира. Потому что Хайберн придет сюда, на эти земли. И здесь больше не будет песен и танцев. Не после их прибытия.

Но я молчала, когда солнечный свет погас и наконец настала ночь.

Звезды сверкнули, заявляя о себе, тусклые и маленькие над пылающими кострами.

Я наблюдала за ними еще много часов празднования и могла поклясться, что они составляли мне компанию, мои молчаливые и верные друзья.

ГЛАВА 5

Я вернулась в поместье через два часа после полуночи, слишком усталая, чтобы остаться до рассвета.

Особенно когда заметила, как Тамлин смотрит на меня, вспоминая рассвет в прошлом году, когда он отвел меня и поцеловал при появлении солнца.

Я попросила Люсьена сопроводить меня, и он был более чем счастлив сделать это, учитывая, что теперь его собственный статус мужчины с мейтом сделал его незаинтересованным в женской компании. И учитывая, что Ианфе весь день пыталась загнать его в угол, чтобы узнать, что произошло на церемонии.

Я переделалась в маленькую кружевную ночную рубашку, которую когда-то носила, чтобы порадовать Тамлина, и обрадовалась, что пот стекал с моего тела, и плюхнулась в кровать.

Почти полчаса я ворочалась по простыням, сжимая их.

Аттор. Ткачиха. Моих сестер бросают в Котел. Все они крутились вокруг меня. И я позволила это.

Многие все еще праздновали, когда я вскрикнула, резкий короткий всхлип, из-за которого я спрыгнула с кровати.

Стук моего сердца был в моих венах и костях, когда я открыла дверь, потная и измотанная, и пересекла коридор.

Люсьен ответил на второй стук.

— Я слышал тебя... что-то случилось.

Он осмотрел меня, широко распахнув глаза при виде моих растрепанных волос и потной ночной рубашки.

Я сглотнула, вопрос отразился на моем лице, и он кивнул, отступая в комнату, чтобы дать мне войти. Обнаженный до пояса, он успел вытащить брюки, прежде чем открыть дверь, и поспешно застегнул их, когда я прошла мимо.

Его комната была цвета Осеннего Двора — единственная дань дому, которую он показывал — и я изучила темное пространство, смятые простыни. Он присел на мягкую ручку большого стула у почерневшего камина, наблюдая, как я сжимаю руки в центре малинового ковра.

— Мне снилось это, — прохрипела я. — Подгорье. И когда я просыпаюсь, то не могу вспомнить, где нахожусь, — и подняла свою левую руку без обручального кольца. — Я не могу вспомнить, *в каком времени* нахожусь.

Правда — и наполовину ложь. Мне все еще снились те ужасные дни, но больше они не поглощали меня. Больше я не бегала в ванную посреди ночи, выворачивая внутренности.

— Что тебе снилось этой ночью? — тихо спросил он.

Я встретила его глаза своими, затравленными и мрачными.

— Она прижала меня к стене. Как Клэр Беддор. И Аттор был...

Я вздрогнула и провела руками по лицу.

Люсьен встал и подошел ко мне. Волна страха и боли в моих словах скрыла мой запах, мою силу, когда мои темные ловушки в доме слегка вздрогнули.

Люсьен остановился в полуметре от меня. Он не стал возражать, когда я обняла его шею, уткнувшись лицом в его теплую голую грудь. Это морская вода подарка Тарквина капала с моих глаз, текла по моему лицу и на его золотистую кожу.

Люсьен тяжело вздохнул, обнял меня за талию одной рукой, а второй придерживал мою голову.

— Мне жаль, — пробормотал он. — Прости меня.

Он обнял меня, успокаивающе поглаживая по спине, и я перестала плакать, морская вода высыхала, будто влажный песок на солнце.

Наконец я подняла голову с его скульптурной груди, впиваясь пальцами в твердые мускулы его плеч, заглядывая в его сосредоточенное лицо. Я глубоко вздохнула, нахмутив брови и приоткрыв рот, когда —

— Что происходит.

Люсьен повернул голову к двери.

Тамлин стоял и смотрел, на лице маска холодного спокойствия. Кончики когтей начали сверкать у его пальцев.

Мы оттолкнулись друг от друга слишком быстро, чтобы это выглядело случайностью.

— У меня был кошмар, — объяснила я, поправляя сорочку. — Я... я не хотела будить весь дом.

Тамлин лишь смотрел на Люсьена, который сжал рот в тонкую линию, увидев наполовину вытянутые когти.

— У меня был кошмар, — повторила я немного резко, схватив Тамлина за руку и выводя его из комнаты, прежде чем Люсьен смог открыть рот.

Я закрыла дверь, но все еще чувствовала, что внимание Тамлина сосредоточено на мужчине за ней. Он не втянул свои когти. Но и не вытягивал их еще сильнее.

Я подошла к своей комнате, наблюдая, как Тамлин осматривает коридор. Расстояние между моей дверью и дверью Люсьена.

— Спокойной ночи, — сказала я, закрыв дверь перед лицом Тамлина.

Я подождала пять минут, за которые Тамлин все же решил не убивать Люсьена, и улыбнулась.

Интересно, догадался ли Люсьен? Что я знала, что сегодня ночью Тамлин придет в мою комнату, после всех моих застенчивых прикосновений и взглядов сегодня. Что я надела свою самую нескромную сорочку не из-за жары, но для того, чтобы я сыграла свою роль, когда мои невидимые ловушки в доме сообщат, что Тамлин все же набрался смелости прийти в мою спальню.

Фальшивый кошмар, который подтверждали мои измятые простыни. Я оставила дверь Люсьена приоткрытой, а он был слишком озабочен тем, почему я действительно была там, чтобы заметить, что дверь открыта, или обнаружить щит твердого воздуха, которым я окружила комнату, чтобы он не услышал или не учуял запах Тамлина, когда он пришел.

Пока Тамлин не увидел нас там с переплетенными телами, моя сорочка сползла, а мы смотрели друг на друга так напряженно, были так переполнены эмоциями, что даже

скажешь, начинали мы или заканчивали. Что мы даже не заметили Тамлина, пока он не появился там, — и тот невидимый щит исчез, прежде чем он смог почувствовать его.

Кошмар, сказала я Тамлину.

Я была кошмаром.

Воскрешая все то, чего Тамлин опасался с моего появления здесь.

Я не забыла ту давнюю битву, которую он устроил с Люсьеном. Как он предупредил его о прекращении флирта со мной. Чтобы держался подальше. Страх, что я выберу рыженького лорда, а не его, и что поставлю под угрозу все его планы. *Убирайся*, сказал он Люсьену.

Без сомнения, теперь Тамлин пересматривал каждый взгляд и разговор. Каждый раз, когда Люсьен стоял на моей стороне, как до Подгорья, так и после. Взвешивал, как сильно новоприобретённая связь мейтов с Элейн повлияла на его друга.

Принимая во внимание, как сегодня утром Люсьен опустился на колени передо мной, присягнув в верности новорожденному божеству, как если бы мы оба были благословлены Котлом.

Я позволила себе еще немного поулыбаться, прежде чем переодеться.

Теперь работы станет больше.

ГЛАВА 6

Ключи от ворот усадьбы были утеряны.

Но после инцидента прошлой ночи Тамлин, казалось, не волновался об этом.

Завтрак прошел в тишине, принц и принцесса Хайберна были сердиты, что ожидают так долго поездки ко второй щели в стене, и впервые Юриан был слишком усталым, чтобы делать что-то кроме поглощения мяса и яиц.

Кажется, Тамлин и Люсьен поговорили до завтрака, но последний держался на приличной дистанции от меня. Как будто все, что нужно для убеждения Тамлина в нашей невиновности — не смотреть друг на друга и не разговаривать.

Я открыто спрашивала у Юриана, не украл ли он ключи у какого-то стражника, потерявшего их, но молчание принесло долгожданную передышку.

Пока не вбежала Ианфе, тщательно избегая признания меня, как будто я была сияющим солнцем, украденным у нее.

— Извините, что прерываю вашу трапезу, но нам нужно поговорить, Высший Лорд, — сказала Ианфе, бледное одеяние кружилось у ее ног, когда она остановилась на полпути к столу.

Все сразу оживились.

Тамлин, задумчивый и обозленный, потребовал:

— О чем?

Она разыграла сцену осознания того, что здесь присутствуют близнецы. Слушают. Я старалась не фыркнуть, когда она нервно смотрела то на них, то на Тамлина. Следующие ее слова не были сюрпризом.

— Возможно, мы должны дождаться окончания трапезы. Когда ты будешь один.

Без сомнения, игра во власть, напоминание им, что она, по факту, имеет здесь влияние — с Тамлином. Так что Хайберн тоже должен сохранять с ней хорошие отношения, учитывая *информацию*, которой она располагает. Но я была достаточно жестока, чтобы сладко сказать:

— Если мы доверяем нашим союзникам из Хайберна настолько, что идем с ними на

войну, то можем доверять тайны. Продолжай, Ианфе.

Она даже не могла посмотреть в мою сторону. Но сейчас, оказавшись между откровенным оскорблением и вежливостью... Тамлин взвесил нас против позерства Ианфе и сказал:

— Давайте послушаем.

Ее белое горло дрогнуло.

— Это... Мои последователи обнаружили, что земля вокруг моего храма... умирает.

Юриан закатил глаза и вернулся к своему бекону.

— Тогда сообщи садовникам, — сказала Бранна, возвращаясь к своей еде.

Дагдан хихикнул в свою чашку чая.

— Садоводство это не решит, — выпрямилась Ианфе. — Это отравление земли. Трава, корни, бутоны цветов — все это сморщилось и заболело. И воняет нагами.

Было пыткой не взглянуть на Люсьена — увидеть, заметил ли он тоже слишком яркий блеск в ее глазах. Даже Тамлин вздохнул, как будто увидел все, как оно есть: попытка вернуть свою утраченную позицию, возможно отравить землю, а затем чудесным образом исцелить её.

— В лесу тоже есть места, где все погибло и не возрождается, — продолжила Ианфе, прижимая украшенную серебром руку к груди. — Боюсь, что это предупреждение о присутствии наг — и их планируемой атаке.

О, я её сильно задела. Мне было любопытно, что же она сделает после вчерашнего солнцестояния, после того, как я украла ее момент и силу. Но это... Умно.

Я спрятала ухмылку и мягко сказала:

— И все же, Ианфе, это дело садовников.

Она повернулась, наконец, лицом ко мне. *Ты думаешь, что играешь в игру, хотелось мне сказать ей, но ты даже не представляешь, что это я подтолкнула тебя ко всем тем выборам, что ты совершила прошлой ночью и этим утром.*

Я дернула подбородком в сторону близнецов, затем в сторону Люсьена.

— Мы отправимся осматривать стену в полдень, но если проблема не решится, когда мы вернемся через несколько дней, то я помогу тебе с этим.

Ее пальцы в серебряных кольцах сжались в кулаки. Но, как настоящая гадюка, какой она и была, Ианфе сказала Тамлину:

— Ты присоединишься к ним, Высший Лорд?

Она посмотрела на меня и Люсьена — взгляд слишком долгий, чтобы быть случайным.

Слабая низкая головная боль уже сформировалась в моей голове, усугубляясь с каждым словом, вылетающим с ее рта. Я вставала слишком поздно, слишком мало спала — и мне нужны были силы на предстоящие дни.

— Он не поедет, — сказала я, пресекая Тамлина, прежде чем он успел ответить.

Он положил на стол свои приборы.

— А я думаю, что поеду.

— Меня не нужно сопровождать, — пусть эти слова добьют его.

Юриан фыркнул.

— Сомневаешься в наших благих намерениях, Высший Лорд?

— Осторожнее, — огрызнулся Тамлин.

Я опустила руку на стол.

— Я буду в порядке с Люсьеном и парой стражников.

Люсьен, похоже, хотел погрузиться в свое кресло и исчезнуть навсегда.

Я посмотрела на Дагдана и Браннэ, и немного улыбнулась.

— Я могу защитить себя, раз уж на то пошло, — сказала я Тамлину.

Даэмати улыбнулись мне в ответ. Я не ощущала прикосновения к своему мысленному барьеру, или к тому, которым я окружила стольких людей здесь, скольких смогла. Постоянное использование силы сказывалось на мне — пребывание вдали от этого места в течение четырех или пяти дней станет долгожданным облегчением.

Тем более что Ианфе пробормотала Тамлину:

— Возможно, мой друг, тебе *стоит* пойти.

Я ждала — ждала еще какой-нибудь ерунды от этого пухлого рта —

— Никогда не знаешь, когда Ночной Двор попытается похитить её.

Я моргнула, решая, как отреагировать. Сделав выбор в пользу откидывания на стул, втягивания плеч, вытаскивая воспоминания о Клэр, о Рисе с ясеневыми стрелами в крыльях — любой способ выгнать свой запах страха.

— У тебя есть новости? — прошептала я.

Бранна и Дагдан выглядели *очень* заинтересованными.

Жрица открыла рот, но Юриан прервал её и сказал:

— Нет никаких новостей. Их границы защищены. Рисанд будет дураком, испытывая удачу, если сунется сюда.

Я уставилась на свою тарелку, олицетворяя склоненный ужас.

— Дураком, да, — возразила Ианфе, — но еще есть кровная месть.

Она посмотрела на Тамлина, утреннее солнце ухватилось за ее украшение на голове.

— Возможно, если бы ты вернул ему крылья его семьи, он бы... успокоился.

На мгновение тишина поглотила меня.

А за ней последовала волна рева, которая заглушала почти все мысли, все инстинкты самосохранения. Я едва могла слышать сквозь рев в своей крови и костях.

Но эти слова, предложение... Дешевая попытка загнать меня в ловушку. Я притворилась, что не услышала, что это меня не взволновало. Даже если ждала ответа Тамлина.

Когда Тамлин ответил, его голос был низким.

— Я сжег их очень давно.

Я могла поклясться, что в его словах было что-то вроде раскаяния — раскаяния и стыда.

Ианфе лишь выразила неодобрение.

— Очень жаль. Он мог бы щедро заплатить за них.

Мои конечности уже болели от усилий не прыгнуть через стол, чтобы разбить ее голову о мраморный пол.

Но я сказала Тамлину, успокаивающе и нежно:

— Я буду в порядке.

Я коснулась его руки, глядя большим пальцем его ладонь. Удерживая его взгляд.

— Давай не будем опять идти по этому пути.

Когда я отстранилась, Тамлин лишь взглянул на Люсьена, и все следы вины исчезли. Его когти свободно выскользнули, погрузившись в рубчатую древесину его кресла.

— Будь осторожен.

Никто из нас даже не притворялся, что это была не угроза.

Это была двухдневная поездка, но мы взяли запасы лишь на день, чтобы добраться туда сначала рассеясь, затем пройдясь пешком, а потом опять рассеясь. Мы могли перемещаться на несколько миль за раз, но Дагдан был медленнее, чем я ожидала, учитывая, что он должен был нести свою сестру и Юриана.

Я не винила его за это. Когда каждый из нас нес другого, утечка сил была значительной. Мы с Люсьеном переносили стражников, сыновей младших лордов, которые были обучены вежливости и бдительности. В результате запасы были ограничены. Включая палатки.

Когда мы добрались до щели в стене, начало темнеть.

Те немногие припасы, которые мы взяли, также обременяли наше рассеивание через мир, и я позволила стражникам установить палатки для нас, как леди, которой прислуживают. Наш ужин вокруг небольшого костра был тихим, никто из нас не хотел говорить, за исключением Юриана, который бесконечно расспрашивал стражников об их обучении. Близнецы ушли в свою палатку, забрав с собой мясные бутерброды из наших припасов, нахмурившись, будто они кишели личинками, а Юриан вскоре ушел в лес, заявив, что хочет прогуляться, прежде чем пойдет спать.

Я зашла в холщовую палатку, когда огонь погас, места едва хватало для того, чтобы мы с Люсьеном могли спать плечом к плечу.

Мгновением позже он просунулся через вход и выругался, а его рыжие волосы блестели в свете слабых огней.

— Может быть мне лучше поспать снаружи.

Я закатила глаза.

— Я тебя умоляю.

Он проявил осторожность, учитывая, как он опустился на колени и снял сапоги.

— Ты же знаешь, что Тамлин может быть... чувствительным к некоторым вещам.

— А еще он может быть занозой в моей заднице, — отрезала я и скользнула под одеяла. — Когда ты уступаешь ему при каждой паранойе, то делаешь только хуже.

Люсьен расстегнул свой пиджак, но в основном остался одетым, и тоже скользнул в спальный мешок.

— Я думаю, что все стало хуже, потому что вы еще не... Я имею в виду, у вас еще не было?

Я напряглась, натянув одеяло на плечи.

— Нет. Я все еще не хочу, чтобы ко мне прикасались таким образом.

Его молчание было тяжелым — грустным. Я ненавидела эту ложь, ненавидела ее за то, какой грязной себя ощущала.

— Мне жаль, — сказал он.

И я подумала, что он извиняется еще и за то, что мы лежим так близко в темноте нашей палатки, что даже видим друг друга.

— Нельзя ли каким-нибудь способом расторгнуть эту сделку с Хайберном? — мои слова были чуть громче бормотания на улице. — Я вернулась, я в порядке. Мы сможем найти способ обойти ее...

— Нет. Король Хайберна заключил слишком умную, слишком ясную сделку с Тамлином. Магия связала их — магия накажет его, если он не пустит Хайберна на свои земли.

— Каким образом? Убьет его?

Вздых Люсьена растрепал мои волосы.

— Она заберет его силы, возможно убьет. Магия — это баланс. Вот почему он не мог вмешиваться в твою сделку с Рисандом. Последствия могут настичь даже тех, кто пытался разорвать сделку. Если бы он удерживал тебя здесь, то магия, связывающая тебя с Рисом, могла бы забрать его жизнь как оплату за вас. Или жизнь другого человека, который ему дорог. Это старая магия — старая и странная. Поэтому мы по возможности избегаем сделок: даже ученые Дневного Двора не знают, как они работают. Поверь мне, я спрашивал.

— Для меня — ты спрашивал для меня.

— Да. Я ездил туда прошлой зимой, чтобы узнать, как расторгнуть сделку с Рисом.

— Почему ты не сказал мне?

— Я... мы не хотели давать тебе ложную надежду. И мы не хотели дать Рисанду понять, что мы делаем, на случай, если бы нашли способ вмешаться. Чтобы остановить это.

— Поэтому Ианфе подтолкнула Тамлина к Хайберну.

— Он был в отчаянии. Ученые Дневного Двора работали слишком медленно. Я умолял его подождать еще, но тебя уже не было несколько месяцев. Он хотел действовать, а не ждать — несмотря на то письмо, что ты прислала. *Из-за* того письма, что ты прислала. Я окончательно согласился с ним после того дня в лесу.

Я перевернулась на спину, глядя на косой потолок палатки.

— Как плохо все было? — тихо спросила я.

— Ты видела свою комнату. Он разрушил ее, кабинет, свою спальню. Он... он убил стражников, которые были на страже. После того, как выжал из них последнюю информацию. Он казнил их перед всем поместьем.

Моя кровь застыла.

— Ты не остановил его.

— Я пытался. Я умолял его пощадить их. Он не слушал. *Не мог слышать.*

— Стражники не попытались остановить его?

— Они не посмели. Фейра, он Высший Лорд. Он другой *породы.*

Интересно, сказал бы он то же самое, если бы знал, кто я такая.

— Мы были загнаны в угол. Без варИанфов. Либо мы начинаем войну с Ночным Двором и Хайберном, либо заключаем союз с Хайберном, и пусть они попытаются создать проблемы, а потом используем этот союз в дальнейшем в свою пользу.

— Что ты имеешь в виду, — выдохнула я.

Но Люсьен понял, что он сказал, и уклонился от ответа:

— У нас есть враги в каждом дворе. Союз с Хайберном заставит их подумать дважды.

Лжец. Обученный, умный лжец.

Я сонно вздохнула.

— Даже если они теперь наши союзники, — пробормотала я, — я все равно ненавижу их.

Фырманье.

— Я тоже.

— Поднимайтесь.

Ослепляющий солнечный свет заполонил палатку, и я зашипела.

Приказ утонул в рычании Люсьена, когда он сел.

— *Выметайся*, — приказал он Юриану, который разглядывал нас с ухмылкой, а затем ушел.

В какой-то момент я перекатилась на одеяло Люсьена, какие-то интриги не были важнее моего насущного желания — тепла. Но я не сомневалась, что Юриан бросит эту информацию Тамлину в лицо по возвращению: мы разделили палатку, и нам было очень уютно в момент пробуждения.

Я умылась в ближайшем источнике, мое тело напряжено и ноет после сна на земле, с использованием спального мешка или нет.

К тому времени, как я закончила, Бранна прогуливалась у ручья. Принцесса подарила мне холодную тонкую улыбку.

— Я бы тоже выбрала сына Берона.

Я уставилась на принцессу, сдвинув брови.

Она пожала плечами, ее улыбка росла.

— У мужчин Осеннего Двора огонь в крови, и трахаются они соответствующе.

— Полагаю, ты имеешь подобный опыт?

Смешок.

— Почему, по-твоему, мне было так весело на Войне?

Я не скрывала своего отвращения.

Люсьен нашел меня съезжившейся при его виде, когда ее слова уже десятый раз за этот час крутились в моей голове, пока мы прошли полмили до трещины в стене.

— Что? — потребовал он.

Я покачала головой, пытаюсь не вообразить, как Элейн подвержена этому... огню.

— Ничего, — сказала я, когда Юриан рванулся вперед.

Мы оба двинулись на звук его ругани, а затем на звук вынимания меча из ножен. Листья и ветки хлестали меня, но стена уже была перед нами, ужасная метка пульсировала у меня в голове.

Сквозь дыру прямо на нас смотрели трое Детей Благословенных.

ГЛАВА 7

Бранна и Дагдан выглядели так, будто только что нашли второй завтрак, ожидающий их.

Юриан вытащил меч, две молодые женщины и один молодой человек уставились на него. Потом на нас, и их глаза расширились, когда они заметили жестокую красоту Люсьена.

Они упали на колени.

— Господа и дамы, — взмолились они, их серебряные украшения сверкали в пятнистом солнечном свете, пробивающимся сквозь листья. — Вы нашли нас в вашем путешествии.

Близнецы так широко улыбались, что я могла видеть их слишком белые зубы.

Юриан, кажется, разрывался, прежде чем огрызнуться:

— Что вы здесь делаете?

Темноволосая девушка стоящая спереди была прекрасна, ее золотисто-медовая кожа покраснела, когда она подняла голову.

— Мы пришли жить в бессмертных землях; мы пришли как подношение.

Юриан холодно посмотрел на Люсьена.

— Это правда?

Люсьен разглядывал его.

— Мы не принимаем подношений от человеческих земель. Особенно детей.

Эти трое казались лишь на пару лет младше меня.

— Почему бы вам не пройти, — проворковала Бранна, — и мы сможем... получить удовольствие друг от друга.

Она действительно оценивала темноволосого молодого парня и другую девушку, ее волосы были красновато-коричневого цвета, лицо острое, но интересное. По тому, как Дагдан смотрел на прекрасную девушку перед собой, я поняла, что он сделал свой молчаливый выбор.

Я встала перед ними и сказала трем смертным:

— Уходите. Возвращайтесь в свои села, к своим семьям. Как только пересечете эту стену, вы умрете.

Они отступили, вставая на ноги, лица напряжены от страха — и трепета.

— Мы пришли, чтобы жить в мире.

— Здесь нет такой вещи. Здесь лишь смерть вашему виду.

Их глаза скользнули к бессмертным позади меня. Темноволосая девушка покраснела от пристального взгляда Дагдана, увидев лишь красоту Высшего Фэ, а не хищника.

Так что я ударила.

Стена была визжащими, ужасными тисками, сокрушающими мою магию, вклинивающимися мне в голову.

Но я протолкнула свою силу через щель и врезалась в их сознания.

Слишком сильно. Парень вздрогнул.

Такие мягкие — беззащитные. Их умы поддались, как масло, плавящееся на моем языке.

Я увидела частицы их жизней, словно осколки разбитого зеркала, каждый вспыхивает по-своему: темноволосая девушка была богатой, образованной, упрямой — хотела избежать брака по расчету и верила, что Прифиан был лучшим варИанфом. Девушка с рыжеватыми волосами не знала ничего, кроме нищеты и побоев отца, которые стали более жестокими после того, как отняли жизнь ее матери. Парень продавал себя на улицах больших поселений, пока однажды Дети не пришли и не предложили ему кое-что получше.

Я работала быстро. Аккуратно.

Я закончила до того, как сердце три раза стукнуло, прежде чем Бранна даже успела вздохнуть, чтобы сказать:

— Здесь нет смерти. Только удовольствие, если вы согласны.

Даже если они не согласны, хотела я добавить.

Но эта тройца моргнула — не спеша. Увидев нас такими, какими мы были на самом деле: смертоносными и беспощадными. Правда, скрытая за извилистыми историями.

— Мы... возможно... сделали ошибку, — сказала их главная, отступая на шаг.

— Или, возможно, это была судьба, — возразила Бранна с улыбкой змеи.

Они продолжали отступать. Несмотря на истории, которые я заложила в их умы, — что мы были здесь лишь для того, чтобы причинить им боль и убить их, что мы сделаем с их друзьями, как мы используем и бросим их. Я показала им наг, Богги, Мидденгардского Червя; я показала им Клэр и золотоволосую королеву, нанизанную на фонарный столб. Воспоминания, которые я дала им, стали рассказами, которые они игнорировали, но теперь поняли, что ошибались, видя нас, стоящих перед ними.

— Идите сюда, — приказал Дагдан.

Эти слова порождали в них страх. Они повернулись, их тяжелые бледные одежды

извивались, когда они побежали к деревьям.

Бранна нахмурилась, словно хотела пройти через стену за ними, но я схватила ее за руку и зашипела:

— Если ты будешь преследовать их, то у нас с тобой появится проблема.

Я вонзила свои мысленные когти в ее щит.

Принцесса зарычала на меня.

Но люди уже ушли.

Я молилась, чтобы они послушались и другой моей команды, которую я вплела в их сознания: найти лодку, взять как можно больше друзей и бежать на континент. Вернуться сюда лишь после окончания войны, и предупредить как можно больше людей о побеге, пока не стало слишком поздно.

Близнецы неудовлетворенно зарычали, но я проигнорировала их, села на дерево и стала ждать, не доверяя им оставаться по эту сторону границы.

Они возобновили свою работу, прохаживаясь вдоль стены.

Мгновением позже мужское тело появилось рядом со мной.

Не Люсьен, потрясенно поняла я, но даже не вздрогнула.

Глаза Юриана смотрели на место, где стояли те люди.

— Спасибо, — сказал он грубо.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — ответила я, прекрасно осознавая, что Люсьен внимательно наблюдал из-под тени ближайшего дуба.

Юриан подарил мне понимающую ухмылку и зашагал к Дагдану.

Они были заняты целый день.

Независимо от того, что они проверяли, что бы они ни искали, они нам не сообщили этого.

И после случившегося утром я знала, что подтолкнуть их к раскрытию информации не получится. Я исчерпала всю свою толерантность в течение дня.

Так что провели еще одну ночь в лесу, и я оказалась сидящей у огня с Юрианом, после того как близнецы забрались в свою палатку и стражники заняли свои позиции. Люсьен ушел к ручью, чтобы набрать больше воды, и я наблюдала, как пламя танцует среди бревен, чувствуя его эхо внутри себя.

Перекидывание своей силы через стену оставило мне ноющую головную боль на весь день, боль была сильнее, чем когда просто кружится голова. Я не сомневалась, что быстро и крепко усну, но огонь был слишком теплым, а весенняя ночь слишком оживленной, чтобы добровольно потревожить темноту расстояния между костром и моей палаткой.

— Что случается с теми, кто пересек стену? — спросил Юриан, в жестких углах его лица мерцание огня заложило тени.

Я опустила каблук сапога в траву.

— Я не знаю. Они никогда не возвращались после ухода. Но пока Амаранта правила, существа рыскали по лесам, так что... не думаю, что все хорошо заканчивалось. Я никогда не видела даже следа их пребывания ни в одном из дворов.

— Пятьсот лет назад их бы выпороли за такие глупости, — сказал Юриан. — Мы были их рабами, шлюхами и рабочими на протяжении тысячелетий, мужчины и женщины

сражались и умирали, чтобы нам никогда больше не пришлось прислуживать им. И все же они здесь, в этих костюмах, не знают об опасности, не знают историю.

— Осторожнее, а то ты говоришь не как верный пес Хайберна.

Низкий смех, пропитанный ненавистью.

— Так ты думаешь, что я такой, не так ли? Его собака.

— Тогда какая у тебя цель?

— У меня есть незаконченное дело.

— Мириам мертва.

Безумие опять появилось на его лице, заменяя собой здравомыслие.

— Все, что я делал во время войны, было для Мириам и меня. Чтобы наш народ выжил и однажды освободился. И она *променяла меня* на красивого принца, как только я поставил ее выше своего народа.

— Я слышала, что она оставила тебя потому, что ты был настолько сосредоточен на выманивании информации у Клитии, что забыл о настоящих целях битвы.

— Мириам говорила мне идти вперед и трахать ее для получения информации. Говорила мне соблазнять Клитию, пока она не продаст весь Хайберн и Лоялистов. У нее не было проблем с этим. Никаких.

— Значит это все для того, чтобы вернуть Мириам обратно?

Он вытянул свои длинные ноги, скрещивая лодыжки.

— Это для того, чтобы выманить ее из ее маленького гнезда с этим крылатым уродом и заставить сожалеть обо всем.

— Ты получил вторую жизнь, и это то, что ты хочешь сделать? Мстить?

Юриан медленно улыбнулся.

— Разве это не то, что ты делаешь?

Месяцы тренировок с Рисом помогли мне вспомнить, как нахмурить брови в смущении.

— Если мстить Рису, то мне понравится это.

— Они все так говорят, когда притворяются убийцами-садистами. Ты забыла, что я знал его во время Войны. Забыла, что он рисковал своим легионом, чтобы спасти Мириам из крепости нашего врага. Так Амаранта и схватила его, ты же знаешь. Рис знал, что это ловушка — для Принца Дрейкона. Так что Рис пошел против приказа и привел весь свой легион, чтобы вывести оттуда Мириам. Для его друга, для моей возлюбленной — и ради этого ублюдка Дрейкона. Рис пожертвовал своим легионом, после чего их всех схватили и пытали. Тем не менее, все настаивают, что Рисанд бездушный, злой. Но мужчина, которого я знал, был самым достойным из всех. Лучше этого ублюдка. Невозможно потерять это качество, неважно, сколько веков прошло, и Рис слишком умен, чтобы делать что-то, не высчитав все свои действия. И все же ты здесь, его мейт. Самый могущественный Высший Лорд в мире потерял своего мейта и не пришел за ней, даже когда она беззащитна в лесу, — хмыкнул Юриан. — Возможно, это потому, что Рисанд не потерял тебя. Скорее всего, ты навязала себя нам.

Я никогда не слышала эту историю, но это было так похоже на моего мейта, и я знала, что пламя между нами теперь тлело в моих глазах, когда сказала:

— Ты любишь слушать свои речи, не так ли.

— Хайберн убьет вас всех, — ответил Юриан.

Юриан не ошибся.

На следующее утро Люсьен разбудил меня, прижав руку к моему рту, предупреждающий блеск сверкнул в его глазах. Металлический запах крови я учуяла мгновением позже.

Мы оделись и натянули сапоги, и я быстро осмотрела оружие, имеющееся в палатке. У меня три кинжала. У Люсьена два, а также элегантный короткий меч. Лучше, чем ничего, но не намного.

Его взгляд достаточно хорошо описал наш план: вести себя повседневно, пока мы не оценим ситуацию.

Мы с ним впервые работали в тандеме, и осознание этого пришло мгновение спустя. На охоте мы никогда не прикладывали совместных усилий, и в Подгорье мы просто смотрели друг за другом — но никогда не были командой. Одним целым.

Люсьен выскользнул из палатки, готовясь при надобности занять оборонительную позицию. Он был обучен, как он когда-то сказал мне, в Осеннем дворе и в этом тоже. Как и Рис, он предпочитал выигрывать битвы словами, но я видела, как он и Тамлин тренировались. Он умел обращаться с оружием. Знал, как убить, если будет нужно.

Я оттолкнула его, чтобы пройти, пожирая детали окружающей обстановки, как будто я была голодающим человеком, набросившимся на еду.

В лесу ничего не изменилось. Юриан сидел на корточках у костра, перебирая затухающие угли огня, на его лице жесткая маска задумчивости. Но стражники — они побледнели, и Люсьен подошел к ним. Я проследила за их взглядами, метнувшимися на деревья позади Юриана.

Ни следа близнецов.

Кровь —

Медная дорожка. Но вперемешку с землей, мозгами, и гнилью. Смертные.

Я бросилась к деревьям и густым кустарникам.

— Ты опоздала, — сказал Юриан, все еще перебирая угли, когда я проходила мимо него. — Они закончили два часа назад.

Люсьен был за мной, когда я сунулась в ежевику, раздирая свои руки об шипы.

Близнецы даже не потрудились устранить последствия своих действий.

По тому, что осталось от их тел, их порванных бледных одеяний, было ясно, что Дагдан и Бранна перекрыли их крики каким-то щитом.

Люсьен выругался.

— Они прошли через стену прошлой ночью. Чтобы выследить их.

Даже с разделяющих их расстоянием, близнецы были Фэ — быстрыми и бессмертными. Трое Детей Благословенных должно быть разбила лагерь, устав после бега.

Кровь уже высохла на траве и стволах окружающих деревьев.

Хайбернские пытки не отличались особой оригинальностью: Клэр, золотая корова, и эти трое... Одинаковые увечья и мучения.

Я растегнула свой плащ и осторожно сложила на него самые большие их останки, которые смогла найти: торс парня, исцарапанный и обескровленный. Его лицо навечно застыло в гримасе боли.

Пламя разогревалось в кончиках моих пальцев, умоляя сжечь их, чтобы хоть как-то похоронить их. Но...

— Как думаешь, это было ради забавы, или чтобы послать нам сообщение?

Люсьен положил свой плащ поверх останков двух девушек. Таким серьезным я его еще никогда не видела.

— Думаю, что они не привыкли, что им отказывают. Я бы назвал это вспышкой гнева бессмертных.

Я закрыла глаза, пытаюсь успокоить свой бурлящий живот.

— Ты не виновата, — добавил он. — Они могли убить их и на землях смертных, но они принесли их сюда. Чтобы заявить о своей власти.

Он был прав. Дети Благословенных были бы мертвы, даже если бы я не вмешалась.

— Они были запуганы, — размышляла я. — И гордились своими заблуждениями. — Я поплелась по траве, пропитанной кровью. — Мы их похороним?

Люсьен задумался.

— Это будет заявлением, что мы готовы разгрести устроенные ими беспорядки.

Я снова осмотрела поляну. Рассматривая все, что поставлено на карту.

— Тогда мы сделаем другое заявление.

ГЛАВА 8

Тамлин вышагивал перед камином в своем кабинете, каждый поворот резок как лезвие.

— Они наши *союзники*, — прорычал он мне и Люсьену, сидящих в креслах у камина.

— Они монстры, — возразила я. — Они забрали три невинные жизни.

— И ты должна была оставить все как есть, чтобы я сам со всем разобрался, — тяжело вздохнул Тамлин. — Не *мстит* как ребенок.

Он бросил взгляд на Люсьена:

— Я ожидал от тебя лучшего.

— Но не от меня? — тихо спросила я.

Зеленые глаза Тамлина были как замороженный нефрит.

— Ты лично связана с этими людьми. А *он* нет.

— Такие мысли, — огрызнулась я, сжимая подлокотники, — и привели к тому, что *стена* стала единственным решением между двумя нашими народами, потому что Фэ смотрели на подобные *убийства* и не придавали этому внимание. — Я знала, что стражники снаружи могли слышать. Что любой проходящий мимо может услышать. — Утеря *любой* жизни с каждой из сторон — это *личная связь*. Или тебя волнуют лишь жизни Высших Фэ?

Тамлин остановился. И зарычал на Люсьена:

— Убирайся. Я разберусь с тобой позже.

— Не смей с ним так разговаривать, — прошипела я, вскочив на ноги.

— Этим своим трюком вы подставили под угрозу союз...

— Хорошо. Пусть хоть горят в аду, меня это не волнует! — закричала я.

Люсьен вздрогнул.

— *Ты послала за ними Богги!* — крикнул Тамлин.

Я даже не моргнула. И я знала, что стражники действительно слушали, по кашлю одного из них — приглушенное проявление шока.

И я удостоверилась, что они могут слышать, как я сказала:

— Они издевались над теми людьми, заставляли их страдать. Я решила, что Богги — один из немногих существ, которое может оказать им такую же любезность.

Люсьен выследил его, и мы осторожно, в течение нескольких часов, заманивали его к нашему лагерю. Прямо туда, где Дагдан и Бранна упивались убийствами. Им удалось сбежать, но лишь после того, как мы услышали громкие вскрики и шум драки. Их лица оставались бескровными даже часами после, их глаза все еще наполнялись ненавистью, когда они сообразовали посмотреть на нас.

Люсьен прокашлялся. Он хорошо держался.

— Тэм, те люди были почти детьми. Фейра приказала близнецам держаться подальше. Они проигнорировали приказ. Если мы позволим Хайберну перешагнуть через нас, то потеряем больше, чем этот союз. Богги напомнит им, что у нас тоже есть когти.

Тамлин не отрывал от меня взгляда, когда сказал Люсьену:

— *Выйди. Вон.*

Его слова были достаточно жесткими, чтобы ни Люсьен, ни я не возразили ему, и Люсьен выскользнул из комнаты, закрыв за собой двойные двери. Я распространила свою силу в зал, почувствовав его сидящим у подножия лестницы.

Слушает. Как и шестеро стражников.

Я сказала Тамлину:

— Ты не можешь разговаривать со мной подобным образом. Ты *пообещал*, что не будешь так поступать.

— Ты понятия не имеешь, какому риску...

— Не разговаривай со мной высокомерно. Не после того, что я пережила, чтобы вернуться сюда, к тебе. К нашим *людям*. Ты думаешь, что кто-то из нас рад работать с Хайберном? Ты думаешь, что я не вижу это по их лицам? Вопрос в том, стою ли я этого позора?

Его дыхание стало рваным. Хорошо, я хотела разозлить его. *Хорошо.*

— Ты продал нас, чтобы вернуть меня обратно, — низко и холодно сказала я. — Ты даешь Хайберну нами воспользоваться. Прости меня, если я пытаюсь вернуть часть того, что мы потеряли.

Он выпустил когти, и дикое рычание вырвалось из него.

— Они выследили и убили этих людей ради забавы, — продолжала я. — Ты, возможно, и хочешь встать на колени перед Хайберном, но я точно не хочу.

Он взорвался.

Мебель раскололась и разлетелась, окна треснули и разбились.

И на этот раз я не защитила себя.

Рабочий стол врезался в меня, откидывая меня к книжной полке, и все места, где плоть и кости встречались с деревом, горели и болели.

Я упала на ковровое покрытие, и Тамлин в мгновение оказался надо мною с трясущимися руками —

Двери распахнулись.

— Что ты натворил, — выдохнул Люсьен, и лицо Тамлина выражало лишь опустошение, когда Люсьен оттолкнул его. Он *позволил* ему это сделать, так же как и помочь мне встать.

Что-то мокрое и теплое скатилось по моей щеке — кровь, судя по запаху.

— Давай приведем тебя в порядок, — сказал Люсьен, обнимая меня за плечи и уводя из комнаты.

Я почти не слышала его из-за шума в ушах, и все вокруг слегка кружилось.

Стражники — среди них Брон, Харт и двое любимых Тамлином лордов-воинов — уставились в ужасе, разрываясь между разглядыванием моего лица и разрушенным кабинетом.

Не без причин. Когда Люсьен вел меня около зеркала в позолоченном зале, я увидела, что вызвало такой ужас. Мои глаза стеклянные, лицо бледное, за исключением царапины чуть ниже скулы, около двух дюймов в длину и кровоточащей.

Мои руки и шея были усеяны маленькими царапинами. Но я не позволяла очищающей, исцеляющей силе — полученной от Высшего Лорда Рассвета — найти их. Убрать эти следы.

— Фейра, — выдохнул Тамлин позади меня.

Я остановилась, зная, что на нас смотрят.

— Я в порядке, — прошептала я. — Мне жаль, — я вытерла кровь, стекающую по щеке. — Я в порядке, — сказала я снова.

Но никто, даже Тамлин, в это не поверил.

И если бы я рисовала этот момент, то назвала бы его *Изображение Ловушек и Приманок*.

Как только я опустилась в ванну, Рисанд послал мне сообщение по связи.

Ты ранена?

Вопрос был нечетким, а связь тише и напряженнее, чем была несколько дней назад.

Немного, но я в порядке. Ничего, с чем бы я не справилась. Хотя мои раны все еще ныли. И не было признаков скорейшего заживления. Возможно, я слишком хорошо справилась с удерживанием исцеляющих сил под контролем.

Ответ долго не приходил. Потом он пришел весь сразу, как будто он хотел впихнуть каждое слово, прежде чем трудности расстояния заглушат нас.

Я понимаю, что не стоит говорить тебе быть осторожной или прийти домой. Но я хочу, чтобы ты была дома. Поскорее. И я хочу его смерти за то, что он поднял на тебя руку.

Даже со всем этим расстоянием между нами, я почувствовала, как его гнев струится по связи.

Я ответила сухим, успокаивающим тоном, *Технически, это его магия касалась меня, а не его рука*

К тому моменту, как пришел ответ, вода в ванной уже остыла. *Я рад, что ты можешь шутить об этом. Потому что я точно не могу.*

Я послала изображение себя, показывающей ему язык.

Когда его ответ пришел, я уже оделась.

Как и я, он прислал простое, бессловесное изображение. Как и у меня, язык Рисанда был высунут.

Но он был занят кое-чем другим.

На следующее утро я решила прокатиться. Убедившись, что в это время Брон и Харт будут на дежурстве, я попросила, чтобы они сопровождали меня.

Они почти не разговаривали, но я чувствовала их оценивающие взгляды на каждом моем движении, когда мы ехали по проторенному пути в весеннем лесу. Чувствовала, как

они изучают порезы на моем лице, синяки под одеждой, из-за которых я время от времени шипела. К моему удивлению, я все еще не исцелилась полностью — хотя, полагаю, это сработало в мою пользу.

Вчера за ужином Тамлин молил меня о прощении, и я дала ему его. Но Люсьен не говорил с ним весь вечер.

Юриан и близнецы рассердились, когда я сказала им, что мои синяки помешают мне пойти с ними. У Тамлина не хватило смелости предложить им пойти без меня, отняв у меня эту обязанность. Не тогда, когда он видел багрянистые синяки и знал, что если бы их получил человек, то он бы уже был мертв.

И принц с принцессой отступили, после того как Люсьен и я послали невидимую злость Богги за ними. Пока что. Я удерживала свои щиты поднятыми — вокруг себя и других, напряжение стало постоянной головной болью, имеющей какие-то слабые и тонкие ощущения магии. Передышка на границе не особо помогла — нет, она сделала напряжение сильнее, после того как я перенесла свои силы через стену.

Я пригласила Ианфе в дом, мягко попросив ее приободряющего присутствия. Она приехала, зная все детали произошедшего в кабинете — оставляя все на самотек, потому что Тамлин признался ей во всем, умоляя о прощении Матери, Котла и кого-то еще. В тот вечер я пролепетала ей о своем прощении, продемонстрировав ей свои добрые намерения, рассказывая стражникам и остальным за этим столом, как нам повезло, что Тамлин и Ианфе охраняют наши земли.

Честно говоря, я не знаю, как они связали это.

Как никто из них не увидел, что мои слова — не странное совпадение, а вызов. Угроза.

Последний небольшой толчок.

Особенно когда семь наг ворвались в поместье сразу после полуночи.

Они были убиты до того, как добрались до дома — нападение, остановленное Котлом, пославшим предупреждающее видение никому иному, как Ианфе.

Хаос и крики разбудили поместье. Я осталась в своей комнате, стражники под моими окнами и за дверями. Тамлин сам, задыхающийся и залитый кровью, пришел проинформировать меня о том, что земли снова в безопасности. Что нага была найдена с ключами от поместья, и стражник, потерявший их, столкнется с последствиями с утра. Дурацкая случайность, последнее проявление силы от племени, которое не ушло тихо после правления Амаранты.

Все мы были спасены Ианфе от возможного ущерба.

На следующее утро мы все собрались у барачков, лицо Люсьена было бледным и напряженным, пурпурные пятна залегли под его потускневшими глазами. Он не вернулся в свою комнату прошлой ночью.

Рядом со мной стояли близнецы и Юриан, мрачные и молчаливые, когда Тамлин расхаживал перед стражником, натянутым между двумя столбами.

— Тебе было поручено охранять поместье и людей в нем, — сказал Тамлин дрожащему мужчине, уже раздетому до штанов. — Ты не только был найден спящим у ворот прошлой ночью, но еще и *твой* экземпляр ключей был утерян, — тихо прорычал Тамлин. — Ты отрицаешь это?

— Я... я никогда не засыпал. Этого никогда раньше не случалось. Должно быть, я задремал на минуту-две, — запинаясь стражник, веревки удерживали его, он стонал при их натяжении.

— Ты подставил под угрозу жизни всех в этом поместье.

И это не могло остаться безнаказанным. Не тогда, когда близнецы ищут любое проявление слабости.

Тамлин протянул руку. Брон с каменным лицом подошел к нему, чтобы дать ему кнут.

Все стражники и его наиболее доверенные воины сместились. Некоторые прямо смотрели на Тамлина, некоторые пытались не смотреть на происходящее.

Я схватила Люсьена за руку. Это было совсем не для притворства.

Ианфе шагнула вперед, сложив руки на животе.

— Двадцать ударов плетью. И еще один, за прощение Котла.

Теперь стражники злобно смотрели на нее.

Тамлин развернул хлыст, и он вымазался грязью.

Я сделала свой ход. Скользнула своей силой в сознание связанного стражника и освободила его память, которую туго зажала в его голове, и также развязала ему язык.

— Это была она, — выдохнул он, дергая подбородком на Ианфе. — *Она* взяла ключи.

Тамлин моргнул — и все присутствующие посмотрели на Ианфе.

Ее лицо лишь дрогнуло при обвинении — правда, которую он швырнул в нее.

Я ждала, чтобы увидеть, как она будет противостоять моему демонстрационному силе на солнцестояние, отслеживая ее движения весь день и ночь. После того как я покинула празднование, она ушла в бараки, использовала немного магии, чтобы усыпить его и забрать его ключи. Потом озвучила свои предупреждения о надвигающихся атаках наг... после того, как отдала им ключи от ворот. Вчера ночью она могла поднять тревогу. Чтобы *самой* спасти нас от реальной угрозы.

Умно — но не сыграет роли во всем, что я приготовила.

Ианфе спокойно сказала:

— Зачем мне брать ключи? Я предупредила вас об атаке.

— Вы были в бараках — я *увидел* вас той ночью, — настаивал стражник, а затем умоляюще посмотрел на Тамлина.

Я поняла, что не страх боли двигал им. Нет, удары были заслуженными, заработанными и обоснованными. Это был страх потерять честь.

— Я думала, что твои стражники, Тамлин, имеют больше достоинства, чем распространять ложь, чтобы избавиться себя от какой-то мимолетной боли.

Лицо Ианфе оставалось безмятежным, как и всегда.

Тамлин, к его чести, долго изучал стражника.

Я шагнула вперед.

— Я выслушаю его историю.

Некоторые стражники вздохнули. Некоторые посмотрели на меня с жалостью и любовью.

Ианфе подняла подбородок.

— При всем уважении, миледи, это не вам решать.

И вот оно что. Попытка сбить с меня спесь.

Просто потому, что это приведет ее в бешенство, я полностью проигнорировала ее и сказала стражнику:

— Я выслушаю твою историю.

Я сосредоточилась на нем, даже если и считала свои вдохи, даже если и молилась, чтобы Ианфе проглотила наживку —

— Вы ставите слово стражника выше слова Высшей Жрицы?

Мое отвращение к сказанным ею словам было не совсем притворным, хотя было трудно скрывать свою слабую улыбку. Стражники были ошеломлены ее оскорблением, ее тоном. Даже если они и не доверяли своему товарищу, то после ее слов они осознали ее вину.

Тогда я посмотрела на Тамлина — в его глазах тоже появилась резкость. Понимание. Слишком много возражений от Ианфе.

О, он прекрасно осознавал, что Ианфе, возможно, спланировала атаку наг для того, чтобы вернуть силу и влияние — как спасительница этих людей.

Я дала им два конца веревки. Теперь пришло время посмотреть, повесятся ли они.

Я осмелилась сделать еще один шаг, поворачивая ладони к Тамлину.

— Возможно, это была ошибка. Не вымещай это на нем — на его чести. Давай выслушаем его.

Глаза Тамлина немного смягчились. Он все еще молчал — обдумывал ситуацию.

Но позади меня фыркнула Бранна.

— Как убого, — пробормотала она, хотя все услышали.

Слабые. Уязвимые. Готовые быть завоеванными. Я видела, как слова проносятся по лицу Тамлина, будто закрывая двери на своем пути.

Не было другого объяснения — не для Тамлина.

Но Ианфе видела меня, стоящей перед толпой, влияние, которое я оказывала, и было ясно, что я не способна на кражу. Если она признает вину... все, что у нее осталось, рухнет.

Тамлин открыл было рот, но Ианфе прервала его.

— Есть законы, которым нужно подчиняться, — сказала она мне достаточно мягко, чтобы мне хотелось поцарапать ей лицо. — Традиции. Он предал наше доверие, наша кровь могла пролиться по его невнимательности. Теперь он пытается обвинить Высшую Жрицу в своих слабостях. Это не может остаться безнаказанным, — она кивнула Тамлину. — Двадцать один удар, Высший Лорд.

Я скользнула по ним взглядом, в моем рту пересохло.

— Пожалуйста. Просто выслушайте его.

В глазах стражника, висящего между столбов, была такая надежда и благодарность.

Здесь... здесь моя месть приблизилась к чему-то склизкому, к чему-то чужому и тошнотворному. Он исцелится от боли, но удар по его чести... Это заденет и часть моей чести тоже.

Тамлин уставился на меня, потом на Ианфе. Потом взглянул на ухмыляющихся близнецов, на Юриана, который скрестил руки с нечитаемым выражением лица.

И так как я рисковала, Тамлину нужен контроль, сила, победа.

Ианфе слишком важна как союзник, чтобы изолировать ее. Слово какого-то стражника... нет, оно не имеет такой ценности, как ее.

Тамлин повернулся к стражнику, привязанному к столбам.

— Подготовь его, — тихо приказал он Брону.

На секунду Брон замер в нерешительности — будто шок от приказа Тамлина прошел по нему. По всем стражникам. Остался с Ианфе — переступил через них. Его стражников.

Которые снова и снова шли за стену, пытаюсь снять с него проклятие. Которые с радостью делали это, *умирали*, загнанные как волки, для него. И волк, которого я убила, Адриас... Он тоже ушел добровольно. Тамлин отправлял их всех, и не все из них вернулись. Они шли с готовностью, но все же... и это его благодарность. Признательность. Доверие.

Но Брон сделал то, что ему приказали, засовывая маленький кусок дерева в рот дрожащего стражника.

Судя по едва скрываемому презрению на лицах стражников, они, по крайней мере, знали о произошедшем: Высшая Жрица организовала нападение, чтобы выставить себя спасительницей, забирая репутацию одного из них как цену за возвращение своей. Они не имели понятия, что это я толкала ее к разоблачению ее истинной сущности. Как мало люди без титулов значат для нее.

Как Тамлин слушал ее без лишних вопросов — себе по вред.

Это не было наигранно, когда я поднесла руку к своему горлу, отходя на шаг, затем еще, пока не почувствовала тепло Люсьена за собой, и прильнула к нему.

Стражники оценивали Ианфе, близнецов. Тамлин всегда был одним из них — сражался за них.

До сих пор. До Хайберна. Пока он не привел этих чужих чудовищ к ним.

Пока он не поставил Высшую Жрицу выше их.

Глаза Тамлина были на нас, на руке Люсьена, которая держала мою, чтобы успокоить, когда он взмахнул кнутом.

Оглушающий удар рассек воздух, прорвавшись сквозь бараки, поместье.

Сквозь устои двора.

ГЛАВА 9

Ианфе еще не закончила.

Я знала это — готовилась к этому. Она не вернулась в свой храм в нескольких милях отсюда.

Напротив, она осталась в доме, ухватившись за возможность подобраться поближе к Тамлину. Она верила, что утвердилась, что объявив правосудие свершенным в кровавом конце порки, нанесла последний удар по лицу смотревших стражников.

И когда стражник повис на веревках, когда остальные подошли, чтобы аккуратно отвязать его, Ианфе просто пригласила близнецов и Тамлина на обед в поместье. Но я осталась в бараках, ухаживая за стонущим стражником, унося окровавленные чаши воды, пока целитель оказывал ему первую помощь.

Брон и Харт лично сопроводили меня обратно в поместье спустя пару часов. Каждого из них я поблагодарила по имени. Затем извинилась, что не смогла предотвратить это — интриги Ианфе или несправедливое наказание их друга. Слова были искренними, треск кнута все еще звучал в моих ушах.

Затем они произнесли слова, которые я ждала. Им жаль, что они тоже не остановили *ничего* из этого.

Не только сегодня. Но и синяки, которые, наконец, начали исчезать. Другие инциденты. Если бы я попросила, они бы вручили мне свои ножи, чтобы я вскрыла им глотки.

На следующий вечер я спешила обратно в комнату, чтобы переодеться к ужину, когда Ианфе сделала следующий шаг.

Она поедет с нами на стену завтра утром.

Она и Тамлин.

Если нам всем предстоит образовать единый фронт, то она хотела бы самой увидеть стену, объявила она за ужином.

Принцу и принцессе было все равно. Но Юриан подмигнул мне, как если бы он тоже видел игру в действии.

В ту ночь я собрала свои вещи.

Элис вошла перед тем, как я легла спать, держа в руках третий пакет.

— Так как эта поездка будет более продолжительной, я принесла тебе припасы.

Даже с присоединившимся к нам Тамлином, людей было слишком много, чтобы рассеиваться. Так что мы рассеивались на небольшие расстояния, как и раньше. Пару миль за раз.

Элис положила подготовленный ею пакет возле меня. Взяла с туалетного столика расческу и позвала меня сесть перед ней на мягкую скамью.

Я подчинилась. Несколько минут она молча расчесывала мои волосы.

Потом она сказала:

— Когда ты завтра уйдешь, я тоже уйду.

Я подняла свои глаза на ее отражение в зеркале.

— Мои племянники собраны, пони готовы увезти нас обратно в Летний Двор. Я слишком давно не видела свой дом, — сказала она, хотя ее глаза блестели.

— Я знаю это чувство, — все, что я сказала.

— Желаю вам всего хорошего, леди, — сказала Элис, отложив расческу и заплетая мои волосы. — До конца ваших дней, какими бы долгими они ни были, я желаю вам удачи.

Я позволила ей закончить косу, затем повернулась на скамейке и обхватила ее тонкие пальцы своими.

— Никогда не говори Тарквину, что хорошо знаешь меня.

Ее брови поднялись.

— Есть кровавый рубин с моим именем на нем, — объяснила я.

Даже ее древесная кожа, казалось, поблекла. Она хорошо поняла это: я была врагом Летнего Двора, на которого охотились. Только моя смерть будет достаточной платой за мои преступления.

Элис сжала мою руку.

— С кровавыми рубинами или нет, у тебя всегда будет друг в Летнем Дворе.

Мое горло сжалось.

— И у тебя всегда будет один в моем дворе, — пообещала я.

Она знала, какой двор я имела в виду. И не выглядела испуганной.

Стражники не смотрели на Тамлина и не разговаривали с ним без крайней необходимости. Брон, Харт и трое других присоединятся к нам. Они заметили, что я проверяла их друга на рассвете — любезность, которую, как я знала, больше никто не оказал.

Рассеивание ощущалось как прохождение через грязь. Фактически, мои силы теперь лишь обременяли, а не помогали. К полудню я заработала ноющую головную боль, и провела последний отрезок пути с кружащейся головой и дезориентацией, когда мы снова и снова рассеивались.

Прибыли и разбили лагерь мы в полной тишине. Я робко попросила разделить палатку с Ианфе вместо Тамлина, сильно желающего устранить разногласия, которые порка посеяла между нами. Но я сделала это больше для того, чтобы избавить Люсьена от ее внимания, чем

для поддержания страха Тамлина. Ужин был приготовлен и съеден, спальные мешки развернуты, и Тамлин приказал Брону и Харту первыми встать на стражу.

Лежать рядом с Ианфе, не перерезав ее горло, было проявлением терпения и контроля.

Но всякий раз, когда нож под моей подушкой, казалось, шептал ее имя, я напоминала себе о своих друзьях. Семье, которая была жива — исцелялась на севере.

Я молча повторяла их имена в темноте, снова и снова. Рисанд. Мор. Кассиан. Амрен. Элейн. Нэста.

Я подумала о том, как в последний раз видела их, таких кровоточащих и раненых. Подумала о крике Кассиана, когда его крылья порвали; об Азриэле, угрожающего королю, когда тот приблизился к Мор. Нэсте, сражающейся на каждом шагу к Котлу.

Моя цель больше, чем месть. Моя задача выше личного возмездия.

Наступил восход и я обнаружила, что все равно сжимаю рукоять ножа. Я вытащила его и села, смотря вниз на спящую жрицу.

Ее гладкая шея, казалось, светилась в лучах раннего солнца, просачивающихся через палатку.

Я взвесила нож в руке.

Не уверена, что была рождена со способностью прощать. Не за ужасы, перенесенными любимыми мною людьми. За себя я особо не переживала — не так уж и сильно. Но во мне была какая-то фундаментальная основа, которая не могла согнуться и сломаться об это. Не могла вынести даже мысли о том, чтобы позволить этим людям уйти после всего, что они сделали.

Ианфе открыла глаза, зеленовато-голубой столь же ясный, как и ее снятый обруч. Она посмотрела прямо на нож в моей руке. Затем на мое лицо.

— Невозможно быть слишком осторожной, когда делишь лагерь с врагами, — сказала я.

Могла бы поклясться, что в ее глазах проскочило что-то вроде страха.

— Хайберн нам не враг, — сказала она, затаив дыхание.

По тому, как она побледнела, когда я вышла из палатки, я знала, что моя ответная улыбка хорошо справилась со своей задачей.

Люсьен и Тамлин показывали близнецам трещину в стене.

И так же, как и с первыми двумя, они часами изучали ее и местность вокруг нее.

На этот раз я держалась возле них, наблюдая за ними, мое присутствие теперь было относительно не угрожающим, если не неприятным. Мы играли в наши маленькие игры, и я могла укусить, если бы захотела, но мы терпели друг друга.

— Здесь, — пробормотала Бранна Дагдану, указывая подбородком на невидимый разделитель. Единственными его признаками были только различающиеся деревья: на нашей стороне они были яркими — свежая зелень весны. На их стороне они были темными, широкими, слегка завивающимися от жары — середина лета.

— Первая была лучше, — возразил Дагдан.

Я сидела на небольшом валуне, чистя яблоко ножом для очистки овощей.

— Та, что ближе к западному побережью тоже, — добавил он.

— Эта ближе к континенту, к проливу.

Я вонзила нож в яблоко, вырезая кусок белой мякоти.

— Да, но у нас будет больше доступа к припасам Высшего Лорда.

К слову, Высший Лорд сейчас был с Юрианом, они охотились, чтобы у нас была еда более питательная, чем бутерброды, которые мы взяли с собой. Ианфе отправилась к роднику, чтобы помолиться, а где Люсьен и стражники, я понятия не имела.

Отлично. Это облегчает мою задачу, и я засунула ломтик яблока в рот и сказала, заходя издали:

— Я бы выбрала эту.

Они обернулись на меня, Бранна усмехнулась, а Дагдан нахмурился.

— Что ты вообще об этом знаешь? — потребовала Бранна.

Я пожала плечами, отрезая еще один кусочек яблока.

— Вы двое говорите громче, чем думаете.

Они обменялись обвиняющими взглядами. Гордые, высокомерные, жестокие. Эти две недели я присматривалась к ним.

— Если вы не хотите рисковать, что другие дворы успеют сплотиться и перехватить вас по пути к проливу, я бы выбрала эту.

Бранна закатила глаза.

Я продолжила, скучающая:

— Но что я знаю? Вы двое сидели на своем маленьком острове пятьсот лет. Ясно, что вы знаете больше о Прифиане и действующих армиях, чем я.

Бранна прошипела:

— Речь идет не об армиях, так что доверяю тебе держать свой рот *закрытым*, пока мы не найдем тебе применение.

Я фыркнула.

— Вы хотите сказать, что все эти глупости были не для того, чтобы найти место для уничтожения стены и использования Котла *еще и* для перемещения вашей армии сюда?

Она засмеялась, перекидывая темные волосы через плечо.

— Котел не для перемещения армии пехотинцев. Он для перекройки миров. Он для разрушения этой ужасной стены и изменения тех, кем мы были.

Я лишь скрестила ноги.

— Думаю, что с десятитысячной армией вам не нужны никакие магические объекты для выполнения грязной работы.

— Наша армия в десять раз больше, девочка, — усмехнулась Бранна. — И в два раза больше *этого* числа, если считать наших союзников в Валлахане, Монтесере и Раске.

Двести тысяч. Матерь упаси.

— Вы, конечно, были заняты все эти года, — обследовала я их, совершенно сбита с толку. — Почему не ударили, когда Амаранта захватила этот остров?

— Король тогда еще не нашел Котел, несмотря на годы поисков. Позволив ей стать экспериментом для определения того, как нам следует сломить этих людей, он извлек свои выгоды. И это послужило хорошей мотивацией для наших союзников на континенте для присоединения к нам, зная, что мы их ждем.

Я закончила свое яблоко и выбросила огрызок в лес. Они наблюдали за его полетом как две гончие, выслеживающие фазана.

— Значит, все они собираются объединиться здесь? Мне придется играть роль хозяйки дома для стольких солдат?

— Мы сами позаботимся о Прифиане до объединения с другими. Наши командиры

готовятся к этому, пока мы разговариваем.

— Вы, должно быть, думаете, что стоите в шаге от проигрыша, если используете Котел для того, чтобы выиграть.

— Котел — *это* победа. Он очистит этот мир снова.

Я подняла брови в скептическом неуважении.

— И вам нужна эта дыра для его очищения?

— Эта дыра, — сказал Дагдан, держа руку на рукояти меча, — существует потому, что через нее прошел могущественный человек или объект. Котел изучит уже сделанную работу, и увеличит ее, пока стена полностью не исчезнет. Это точный сложный процесс, и я сомневаюсь, что твой смертный разум сможет понять его.

— Вероятно. Хотя этот смертный разум разгадал загадку Амаранты и уничтожил ее.

Бранна лишь повернулась к стене.

— Почему, как ты думаешь, Хайберн позволил ей жить в этих землях так долго? Лучше иметь кого-то для выполнения твоей грязной работы.

Я получила, что хотела.

Тамлин и Юриан все еще охотились, близнецы были заняты, и я послала стражников за водой, заявив, что некоторые мои синяки все еще болят, и я хочу сделать для них припарку.

При этом они выглядели убийственно. Не из-за меня — но из-за того, кто оставил на мне эти синяки. Кто поставил Ианфе выше их — и Хайберна выше их чести и людей.

Я привезла три пакета, но мне был нужен лишь один. Тот, который я тщательно переупаковала с новыми припасами Элис, который теперь лежал рядом со всем, от чего мне нужно было избавиться и уйти. Тот, который я брала с собой в каждую поездку к стене, просто на всякий случай. И сейчас...

У меня есть числа, у меня есть цель, у меня есть конкретные местоположения и названия иностранных территорий.

Но более того, у меня есть люди, которые потеряли веру в свою Верховную Жрицу. У меня есть стражники, которые начали восставать против своего Высшего Лорда. И в результате этого, у меня есть близнецы, сомневающиеся в силе своих здешних союзников. Я привела этот двор к падению. Не от внешних сил — но из-за собственных врагов внутри.

Я должна освободиться от этого до того, как все произойдет. До того, как последний кусочек моего плана встанет на свое место.

Они вернутся без меня. И чтобы поддерживать иллюзию силы, Тамлин и Ианфе будут лгать о том, куда я ушла. И возможно через день или два один из стражников расскажет новость, аккуратно расставленную ловушку, которую я вложила в его разум как один из моих охотничьих капканов.

Я бежала, чтобы спасти свою жизнь, после того, как чуть не была убита принцем и принцессой Хайберна. Я заложила в его голову картинки своего тела, подвергнутого зверским издевательствам, отметки соответствуют уже проявленному стилю Дагдана и Браннэ. Он подробно опишет их — опишет, как он помог мне уйти, пока не стало слишком поздно. Как я бежала, чтобы спасти свою жизнь, пока Тамлин и Ианфе отказались вмешиваться, рискуя союзом с Хайберном.

И когда стражник раскроет правду, больше не способный оставаться молчаливым, когда

моя печальная участь была скрыта Тамлином и Ианфе, когда Тамлин просто встал на сторону Ианфе в тот день, когда он выпорол того стражника...

Когда он опишет, что Хайберн со мной сделал, их Разрушительницей Проклятья, их недавно помазанной Благословленной Котлом, прежде чем мне пришлось бежать, спасая свою жизнь...

В будущем союза не будет. Потому что не будет ни стражника, ни жителя этого двора, которые пойдут за Тамлином или Ианфе после этого. После *меня*.

Я нырнула в свою палатку, чтобы схватить свой рюкзак, мои шаги легкие и быстрые. Прислушиваясь, едва дыша, я оглядела лагерь, лес. Еще несколько секунд я потратила на кражу патронаша ножей Тамлина, который он оставил в своей палатке. Они помешали бы ему стрелять из лука, как он объяснил мне этим утром.

Когда я набросила его на грудь, вес дал о себе знать. Иллирийские боевые ножи.

Домой. Я иду *домой*.

Я не стала оглядываться на лагерь, когда проскользнула в северную часть леса. Если бы я рассеялась, не останавливаясь между прыжками, то была бы у подножья горы через час — и вскоре исчезла бы в одной из пещер.

Я прошла примерно сотню ярдов среди деревьев, прежде чем остановилась.

Сначала я слышала Люсьена.

— Остановись.

Низкий женский смех.

Все во мне застыло при этом звуке. Я слышала его раньше — в воспоминании Рисанда.

Продолжай идти. Они отвлечены, как бы ужасно это ни было.

Продолжай идти, продолжай идти, продолжай идти.

— Я думала, ты найдешь меня после Обряда, — промурлыкала Ианфе.

Они не дальше, чем в тридцати фунтах от деревьев. Достаточно далеко, чтобы не заметить моего присутствия, если я буду тихой.

— Я был обязан исполнить Обряд, — отрезал Люсьен. — Та ночь была не из-за моего желания, уж поверь мне.

— Нам было весело, тебе и мне.

— У меня теперь есть мейт.

Каждая секунда была моим погребальным звоном. Я подготовила все к падению; прошло уже много времени с тех пор, как я прекратила чувствовать вину и сомнения о своем плане. Не сейчас, когда Элис благополучно ушла.

И все же — и все же —

— С Фейрой ты поступил по-другому, — угроза, обернутая шелком.

— Ты ошибаешься.

— Неужели? — хрустнули сучья и листья, как если бы она ходила кругами около него. — Ты трогал ее своими руками везде.

Я слишком хорошо сделала свою работу, слишком сильно провоцируя ее ревность при каждом удобном случае, когда находила способы заставить Люсьена прикасаться ко мне в ее присутствии, в присутствии Тамлина.

— *Не* трогай меня, — прорычал он.

И тут я двинулась.

Я замаскировала звук своих шагов, ступая тихо как пантера, когда я подошла к поляне, на которой они стояли.

Где стоял Люсьен спиной к дереву — на его запястьях две одинаковые ленты из синего камня.

Я уже видела их. На Рисе, чтобы парализовать его силу. Камень, высеченный из гнилой земли Хайберна, способный аннулировать силу. И в таком случае... удерживая Люсьена у дерева, когда Ианфе смотрела на него как змея перед кормежкой.

Она скользнула рукой по его широкой груди, его животу.

И глаза Люсьена метнулись ко мне, когда я выступила между деревьев, его золотистая кожа покраснела от страха и унижения.

— Достаточно, — сказала я.

Ианфе повернула голову ко мне. Ее улыбка была невинной, скромной. Но я видела, как она отметила рюкзак и патронаш Тамлина. Оставляя их без внимания.

— Мы в процессе игры. Не так ли, Люсьен?

Он не ответил.

И вид этих кандалов на нем, как бы она ни поймала его в ловушку, вид ее *руки*, все еще на его животе —

— Мы вернемся в лагерь, когда закончим, — сказала она, снова поворачиваясь к нему.

Ее рука скользнула ниже, не для ее удовольствия, а чтобы просто швырнуть мне в лицо, что она *может* —

Я ударила.

Не своими ножами или магией, а своим разумом.

Я сорвала щит, который держала вокруг нее, защищая от воздействия близнецов — и врезалась в ее сознание.

Маска на грани распада. Вот как это было — зайти внутрь этой красивой головы и найти в ней такие ужасные мысли. Дорожка мужчин, на которых она использовала свою силу или откровенно заставляла спать с собой, убежденная в своем праве на них. Я оторвалась от этих воспоминаний, овладевая собой.

— Убери от него свои руки.

Она так и сделала.

— Освободи его.

Кожа Люсьена побледнела, когда Ианфе подчинилась мне с совершенно пустым лицом. Синие кандалы упали на мшистую землю.

Рубашка Люсьена была перекошена, верхняя пуговица штанов уже расстегнута.

Рев, наполняющий мой разум, был таким громким, что едва слышала себя, когда сказала:

— Возьми этот камень.

Люсьен по-прежнему прижимался к дереву. И он молча смотрел, как Ианфе наклонилась, чтобы взять серый, грубый камень размером с яблоко.

— Положи свою правую руку на этот валун.

Она подчинилась, хотя по ее спине пробежала дрожь.

Ее разум бился против моего будто рыба, пойманная на крючок. Я вонзила свои ментальные когти глубже, и какой-то ее внутренний голос начал кричать.

— Бей камнем свою руку так сильно, как можешь, пока я не скажу тебе остановиться.

Руку, которую она наложила на него и на еще многих.

Ианфе подняла камень. Первый удар вызвал приглушенный влажный глухой стук.

Второй — настоящую трещину.

Третий вызвал кровь.

Ее рука поднималась и опускалась, ее тело содрогнулось в агонии.

И я сказала ей очень ясно:

— Ты никогда не прикоснешься к другому человеку против его желания. Ты никогда не убедишь себя, что они действительно хотят твоего успеха, что они играют в игры. Ты никогда не почувствуешь прикосновений другого человека, если он того не захочет, если это не было *совместным* решением.

Сильный удар; треск; глухой звук.

— Ты не вспомнишь, что здесь произошло. Ты скажешь остальным, что упала.

Ее безымянный палец выгнулся в неправильном направлении.

— Ты можешь сходить к целителю, чтобы вправить кости. Но не для того, чтобы убрать ширы. И каждый раз глядя на них, ты будешь вспоминать, что если прикасаться к людям без их согласия, то столкнешься с последствиями, и если сделаешь это снова, то перестанешь существовать. Ты будешь жить с этим страхом каждый день и никогда не узнаешь, откуда он появился. Только страх, что кто-то гонится за тобой, отслеживает тебя, ожидает момента, когда ты отпустишь всю свою стражу.

Тихие слезы боли текли по ее лицу.

— Теперь можешь остановиться.

Окровавленный камень упал на землю. Ее рука была лишь сломанными костями, обернутыми клочьями кожи.

— Будешь стоять на коленях, пока кто-нибудь тебя не найдет.

Ианфе упала на колени, кровь с ее сломанной руки вымазала ее бледные одеяния.

— Я подумывала перерезать твое горло этим утром, — сказала я ей. — Я обдумывала это всю ночь, пока ты спала рядом. Я подумывала об этом каждый день, с тех пор как ты продала моих сестер Хайберну, — небольшая улыбка. — Но я думаю, что это наказание лучше. Надеюсь, ты проживешь долгую-долгую жизнь, Ианфе, и никогда будешь знать покоя.

Я смотрела на нее еще некоторое время, увязывая все свои слова и команды в ее разуме, и потом повернулась к Люсьену. Он поправил штаны и рубашку.

Его расширенные глаза скользнули от нее ко мне, затем к окровавленному камню.

— Слово, которое ты ищешь, Люсьен, — пропел ленивый женский голос, — *даэмати*.

Мы повернулись к Браннэ и Дагдану, когда они вышли на поляну, ухмыляясь будто волки.

ГЛАВА

10

Бранна провела пальцами по золотым волосам Ианфе, щелкая языком при виде кровавого месива, лежавшего у нее на коленях.

— Собралась куда-то, Фейра?

Я сняла свою маску.

— Есть места, в которых я должна быть, — сказала я близнецам, отметив фланговые позиции, которые они слишком небрежно занимали вокруг меня.

— Что может быть важнее помощи нам? В конце концов, вы поклялись помочь нашему королю.

Время — тянут время, пока Тамлин не вернется с охоты с Юрианом.

Люсьен оттолкнулся от дерева, но не подошел ко мне. На его лице мелькнуло что-то вроде страдания, когда он, наконец, увидел украденный патронаш и рюкзак на моих плечах.

— У меня нет преданности тебе, — сказала я Браннэ, когда Дагдан начал исчезать с моего поля зрения. — Я свободна, вольна идти куда хочу и когда хочу.

— Неужели? — размышляла Бранна, поднося руку к мечу на своем бедре.

Я слегка повернулась, чтобы Дагдан не стал в мою слепую зону.

— Такое осторожное плетение интриг все эти недели, такое умелое маневрирование. Не похоже, чтобы ты беспокоилась, что мы будем делать то же самое.

Они не позволят Люсьену покинуть эту поляну живым. Или по крайней мере с неповрежденным разумом.

Он, кажется, осознал это в то же момент, что и я, понимая, что они не раскрыли бы себя, не будучи уверенными, что это сойдет им с рук.

— Возьмите Весенний Двор, — сказала я без шуток. — Он все равно так или иначе рухнет.

Люсьен зарычал. Я проигнорировала его.

— О, мы намереваемся, — сказала Бранна, освобождая меч от темных ножен. — Но еще остается вопрос о тебе.

Я освободила два иллирийских боевых ножа.

— Ты не задавалась вопросом о головных болях? Как вещи кажутся немного приглушенными в определенных мысленных связях?

Мои силы истощались так быстро, становясь слабее и слабее за эти недели —

Дагдан фыркнул и, наконец, обратился к сестре:

— Я дам ей около десяти минут, до того как яблоко подействует.

Бранна усмехнулась, ударяя ногой кандалу из синего камня.

— Сначала мы дали жрице порошок. Измельченный камень фэбейн, перемолотый так хорошо, что вы не смогли увидеть, почувствовать его запах или вкус в вашей еде. Она добавляла понемногу, ничего подозрительного — не слишком много, чтобы заглушить все ваши силы за раз.

Мои внутренности сжались от тревоги.

— Мы были даэмати тысячи лет, девочка, — ухмыльнулся Дагдан. — Но нам даже не нужно пробираться в ее разум, чтобы заставить исполнять наши приказы. Но ты... такая отважная попытка защитить их всех от нас.

Разум Дагдана пронзил Люсьена как выстрел темной стрелы. Я врезалась в щит между ними. И моя голова — мои кости очень *болели* —

— Что за *яблоко*, — выплюнула я.

— Которое ты запихнула в свое горло час назад, — сказала Бранна. — Выращенное в личном саду короля, выдержанное на диете из воды с фэбейном. Достаточно, чтобы заблокировать твои силы на несколько дней, без применения кандалов. И вот ты здесь, думаешь, что никто не заметил, что ты планируешь сегодня исчезнуть, — она снова щелкнула языком. — Наш дядя был бы очень недоволен, позволь мы такому случиться.

У меня не хватало времени. Я могла бы рассеяться, но тогда я оставила бы им Люсьена, если только он не смог каким-то образом справиться с фэбейном, который попал в его

организм из еды в лагере —

Оставь его. Я должна и *смогу* оставить его.

Но его будет ждать что-то, что, возможно, хуже смерти —

Его красно-коричневый глаз поблескивал.

— Иди.

Я сделала свой выбор.

Я взорвалась в ночь, дым и тень.

И даже тысяч лет не было достаточно для Дагдана, чтобы подготовиться, когда я рассеялась перед ним и ударила.

Я прорезала его кожаные доспехи, но недостаточно глубоко, чтобы убить, и, когда сталь зацепилась за их пластины, он мастерски извернулся, заставив меня либо открыть свою правую сторону, либо потерять нож —

Я рассеялась снова. На этот раз Дагдан пошел за мной.

Я не сражалась с неизвестными друзьями Хайберна в лесу. Я не сражалась с Аттором и ему подобными на улицах Велариса. Дагдан был принцем Хайберна — командиром.

И он сражался соответственно.

Рассеяться. Ударить. Рассеяться. Ударить.

Мы были черных вихрем стали и тени на поляне, месяцы жестких тренировок Кассиана дали о себе знать, когда я обрела почву под ногами.

У меня было смутное ощущение, что Люсьен смотрит в изумлении, даже Бранна была озадачена моим проявлением навыков против ее брата.

Но удары Дагдана не были тяжелыми — нет, они были точными и быстрыми, но он не вкладывал в них всего себя.

Тянет время. Утомляет меня, пока мое тело не переварит яблоко полностью, и его сила сделает меня практически смертной.

Так что я ударила по его слабому месту.

Бранна закричала, когда в нее врезалась стена огня.

Дагдан на мгновение потерял бдительность. Когда я глубоко порезала его живот, он заревел так, что птицы попадали с деревьев.

— Ты маленькая сучка, — выплюнул он, уклоняясь от моего следующего удара, когда огонь погас, и мы увидели Браннэ, стоящую на коленях.

Ее физический щит был поставлен небрежно — она ожидала, что я буду атаковать ее разум.

Она дрожала, задыхаясь от боли. Запах обуглившейся кожи теперь донесся до нас, прямо с ее правой руки, ее ребер, ее бедра.

Дагдан снова бросился на меня, и я подняла оба ножа, встречая его клинок.

На этот раз он не потянул удар.

Я ощущала его эхо каждым дюймом тела.

Почувствовала еще и поднимающуюся, удушающую тишину. Я чувствовала ее раньше — в тот день в Хайберне.

Бранна поднялась на ноги с резким вскриком.

Но там был Люсьен.

Полностью сосредоточенная на мне, на отнимании той красоты, которую я выжгла из нее, Бранна заметила его рассеивание слишком поздно.

Пока меч Люсьена не преломил свет солнца, просачивающийся через купола деревьев.

А потом встретил плоть и кость.

Поляна сотряслась, как будто какая-то нить между близнецами была обрезана, когда темная голова Браннэ ударилась о траву.

Дагдан закричал, устремляясь к Люсьену, рассеиваясь к нему, и между нами теперь было пятнадцать футов.

Люсьен едва успел вытащить свой окровавленный клинок из перерезанной шеи Браннэ, когда Дагдан появился перед ним, делая выпад мечом с целью пронзить его горло.

У Люсьена было достаточно времени, чтобы увернуться от смертельного удара Дагдана.

У меня было достаточно времени, чтобы остановить все это.

Я скрестила свой нож с мечом Дагдана, глаза обоих широко раскрылись, когда я рассеялась между ними — и воткнула нож между глаз Дагдана. Прямо в череп.

Кости, кровь и мягкие ткани скользнули по ножу, а рот Дагдана был все еще открыт в изумлении, когда я выдернула нож.

Я позволила ему упасть на сестру, глухой удар плоти о плоть был единственным звуком.

Я глянула на Ианфе, моя сила исчезала, ужасно болели внутренности, но я сделала последнее распоряжение, внося поправку в ранее сказанные.

— Скажешь всем, что я убила их. Это была самозащита. После того, как они причинили мне такую боль, пока ты и Тамлин *ничего* не делали. Даже когда они будут пытаться тебя, чтобы узнать правду, скажешь, что я сбежала, после того как убила их — чтобы избавить этот двор от ужасов.

Пустые, отсутствующие глаза были единственным ответом.

— Фейра.

Голос Люсьена был хриплым.

Я лишь вытерла свои ножи о спину Дагдана, прежде чем вернуться к своему упавшему рюкзаку.

— Ты возвращаешься. В Ночной Двор.

Я взвалила на плечи тяжелый рюкзак, и, наконец, посмотрела на него.

— Да.

Его загорелое лицо побледнело. Но он осмотрел Ианфе и мертвых близнецов.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — сказала я, направляясь к деревьям.

Мой живот пронзила судорога. Мне нужно уйти — нужно использовать остатки своей силы, чтобы рассеяться к холмам.

— Ты не сможешь этого сделать без магии, — предупредил он меня.

Я стиснула зубы от резкой боли в животе, когда собралась с силами, чтобы рассеяться. Но Люсьен схватил меня за руку, останавливая.

— Я пойду с тобой, — сказал он снова, его лицо было залито кровь столь же яркой, как и его волосы. — Я верну своего мейта.

Не было времени на спор. На правду, обсуждения и ответы, которые, как я видела по его глазам, он отчаянно желал получить.

Тамлин и остальные уже слышали крики.

— Не заставляй меня сожалеть об этом, — сказала я ему.

Кровь наполнила мой рот, когда несколько часов спустя мы достигли предгорья.

Я тяжело дышала, моя голова пульсировала, мой живот — тугой узел боли.

Люсьен выглядел не намного лучше, его рассеивание было столь же ненадежным, как и мое, когда мы остановились посреди зеленых холмов, и он согнулся пополам, держа руки на коленях.

— Она исчезла, — сказал он, задыхаясь. — Наверно, сегодня мы все получили дозу.

Они дали мне отравленное яблоко лишь для того, чтобы удостовериться, что оно меня окончательно подкосит.

Моя сила ускользала от меня как волна от берега. Только за этим не следовало возвращение. Она просто уходила все дальше в море пустоты.

Я посмотрела на солнце, которое теперь было над горизонтом примерно на ширину руки, и между холмами уже залегали тени, толстые и тяжелые. Я сориентировалась, перебирая в уме все знания, которые собрала за эти недели.

Покачиваясь, я шагнула на север. Люсьен схватил меня за руку.

— Ты пройдешь через дверь?

Я скользнула по нему ноющими глазами.

— Да.

Пещеры — двери, как они их называют — в этих лощинах ведут в другие районы Прифиана. Раньше я проходила через одну прямо в Подгорье. Теперь я пройду через ту, что приведет меня домой. Или так близко к нему, насколько возможно. Не существует двери в Ночной Двор, здесь или где-либо еще.

И я не стала бы рисковать своими друзьями, позвав их сюда, чтобы они меня забрали. Неважно, что связь между Рисом и мной... я почти не чувствовала ее.

Онемение начало распространяться по моему телу. Я должна выбраться отсюда — сейчас же.

— В таком случае нам нужен портал в Осенний Двор, — предупреждение и упрек.

— Я не могу пойти в Летний. Они убьют меня, как только увидят.

Тишина. Он отпустил мою руку. Я сглотнула, хотя из-за того, что у меня пересохло в горле, я едва могла это сделать.

— Другая дверь ведет в Подгорье, а больше дверей нет. Мы запечатали все остальные входы. Если мы пойдем туда, то можем попасть в ловушку — или должны будем вернуться.

— Тогда мы пойдем в Осенний. И оттуда... — я замолчала, прежде чем закончить.

Домой. Но Люсьен узнает об этом в любом случае. И, похоже, он уже понял это — чем является Ночной Двор. *Домом.*

Я почти могла видеть это слово в его красновато-коричневом глазе, когда он покачал головой. *Позже.*

Я кивнула ему молча. Да — позже мы решим все это.

— Осенний Двор будет таким же опасным, как и Летний, — предупредил он.

— Мне лишь нужно где-нибудь спрятаться — залечь на дно, пока... пока мы не сможем рассеяться снова.

Слабое жужжание и звон заполнили мой слух. И я почувствовала, как моя магия исчезла полностью.

— Я знаю одно место, — сказал Люсьен, направляясь к пещере, которая приведет нас к нему домой.

К землям семьи, которая предала его так же, как и этот двор предал меня.

Мы ускорили шаг, быстрые и молчаливые как тени.

Пещера к Осеннему Двору не охранялась. Люсьен глянул на меня через плечо, словно спрашивая, не моих ли это рук дело — отсутствие стражников, которые всегда находились здесь.

Я еще раз кивнула. Я скользнула в их разумы до того, как мы ушли, убеждаясь, что эта дверь будет свободна. Кассиан научил меня всегда иметь запасной путь отступления. Всегда.

Люсьен остановился перед клубящимся мраком пещеры, чернота как змея готова была поглотить нас обоих. Его челюсть напряглась.

— Оставайся, если хочешь. Что сделано, то сделано, — сказала я.

Потому что Хайберн наступал — уже был здесь. Я обдумывала это в течение многих недель: лучше самим претендовать на Весенний Двор или позволить нашим врагам забрать его.

Но он не мог оставаться нейтральным — барьер между нашими силами на Севере и людьми на Юге. Было бы легко позвать Рисанда и Кассиана, привести сюда позже иллирийский отряд, чтобы захватить территорию, когда она была бы ослабленной после моих маневров. В зависимости от того, как много Кассиан уже может делать — если он все еще лечился.

Но, тем не менее, мы бы управляли еще одной территорией с пятью другими дворами между нами. Но Весенний Двор мог повлиять на симпатии; другие могли бы начать объединяться против нас с Хайберном, считая завоевание этого двора доказательством нашей безнравственности. Но если бы Весенний Двор отошел к Хайберну.. Мы могли бы сплотить другие дворы. Атаковать всем вместе с Севера, приближаясь к Хайберну.

— Ты была права, — заявил напоследок Люсьен. — Та девушка, которую я знал, умерла в Подгорье.

Я не была уверена, что это было оскорблением. Но все же я кивнула.

— По крайней мере, в этом мы согласны.

Я вошла в ожидающие холод и тьму.

Люсьен шел со мной в ногу, когда мы шагали по резному грубому камню с обнаженными клинками, когда мы оставили тепло и зелень вечной весны.

И вдали, так слабо, что могло показаться, что мне просто показалось, звериный рев расколол землю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РАЗРУШИТЕЛЬНИЦА ПРОКЛЯТИЙ

ГЛАВА

11

Сначала на меня обрушился холод.

Свежий хрустящий холод, пропитанный глинистой землей и гнилью.

В сумерках мир за узкой пещерой был сетью красного, золотого, коричневого и зеленого, деревья толстые и старые, мшистая земля усеяна камнями и валунами,

отбрасывающими длинные тени.

Мы вынырнули из пещеры с обнаженными клинками, едва дыша после притока воздуха.

Но никто не охранял вход в царство Берона — никого, кого мы бы увидеть или почувствовать.

Без своей магии я снова ослепла, неспособная раскинуть мысленную сеть по древнему яркому лесу, чтобы поймать любые следы разума Фэ, находящихся неподалеку.

Совершенно беспомощная. Какой я была раньше. Как я выжила так долго без нее... Я даже не хотела об этом думать.

Мягкими шагами, будто кошки, мы крались по мху, камню и дереву, наше дыхание кружилось перед нами.

Продолжай идти, продолжай двигаться на север. Рис уже должен был понять, что наша связь потемнела, и сейчас, скорее всего, пытается понять, спланировала ли я это. Стоит ли рисковать раскрытием наших планов, чтобы найти меня.

Но пока он... пока он сможет слышать меня, найти меня... я должна продолжать движение.

Поэтому я позволила Люсьену вести нас, желая, чтобы я была способна хотя бы увидеть что-то, что может помочь пробиться через темнеющий лес. Но моя магия все еще тиха и заморожена. Опора, от которой я стала слишком зависима.

Мы направились в лес, температура понижалась с каждым исчезающим лучом света.

Мы не разговаривали с тех пор, как вошли в пещеру между дворами. По неподвижности его плеч, стиснутой челюсти, тихим твердым шагам я знала, что лишь потребность быть незамеченными удерживает его от вопросов, кипящих в его голове.

Ночь полностью опустилась, хотя луна еще не взошла, когда он повел нас к другой пещере.

Я замешкалась у входа.

Люсьен сказал голосом ровным и таким же холодным, как и воздух:

— Она никуда не ведет. Она изгибается в глубине и нас не смогут увидеть.

Тем не менее, я позволила ему первому зайти внутрь.

Ноги и руки болели, каждое движение было вялым. Но я вошла за ним в пещеру, и свернула за поворотом, о котором он говорил.

Удар кремня и кремень и я обнаружила, что смотрю подобие временного лагеря.

Свеча, которую зажег Люсьен, стояла в естественном каменном выступе, а рядом на полу лежали три постели и старых одеяла, покрытых листьями и паутиной. Небольшое кострище в центре пещеры, а над ним обугленный потолок.

Здесь никого не было месяцами. Годами.

— Раньше я оставался здесь во время охоты. Прежде... чем я ушел, — сказал он, изучая пыльную книгу в кожаном переплете, оставленную в каменном выступе рядом со свечой. Затем с грохотом опустил фолИанф. — Это только на ночь. Еду найдем с утра.

Я лишь подняла ближайшую постель и несколько раз ударила ее, вытрясая листья и облака пыли.

— Ты действительно это планировала, — сказал он наконец.

Я села на постель и начала разбирать свой рюкзак, вытаскивая теплую одежду, еду и вещи, которые собрала Элис.

— Да.

— Это все, что ты можешь сказать?

Я понюхала еду, гадая, есть ли в ней фэбейн. Он может быть во всем.

— Слишком рискованно есть это, — признала я, уклоняясь от его вопроса.

У Люсьена ничего этого не было.

— Я знал. Я знал, что ты лжешь, с того момента, когда ты выпустила свет в Хайберне. У моей подруги из Дневного Двора точно такая же сила, ее свет идентичен. И он делает того конского дерьма, о котором ты лгала.

Я сунула рюкзак под постель.

— Тогда почему не рассказал ему? Ты во всех смыслах был его верным псом.

Его глаза, казалось, кипели. Как если бы пребывание в его землях вывело расплавленную руду в нем на поверхность, даже с блоком на его силах.

— Рад видеть, что, по крайней мере, ты сняла маску.

В самом деле, я позволила ему это все увидеть — мое лицо не выражало ничего, кроме холодности.

Люсьен фыркнул.

— Я не рассказал ему по двум причинам. Первая, это было бы как ударить уже сломанного мужчину. Я не мог отнять у него эту надежду, — я закатила глаза. — Вторая, — огрызнулся он, — я знал, что если я был прав и обвинил бы тебя в этом, ты бы нашла способ убедиться, что я никогда не увижу ее.

Мои ногти впились в мои руки достаточно сильно, чтобы причинить боль, но я продолжала сидеть на постели, когда я оскалилась на него.

— И поэтому ты здесь. Не потому, что это правильно и он всегда был неправ, но просто потому, что так ты сможешь получить, что, как *ты* думаешь, должно быть твоим.

— Она мой *мейт* и в руках моего врага –

— Я с самого начала не скрывала, что Элейн в безопасности и о ней заботятся.

— И я должен был поверить тебе.

— Да, — прошипела я. — Ты должен был. Потому что если бы хоть на момент я поверила, что мои сестры в опасности, никакой Высший Лорд или король не смог бы удержать меня от их спасения.

Он лишь покачал головой, в его волосах танцевал свет свечи.

— У тебя хватает наглости, чтобы сомневаться в моих приоритетах в отношении Элейн, но каким был твой мотив, когда я беспокоился о ней? Ты планировала обойти меня на своем пути разрушения из-за настоящей дружбы или просто из-за того, что это может с ней сделать?

Я не ответила.

— Ну и? Какие грандиозные планы у тебя были на меня до вмешательства Ианфе?

Я потянула нитку, вылезшую из постели.

— Ты был бы в порядке, — сказала я.

— А как насчет Тамлина? Ты планировала выпотрошить его перед уходом и просто не получила такой возможности?

Я вырвала эту нитку из постели.

— Я обдумывала это.

— Но?

— Но я подумала, что худшим наказанием будет дать его двору рухнуть. Уж точно более долгим, чем легкая смерть, — я сняла ножи Тамлина, скрепя кожей по грубому каменному

полу. — Ты его эмиссар, и, конечно, понимаешь, что вырывание его глотки, как бы это ни удовлетворяло, не даст нам союзников в этой войне.

Нет, это даст Хайберну слишком много возможностей навредить нам.

Он скрестил руки на груди. Готовясь начать долгий спор. Но прежде чем он смог это сделать, я вмешалась:

— Я устала. И наши голоса отдадут эхом. Давай решим это не тогда, когда нас в любой момент могут поймать и убить.

Его взгляд был как раскаленное железо.

Но я проигнорировала его и примостилась на постели, от которой пахло пылью и гнилью. Я накинула на себя свой плащ, но не закрыла глаза.

Я не осмелилась спать — не тогда, когда он мог резко изменить свое решение. Все же просто лежать, не двигаться, не думать... В некоторых местах напряженность тела спала.

Люсьен задул свечу, и я слушала, как он тоже ложится.

— Мой отец будет охотиться на тебя за то, что у тебя есть его сила, если узнает об этом, — сказал он в холодную тьму. — И убьет за то, что ты научилась ей управлять.

— Он может встать в очередь, — сказала я.

Мое истощение как одеяло покрывало мои чувства, когда серый свет заливал стены пещеры.

Большую часть ночи я дрожала, вздрагивая при каждом звуке в лесу, остро ощущая каждое движение Люсьена в его постели.

Когда он сел, по его изможденному лицу я догадалась, что он тоже не спал, возможно думая о том, что я могу бросить его. Или что его семья найдет нас первой. Или моя.

Мы изучили друг друга.

— Что теперь, — прохрипел он, скребя по лицу широкой рукой.

Рис не пришел — я не слышала даже его шепота по связи.

Я чувствовала свою магию, но лишь ее пепел принадлежал мне.

— Мы будем идти на север, — сказала я. — Пока фэбейн не выйдет из наших организмов и мы сможем рассеяться.

Или пока я не смогу связаться с Рисом и остальными.

— На севере лежит двор моего отца. Чтобы избежать его, нам нужно идти на запад или восток.

— Нет. Восток приведет нас слишком близко к границе с Летним Двором. И мы не можем терять время, идя на восток. Мы пойдем прямо на север.

— Стражники моего отца найдут нас с легкостью.

— Тогда нам придется остаться незамеченными, — сказала я, поднимаясь.

Я выбросила последнюю еду из своего рюкзака. Пусть она достанется стервятникам.

Путешествие по Осеннему Двору было как попадание в шкатулку драгоценностей.

Даже если все это потенциально охотилось на нас, цвета были такими яркими, что было трудно не глазеть на них.

К середине утра иней растаял под мягким солнцем, открывая взору все, что можно

съесть. Мой желудок бурчал при каждом шаге и рыжие волосы Люсьена сверкали как листья под нами, когда он просматривал лес, ища что-то, что может наполнить наши животы.

Его лес, по крови и закону. Он сын этого леса, и здесь... Он выглядел сделанным из него. Для него. Даже этот золотой глаз.

В конце концов Люсьен остановился у желтовато-зеленого ручья, пробираясь по гранитному бортику, в место, которое, он клялся, когда-то кишело форелью.

Я мастерила элементарную удочку, когда он зашел в ручей без сапог и с закатанными по колено штанами, и поймал рыбу голыми руками. Он завязал волосы и несколько пряжей упали на его лицо, когда он спустился и бросил вторую форель на песчаный берег, пока я пыталась найти материал для рыболовных снастей.

Мы молчали, когда рыба перестала дергаться, их бока мерцали всеми цветами.

Люсьен взял их за хвосты, как если бы делал это тысячи раз. Скорее всего, так и было, прямо в этом ручье.

— Я почищу ее, пока ты будешь разводить огонь.

При дневном свете блеск пламени будет незаметен. Хотя дым... вынужденный риск.

Мы работали и ели в тишине, единственным звуком было потрескивание огня.

Пять дней мы двигались на север, едва обмениваясь словами.

Усадьба Берона была столь огромной, что у нас ушло три дня на ее обход. Люсьен повел нас по окраинам, напрягаясь при каждом шорохе.

Как сообщил мне Люсьен в те редкие разы, когда мы рисковали заговорить друг с другом, Лесной Дом был размашистым комплексом. Он был построен внутри и среди камней и деревьев, и только его верхние уровни видны на земле. Внизу он пролегал туннелями в камне. Но их разрастание привело к таким размерам. Можно идти от одного конца Дома к другому, и это займет половину утра. Его окружало множество стражников: в деревьях, на земле, на покрытой мхом черепице и в камнях самого Дома.

Без ведома Берона никто не мог приблизиться к дому. Никто не мог его покинуть без разрешения Берона.

Я знала, что мы обходим дом по карте передвижений и дежурства стражников, которую знал Люсьен, когда его плечи поникли.

Я уже тяжело опускалась.

Я едва спала, позволяя себе это лишь тогда, когда дыхание Люсьена приобретало другой, более глубокий ритм. Я знала, что не смогу так долго продержаться, но без способности защититься, ощутить любую опасность...

Я гадала, ищет ли меня Рис. Почувствовал ли он тишину.

Я должна была отправить ему сообщение. Сказать ему, что я иду и как меня найти.

Фэбейн — вот почему связь заглушалась. Возможно, за это мне следовало убить Ианфе.

Но что сделано, то сделано.

Я протерла ноющие глаза, наслаждаясь отдыхом под яблоней, полной больших сочных плодов.

Я забила ими весь свой рюкзак. Два огрызка уже лежали передо мною, их сладкий гниющий запах был колыбельной для гудящих пчел, летающих около упавших яблок. Третье яблоко лежало на моих вытянутых ногах.

После всего, что сделали близнецы, я должна была перестать есть яблоки на весь остаток жизни, но голод всегда размывал все границы для меня.

Люсьен, сидящий в нескольких шагах от меня, бросил четвертое яблоко в кусты, когда я укусила свое.

— Фермерские земли и поля близко, — объявил он. — Мы должны оставаться незамеченными. Мой отец плохо платит за урожай, а землевладельцы зарабатывают дополнительные деньги любыми способами.

— Даже продавая местоположение одного из сыновей Высшего Лорда?

— *Особенно* так.

— Ты им не нравишься?

Его челюсть сжалась.

— Как самый младший из семи сыновей, я не был особенно нужен или желаем. Возможно, это было хорошо. Я мог учиться дольше, чем отец разрешал другим братьям, прежде чем вышвырнуть их за дверь, чтобы они правили одной из наших территорий, и я мог тренироваться, сколько хотел, так как не полагал, что я настолько глуп, чтобы проложить свой путь на вершину списка наследников убийствами. И когда мне стало скучно учиться и сражаться... я узнал, что мог, про землю от ее людей. Узнал также и о людях.

Он со стоном поднялся на ноги, его распущенные волосы мерцали от полуденного солнца, рассыпающего оттенки крови и вина.

— Я бы сказала, что это звучит скорее как жизнь-Высшего-Лорда, чем жизнь праздного, нежеланного сына.

Длинный стальной взгляд.

— Ты думаешь, что лишь ненависть побудила моих братьев сделать все возможное, чтобы сломить и убить меня?

По моему позвоночнику пробежала дрожь. Я закончила яблоко и развернулась, срывая еще одно с нижней ветви.

— Ты хочешь её — корону своего отца?

— Никто меня об этом не спрашивал, — сказал Люсьен, когда мы двинулись дальше, уклоняясь от гниющих падающих яблок.

Воздух был липко-сладким.

— Кровопролитие, которое начнется из-за короны, не стоит ее. И его гниющий двор тоже. Я бы получил корону лишь для того, чтобы править коварными двуличными людьми.

— Лорд Лисов, — сказала я, фыркая, вспоминая о маске, которую он когда-то носил. — Но ты так и не ответил на мой вопрос — почему здешние люди продадут тебя.

Впереди светился воздух, и за ближайшим деревом начиналось золотистое ячменное поле.

— Они будут делать это после Джесминды.

Джесминда. Он никогда не называл ее имени.

Люсьен скользнул между колеблющимися стеблями.

— Она была одной из них, — эти слова были едва слышны за вздохами ячменя. — И когда я не защитил ее... Это было предательством их доверия. Я бежал к другим домам, убегая от своих братьев. Они выгоняли меня за то, что я позволил этому случиться с ней.

Волны золота и цвета слоновой кости вращались вокруг нас, небо — живой, неискаженный голубой.

— Я не могу винить их за это, — сказал он.

Мы пересекли плодородную долину к вечеру. Когда Люсьен предложил остановиться на ночь, я настояла на продолжении пути — прямо к предгорьям, которые превращались в серые заснеженные горы, которые означали начало общей территории с Зимним Двором. Если бы мы смогли пересечь границу за день или два, то возможно моей вернувшейся силы было бы достаточно, чтобы связаться с Рисом — или рассеивать остаток пути домой.

Этот поход не был легким.

Большие скалистые валуны, испещренные мхом и длинными белыми травами, которые шипели как змеи, занимали наше восхождение. Ветер развеивал наши волосы, температура опускалась по мере того, как мы поднимались.

Этой ночью... Нам придется рискнуть и развести огонь этой ночью. Просто чтобы оставаться в живых.

Люсьен тяжело дышал, когда мы взбирались на нескладный валун, долина раскинулась позади, лес — запутанная река цвета за ее пределами. В какой-то момент он пропадет *из* виду.

— Как ты даже не запыхалась? — задыхался он, подтаскивая себя на плоскую вершину.

Я отбросила назад волосы, которые ветер вырвал из моей косы и они хлестали меня по лицу.

— Я тренировалась.

— Я это понял тогда, когда ты сражалась с Дагданом и победила.

— На моей стороне был элемент удивления.

— Нет, — тихо сказал Люсьен, когда потянулся к плато на следующем валуне. — Это все была ты, — мои ногти клацнули, когда я вцепилась пальцами в скалу и поднялась. — Ты прикрыла мою спину — с ними, с Ианфе. Спасибо.

Слова затронули что-то во мне, и я была рада, что ветер продолжал реветь вокруг нас, хотя бы потому, что скрывал жжение в моих глазах.

Наконец-то я поспала.

Треска огня в нашей последней пещере, тепла и относительной удаленности было достаточно, чтобы я, наконец, заснула.

И в своих снах, я думаю, что проплыла в сознание Люсьена, как если бы маленький уголек моей силы вернулся.

Мне снился уютный огонь, отвесные стены, пространство настолько маленькое, что оно едва вмещало нас и огонь. Мне снилась воющая темная ночь за его пределами тех звуков, что так осторожно прослушивал Люсьен, продолжая наблюдать.

Его внимание переключилось на меня.

Я никогда не знала, какой юной, какой человеческой выглядела во сне. Моя коса перекинута через плечо, рот слегка приоткрыт, лицо измождено днями с кратким отдыхом и малым количеством еды.

Мне снилось, как он снял свой плащ и укрыл им меня поверх одеяла.

Затем я выскользнула обратно, выплывая из его головы, когда мои сны изменились и

переместились в другое место.

Я позволила морю звезд убаюкать меня.

Рука так сильно сжала мое плечо, что стон моих костей заставил меня проснуться.

— Посмотри, кого мы нашли, — протянул холодный мужской голос.

Я знала это лицо — рыжие волосы, бледную кожу, ухмылку. Знала лица двух других мужчин в пещере. Между ними пригвожден к стене рычащий Люсьен.

Его братья.

ГЛАВА

12

— Отец, — сказал Люсьену тот, который теперь держал нож у моего горла, — в некоторой степени расстроен, что вы не зашли поздороваться.

— Мы здесь по поручению и не можем задерживаться, — любезно ответил Люсьен, овладевая собой.

Нож сильнее надавил на мою кожу, когда он рассмеялся.

— Правильно. Ходят слухи, что вы двое убежали вместе, изменив Тамлину, — его улыбка расширилась. — Я не думал, что в тебе такое есть, братец.

— Кажется, он был в ней, — хихикнул один из них.

Я скользнула взглядом по мужчине, стоящему надо мной.

— Ты освободишь нас.

— Наш уважаемый отец хочет вас увидеть, — сказал он со змеиной улыбкой, а его нож не дрогнул. — Так что вы пойдете с нами в его дом.

— Эрис — предупредил Люсьен.

Это имя прозвенело во мне. Надо мной, всего в нескольких дюймах... Бывший жених Мор. Мужчина, который бросил ее, когда он нашел ее жестоко избитое тело на границе. Наследник Высшего Лорда.

Могу поклясться, что фантомные когти впились в мои ладони.

Еще день или два, и я смогу перерезать им горло.

Но у меня нет этого времени. Есть только сейчас. И я должна это учитывать.

— Поднимайся, — холодно и скучающе сказал мне Эрис.

И тогда я почувствовала это — волнующее пробуждение, как будто от пинка. Как будто пребывание здесь, на этой территории, среди кровных правителей, каким-то образом зажгло в ней жизнь, кипя сквозь яд. Превращая яд в пар.

С ножом у моей шеи я позволила Эрису поднять меня на ноги, в то время как двое других вытащили Люсьена, прежде чем он сам смог подняться.

Учитывай это. Используй свое окружение.

Я поймала взгляд Люсьена.

И он увидел, как пот стекает по моим вискам, моей верхней губе, как моя кровь

нагревается.

Эрис приведет нас к Берону и Высший Лорд либо убьет нас забавы ради, либо продаст нас по очень высокой цене, либо будет удерживать у себя на неопределенное время. И после того, что они сделали с возлюбленной Люсьена, что они сделали Мор...

— После вас, — сказал Эрис ровно, наконец опустив нож.

Он пхнул меня.

Я выжидала. Баланс, как учил меня Кассиан, имеет решающее значение для победы в бою.

И когда Эрис толкнул меня, то пошатнулся и сам, и я повернулась к нему.

Скрутившись так быстро, что он не смог заметить, как я оказалась возле него и заехала ему локтем по носу.

Эрис отшатнулся.

Пламя полетело в двоих других, и Люсьен сошел с их пути, когда они закричали и погрузились еще глубже в пещеру.

Я отпустила каждую каплю огня во мне, формируя из него стену между нами. Запечатывая его братьев внутри пещеры.

— *Беги*, — выдохнула я, но Люсьен уже стоял рядом со мной, поддерживая мою руку своей, когда я все сильнее разогревала пламя.

Это не задержит их надолго, и я действительно почувствовала, как поднимается чья-то сила, бросая вызов моей.

Но тут была и другая сила, которой я могла воспользоваться.

Люсьен понял это в тот же момент, что и я.

Пот поблескивал на лбу Люсьена, когда пульсирующая огнем сила ударила по камням над нами. Посыпались пыль и мусор.

Я влила всю свою появившуюся силу в следующий удар Люсьена.

Он ударит сам.

Когда из моей пламенной сети появилось очень сердитое лицо Эриса, пылая, как новоявленный бог гнева, мы с Люсьеном обрушили потолок пещеры.

Огонь прорвался сквозь мелкие трещинки как тысяча языков пылающих змей, но пещера лишь задрожала.

— Поторопись, — задыхался Люсьен, и я не стала тратить воздух, соглашаясь, когда мы скрылись в ночи, шатаясь.

Наши рюкзаки, наше оружие, наша еда... все внутри пещеры.

У меня было два кинжала, у Люсьена один. На мне был мой плащ, но... он действительно отдал мне свой. Он дрожал от холода и клацал зубами, пока мы шли по горному склону, не решаясь остановиться.

Если бы я до сих пор была человеком, то была бы уже мертва.

Холод пробирал до костей, ревуций ветер хлестал нас как горячие кнуты. Мои зубы лязгали друг о друга, а пальцы были настолько одеревеневшими, что я едва могла хвататься за ледяной гранит, когда мы, шатаясь, проходили мили в горах. Возможно, мы оба не умирали от холода лишь потому, что в наших венах зажглось пламя.

Мы ни разу не остановились, из-за невысказанного страха, что если мы это сделаем, то

холод заберет все остатки нашего тепла, а мы больше не сможем двигаться. Или братья Люсьена достигнут нас.

Снова и снова я пробовала закричать по нашей с Рисом связи. Рассеяться. Вырастить крылья и попытаться перелететь этот горный перевал, когда мы пробирались сквозь снег, который был нам по пояс, и сильно скручивались, когда нам приходилось ползти, а наша кожа скользила по льду.

Но в удушающей хватке фэбейна все еще находилась большая часть моих сил.

Мы уже близки к границе с Зимним Двором, сказала я себе, когда прищурилась от порыва ледяного ветра, смотря на другой конец узкого горного перевала. Близки — и как только мы дойдем туда, Эрис и остальные не осмелятся сунуться на территорию другого двора.

При каждом шаге мои мускулы горели, мои сапоги пропитались снегом, а ноги слишком сильно затекли. Я провела в лесу достаточно много человеческих зим, что знать об опасных последствиях — угрозе холода и влажности.

В шаге от меня Люсьен тяжело дышал, а перед нами расходились стены из камня и снега, немного открывая горькую ночь, пропитанную звездами — и еще больше гор впереди. Я почти заскулила.

— Нам нужно продолжать идти, — сказал он, его волосы покрывал снег, и я подумала, что действительно заскулила секунду назад.

Лед щекотал мои замерзшие ноздри.

— Мы не продержимся так долго — нам нужно согреться и отдохнуть.

— Мои братья...

— Мы умрем, если продолжим идти.

Или потеряем пальцы и ноги в лучшем случае. Я указала на горный склон впереди, опасно уходящий вниз.

— Этой ночью мы не можем рисковать. Нам нужно найти пещеру и попытаться разжечь огонь.

— Из *чего*? — огрызнулся он. — Ты видишь какое-нибудь дерево?

Я лишь продолжила. Споры — всего лишь трата энергии и времени.

И, в любом случае, я не знала что ответить.

Интересно, переживем ли мы сегодняшнюю ночь.

Мы нашли пещеру. Глубокую и защищенную от ветра, невидимую снаружи. Мы с Люсьеном тщательно скрыли свои следы, убедившись, что порывы ветра нам помогают, скрывая наши запахи.

Вот на этом наша удача кончилась. Мы не нашли дерева; огня не было в венах ни одного из нас.

Так что единственным нашим выходом было тепло тела. Забившись в самый дальний угол пещеры, мы сидели бедро к бедру и рука к руке под моим плащом, насквозь промокшие, дрожа от холода.

Я едва слышала визг ветра из-за клацанья моих зубов. И его.

Найди меня, найди меня, найди меня, пыталась я прокричать по нашей связи. Но насмешливый голос моего мейта так и не ответил.

Только живая пустота.

— Расскажи мне о ней, о Элейн, — тихо попросил Люсьен.

Как если бы смерть, сидя на корточках в темноте рядом с нами, тоже привела его к мыслям о его мейте.

Я решила ничего не говорить, трясаясь слишком сильно, чтобы говорить, но...

— Она любила свой сад. Всегда любила что-то выращивать. Даже когда мы были нищими, она разбивала маленький сад в теплые месяцы. И когда... когда наше состояние вернулось, она занялась уходом и посадкой прекрасных садов, каких ты никогда не видел. Даже в Прифиане. Это сводило слуг с ума, потому что они должны были выполнять свою работу, а леди должны были лишь срезать розы тут да там, но Элейн надевала шляпу и перчатки и становилась на колени в грязь, пропалывая растения. Она вела себя как чистокровная леди во всем, кроме этого.

Люсьен долго молчал.

— Вела, — пробормотал он. — Ты говоришь о ней как о мертвой.

— Я не знаю, каким изменениям Котел подверг её. Я не думаю, что идти домой — это вариант. Как бы она не стремилась.

— Конечно, Прифиан — лучшая альтернатива, с войной или без.

Я набралась решимости, что сказать:

— Она помолвлена, Люсьен.

Я почувствовала, как все его тело напряглось рядом со мной.

— С кем?

Ровные, холодные слова. С угрозой на неистовство, кипящее внутри его.

— С сыном человеческого лорда. Этот лорд ненавидит фейри, и посвятил свою жизнь и богатство охоте на них. Нас. Мне сказали, что, несмотря на их свадьбу по любви, отец ее жениха хотел получить доступ к ее немалому приданному, чтобы продолжить свой поход против фейри.

— Элейн любит сына этого лорда.

Не совсем вопрос.

— Она говорит, что да. Нэста — Нэста думала, что отец и его навязчивая идея убивать фейри достаточно паршивы, чтобы вызывать некоторые тревоги. Она никогда не говорила о своем беспокойстве на этот счет Элейн. Как и я.

— Мой мейт помолвлен с человеческим мужчиной.

Он говорил больше для себя, чем для меня.

— Мне жаль, если —

— Я хочу увидеть ее. Только раз. Просто — чтобы знать.

— Знать что?

Он натянул мой влажный плащ повыше.

— Стоит ли она моей борьбы.

Я не могла заставить себя сказать, что она стоит этого, дать ему такую надежду, когда Элейн уж точно сделает все возможное, чтобы держаться за свою помолвку. Даже если ее бессмертие уже сделало это невозможным.

Люсьен откинул голову на стену за нами.

— А потом я спрошу твоего мейта, как он пережил это — зная, что твой мейт помолвлен с кем-то другим. Делит постель с другим мужчиной.

Я спрятала свои замерзшие ладони под руки, смотря вперед.

— Скажи, когда ты узнала, — потребовал он, и его колена вжалось в мое. — Что Рисанд был твоим мейтом. Скажи мне, когда ты разлюбила Тамлина и полюбила *его*.

Я решила не отвечать.

— Это произошло до твоего ухода?

Я тряхнула головой, поворачивая ее к нему, даже если я едва могла разглядеть его черты в темноте.

— Я месяцами никогда не прикасалась к Рисанду таким образом.

— Вы поцеловались в Подгорье.

— У меня был небольшой выбор тогда, как в танцах.

— И все же сейчас ты любишь этого мужчину.

Он не знал — не имел понятия о его личной истории, секретах, которые открыли мое сердце Высшему Лорду Ночного Двора. Не мне рассказывать эти истории.

— Можно подумать, Люсьен, что ты должен быть рад тому, что я влюбилась в своего мейта, учитывая, что сейчас ты в той же ситуации, в которой был Рис шесть месяцев назад.

— Ты *оставила* нас.

Нас. Не Тамлина. *Нас*. Во тьме, ревушем ветре и хлещущим снегом за поворотом, прозвучало эхо этих слов.

— Я уже говорила тебе в тот день в лесу: ты бросил меня задолго до того, как я физически ушла, — я снова вздрогнула, ненавидя каждое наше прикосновение, что я так нуждаюсь в его тепле. — Ты вписывался в Весенний Двор не лучше меня, Люсьен. Ты наслаждался его радостями и развлечениями. Но не притворяйся, что ты не создан для чего-то *большого*, чем это.

Его металлический глаз зажужжал.

— И куда, как ты думаешь, я впишусь? В Ночной Двор?

Я не ответила. Если честно, я не знала что. Как Высшая Леди, я могу предложить ему должность, если мы проживем достаточно долго, чтобы вернуться домой. Я бы сделала это в основном для того, чтобы удержать Элейн подальше от Весеннего Двора, но я не сомневалась, что Люсьен сможет отстоять свое мнение перед моими друзьями. И какая-то маленькая, ужасная часть меня наслаждалась мыслью, что я забрала у Тамлина еще одну вещь, что-то жизненно важное, что-то существенное.

— Мы должны уйти на рассвете, — сказала я.

Мы выдержали эту ночь.

Каждая часть меня была натянутой и болезненной, когда мы начали наш осторожный путь вниз по горе. Ни следа братьев Люсьена — или какой-нибудь другой жизни.

Меня это не волновало, не тогда, когда мы, наконец, пересекли границу и вошли на территорию Зимнего Двора.

Вдали, за горами, виднелась большая ледяная равнина. Потребуется несколько дней, чтобы пересечь ее, но это не важно: я проснулась с силой, достаточной, чтобы согреть нас небольшим костром. Медленно — так медленно проходил эффект фэбейна.

Готова поспорить, что к тому моменту, когда мы сможем рассеяться, мы пройдем половину этой равнины. Если нам будет светить удача и никто нас не найдет.

Я вспомнила каждый урок, который Рис преподавал мне о Зимнем Дворе и его Высшем

Лорде, Каллиасе.

Высокие, изящные дворцы, полные ревущих очагов и украшенные вечнозелеными растениями. Резные сани, являющиеся предпочтительным способом перевозки, тащит олень с бархатными рогами, чьи расширенные копыта идеальны для льда и снега. Их силы хорошо обучены, но они часто полагались на больших белых медведей, которые защищали двор от любых нежелательных посетителей.

Я молилась, чтобы никто из них не ожидал нас на льду, ведь их мех прекрасно сливался с ландшафтом.

Отношения между Ночным Двором и Зимним достаточно непрочные, все еще нестабильные, как и все наши связи после Амаранты. После того, как она убила так много фейри, включая, как я вспомнила с небольшим рвотным позывом, десятки детей из Зимнего Двора.

Я не могла представить это — потерю, ярость и горе. У меня никогда не хватало духа спросить у Риса во времена тренировок, чьи это были дети. Каковы были последствия. Было ли это худшим преступлением Амаранты или лишь одним из бесчисленных других.

Но, несмотря на нестабильные связи, Зимний был одним из Сезонных Дворов. Он может быть на стороне Тамлина, Тарквина. Нашими лучшими союзниками оставались Солнечные Дворы: Рассветный и Дневной. Но они были далеко на севере — выше разграничивающей линии между Солнечными и Сезонными Дворами. Того кусочка священной, никому не принадлежащей земли, в котором находилось Подгорье. И хижина Ткачихи.

Мы уйдем, прежде чем даже ступим в этот смертоносный, древний лес.

Прошел еще день и ночь, прежде чем мы полностью прошли горы и ступили на толстый лед. Ничего не росло, и я смогла это увидеть лишь тогда, когда мы перешли на твердую землю, покрытую густым снегом. Потому что слишком часто лед был чистым как стекло — а под ним темное, бездонное озеро.

По крайней мере, мы не встретили белых медведей. Но реальной угрозой, как мы в скором времени поняли, была нехватка укрытий: на льду не было ничего, чем можно было бы укрыться от ветра и снега. И если мы разведем огонь с помощью нашей слабой магии, любой сможет увидеть его. Не учитывая непрактичность костра на замороженном озере.

Когда солнце показалось над горизонтом, окрашивая равнину золотом, а тени все еще были как синие синяки, Люсьен сказал:

— Сегодня мы немного расплавим лед, чтобы смягчить его, и построим убежище.

Я задумалась. Мы прошли всего сотню метров озера, которое казалось бесконечным. Невозможно было сказать, где оно заканчивается.

— Ты думаешь, что мы будем на льду так долго?

Люсьен нахмурился, глядя на горизонт, окрашенный рассветом.

— Наверное, но кто знает, как далеко оно простирается?

Действительно, сугробы покрывали большую часть льда.

— Возможно, есть другой путь вокруг... — размышляла я, оглядываясь назад на наш оставленный небольшой лагерь.

Мы увидели одновременно. И теперь смотрели на три фигуры, которые стояли на краю озера. Улыбаясь.

Эрис поднял руку, покрытую пламенем.

Пламенем — чтобы растопить лед, на котором мы стоим.

— Беги, — выдохнул Люсьен.

Я не могла оторвать взгляд от его братьев. Не тогда, когда Эрис опустил руку к замерзшему краю озера.

— Куда именно бежать?

Рука соприкоснулась со льдом и выпустила пар. Лед потемнел, оттаивая по линии, ведущей прямо на нас —

Мы побежали. Скользкий лед не позволял бежать нормально, и мои лодыжки горели от усилий держать меня в вертикальном положении.

Впереди тянулось бесконечное озеро. И с едва взошедшим солнцем опасность будет еще труднее обнаружить —

— Быстрее, — приказал Люсьен. — Не смотри! — рявкнул он, когда я начала поворачивать голову, чтобы проверить, следуют ли они за нами.

Он кинулся ко мне, чтобы схватить за локоть, придерживая меня, прежде чем я сама заметила, что споткнулась.

Куда нам идти куда нам идти куда нам идти

Вода разбрызгивалась под моими сапогами — лед таял. Эрису приходилось тратить всю свою силу на то, чтобы растопить тысячелетний лед, либо он просто делал это медленно, чтобы поиздеваться над нами —

— Резко повернуться, — задыхался Люсьен. — Нам надо —

Он толкнул меня в сторону, и я пошатнулась, пытаюсь удержать равновесие.

В том месте, где я стояла, стрела срикошетила ото льда.

— *Быстрее*, — отрезал Люсьен, и я не колебалась.

Я пустилась в ровный бег, и мы с Люсьеном сошли с путей друг друга, когда стрелы продолжали лететь. Там где они приземлялись, таял лед, и не важно, как быстро мы бежали, поверхность под нами все таяла и таяла —

Лед. В моих венах есть лед, и теперь, когда мы прошли границу Зимнего Двора —

Мне было все равно, увидят ли они это — мою силу. Силу Каллиаса. Не тогда, когда альтернативы куда хуже.

Я выставила руку вперед, пока не начал растекаться растопленный лед.

С моей ладони брызнул лед, замораживая озеро еще раз.

Пока я бежала, с каждой частицей льда моя сила разгоралась, укрепляя то, что Эрис пытался расплавить. Возможно — есть шанс, что мы пересечем озеро, и они будут достаточно глупы, чтобы быть на нем, когда мы это сделаем... Если я могла формировать лед, то уж точно могу его разрушать.

Мой путь снова пересек путь Люсьена, и я увидела его расширенные глаза, и я открыла рот, чтобы рассказать ему свой план, когда появился Эрис.

Не рядом. Впереди.

Но сбоку от него стоял другой брат, направляя стрелу и выпуская ее в меня. Вырывая

крик из моего горла.

Я бросилась в сторону, покачиваясь.

Не достаточно быстро.

Край стрелы рассек мое ухо, мою щеку, оставляя жгучий след. Люсьен закричал, но летела еще одна стрела.

На этот раз она прошла через мое правое предплечье.

Лед врезался в мое лицо, мои руки, когда я упала, колени горели, рука — в агонии от удара —

Сзади по льду застучали сапоги третьего брата.

Я прикусила губу достаточно сильно, чтобы пошла кровь, когда сорвала с предплечья куртку и рубашку, разламывая надвое стрелу и вытаскивая ее. Мой рев разнесся по всему озеру.

Эрис сделал ко мне шаг, улыбаясь как волк, когда я снова поднялась, держа в руках два иллирийских ножа, а правая рука горела от движений —

Вокруг меня начал таять лед.

— Это может закончиться тем, что ты уйдешь под воду, умоляя меня вытащить тебя, когда лед снова замерзнет, — протянул Эрис.

Позади него, окруженный своими братьями, Люсьен достал свой нож и теперь примеряется к ним двоим.

— Или это закончится тем, что ты согласишься взять меня за руку. Но в любом случае ты пойдешь со мной.

Края моей раны уже затянулись. Исцеление — от Рассветных сил, бурлящих в моих венах —

И если это работает —

Я не дала Эрису время предугадать мой следующий ход.

Я резко втянула воздух.

Я вспыхнула белым, ослепительным светом. Эрис выругался, и я побежала.

Не к нему, не тогда, когда я ранена и не могу использовать свои ножи. Но прочь от него — к далекому берегу. Ослепила я и себя, поэтому я спотыкалась и шаталась, пока эти предательские пятна перед глазами не прошли. А потом я побежала.

Я пробежала всего двадцать футов, прежде чем Эрис рассеялся передо мной и ударил.

Тыльной стороной руки он ударил меня по лицу так сильно, что мои зубы врезались в мои губы.

Я даже не успела упасть, когда он ударил снова в мой живот, выбивая весь воздух из моих легких. Где-то там Люсьен сражался со своими братьями. Металл и огонь взорвались и столкнулись, разбивая лед.

И я опять не успела упасть, когда Эрис схватил меня за волосы, прямо у корней, держа их так сильно, что слезы потекли из моих глаз. Но он потащил меня обратно к тому берегу, прямо по льду —

Я боролась с болью в животе, боролась за глоток воздуха. Мои сапоги царапали лед, когда я слабо пиналась, но Эрис держал крепко —

Думаю, Люсьен выкрикнул мое имя.

Я открыла рот, но огненный кляп появился между моими губами. Он не горел, но был достаточно горячим, чтобы показать мне, что если Эрис захочет, то он может загореться. Одинаковые полосы пламени обвили мои запястья, лодыжки. Мое горло.

Я не могла вспомнить — не могла вспомнить, что делать, как двигаться, как *остановить* это —

Ближе и ближе к берегу, к ожидающим там стражникам, которые появились из ниоткуда. *Нет, нет, нет* —

Перед нами появилась тень, разбивая лед вокруг.

Не тень.

Иллирийский воин.

Семь красных Сифонов сверкнули на его черных доспехах, когда Кассиан сложил свои крылья и зарычал на Эриса так яростно, как будто сдерживал эту ярость пять веков.

Не мертвый. Не раненный. Целый.

Его крылья восстановлены и опять сильны.

Сквозь горящий кляп я издала дрожащий всхлип. Сифоны Кассиана дрогнули в ответ, как будто вид меня в руках Эриса —

Другое столкновение со льдом позади нас. По его следу скользнули тени.

Азриэль.

Я всерьез расплакалась, какая-то часть меня, которую я держала внутри себя, освободилась, когда появились мои друзья. Когда я увидела, что Азриэль тоже живой, исцеленный. Когда Кассиан достал иллирийские клинки-близнецы, их вид напоминал о доме, и сказал Эрису с опасным спокойствием:

— Предлагаю тебе отпустить мою леди.

В ответ Эрис лишь сжал руку еще крепче, и я захныкала.

Гнев, исказивший лицо Кассиана, был как конец света.

Но его карие глаза посмотрели в мои. Молчаливая команда.

Он месяцами тренировал меня. Не только как атаковать, но и как защищаться. Снова и снова учил меня, как избавляться от пленяющего захвата. Как управлять не только своим телом, но и умом.

Как если бы он знал, что, скорее всего, однажды такое случится.

Эрис все еще связывал мои конечности, но... я все еще могу ими двигать. Все еще могу использовать часть своей магии.

И вывести его из равновесия настолько, чтобы уйти, чтобы Кассиан прыгнул между нами и взял сына Высшего Лорда...

Возвышаясь надо мной, Эрис лишь опустил взгляд, когда я скрутилась, вращаясь на льду, и боднула его своими связанными ногами.

Он пошатнулся, опускаясь с ворчанием.

Прямо на кулак связанных рук, которым я заехала по его носу. Хрустнула кость и его рука освободила мои волосы.

Я откатилась подальше. Кассиан был уже здесь.

Эрис едва успел достать свой меч, когда Кассиан занес свой над ним.

Раздался звук удара стали о сталь. Стражники на берегу выпустили стрелы из дерева и магии — лишь для того, чтобы они столкнулись с синим щитом.

Азриэль. Он с Люсьеном был занят двумя другими братьями. То, что любой из родственников Люсьена противостоял иллирийцам, говорило об их собственной подготовке, но —

Я сосредоточила лед в своих венах на кляпе во рту, на оковах вокруг моих запястий и лодыжек. Лед задушит пламя, споет им колыбельную...

Кассиан и Эрис столкнулись, отскочили назад, потом опять столкнулись.

Огненные веревки развязались, шипя, превращаясь в пар.

Я снова поднялась и потянулась за оружием, которого у меня не было. Мои кинжалы лежат в сорока футах от меня.

Кассиан прошел сквозь защиту Эриса с жестокой эффективностью. И Эрис закричал, когда иллирийский клинок вошел в его живот.

Кровь, красная как рубины, окрасила снег и лед.

На мгновение я представила, как это закончится: три сына Берона убиты нами. Мое временное удовлетворение, пять веков удовлетворения Кассиана, Азриэля и Мор, но если Берон все еще раздумывает, на какую сторону встать в этой войне...

У меня есть другое оружие, которое я могу использовать.

— Остановитесь, — сказала я.

Слово было мягкой, холодной командой.

И Азриэль и Кассиан подчинились.

Другие два брата Люсьена стояли спиной к спине, окровавленные и удивленные. Сам Люсьен тяжело дышал с все еще поднятым мечом, когда Азриэль стер кровь со своего клинка и подошел ко мне.

Я встретила взгляд с Говорящим с тенями. Холодное лицо, за которым скрывается такая боль — и доброта. Он пришел. Кассиан пришел.

Иллирийцы стали рядом со мной. Эрис, прижимая руку к животу, отхаркивал кровь, смотрел на нас.

Уставился — потом начал рассматривать. Наблюдая за нами тремя, когда я сказала Эрису, двум его братьям и стражникам на берегу:

— Вы все заслуживаете смерти за это. И еще за многое другое. Но я сохраню ваши ничемные жизни.

Даже с раненым животом, Эрис усмехнулся.

Кассиан предупреждающе зарычал.

Я лишь сняла чары, которые держала на себе все эти недели. Без рукава моей куртки и рубашки, все смогли увидеть гладкую кожу там, где недавно была рана. И теперь эта гладкая кожа была украшена завитками и переплетениями чернил. Знак моего нового титула — и моей связи мейтов.

Люсьен побледнел и направился к нам, остановившись на безопасном расстоянии от Азриэля.

— Я — Высшая Леди Ночного Двора, — тихо сказала я им всем.

Даже Эрис перестал насмехаться. Его янтарные глаза расширились, в них проникло что-то похожее на страх.

— Высших Леди не существует, — сплюнул один из братьев Люсьена.

Слабая улыбка заиграла на моих губах.

— Теперь существует.

Настало время миру узнать об этом. Я поймала взгляд Кассиана, обнаружив, что он сияет от гордости — и облегчения.

— Забери меня домой, — приказала я ему, непоколебимо, держа голову высоко.

А потом Азриэлю:

— Забери нас обоих домой.

И, наконец, отпрыскам Осеннего Двора:

— Увидимся на поле боя.

Пусть они сами решают, будут ли они сражаться с нами или же против нас.

Я повернулась к Кассиану, который раскрыл свои руки и крепко обхватил меня, прежде чем поднять нас в небеса сильным взмахом крыльев. Рядом с нами, Азриэль и Люсьен сделали то же самое.

Когда Эрис и другие стали пятнами черного на белом фоне, когда мы плыли в вышине, Кассиан сказал:

— Даже не знаю, кому сейчас более неловко: Азу или Люсьену Вансерре.

Я усмехнулась, оглядываясь через плечо на Говорящего с теньями, несущего моего друга, оба старались не смотреть друг на друга и не разговаривать.

— Вансерра?

— Ты никогда не слышала его фамилии?

Я встретила эти смеющиеся, неистовые карие глаза.

Улыбка Кассиана смягчилась:

— Привет, Фейра.

Мое горло сжалось до боли, и я крепко обняла его за шею.

— Я тоже скучал по тебе, — пробормотал Кассиан, сжимая меня.

Мы летели до границы со священной территорией. И когда Кассиан опустил нас на снежное поле перед древним лесом, я взглянула на блондинку в иллирийской коже, которая ходила между корявыми деревьями и теперь бежала навстречу.

Мор обхватила меня так же крепко, как и я ее.

— Где он? — спросила я, не отпуская ее, не поднимая головы с ее плеча.

— Он... это долгая история. Далеко, но мчится домой. Прямо сейчас.

Мор отстранилась, чтобы осмотреть мое лицо. Ее губы сжались при виде моих затянувшихся ран, и она аккуратно отодрала пятна засохшей крови с моего уха.

— Он засек тебя — связь — минуты назад. Мы трое были ближе всех. Я рассеялась с Кассианом, но когда там Эрис и остальные... — вина затуманила ее глаза. — Отношения с Зимним Двором напряженные, и мы думали, что если я буду здесь, на границе, это заставит силы Каллиаса не искать на юге. По крайней мере, достаточно долго, чтобы успеть забрать тебя.

И чтобы избежать встречи с Эрисом, к которой Мор еще не готова.

Я покачала головой, потому что стыд все еще сглаживал ее обычно яркие черты лица.

— Я понимаю, — я снова обняла ее. — Я понимаю.

В ответ Мор сжала меня еще сильнее.

Азриэль и Люсьен приземлились, разбрызгивая снег. Мы с Мор наконец-то опустили друг друга, и ее лицо стало серьезным при виде Люсьена. Снег, кровь и грязь покрывали его — покрывали нас обоих.

Кассиан объяснил Мор:

— Он сражался против Эриса и других.

Мор кивнула, заметив кровь на руках Кассиана, понимая, что она не его. Без сомнений, учуяла это, но выпалила:

— Эрис. Вы...

— Он остался в живых, — ответил Азриэль, тени сгущались по краям его крыльев, такие

темные в сравнении со снегом под нашими сапогами. — Так же, как и другие.

Люсьен поглядывал на них всех, тихо и настороженно. Что он знал об истории его старшего брата и Мор... Я никогда не спрашивала. Даже не хотела.

Мор перебросила свои золотые волосы через плечо.

— Тогда пойдете домой.

— В какой именно? — осторожно спросила я.

Мор еще раз посмотрела на Люсьена. Мне стало почти жаль его из-за веса ее взгляда, полного осуждения. Взгляд Морриган, чей дар был чистой правдой.

Что бы она ни увидела в Люсьене, этого было достаточно, чтобы она сказала:

— В городской дом. Там тебя кое-кто ждет.

ГЛАВА

14

Я не позволяла себе представлять тот момент, когда снова окажусь в фойе городского дома, обитом деревянными панелями. Когда услышу крики чаек, высоко парящих над Веларисом, почувствую запах реки Сидры, протекающей в сердце города, почувствую тепло солнечного света, льющегося из окна за моей спиной.

Мор рассеяла нас всех, а теперь стояла возле меня, тяжело дыша, пока мы наблюдали, как Люсьен рассматривает дом.

Пока его металлический глаз жужжал, другой глаз осторожно осматривал комнаты, виднеющиеся из фойе: столовую и гостиную с видом на небольшой дворик и улицу; затем лестницу, ведущую на второй этаж, где располагались кухня и сад на крыше.

Потом, наконец, закрытую входную дверь. Ведущую в город.

Кассиан стал около перил, высокомерно скрестив руки, что, как я знала, предзнаменовало неприятности. Азриэль остался возле меня, а вокруг его пальцев вились тени. Как будто битва с сыновьями Высшего Лорда была их каждодневным развлечением.

Интересно, знал ли Люсьен, что первое сказанное им здесь слово может спасти его или обречь на постоянные проблемы. Какова будет моя роль во всем этом?

Нет — это мое решение.

Высшая Леди. Я выше их, моих друзей, по званию. Это будет моим решением, сможет ли Люсьен сохранить свою свободу.

Но их молчание говорило за себя: пусть он сам решит свою судьбу.

Наконец Люсьен взглянул на меня. На нас.

И сказал:

— Дети на улице смеются.

Я моргнула. Он сказал это с таким... тихим удивлением. Как если бы давно не слышал таких звуков.

Я открыла рот, чтобы ответить, но заговорил кто-то другой.

— То, что они вообще это делают, свидетельствует об усердной работе жителей Велариса после нападения Хайберна.

Я развернулась, обнаружив Амрен, появившуюся из какой-то другой комнаты, мягкая

мебель скрывала ее небольшое тело.

Она появилась в том же месте, где я видела ее в последний раз: стоящую в этом фойе, предупреждающую нас об опасностях Хайберна. Ее черные волосы до подбородка блестели под солнцем, ее неземные серебряные глаза были необычайно ярки, когда встретились с моими.

Изящная женщина склонила голову. Такой жест повиновения, какой только может показать существо, которому пятнадцать тысяч лет, своей новой Высшей Леди. И другу.

— Вижу, вы принесли домой нового питомца, — сказала она, сморщив нос от отвращения.

Что-то похожее на страх появилось в глазах Люсьена, как если бы он тоже видел монстра, скрытого за этим прекрасным лицом.

Похоже, он уже слышал о ней. Прежде чем я смогла представить их друг другу, Люсьен поклонился в пояс. Низко. Кассиан издал забавное ворчание, и я стрельнула предупреждающим взглядом.

Амрен слегка улыбнулась.

— Понятно, уже обучен.

Люсьен медленно выпрямился, будто стоял перед раскрытой пастью какой-то большой кошки, обитающей на равнинах, и не хотел испугать ее своими движениями.

— Амрен, это Люсьен... Вансерра.

Люсьен застыл.

— Я не использую свою семейную фамилию.

И пояснил Амрен, склонив голову:

— Просто Люсьен.

Подозреваю, что он перестал использовать такое имя в момент, когда сердце его возлюбленной перестало биться.

Амрен изучала его металлический глаз.

— Умно придумано, — сказала она, потом посмотрела на меня. — Похоже, кто-то поцарапал тебя, девочка.

По крайней мере, рана на моей руке зажила, хотя остался неприятный красный след. Полагаю, мое лицо выглядит не лучше. Прежде чем я смогла ответить ей, Люсьен спросил:

— Что это за место?

Мы посмотрели на него.

— Дом, — сказала я. — Это мой дом.

Теперь я увидела детали, о которых уже позабыла. Отсутствие темноты. Отсутствие криков. Запах моря и цитрусов, а не крови и разложения. Детский смех, который действительно был слышен.

Величайшая тайна в истории Прифиана.

— Это Веларис, — объяснила я. — Город Звездного Света.

Он сглотнул.

— И ты Высшая Леди Ночного Двора.

— Так и есть.

Моя кровь застыла от голоса, раздавшегося за моей спиной.

От запаха, который достиг меня, пробуждая. Мои друзья заулыбались.

Я обернулась.

Рисанд прислонился к входу в гостиную, без крыльев, одетый в свой обычный

безупречно черный жакет и брюки.

И когда эти фиолетовые глаза встретили мои, когда эта знакомая полуулыбка исчезла...

Я поморщилась. Внутри меня треснул маленький, сломанный шум.

Рис сразу же зашевелился, но мои ноги уже двигались. Ковер смягчил удар, когда я опустилась на колени.

Я закрыла лицо руками, в то время как тяжесть прошедшего месяца навалилась на меня.

Рис встал на колени передо мной, и мы стояли колено к колену.

Он осторожно убрал мои руки от лица. Осторожно обхватил мои щеки своими ладонями и смахнул мои слезы.

Меня не волновало, что на нас смотрят, когда подняла голову и увидела радость, заботу и любовь, сияющие в его удивительных глазах.

Так же как и Риса, когда он прошептал:

— Моя любовь, — и поцеловал меня.

Не успела я скользнуть руками в его волосы, как он подхватил меня на руки и одним движением встал. Я отстранилась от его губ, поглядывая на мертвенно-бледного Люсьена, но Рисанд сказал всем, даже не взглянув на них:

— Идите и займите себя чем-то другим на какое-то время.

И даже не дождался, чтобы посмотреть, подчинятся ли они.

Рис рассеялся на второй этаж и быстрыми ровными шагами пошел по коридору. Я вовремя глянула вниз и увидела, как Мор схватила Люсьена за руку и кивнула остальным, прежде чем исчезнуть.

— Хочешь поговорить о произошедшем в Весеннем Дворе? — спросила я грубым голосом, пока изучала лицо своего мейта.

Никакого удовольствия, ничего, кроме хищной напряженности, сфокусированной на каждом моем вдохе:

— Есть другие вещи, которые бы я хотел сделать до этого.

Он принес меня в нашу спальню — раньше *его* комнату, теперь наполненную нашими вещами. Она была точно такой, какой я видела ее в последний раз: огромная кровать, к которой он сейчас шел, два шкафа, стол у окна, с которого открывается вид на сад во дворе, теперь покрытый фиолетовым, розовым и голубым посреди пышной зелени.

Я приготовилась развалиться на кровати, но Рис притормозил на середине комнаты, закрыв дверь ветром, усеянном звездами.

Медленно он опустил меня на мягкий ковер, при этом откровенно скользая моим телом по-своему. Как будто он тоже был бессилён против желания прикоснуться ко мне, так же не желая отпустить меня, как и я — его.

И везде, где наши тела соприкасались, он был таким теплым, твердым и *реальным*... Я упивалась этим, и сглотнула, когда положила руку на его скульптурную грудь, в мою ладонь, сквозь его черный жакет, отдавалось его оглушительное сердцебиение. Единственным признаком того, что внутри все бурлило, было то, что он ласково скользнул ладонями по моим рукам и сжал мои плечи.

Его пальцы нежно поглаживали меня сквозь грязную одежду, пока он изучал мое лицо.

Красивый. Даже еще красивее, чем я помнила, чем мечтала о нем все эти недели в Весеннем Дворе.

Долгое время мы только дышали одним воздухом. Долгое время все, что я могла делать, так это глубоко вдыхать его запах в свои легкие, позволяя ему поселиться внутри меня. Мои

пальцы сжались на его жакете.

Мейт. Мой мейт.

Как будто услышав это по нашей связи, Рис пробормотал:

— Когда связь потемнела, я думал... — настоящий ужас был в его глазах, даже когда его пальцы продолжали нежно гладить мои плечи. — Когда я добрался до Весеннего Двора, ты уже исчезла. Тамлин бушевал, охотясь на тебя в лесу. Но ты спрятала свой запах. И даже я не мог... не мог найти тебя...

Тяжесть его слов была как удар ножом в живот.

— Мы пошли в Осенний Двор через одну из дверей, — сказала я, положив другую руку на его плечо.

Его мышцы сжались от моего прикосновения.

— Ты не мог найти меня, потому что два командира Хайберна добавляли в мою еду и питье фэбейн — достаточно, чтобы лишить меня силы. Я... я все еще не могу использовать ее всю.

Холодная ярость мелькнула на его красивом лице, когда его пальцы остановились на моих плечах.

— Ты убила их.

Не совсем вопрос, но я кивнула.

— Отлично.

Я сглотнула.

— Хайберн уже захватил Весенний Двор?

— Пока еще нет. Что бы ты ни сделала... это сработало. Стражники Тамлина покинули его. Более половины его людей отказались появляться на Оброк два дня назад. Некоторые ушли в другие дворы. Некоторые поговаривают о восстании. Кажется, ты стала их любимицей. Даже святой, — наконец веселье согрело его черты. — Они очень расстроились, потому что поверили, что он позволил Хайберну издеваться над тобой до такой степени, что тебе пришлось бежать.

Я проследила за тусклым серебряным завитком вышивки на груди его жакета и могла поклясться, что он содрогнулся от прикосновения.

— Полагаю, они очень скоро узнают, что обо мне хорошо заботятся.

Руки Риса сжались на моих плечах в согласии, как будто он собирался показать мне, насколько хорошо обо мне заботятся, но я наклонила голову.

— Как насчет Ианфе и Юриана?

Мощная грудь Рисанда вздымалась под моей рукой, когда он выдохнул.

— Отчеты об обоих неясны. Кажется, Юриан вернулся к кормящей руке Хайберна. Ианфе... — Рис поднял брови. — Предполагаю, что за ее руку спасибо нужно говорить тебе, а не командирам.

— Она упала, — сладко сказала я.

— Должно было быть какое-то падение, — размышлял он, на его губах заиграла темная улыбка, когда он приблизился ко мне еще сильнее, тепло его тела согревало и мое, пока его руки перебрались с моих плеч, вычерчивая ленивые линии, вниз по моей спине.

Я прикусила губу, сосредоточившись на его словах, а не на желании выгнуться от его прикосновений, прижаться лицом к его груди и самой кое-что изучить.

— На данный момент она определенно оправляется от своего тяжелого испытания. Не покидает свой храм.

На этот раз была моя очередь прошептать:

— Отлично.

Возможно, один из ее последователей устанет от ее лицемерной брехни и задушит ее во сне.

Я обхватила руками его бока, полностью готовая скользнуть под жакет, *нуждаясь* дотронуться до его голой кожи, но Рис выпрямился, отпрянув назад. Все еще достаточно близко, чтобы одна из его рук осталась на моей талии, но другая...

Он потянулся к моей руке, нежно обследуя воспаленный рубец, где моя кожа была разорвана стрелой. Темнота сгустилась в углах комнаты.

— Кассиан только что впустил меня в свой разум — чтобы показать мне, что произошло на льду, — он погладил это болящее место, едва касаясь кожи. — Эрис всегда был ограниченным мужчиной. Теперь Люсьен может оказаться ближе к наследованию трона своего отца, даже ближе, чем он сам рассчитывал.

Моя спина застыла.

— Эрис так же ужасен, как ты и описывал его.

Пальцы Риса снова заскользили по моему предплечью, заставляя меня покрыться гусиной кожей. Обещание — не мести за то, что он сейчас наблюдал, но того, что нас ожидает в этой комнате. На кровати в нескольких шагах от нас. Пока он не прошептал:

— Ты объявила себя Высшей Леди.

— Не нужно было?

Он отпустил мою руку, чтобы провести костяшками по моей щеке.

— Я хотел прокричать об этом с крыш домов Велариса с того момента, как жрица помазала тебя. Как типично для тебя срывать все мои грандиозные планы.

Мои губы натянулись в улыбке.

— Это произошло меньше часа назад. Уверена, прямо сейчас ты можешь пойти и радостно закричать в трубы, и все будут тебе благодарны за сообщение новости.

Пальцами он пробежался по моим волосам, наклонив мое лицо. Его озорная улыбка росла, от чего мои пальцы поджались в сапогах.

— Вот это моя дорогая Фейра.

Его голова опустилась, взгляд зафиксировался на моем рту, голод осветил его фиолетовые глаза...

— Где мои сестры? — мысль пронзила меня, резкая как звон колокола.

Рисанд остановился, убирая руку с моих волос, а его улыбка исчезла.

— В Доме Ветров.

Он выпрямился, сглотнув — как будто это каким-то образом сдерживало его.

— Я могу... отвести тебя к ним.

Каждое слово, казалось, было пыткой.

Но он сделает это, поняла я. Он запихнет свою нужду во мне поглубже и отведет к ним, если бы я захотела этого. Мой выбор. Это всегда будет моим выбором, пока я с ним.

Я покачала головой. Я не хочу видеть их — пока еще нет. Пока я не готова встретиться с ними.

— Они в порядке, правда же?

Его колебание сказало мне достаточно.

— Они в безопасности.

Не совсем ответ, но я собиралась обманывать себя, что мои сестры будут цвести и

пахнуть. Я прислонилась лбом к его груди.

— Кассиан и Азриэль излечились, — прошептала я в его жакет, вдыхая его запах снова и снова, когда по мне пробежала дрожь. — Ты говорил мне об этом... и все же я не... это не доходило до меня. До сих пор.

Рис провел рукой по моей спине, а другой скользнул к моему бедру.

— Азриэль излечился за несколько дней. Крылья Кассиана... это было сложно. Но он тренировался каждый день, чтобы восстановить силы. Целителю пришлось перекроить большую часть его крыльев, но он будет в порядке.

Я сглотнула ком в горле и обняла его за талию, прижимаясь лицом к его груди. В ответ его рука сжалась на моем бедре, а другая лежала на моем затылке, прижимая меня к нему, когда я выдохнула:

— Мор сказала, что ты был далеко, и поэтому тебя там не было.

— Мне жаль, что меня не было.

— Нет, — сказала я, поднимая голову, чтобы посмотреть в его глаза, в которых скрывалась вина. — Я не это имела в виду. Я просто... — я наслаждалась ощущением его под своими ладонями. — Где ты был?

Рис замер, и я приготовилась услышать его ответ, когда он небрежно сказал:

— Не мог же я позволить тебе проделать *всю* работу по ослаблению наших врагов.

Я даже не улыбнулась.

— Где. Ты. Был.

— Аз только недавно встал на ноги, так что часть его работы я взял на себя.

Моя челюсть сжалась.

— Какую?

Он наклонился, уткнувшись носом в мою шею.

— Разве ты не хочешь утешить своего мейта, который ужасно скучал по тебе все эти недели?

Я положила руку на его лицо и оттолкнула назад, нахмурившись.

— Я хочу, чтобы мой мейт рассказал мне, где, черт возьми, он был. А *потом* он может получить свое *утешение*.

Рис сжал мои пальцы, игриво щелкнув зубами.

— Жестокая, красивая женщина.

Я посмотрела на него из-под бровей.

Рис закатил глаза, вздыхая.

— Я был на континенте. Во дворце человеческих королев.

Я задохнулась.

— Ты был *где*?

— Технически, я летел над ним, но —

— И ты был *один*?

Он уставился на меня.

— Несмотря на наши ошибки в Хайберне, я способен...

— Ты *один* пошел в мир людей, на территорию наших врагов?

— Лучше это буду я, чем кто-либо еще.

С самого начала это было его проблемой. Всегда он, всегда жертвует —

— Почему, — потребовала я. — Зачем рисковать? Что-то происходит?

Рис всмотрелся в окно, как если бы он мог видеть весь путь к земле смертных. Его губы

сжались.

— Меня беспокоит тишина на той стороне моря. Ни слухов о собирающейся армии, ни поисков других человеческих союзников. После Хайберна вообще ничего не слышно. Так что я сам решил проверить, почему так происходит, — он щелкнул по моему носу, снова притянув меня поближе. — На окраине их территорий я почувствовал, что связь опять пробудилась. Я знал, что другие были ближе, чем я, так что я отправил их.

— Тебе не нужно объяснять.

Рис положил подбородок на мою голову.

— Я хотел быть там, вытащить тебя. Найти тебя. Забрать тебя домой.

— Ты, безусловно, наслаждаешься драматическими появлениями.

Он усмехнулся, его дыхание согревало мои волосы, когда я слушала звук, грохочущий внутри его.

Конечно, он работал против Хайберна, пока меня не была. Неужели я ожидала, что они все будут сидеть сложа руки больше месяца? И Рис, постоянно плетущий интриги, всегда на шаг впереди... Он бы определенно использовал это время в свою пользу. Я думала спросить его об этом, но прямо сейчас, вдыхая его запах, чувствуя его тепло... Это может подождать.

Рис поцеловал мои волосы.

— Ты дома.

Я издала дрожащий звук и кивнула, сжимая его крепче. Дом. Не только Веларис, но везде, где был он, где была наша семья.

Черные когти поглаживали щит моего сознания — выражая любовь и просьбу.

Я опустила свой щит для него, так же, как и он. Его сознание обвило мое, точно так же, как и его тело обвивало мое сейчас.

— Мне постоянно не хватало тебя, — сказал Рис, наклоняясь, чтобы поцеловать уголок моих губ. — Твоей улыбки, — его губы скользнули к моему уху, и я слегка выгнулась. — Твоего смеха.

Он поцеловал мою шею прямо под ухом, и я наклонила голову, чтобы открыть ему доступ, подавляя желание умолять его взять больше, быстрее, когда он прошептал:

— Твоего запаха.

Мои глаза закрылись, и его руки обхватили мои бедра, отрезая мне путь к отступлению, когда он наклонился, чтобы поцеловать меня в середину шеи.

— Звуков, которые ты издаешь, когда я внутри тебя.

Его язык скользнул по тому месту, которое он целовал, и один из таких звуков вырвался из меня. Рис поцеловал ямку моей ключицы, и я окончательно растаяла.

— Мой храбрый, смелый, потрясающий мейт.

Он поднял свою голову, и было очень сложно открыть глаза. Встретить его взгляд, пока его руки лениво вычерчивали линии вниз по моей спине, по моим ягодицам, а потом опять вверх.

— Я люблю тебя, — сказал он.

И если бы я до этого момента еще не поверила ему, не почувствовала это каждой частичкой тела, то свет его лица, когда он произносил эти слова...

Слезы опять обожгли мои глаза, свободно падая, прежде чем я смогла взять себя в руки.

Рис наклонился, чтобы слизнуть их. Одну за другой. Так же, как однажды он делал это в Подгорье.

— У тебя есть выбор, — прошептал он мне в скулу. — Или я вылижу тебя всю дочиستا...

Его рука задела кончик моей груди, лениво кружась. Как будто у нас есть все время мира для этого.

— Или ты можешь принять ванну, которая уже должна быть готова.

Я отстранилась, подняв брови.

— Так ты намекаешь, что я пахну?

Рис ухмыльнулся, и могу поклясться, что во мне все заколотилось в ответ.

— Никогда. Но... — его глаза потемнели, желание и веселье исчезли, когда он взял мою одежду. — На тебе кровь. Твоя и чужая. Я думаю, что должен быть хорошим мейтом и предложить тебе ванну, прежде чем ублажу тебя полностью.

Я обиженно рассмеялась и откинула назад его волосы, наслаждаясь шелковистыми темными прядями между пальцами.

— Какой внимательный. Хотя я не могу поверить, что ты выставил всех из дома для того, чтобы затащить меня в постель.

— Одно их многих преимуществ титула Высшего Лорда.

— Какое ужасное злоупотребление властью.

Полуулыбка заплясала на его губах.

— Ну и?

— Хотя я хочу посмотреть на твои попытки слизать с меня недельные грязь, пот и кровь... — его глаза засверкали с вызовом, и я опять рассмеялась. — Нормальную ванну, пожалуйста.

У него хватило наглости выглядеть разочарованным. Я ткнула его в грудь, направляясь в огромную ванную, прилегающую к спальне. Массивная фарфоровая ванна уже наполнена горячей водой и —

— Пузыри?

— У тебя к ним нравственное неприятие?

Я усмехнулась, расстегивая куртку. Мои пальцы были почти черными от грязи и запекшейся крови. Я съезжилась.

— Одной ванны может не хватить, чтобы очистить меня от всей грязи.

Он щелкнул пальцами, и моя кожа снова стала чистой. Я моргнула.

— Если ты можешь так сделать, то какой смысл в ванне?

Он уже делал так несколько раз в Подгорье — это магическое очищение. Как-то я ни разу не спросила его об этом.

Он прислонился к дверному проему, наблюдая, как я снимаю порванную, запятнанную куртку. Как если бы это было самым важным заданием, которое ему когда-либо давали.

— По существу грязь осталась, — его голос стал грубым, когда он отслеживал каждое мое движение, пока я развязывала сапоги. — Как слой масла.

Действительно, хоть моя кожа и выглядела чистой, ощущалась... немойтой. Я сбросила сапоги, позволяя им приземлиться на мою грязную куртку.

— Значит, это больше для эстетических целей.

— Ты слишком долго, — сказал он, подбородком указывая на ванну.

От легкого рычания в его голосе моя грудь напряглась. Он тоже это заметил.

И улыбнулась самой себе, выгибая спину больше, чем необходимо, снимая рубашку и бросая ее на мраморный пол. Солнечный свет заструился сквозь пар, поднимающийся от ванны, окрашивая пространство между нами в золотой и белый цвета. Рис издал низкий звук, смутно напоминающий хныканье, когда он осмотрел мой голый торс. Когда он

осмотрел мою грудь, теперь тяжелую и ноющую, достаточно сильно, что мне пришлось подавить желание попросить его полностью забыть о ванне.

Но я притворилась, что ничего не замечаю, когда расстегнула штаны и дала им упасть на пол. Вместе с моим нижним бельем.

Взгляд Риса замер.

Я ухмыльнулась, осмелившись взглянуть на его штаны. На доказательство того, что именно я делала с ним, что сильно вжималось в черный материал его штанов. Я промурлыкала:

— Как жаль, что в ванне недостаточно места для двоих.

— Недостаток конструкции, который я исправлю завтра же.

Его голос был грубым, тихим — и он скользнул невидимыми руками по моим грудям, между моих ног.

Мать, спаси меня. Я как-то смогла идти, залезть в ванну. Как-то смогла вспомнить, как мыться.

Все это время Рис стоял, прислонившись к дверному проему, и молча наблюдал с безжалостной сосредоточенностью.

Возможно, некоторые участки тела я мыла дольше других. И, возможно, убедилась, чтобы он это увидел.

Он лишь обхватил дверной проем с такой силой, что дерево под его рукой затрещало.

Но Рис не сделал ни одного шага, чтобы схватить меня, даже когда я завернулась в полотенце и расчесала свои спутанные волосы. Как будто воздержание... тоже было частью игры.

Мои голые ноги скользнули по мраморному полу, когда я положила расческу на раковину, каждым дюймом тела осознавая, где он стоит в дверях, осознавая, что он смотрит на меня в зеркальном отражении.

— Теперь чистая, — объявила я хриплым голосом, встречая его взгляд в зеркале.

Могла бы поклясться, что темнота и звезды закружились над его плечами. Мгновение, и они исчезли. Но хищное выражение его лица...

Я повернулась, мои пальцы слегка дрожали, когда я сжала полотенце, в которое была завернута.

Рис протянул руку, его пальцы тоже дрожали. Даже полотенце было слишком грубым для моей слишком чувствительной кожи, когда я вложила свою руку в его, его мозоли царапались, когда его рука сомкнулась поверх моей. Я хотела, чтобы оцарапали меня везде.

Но он просто повел меня в спальню, шаг за шагом, мускулы его широкой спины напряглись под жакетом. И ниже, гладкий, мощные очерченные бедра, его зад —

Я собираюсь поглотить его. С головы до кончиков пальцев. Я собираюсь *поглотить* его

—

Но Рис остановился возле кровати, выпуская мою руку и поворачиваясь ко мне, отступая на шаг на безопасное расстояние. И на его лице было такое выражение, когда он посмотрел на пятно на моей скуле, которое бросило меня в жар, угрожая свести с ума все мои чувства.

Я сглотнула, вода с моих волос капала на ковер.

— Синяк так плох?

— Он почти исчез.

Темнота снова замерцала в комнате.

Я осмотрела его совершенное лицо. Каждую линию и угол. Страх, ярость и любовь — мудрость, хитрость и сила.

Я позволила полотенцу упасть на ковер.

Позволила ему посмотреть на меня, прежде чем положила руку на его грудь, его сердце бушевало под моей ладонью.

— Готова к ублажению.

Мои слова получились не такими развязными, как я планировала.

Не тогда, когда ответная улыбка Риса была темной, жестокой.

— Я почти не знаю, откуда начать. Так много возможностей.

Он поднял палец, и мое дыхание стало быстрым и тяжелым, когда он лениво обвел одну из моих грудей, потом другую. Постоянно сужая круги.

— Я могу начать здесь, — прошептал он.

Я сжала бедра. Он заметил это движение, и его темная улыбка выросла. И прямо перед тем, как его палец дошел до кончика моей груди, прямо перед тем, как он дал мне то, о чем я собиралась умолять, его палец скользнул вверх — по моей груди, моей шее, подбородку. Прямо к моему рту.

Он обвел контур моих губ, намек на касание.

— Или я могу начать здесь, — выдохнул он, засаживая кончик пальца в мой рот.

Я не смогла удержаться от того, чтобы сомкнуть вокруг него губы и щелкнуть языком по подушечке его пальца.

Но Рис с мягким стоном убрал свой палец, ведя им вниз. По моей шее. Груди. Прямо по соску. Он остановился там, щелкнув по нему, а потом погладил пальцем, заглушая небольшую боль.

Я уже тряслась, едва стоя, когда его палец продолжил свой путь мимо моей груди.

Он нарисовал узоры на моем животе, изучая мое лицо, когда промурлыкал:

— Или...

Я не могла думать ни о чем, кроме его пальца, единственной точки соприкосновения, когда она двигалась все ниже и ниже, прямо туда, куда я хотела.

— Или? — удалось мне выдохнуть.

Его голова опустилась, волосы скользнули по его лбу, когда он смотрел — мы оба смотрели — как его палец ринулся вниз.

— Или я могу начать здесь, — сказал он, слова гортанные и грубые.

Меня это не волновало — не тогда, когда он притянул этот палец к моему центру. Не тогда, когда он обвел эту точку, легко и насмешливо.

— Здесь было бы неплохо, — заметил он, неровно дыша. — Или может даже здесь, — закончил он и погрузил этот палец в меня.

Я застонала, сжимая его руку, ногти впились в мышцы ниже — мышцы, которые двинулись, когда он подвигал пальцем один раз, второй. Потом вынул его и протянул, подняв брови:

— Ну так что? Где мне начать, дорогая Фейра?

Я едва могла говорить, думать. Но — с меня хватит игр.

Так что я взяла его дьявольскую руку, направляя ее к моему сердцу и кладя ее туда, посередине одной груди. Я встретила его затуманенный взгляд, когда произнесла слова, которые, как я знала, уничтожат его в этой маленькой игре, слова, которые поднимались во мне с каждым вдохом.

— Ты мой.

Он сорвался с поводка, на котором сам себя держал.

Его одежда исчезла — полностью — и его рот накрыл мой.

Этот поцелуй не был нежным. Не был мягким или ищущим.

Он был требовательным, диким и необузданным — он спускал с привязи. И его вкус... его жар, требовательный удар его языка о мой... Дом. Я дома.

Мои руки прошли по его волосам, притягивая его ближе, когда я отвечала на каждый его жгучий поцелуй собственным, неспособная получить достаточно, не в силах не трогать его и не чувствовать.

Кожа к коже, Рис подтолкнул меня к кровати, его руки массировали мои ягодицы, когда я пробежала своими руками по его бархатной мягкости, по каждой твердой плоскости и неровности. Его красивые, могучие крылья раскинулись за его спиной, широко распахнувшись, прежде чем аккуратно сложиться.

Я врезалась в кровать позади нас, и Рис замер, дрожа. Дав время мне передумать, даже сейчас. Мое сердце напряглось, но я оторвалась от его рта. Удерживая его взгляд, я опустила на белые простыни и медленно откинулась на спину.

Все дальше и дальше на кровать, пока я не обнажилась перед ним полностью. Пока я посмотрела на его значительную и горячую длину, а мой центр сжался в ответ.

— Рис, — выдохнула я, его имя было мольбой на моем языке.

Его крылья раскрылись, грудь вздымалась, звезды зажглись в его глазах. И далеко в них была страсть — за желанием, за нуждой — именно страсть в этих прекрасных глазах заставила меня посмотреть на горы, вытатуированные на его коленях.

Эмблема его двора — нашего двора. Обещание, что он не преклонится ни перед кем и ни перед чем, кроме его короны.

И меня.

Мой — он *мой*. Я послала эту мысль по связи.

Никаких игр, никаких задержек — я хочу его на мне, во мне. Мне *нужно* почувствовать его, обнять его, разделить с ним дыхание. Он слышал край отчаяния, почувствовал его по связи мейтов, текущей между нами.

Его глаза не отрывались от моих, когда он прокрался ко мне, каждое движение изящное, как у кота, преследующего добычу. Сплетая наши пальцы, он дышал прерывисто, и коленом подтолкнул мои ноги, чтобы устроиться между ними.

Осторожно, с любовью, он положил наши соединенные руки около моей головы, когда он вошел в меня и прошептал мне на ухо:

— Ты тоже моя.

С первым его толчком я бросилась вперед, требуя его губы.

Я просунула свой язык между его зубами, проглатывая его стон удовольствия, пока он мягко двигал тазом, входя в меня снова и снова.

Дом. Это был дом.

И когда Рис вошел полностью, когда он сделал паузу, позволяя мне приспособиться к его полноте, я подумала, что могу взорваться лунным светом и пламенем, подумала, что могу умереть от чистой силы, бурлящей во мне.

Из-за этого я почти рыдала, и впилась пальцами в его спину, и Рис немного приподнялся, чтобы изучить мое лицо. Прочитать его.

— Больше никогда, — пообещал он, выходя из меня, а потом снова вошел с

мучительной медлительностью.

Он поцеловал меня в лоб, в висок.

— Моя любимая Фейра.

После его слов я задвигала бедрами, побуждая его войти глубже, сильнее. Рис так и сделал.

С каждым движением, каждым разделенным вдохом, каждым нашептанным ласковым словом и стоном, наша связь мейтов разгоралась все ярче внутри меня. Отчетливее.

И когда она снова засияла так ярко, как алмаз, мое освобождение прошло через меня, заставляя кожу пылать, как новорожденную звезду.

При виде этого, прямо когда я провела пальцем по чувствительному месту внутри его крыла, Рис выкрикнул мое имя и получил свое удовлетворение.

Я держала его при каждом дыхании, держала его, когда он, наконец, успокоился, задерживаясь внутри меня, и наслаждалась ощущением его кожи на моей.

Долгое время мы так и оставались запутанными друг в друге, слушая, как дышим, и эти звуки были прекраснее любой музыки.

Через некоторое время Рис поднял свою грудь достаточно высоко, чтобы взять мою правую руку. Чтобы посмотреть на татуировки. Он поцеловал один из завитков иссиня-черных чернил.

Он сглотнул.

— Я скучал по тебе. Каждую секунду, каждый вдох. Не только по этому, — сказал он, подчеркивая слова движением бедер, и я застонала от этого, — но... по разговорам с тобой. По возможности смеяться с тобой. Мне не хватало тебя в моей постели, но еще больше мне хватало тебя как друга.

Мои глаза горели.

— Я знаю, — сумела сказать я, поглаживая его крылья, его спину. — Я знаю.

Я поцеловала его обнаженное плечо, прямо над завитком иллирийской татуировки.

— Больше никогда, — пообещала я ему и шептала это снова и снова, пока солнечный свет скользил по полу.

ГЛАВА

15

Мои сестры жили в Доме Ветра с тех пор, как прибыли в Веларис.

Они не покидали дворец, построенный на вершине горы, возвышающейся над городом. Они ни о чем не просили, ни о ком не спрашивали.

Так что я пойду к ним сама.

Люсьен ожидал в гостиной, когда мы с Рисом наконец спустились, а мой мейт дал всем молчаливый приказ возвращаться.

Поэтому неудивительно, что Кассиан и Азриэль *небрежно* сидели в столовой напротив коридора, обедая и отмечая каждый вдох Люсьена. Кассиан ухмыльнулся мне, подняв брови.

Я выстрелила в него предупреждающим взглядом, подстрекая прокомментировать. Азриэль, к счастью, только что ударил Кассиана под столом.

Кассиан уставился на Азриэля, как бы заявляя *не собираюсь ничего говорить*, пока я подошла к открытой арке, ведущей в гостиную, где Люсьен поднялся на ноги.

Я сдержала дрожь, когда остановилась у порога. Люсьен все еще был в своей изношенной грязной одежде. Его лицо и руки, по крайней мере, были чисты, но... я должна была дать ему что-то другое. Запомнить, что нужно предложить ему –

Мысль ушла в пустоту, когда Рис появился рядом со мной.

Люсьен, не скрываясь, слегка скривил губы.

Словно он видел связь мейтов, объединяющую меня с Рисом.

Его глаза — как красновато-коричневый, так и золотой — скользнули по моему телу. К моей руке.

К кольцу на пальце, звезда сапфира ясная, как небо, на серебре. На пальце Рисанда было обычное серебряное кольцо.

Мы надели их друг другу, прежде чем спуститься — более интимно и знаково, чем любые клятвы на публике.

Прежде чем мы сделали это, я сказала Рису, что я могла бы отдать кольцо Ткачихе и заставить его забрать его из ее хижины.

Он рассмеялся и сказал, что если я действительно считаю это нужным, чтобы свести счеты между нами, то я могу найти другое существо, с которым он сразится — которое не будет с наслаждением отрезать мою любимую часть его тела. Я лишь поцеловала его, шепча, что кто-то слишком много о себе возомнил, и надела ему кольцо, которое он выбрал сам, купил где-то в Веларисе, пока меня не было.

Вся радость, все веселье этого момента, эти молчаливые клятвы... Они свернулись как листья в огне, когда Люсьен посмотрел на кольца. Как близко мы стоим. Я сглотнула.

Рис тоже это заметил. Это было невозможно не заметить.

Мой мейт прислонился к резной арке и сказал Люсьену:

— Полагаю, Кассиан или Азриэль объяснили тебе, что если ты будешь угрозой для кого-либо в этой комнате, на этой территории, мы покажем тебе такие способы умереть, каких ты даже представить себе не можешь.

Действительно, иллирийцы ухмыльнулись с порога столовой. Из этой пары Азриэль выглядел куда более угрожающим.

Что-то перевернулось внутри меня из-за угрозы — спокойной, ровной агрессии.

Люсьен — был — мой друг. Он не был моим врагом, не совсем –

— Но, — продолжил Рис, засунув руки в карманы, — я понимаю, как тяжело тебе пришлось в этом месяце. Я знаю, что Фейра объяснила тебе, что мы не совсем такие, как говорят слухи... — я впустила его в свой разум, прежде чем мы спустились, показала ему все, что произошло в Весеннем Дворе. — Но слышать и видеть — две разные вещи, — он пожал плечами. — Об Элейн заботятся. Ее участие в здешней жизни было полностью ее выбором. Никто, кроме нас и пары проверенных слуг не входят в Дом Ветра.

Люсьен все еще молчал.

— Я влюбился в Фейру, — тихо сказал Рис, — задолго до того, как она ответила тем же.

Люсьен скрестил руки.

— Как повезло, что в итоге ты получил, что хотел.

На мгновение я закрыла глаза.

Кассиан и Азриэль замерли, ожидая приказа.

— Я скажу лишь раз, — предупредил Высший Лорд Ночного Двора.

Даже Люсьен вздрогнул.

— Я подозревал, что Фейра — мой мейт, задолго до того, как узнал, что она связана с Тамлином. И когда я узнал об этом... Если бы это сделало ее счастливой, я был готов отступить.

— Ты пришел в наш дом и украл ее прямо в день свадьбы.

— Я собиралась отменить свадьбу, — вмешалась я, делая шаг к Люсьену. — Ты знал это.

Прежде чем Люсьен смог ответить, Рисанд продолжил:

— Я был готов потерять своего мейта из-за другого мужчины. Я был готов позволить им пожениться, если это принесло бы ей радость. Но что я не мог сделать, так это позволить ей страдать. Позволить ей превратиться в тень. И когда этот засранец разнес свой кабинет, когда он *запер ее в том доме...*

Появились его крылья, и Люсьен начал.

Рис оскалился. Мои конечности засветились, дрожа от темной силы, закручивающейся в углах комнаты. Не страх — никогда не боялась его. Но ослабленный контроль, когда Рис прорычал Люсьену:

— Может быть, мой мейт однажды сможет простить его. Простить тебя. Но я никогда не забуду, каково было чувствовать ее *ужас* в те моменты.

Мои щеки горели, особенно когда Кассиан и Азриэль подошли ближе, теперь их карие глаза были переполнены гневом и сочувствием.

Я никогда не говорила им об этом — о том, что произошло в тот день, когда Тамлин разрушил свой кабинет, или о дне, когда он запечатал меня в поместье. Я никогда не спрашивала Риса, рассказал ли он им. Судя по ярости на лице Кассиана и холодного гнева, просачивающегося от Азриэля... не думаю, что он это сделал.

Люсьен, к его чести, не отступил назад. От Риса, или меня, или иллирийцев.

Умный Лис Смотрит На Крылатую Смерть. Картина мелькнула в моем уме.

— Так что, опять же, скажу лишь раз, — продолжил Рис, его лицо выражало смертельное спокойствие, вытаскивая меня из красок, света и теней, мелькающих в моем уме. — Фейра не позорила и не предавала Тамлина. Я раскрыл связь мейтов лишь месяцами после — и не беспокойся, за это она устроила мне семь кругов ада. Но теперь, когда у твоего мейта такая же ситуация, возможно, ты сможешь понять, каково это. И если тебя это не волнует, то надеюсь, что ты достаточно умен, чтобы держать язык за зубами, потому что в следующий раз, когда ты посмотришь на моего мейта с таким презрением и отвращением, я не потружусь снова объяснить тебе это, и просто вырву твою чертову глотку.

Рис сказал это так мягко, что на то, чтобы обнаружить угрозу, ушло некоторое время. Чтобы уложить это в голове, как камень погружается в воду.

Люсьен лишь переступил с ноги на ногу. Осторожный. Сосредоточенный. Я считала удары сердца, думая, насколько сильно мне вмешаться, если он скажет что-то действительно глупое, когда он, наконец, прошептал:

— Похоже, это долгая история.

Умный ответ. Ярость исчезла с лица Риса — и плечи Кассиана и Азриэля немного расслабились.

Лишь раз, сказал мне Люсьен в те дни, когда мы были в бегах. Это все, что ему надо — увидеть Элейн хоть раз.

И тогда... Я должна буду решить, что с ним делать. Если только у моего мейта еще не

приводится в действие какой-то план.

Один взгляд на Риса, который поднял брови, будто говоря *Он весь твой*, сказал мне, что это будет моим решением. Но до тех пор... Я прочистила горло.

— Я собираюсь посетить своих сестер в Доме, — сказала я Люсьену, чей взгляд теперь метнулся ко мне, металлический глаз сощурился и зажужжал.

Я заставила себя улыбнуться.

— Хочешь присоединиться?

Люсьен взвесил мое предложение — и трех мужчин, следящих за каждым его вдохом.

Он лишь кивнул. Еще одно благоразумное решение.

Через несколько минут мы ушли, быстро дойдя до крыши городского дома, сделав Люсьен небольшую экскурсию по моему дому. Я не стала показывать, где находятся спальни. Люсьен, конечно же, не спрашивал.

Когда мы взмыли в небеса, Азриэль оставил нас, бормоча, что у него есть неотложные дела. По взгляду Кассиана я предположила, что он выдумал это во избежание полета с Люсьеном в Дом Ветра, но едва уловимый кивок Риса Азриэлю сказал мне достаточно.

Значит, действительно что-то происходит. План приводится в действие, как и всегда. И как только я посещу своих сестер... Я сама получу все ответы.

Так что Кассиан поднял в небо Люсьена с каменным лицом, и Рис взял меня на руки, грациозно взлетая в безоблачную синеву.

С каждым взмахом крыла, с каждым глубоким вдохом запаха моря и цитрусовых... какое-то напряжение внутри меня расслабилось.

Даже если с каждым взмахом крыла мы были все ближе к Дому, возвышающемуся над Веларисом. К моим сестрам.

Дом Ветра был вырезан в красном, нагретом солнцем камне плоских вершин гор, которые тянулись в бесконечность вдоль одного из краев города, с бесчисленными балконами и выступающими двориками, нависая над долиной на тысячу фунтов. Извилистые улочки Велариса стекались прямо к горе, и сквозь него пронеслась Сидра, сверкающая яркая полоса в полуденном солнце.

Когда мы приземлились на веранду, на которую выходила столовая, в которой мы обычно кушали, Кассиан и Люсьен приземлились позади нас, и я позволила себе погрузиться в атмосферу города, реки и далекого моря, зубчатых гор на другой стороне Велариса, ясной синевы неба над нами. Дома Ветра, моего второго дома. Огромного официального брата городского дома — нашего *общественного* дома, полагаю. Где мы будем проводить собрания и принимать гостей, которые не входят в нашу семью.

Куда более приятная альтернатива моей другой резиденции. Двора Кошмаров. По крайней мере, я могу остаться во дворце из лунного камня на высоте горы, под которой построен Высеченный Город. Хотя люди, которые им управляли... Я выкинула их из своих мыслей и поправила косу, заправляя пряди, которые растрепались от легкого ветра, который Рис пропустил сквозь свой щит во время полета.

Люсьен лишь подошел к перилам балкона и уставился вниз. Что ж, я его не виню.

Я оглянулась через плечо, где стояли Рис и Кассиан. Рис поднял брови.

Подожди внутри.

Его улыбка была хитрой. *Значит, вы хотите без свидетелей скинуть его с перил?*

Я недоверчиво посмотрела на него и подошла к Люсьену, пока Рис шептался с Кассианом, а единственным признаком их ухода была выпивка в столовой. Это, и почти беззвучное открытие и закрытие стеклянных дверей, которые вели в столовую. Ту комнату, где я впервые встретила почти всех их — мою новую семью.

Я подошла к Люсьену, и ветер колыхал пряди его рыжих волос, которые он связал на затылке.

— Я такого не ожидал, — сказал он, всматриваясь в трущобы Велариса.

— Город все еще восстанавливается после нападения Хайберна.

Его взгляд опустился на резные перила балкона.

— Хотя мы и не участвовали в нем... Мне жаль. Но — это не то, что я имел в виду.

Он оглянулся: в столовой ждали Рис и Кассиан, уже с выпивкой в руках, слишком небрежно прислонившись к огромному дубовому столу в центре комнаты.

Они вдруг заинтересовались каким-то пятнышком на его поверхности.

Я нахмурилась, но сглотнула. И хотя мои сестры ждали внутри, даже если я так сильно хотела их увидеть, будто кто-то тянул меня к ним в Дом за веревку, я сказала Люсьену:

— Рис спас меня на Каланмэе.

И я рассказала ему. Всё — историю, которая, возможно, поможет ему понять. И осознать, что Элейн в полной безопасности — и теперь *он* тоже. В конце концов, я позвала Риса, чтобы он рассказал свою историю — и он рассказал все Люсьену без прикрас. Не те ранимые, скорбные слова, которые довели меня до слез в горной хижине. Но он обрисовал все достаточно ясно.

Пока Рис говорил, Люсьен молчал. И даже тогда, когда я продолжила рассказ, а Кассиан часто вставлял свою точку зрения, какого было жить с мейтами-но-еще-не-мейтами, притворяясь, что Рис не ухаживает за мной, впуская меня в их маленький круг.

Я не знала, как долго мы рассказывали нашу историю, однако Рис и Кассиан беззастенчиво грели свои крылья на солнечном открытом пространстве балкона все это время. Но я не рассказывала нашу историю о Хайберне — дне, когда я вернулась в Весенний Двор.

Наступила тишина, и Рис с Кассианом снова ушли, понимая те эмоции, что виднелись в глазах Люсьена — значение его затяжного вздоха.

Когда мы остались одни, Люсьен протер свои глаза.

— Я видел, как Рисанд делал такие... ужасные вещи, видел его образ темного принца тысячи раз. И теперь ты говоришь мне, что все это было ложью. Маской. Все, чтобы защитить это место, этих людей. И я бы засмеял тебя за веру в это, но все же... этот город существует. Нетронутый — по крайней мере до недавнего времени. Даже города Рассветного Двора не так прекрасны, как этот.

— Люсьен —

— И ты любишь его. И он — он по-настоящему любит тебя, — он провел рукой по своим рыжим волосам. — И все эти люди, которых я тысячелетиями ненавидел, даже боялся... Они — твоя семья.

— Думаю, Амрен будет отрицать, что она испытывает к нам какую-либо привязанность —

— Если дети плохо вели себя, на ночь им рассказывают сказку об Амрен. Амрен та, кто выпьет кровь и утащит в ад, если ты будешь делать все неправильно. И вот она здесь, похожая больше на недовольную старую тетку, чем на кого бы то ни было еще.

— Мы не... здесь мы не соблюдаем протокол и звания.

— Очевидно. Рис живет в *городском доме*, Котел его побери.

Он махнул рукой, указывая на город.

Я не знала что сказать, так что промолчала.

— Я не понимал, что в твоей истории я был злодеем, — выдохнул Люсьен.

— Ты не был. — Не совсем.

Солнце плясало на далеком море, превращая горизонт в сверкающую линию света.

— Она ничего не знает о тебе. Только основы, которые рассказал ей Рис: что ты сын Высшего Лорда, служащий в Весеннем Дворе. И ты помогал мне в Подгорье. Больше ничего.

Я не добавила, что Рис сказал мне, что моя сестра вообще не спрашивала о нем.

Я выпрямилась.

— Я хочу первой увидеть их. Я знаю, ты беспокоишься —

— Просто сделай это, — сказал Люсьен, опираясь на каменные перила веранды. — Позовешь меня, когда она будет готова.

Я почти хлопнула его по плечу — почти сказала что-то утешающее.

Но у меня снова не было слов, когда я направилась в тусклые комнаты Дома.

Рис предоставил Нэсте и Элейн несколько соединенных комнат, все с видом на город, реку и далекие горы.

Но Рис отследил Нэсту именно в семейной библиотеке.

Кассиан был сильно напряжен, когда мы трое шагали по лестницам Дома, в залах из красного камня было тускло и шелест крыльев Кассиана и слабый вой ветра раздавались в них эхом. Напряжение, которое росло с каждым шагом к двойным дверям библиотеки. Я не спрашивала, виделись ли они или разговаривали с того дня в Хайберне.

Кассиан ничего не рассказывал.

И, возможно, я бы спросила Риса по связи, если бы он не открыл одну из дверей.

Если бы я сразу же не увидела Нэсту, съежившуюся в кресле с книгой на коленях, выглядящей — впервые — очень *не-как-Нэста*.

Повседневно. Возможно, расслабленно. Полностью удовлетворенной одиночеством.

Когда мои ботинки шаркнули о каменный пол, она резко выпрямилась, опять становясь чопорной, закрывая свою книгу с глухим стуком. И все же ее серо-голубые глаза лишь слегка расширились, когда она увидела меня.

Когда я посмотрела на нее.

Нэста была красива, когда была человеческой женщиной.

Как Высшая Фэ, она была невероятной.

Из-за полнейшей тишины, с которой Кассиан стал рядом со мной, я задумалась, пришла ли ему в голову та же мысль.

Она была в платье цвета олова из простого, но все же хорошего материала. Ее волосы были заплетены в корону вокруг ее головы, подчеркивая ее длинную, бледную шею — шею, по которой Кассиан скользнул взглядом, а потом быстро отвел его в сторону, когда она оценила нас и сказала мне:

— Ты вернулась.

С такой прической ее заостренные уши не были видны. Но ничего не могло скрыть неземное изящество, когда она шагнула. Ее внимание снова вернулось к Кассиану, когда она добавила:

— Что тебе надо?

Это было как удар в живот.

— По крайней мере, бессмертие не изменило в тебе некоторых вещей.

Взгляд Нэсты был ледяным.

— Вы пришли сюда с определенной целью, или я могу вернуться к чтению?

Рука Риса коснулась моей в тихом утешении. Но его лицо... словно камень. И еще меньше удивления.

Но Кассиан направился в сторону Нэсты с полуулыбкой, расплывающейся на его лице. Она напряженно стояла, пока он подобрал ее книгу, прочитал название и усмехнулся.

— Я бы не отнес тебя к категории читающих романы.

Она окинула его испепеляющим взглядом.

Кассиан пролистал книгу и сказал мне:

— Ты мало что пропустила, Фейра, пока уничтожала наших врагов. В основном все было как сейчас.

Нэста развернулась ко мне.

— Ты — сделала это?

Я сжала челюсть.

— Посмотрим, как все обернется. Я удостоверилась, что Ианфе страдает, — намек на ярость и страх в глазах Нэсты заставил меня исправиться: — Однако этого недостаточно.

Я взглянула на ее руку — ту, которой она указала на Короля Хайберна. Рис не увидел даже следов особых способностей у обеих моих сестер. И все же в тот день в Хайберне, когда Нэста открыла глаза... Я видела это. Видела что-то великое и ужасающее за ними.

— Но все же, почему вы здесь?

Она вырвала свою книгу из рук Кассиана, который позволил ей сделать это, но все же остался стоять рядом с ней. Наблюдая за каждым вдохом, каждым движением.

— Я хотела увидеть тебя, — сказала я тихо. — Посмотреть, как у тебя дела.

— Проверить, приняла ли я свою участь и благодарна ли за то, что стала одной из *них*?

Я набралась решимости.

— Ты моя сестра. Я видела, что они навредили тебе. Я хотела проверить, в порядке ли ты.

Низкий горький смех. Но она повернулась к Кассиану, осмотрела его, как если бы она была королевой, сидящей на троне, и объявила всем нам:

— Какая мне разница? Я всегда буду молодой и красивой и никогда не вернусь к льстивым придуркам за стеной. Я могу делать, что пожелаю, так как, видимо, здесь никто не следует правилам, манерам или нашим традициям. Возможно, мне *следует* поблагодарить тебя за то, что ты втянула меня в это.

Рис положил руку между моими лопатками, прежде чем слова поразили свою цель.

Нэста фыркнула.

— Но не меня тебе нужно проверять. У меня мало что было поставлено на карту как там, за стеной, так и здесь.

Ненависть струилась по всему ее лицу — ненависти было достаточно, чтобы мне стало плохо. Нэста зашипела.

— Она не выходит из комнаты. И не перестает плакать. Она не ест, не спит, не пьет.

Рис сжал челюсть.

— Я много раз спрашивал тебя, нужно ли тебе что-то —

— Почему я должна позволять любому из *вас*, — последнее слово было для Кассиана как яд гадюки, — приближаться к ней? Это касается лишь нас.

— Мейт Элейн здесь, — сказала я.

Произносить это в присутствии Нэсты было неправильным решением.

Она побледнела от ярости.

— Он не такой человек для нее, — прорычала она, наступая на меня достаточно, чтобы

Рис поставил между нами щит.

Как если бы он тоже увидел ту огромную силу в ее глазах в тот день в Хайберне. И не знал, как она может проявиться.

— Если вы подпустите того *мужчину* близко к ней, я...

— Что ты? — пропел Кассиан, небрежно оглядывая ее, когда она остановилась примерно в пяти футах от меня.

Он поднял бровь, когда она повернулась к нему.

— Ты не присоединилась ко мне для тренировок, и я, черт возьми, уверен, что ты не постоишь за себя в бою. Ты не захотела поговорить о твоих силах, так что ты определенно не сможешь ими овладеть. И ты —

— Заткни свой рот, — огрызнулась она, выглядя как никогда не проигрывающая императрица. — Я сказала тебе держаться от меня подальше, и если ты —

— Ты становишься между мужчиной и его мейтом, Нэста Арчерон, и ты столкнешься с самыми ужасными последствиями этого решения.

Ноздри Нэсты раздулись. Кассиан лишь криво усмехнулся.

Я вмешалась:

— Если Элейн не сможет это сделать, то она не увидит его. Я буду принуждать ее к этой встрече. Но он действительно хочет увидеть ее, Нэста. Я спрошу от его имени, но решение будет за ней.

— Мужчина, который продал нас Хайберну.

— Все гораздо сложнее.

— Что ж, это определенно станет намного сложнее, когда отец вернется и не найдет нас. Как ты планируешь рассказать *ему* обо всем этом?

— Судя по тому, что он месяцами не посылал весточки с континента, я позабочусь об этом позднее, — отрезала я.

И я благодарна Котлу за это — что он не торговал на какой-нибудь более прибыльной территории.

Нэста лишь покачала головой, поворачиваясь к креслу и своей книге.

— Мне все равно. Делай, что хочешь.

Ужасное разрешение, если не признание, что она все еще доверяет мне достаточно, чтобы сначала проявить внимание к нуждам Элейн. Рис приподнял подбородок в молчаливом приказании Кассиану уйти, и я последовала за ними, сказав напоследок:

— Мне жаль, Нэста.

Она не ответила, неподвижно сидя в кресле со своей книгой, и просто проигнорировала нас. Даже пощечина была бы лучше этого.

Когда я посмотрела вперед, то обнаружила, что Кассиан тоже смотрит на Нэсту.

Почему никто до сих пор не упомянул, что глаза Кассиана сияли, когда он смотрел на мою сестру?

С грустью. И тоской.

Солнечный свет заливал комнату.

Все шторы раздвинуты так широко, насколько это возможно, чтобы впустить как можно больше солнца.

Как будто даже намек на тьму был неприемлем. Как если бы ее прогоняли. И Элейн сидела спиной к нам на небольшом стульчике у самого освещенного окна.

И если молчание Нэсты была умиротворенной, перед тем как мы нашли ее, то молчание Элейн было... глухим. Пустым.

Ее волосы были распущены — даже не расчесаны. Я не могу вспомнить, когда я видела их не заплетенными. На ней был шелковое платье цвета белой луны.

Она не обернулась, не заговорила, и даже не вздрогнула, когда мы вошли.

Ее слишком тонкие руки покоились на стуле. И железное обручальное кольцо все еще было на ее пальце.

Ее кожа была такой бледной, как свежий снег, в резком свете.

И я поняла, что цвет смерти, печали — белый. Отсутствие цвета. Или жизни.

Я оставила Кассиана и Риса за дверью.

Ярость Нэсты была куда лучше этой... оболочки. Этой пустоты.

У меня перехватило дыхание, когда я обошла ее стул. Она тупо уставилась на город внизу.

Потом я увидела впалые щеки, обескровленные губы, карие глаза, которые когда-то казались богатыми и теплыми, а теперь — совершенно унылыми. Как сильная грязь.

Она только посмотрела на меня, когда я мягко сказала:

— Элейн?

Я осмелилась взять ее за руку. И не осмелилась подойти слишком близко.

Я сделала это. Я навлекла это на них —

— Я вернулась, — добавила я немного вяло.

Бесполезно. Она сказала лишь пару слов:

— Я хочу домой.

Я закрыла глаза, грудь невыносимо сжалась.

— Я знаю.

— Он будет искать меня, — прошептала она.

— Я знаю, — снова сказала я.

Не Люсьен — она о нем вообще не говорила.

— Мы должны были пожениться на следующей неделе.

Я положила ладонь на грудь, будто это остановит треск внутри меня.

— Мне жаль.

Ничего. Даже проблеска эмоции.

— Все продолжают повторять это, — она коснулась кольца на своем пальце. — Но это ведь ничего не исправит?

Я не могла вдохнуть. Я не могла — я не могла *дышать*, смотря на это сломленное, израненное существо, которое когда-то было моей сестрой. То, что я отняла у нее, что я

забрала у нее —

Рис был уже здесь, скользнув рукой вокруг моей талии.

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь, Элейн?

Он говорил с такой мягкостью, что я едва могла вынести это.

— Я хочу домой, — повторила она.

Я не смогу спросить ее о Люсьене. Не сейчас. Еще нет.

Я развернулась, полностью готовая сбежать и распасться на кусочки в другой комнате, другой части Дома. Но Люсьен стоял в дверном проеме.

И по опустошенности его лица я поняла, что она слышала каждое слово. Видел, слышал и чувствовал исходящую от нее пустоту и отчаяние.

Элейн всегда была нежной и милой — и я считала, что в этом ее сила. Лучшая сила. Видеть всю жестокость мира и выбирать, снова и снова, любовь, доброту. Она всегда была полна света.

Возможно, именно поэтому она отвечивала все шторы. Чтобы заполнить пустоту в том месте, где раньше был весь этот свет.

И теперь там ничего не осталось.

ГЛАВА

16

Рисанд молча повел Люсьена в спальню, которую ему выделили в противоположном конце Дома Ветра. Мы с Кассианом шли позади и молчали до тех пор, пока мой мейт не открыл черные двери, ведущие в солнечную гостиную, вырезанную из еще более красного камня. За чередой окон текла городская жизнь, вид простирался до дальних зубчатых гор и сверкающего моря.

Рис остановился в центре полуночно-синего ковра ручной работы и указал на закрытые двери слева.

— Спальня.

Он лениво махнул рукой в сторону единственной двери на противоположной стене.

— Ванная.

Люсьен осматривал комнату с холодным безразличием. Каковы еще чувства к Элейн, что он планирует делать... Я не решалась спросить.

— Полагаю, тебе нужна одежда, — продолжал Рис, кивнув на грязные куртку и брюки Люсьена, которые он носил всю неделю, пока мы шли по острову. Действительно, на них... в нескольких местах брызги крови.

— Какие-нибудь предпочтения в одежде?

Это привлекло внимание Люсьена, он сдвинулся настолько, чтобы посмотреть на Риса — чтобы заметить нас с Кассианом, прячущихся у двери.

— Какова цена?

— Если ты хочешь сказать, что у тебя нет денег, то не волнуйся — одежда будет бесплатной, — Рис подарил ему улыбку. — Если ты хочешь спросить, является ли это своего рода взяткой... — он пожал плечами. — Ты сын Высшего Лорда. Нехорошо было бы не

приютить и не обеспечить тебя одеждой тогда, когда ты в этом нуждаешься.

Люсьен ощетинился.

Прекрати насмехаться над ним, сказала я по связи.

Но это так весело, пришел мурлыкающий ответ.

Что-то волновало его. Тревожило Риса достаточно, чтобы поддразнивание Люсьена позволяло ему расслабиться. Я шагнула вперед, а Кассиан остался позади меня, когда я сказала Люсьену:

— Мы вернемся на ужин через пару часов. Пока отдохни — прими ванну. Если тебе что-то понадобится, то дерни веревку у двери.

Люсьен напрягся — не из-за того, что я сказала, как я поняла, но из-за тона. Хозяйского. Но он спросил:

— Что насчет — Элейн?

Решать тебе, предложил Рис.

— Мне нужно подумать об этом, — призналась я. — Пока я не решу, что с ней делать, держись от нее подальше из-за Нэсты.

И добавила, возможно, слишком жестко:

— Этот дом защищен от рассеивания, как снаружи, так и внутри. Отсюда лишь один выход — по лестнице вниз, к городу. Он тоже защищен и охраняется. Пожалуйста, не делай ничего глупого.

— Значит я пленник?

Я чувствовала, как ответ почти вырывается из Риса, но покачала головой.

— Нет. Но пойми, несмотря на то, что ты ее мейт, Элейн *моя* сестра. И я буду делать все, что должна, чтобы защитить ее от дальнейшего вреда.

— Я никогда не причиню ей вреда.

Мрачная честность в его словах.

Я просто кивнула, расслабившись, и встретила взгляд Риса с молчаливой просьбой.

Мой мейт ничего не ответил на мою бессловесную мольбу, но сказал:

— Ты можешь ходить, где хочешь, в самом городе, если у тебя хватит мужества пройти всю лестницу, но с двумя условиями: ты не будешь предпринимать попыток встретиться с обеими сестрами, а также не будешь ходить на их этаж. Если тебе понадобится книга из библиотеки, ты попросишь ее у слуг. Если ты захочешь поговорить с Нэстой или Элейн, то тоже спросишь слуг, которые передадут твою просьбу нам. Если ты проигнорируешь эти правила, то я запру тебя в комнате с Амрен.

Затем Рис развернулся и засунул руки в карманы, предлагая мне свой локоть. Я обвила его рукой, но сказала Люсьену:

— Увидимся через несколько часов.

Мы уже были у двери, а Кассиан в коридоре, когда Люсьен сказал мне:

— Спасибо.

Я не осмелилась спросить, за что.

Мы полетели прямо в лофт Амрен, и когда мы парили над крышами Велариса, люди махали нам. Моя улыбка была настоящей, когда я махала им, моим людям, в ответ. Рис держал меня немного крепче, пока я это делала, а его улыбка была ярче солнца, отражающегося в Сидре.

Мор и Азриэль уже ждали в доме Амрен, сидя, как отруганные дети, на потертом диване у стены, пока темноволосая женщина просматривала страницы книг, разбросанных вокруг нее на полу.

Когда мы вошли, Мор послала мне благодарный взгляд, полный облегчения, а лицо Азриэля ничего не выражало, пока он, слишком осторожно, стал подальше от нее. Но Амрен сказала, сидя на полу:

— Вам следовало бы убить Берона и его сыновей, а того красавчика назначить Высшим Лордом Осеннего Двора, хочет он того или нет. Жить стало бы легче.

— Я учту это, — сказал Рис, шагая к ней, а я осталась с остальными.

Если они сидят здесь... у Амрен, должно быть, подходящее настроение.

Я выдохнула.

— Кто еще думает, что оставлять их троих в Доме Ветра было ужасной идеей?

Кассиан поднял руку, а Рис и Мор усмехнулись. Генерал Высшего Лорда сказал:

— Час, и он попытается встретиться с ней.

— Полчаса, — возразила Мор, садясь обратно на диван и скрещивая ноги.

Я съежилась.

— Ручаюсь, что Нэста сейчас охраняет Элейн. Думаю, она действительно может убить его лишь за то, что он попытается прикоснуться к ней.

— Она не сможет это сделать без тренировок, — проворчал Кассиан, складывая крылья, когда он сел рядом с Мор, где до этого сидел Азриэль.

Говорящий с тенями даже не посмотрел в их сторону. Нет, Азриэль лишь подошел к стене рядом с Кассианом и прислонился к деревянной панели.

Но все оставались достаточно спокойными, чтобы я поняла, что действовать нужно осторожно, когда спросила Кассиана:

— Нэста сказала, будто ты бываешь в Доме... часто. Ты предлагал ей обучать ее?

Светло-коричневые глаза Кассиана закрылись, когда он скрестил ноги, вытягивая перед собой свои мускулистые ноги.

— Я хожу туда каждый день. Это хорошее упражнение для моих крыльев.

Он двинул крыльями. На них нет даже царапинки.

— И?

— И то, что ты видела в библиотеке, было лучшей версией нашей обычной беседы.

Губы Мор сжались в тонкую линию, как если бы она пыталась изо всех сил ничего *не* сказать. А Азриэль изо всех сил стрелял в нее предупреждающим взглядом, напоминая ей держать язык за зубами. Как если бы они уже обсуждали это. Много раз.

— Я не виню ее, — сказал Кассиан, пожав плечами, несмотря на свои слова. — Она была осквернена. Ее тело перестало принадлежать ей полностью.

Его челюсть сжалась. Даже Амрен не посмела что-нибудь сказать.

— И я собираюсь содрать с Короля Хайберна кожу при нашей следующей встрече.

Его Сифоны замерцали в ответ.

Рис непринужденно сказал:

— Уверен, король насладится впечатлениями в полной мере.

Кассиан сердито посмотрел на него.

— Я серьезно.

— О, даже не сомневаюсь, что ты это сделаешь, — фиолетовые глаза Риса были ослепительными в полумраке лофта. — Но прежде чем ты полностью уйдешь в

планирование мести, вспомни, что сначала нам нужно спланировать наши действия на войне.

— Ублюдок.

Уголки рта моего мейта немного приподнялись. И — Рис подталкивал его, раздражал его, чтобы вина не поглотила его полностью. Остальные позволяли ему делать это, так как, похоже, и сами делали это несколько раз за эти недели.

— Я убежден в этом, — сказала Рис, — но все еще есть тот факт, что победа в войне важнее мести.

Кассиан открыл было рот, чтобы поспорить, но Рис взгляделся в книги, разбросанные по густому ковру.

— Ничего? — спросил он Амрен.

— Я не знаю, зачем ты отправил сюда этих двух клоунов, — прищуренный взгляд на Мор и Азриэля, — следить за мной.

Так вот куда ушел Азриэль — прямо в лофт. Несомненно, чтобы не дать Мор терпеть Занятую Амрен в одиночку. Но тон Амрен... капризный, да, но возможно и немного нагловатый. Чтобы прогнать проблеск слабости из глаз Кассиана.

— Мы не следим за тобой, — сказала Мор, постукивая ногой по ковру. — Мы следим за Книгой.

И когда она сказала это... Я почувствовала ее. Услышала ее.

Амрен положила Книгу Дыханий на тумбочку.

А поверх ее стоял стакан со старой кровью.

Я не знала смеяться мне или бояться. Страх победил, когда Книга прошептала, *Привет, милая обманщица. Привет, принцесса...*

— О, замолчи, — прошипела Амрен Книге, которая заткнулась. — Гнусная вещь, — пробормотала она и вернулась к тому перед ней.

Рис нахмурился.

— С тех пор, как половины Книги соединили, она стала... говорить время от времени.

— И что она говорит?

— Глупости, — сплюнула Амрен, хмуро глядя на Книгу. — Ей просто нравится слушать свою болтовню. Как и большинству людей в этой комнате.

Кассиан ухмыльнулся.

— Кто-то снова забыл покормить Амрен?

Она предупредительно указала на него пальцем, не поднимая глаз.

— Есть ли причина, Рисанд, почему ты затащил в мой дом свою твякающую стаю?

Ее дом был всего лишь огромным переоборудованным чердаком, но никто из нас не осмелился возразить ей, когда Мор, Кассиан и Азриэль наконец подошли ближе, формируя небольшой круг вокруг Амрен, раскинувшейся на полу в центре комнаты.

Рис сказал мне:

— Информация, которую ты вытащила из Дагдана и Браннэ подтверждает ту, что мы собрали в твое отсутствие. Особенно об потенциальных союзниках Хайберна на других территориях — на континенте.

— Стервятники, — сказала Мор, и Кассиан склонен был согласиться с ней.

Но Рис — Рис действительно был шпионом, пока Азриэль —

Рис фыркнул.

— Я *могу* оставаться незамеченным, мейт.

Я впиалась в него взглядом, но вмешался Азриэль.

— Нам нужно было лишь узнать о действиях Хайберна, которые ты подтвердила, Фейра.

— Почему?

Кассиан скрестил руки.

— Самостоятельно мы вряд ли сможем выжить против армий Хайберна. Если армии Валлахана, Монтесеры и Раска присоединятся к ним...

Он провел рукой по своей загорелой шее.

Мор толкнула его локтем в бок. Кассиан оттолкнул ее назад, когда Азриэль покачал головой, а тени кружились вокруг кончиков его крыльев.

— И эти три территории... могущественны?

Возможно, глупый вопрос, показывающий, что я мало что знаю о фейри на континенте

— Да, — сказал Азриэль, в его светло-коричневых глазах не было осуждения. — У Валлахана есть численное преимущество, у Монтесеры есть деньги, а Раск... он достаточно велик, чтобы у него было и то, и другое.

— И нас нет потенциальных союзников на других заморских территориях?

Рис потянул ниточку на манжете своего черного жакета.

— Никого, кто готов был бы приплыть сюда, чтобы помочь нам.

У меня внутри все перевернулось.

— А как же Мириам и Дрейкон?

Когда-то он отказывался даже рассматривать этот вариант, но —

— Ты сражался с Мириам и Дрейконом тысячи лет назад, — сказала я Рису.

Тогда он делал гораздо больше, если верить Юриану.

— Возможно, пришло время потребовать возврат долга.

Но Рис покачал головой.

— Мы пытались. Азриэль был на острове Крите.

Остров, где Мириам, Дрейкон, их объединенный народ, состоящий из людей и Фэ, тайно жили в течение последних пяти веков.

— Он заброшен, — сказал Азриэль. — В руинах. Нет ни следа произошедшего или из ухода.

— Ты думаешь, что Хайберн —

— Там не было признаков Хайберна, или еще какого-то причиненного ущерба, — вмешалась Мор с напряженным лицом.

Они были ее друзьями тоже — во время войны. Мириам, и Дрейкон, и человеческие королевы, подписавшие Договор. И это было беспокойство — настоящее, глубокое беспокойство — сияющее в ее карих глазах. В глазах их всех.

— Значит, вы думаете, что они слышали о Хайберне и сбежали? — спросила я.

У Дрейкона был крылатый легион, как когда-то сообщил мне Рис. Если был шанс найти их —

— Дрейкон и Мириам, которых я знал, не сбежали бы — не от этого, — сказал Рис.

Мор наклонилась вперед, ее золотистые волосы заструились по ее плечам.

— Но теперь, когда в этом участвует Юриан... Мириам и Дрейкон, хотя они того или нет, всегда будут привязаны к нему. Я не виню их за побег, если он действительно охотится на них.

Лицо Риса на мгновение расслабилось.

— Поэтому Король Хайберна и возродил Юриана, — пробормотал он. — Поэтому Юриан работает на него.

Я нахмурилась.

— Мириам умерла — во время последней морской битвы ее грудь пронзило копье, — объяснил Рис. — Она истекала кровью, пока ее несли в безопасное место. Но Дрейкон знал о скрытом священном острове, где был спрятан объект великой и страшной силы. По легенде, этот объект был сделан самим Котлом. Он принес ее туда, на Крит — использовал предмет, чтобы воскресить ее, сделать ее бессмертной. Так же, как и тебя Создали, Фейра.

Амрен рассказывала это — месяцы назад. Что Мириам *Создана*, как и я.

Амрен, кажется, тоже вспомнила это, когда сказала:

— Король Хайберна, должно быть, пообещал Юриану использование Котла для отслеживания этого предмета. Места, где теперь живет Мириам и Дрейкон. Возможно, они узнали об этом — и оставили его так быстро, как смогли.

И из-за мести, из-за безумной ярости, охватившей Юриана... он сделает все, что скажет Король Хайберна. Чтобы он смог сам убить Мириам.

— Но куда они пошли? — я посмотрела на Азриэля, который все еще стоял у стены в неестественной тишине. — Ты не нашел даже зацепки, куда они могли исчезнуть?

— Ни одной, — ответил Рис за него. — Мы посылали связных с тех пор, но безрезультатно.

Я протерла лицо, отменяя надежду.

— Тогда, если они не наши возможные союзники... Как мы сможем предотвратить слияния армий континента с армией Хайберна? — я поморщилась. — В этом же заключается ваш план?

Рис мрачно улыбнулся.

— Так и есть. Мы над ним работаем с тех пор, как ты ушла.

Я ждала, стараясь не отвлекаться, когда серебряные глаза Амрен, кажется, засветились от радости. — Сначала я следил за Хайберном. За его людьми. Старался изо всех сил.

Он *был* в Хайберне —

Рис ухмыльнулся, увидев беспокойство на моем лице.

— Я надеялся, что у Хайберна могут возникнуть внутренние проблемы, чтобы использовать это — чтобы дать им самим себя разрушить. То, что его люди, возможно, не хотят этой войны, может быть как ценной, так и опасной и ненужной информацией. Но пятьсот лет на том острове, с небольшими возможностями для торговли, маленькими перспективами... Люди Хайберна жаждут перемен. Вернее... возвращения в старые дни, когда у них были люди-рабы, которые выполняли их работу, когда не было никаких препятствий, удерживающих их от получения того, что они сейчас воспринимают как свое право.

Амрен захлопнула книгу, которую недавно внимательно изучала.

— Идиоты.

Она покачала головой, покачивая распущенными волосами, а потом нахмурилась. — На протяжении столетий истощались богатства Хайберна. Большинство их торговцев до Войны работали с Югом — с Черной Землей. Но как только дело дошло до людей... Мы не знаем, намеренно ли король Хайберна не заключал новые торговые сделки для своих людей, чтобы однажды начать эту войну, или он просто был слеп и позволил всему пойти на самотек. Но уже столетия люди Хайберна мучаются. Хайберн *позволил* им возмущаться их

нарастающими мучениями и нищетой.

— Есть много Высших Фэ, — осторожно сказала Мор, — которые верили до Войны, и верят сейчас, что люди... что они — не имеют никаких прав. Многие Высшие Фэ знали лишь, что они имеют привилегии благодаря этим рабам. И когда эти привилегии у них забрали, когда они были вынуждены покинуть свою родину или освободить место для других Высших Фэ и перераспределить территории — создать новые — с этой стеной... Они не забыли этот гнев даже спустя сколько столетий. Особенно в таких местах, как Хайберн, где их территории и население остались почти нетронутыми. Лишь некоторым из них не пришлось уступать земли за стеной — и не пришлось уступать земли новым территориям Фэ. Изолированные, в бедности, без рабов, выполняющих их работу.. Хайберн давно уже понял, что дни до Войны были их золотой эрой. И прошедшие столетия — их темный век.

В моей груди закололо.

— Они безумны, если так думают.

Рис кивнул.

— Да — так и есть. Но не забывай, что их король поощряет распространение такого ограниченного мировоззрения. Он не заключает новых торговых сделок, не позволяет другим территориям забрать даже часть своей территории и принести туда свои культуры. Он раздумывал, когда у Лоялистов все пошло наперекосяк на Войне. Почему они в конце концов отступили, не из-за того, что их подавили, а потому, что они начали ругаться между собой. У Хайберна было очень много времени, чтобы подумать об этих ошибках. И как избежать их любой ценой. Так что он убедился, что его люди полностью поддерживают идею войны и разрушения стены, потому что они думают, что это как-то вернет им... золотые времена прошлого. Люди Хайберна видят своего короля и их армию не как завоевателей, а как освободителей Высших Фэ и тех, кто на их стороне.

Меня чуть не стошнило.

— Как вообще можно в такое *верить*?

Азриэль провел рукой по волосам.

— Это то, что мы выясняли. Подслушивали в Хайберне. И на таких территориях, как Раск, Монтесера и Валлахан.

— Мы должны были стать примером, девочка, — объяснила Амрен. — Прифиан. Мы были одними из самых ярых защитников и участников переговоров о Договоре. Хайберн хочет подчинить Прифиан не только для того, чтобы расчистить путь к континенту, но и для того, чтобы это стало примером для территорий Высших Фэ, которые были за Договор.

— Но, конечно же, другие территории будут защищаться, — сказала я, изучая их лица.

— Их не так много, как мы надеялись, — признался Рис, морщась. — Есть много — очень много — тех, кто также чувствовал себя раздавленным и задыхающимся все эти столетия. Они хотят вернуть свои прежние земли за стеной, а также власть и процветание, которые придут вместе с ними. Их видение прошлого было окрашено пять столетиями борьбы за порядок и процветание.

— Возможно, мы плохо поступили, — размышляла Мор, — когда не разделили наше богатство и территории. Возможно, мы виноваты в том, что позволили части этого сгнить.

— Это еще нужно обсудить, — сказала Амрен, махая изящной рукой. — Дело в том, что мы столкнемся не с армией, настроенной на разрушения. Они настроены получить, как им кажется, *освобождение*. Высших Фэ, которых душист стена, и того, что, по их мнению, все еще принадлежит им.

Я сглотнула.

— И какую роль сыграют другие территории — трое вероятных союзников Хайберна? — я посмотрела на Риса и Азриэля. — Ты сказал, что был... там?

Рис пожал плечами.

— Там, в Хайберна, на других территориях... — он подмигнул мне, когда я начала открывать рот. — Я должен был занять себя чем-то, чтобы не скучать по тебе.

Мор закатила глаза. Но именно Кассиан сказал:

— Мы не можем допустить слияния тех троих с Хайберном. Если они пошлют армии в Прифиан, нам конец.

— Так что же нам делать?

Рис прислонился к резной стойке кровати Амрен.

— Мы проследим, чтобы они были заняты, — он указал подбородком на Азриэля. — Мы давали им информацию — правду и ложь, а также смесь одного и второго. И еще чтобы разрознить некоторых наших бывших союзников, которые теперь отказываются поддержать нас.

Улыбка Азриэля была ослепительно белой. Ложь и правда — говорящий с тенями и его тени посеяли их в иностранных дворах.

Я нахмурилась.

— Вы натравили территории на континенте друг против друга?

— Мы убедились, что они будут заняты друг другом, — сказал Кассиан, в его глазах сверкнул намек на черный юмор. — Убедились, что давние враги и соперничающие государства Раска, Валлахана и Монтесеры внезапно получают информацию, которая беспокоит их ожиданием нападения на их территории. И они начнут улучшать собственную защиту. Что, в свою очередь, заставит Раск, Валлахан и Монтесеру прочесывать свои границы, а не наши.

— Если наши союзники времен Войны слишком напуганы, что прийти сражаться, — сказала Мор, скрестив руки на груди, — то пока они будут заняты друг другом — не позволяя им приплыть *сюда* — мы не будем беспокоиться о них.

Я посмотрела на них. На Риса.

Блистательно. Чрезвычайно гениально удерживать их сосредоточенными друг на друге, чтобы они оставались в стороне.

— Так... они не придут?

— Остается только молиться — сказала Амрен. — И молиться, чтобы мы разобрались с этим достаточно быстро, чтобы они не успели выяснить, что мы обставили их всех.

— А что с человеческими королевами? — я прикусила кончик большого пальца. — Они должны знать, что ни одна сделка с Хайберном в конечном счете не будет им в пользу.

Мор крепко вжала свои предплечья в бедра.

— Кто знает, что Хайберн пообещал им — наврал им? Он уже даровал им бессмертие с помощью Котла в обмен на сотрудничество. Если они настолько глупы, чтобы согласиться на это, то я не сомневаюсь, что они открыли ему все проходы.

— Но мы не знаем этого наверняка, — возразила Амрен. — И это не объясняет, почему они так тихи — почему они заперлись в своем дворце.

Рис и Азриэль покачали головами, молча соглашаясь.

Я посмотрела на них, на их угасающее веселье.

— Вас сводит с ума то, что никто не смог проникнуть в этот дворец.

Оба издали низкое рычание, а потом Азриэль пробормотал:

— Ты даже не представляешь.

Амрен лишь щелкнула языком, ее кошачьи глаза остановились на мне.

— Те командиры Хайберна были глупцами, когда раскрыли тебе свои планы о разрушении стены. Или, возможно, они знали, что информация вернется к нам, и их мастер хотел, чтобы мы накрутили себя.

Я наклонила голову.

— Ты имеешь в виду то, что они разрушат стену через уже проделанные дыры?

Ее острый подбородок качнулся в сторону книг, разложенных вокруг нее.

— Это сложная работа с заклинаниями — лазейка в магии, которая построила стену.

— И это подразумевает, — сказала Мор, нахмурившись, — что что-то, возможно, не в порядке с Котлом.

Подумав, я подняла брови.

— Потому что Котел должен быть способен сам снести эту стену, верно?

— Верно, — сказал Рисанд, шагая к Книге на тумбочке. Он не осмелился прикоснуться к ней.

— Зачем искать эти дыры, чтобы помочь Котлу, если он может высвободить свою силу и покончить с этим?

— Может быть, он расходовал слишком много своей силы, превращая моих сестер и тех королев.

— Скорее всего, — сказал Рис, возвращаясь ко мне. — Но если он собирается использовать эти дыры в стене, то нам нужно найти способ устранить их, прежде чем он начнет действовать.

Я спросила Амрен:

— Есть ли заклинания, способные это сделать?

— Я ищу, — сказала она сквозь зубы. — Будет больше помощи, если *кое-кто* затащит свою задницу в библиотеку и проведет собственные исследования.

— Мы в твоём распоряжении, — предложил Кассиан с насмешливым поклоном.

— Не знала, что ты умеешь читать, — ласково сказала Амрен.

— Это может быть бесполезной затеей, — вмешался Азриэль, прежде чем Кассиан смог парировать выпад Амрен. — Приманка, чтобы заставить нас сосредоточиться на стене, пока он ударит с другой стороны.

Я скривилась, смотря на Книгу.

— Почему бы просто не попытаться снова аннулировать силу Котла?

— Потому что в прошлый раз ты чуть не умерла из-за этого, — сказал Рис таким спокойным, ровным голосом, который сказал мне достаточно: черта с два он позволит мне попытаться еще раз.

Я выпрямилась.

— Я не была готова в Хайберне. Никто из нас не был. Если я попробую снова —

Мор вмешалась:

— Если ты снова попытаешься, то это вполне может убить тебя. Не говоря уже о том, что нам нужно будет *добраться* до Котла, что уже не вариант.

— Король, — разъяснил Азриэль, глядя на мой нахмуренный лоб, — не выпустит Котел из вида. И он расставил еще больше заклинаний и ловушек, чем в прошлый раз.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но говорящий с теньями добавил:

— Мы рассмотрели такой вариант. Мы такое не провернем.

Я ему поверила — откровенная честность в его ореховых глазах была достаточным подтверждением того, что они тщательно взвесили все варианты.

— Хорошо, если аннулирование силы Котла слишком рискованно, — размышляла я, — тогда могу ли я починить стену? Если стена была создана *фейри*, объединившими свою магию...

Амрен сказала в наступившей тишине:

— Возможно. Родство незначительное, но... да, возможно, ты сможешь починить ее. Хотя твои сестры, получившие силу от Котла, могут владеть магией, которую мы —

— Мои сестры не участвуют в этом.

Снова наступила тишина, прерываемая лишь шорохом крыльев Азриэля.

— Я попросила их о помощи однажды — и смотри, что из этого вышло. Больше я не буду ими рисковать.

Амрен фыркнула.

— Говоришь прямо как Тамлин.

Слова были как удар.

Рис скользнул рукой по моей спине, появившись так быстро, что я даже не заметила. Но прежде чем он успел ответить, Мор тихо сказала:

— Никогда больше не говори такого дерьма, Амрен.

За сплошным спокойствием лица Мор бушевала ярость.

Я никогда не видела ее такой... ужасающей. Она была в ярости из-за смертных королев, но это... Это было лицо третьей в команде Высшего Лорда.

— Если ты раздражена от голода, то скажи нам, — продолжила Мор с тихим ледяным тоном. — Но если ты снова скажешь что-то подобное, то я брошу тебя в проклятую Сидру.

— Хотела бы увидеть твою попытку.

Единственным ответом Мор была слабая улыбка.

Амрен снова сосредоточилась на мне.

— Нам нужны твои сестры — если не для этого, то чтобы убедить других присоединиться к нам, рискнуть. Поскольку у любых потенциальных союзников могут возникнуть... трудности с верой в нас после стольких лет лжи.

— Извинись, — сказала Мор.

— Мор, — прошептала я.

— *Извинись*, — зашипела она на Амрен.

Амрен ничего не сказала.

Мор шагнула к ней, и я сказала:

— Она права.

Они обе посмотрели на меня, подняв брови.

Я сглотнула.

— Амрен права.

Я высвободилась от прикосновения Риса — понимая, что он молчит, чтобы дать мне самой со всем разобраться. Позволить мне выяснить, как мне вести себя с ними, не только как членам одной семьи, но в основном как их Высшей Леди.

Лицо Мор напряглось, но я покачала головой.

— Я могу спросить своих сестер. Посмотреть, есть ли у них силы. Посмотреть, смогут ли они... поговорить с другими о пережитом. Но я не буду заставлять их участвовать в этом,

если они не захотят. Выбор за ними.

Я взглянула на своего мейта — мужчину, который всегда давал мне выбирать не в качестве подарка, но как мое личное *право*. Фиолетовые глаза Риса вздрогнули от удивления.

— Но я донесу им наше... отчаяние.

Амрен фыркнула, будто большая хищная птица, надувшая свои перья.

— Компромисс, Амрен, — промурлыкал Рис. — Это называется компромисс.

Она проигнорировала его.

— Если вы хотите убедить моих сестер, то выведите их из Дома. Никому не помогало запираение в каком-либо месте.

Рис ровно сказал:

— Я не уверен, что Веларис готов к Нэсте Арчерон.

— Моя сестра не какое-то дикое животное, — огрызнулась я.

Рис немного отпрянул, а другие неожиданно сочли ковер, диван и книги невероятно увлекательными.

— Я не это имел в виду.

Я не ответила.

Мор неодобрительно нахмурилась, смотря на Риса, который внимательно наблюдал за мной и спросил:

— Что с Элейн?

Я слегка сдвинулась, пытаюсь не думать о словах, все еще висящих между мной и Рисом.

— Я могу спросить, но... он может быть не готова к такому количеству людей, — уточнила я. — На следующей неделе она должна была выйти замуж.

— Он постоянно говорит об этом, — проворчала Амрен.

Я стрельнула по ней взглядом.

— Осторожно.

Амрен удивленно посмотрела на меня. Но я продолжила:

— Итак, нам нужно найти способ починить стену раньше, чем Хайберн использует Котел для ее уничтожения. И сразиться в этой войне прежде, чем другие территории присоединятся к нападению Хайберна. И в конечном итоге получить Котел. Что-то еще?

Рис осторожно произнес за моей спиной:

— Этого хватит. Как только наши силы будут готовы, мы выступим против Хайберна.

— Иллирийские легионы почти готовы, — сказал Кассиан.

— Нет, — сказал Рис. — Я имею в виду большую силу. Силу не только Ночного Двора, но всего Прифиана. Наш единственный реальный шанс найти союзников в этой войне.

Никто из нас не ответил и не двинулся, поэтому Рис просто сказал:

— Завтра будут высланы приглашения для каждого Высшего Лорда Прифиана. На встречу через две недели. Пора нам увидеть, кто будет на нашей стороне. И убедиться, что они знают, какие будут последствия, если они этого не сделают.

Я позволила Кассиану отнести меня в Дом двумя часами позднее, просто потому, что он признался, что все еще работает над укреплением своих крыльев и должен нагружать себя.

Мы парили над жарой, исходящей от черепичных крыш и красных камней, а морской бриз был прохладным поцелуем на моем лице.

Полчаса назад мы едва закончили обсуждение, когда живот Мор заурчал так громко, будто это был грохот грома. Это время мы анализировали преимущества и недостатки мест, где можно встретиться, кого взять на встречу Высших Лордов.

Приглашения разойдутся завтра — но без указания места встречи. В этом нет нужды, как объяснил Рис, потому что Высшие Лорды, без сомнений, откажутся от нашего выбора и сами решат, где собраться. Нам остается лишь выбрать день и время — две недели сгладят неизбежные препирательства. Остальное... Мы должны быть готовы ко всему.

Мы быстро вернулись в городской дом, чтобы переодеться, прежде чем отправиться обратно в Дом — и я нашла Нуалу и Керридвен ждущими в моей комнате с улыбками на их призрачных лицах.

Я обняла их обеих, даже если в приветствии Риса было меньше... энтузиазма. Не из-за нелюбви к полупризракам, но...

Я сорвалась на него. В квартире Амрен.

Он не выглядел сердитым, и все же... Я чувствовала, что он внимательно наблюдает за мной последние несколько часов. Из-за этого... было странно смотреть на него. Достаточно странно, чтобы мой нарастающий аппетит перешел в тошноту. Я спорила с ним раньше, но... не как Высшая Леди. Не с таким... тоном.

Поэтому я не стала спрашивать его об этом, когда Нуала и Керридвен помогли мне одеться и он направился в ванную, чтобы помыться.

Не то, чтобы у меня было так много нарядов, чтобы было из чего выбирать. Я остановилась на своих иллирийских кожаных штанах и свободной белой рубашке — и паре расшитых туфель, из-за которых Кассиан фыркал весь наш полет.

Когда он сделал это уже в третий раз за две минуты, я ущипнула его за руку и сказала:

— Жарко. Эти сапоги не дышат.

Его брови поднялись — сама невинность.

— Я ничего не говорил.

— Ты кряхтишь. *Снова.*

— Я жил с Мор пять сотен лет. По моему горькому опыту лучше не подвергать сомнению выбор обуви, — он ухмыльнулся. — Какой бы глупой она не была.

— Это ужин. Или после него у нас намечается сражение?

— Там будет твоя сестра — я бы сказал, что сражения неизбежны.

Я вскользь посмотрела на его лицо, заметив, как напряженно он пытается сохранять нейтральное выражение лица, пытается смотреть всюду, но не на меня. Рис летел рядом, но достаточно далеко, чтобы не слышать, как я сказала:

— Ты бы использовал ее, чтобы посмотреть, сможет ли она как-то починить стену?

Светло-коричневые глаза стрельнули по мне, свирепые и ясные.

— Да. Не только ради нас всех, но... ей нужно выйти из Дома. Ей нужно... — крылья Кассиана продолжали стабильно взмахивать, новые их участки можно было увидеть лишь по отсутствию рубцов. — Она сама себя уничтожит, если останется там взаперти.

Моя грудь сжалась.

— В тот день, когда она изменилась, она... Я почувствовала изменения в ней.

Я боролась с напряжением в мышцах, вспоминая эти моменты. Крики, кровь и тошнота, когда я смотрела, как моих сестер принуждают против их воли, и ничего не могла сделать, все мы —

Я проглотила страх и чувство вины.

— Это было как... все, чем она была, сталь и огонь... Их стало еще больше. Катаклизм. Как когда... глядя на домашнюю кошку вдруг обнаруживаешь, что вместо нее перед тобой стоит пантера.

Я покачала головой, словно это позволило бы мне забыть хищную ярость, кипящую в этих голубовато-серых глазах.

— Я никогда не забуду те моменты, — тихо сказал Кассиан, по запаху или ощущениям определяя воспоминания, раздирающие меня. — Так долго, сколько я проживу.

— С тех пор ты видел хоть проблеск этой силы?

— Ничего.

Впереди маячил Дом, золотые огни из череды окон и дверных проемов подзывали нас ближе.

— Но иногда я могу ее чувствовать, — добавил он немного грустно, — обычно, когда она злится на меня. То есть... большинство времени.

— Почему?

Они всегда готовы перегрызть друг другу горла, но это... да, раньше динамика между ними была другой. Более четкой.

Кассиан стряхнул свои темные волосы с глаз, которые были длиннее, чем я помнила.

— Не думаю, что Нэста когда-нибудь простит мне произошедшее в Хайберне. С ней — но еще больше из-за Элейн.

— Твои крылья были разорваны. Ты едва выжил.

Потому что в каждое слово Кассиана было пропитано чувством вины — опустошительным и ядовитым. То, что другие в лофта пытались перебороть.

— Ты не мог никого спасти.

— Я дал ей обещание, — ветер взъерошил волосы Кассиана, когда он с прищуром посмотрел в небо. — И когда пришло время его выполнить, я не смог этого сделать.

Мне все еще снилась картина того, как он пытается подползти к ней, добраться до нее даже в полубессознательном состоянии, в которое его повергли боль и кровопотеря. Как когда-то Рисанд пытался добраться до меня в последние минуты жизни Амаранты.

Когда от приземления на широкую посадочную веранду нас отделяли несколько взмахов крыльев, я спросила:

— Почему ты так беспокоишься об этом, Кассиан?

Когда мы приземлились, его светло-коричневые глаза закрылись. И я думала, что он уже не ответит, особенно когда слышались голоса из столовой, находящейся прямо за верандой, особенно когда Рис изящно приземлился рядом с нами и шагнул вперед, подмигивая.

Но когда мы направились в столовую, Кассиан тихо произнес:

— Потому что я не могу оставаться в стороне.

Не удивительно, что Элейн не вышла из своей комнаты.

Нэста, на удивление, сделала наоборот.

Ни в каких смыслах это не был торжественный ужин — хотя Люсьен, стоя у окна и наблюдая за солнцем над Веларисом, одел прекрасную зеленую куртку, вышитую золотом, кремовые брюки, которые подчеркивали его мускулистые бедра, и высокие черные сапоги, так отполированные, что в них отражался фейский свет люстр.

Он всегда был грациозным, но здесь, сегодня, с завязанными волосами и застегнутой до шеи курткой, он действительно выглядел как сын Высшего Лорда. Красивый, сильный, немного легкомысленный — но с отличными манерами и элегантностью.

Я направилась к нему, пока остальные наливали себе вино из графинов на антикварном деревянном столе, остро осознавая, что хотя мои друзья и беседуют, но все равно наблюдают за нами. Люсьен оглядел меня — мой повседневный наряд, потом иллирийцев в их кожах, Амрен в ее обычных серых одеяниях, Мор в ее ниспадающем красном платье, и спросил:

— Какой здесь дресс-код?

Я пожалала плечами, передавая ему бокал вина, который принесла с собой.

— Одеваешь... все, что захочешь.

Золотой глаз щелкнул и прищурился, а затем вернулся к рассматриванию города.

— Что ты делал сегодня днем?

— Спал, — сказал он. — Мылся. Сидел на заднице.

— Я могла бы сделать тебе экскурсию по городу завтра с утра, — предложила я. — Если хочешь.

Как будто нам не нужно было планировать предстоящую встречу. Починку стены. Сражения на войне. Это может и подождать полдня. Я покажу ему, *почему* это место стало моим домом, почему я влюбилась в его правителя.

Словно почувствовав мои мысли, Люсьен сказал:

— Тебе не нужно тратить свое время, чтобы убедить меня. Я понял. Я понимаю... понимаю, что мы не то, что ты хочешь. Или в чем нуждаешься. Однажды увидев это, наш дом, должно быть, казался местом маленьким и изолированным, — он указал подбородком на город, в котором зажигались огни из-за наступивших сумерек. — Кто может сравнивать?

Я почти сказала *Ты имеешь в виду, что можно сравнивать?*, но держала язык за зубами.

Его внимание переместилось за мою спину, прежде чем он смог ответить — и Люсьен закрыл свой рот. Его металлический глаз тихо жаждал.

Я проследила за его взглядом и постаралась не напрячься, когда Нэста вошла в комнату.

Да, *ужасающая* было хорошим словом для того, как прекрасно она выглядела, будучи Высшей Фэ. В ее темно-синем платье с длинными рукавами, которое подчеркивало ее изгибы, прежде чем ткань грациозно ниспадала на пол...

Кассиан выглядел так, будто кто-то ударил его в живот.

Но Нэста смотрела прямо на меня, фейский свет мерцал в серебряных гребнях, украшающих ее заплетенные волосы. Остальные, которых она успешно проигнорировала, подняли головы, когда она шла к нам. Я молилась, чтобы Мор и Амрен, которые сидели с высоко поднятыми бровями, ничего не сказали —

— *Откуда* такое платье? — спросила Мор, а ее платье струилось за ней, когда она подошла к Нэсте.

Моя сестра подобралась, напрягая плечи, готовясь —

Но Мор уже была рядом с ней, щупая тяжелую синюю ткань, осматривая каждый стежок.

— Я хочу такое, — надулась она.

Без сомнений это попытка намекнуть мне на шоппинг, чтобы расширить мой гардероб. Как Высшая Леди, я нуждаюсь в одежде — причем хорошей. Особенно для встречи. И моим сестрам тоже нужны наряды.

Карие глаза Мор встретились с моими, и я боролась с сокрушительной благодарностью, которая могла сжечь меня изнутри, когда я приблизилась к ним.

— Полагаю, что мой мейт нашел его где-то, — сказала я, бросив взгляд через плечо на Риса, который сидел на краю обеденного стола в окружении Азриэля и Кассиана, все трое иллирийца притворялись, что не слушают каждое наше слово, пока наливают друг другу вино.

Любопытные Варвары. Я отослала эту мысль по связи, и в ответ послышалось эхо смеха Риса.

— Он покупает всю одежду, — сказала Мор, изучая ткань юбки платья Нэсты, пока моя сестра следила за этим как ястреб за своей добычей, — и он никогда не рассказывает, где он ее находит. Он все еще отказывается признаваться мне, где нашел платье Фейры, которое она надела на Звездопад, — она бросила взгляд через плечо. — Мерзавец.

Рис усмехнулся. Кассиан, однако, совсем не улыбался, и казалось, что каждая его частичка сосредоточена на Нэсте и Мор.

Или на том, что сделает моя сестра.

Мор осматривала серебряные гребни в волосах Нэсты.

— Хорошо, что у нас разные размеры — а то у меня бы появился соблазн украсть это платье.

— Прямо с нее, полагаю, — пробормотал Кассиан.

Ответная улыбка Мор этого не опровергала.

Но лицо Нэсты оставалось пустым. Холодным. Она несколько раз прошлась взглядом по платью Мор — отмечая разрезы, открывающие большую часть ее живота, спины и груди, а затем струящиеся юбки с прозрачными полосами, в которых просматривались очертания ее ног. По человеческим меркам это возмутительный наряд.

— К счастью для тебя, — решительно сказала Нэста, — я не испытываю таких же чувств.

Азриэль подавился вином.

Но Нэста лишь подошла к столу и заняла свое место.

Мор мигнула, но доверительно улыбнулась мне:

— Думаю, нам понадобится гораздо больше вина.

Спина Нэсты застыла. Но она ничего не сказала.

— Я сбегая в кладовую, — предложил Кассиан, слишком быстро исчезая за дверями, ведущими в коридор, чтобы это могло показаться случайным.

Нэста еще сильнее напряглась.

Дразня мою сестру, насмехаясь над ней... Я села рядом с Нэстой и прошептала:

— Они хотят как лучше.

Нэста провела пальцем по своему стулу из слоновой кости и обсидиана, осматривая столовое серебро с лозами ночного цветущего жасмина, выгравированными на рукоятках.

— Мне все равно.

Амрен скользнула на стул напротив меня, прямо когда Кассиан вернулся с бутылкой в каждой руке и съежился. Амрен сказала моей сестре:

— А ты та еще шгучка.

Взгляд Нэсты метнулся вверх. Амрен лениво вертела в руках кубок крови, наблюдая за ней, как кошка за новой интересной игрушкой.

Нэста просто сказала:

— Почему твои глаза светятся?

Небольшое любопытство — просто потребность в разьяснении.

И никакого страха. Вообще.

Амрен склонила голову.

— Ты знаешь, ни один из этих проныр никогда не спрашивал меня об этом.

Эти самые проныры пытались не выглядеть слишком озабоченными. Как и я.

Нэста все еще ждала.

Амрен вздохнула, ее темные волосы покачнулись.

— Они светятся потому, что это единственная часть меня, с которой не смогло справиться сдерживающие заклинание. Единственный признак того, что скрывается внутри меня.

— И что же скрывается внутри?

Все замолчали. Даже перестали двигаться. Люсьен, все еще стоящий у окна, побелел, будто лист бумаги.

Амрен провела пальцем по краю кубка, красный лак на ее ногте сиял столь же ярко, как и кровь внутри.

— Об этом они тоже никогда не осмеливались спрашивать.

— Почему.

— Потому что это не вежливо — и они боялись.

Амрен посмотрела Нэсте в глаза, и моя сестра не отвела взгляд. Не вздрогнула.

— Мы одинаковые, ты и я, — сказала Амрен.

Я не уверена, что дышала. По связи я определила, что Рис, кажется, тоже.

— Не телом, не тем, что блуждает под нашими кожей и костями... — удивительные глаза Амрен сузились. — Но... я вижу суть, девочка, — Амрен кивнула, больше для себя, чем для нас. — Ты не подошла — форме, в которую тебя засунули. Пути, которым ты была рождена и по которому вынуждена идти. Ты пыталась, но все же нет, ты не *можешь* подходить, — небольшой кивок. — Я знаю — каков этот путь. Я помню это, очень давно я по нему прошла.

Нэста управлялась с неестественной неподвижностью Фэ лучше, чем я когда-то. И она сидела так несколько мгновений, просто смотря на странную, изысканную женщину, сидящую напротив, взвешивая слова, силу, которую излучала Амрен... И тогда Нэста сказала:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Красные губы Амрен расплылись в широкой змеиной улыбке.

— Когда ты прорвешься, девочка, убедись, что это почувствуют во всех мирах.

Дрожь пробежала по моей коже.

Но Рис протянул:

— Кажется, Амрен берет уроки актерства в театре, который вниз по улице от ее дома.

Она стрельнула по нему взглядом.

— Я серьезно, Рисанд...

— Уверен, что так и есть, — сказал он, садясь справа от меня. — Но я бы предпочел съесть *что-нибудь*, прежде чем из-за тебя окончательно пропадет аппетит.

Его широкая ладонь согрела мое колено, когда он сжал его под столом, успокаивая меня.

Кассиан сел слева от Амрен, Азриэль рядом с ним, Мор выбрала место напротив него, оставив Люсьену...

Люсьен нахмурился, глядя на пустующее место по главе стола, а затем на пустое место напротив Нэсты.

— Я... разве ты не должен сидеть во главе стола?

Рис поднял брови.

— Мне все равно, где сидеть. Меня заботит лишь то, что я буду есть прямо, — он щелкнул пальцами, — сейчас.

Пища, приготовленная поварами, которых я особо не встречала внутри Дома, появилась на столе на тарелках, подносах и чашах. Жаркое, разнообразные соусы и подливы, рис и хлеб, свежие пареные овощи прямо из ферм на окраинах... Я чуть не задохнулась от запахов, закруживших вокруг меня.

Люсьен скользнул на свое место, смотря на все так, будто сидел на игольнице.

Я наклонилась через Нэсту и объяснила Люсьену:

— Ты привыкнешь к этому — к неформальности.

— Ты говоришь об этом, любимая Фейра, как о плохой вещи, — сказал Рис, накладывая себе жареную форель с блюда, прежде чем передать его мне.

Я закатила глаза, положив несколько хрустящих кусочков на свою тарелку.

— Тот первый ужин застал меня врасплох, ты же знаешь.

— О, я знаю, — ухмыльнулся Рис.

Кассиан хихикнул.

— Честно говоря, — сказала я Люсьену, который молча положил кучку зеленой фасоли на свою тарелку, но даже не притронулся к ней, возможно удивляясь такой простоте, расходящейся с изысканными блюдами Весеннего Двора, — Азриэль тут единственный ведет себя вежливо.

Несколько возмущенных криков послышалось от Мор и Кассиана, но призрачная улыбка заиграла на губах говорящего с теньями, когда он опустил голову и потянулся за блюдом с жареной свеклой, посыпанной козьим сыром.

— Даже не пытайся делать вид, что это неправда.

— Конечно это правда, — сказала Мор с громким вздохом, — но по твоим словам можно подумать, что мы *варвары*.

— Я бы подумал, что ты сочтешь это за комплимент, Мор, — мягко сказал Рис.

Нэста наблюдала за спором так, будто это был спортивный матч, а ее взгляд метался между нами. Они не притронулись к еде, поэтому я сама положила всего понемногу на ее тарелку.

За этим она тоже наблюдала.

И когда я остановилась, начиная накладывать еду себе, Нэста сказала:

— Я поняла — что ты говорила о еде.

На то, чтобы вспомнить это, у меня ушло несколько секунд — вспомнить наш разговор в поместье нашего отца, когда мы с ней готовы были перегрызть друг другу глотки из-за различий в еде людей и Фэ. Были поданы примерно такие же блюда, но они были просто... *вкуснее* за стеной.

— Это комплимент?

Нэста не улыбнулась в ответ, когда она наколола на вилку спаржу и съела ее.

И я решила, что сейчас лучше время, чтобы спросить Кассиана:

— Во сколько мне прийти на тренировочное поле завтра?

К его чести, Кассиан даже не взглянул на Нэсту, когда ответил мне с ленивой улыбкой:

— Я бы сказал на рассвете, но так как я благодарен за то, что ты вернулась, то позволю тебе выспаться. Встретимся в семь.

— Я бы не назвала это "выспаться", — сказала я.

— Для иллирийца так и есть, — пробормотала Мор.

Крылья Кассиана зашелестели.

— Дневной свет очень ценен.

— Мы живем в *Ночном Дворе*, — возразила Мор.

Кассиан лишь поморщился, глядя на Риса и Азриэля.

— Я же говорил вам, что когда в нашей группе появятся женщины, это принесет лишь неприятности.

— Насколько я помню, Кассиан, — сухо ответил Рис, — именно ты сказал, что тебе нужно отвлечься от наших уродливых лиц, и что несколько *женщин* внесут так необходимую тебе привлекательность, чтобы тебе было ради чего жить.

— Свинья, — сказала Амрен.

Кассиан показал ей грубый жест, от которого Люсьен поперхнулся своей зеленой фасолью.

— Я был молодым иллирийцем и мало что знал, — сказал он, перемещая внимание на Азриэля. — И не пытайся слиться с тенями. Ты сказал то же самое.

— Он не мог этого сделать, — сказала Мор, и тени, которые действительно завихрились вокруг Азриэля, исчезли. — Азриэль ни разу не говорил таких ужасных вещей. Только ты, Кассиан. Только ты.

Генерал армии Высшего Лорда высунул язык. Мор ответила тем же.

Амрен нахмурилась, глядя на Риса.

— Тебе следует оставить их *двоих* дома, пока мы будем встречаться с другими, Рисанд. Они принесут лишь неприятности.

Я осмелилась посмотреть на Люсьена — просто чтобы увидеть его реакцию.

Он действительно контролировал выражение своего лица, но — там мелькнуло удивление. Осторожность, да, но... удивление. Я рискнула взглянуть еще и на Нэсту, но она смотрела в свою тарелку, успешно игнорируя остальных.

Рис сказал:

— Остается только узнать, присоединятся ли они к нам.

Люсьен посмотрел на него с любопытством, которое ни с чем не спутаешь. Рис заметил это и пожал плечами.

— Скоро ты узнаешь об этом, полагаю. Приглашения разойдутся завтра, чтобы призвать Высших Лордов на обсуждение войны.

Люсьен сжал вилку в его руке.

— Все?

Я не была уверена, кого он имел в виду: Тамлина или своего отца, но, тем не менее, Рис кивнул.

Люсьен обдумал его ответ.

— Могу ли я дать свой непрошенный совет?

Рис ухмыльнулся.

— Кажется, впервые за этим столом кто-то спрашивает о подобном.

Теперь Мор и Кассиан вместе показали ему язык.

Но Рис лениво махнул рукой Люсьену.

— В любом случае, слушаю.

Люсьен изучал моего мейта, потом меня.

— Полагаю, Фейра идет.

— Иду.

Амрен хлебнула их своей чаши с кровью — единственный звук в комнате, когда Люсьен опять обдумал мой ответ.

— Ты планируешь скрывать ее силы?

Тишина.

Наконец Рис сказал:

— Это то, что я буду обсуждать со своим мейтом. Что ты пытаешься сказать, Люсьен?

В его тоне все еще было что-то резкое, даже злобное.

Люсьен снова посмотрел на меня, и я приложила усилия, чтобы не начать извиняться перед ним.

— Мой отец, скорее всего, объединится с Хайберном, если будет думать, что таким образом сможет вернуть свою силу — убив тебя.

Рис зарычал.

— Твои братья видели меня, — сказала я, опуская свою вилку. — Огонь они могли принять за твой, но лед...

Люсьен указал подбородком на Азриэля.

— Вам нужно узнать это. Что знает мой отец — если мои братья поняли, что она сделала. Вам следует начать с этого, и исходя из этого распланировать встречу.

Мор сказала:

— Если Эрис будет думать, что это информация будет ему полезна, то он никому ничего не скажет и убедит других в том же.

Интересно, видела ли она Эриса, смотря на эти рыжие волосы, золотисто-коричневую кожу, которая была на несколько оттенков темнее кожи его братьев.

Люсьен равнодушно сказал:

— Возможно. Но нам нужно узнать это. Если у Берона или Эриса есть эта информация то они будут использовать ее как свое преимущество на этой встрече — чтобы контролировать ее. Или вас. Или они могут вообще не появиться, а вместо этого пойти прямо к Хайберну.

Кассиан тихо выругался, и я готова была сделать то же самое.

Рис повертел бокал с вином, затем поставил его на стол и сказал Люсьену:

— Ты поговоришь с Азриэлем. Завтра.

Люсьен посмотрел в сторону Говорящего с тенями — тот лишь кивнул ему в ответ.

— Я в твоём распоряжении.

Никто из нас не был достаточно глуп, чтобы спросить его, расскажет ли он подробности о Весеннем Дворе. Думал ли он, что Тамлин придет. Вероятно, эту беседу лучше оставить на другой раз. Она будет между ним и мной.

Рис откинулся на спинку своего стула.

Размышляя о чем-то. Его челюсть сжалась, и он издал тихий вздох. Ожесточая себя.

Что бы он ни задумал, какие бы планы не построил, он решил не говорить о них сейчас. И даже когда я напряглась, какая-то дрожь все равно прошла сквозь меня при этом виде — сосредоточенности на мыслях.

Пока Рис не сказал:

— Скоро нам нужно будет провести еще одну встречу.

ГЛАВА

18

— Пожалуйста, не говори, что нам нужно идти в Двор Кошмаров, — проворчал Кассиан с набитым ртом.

Рис поднял бровь.

— Не в настроении вселять страх в наших друзей?

Золотистое лицо Мор побледнело.

— Ты хочешь попросить моего отца сражаться на этой войне, — сказала она Рису.

Я замерла, резко вдохнув.

— Что за Двор Кошмаров? — спросила Нэста.

Люсьен ответил за нас.

— Место, где, как полагает весь остальной мир, находится большая часть Ночного Двора, — он указал подбородком на Риса. — Место, где он — властелин. Или был.

— О, так все до сих пор и есть, — сказал Рис. — Для каждого за пределами Велариса — он спокойно посмотрел на Мор. — И да. Легион Несущих Тьму Кейра достаточно значителен, чтобы это оправдывало встречу.

Последняя встреча привела к тому, что рука Кейра была сломана в стольких местах, что обвисла. Сомневаюсь, что мужчина захочет нам помочь в ближайшее время — возможно поэтому Рис и хотел этой встречи.

Нэста нахмурилась.

— Почему бы просто не приказать им? Разве они не подчиняются тебе?

Кассиан опустил вилку, забыв о еде.

— К сожалению, существуют договоренности между нашими дворами о таких вещах. В основном у них есть право на самоуправление — и отец Мор их управляющий.

Мор сглотнула. Азриэль внимательно наблюдал за ней со сжатыми губами.

— Управляющий Вытесанного Города имеет право отказаться предоставить своих воинов в мою армию, — объяснил Рис Нэсте и мне. — Это было частью соглашения, которое заключили мой предок и Двор Кошмаров тысячи лет назад. Они не будут покидать гору, не будут беспокоить нас за ее пределами... и сохраняют за собой право *отказаться* от участия в войне.

— И они уже отказывались? — спросила я.

Мор кивнула со всей серьезностью.

— Дважды. Не мой отец.

Она почти задохнулась на этом слове.

— Но... было две войны. Давным-давно. Они решили не сражаться. Мы победили, но...

еле-еле. Нам это дорого обошлось.

И с наступающей войной... нам понадобятся все союзники, которых мы сможем собрать. Любая армия.

— Мы отправимся через два дня, — сказал Рис.

— Он откажет, — возразила Мор. — Не трать свое время.

— Тогда мне придется найти способ убедить его в обратном.

Глаза Мор вспыхнули.

— Как?

Азриэль и Кассиан заерзали на своих стульях, а Амрен щелкнула языком.

В неодобрении.

— Он сражался в Войне, — спокойно сказал Рис. — Возможно, на этот раз нам опять повезет.

— Напомню тебе, когда дело доходило до их поведения, легион Несущих Тьму был нам почти как враг, — сказала Мор, отталкивая тарелку.

— Появятся новые правила.

— Ты не в том положении, чтобы устанавливать правила, и ты знаешь это, — отрезала Мор.

Рис снова завертел бокал с вином в руках.

— Посмотрим.

Я посмотрела на Кассиана. Генерал слабо покачал головой. *Не вмешивайся в это. Пока что.*

Я сглотнула, кивая в ответ с такой же слабостью.

Мор повернула голову в сторону Азриэля.

— Что *ты* думаешь?

Говорящий с тенями выдержал ее взгляд с нечитаемым лицом. Обдумывая ответ. Я старалась не задержать дыхание. Защитить женщину, которую он любит, или остаться на стороне своего Высшего Лорда...

— Это не мне решать.

— Это не ответ, черт возьми, — бросила Мор.

Я могла бы поклясться, что в глазах Азриэля промелькнула боль, но он лишь пожал плечами, снова надевая маску холодного безразличия. Губы Мор снова сжались.

— Тебе не нужно идти, Мор, — сказал Рис спокойным, ровным голосом.

— Конечно я пойду. Станет лишь хуже, если я не появлюсь, — она выпила вино одним быстрым движением головы. — Полагаю, что у меня есть два дня, чтобы найти платье, которое вселит в моего отца ужас.

Амрен, наконец-то, усмехнулась, Кассиан тоже рассмеялся.

Но Рис смотрел на Мор еще одну долгую минуту, и несколько звезд в его глазах померкли. Я сомневаюсь, что стоит спрашивать, есть ли другой выход, другой путь, чтобы избежать *этой* ужасной ситуации между нами, но... Ранее я уже нагрубила ему. И теперь, когда здесь Люсьен и моя сестра... Я буду держать язык за зубами.

Да, насчет этого. В наступившей тишине я уцепилась на кусочек обыденности и снова повернулась к Кассиану.

— Давай начнем тренировку завтра в восемь. Встретимся на ринге.

— Семь тридцать, — сказал он с обезоруживающей усмешкой, такой, от которой, скорее всего, убежало бы большинство его врагов.

Люсьен вернулся к еде. Мор наполнила свой бокал, а Азриэль следил за каждым ее движением, сжав вилку в своей руке, покрытой рубцами.

— Восемь, — возразила я с категоричным взглядом.

Потом повернулась к Нэсте, которая притихла и молча наблюдала.

— Хочешь присоединиться?

— Нет.

Молчание слишком подчеркнутое, чтобы быть незамеченным. Но я лишь пожала плечами, потянувшись за кувшином с вином. И сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Я хочу научиться летать.

Мор сплюнула вином на стол, забрызгав грудь и шею Азриэля. Но Говорящий с тенями был слишком занят, таращась на меня, чтобы даже заметить это.

Кассиан выглядел разрывающимся между воем на Азриэля и изумлением.

Моя магия все еще слишком слаба, чтобы вырастить иллирийские крылья, но я махнула рукой иллирийцам и сказала:

— Я хочу, чтобы ты научил меня.

Мор выпалила:

— Серьезно?

Пока Люсьен — *Люсьен* — сказал:

— Ну, это объясняет крылья.

Нэста наклонилась вперед, чтобы оценить меня.

— Какие крылья?

— Я могу... менять форму, — признала я. — И с надвигающимся конфликтом, — объявила я им всем, — умение летать может быть... полезным.

Я указала подбородком на Кассиана, который изучал меня с нервным напряжением — оценивая меня.

— Полагаю, в битвах с Хайберном будут участвовать иллирийцы, — слабый кивок от генерала. — Тогда я планирую сразаться с тобой. В небесах.

Я ожидала возражений, чтобы Рис запретил мне это.

Единственным звуком был вой ветра за окнами столовой.

Кассиан вздохнул.

— Я не знаю, возможно ли это технически — из-за времени. Тебе придется не только научиться летать, но и выдерживать вес щита и оружия — и работе в иллирийском подразделении. Для того, чтобы научиться последнему, уходят десятилетия. У нас, в лучшем случае, есть пару месяцев — или недель, в худшем случае.

Моя грудь немного опустилась.

— Тогда мы будем обучать ее тому, что знаем, до этого времени, — сказал Рис.

Но звезды в его глазах стали холодными как камни, когда он добавил:

— Я дам ей любой шанс получить преимущество — чтобы она смогла уйти, если все пойдет наперекосяк. Даже день тренировок может изменить ситуацию.

Азриэль поправил крылья, ее прекрасные черты лица были непривычно мягкими.

Задумчивыми.

— Я научу тебя.

— Ты... уверен? — спросила я.

Его лицо опять стало нечитаемым.

— Риса и Касса научили летать в таком юном возрасте, что они едва помнят это.

Но у Азриэля, запертого в подzemельях его омерзительного отца как какой-то преступник, пока ему не исполнилось одиннадцать, не было возможности летать, сражаться, делать все то, о чем его иллирийские инстинкты кричали ему...

Тьма заструилась по связи. Не из-за злости на меня, но... из-за того, что Рис тоже вспомнил, что делали с его другом. Он никогда не забывает. Никто из них не забывает. Было сложно не посмотреть на жестокие шрамы, покрывающие руки Азриэля. Я молилась, чтобы Нэста не спрашивала об этом.

— Мы учили основам многих детей, — возразил Кассиан.

Азриэль покачал головой, а тени закружились вокруг его запястий.

— Это не одно и то же. Когда ты старше, страхи, психологические барьеры... все по-другому.

Никто из них, даже Амрен, ничего не сказал.

Азриэль сказал мне:

— Я научу тебя. Потренируйся несколько часов с Кассианом, а потом я встречу тебя, когда ты закончишь.

Он добавил Люсьену, который не уворачивался от извивающихся теней:

— Встретимся после обеда.

Я сглотнула, но кивнула:

— Спасибо.

И, возможно, доброта Азриэля стерла какую-то границу внутри меня, потому что я повернулась к Нэсте.

— Король Хайберна пытается разрушить стену, используя Котел, чтобы расширить уже имеющиеся в ней дыры, — в ее серо-голубых глазах ничего не было — лишь кипящая ярость на короля. — Я могла бы попытаться залатать эти дыры, но ты... сделанная самим Котлом... если Котел может расширить эти дыры, то ты тоже, возможно, сможешь убрать их. После тренировок — за такое время, которое у нас есть.

— Я могу показать тебе, — объяснила Амрен моей сестре. — Или, я могу объяснить это в теории. Если мы скоро начнем — завтрашним утром.

Она подумала, а потом заявила Рису:

— Когда ты отправишься в Двор Кошмаров, мы пойдем с тобой.

Я повернула голову в сторону Амрен.

— Что? — мысль о Нэсте в том месте...

— Вытесанный Город — кладезь могущественных вещей, — объяснила Амрен. — Там будет возможность попрактиковаться. Дать девчонке почувствовать что-то похожее на стену или Котел.

Когда Азриэль, кажется, хотел возразить, она добавила:

— *Тайно.*

Нэста ничего не сказала.

Я ждала от нее мгновенного отказа, холодного разрушения всех надежд.

Но Нэста лишь спросила:

— Почему бы просто не убить Короля Хайберна, прежде чем он начнет действовать?

Полная тишина.

Амрен тихо сказала:

— Если ты хочешь убить его, девочка, то он твой.

Взгляд Нэсты скользнул по открытым межкомнатным дверям столовой. Как если бы она

видела весь путь до комнаты Элейн.

— Что случилось с человеческими королевами?

Я моргнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Они стали бессмертными? — этот вопрос достался Азриэлю.

Сифоны Азриэля загорелись.

— Отчеты мрачны и непоследовательны. Одни говорят да, а другие нет.

Нэста посмотрела на свой бокал.

Кассиан уперся руками в стол.

— Почему?

Глаза Нэсты стрельнули прямо по его лицу. Она тихо сказала мне, всем нам, даже когда смотрела в глаза Кассиана так, словно они были единственными в этой комнате:

— Я хочу, чтобы они все были мертвы к концу войны. Король, королевы — все они. Пообещайте, что убьете их всех, и помогу вам залатать стену. Я буду тренироваться с ней, — кивок в сторону Амрен, — Я пойду в Вытесанный Город или что бы там ни было... Я сделаю это. Но только если вы пообещаете мне это.

— Отлично, — сказала я. — И нам, возможно, нужно твое присутствие на встрече с Высшими Лордами — чтобы ты рассказала другим дворам и нашим союзникам, на что способен Хайберн. Что с тобой сделали.

— Нет.

— Ты не против починки стены или похода в Двор Кошмаров, но ты проводишь границу перед разговором с людьми?

Рот Нэсты сжался.

— Нет.

Высшая Леди или сестра; сестра или Высшая Леди...

— Жизни людей могут зависеть от твоего рассказа. Успех всей встречи с Высшими Лордами может зависеть от этого.

Она обхватила руками свой стул, словно сдерживая себя.

— Не говори со мной свысока. Мой ответ нет.

Я наклонила голову.

— Я понимаю, что произошедшее с тобой ужасно...

— Ты *не представляешь*, чем это было или не было. Никто из вас. И я не собираюсь пресмыкаться, будто одна из Детей Благословенных, умоляя Высших Фэ, которые с радостью убили бы меня, если бы я была смертной, чтобы помочь вам. И я не собираюсь рассказывать им *эту историю* — *мою историю*.

— Высшие Лорды, скорее всего, не поверят нашему рассказу, что делает тебя весомым доказательством...

Нэста отодвинула свой стул, закидывая салфетку на свою тарелку, отчего тонкая ткань пропиталась подливой.

— Это не моя проблема, если вам нельзя доверять. Я помогу вам со стеной, но я не собираюсь отдавать свою историю всем подряд, чтобы услужить вашим интересам.

Она встала, а ее обычно бледное лицо залилось краской, и она прошипела:

— И если вы *осмелитесь* предложить это Элейн, то я вырву вам *глотки*.

Ее глаза оторвались от моих, чтобы осмотреть всех — распространяя угрозу и на них.

Никто из нас не говорил, пока она выходила из столовой и хлопнула дверью. Я обмякла

на своем стуле, прислонившись головой к его спинке.

Что-то стукнуло передо мной. Бутылка вина.

— Ничего, если выпьешь прямо из бутылки, — сказала Мор.

— Я бы сказал, что Нэста соперничает с Амрен по количеству излучаемой кровожадности, — задумчиво сказал Рис, когда часами после мы с ним шли по улицам Велариса. — Разница лишь в том, что Амрен действительно пьет кровь.

Я фыркнула, качая головой, когда мы повернули на широкую улицу рядом с Сидрой и пошли вдоль реки, в которой отражались звезды.

Прекрасные здания Велариса все еще омрачены большим количеством следов нападения, улицы завалены отвалившимися частями зданий. Большая их часть уже отремонтирована, но некоторые витрины остались заколоченными, от некоторых домов у реки остались лишь груды мусора. Мы сбежали из Дома как только мы покончили с ужином — ну, полагаю, с вином. Мор взяла с собой еще одну бутылку, когда исчезла из Дома, Азриэль неодобрительно посмотрел ей вслед.

Мы с Рисом никого с собой не позвали. Он лишь спросил меня через связь, *Прогуляешься со мной?* И я просто ответила ему кивком.

И вот мы здесь. Мы гуляем уже около часа, в основном молча, в основном... думая. О словах, информации и угрозах, сказанных сегодня. Никто из нас не замедлял темп ходьбы, пока мы не достигли того маленького ресторанчика, в котором однажды мы все ужинали под звездами.

Что-то сжалось у меня в груди, когда я увидела нетронутое здание, учуяла запах цитрусовых растений, посаженных в горшки, смешивающийся с запахом реки. И в этом запахе... эти восхитительные, роскошные специи, мясо с чесноком, закипающий томатный соус... Я прислонилась спиной к перилам у реки, наблюдая, как работники ресторана обслуживают столики.

— Кто знает, — пробормотала я, наконец отвечая ему. — Возможно, Нэста тоже приобретет привычку пить кровь. Я определенно верю ее угрозе вырвать мою глотку. Может быть, ей понравится вкус.

Рис усмехнулся, звук отдавался в моих костях, когда он стал рядом со мной, упершись локтями о перила, туго подворачивая крылья. Я глубоко вдохнула, впуская в свои легкие и кровь его запах цитрусовых и моря. Его губы скользнули по моей шее.

— Ты возненавидишь меня, если я скажу, что с Нэстой... трудно?

Я тихо рассмеялась.

— Я бы сказала, что все прошло хорошо, все было обдуманно. Она, по крайней мере, согласилась на одно из предложений, — я прикусила нижнюю губу. — Я не должна была спрашивать ее при всех. Я допустила ошибку.

Он промолчал, слушая.

— С остальными, — спросила я, — как ты удерживаешь равновесие — между Высшим Лордом и членом семьи?

Рис подумал.

— Это нелегко. На протяжении веков я принимал плохие решения. Так что мне не хочется говорить тебе, что сегодняшняя ночь — все лишь начало.

Я издала длинный вздох.

— Я должна была учесть, что рассказывать незнакомцам о произошедшем в Хайберне ей может быть... может быть неудобно. Моя сестра всю свою жизнь была скрытной, даже среди нас.

Рис наклонился, чтобы поцеловать меня в шею.

— Ранее — в лофте, — сказал он, отстраняясь, чтобы встретить мой взгляд.

Непоколебимо. Открыто.

— Я не хотел оскорблять ее.

— Прости, что нагрубила тебе.

Он сморщил свой темный лоб.

— Какого черта ты извиняешься? Я оскорбил твою сестру; ты защищала ее. У тебя было полное право надрать мне задницу за это.

— Я не хотела... унижить тебя.

Тени промелькнули в его глазах.

— Ах.

Он повернулся к Сидре, и я последовала его примеру. На темной поверхности текущей воды колебались золотые огни фейского света уличных фонарей и ярких драгоценных камней Радуги.

— Поэтому это было... странным между нами сегодня днем, — он съезжился и посмотрел мне прямо в глаза. — О, Матерь, Фейра.

Мои щеки запылали, и я прервала его, прежде чем он смог продолжить.

— Я понимаю почему. Важно действовать заодно, — я погладила гладкое дерево перил. — Особенно нам.

— Не в нашей семье.

Внутри меня потеплело при этих словах — *нашей* семье.

Он взял меня за руку, переплетая наши пальцы.

— Мы можем делать все, что захотим. Мы имеешь полное право спрашивать меня, давить на меня — как наедине, так и на публике, — фырканье. — Конечно, если ты решишь действительно надрать мне задницу, то я бы попросил сделать это за закрытыми дверями, чтобы мне не пришлось потом столетиями страдать, но —

— Я не хочу подрывать твой авторитет на людях. И ты не будешь подрывать мой.

Он промолчал, позволяя мне размышлять, говорить.

— Мы можем спрашивать друг друга по связи, если нас окружают не только наши друзья, — сказала я. — Но пока, в эти первые годы, я хотела бы показать миру сплоченность... То есть, если мы выживем.

— Мы выживем, — бескомпромиссная воля в этих словах, на лице. — Но я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно, давя на меня, выводя меня из себя...

— И когда это я так *не* делала?

Он улыбнулся. Но я добавила:

— Я хочу, чтобы ты делал то же самое — для меня.

— По рукам. Но внутри нашей семьи... отчитывай меня за любую ерунду, какую захочешь. Я настаиваю, на самом деле.

— Почему?

— Потому что это весело.

Я толкнула его локтем.

— Потому что ты равна мне, — сказал он. — И насколько это означает стоять друг за друга на публике, это также значит, что мы дарим друг другу честность. Правду.

Я осмотрела суетливый город вокруг нас.

— Тогда могу ли я дать тебе кусочек правды?

Он успокоился, но сказал:

— Всегда.

Я выдохнула.

— Думаю, что тебе следует быть осторожным — работая с Кейром. Не из-за его подлости, но потому что... думаю, это действительно ранит Мор, если ты не обыграешь это правильно.

Рис провел рукой по своим волосам.

— Я знаю. Я знаю.

— Стоят ли они того — воины, которых он может предложить? Если это причиняет ей боль?

— Мы работаем с Кейром на протяжении столетий. Она уже должна привыкнуть к этому. И да — его войска стоят этого. Несущие Тьму хорошо обучены, сильны и слишком долго бездельничали.

Я задумалась.

— В последний раз, когда мы были в Дворе Кошмаров, я играла роль твоей шлюхи.

Он поморщился от этого слова.

— Но теперь я твоя Высшая Леди, — продолжила я, поглаживая пальцем тыльную сторону его ладони.

Он следил за движением. Мой голос стал ниже.

— Чтобы Кейр согласился помочь нам... Какую маску мне следует носить в Вытесанном Городе?

— Это тебе решать, — сказал он, все еще наблюдая, как мой палец вырисовывает круги на его коже. — Ты видела, какой я там — какие мы все там. Так что это тебе решать, какую роль ты будешь играть.

— Полагаю, мне лучше решить это поскорее — не только для этого, но и для встречи с Высшими Лордами через две недели.

Рис скользнул по мне взглядом.

— Каждый Двор приглашен.

— Сомневаюсь, что он придет, учитывая, что он союзник Хайберна и знает, что мы убьем его.

Его иссиня-черные волосы закачались от речного ветерка.

— Во время встречи действует ограничивающее заклинание, заставляющее нас заключить временное перемирие. Если кто-то сломает его во время встречи, то магия потребует свою цену. Наверное, их жизнь. Тамлин не настолько глуп, чтобы напасть на нас — как и мы.

— Зачем вообще приглашать его?

— Исключая его из списка приглашенных, мы лишь даем ему больше оружия против нас. Поверь мне, у меня нет желания видеть его. Или Берона. Который, возможно, в списке тех, кого я убью, сейчас повыше, чем Тамлин.

— Там будет Тарквин. И мы занимаем довольно высокие позиции в его смертном списке.

— Даже с кровавыми рубинами он не настолько глуп, чтобы атаковать во время встречи.

Рис вздохнул.

— На скольких союзников мы рассчитываем? Я имею в виду, кроме Кейра и Вытесанного Города.

Я посмотрела на берег реки. Обедаящие и гуляки были слишком заняты, чтобы даже заметить наше присутствие, даже с узнаваемыми крыльями Риса.

И все же, возможно это не лучшее место для этого разговора.

— Не уверен, — признался Рис. — Гелион и его Дневной Двор, скорее всего. Каллиас... может быть. После Подгорья отношения с Зимним Двором все еще напряженные.

— Полагаю, Азриэль собирается узнать об этом больше.

— Он уже на охоте.

Я кивнула.

— Амрен заявила, что ей и Нэсте понадобится помощь в поиске способов восстановить стену, — я махнула в сторону города. — Покажи мне лучшую библиотеку, в которой я могу найти такие вещи.

Рис поднял брови.

— Прямо сейчас? Твоя рабочая этика заставляет мою с позором ретироваться.

Я прошипела:

— *Завтра*, умник.

Он усмехнулся, расправляя крылья и опять их складывая. Крылья... он позволил Люсьену увидеть крылья.

— Ты доверяешь Люсьену.

Рис склонил голову в немом вопросе.

— Я доверяю факту, что у нас есть единственная вещь, которую он хочет больше всего на свете. А до тех пор, пока она остается у нас, он постарается угождать нам. Но если все измениться... Его талант тратиться впустую в Весеннем Дворе. Знаешь, по какой-то причине он носил маску лиса, — уголок его рта дернулся в сторону. — Если он заберет Элейн, вернется в Весенний Двор или куда там еще... ты веришь, глубоко внутри, что он не продаст все, что узнал? Как ради выгоды, так и для того, чтобы она оставалась в безопасности?

— Но ты позволил ему услышать все этим вечером.

— Ничего из услышанной им информации не позволит Хайберну разрушить нас. Вероятно, король уже знает, что мы будем просить помощи у Кейра — что мы попробуем найти способ остановить его до того, как он разрушит стену. Он не был проницательным, занимаясь розыском Браннэ и Дагдана. И он ожидает, что мы попытаемся объединить всех Высших Лордов. Вот почему место встречи будет выбрано позднее. Должен ли я сообщить об этом Люсьену? Взять ли мне его с собой?

Я обдумывала его вопрос: Доверяю ли я Люсьену?

— Я тоже не знаю, — призналась я и вздохнула. — Мне не нравится, что Элейн стала пешкой в этом деле.

— Я знаю. Это никогда не бывает легко.

Он веками занимался такими вещами.

— Я хочу подождать — увидеть, что Люсьен будет делать эти две недели. Как он будет действовать, со мной и Элейн. Что Азриэль думает о нем, — я нахмурилась. — Он не плохой человек — он не злой.

— Конечно же нет.

— Я просто... — я встретила его спокойный надежный взгляд. — Мы рискуем, безоговорочно доверяя ему.

— Он рассказывал, какие чувства испытывает к Тамлину?

— Нет. Я не настаивала на этом. Он... сожалел о том, что случилось со мной, с Хайберном и Элейн. Чувствовал бы он то же самое без Элейн? Я не знаю — может быть. Хотя я не думаю, что он ушел бы.

Рис убрал волосы с моего лица.

— Это все как часть игры, дорогая Фейра. Кому доверять, когда доверять — какой информацией обмениваться.

— Тебе нравится это?

— Иногда. Прямо сейчас нет. Не тогда, когда риски так высоки, — его пальцы направились к моему лбу. — Когда я могу потерять так много.

Я положила свою ладонь на его грудь, прямо над иллирийскими татуировками под его одеждой, прямо над сердцем. Почувствовала сильные удары, отдающиеся в моих костях и коже.

Я забыла о городе вокруг нас, когда он встретил мои глаза, и прошептала:

— Мы продолжим строить планы на будущее, с войной или без нее. Я продолжу планировать наше будущее.

Мое горло горело, и я кивнула.

— Мы заслуживаем того, чтобы быть счастливыми, — сказал он, а его глаза сверкали достаточно сильно, чтобы сказать мне, что он вспомнил слова, которые я сказала ему на крыше городского дома после нападения. — Я буду бороться всеми силами, что у меня есть, чтобы так и было.

— Мы будем бороться, — сказала я хрипло. — Не только ты — больше нет.

Слишком много. Он отдал уже слишком много, но все еще думает, что этого недостаточно.

Но Рис лишь оглянулся через свое широкое плечо на яркий ресторан позади нас.

— В ту первую ночь, когда мы все были здесь, — сказал он, и я проследовала за его взглядом, наблюдая за работниками, которые с любовью накрывали на столики. — Когда ты сказала Севенде, что ты будто просыпаешься, когда ешь ее еду... — он покачал головой. — Тогда впервые ты выглядела... умиротворенной. Будто ты действительно проснулась, снова *живя*. Я был так рад, что мне показалось, что меня стошнит прямо на стол.

Я вспомнила длинный, странный взгляд, которым он посмотрел на меня, когда я наконец заговорила. Потом долгий путь домой, когда мы слышали ту музыку, которую он присылал мне в мою камеру в Подгорье.

Я оттолкнулась от перил и потащила его к мосту через Сидру — мост, который приведет нас домой. Пусть рассуждения о том, кто отдаст больше на этой войне, пока подождут.

— Прогуляйся со мной — по Радуге.

Блестящая, красочная жемчужина города, бьющее сердце, в котором находился квартал художников. Живой и шумный в это время ночи.

Я взяла его за руку, прежде чем сказала:

— Ты и этот город помогли мне проснуться — помогли мне вернуться к жизни, — его глаза замерцали, когда я улыбнулась ему. — Я тоже буду бороться всеми силами, что у меня

есть, Рис. Всеми.

Он лишь поцеловал меня в макушку головы, притягивая ближе к себе, когда мы пересекли Сидру под звездным небом.

ГЛАВА

19

Хорошо, что я настояла на встрече с Кассианом в восемь, потому что, хотя я и проснулась на рассвете, один взгляд на спящее лицо Риса побудил меня принять решение провести это утро медленно, сладко пробуждая его.

К тому времени, как Рис опустил меня на тренировочный ринг на вершине Дома Ветра, место, окруженное стеной из красной стены, открытое сверху, я была все еще возбуждена. Он пообещал встретиться со мной после обеда, чтобы показать мне библиотеку для моих исследований, а затем шаловливо подмигнул мне и поцеловал в щеку, прежде чем сильным взмахом крыльев взмыть в небо.

Опираясь на стену рядом с оружейной стойкой, Кассиан сказал:

— Надеюсь, что ты еще не перенапряглась, потому что это *действительно* будет больно.

Я закатила глаза, даже если и пыталась стереть картину того, как Рис перевернул меня на живот и проделал дорожку из поцелуев вниз по моей спине. Все ниже. Пыталась не ощущать его сильные руки, сжимающие мои бедра и поднимающие их вверх, чтобы лечь под ними и пировать мной, пока я начала тихо умолять его, и он встал позади меня и я закусил подушку, чтобы своими стонами не разбудить весь дом.

Этим утром Рис был... я даже не знаю, как назвать его состояние, когда он был неторопливым, ленивым и чертовски горячим, когда его волосы по-прежнему были растрепаны после сна и в его глазах появился тот ослепительный, чисто мужской блеск. В них все еще был этот ленивый, довольный блеск, когда мгновением ранее он насмешливо целомудренно поцеловал меня в щеку, заставляя меня раскалиться.

Позже. Я помучаю его позже.

А сейчас... я шагнула к Кассиану, разминая плечи.

— Двое иллирийцев заставляют меня попотеть утром. Что же делать женщине?

Кассиан рассмеялся:

— По крайней мере, ты пришла в настроении.

Я усмехнулась, обхватывая руками бока, пока осматривала оружейную стойку.

— Какое?

— Никакое.

Он указал подбородком на круг, нарисованный мелом позади нас.

— Прошло много времени с тех пор, как мы тренировались. Сегодня мы снова пройдемся по основам.

Слова были достаточно натянутыми, поэтому я сказала:

— Это было не так уж и давно.

— Прошло полтора месяца.

Я изучала его, его крылья плотно сложены, на плечах темные волосы.

— Что-то не так?

— Ничего.

Он прошел мимо меня к кругу.

— Это из-за Нэсты?

— Знаешь, не вся моя жизнь связана с твоей сестрой.

На эту тему я предпочитала не говорить.

— Что-то не так с завтрашней встречей во Дворе Кошмаров?

Кассиан сбросил рубашку, обнажая мускулы, покрытые красивыми, затейливыми татуировками. Иллирийские знаки для удачи и славы.

— Все нормально. Занимай позицию.

Я подчинилась, даже когда внимательно смотрела на него.

— Ты... сердишься.

Он не заговорил, пока я не начала разминаться: различные выпады, удары и растяжка, предназначенные для расслабления моих мышц. И только когда мы начали спарринг, его руки подогнулись под натиском моих ударов, он сказал:

— Вы с Рисом скрыли от меня правду. И мы пошли в Хайберн, ничего не зная об этом.

— О чем?

— Что ты Высшая Леди.

Я ударила по его поднятым рукам двухшаговой комбинацией, тяжело дыша.

— И что бы это изменило?

— Это бы изменило *все*. Ничего бы не произошло таким образом.

— Возможно поэтому Рис решил сохранить это в тайне.

— Хайберн был *катастрофой*.

Я прекратила удары.

— Вы знали, что я его мейт, когда мы пошли туда. Я не понимаю, как титул Высшей Леди что-либо меняет.

— Но он меняет.

Я уперлась руками в бока, игнорируя его жест, говорящий мне продолжать.

— Почему?

Кассиан провел рукой по волосам.

— Потому что... потому что как его мейт, ты все еще... находишься под его защитой. О, не смотри на меня так. Он тоже находится под твоей защитой. Я бы отдал свою жизнь за тебя как его мейта — и как нашего друга. Но ты все еще оставалась... его.

— И как Высшая Леди?

Кассиан тяжело вздохнул.

— Как Высшая Леди, ты *моя*. И Азриэля, и Мор, и Амрен. Ты принадлежишь всем нам, и мы принадлежим *тебе*. Мы бы не... подвергли тебя такой опасности.

— Возможно, поэтому Рис хотел сохранить это в секрете. Это бы изменило ваши приоритеты.

— Это между тобой и мной. И поверь мне, мы с Рисом... *говорили* на эту тему.

Я подняла бровь.

— Ты злишься на меня?

Он покачал головой, закрыв глаза.

— Кассиан.

Он просто поднял руки в молчаливом приказе продолжать.

Я вздохнула и снова начала. Только после того, как я сделала пятнадцать повторений и тяжело дышала, он сказал:

— Ты не думала, что незаменима. Ты спасла наши задницы, да, но... ты не думала, что очень важна здесь.

Атака-защита, атака-защита, атака-защита.

— Но так и есть.

Он открыл рот, но я бросилась вперед, говоря между вдохами.

— У вас у всех есть... обязанности — вы все жизненно важны. Да, у меня есть мои способности, но... Ты и Азриэль были ранены, мои сестры были... ты знаешь, что с ними случилось. Я сделала все, что вытащить вас оттуда. Лучше это буду я, чем кто-либо из вас. Я не смогла бы жить с альтернативой.

Его поднятые руки устойчиво выдерживали мои удары.

— Все что угодно могло случиться с тобой в Весеннем Дворе.

Я снова остановилась.

— Если Рис не мучает меня проклятой чрезмерной опекой, то не понимаю, почему *ты* —

— Ни на секунду не думай, что Рис не был вне себя от беспокойства. О, он кажется достаточно собранным, Фейра, но я его знаю. И каждую секунду без тебя он был в *панике*. Да, он знал — мы знали — что ты справишься сама. Но это не мешало нам волноваться.

Я встряхнула ноющие ладони, потом потеряла уже отваливающиеся руки.

— Ты злился и на него тоже.

— Если бы я не был занят исцелением, то я бы швырнул его с одного конца Велариса на другой.

Я не ответила.

— Мы все боялись за тебя.

— Я справлялась просто замечательно.

— Конечно. Мы это знали. Но... — Кассиан скрестил руки. — Рис выкинул такое же дерьмо пятьдесят лет назад. Когда он отправился на ту проклятую вечеринку, которую устроила Амаранта.

О. О.

— Ты знаешь, я никогда это не забуду, — сказал он, выдохнув. — Тот момент, когда он мысленно говорил с нами. Когда я понял, что происходит, и что так... он спасает нас. Запирая нас здесь и связывая нам руки, но... — он почесал у виска. — В моей голове стало тихо. Так, как никогда до этого не было. Не с того времени... — Кассиан с прищуром посмотрел на безоблачное небо. — Даже с полнейшим адом, разверзшимся здесь, на нашей территории, я просто стал... тихим, — он постучал пальцем по голове и нахмурился. — После Хайберна целительница заставила меня спать все то время, что работала над моими крыльями. Так что когда через две недели я проснулся... тогда-то я все и услышал. И когда Мор рассказала, что с тобой случилось... Там снова стало тихо.

Мое горло сжалось, и я сглотнула.

— Когда я больше всего нуждалась в тебе, Кассиан, ты нашел меня.

— Рад услужить, — он мрачно улыбнулся. — Ты же знаешь, что можешь положиться на нас. Вы оба. Он склонен все делать сам — *отдавать* всего себя. Он не может позволить кому-то кроме него пожертвовать чем-то, — его улыбка исчезла. — И ты тоже.

— А ты можешь?

— Это нелегко, но да. Я генерал его армии. Часть этого подразумевает умение передавать полномочия. Я нахожусь рядом с Рисом уже более пяти веков, но он все еще пытается сделать все сам. Все еще думает, что этого недостаточно.

Я знала это — слишком хорошо знала. И мысль о Рисе, в этой войне, пытающегося принять на себя предстоящий удар... К горлу подошла тошнота.

— Он все время раздает приказы.

— Да. И он слишком хорошо знает, на что мы способны. Но когда дело доходит до этого... — Кассиан поправил повязки на руках. — Если Высшие Лорды и Кейр не присоединятся, он все равно пойдет против Хайберна. И возьмет на себя все удары, чтобы нам не пришлось этого делать.

Непоколебимое, сопровождающееся тошнотой напряжение охватило меня. Рис выживет — он не посмеет рисковать всем, чтобы убедиться, что мы —

Рис это сделает. Он уже делал это с Амарантой, и он, не задумываясь, сделает это снова.

Я заткнула эту мысль. Вытолкнула из головы. Сосредоточилась на дыхании.

Что-то позади меня привлекло внимание Кассиана. И хотя он по-прежнему был расслабленным, в его глазах появился хищный блеск.

Мне не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто там стоит.

— Хочешь присоединиться? — промурлыкал Кассиан.

Нэста сказала:

— Не похоже, что вы делаете что-то кроме ляпанья языками.

Я посмотрела через плечо. Моя сестра была в бледно-голубом платье, от которого ее кожа стала золотистой, ее волосы собраны в высокую прическу, спина будто заморожена. Я попыталась что-то сказать, извиниться, но... не перед ним. Она не захочет разговаривать об этом перед Кассианом.

Кассиан протянул сжатую руку, приманивая ее пальцем.

— Испугалась?

Я мудро решила держать язык за зубами, когда Нэста вышла из открытых дверей в ослепительный свет двора.

— Почему я должна испугаться летучей мыши-переростка со вспыльчивым характером?

Я задохнулась, и Кассиан бросил на меня предупреждающий взгляд, заставляя меня рассмеяться. Но я почувствовала связь в своей голове, слегка спуская умственные щиты, чтобы сказать Рисанду, где бы он ни был, *Пожалуйста, избавь меня от споров Кассиана и Нэсты.*

Мгновением позже Рис промурлыкал, *Жалеешь о решении стать Высшей Леди?*

Я наслаждалась его голосом — его шутками. Но я снова заглушила свою растущую панику, когда возразила, *Это является частью моих обязанностей?*

Чувственный, темный смех. *Почему ты думаешь, я так отчаянно нуждался в партнере? Я почти пять веков один разбирался с этим. Единственное утешение, что тебе теперь тоже придется это терпеть.*

Кассиан говорил Нэсте:

— Похоже, ты немного на взводе, Нэста. И ты так внезапно ушла прошлой ночью... Могу ли я как-то помочь тебе расслабиться?

Пожалуйста, умоляла я Риса.

Что ты мне дашь?

Не уверена, что я могу *шипеть* по нашей связи, но по смеху, который через мгновение зазвенел в моей голове, я поняла, что передала это чувство. *Я на встрече с правителями Дворцов. Их не обрадует мое исчезновение.* Я постаралась не вздохнуть.

Нэста выпустила свои когти.

— Сейчас придет Амрен, чтобы обучить меня несколькими...

По двору закружилась тень, прерывая ее. И между нами приземлился не Рисанд, а...

Я послал другую симпатичную мордашку, которой ты можешь полюбоваться, сказал Рис. *Не такую симпатичную, как мою, конечно, но на близком втором месте после моей.*

По мере того, как обвивающие его тени рассеялись, Азриэль оценивающе осмотрел Нэсту и Кассиана, потом бросил неопределенный сочувствующий взгляд на меня.

— Мне нужно начать наш урок пораньше.

Отвратительная ложь, но я сказала:

— Хорошо. Без проблем.

Кассиан сердито посмотрел на меня, потом на Азриэля. Мы оба проигнорировали его, и я подошла к Говорящему с тенями, на ходу разматывая повязки с рук.

Спасибо, сказала я по связи.

Можешь отблагодарить меня сегодня ночью.

Я постаралась не покраснеть от картинок, которые Рис прислал мне, в деталях показывая, как я могу отплатить ему, и подняла свои ментальные щиты. И могла бы поклясться, что по другую сторону когти погладили черный адамант в чувственном, молчаливом обещании. Я с трудом сглотнула.

Азриэль раскрыл крылья, сияя темно-красным и золотым на ярком солнце, и раскрыл мне свои объятия.

— Сосновый лес подойдет — тот, что рядом с озером.

— Почему?

— Потому что лучше падать в воду, чем на твердый камень, — ответил Кассиан, скрестив на груди руки.

Мои внутренности сжались. Но я позволила Азриэлю собрать меня в охапку, его запах ночного холодного тумана и кедра окружил меня, когда он взмахнул своими крыльями, поднимая пыль во дворе.

Я поймала прищуренный взгляд Кассиана и широко улыбнулась.

— Удачи, — сказала я, и Азриэль, благослови его Котел, взмыл в безоблачное небо.

Ни один из нас не упустил грязные ругательства Кассиана, хотя мы и не удосужились их прокомментировать.

Кассиан был генералом — генералом Ночного Двора.

Нэста, конечно же, не то, с чем бы он не смог справиться.

— Я подбросил Амрен до Дома, пока шел сюда, — сказал мне Азриэль, когда мы приземлились на берегу бирюзового горного озера, окруженного соснами и гранитом. — Я сказал ей немедленно добраться до тренировочного ринга, — полуулыбка. — Через несколько минут.

Я фыркнула и вытянула руки.

— Бедный Кассиан.

Азриэль притворно обиделся.

— В самом деле.

Я поднялась на ноги, небольшие серые скалы у берега пронеслись под моими сапогами.

— Итак...

Черные волосы Азриэля, казалось, пожирали ослепительный солнечный свет.

— Для того, чтобы летать, — сухо сказал он, — тебе понадобятся крылья.

Правильно.

Мое лицо покраснело. Я закатала рукава.

— Прошло много времени с тех пор, как я вызывала их.

Его пронизывающий взгляд не отрывался от моего лица, моей позы. Как неподвижно и ровно, будто гранит, было вытесано озеро. Для сравнения, я могла бы быть пролетающей бабочкой.

— Мне нужно отвернуться?

Он выразительно нахмурил свой темный лоб.

Я съежилась.

— Нет. Но... у меня может получиться не сразу.

— Мы начали наш урок пораньше — у нас полно времени.

— Я ценю твои попытки притвориться, что это не потому, что я отчаянно пыталась избежать споров Кассиана и Нэсты с утра пораньше.

— Я никогда бы не позволил своей Высшей Леди страдать от этого.

Он сказал это с абсолютно каменным лицом.

Я усмехнулась, потирая ноющее плечо.

— Ты... готов к встрече с Люсьеном сегодня днем?

Азриэль наклонил голову.

— Мне *следует* готовиться к ней?

— Нет. Я просто... — я пожала плечами. — Когда ты уходишь, чтобы собрать информацию о Высших Лордах?

— После разговора с ним.

Его глаза светились — освещаемые весельем. Как если бы он знал, что я тяну время.

Я выдохнула.

— Правильно. Вот так.

Прикоснувшись к той части меня, которую дал мне Тамлин... Какая-то важная часть моего сердца почувствовала отвращение. Даже когда что-то острое и злобное внутри меня сосредоточилось на том, что я взяла. Всем, что я взяла.

Я выскользнула из мыслей, сосредотачиваясь на иллирийских крыльях. Я вызвала их в тот день в Степи по памяти, из-за страха. Создавая их сейчас... Я позволила своему уму проскользнуть в воспоминания о крыльях Риса, как они ощущались, двигались, весили...

— Каркас должен быть немного толще, — предложил Азриэль, когда моя спина потяжелела. — Укрепляй мышцы, ведущие к нему.

Я подчинилась, моя магия, в свою очередь, тоже послушалась. Он высказал свои соображения о том, где что добавить, где ослабить, где сгладить и где уплотнить.

Я тяжело дышала, пот стекал по моей спине, когда он сказал:

— Хорошо.

Он прочистил горло.

— Я знаю, что ты не иллирийка, но... среди их вида, считается... неуместным

прикасаться к чьим-то крыльям, не получив разрешения. Особенно к женщинам.

Их вид. Не его.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, о чем он спрашивает.

— О — о. Продолжай.

— Мне нужно выяснить, правильные ли они *на ощупь*.

— Правильно.

Я повернулась к нему спиной, мои мускулы горели, пока работали, чтобы расправить крылья. Все — от шеи до плеч, ребер, позвоночника и ягодиц — казалось, теперь контролирует их, и протестующе стонет из-за веса и движений.

В Степи перед Люсьеном я удерживала их всего пару секунд — и не понимала, какие они тяжелые, какие комбинации мышц ими управляют.

Руки Азриэля, несмотря на все шрамы, были легки как пух, пока он сжимал и трогал определенные зоны, поглаживая и нажимая на другие. Я стиснула зубы, ощущение такое, будто... будто кто-то щекочет и тыкает свод стопы. Но он быстро сделал свое дело, и я снова размяла плечи, когда он обошел вокруг меня, чтобы прошептать:

— Это удивительно. Они такие же, как у меня.

— Думаю, что магия сделала большую часть работы.

Он покачал головой.

— Ты художник — это все твое внимание к мелочам.

Я слегка покраснела от комплимента, и уперлась руками в бока.

— Ну и? Прыгаем в небо?

— Урок первый: не позволяй им тащиться по земле.

Я моргнула. Мои крылья действительно лежали на земле.

— Почему?

— Иллирийцы думают, что это лень — проявление слабости. И с практической точки зрения, земля полна вещей, которые могут повредить твои крылья. Занозы, осколки скал... Они могут не только застрять и привести к заражению, но и повлиять на то, как крыло будет ловить ветер. Так что держи их над землей.

Острая боль распространилась вниз по моей спине, когда я попыталась поднять их. Мне удалось приподнять левое. Правое лишь повисло, будто опущенный парус.

— Тебе нужно укрепить мышцы спины — и бедра. И руки. Мышцы кора.

— Все, значит.

Опять эта сухая, спокойная улыбка.

— Почему, как ты думаешь, иллирийцы так тренируются?

— Почему никто не предупредил меня о твоей дерзкой стороне?

Уголки губ Азриэля дернулись вверх.

— Оба крыла вверх.

Тихое, но твердое требование.

Я вздрогнула, согнув свое тело таким образом, чтобы заставить правое крыло подняться. Безуспешно.

— Попробуй раскрыть их, потом сложить, если не можешь поднять его так.

Я подчинилась и зашипела от резкой боли во всех мышцах спины, когда раскрыла крылья. Даже легкий ветерок с озера щекотал и дергал, и я расставила ноги пошире на скалистом берегу, пытаюсь найти какой-то баланс —

— Теперь сложи их.

Я так и сделала, со щелчком складывая их — движение такое быстрое, что я упала вперед.

Азриэль поймал меня до того, как я упала на камни, крепко обхватывая мои плечи и поднимая меня.

— Разработка мышц кора также поможет найти баланс.

— Значит, вернемся к Кассиану.

Кивок.

— Завтра. Сегодня сосредоточься на подъеме, раскрытии и складывании.

Крылья Азриэля блестели красным и золотым, когда солнце осветило их.

— Вот так.

Он продемонстрировал, широко раскрывая крылья, складывая их, раскрывая, поворачивая, складывая. Снова и снова.

Вздыхнув, я последовала его примеру, а моя спина пульсировала и болела. Возможно, обучение полету лишь пустая трата времени.

ГЛАВА

20

— Раньше я никогда не бывала в библиотеке, — призналась я Рису после обеда, когда мы спустились на этаж ниже Дома Ветра, и мои слова эхом отзывались в резном красном камне. Я вздрагивала на каждом шагу, потирая спину.

Азриэль дал мне тоник, который поможет с этой болью, но я знала, что к вечеру уже буду скулить от боли. Если часы поиска какого-либо способа залатать дыры в стене не сделают это раньше.

— Ну, то есть, — уточнила я, — не считая частных библиотек здесь и в Весеннем Дворе, и у моей семьи тоже была одна, но не... Не настоящая.

Рис искоса посмотрел на меня.

— Я слышал, что у людей на континенте есть библиотеки со свободным посещением — открытые для всех.

Не уверена, что это был вопрос, но кивнула.

— На одной из территорий они впускают всех, независимо от их статуса и родословной, — обдумала я его слова. — Были... были ли библиотеки до Войны?

Конечно же были, но я имею в виду —

— Да. Великолепные библиотеки, полные капризных ученых, которые могли найти тебе книгу, написанную тысячами лет назад. Но людей не впускали внутрь — только если ты не был чьим-то рабом, пришедшим по поручению, и даже тогда за тобой пристально следили.

— Почему?

— Потому что книги полны магии и вещей, которые они хотели скрыть от людей.

Рис засунул руки в карманы, ведя меня вниз по коридору, освещенному лишь фэйским светом, излучаемым из понятых рук статуй красивых женщин, похожих как на Высших Фэ, так и на фэйри.

— Ученые и библиотекари отказались владеть рабами — некоторые по личным

причинам, но большинство потому, что не хотели, чтобы они имели доступ к книгам и архивам.

Рис указал на другую изогнутую лестницу. Должно быть, мы уже были глубоко под горой, воздух был сухим и холодным — и тяжелым. Как будто он был заперт здесь целую вечность.

— Что случилось с библиотеками после того, как построили стену?

Рис сложил крылья, потому что лестница стала уже, а потолок ниже.

— У большинства ученых было достаточно времени на эвакуацию — и они могли рассеяться, забрав книги. Но если у них не хватало времени или силы... — его лицо напряглось. — Они сжигали библиотеки. Чтобы люди не могли получить доступ к их ценной информации.

По моей спине пробежал холодок.

— Они предпочли потерять эту информацию навсегда?

Он кивнул, тусклый свет позолотил его иссиня-черные волосы.

— Без предрассудков, страх был из-за того, что люди могут найти опасные заклинания — и использовать их против нас.

— Но мы — я имею в виду, *они*, не владеют магией. У людей нет магии.

— У некоторых есть. Обычно у тех, кто состоит в дальнем родстве с Фэ. Но некоторые из этих заклинаний не требуют обладания магией — нужны лишь правильные слова, или правильные ингредиенты.

Его слова засели в моей голове.

— Могли ли — то есть, очевидно, они могли, но... Люди и Фэ когда-то скрещивались. Что случилось с потомством? Если ты наполовину человек, наполовину Фэ, куда они шли, когда воздвигалась стена?

Рис шагнул в холл у подножия лестницы, открывая широкий коридор из резного красного камня и запечатанных обсидиановых дверей, с серебряными прожилками. Красивые — ужасающие. Будто за ними держали какого-то сильного зверя.

— Для полукровок ничего не заканчивалось хорошо, — сказал он через секунду. — Многие были результатом изнасилований. Большинство предпочитало оставаться с человеческими матерями — их человеческой семьей. Но после появления стены, среди людей, они были... напоминанием того, что было сделано, о врагах за стеной. В лучшем случае они становились изгоями и отшельниками, их дети — если у них проявляли физические особенности — тоже. В худшем... Люди были разгневаны в первые годы, как и их первое поколение позже. Они хотели, что кто-то оплатил за их рабство, за преступления, совершаемые против них. Даже если полукровки не делали ничего плохого... для них это не заканчивалось хорошо.

Он приблизился к дверям, которые открылись призрачным ветром, будто сама гора ожила, чтобы услужить ему.

— А те, что остались по другую сторону стены?

— Они были по рангу даже ниже, чем низшие фейри. Либо они были везде лишними, либо... многих можно было найти на улицах. Продающих свое тело.

— А в Веларисе? — мои слова были лишь порывом воздуха.

— Тогда мой отец был Высшим Лордом, — сказал Рис, напрягая спину. — Мы не впускали любых людей, рабов или нет, на наши территории веками. Он не впустил их — не для продажи своего тела, не для поиска убежища.

— И когда ты стал Высшим Лордом?

Рис остановился, прежде чем нас окутал мрак.

— К тому времени для большинства из них уже было поздно. Было сложно... предлагать им убежище без возможности объяснить, где мы предлагали им это безопасное место. Говорить об этом, при этом поддерживая иллюзию нашей беспощадной жестокости,— звезды засияли в его глазах. — На протяжении веков мы сталкивались с некоторыми из них. Некоторые смогли прийти сюда. Некоторым... уже нельзя было помочь.

Что-то шевельнулось в темноте за дверьми, но я сосредоточилась на его лице, его напряженных плечах.

— Если стена падет, мы...?

Я не смогла договорить.

Пальцы Риса скользнули ко мне, переплетая наши руки.

— Да. Если будут люди или фейри, нуждающиеся в безопасном месте... этот город будет открыт для них. Веларис был долго закрыт — слишком долго, возможно. Добавить новых людей, из разных мест, с разными историями и культурами... Не вижу, почему это может быть плохой идеей. Перемещение может быть сложнее, чем мы будем ожидать, но... да. Ворота этого города будут открыты тем, кому нужна его защита. Тем, кто сможет построить жизнь здесь.

Я сжала его руку, наслаждаясь заработанными тяжелым трудом мозолями на ней. Нет, я не позволю ему нести всю тяжесть этой войны, ее цену, в одиночку.

Рис посмотрел на открытые двери — на фигуру, скрытую под капюшоном, терпеливо ожидающую в тени за ними. Вся боль в моем теле пропала, когда я увидела бледные одеяния, капюшон, увенчанный прозрачным синим камнем, за краем капюшона можно спрятать глаза...

Жрица.

— Это Клото, — спокойно сказал Рис, выпуская мою руку, чтобы подвести меня к ожидающей женщине.

Вес его руки на нижней части моей спины сказал мне достаточно о том, что он понимал, как вид ее потряс меня.

— Она одна из десятка жриц, работающих здесь.

Клото опустила голову в поклоне, но ничего не сказала.

— Я... я не знала, что жрицы покинули свои храмы.

— Библиотека — это своего рода храм, — сказал Рис с кривой улыбкой. — Но жрицы здесь...

Когда мы вошли в библиотеку, ожили совершенные золотые огоньки. Как будто Клото была в полной темноте, пока мы не вошли.

— Они особенные. Уникальные.

Она склонила свою голову, будто забавляясь. Ее лицо все еще оставалось в тени, ее худенькое тело скрывалось за этими тяжелыми бледными одеяниями. Тишина — и все же жизнь танцевала вокруг ее.

Рис тепло улыбнулся жрице.

— Ты нашла тексты?

И лишь когда она качнула головой, будто говоря "не очень много", я поняла, что либо она не может, либо не хочет говорить. Клото махнула рукой влево — указывая на библиотеку.

И я долго не сводила взгляда с немой жрицы, пока не вошла в библиотеку.

Не пещеристая комната дворца. Далекое нет.

Это было...

Это было так, словно в основании горы какое-то огромное животное вырыло яму, спускающуюся в темное сердце мира. Вокруг этой зияющей дыры, выдолбленной в самой горе, закручивались в спирали книжные полки, книги и читальные залы, ведущие в чернильную черноту. Из того, что я видела на разных уровнях, когда двинулась к каменным перилам, выходящим к спуску вниз, стеллажи уходили далеко в самую гору, будто спицы огромного колеса.

И сквозь все это, трепеща, как крылья мотыльков, слышался звук шелестящей бумаги и пергаментов.

Тихий, но все же существующий. Пробуждающий, напевающий, беспокойный, будто какое-то существо с огромным количеством рук находится за непрерывной работой. Я посмотрела вверх, обнаруживая, что еще больше уровней поднимается вверх к Дому. И далеко внизу скрывается... Тьма.

— Что в самом низу? — спросила я, когда Рис подошел ко мне, касаясь меня плечом.

— Однажды я подзадорил Кассиана слетать вниз и посмотреть.

Рис обхватил перила, глядя в темноту.

— И?

— И он вернулся, летя быстрее, чем я когда-либо видел, белый как смерть. Он никогда не говорил мне, что он там увидел. В первые несколько недель я думал, что это шутка — просто чтобы подогреть мое любопытство. Но когда я, наконец, решил сам увидеть это месяцем позже, он пригрозил привязать меня к стулу. Он сказал, что некоторые вещи лучше не видеть и не тревожить. Это было два века назад, и он все еще не рассказал мне, что же увидел там. И при упоминании этого он бледнеет и дрожит, а потом не разговаривает часами.

Моя кровь застыла.

— Это... какой-то монстр?

— Без понятия.

Рис указал подбородком на Клото, терпеливо ожидающей нас на несколько шагов позади нас, а ее лицо все еще было в тени.

— Они не говорят и не пишут об этом, и даже если они знают... Они точно не скажут мне. Так что если это не беспокоит нас, то и я не буду беспокоить его. То есть, если оно *там* вообще *есть*. Кассиан никогда не говорил, видел ли там, внизу, что-то живое. Возможно, это что-то совершенно другое.

Учитывая то, что я уже видела... Я не хочу думать, что там может быть. Или что могло случиться с Кассианом, который видел более страшные и убийственные части мира, чем я могла даже представить, что он так испугался.

Одеяния зашелестели, и Клото направилась к пологой дорожке, ведущей в библиотеку, и мы пошли за ней. Полы были из красного камня, как и все остальное в этом месте, но гладкие и отполированные. Интересно, катались ли жрицы по спиральным дорожкам как по горке?

Насколько я знаю, нет, сказал Рис в моей голове. *Но мы с Мор однажды попытались, когда были детьми. Моя мать поймала нас на третьем этаже, и нас отправили спать без ужина.*

Я прикрыла свою улыбку. *Это было таким преступлением?*

Оно было таковым, когда мы намазали пол маслом, а ученые падали лицом вниз.

Я закашлялась, чтобы прикрыть свой смех, опустив голову, даже если Клото шла на несколько шагов впереди.

Мы прошли мимо груды книг и пергаментов, встроенные в сам камень полки из темного твердого дерева. Коридоры исчезали в самой горе, и каждые несколько минут мы проходили мимо читальных зон, обставленных аккуратными столами, лампами, излучающими слабый свет, мягкими стульями и диванами. Древние тканые ковры украшали пол, в основном лежа перед каминами, которые встроены в гору, подальше от полок, чтобы на них случайно не попали угли.

Уютно, несмотря на размеры пространства; тепло, несмотря на неизвестные ужасы, скрывающиеся ниже.

Если другие меня слишком раздражают, я люблю приходить сюда, чтобы немного побыть в тишине и спокойствии.

Я слегка улыбнулась Рису, который все еще смотрел вперед, пока мы мысленно разговаривали.

Разве они не знают, что тебя можно здесь найти?

Конечно. Но я никогда не хожу в одно и то же место дважды, поэтому на поиски уходит так много времени, что они не делают этого. Плюс, они знают, что если я здесь, то потому, что хочу побыть один.

Бедный маленький Высший Лорд, промурлыкала я. Приходится убежать, чтобы найти абсолютное уединение для размышлений.

Рис ущипнул меня за зад, и я сжала губы, чтобы не вскрикнуть.

Могла бы поклясться, что плечи Клото дрожали от смеха.

Но, прежде чем я смогла оторвать Рису голову за дополнительную боль в моей спине, ноющей от этого неожиданного движения, Клото привела нас в читальную зону тремя уровнями ниже, с массивным рабочим столом, нагруженным толстыми древними книгами, обтянутыми разнообразными темными кожами.

С одной стороны лежала аккуратная стопка бумаг, окруженная множеством ручек, а лампы для чтения горели в полную силу, весело сверкая в темноте. Серебряный чайный сервиз блестел на низком столике между двумя кожаными диванами у трещащего камина, из сводчатого носика чайника дымился пар. Рядом на тарелке лежали печенье и маленькие бутерброды, вместе с внушительной грудой салфеток, будто тонкий намек, что нужно воспользоваться ими, прежде чем прикасаться к книгам.

— Спасибо, — сказал Рис жрице, которая вытащила книгу из стопки, которую, без сомнения, она сама подготовила, и открыла ее на отмеченной странице.

Старинная бархатная лента цвета старой крови — но это ее рука поразила меня, когда показалась в золотом свете ламп.

Ее пальцы были искривлены. Согнутые под такими углами, что можно было подумать, что она такая родилась, если бы не шрамы.

На мгновение я оказалась в весеннем лесу. На мгновение, я услышала хруст камня, ударяющего по плоти и костям, который я заставила другую жрицу взять во вторую руку. Снова и снова.

Рис положил руку на мою спину. Усилия, которые Клото прилагает, чтобы перемещать все в этом месте, с ее искривленными руками...

Но она посмотрела на другую книгу — или, по крайней мере, ее голова повернулась в ту сторону — и она скользнула к ней.

Магия. Правильно.

Она указала пальцем, согнутым в две противоположные стороны, на страницу, которую она открыла, потом на книгу.

— Я посмотрю, — сказал Рис, затем склонил голову. — Мы позовем, если нам что-либо понадобится.

Клото снова склонила голову и осторожно и тихо начала уходить.

— Спасибо, — сказала я ей.

Жрица остановилась, оглядываясь назад и склоняя голову, покачивая капюшоном.

Через несколько секунд она исчезла.

Я смотрела ей вслед, даже когда Рис скользнул в один из стульев перед грудой книг.

— Давным-давно Клото очень сильно пострадала от группы мужчин, — тихо сказал Рис.

Мне не нужны были подробности, чтобы понять, к чему это привело. Тон голоса Риса сказал мне достаточно.

— Они отрезали ей язык, чтобы она не смогла никому рассказать, кто с ней это сделал. И раздавили ей руки, чтобы она не смогла написать об этом.

Каждое слово было хуже предыдущего, и тьма заволочла эту небольшую зону.

У меня внутри все перевернулось.

— Почему просто не убили ее?

— Потому что так все гораздо интересней. Так было, пока Мор не нашла ее. И привела ко мне.

Тогда он, без сомнений, заглянул в ее разум и увидел их лица.

— Я позволил Мор выследить их, — он плотно сложил крылья. — И когда она закончила, она осталась здесь на месяц. Помогая Клото исцелиться, насколько это возможно, но еще... помогая стереть их следы из ее жизни.

Травма Мор была другой, но... я понимала, почему она сделала это, почему хотела быть здесь. Интересно, помогло ли ей это не закрыться в себе?

— Кассиан и Азриэль полностью излечились после Хайберна. Неужели для Клоты ничего нельзя сделать?

— Мужчины... исцеляли ее, прежде чем снова причинить ей боль. Постоянно нанося ей травмы. Когда Мор нашла ее, урон уже был нанесен. Они не закончили с ее руками, так что нам удалось спасти их, чтобы она смогла хоть немного использовать их, но... Чтобы исцелить ее, нужно было вскрыть ее раны снова. Я предложил забрать ее боль, пока это будут делать, но... Она не могла вынести этого — боясь того, что вскрытие ран опять вызовет их образы в ее голове. В ее сердце. Она живет здесь с тех пор — с такими же, как она. Ее магия помогает ей с передвижением.

Я знала, что нам нужно начать работать, но я спросила:

— Все... все ли жрицы в библиотеке похожи на нее?

— Да.

В словах скрывались столетиями накапливаемые ярость и боль.

— Я превратил эту библиотеку в убежище для них. Некоторые приходят за исцелением, работая помощниками, а потом уходят; некоторые приносят клятвы Котлу и Матери, становясь жрицами и оставаясь здесь навечно. Но это им решать, остаются ли они здесь на

неделю или на всю жизнь. Посторонним можно заходить в библиотеку, чтобы проводить исследования, но лишь в том случае, когда жрицы дают свое разрешение. И лишь в том случае, когда они приносят обязательные клятвы, что не причинят никакого вреда во время посещений. Эта библиотека принадлежит им.

— Кто здесь был до них?

— Несколько причудливых старых ученых, которые проклинали меня, когда я перевел их в другие библиотеки города. У них все еще есть доступ, но когда и где решают жрицы.

Выбор. Это всегда будет мой выбор, пока я с ним. Как и у других. Еще задолго до того, как он сам узнал об этом тяжелым путем. Вопрос, должно быть, отразился в моих глазах, потому что Рис добавил:

— Я провел здесь очень много времени в те недели после Подгорья.

Мое горло сжалось, когда я наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

— Спасибо, что делишься этим местом со мной.

— Теперь оно принадлежит и тебе.

И я знала, что это не только потому, что мы мейты, но... оно принадлежит мне так же, как и другим женщинам здесь. Которые стойко вынесли невзгоды и выжили.

Я слегка улыбнулась.

— Полагаю, что это чудо, что я вообще могу находиться под землей.

Но его лицо оставалось серьезным, задумчивым.

— Так и есть, — добавил он мягко. — Я очень горжусь тобой.

Мои глаза горели, и я моргнула, поворачиваясь к книгам.

— И я полагаю, — с небольшим усилием сказала я, — что это чудо, что я действительно могу *читать* эти вещи.

Ответная улыбка Риса была прекрасной — и немного озорной.

— По-моему, мои небольшие уроки помогли.

— Да, "Рис — лучший любовник, на которого может рассчитывать женщина" несомненно то, что научило меня читать.

— Я только пытался сказать тебе то, что ты сейчас знаешь.

Моя кровь начала закипать.

— Хммм, — все, что я сказала, беря книгу.

— Я приму это *хммм* как вызов.

Его рука скользнула по моему бедру, затем обхватила мое колено, гладя его большим пальцем. Даже сквозь мою кожаную форму, жар его тела просочился до моих костей.

— Возможно, я затащу тебя между стеллажей и посмотрю, какой тихой ты можешь быть.

— Хммм.

Я листала страницы, не видя текста.

Его рука начала смертоносное, насмешливое исследование моего бедра, его пальцы оказались на его чувствительной внутренней части. Выше, выше. Он наклонился, чтобы тоже взять книгу, но прошептал мне на ухо:

— Или, может быть, я уложу тебя на этот стол и буду вылизывать, пока ты не закричишь достаточно громко, чтобы разбудить ту штуку внизу библиотеки.

Я наклонила к нему голову. Его глаза были пустыми — заспанными.

— Я полностью одобряю этот план, — сказала я, даже когда его рука остановилась очень, *очень* близко от вершины моих бедер, — до тех пор, пока ты не привлечешь

это существо внизу.

По-кошачьи хитрая улыбка. Он удерживал мой взгляд, пока его язык высунулся до нижней губы.

Моя грудь напряглась под рубашкой, и его взгляд опустился — изучая.

— Я думал, — сказал он задумчиво, — что сегодняшнего утра было достаточно, чтобы ты могла продержаться до вечера.

Его рука скользнула между моих ног, нагло обхватывая меня, его большой палец надавил на ноющую точку. Низкий стон вырвался из меня, и мои щеки загорели.

— Видимо, я недостаточно хорошо сделал свою работу, удовлетворяя тебя, если ты так легко возбуждаешься спустя всего пару часов.

— Придурок, — выдохнула я, но слово получилось неровным.

Его большой палец нажал сильнее, вырисовывая круги.

Рис снова наклонился, целую мою шею — прямо под моим ухом — и сказал мне в кожу:

— Давай посмотрим, как ты будешь меня называть, когда моя голова окажется между твоих ног, любимая Фейра.

И потом он пропал.

Он рассеялся, прихватив с собой половину книг. Я вздрогнула, мое тело ощущалось чужим и холодным, голова кружилась, и я была сбита с толку.

Где ты, черт возьми? Я огляделась вокруг, но не нашла ничего, кроме темноты, веселого пламени и книг.

На два уровня ниже.

И почему ты двумя уровнями ниже? Я оттолкнула стул, и моя спина протестующе заныла, когда я стремительно пронеслась по дорожке к перилам, заглядывая вниз, в темноту.

А потом, в читальной зоне двумя уровнями ниже, я увидела его темные волосы и крылья — увидела его, откинувшегося на спинку стула перед таким же столом, закинувшего ногу на ногу. Ухмыляющегося. *Потому что я не могу работать, когда ты отвлекаешь меня.*

Я нахмурилась. *Я отвлекаю тебя?*

Когда ты сидишь рядом со мной, то чтение пыльных старых книг — последняя вещь, о которой я могу думать. Особенно, когда ты вся в этой облегающей кожаной форме.

Свинья.

Его довольный смех эхом пронесся по библиотеке, разбавляя перелистывание страниц и скрип пишущих ручек жриц, которые повсюду работали.

Как ты можешь рассеиваться внутри Дома? Я думала, что здесь есть охраняющие заклинания.

Видимо, в библиотеке действуют свои правила.

Я фыркнула.

Два часа работы, пообещал он мне, разворачиваясь к столу и расправляя крылья — настоящий щит от моего взгляда. И его взгляда на меня. *И тогда мы поиграем.*

Я показала ему грубый жест.

Я видел это.

Я сделала это снова, и его смех достиг меня, когда я снова повернулась к книгам, сложенными передо мной, и начала читать.

Мы нашли огромное количество информации о стене и ее создании. Когда через два часа мы сравнивали наши записи, то многие из текстов противоречили друг другу, и все они утверждали об абсолютной власти этого предмета. Но также тут были и детали, о которых не знал даже Рис.

Когда возводили стену и подписывали Договор, он лечился в хижине в горах. Появившиеся детали были в лучшем случае смутными, но различные тексты, которые Клото откопала среди информации о формировании и законах стены сошлись в одном: она не была сделана прочной.

Нет, сначала стена была временным решением — чтобы разделить людей и фейри, пока не будет установлен достаточно долгий мир, чтобы потом собраться вновь. И решить, как им следует жить — как одному народу.

Но стена все еще есть. Люди стали старыми и умерли, и их дети забыли об обещаниях их родителей, их дедушек и бабушек, их предков. И Высшие Фэ, которые выжили... это был новый мир, без рабов. Низшие фейри заняли их место, бесплатно выполняя работу; границы территорий изменились, чтобы разместить оставшихся без жилья. Такие великие перемены в мире в те первые столетия, так много работы, чтобы пережить ту войну, исцелиться, и эта стена... стена осталась навсегда. Стена стала легендой.

— Даже если все семь дворов начнут сотрудничать, — сказала я, когда мы отщипывали виноградинки из серебряной чаши в тихой гостиной Дома Ветра, покинув темную библиотеку в поисках солнца, — даже если к нам присоединится Кейр и Двор Кошмаров... Будет ли у нас шанс выиграть в этой войне?

Рис откинулся в кресле, стоящем перед окном во всю стену. За его пределами сверкал Веларис — безмятежный и прекрасный, даже несмотря на шрамы, оставшиеся после нападения.

— Если наши армии столкнутся, то возможность победы невелика.

Прямые, честные слова.

Я заерзала на своем точно таком же стуле, стоящем по другую сторону низкого столика между нами.

— Мог бы ты... Если ты и Король Хайберна сойдетесь лицом к лицу...

— Смогу ли я выиграть? — Рис поднял бровь и посмотрел на город. — Я не знаю. Он слишком умен и скрывает, каков предел его сил. Но в тот день в Хайберне ему пришлось прибегнуть к хитростям и угрозам. У него есть веками накапливаемые знания и подготовка. Если мы с ним сразимся... Сомневаюсь, что он позволит этому произойти. У него будут куда лучшие шансы на победу, если он подавит нас числом, измотав нас. Если мы сразимся один на один, даже если он примет мой брошенный ему вызов... урон будет катастрофическим. И это если он не будет использовать Котел.

Мое сердце сжалось. Рис продолжил:

— Я готов взять на себя всю тяжесть этого, если это будет означать, что другие, по крайней мере, примут нашу сторону в этой борьбе.

Я стиснула подлокотник стула.

— Тебе не следует это делать.

— Это может быть единственным нашим шансом.

— Я даже не рассматриваю такой вариант.

Он моргнул.

— Прифиан может нуждаться во мне как в варианте.

Потому что с его силой... Он бросит вызов королю и всей его армии.

— Я нуждаюсь в тебе. Как варИанф. В моем будущем.

Тишина. И даже когда солнце согрело мои ноги, ужасный холод охватил меня.

Его горло дернулось.

— Если это означает дать тебе будущее, тогда я сделаю...

— Ты не сделаешь таких *вещей*, — выдохнула я сквозь сжатые зубы, наклоняясь в своем кресле.

Рис лишь наблюдал за мной с мрачными глазами.

— Как ты можешь просить меня не отдавать все, что у меня есть, чтобы убедиться, что ты, что моя семья и мои люди, выживут?

— Ты отдал *достаточно*.

— Не достаточно. Пока еще нет.

Было трудно дышать, видя прошлое, горящее в его глазах.

— Почему? Откуда это *исходит*, Рис?

На этот раз он не ответил.

И было что-то достаточно хрупкое в выражении его лица, какая-то незаживающая рана мерцала там, что я вздохнула, потеряла лицо, и потом сказала:

— Просто — работай со мной. Со всеми нами. *Вместе*. Это не только твое бремя.

Он оторвал еще одну виноградинку со стебля и прожевал ее. Его губы слегка расплылись в улыбке.

— Тогда что ты предлагаешь?

Я все еще видела эту уязвимость в его глазах, все еще ощущала ее по связи между нами, но я наклонила голову. Я перебрала в голове все, что знаю, все, что случилось. Сосредоточилась на книгах, которые прочитала в библиотеке. Библиотеке, которая содержит

— Амрен предупреждала нас никогда не соединять половинки Книги, — задумчиво сказала я. — Но мы — я, сделали. Она сказала, что древние вещи могут... пробудиться от этого. Могут начать приносиваться.

Рис положил ногу на ногу.

— У Хайберна может быть численность, — сказала я, — но что, если у нас будут монстры? Ты сказал, что Хайберн предвидел союз с другими дворами — но, возможно, не с теми, кто совершенно им не принадлежит, — я наклонилась вперед. — Я не говорю о монстрах, бродящих по миру. Я говорю об одном, конкретном — о том, кому нечего терять и не к чему стремиться.

Я сделаю все, что в моих силах, чтобы использовать его, вместо того, чтобы Рис столкнулся с этим в одиночку.

Он поднял брови.

— О?

— Косторез, — уточнила я. — Он и Амрен искали пути назад в свои миры.

Резчик безжалостно, настойчиво спрашивал у меня в тот день в тюрьме о том, куда я отправилась после смерти. Могла бы поклясться, что золотисто-коричневая кожа Риса побледнела, но я добавила:

— Кажется, пришло время спросить его, что он может дать за возможность вернуться домой.

Боль в спине, мышцах кора и бедер стала просто невыносимой к тому времени, как мы с Рисом разошлись. Мой мейт отправился на поиски Кассиана, который будет сопровождать меня завтра в Тюрьму. Если мы оба отправимся туда, то это будет выглядеть слишком... отчаянно, показывая всю важность этой встречи. Но если Высшая Леди и ее генерал отправятся к Костерезу, чтобы гипотетически задать свои вопросы...

Это все равно откроет наши карты, но, возможно, не покажет, как сильно мы нуждаемся в дополнительной помощи. И Кассиан, неудивительно, знает больше о Костерезе, чем кто-либо, из-за нездорового увлечения заключенными Тюрьмы. Тем более, он был ответственен за заключение некоторых из них.

Но пока Рис искал Кассиана, у меня было свое задание.

Я рычала и шипела, пока шла по мрачным красным залам Дома, ища сестру и Амрен. Чтобы увидеть, кто из них все еще держится после их первого урока. Кроме всего прочего.

Я нашла их в тихой забытой мастерской, холодно наблюдающих друг за другом.

Между ними лежали книги, разбросанные по столу. Единственным звуком было тиканье часов, доносящееся из пыльного кабинета.

— Извините, что прерываю вашу игру в гляделки, — сказала я, останавливаясь в дверях. — Я хотела посмотреть, как проходит первое занятие.

— Хорошо.

Амрен не сводила взгляда с моей сестры, а на ее красных губах играла слабая улыбка.

Я изучала Нэсту, которая пристально смотрела на Амрен с абсолютно каменным лицом.

— Что вы делаете?

— Ждем, — сказала Амрен.

— Чего?

— Чтобы любопытная Варвара оставила нас одних.

Я выпрямилась, прочищая горло.

— Это часть ее обучения?

Амрен повернула ко мне голову с преувеличенной медлительностью, ее волосы длиной до подбородка с абсолютно ровным срезом слегка покачнулись от этого движения.

— У Риса были свои методики твоего обучения. У меня — свои, — ее белые зубы вспыхивали при каждом слове. — Завтра вечером мы отправимся в Двор Кошмаров — ей нужна базовая подготовка, прежде чем мы сделаем это.

— Например?

Амрен громко вздохнула.

— Ставить вокруг себя щиты. От посторонних умов и сил.

Я моргнула. Я должна была подумать об этом. Что если Нэста присоединиться к нам, пребывание в Высеченном Городе... ей нужна какая-то защита помимо той, что мы можем предложить ей.

Наконец Нэста посмотрела на меня, ее лицо как всегда было холодным.

— У тебя все хорошо? — спросила я ее.

Амрен щелкнула языком.

— Она в порядке. Упряма как ослица, но с вашим родством, это неудивительно.

Я нахмурилась.

— Как я должна узнать, каковы твои методы? Из всего, что я знаю, ты научилась некоторым ужасным техникам в Тюрьме.

Осторожно. Так осторожно.

Амрен зашипела:

— Это место научило меня многим вещам, но точно не этому.

Я наклонила голову, изображая любопытство.

— Ты когда-нибудь общалась с остальными?

Чем меньше людей будет знать о моем завтрашнем путешествии, чтобы встретиться с Костерезом, тем безопаснее — меньше шансов, что Хайберн узнает об этом. Не страх предательства, но... всегда был риск.

Азриэль, теперь добывающий информацию в Осеннем Дворе, узнает об этом, когда вернется завтра. Мор... я скажу ей, рано или поздно. Но Амрен... мы с Рисом решили пока не рассказывать Амрен. В последний раз, когда мы пошли в Тюрьму, она была... раздражительной. Рассказать ей, что мы планируем освободить одного из ее сокамерников? Возможно не лучшая идея, пока мы ждем, что она найдет способ починить стену — и обучит мою сестру.

Нетерпение пробежало по лицу Амрен, ее серебряные глаза вспыхнули.

— Я говорила с ними только с помощью шепота и эха, сквозь скалы, девочка. И рада этому.

— Что за Тюрьма? — наконец спросила Нэста.

— Ад, скрытый за камнями, — сказала Амрен. — Полный существ, которые, и ты должна благодарить за это Мать, больше не разгуливают свободно по земле.

Нэста нахмурилась, но закрыла рот.

— Например? — спросила я.

Любая дополнительная информация может —

Амрен оскалилась.

— Я даю урок магии, а не истории, — она махнула рукой. — Если ты хочешь с кем-нибудь посплетничать, то найти одну из собак. Уверена, что Кассиан все еще ошивается наверху.

Уголки губ Нэсты дернулись вверх.

Амрен указала на нее пальцем с острым, ухоженным ногтем.

— *Сосредоточься.* Жизненно важные органы всегда *должны* быть защищены.

Я обхватила рукой открытую дверь.

— Я продолжу поиск информации для тебя в библиотеке, Амрен.

Никакого ответа.

— Удачи, — добавила я.

— Ей не нужна удача, — сказала Амрен.

Нэста рассмеялась.

Я приняла это за прощание. Возможно, позволить Амрен и Нэсте тренироваться вместе было... не лучшим выбором. Даже если перспектива дать им волю во Дворе Кошмаров... Я немного улыбнулась от этой мысли.

К тому времени, как Мор, Рис, Кассиан и я собрались за ужином в городском доме —

Азриэль был все еще на слезке — мои мышцы так болели, что я едва поднялась по лестнице. Болели достаточно, чтобы мои планы посетить Люсьена в Доме после еды исчезли. Мор была раздражительна и тиха, без сомнений, предвкушая завтрашнюю встречу.

Она много раз работала с Кейром за эти века, и все же завтра... Она лишь предупредила Риса во время ужина, что ему следует тщательно рассмотреть любые предложения, которые Кейр может предъявить в обмен на его армию. Рис пожал плечами, сказав, что он подумает об этом, когда придет время. Это не был ответ, поэтому Мор заскрипела зубами.

Я не винила ее. Задолго до Войны ее семья жестоко издевалась над ней такими способами, о которых я не позволяла себе даже думать. Не за день до того, как я снова встречу с ними — попрошу *их* о помощи. Буду работать с ними.

Рис, благослови его Мать, после ужина подготовил для меня ванну.

Завтра мне понадобятся все мои силы. Из-за монстров, с которыми мне предстоит встретиться под двумя абсолютно разными горами.

Я не была здесь уже месяцами. Но резные каменные стены были точно такими, какими я видела их в последний раз, темнота все еще разгонялась светом факелов.

Не Тюрьма. Подгорье.

Но вместо изуродованного тела Клэр, прикованного к стене надо мной...

Ее серо-голубые глаза все еще охвачены ужасом. Исчезла горделивая холодность и ее королевская выдержка.

Нэста. Они сделали с ней именно то, что делали с Клэр.

И позади меня, крича и умоляя —

Я обернулась, обнаруживая Элейн, обнаженную и рыдающую, привязанную к огромному вертелу. То, что когда-то предстояло выдержать мне.

Искривленные фейри в масках вращали железные ручки, поворачивая ее—

Я попыталась пошевелиться. Попыталась вырваться.

Но я была заморожена — абсолютно сдерживаемая невидимыми цепями.

Женский смех пронесся из другого конца тронного зала. С возвышения. Теперь пустого.

Пустого, потому что это была Амаранта, напыщенная в сумраке, уходящая в какой-то зал, которого там никогда раньше не было, но теперь он был и вел в никуда.

Рис следовал за ней на расстоянии шага. Идя за ней. В эту спальню.

Он оглянулся через плечо на меня, всего раз.

Через свои крылья. Его крылья, которых не было, которые она увидела и уничтожила, прямо после того, как она —

Я закричала, чтобы он остановился. Заколотила по цепям. Мольбы Элейн становились все громче. Рис все еще шел за Амарантой. Позволил ей взять его за руку и утащить за собой.

Я не могла двигаться, не могла остановить это, ничего из этого —

Меня вытащили из сна, словно рыбу, пойманную в сети, расставленные глубоко в море.

И когда я всплыла... Я была здесь лишь наполовину. Наполовину в своем теле, наполовину в Подгорье, наблюдая за —

— Дыши.

Слово было приказом. Пронизанным первобытным господством, которое он так редко использовал.

Но мои глаза сфокусировались. Моя грудь расширилась. Еще одна часть меня вернулась обратно в мое тело.

— Еще раз.

Я так и сделала. В моем поле зрения появилось его лицо, в нашей спальне зажглись чаши и лампы с фейским светом. Его крылья были плотно сжаты, его растрепанные волосы обрамляли его вытянутое лицо.

Рис.

— Еще, — сказал он.

Я подчинилась.

Мои кости стали ломкими, а желудок перевернулся. Я закрыла глаза, борясь с тошнотой. Колеблющийся ужас глубоко вонзил свои когти. Я все еще видела его: путь, по которому она вела его в тот зал. В —

Я поднялась, перекатываясь на край кровати и сильно сгибаясь, когда мои внутренности попыталось вывернуться на ковер. Его рука мгновенно оказалась на моей спине, успокаивающе вырисовывая круги. Абсолютно готовый к тому, что меня вырвет прямо через край кровати. Но я сосредоточилась на дыхании.

На подавлении этих воспоминаний, одного за другим. Пока они не исчезли.

Я лежала, наполовину свесившись с кровати, бесчисленное количество минут. Все это время он потирал мне спину.

Когда я, наконец, смогла двигаться, когда прошла тошнота... Я снова перевернулась. И вид его лица... Я обняла его за талию, крепко сжимая, когда он тихо поцеловал меня в макушку, снова и снова напоминая себе, что мы выбрались. Что мы выжили. Больше никогда — больше никогда я не позволю причинить ему такой вред. Причинить моим сестрам вред таким способом.

Больше никогда.

ГЛАВА 22

Я чувствовала на себе внимание Риса, пока мы одевались на следующее утро, и на протяжении завтрака. И все же он не давил, не требовал рассказать, что втянуло меня в этот крошечный ад.

Уже давно эти кошмары не вытаскивали нас обоих из сна. Не размывали границы.

И лишь когда мы стояли в фойе, ожидая Кассиана, прежде чем отправиться в тюрьму, Рис, прислонившись к перилам лестницы, спросил:

— Тебе нужно поговорить об этом?

Когда я повернулась к нему, мои иллирийские кожи закрипели.

Рис пояснил:

— Со мной — или с кем-то другим.

Я честно ответила ему, теребя конец своей косы.

— Со всем, что грядет, всем, что на кону... — я отпустила косу. — Я не знаю. Думаю, это вскрыло какую-то... часть меня, которая медленно восстанавливалась, — восстанавливалась благодаря нам обоим.

Он кивнул, в его глазах не было ни страха, ни упрека.

Так что я рассказала ему. Обо всем. Запинаясь на частях, которые все еще делали мне больно. Он только слушал.

И когда я закончила, дрожь осталась, но... Озвучивая это ему, громко произнося это...

Беспощадная хватка этих ужасов ослабла. Исчезла, как роса на солнце. Я глубоко вздохнула, словно сдувая эти страхи, позволяя своему телу расслабиться.

Рис тихо оттолкнулся от перил и поцеловал меня. Один раз. Второй.

Секундой позже в дверях появился Кассиан и застонал, что еще слишком рано, чтобы смотреть на целующихся нас. Мой мейт лишь огрызнулся, прежде чем взять нас обоих за руки и рассеять к Тюрьме.

Рис сжал мои пальцы сильнее, чем обычно, когда ветер промчался вокруг нас, и теперь Кассиан благоразумно промолчал. И когда мы вышли из этого темного сильного ветра, Рис наклонился, чтобы поцеловать меня в третий раз, ласково и нежно, прежде чем мы вышли на серый свет и ревущий ветер.

Видимо, в Тюрьме было холодно и туманно всегда, вне зависимости от поры года.

Стоя у подножия скалистой горы, покрытой мхом, под которой была построена Тюрьма, мы с Кассианом хмуро посмотрели на склон.

Несмотря на иллирийские кожи, ветер пробирал до костей. Я потеряла руки, смотря с поднятыми бровями на Риса, который остался в своем обычном одеянии, таком неуместном в этом сыром, ветреном островке зелени посреди серого моря.

Ветер взъерошил его волосы, когда он осмотрел нас, а Кассиан уже приценивался к горе, словно к своему противнику. На мускулистой спине генерала были двойные иллирийские клинки.

— Когда вы окажитесь там, — сказал Рис, его слова были едва слышны из-за ветра и журчания серебряных источников, стекающих по склону горы, — то не сможете связаться со мной.

— Почему?

Я потеряла свои уже замерзшие руки, а затем дыхла на них своим горячим дыханием.

— Барьеры и заклипания, которые намного старше Прифиана, — сказал Рис.

Он дернул подбородок в сторону Кассиана.

— Держите друг друга в поле зрения.

Эта его сухая серьезность, с которой он говорил, не позволила мне возразить.

Действительно, глаза моего мейта были жесткими — непоколебимыми. Пока мы будем здесь, он будет обсуждать с Азриэлем то, что он узнал об отношении Осеннего Двора к этой войне. И затем скорректируют свою стратегию относительно встречи с Высшими Лордами. Но я чувствовала это, его стремление быть с нами. Наблюдать за нами.

— Крикнешь по связи, когда снова выйдете, — сказал Рис с мягкостью, которая не затронула его взгляда.

Кассиан оглянулся через плечо.

— Возвращайся в Веларис, ты, курица-наседка. Мы будем в порядке.

Рис посмотрел на него нехарактерно жестким взглядом.

— Вспомни, кого ты заключил сюда, Кассиан.

Кассиан лишь сложил свои крылья, будто каждый его мускул подготовился к битве. Устойчивый и массивный, словно гора, в которую мы собирались войти.

Подмигнув мне, Рис исчез.

Кассиан проверил застежки на клинках и жестом пригласил меня начать долгий подъем

на гору. У меня внутри все напряглось, когда я начала взбираться на нее. От пронзительной пустоты этого места.

— Кого ты заключил сюда?

Мшистая земля смягчала мои шаги.

Кассиан приложил покрытый шрамами палец к губам.

— Лучше отложить этот разговор на потом.

Правильно. Я шла рядом с ним, мои бедра горели от прогулки по крутой дороге. Туман охладил мое лицо. Сохраняет свою силу — Кассиан не тратил ни капли своей силы, чтобы отгородить нас от стихии.

— Ты действительно думаешь, что освобождение Костереза поможет в войне против Хайберна?

— Ты генерал, — сказала я, тяжело дыша, — ты и скажи мне.

Он задумался, а ветер разметал его темные волосы по его загорелому лицу.

— Даже если ты пообещаешь найти способ отправить его обратно в его мир, используя Книгу, или дашь ему те ужасные вещи, которые он захочет, — сказал Кассиан, размышляя, — думаю, что лучше найти способ контролировать его в *этом* мире, или нам придется сражаться сразу на двух фронтах. И я знаю, на каком из них нас поймают.

— Костерез настолько страшен?

— Ты спрашиваешь об этом прямо перед встречей с ним?

Я прошипела:

— Полагаю, что Рис наотрез отказался бы от этого, если бы это было *так* рискованно.

— Рис, как известно, придумывает такие планы, от которых у меня останавливается сердце, — проворчал Кассиан. — Поэтому я бы не воспринимал его как голос разума.

Я сердито посмотрела на Кассиана, получив в ответ волчий оскал.

Но Кассиан разглядывал тяжелое серое небо, словно ища следящие взгляды. Затем мох, траву и камни под нашими сапогами, ища подслушивающие уши.

— Здесь была жизнь, — сказал он, наконец отвечая на мой вопрос, — прежде чем Высшие Лорды захватили Прифиан. Старые боги, как мы называем их. Они правили лесами, реками и горами — некоторые и *были* этими вещами. Затем магия перешла к Высшим Фэ, вместе с этим появились Котел и Мать, и хотя некоторые все еще поклоняются старым богам, большинство людей забыли о них.

Я взобралась на небольшую серую скалу, перелезая через нее.

— Костерез — старый бог?

Он провел рукой по волосам, его Сифон сверкал в бледном свете.

— Так говорят легенды. Как и слухи о том, что он одним вздохом может сбить сотни солдат.

Холод пробежал по моей коже, но это было не из-за порывистого ветра.

— Полезно на поле битвы.

Золотисто-коричневая кожа Кассиана побледнела, в то время как его глаза заволкли мысли.

— Не без должных предосторожностей. Не без его обязательства повиноваться нам, даже будучи на волоске от смерти.

Что, как я полагаю, мне и предстоит совершить.

— Как он попал сюда — в Тюрьму?

— Я не знаю. Никто не знает, — Кассиан помог мне перелезть через валун, его рука

крепко ждала мою. — Но *как* ты планируешь выпустить его из Тюрьмы?

Я поморщилась.

— Полагаю, наша подруга должна об этом знать, с тех пор как она сама выбралась.

Осторожно — мы должны быть так осторожны, упоминая здесь имя Амрен.

Кассиан помрачнел.

— Она не говорит, как она сделала это, Фейра. Я был бы осторожен, давя на нее.

Поскольку мы все еще не рассказали Амрен, где мы будем сегодня. Что мы будем делать.

Я хотела сказать больше, но впереди, дальше по склону, открылись огромные ворота из костей.

Я забыла об этом — о тяжести воздуха внутри Тюрьмы. Словно пробираешься сквозь стоячий воздух гробницы. Словно крадешь дыхание у открытого рта черепа.

У нас обоих было по иллирийскому клинку в руке, фейский свет покачивался впереди, освещая дорогу, иногда танцуя и скользя по блестящему металлу. Наши свободные руки... Кассиан сжал мои пальцы так же сильно, как и я его, с тех пор, как мы спустились в вечную тьму Тюрьмы, сухая земля хрустела от наших шагов. Здесь не было дверей — не тех, которые мы могли видеть.

Но под этим твердым черным камнем я все еще чувствовала их. Могла бы поклясться, что проход заполнил тихий царапающий звук. С другой стороны этой скалы.

Как будто кто-то проводит по ней ногтями. Что-то огромное — и старое. И тихое, как ветер на пшеничном поле.

Кассиан все еще молчал, следя за чем-то — что-то просчитывая.

— Это может быть... очень плохой идеей, — признала я, сжав его руку.

— О, это, безусловно, так и есть, — сказал Кассиан с легкой улыбкой, когда мы все еще спускались в тяжелую тьму и барабаниющую тишину. — Но это война. У нас нет такой роскоши, как хорошие идеи — лишь выбор между плохими.

Когда я положила ладонь на дверь камеры Костереза, она открылась.

— Стоит страдания быть мейтом Риса, — заметил Кассиан, когда белая кость поплыла в темноте.

Внутри послышался смешок.

При его звуке улыбка исчезла с лица Кассиана — когда мы вошли в камеры, все еще держась за руки.

Шар фейского света проплыл вперед, освещая высеченную в камне камеру.

Кассиан зарычал, увидев то, что он осветил. Кого он осветил.

Без сомнения, кого-то совершенно другого, а не того мальчика, который сейчас улыбался мне.

Темноволосый, с сокрушительно голубыми глазами.

Я вздрогнула при виде лица ребенка — того, что я не заметила в первый раз. Что я не поняла.

Это было лицо Рисанда. Цвет, глаза... это было лицо моего мейта.

Но полный, широкий рот Костереза, расплывшийся в этой отвратительной улыбке... Он был моим ртом. Ртом моего отца.

У меня волосы встали дыбом. Костерез склонил голову в приветствии — в приветствии и подтверждении, как если бы он точно знал, что я поняла. Кого я видела и все еще вижу.

Сын Высшего Лорда. Мой сын. *Наш* сын. Мы должны прожить достаточно долго, чтобы он родился.

Я должна не провалить свою задачу вербовки Костереза. Мы должны не провалиться с объединением Высших Лордов и Двора Кошмаров. И стена должна остаться нетронутой.

Было сложно удержаться на ногах. Лицо Кассиана было достаточно бледным, чтобы я поняла, что тот, кого он видит... не этот красивый мальчик.

— Мне было интересно, когда ты вернешься, — сказал Костерез, голос мальчика был нежным и все же ужасным — из-за древнего существа, скрывающегося под ним. — Высшая Леди, — добавил он. — Прими мои поздравления с вашим объединением, — взгляд на Кассиана: — я чувствую запах ветра на тебе, — еще одна улыбка. — Вы принесли мне подарок?

Я потянулась к карману куртки и бросила к его ногам маленький осколок кости, не больше моей руки.

— Это все, что осталось от Аттора после того, как я раздавила его на улицах Велариса.

Голубые глаза вспыхнули от порочного восторга. Я даже не знала, что мы сохранили эту кость. Она хранилась до этого момента — специально для такого рода вещей.

— Как кровожадно, моя новая Высшая Леди, — промурлыкал Костерез, поднимая треснутую кость и ворочая ее в этих маленьких тонких руках.

И потом Костерез сказал:

— Я чувствую запах своей сестры на тебе, Разрушительница Проклятий.

У меня во рту пересохло. Его сестра —

— Ты украла у нее? Она вплела нить твоей жизни в свой ткацкий станок?

Ткачиха из Леса. Мое сердце загрохотало. Дыханием не получится успокоить его. Рука Кассиана сжалась вокруг моей.

Костерез промурлыкал Кассиану:

— Если я расскажу тебе секрет, воинское сердце, то что ты мне дашь?

Никто из нас не заговорил. Осторожно — нам нужно обдумывать фразы и делать это очень осторожно.

Костерез погладил кусок кости, лежащий в его руке, хотя его внимание было приковано к каменному лицу Кассиана.

— Что, если я скажу вам, что скала, тьма и море нашептали мне, Лорд Кровопролития? Как они содрогнулись от страха, около того острова на другой стороне моря. Как они задрожали, когда появилась *она*. Она взяла что-то — что-то ценное. Она вырвала это своими зубами.

Золотисто-коричневое лицо Кассиана обесцветилось, его крылья сжались плотнее.

— Что ты разбудил в тот день в Хайберне, Принц Бастардов?

Моя кровь заледенела.

— То, что вышло, не было тем, что зашло.

Костерез положил осколок кости на землю рядом с собой, грубо смеясь.

— Как она прекрасна — юна, как олененок, и все же стара, как море. Как она зовет тебя. Королева, как когда-то моя сестра. Ужасная и гордая; красивая, как зимний рассвет.

Рис предупредил меня, что заключенные могут наврать что угодно, продать что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

— Нэста, — пошептал Костерез. — *Нэс-та.*

Я сжала руку Кассиана. Достаточно. *Достаточно* его насмешек и колкостей. Но он не посмотрел на меня.

— Как ветер стонет ее имя. Вы тоже слышите? Нэста. *Нэста. Нэста.*

Не уверена, что Кассиан дышал.

— Что она делала, утопая в вечной тьме? Что она *взяла*?

Острота его последнего слова вывела меня из себя.

— Если ты хочешь это узнать, то, возможно, тебе следует заткнуться, чтобы мы могли объясниться.

Казалось, мой голос вывел Кассиана из транса. Его грудь быстро поднялась и сжалась, и он посмотрел мне в лицо — с извинением в глазах.

Костерез усмехнулся.

— У меня так редко бывают гости. Простите, что хочу немного поболтать, — он закинул ногу на ногу. — И зачем я вам нужен?

— Мы заполучили Книгу Дыханий, — сказала я небрежно. — Там... интересные заклинания. Коды для кода внутри кода. Кто-то, кого мы знаем, расшифровал большинство из них. Она все еще работает над другими. Заклинаниями, которые могут... отослать кого-то вроде нее домой. И других, как она, тоже.

Фиолетовые глаза Костереца вспыхнули ярко, как пламя.

— Слушаю.

ГЛАВА

23

— Война уже объявлена, — сказала я Костерезу. — Ходят слухи, что ты владеешь... дарами, которые могут быть полезными на поле битвы.

Улыбка в сторону Кассиана, будто он понял, почему он присоединился ко мне.

— За определенную цену, — задумчиво сказал Костерез.

— В разумных пределах, — возразил Кассиан.

Костерез осмотрел свою камеру.

— И ты думаешь, что я хочу уйти... обратно.

— Разве не так?

Костерез подогнул под себя ноги.

— Откуда мы пришли... я не думаю, что там сейчас осталось что-то, кроме пыли да пустоши. Нет дома, в который можно вернуться. Не тот, которого я хочу.

Если он появился здесь даже раньше появления Амрен... Десятки тысяч лет назад — возможно, даже больше. Я заткнула неприятные ощущения в животе.

— Тогда, возможно, улучшение твоих... условий жизни может убедить тебя, если это тот мир, в котором ты хочешь находиться.

— Это камера, Разрушительница Проклятий, — Костерез похлопал по грязи рядом с

собой. — Ты думаешь, что я позволил бы им заманить себя в ловушку, если бы на то не было веской причины?

Казалось, все тело Кассиана напряглось — от осознания и сосредоточенности. Готовясь вытащить нас отсюда.

Костерез прочертил три пересекающихся сцепленных круга в грязи.

— Ты встречалась с моей сестрой — моим близнецом. Ткачихой, как вы теперь называете ее. Я знал ее как Стрыгу. Она, и наш старший брат, Коцей. Как они восхищались этим миром, когда мы попали в него. Как эти древние Фэ боялись и поклонялись им. Если бы я был храбрее, то я бы выждал время — ожидая исчезновения их сил, ожидая война Фэ, которая давным-давно обманула Стрыгу, уменьшая ее силу и заключая ее на Серединных Землях. Коцей тоже — ограничили и связали с маленьким озером на континенте. Все произошло до Прифиана, задолго до того, как разграничения земли и коронации Высших Лордов.

Мы с Кассианом выжидали, не рискуя прервать его.

— Умная, эта воин Фэ. Ее родословной уже давно нет — хотя следы все еще бегут в крови некоторых людских родов, — он улыбнулся, возможно даже грустно. — Никто не помнит ее имени. Но я помню. Она стала бы моим спасением, если бы я не сделал свой выбор задолго до того, как она ступила на эту землю.

Я все ждала и ждала, собирая по крупицы истории, которые он раскидывал, будто хлебные крошки.

— В конце концов, она не смогла их убить — они были слишком сильны. Их можно было только сдерживать, — Костерез провел рукой по нарисованным кругам, полностью их уничтожая. — Я знал об этом задолго до того, как она поймала их — взял это на себя и нашел свой путь сюда.

— Чтобы избавиться от себя этот мир? — спросил Кассиан, нахмурившись.

Глаза Костереза горели, будто самое горячее пламя.

— Чтобы *спрятаться* от брата и сестры.

Я прищурилась.

— Зачем?

— Они боги смерти, девочка, — прошипел Костерез. — Вы бессмертны — или живете достаточно долго, чтобы так казалось. Но брат, сестра и я... Мы другие. И они... Сильнее. Сильнее, чем я когда-либо был. Моя сестра... она нашла способ *питаться* самой жизнью. Оставаться молодой и красивой навечно, благодаря жизням, которые она крадет.

Ткачество — нити внутри этого дома, крыша, сделанная из волос... Я мысленно сделала пометку бросить Риса в Сидру за то, что он меня отправил в ту хижину.

На сам Костерез...

— Если они боги смерти, — сказала я, — то кто ты?

Смерть. Он спрашивал меня, снова и снова, о смерти. Что ждет после нее, как это ощущается. Куда я ушла. Я думала, что это было просто любопытство, но...

Лицо мальчика сморщилось от смеха. Лицо моего сына. Видение будущего, показанное мне месяцы назад, как своего рода насмешка или воплощение того, о чем я тогда еще не смела признаться себе самой. В чем я больше всего сомневалась. И теперь... теперь этот мальчик... Другая насмешка над будущим, которое я теперь могу потерять.

— Я забыл, вот кто я. И предпочитаю таким и оставаться, — Костерез прислонился головой к стене из скалы позади него. — Так что, как вы видите, я не хочу уходить. Не хочу

напомянуть сестре и брату, что я жив и в этом мире. Сдерживаемые и с уменьшенными силами, их влияние все еще... существенно.

— Если Хайберн победит в этой войне, — грубо сказал Кассиан, — то ворота этого места, скорее всего, будут широко раскрыты. И твои сестра и брат будут освобождены от сдерживающих их территорий — и будут заинтересованы в посещении этого места.

— Даже Хайберн не настолько глуп, — довольный вздох. — Уверен, что здесь есть другие заключенные, которые сочтут ваше предложение... заманчивым.

Моя кровь закипела.

— Ты даже не рассматриваешь возможность помочь нам.

Я обвела рукой камеру.

— Это то, что ты предпочитаешь — навечно?

— Если бы ты знала моих брата и сестру, Разрушительница Проклятий, ты бы сочла это гораздо более мудрой и удобной альтернативой.

Я открыла рот, но Кассиан предупреждающе сжал мою руку. Достаточно. Мы сказали достаточно, вывели достаточно. Выглядеть так отчаянно... Это никак не поможет.

— Нам нужно идти, — сказал мне Кассиан, изображая невозмутимое спокойствие. — Нас ждут развлечения Вытесанного Города.

Мы действительно опоздаем, если не уйдем прямо сейчас. Я бросила прощальный взгляд на Костереза, позволяя Кассиану вести меня к открытой двери камеры.

— Вы идете в Вытесанный Город, — сказал Костерез — не совсем вопрос.

— Не понимаю, каким образом это тебя касается, — бросила я через плечо.

Молчание Костереза эхом прошло сквозь нас. И заставило нас остановиться на пороге.

— Последняя попытка, — сказал Костерез, размышляя, оглядывая нас, — сплотить весь Ночной Двор, как я полагаю.

— Опять же, это не твое дело, — холодно сказала я.

Костерез улыбнулся.

— Вы заключите с ними сделку.

Взгляд на татуировку на моей правой руке.

— Интересно, что за это попросит Кейр, — низкий смех. — Интересно.

Кассиан страдальчески вздохнул.

— Говори прямо.

Костерез снова замолчал, играясь в грязи с осколком кости Аттора.

— Водовороты Котла вихрятся странным образом, — пробормотал он скорее себе, чем нам.

— Мы уходим, — сказала я, снова поворачиваясь и таща за собой Кассиана.

— У моей сестры была коллекция зеркал в ее черном замке, — сказал Костерез.

Мы снова остановились.

— Она любовалась своим отражением в этих зеркалах днем и ночью, пожирая глазами свою молодость и красоту. Там было одно зеркало — Уроборос, как она называла его. Окно в мир. Все можно было увидеть, обо всем могло быть рассказано на его темной поверхности. Кейр владеет им — это его семейная реликвия. Принесите его мне. Это моя цена. Уроборос, и я ваш. Если вы сможете найти способ освободить меня, — злобная улыбка.

Я обменялась взглядом с Кассианом, и мы оба пожали плечами, глядя на Костереза.

— Посмотрим, — сказала я, прежде чем мы ушли.

Мы с Кассианом сидели на валуне, возвышающимся над серебряным источником, дыша холодным туманным воздухом. Тюрма нависла над нашими спинами, ее ужасные размеры скрывали горизонт.

— Ты сказал, что знал, что Костерез был старым богом, — тихо сказала я, размышляя.
— Ты знал, что он был богом смерти?

Лицо Кассиана было напряжено.

— Я догадывался.

Когда я выгнула бровь, он пояснил:

— Он вырезает смерти на костях. Видит их. Наслаждается ими. Это было несложно понять.

Я задумалась.

— Это Рис предложил тебе пойти сюда со мной или ты сам вызвался?

— Я хотел пойти. Но Рис... он тоже догадывался.

Потому что то, что мы видели в глазах Нэсты в тот день...

— Подобное притягивает подобное, — прошептала я.

Кассиан кивнул.

— Не думаю, что даже Костерез знает, что такое Нэста. Но я хотел увидеть это — на всякий случай.

— Почему?

— Я хочу помочь.

Этого ответа было достаточно.

Мы замолчали, а вода в источнике журчала, мчась мимо нас.

— Будешь ли ты бояться ее, если Нэста *окажется* Смертью? Или она будет источником ее силы?

Кассиан долго молчал.

Наконец он сказал:

— Я воин. И всю свою жизнь иду бок о бок со Смертью. Я бы больше испугался *за* нее, владеющую этой силой. Но не боялся бы *ее*.

Он подумал и через секунду добавил:

— Ничего в Нэсте не испугает меня.

Я сглотнула и сжала его руку:

— Спасибо.

Не уверена, почему я вообще это сказала, но он все равно кивнул.

Я почувствовала его до того, как он появился, искра поцелованной звездами радости вспыхнула во мне в тот же момент, как Рис вышел из воздуха.

— Ну и?

Кассиан спрыгнул с валуна, протягивая руку, чтобы помочь мне.

— Тебе не понравится то, что он попросил.

Рис протянул обе руки, чтобы рассеять нас в Веларис.

— Если он хочет необычную обеденную посуду, то он получит ее.

Ни Кассиан, ни я не рассмеялись, когда оба потянулись к протянутым рукам Риса.

— Лучше тебе воспользоваться своими навыками ведения переговоров сегодня вечером, — сказал Кассиан моему мейту, прежде чем мы растворились в тени.

Когда мы вернулись в летнюю жару городского дома, Кассиан и Азриэль вытягивали палочки, чтобы решить, кто сегодня останется в Веларисе.

Оба хотели присоединиться к нам в Высеченном Городе, но кто-то должен был охранять город — часть их давнишнего соглашения. И кто-то должен был охранять Элейн, хотя я, конечно, не собиралась рассказывать об этом Люсьену. Кассиан, ругался и злился, когда вытянул короткую палочку, и Азриэль лишь похлопал его по плечу, прежде чем отправиться в Дом для приготовлений.

Я последовала за ним минутой позже, поручая Кассиану рассказать Рису все, что сказал Костерез. Что он хотел.

Было два человека, которых я должна была увидеть в Доме до отъезда. Мне следовало проверить Элейн раньше, следовало помнить, что ее свадьба должна была произойти через несколько дней, но... я проклинала себя за то, что забыла об этом. А что касается Люсьена... Мне не причинит боль, говорила я себе, слезка за его передвижениями. За тем, как прошел его вчерашний разговор с Азриэлем. Мне нужно убедиться, что он помнит о правилах, которые мы установили.

Но пятнадцатую минутой позднее, я старалась не вздрагивать, когда шла по залам Дома Ветра. Хорошо, что Азриэль ушел вперед. Я рассеялась в небо над самым высоким балконом — и когда я поняла, что сейчас подходящее время, чтобы попрактиковаться в полете, я призвала крылья.

И упала через двадцать футов на твердый камень.

Сильный ветер не дал мне упасть так, чтобы переломать кости, но оба колена и моя гордость были сильно ушиблены моим лишенным изящества кувырком в воздухе.

По крайней мере, этого никто не видел.

К тому времени, как я нашла Элейн в семейной библиотеке, моя чопорная хромающая походка, по крайней мере стала более плавной.

Элейн все еще смотрела в окно, но она была не в своей комнате.

Нэста читала на своем обычном месте, одним глазом смотря на Элейн, а вторым — на книгу, лежащую у нее на коленях. Когда я проскользнула через резные деревянные двери, только Нэста посмотрела на меня.

Я прошептала:

— Привет, — и закрыла за собой двери.

Элейн не повернулась. На ней было бледно-розовое платье, которое немного дополняло ее болезненного цвета кожу, ее золотисто-коричневые волосы свободными крупными локонами струились по ее спине.

— Прекрасный день, — сказала я им.

Нэста выгнула свою изящную бровь.

— Где твой зверинец друзей?

Я окинула ее суровым взглядом.

— Эти друзья предложили вам убежище и удобства.

И обучение — или что бы там ни делала Амрен.

— Ты готова к сегодняшнему вечеру?

— Да.

Нэста просто продолжила читать свою книгу. Полностью игнорируя.

Я слегка фыркнула, что, как я знала, разозлит ее, и направилась к Элейн. Нэста следила за каждым шагом, пантера, готовящаяся напасть при малейшей опасности.

— На что ты смотришь? — спросила я Элейн, сохраняя мягкий, обычный тон.

Ее лицо было бледным, губы обескровлены. Но они двигались — едва — когда она сказала:

— Теперь я могу видеть очень далеко. Весь путь до моря.

Действительно, вдалеке, за Сидрой, блестело море.

— Привыкание к этому займет некоторое время.

— Я слышу твое сердцебиение — если буду внимательно слушать. И ее сердцебиение я тоже могу слышать.

— Ты можешь научиться заглушать звуки, которые тебя беспокоят.

Я так сделала — у меня был один такой звук. Интересно, сделала ли так Нэста, или они обе страдают, слушая сердцебиение друг друга днем и ночью. Я не посмотрела на свою сестру, чтобы подтвердить это.

Наконец, глаза Элейн скользнули к моим. Впервые она так сделала.

Даже зачавшая от горя и отчаяния, красота Элейн была удивительной. Ее лицо могло поставить на колени королей. И все же в нем не было радости. Не было света. Не было жизни.

Она сказала:

— Я слышу море. Даже ночью. Даже во сне. Грохот моря — и крики огненной птицы.

Было сложно не посмотреть на Нэсту. Даже городской дом был слишком далеко, чтобы можно было услышать звуки с самого близкого побережья. А что касается огненной птицы...

— В моем другом доме есть сад, — сказала я. — Я бы хотела, чтобы ты присматривала за ним, если только сама захочешь.

Элейн снова повернулась к окну, залитому солнечным светом, и свет заиграл на ее волосах.

— Я услышу, как земляные черви копаются в земле? Или как растут корни? Прилетит ли на дерево огненная птица, чтобы наблюдать за мной?

Не уверена, что должна была ответить. Сложно было не задрожать.

Но словила взгляд Нэсты, замечая вспышку боли на ее лице, прежде чем она снова скрыла свои чувства за маской холодности.

— Есть книга, которую ты должна помочь мне найти, Нэста, — сказала я, указывая взглядом на стеллажи слева от меня.

Достаточно далеко, чтобы уединиться, но достаточно близко, чтобы оставаться поблизости, если Элейн что-нибудь понадобится. Сделать что-то.

Что-то треснуло внутри меня, когда взгляд Нэсты тоже переместился на окно, перед которым сидела Элейн.

Чтобы проверить, как и я это сделала, можно ли открыть их с легкостью.

К счастью, они были надежно запечатаны, вероятно, как защита от некоторых беспечных дураков, забывших закрыть их, отчего пострадают книги. Таких, как Кассиан.

Нэста молча отложила свою книгу и последовала за мной в небольшой лабиринт стеллажей, мы обе прислушивались к происходящему в читальной зоне.

Когда мы были достаточно далеко, я установила вокруг нас щит из твердого воздуха. Чтобы за его пределы не выходил звук.

— Как ты заставила ее покинуть ее комнату?

— Я не делала этого, — сказала Нэста, прислонившись к стеллажу и скрестив руки. — Я нашла ее здесь. Когда я проснулась, ее не было в кровати.

Нэста, должно быть, запаниковала, обнаружив ее комнату пустой —

— Она что-нибудь ела?

— Нет. Вчера мне удалось заставить ее выпить немного бульона. От остального она отказалась. Весь день она говорит этими полузагадками.

Я провела рукой по волосам, вытягивая прядь из косы.

— Случилось ли что-то, чтобы вызвать...

— Я не знаю. Я проверяю ее каждые несколько часов, — Нэста стиснула зубы. — Хотя вчера меня не было дольше, чем обычно.

Пока она тренировалась с Амрен. Рис сообщил мне, что к концу тренировки простейшие щиты Нэсты были достаточно прочными, чтобы Амрен сочла мою сестру готовой к сегодняшнему вечеру.

Но там, под ее холодным поведением — вина. Паника.

— Сомневаюсь, что что-то случилось, — быстро сказала я. — Может, это просто... часть процесса восстановления. Ее приспособление к тому, что она стала Фэ.

Нэста не выглядела убежденной.

— У нее есть силы? Как у меня.

И что же это за силы, Нэста?

— Я не знаю. Я так не думаю. Если только это не первый признак проявления чего-то.

Было сложно не добавить, если бы ты рассказала о произошедшем в Котле, то, возможно, мы бы поняли это лучше.

— Дадим ей день или два — посмотрим, что произойдет. Поправиться ли она.

— Почему бы не посмотреть сейчас?

— Потому что через несколько часов мы отправимся в Вытесанный Город. И ты, кажется, не хотела, чтобы мы вмешивались в твои дела, — сказала я ей так беспристрастно, как смогла. — Не сомневаюсь, что Элейн тоже этого не хочет.

Нэста посмотрела на меня, на ее лице ни проблеска эмоции, и коротко кивнула.

— Ну, по крайней мере, она вышла из комнаты.

— И встала со стула.

Мы обменялись быстрыми спокойными взглядами.

Но потом я сказала:

— Почему ты не хочешь тренироваться с Кассианом?

Нэста выпрямилась.

— Почему я должна тренироваться именно с Кассианом? Почему не с другими?

— Азриэль?

— Он, или та блондинка, которая все никак не заткнется.

— Если ты имеешь в виду Мор...

— И почему я вообще должна тренироваться? Я не воин, и не хочу им быть.

— Это сделает тебя сильнее —

— Есть много видов силы, кроме способности махать мечом и отнимать жизни. Так мне вчера сказала Амрен.

— Ты сказала, что хочешь, чтобы твои враги умерли. Почему бы не убить их самой?

Она посмотрела на свои ногти.

— Зачем беспокоиться, если кто-то другой может сделать это для меня?

Я сдержала порыв потерять виски.

— Мы —

Но открылись двери в библиотеку, и я полностью сняла свой барьер из твердого воздуха, услышав стук шагов, а потом резкое их прекращение.

Я схватила руку Нэсты, чтобы она не двигалась, когда прозвучал голос Люсьена:

— Ты — ты покинула комнату.

Нэста оцетинилась, сверкнули ее зубы. Я сильнее сжала ее руку, и сделала новые воздушные стены вокруг нас — сдерживая ее в их пределах.

Недели уединения Элейн никак не улучшили ее состояние. Возможно, полузагадки были доказательством этого. И даже если Люсьен прямо сейчас нарушает правила, которые мы установили —

Еще шаги — без сомнения, к тому месту, где Элейн стоит у окна.

— Я... могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

Я никогда не слышала, чтобы голос моего друга был таким мягким. Таким осторожным и обеспокоенным.

Возможно, это делало меня низкой негодяйкой, но я выстрелила своим сознанием к нему. В него.

И затем я была в его теле, в его голове.

Слишком худая.

Она, должно быть, вообще не ест.

Как она вообще стоит?

Мысли кружились у него в голове, одна за одной. Его сердце яростно колотилось, и он не посмел сдвинуться со своего места в пяти футах от нее. Она все еще не повернулась к нему, но разрушительные последствия ее голодовки были достаточно очевидны.

Прикоснуться к ней, почувствовать ее запах, попробовать ее —

Инстинкты были как течение реки. Он сжал руки, удерживая их по бокам.

Он не ожидал, что она будет здесь. Другая сестра — гадюка — возможно, но он готов был рискнуть. Кроме вчерашнего разговора с Говорящим с тенями — который был почти таким же нервным, как он и ожидал, хотя Азриэль казался довольно приличным мужчиной — он был заперт в этом обдуваемом ветрами Доме два дня. Мысль об еще одном заставила рискнуть его нарваться на гнев Рисанда.

Он просто хотел прогуляться — и взять пару книг. Прошло много времени с тех пор, как у него было время для чтения, не говоря уже о том, чтобы делать это для удовольствия.

Но там была она.

Его мейт.

Она была совсем не как Джесминда.

Джесминда была смехом и шалостями, слишком дикая и свободная, чтобы ее удерживала деревенская жизнь, в которой она родилась. Она дразнила его, насмехалась над ним — соблазняла его так основательно, что он даже не хотел никого другого. Она видела

его не как седьмого сына Высшего Лорда, а как мужчину. Любила его без сомнений и колебаний. Она выбрала его.

Элейн просто... свалилась на него.

Он взглянул на чайный сервиз на низком столике.

— Смею предположить, что одна из этих чашек принадлежит твоей сестре.

Действительно, на стуле, на котором обычно сидела гадюка, была отброшенная книга.

Помоги Котел тому мужчине, чье сердце она пленит.

— Не возражаешь, если я возьму одну?

Он пытался звучать непринужденно — спокойно. Даже когда его сердце все колотилось и колотилось, так быстро, что он думал, что его вырвет на очень дорогой, очень старый ковер. Из Санграва, как указывают узоры и краски.

У Рисанда было много качеств, но у него определенно был хороший вкус.

Все это место было украшено обдуманно и с элегантностью, стремясь к комфорту, а не пытаясь удушить обстановкой.

Он не хотел признавать, что ему это нравится. Не хотел признавать, что считает этот город красивым.

Эта группа людей, которые теперь утверждали, что являются новой семьей Фейры... Это было тем, на что, как он думал давным-давно, будет похожа жизнь во дворе Тамлина.

Боль, словно удар по груди, прошла сквозь него, но он пересек ковер. Он заставил свои руки не дрожать, пока он наливал чай в чашку и сел в кресло, расположенное напротив кресла Нэсты.

— Здесь есть тарелка с печеньем. Хочешь несколько?

Он не ожидал, что она ответит, и решил подождать еще минуту, прежде чем встать с кресла и уйти, благополучно избежав возвращения Нэсты.

Но его внимание привлек солнечный свет, падающий на золото — и Элейн медленно повернулась, отворачиваясь от окна.

Он не видел ее лицо полностью с того дня в Хайберне.

Тогда оно было напряженным и испуганным, потом совершенно пустым и ошеломленным, ее волосы разметались, ее губы посинели от холода и шока.

Глядя на нее сейчас...

Да, она была бледной. Безучастность все еще сглаживала ее черты.

Но он не мог дышать, когда она полностью повернулась к нему.

Она была самой красивой женщиной, какую он когда-либо видел.

Предательство, тошнотворное и жирное, скользнуло по его венам. Однажды он сказал то же самое Джесминде.

Но даже когда позор поглотил его, слова, чувства пели, Моя. Ты моя, а я твой. Мейт.

Ее глаза были карие, цвета оленьей шерсти. И он мог бы поклясться, что в них что-то вспыхнуло, когда их взгляды встретились.

— Кто ты?

Даже без разъяснений он знал, что она осведомлена о том, кем он является для нее.

— Я Люсьен. Седьмой сын Высшего Лорда Осеннего Двора.

И абсолютная пустота. Он рассказал все, что знал, Говорящему с тенями — о своих выживших братьях, о своем отце. Его мать... он скрыл некоторые детали, не относящиеся к делу и совершенно личные. Все остальное — ближайшиe союзники его отца, самые коварные придворные и лорды... Он рассказал все. Конечно, информация была устаревшей,

но когда он эмиссаром, по полученной информации, он знал, что особо ничего не изменилось. В любом случае, они действовали так же в Подгорье. И после того, что случилось с его братьями несколько дней назад... Он не чувствовал вины, когда рассказывал Азриэлю все, что знал. Ничего из того, что он чувствовал, когда смотрел на юг — в сторону обоих дворов, которые он называл домом.

Долгое время лицо Элейн не двигалось, но эти глаза, казалось, немного сосредоточились.

— Люсьен, — наконец сказала она, и он сжал свою чашку, чтобы не содрогнуться от звука своего имени на ее губах. — Из рассказов моей сестры. Ее друг.

— Да.

Но Элейн медленно моргнула.

— Ты был в Хайберне.

— Да.

Это было всем, что он мог сказать.

— Ты предал нас.

Он хотел бы, чтобы она вытолкнула его за окно, перед которым стояла.

— Это... это было ошибкой.

Ее глаза были искренними и холодными.

— Я должна была выйти замуж через несколько дней.

Он боролся с нахлынувшей яростью, с иррациональной нуждой найти мужчину, которому она была обещана, и разорвать его на кусочки. Слова были скрипом, когда вместо этого он сказал:

— Я знаю. Мне жаль.

Она не любит его, не хочет его, не нуждается в нем. Невеста другого мужчины.

Жена смертного мужчины. Или должна была ей стать.

Она отвела взгляд — в сторону окон.

— Я слышу твое сердце, — тихо сказала она.

Он не был уверен, что ему ответить, поэтому ничего не сказал, и выпил свой чай, даже если это обожгло ему рот.

— Когда я сплю, — прошептала она, — я слышу биение твоего сердца, даже сквозь камни.

Она склонила свою голову, будто панорама города могла дать какой-то ответ.

— А ты можешь слышать мое?

Он не был уверен, действительно ли она обращалась к нему, но сказал:

— Нет, леди. Я не могу.

Ее слишком тонкие плечи, казалось, загнулись.

— Никто никогда не может. Никто даже не смотрит — не по-настоящему.

Колочие слова. Ее голос спустился до шепота.

— Он мог. Он видел меня. Но сейчас он не будет этого делать.

Ее пальцы коснулись железного кольца на ее пальце.

Кольцо другого мужчины, еще один признак того, что она обещана...

Этого было достаточно. Я услышала достаточно, узнала достаточно. Я ушла из сознания Люсьена.

Нэста смотрела на меня, даже когда ее лицо менялось в цвете при каждом слове, произнесенном ими.

— Ты когда-нибудь влезала в мою —

— Нет, — прохрипела я.

Как она узнала о том, что я сделала, я даже не хотела спрашивать. Не тогда, когда я опустила щит вокруг нас и направилась в гостиную.

Люсьен, без сомнений услышавший наши шаги, покраснел, когда посмотрел на нас с Нэстой. Никакого намека на то, что я влезла в его сознание. Пробралась сквозь него как бандит ночью. Я запихнула подальше слабую тошноту.

Моя старшая сестра сказала ему:

— Выметайся.

Я стрельнула по Нэсте взглядом, но Люсьен встал.

— Я пришел за книгой.

— Ну так найди ее и уходи.

Элейн лишь уставилась в окно, ни о чем не подозревая — или не заботясь об этом.

Люсьен не направился к стеллажам. Он просто пошел к открытым дверям. Он остановился прямо между ними и сказал мне и Нэсте:

— Ей нужен свежий воздух.

— Мы сами решим, что ей нужно.

Могла бы поклясться, что его ярко-красные волосы мерцали как расплавленный металл, когда он потерял самообладание. Но они побледнели, его красновато-коричневый глаз посмотрел на меня.

— Отведите ее к морю. Отведите ее в какой-нибудь сад. Но выведите ее из этого дома на час или два.

Затем он ушел.

Я посмотрела на своих сестер. Заточенных здесь, высоко над миром.

— Сейчас же вы переезжаете в городской дом, — сказала я им и Люсьену, который остановился в темном коридоре снаружи.

Нэста, к моему удивлению, не возражала.

Как и Рис, когда я послала ему по связи свой приказ, прося его, Кассиана и Азриэля помочь им с переездом. Нет, мой мейт только пообещал выделить моим сестрам две комнаты дальше по коридору, по другую сторону лестницы. И третью для Люсьена — на нашей стороне коридора. Вдали от комнаты Элейн.

Спустя тридцать минут Азриэль спускал Элейн, моя сестра молчала и никак не реагировала в его руках.

Нэста выглядела готовой сойти с балкона вместо того, чтобы позволить Кассиану, уже одетого и вооруженного для сегодняшней охраны городского дома, нести ее, так что я подтолкнула ее в сторону Риса, а Люсьена в сторону Кассиана, и сама взлетела.

Или попыталась — опять. Я парила около тридцати секунд, наслаждаясь очищающим визгом ветра, прежде чем мои крылья задрожали, моя спина напряглась, и падение стало невыносимо смертельным. Оставшуюся часть пути до городского дома я рассеивалась, и пока ждала их в гостиной, поправляла вазы и статуэтки.

Первым прибыл Азриэль, его теней не было видно, и моя сестра, бледная и золотистая в его руках. Он тоже был одет в свои иллирийские доспехи, и золотисто-коричневые волосы

Элейн зацепились за черные чешуи доспехов на его груди и плечах.

Он осторожно опустил ее на ковер, потому что пронес ее на руках через входную дверь.

Элейн посмотрела на его спокойное серьезное лицо.

Азриэль слабо улыбнулся.

— Хочешь, я покажу тебе сад?

Она казалась такой маленькой перед ним, такой хрупкой в сравнении с его массивными боевыми кожами и широкими плечами. За ними выглядывали его крылья.

Но Элейн не отшагнула от него, не уклонилась от него, когда кивнула — лишь раз.

Азриэль с изящностью придворного предложил ей руку. Я не могла понять, смотрит она на его голубой Сифон или на кожу со шрамами под ним, когда она выдохнула:

— Прекрасно.

Золотисто-коричневые щеки Азриэля покраснели, но он с благодарностью склонил голову и повел мою сестру к задним дверям, залитым солнечным светом, которые вели в сад.

Мгновением позже Нэста протопала через парадную дверь, ее лицо было выдающегося зеленого оттенка.

— Мне нужен — туалет.

Я встретила взгляд Риса, когда он подошел к ней с засунутыми в карманы руками. *Что ты сделал?*

Он выгнул брови. Но я молча указала Нэсте на уборную комнату под лестницей, и она исчезла, хлопнув за собой дверь.

Я? Рис прислонился к нижней балке перил. Она жаловалась, что я намеренно лечу медленно. Так что я ускорился.

Появились Кассиан и Люсьен, оба не смотрели друг на друга. Но внимание Люсьена устремилось прямо назад по коридору, его ноздри раздулись, когда он учуял, где находится Элейн. И с кем она туда пошла.

Он издал низкий рык —

— Расслабься, — сказал Рис. — Азриэль не из тех, кто уводит чужих женщин.

Люсьен послал ему обжигающий взгляд.

К счастью, а может, и нет, звуки рвотных спазмов Нэсты заполнили тишину. Кассиан уставился на Риса.

— Что ты сделал?

— Я спросила его о том же, — сказала я, скрещивая руки. — Он сказал, что "ускорился".

Нэсту снова вырвало — и опять тишина.

Кассиан вздохнул, глядя в потолок.

— Она больше не будет летать.

Дверная ручка опустилась, и мы попытались — или, по крайней мере, мы с Кассианом попытались — притвориться, что не слышали ее. Лицо Нэсты все еще было зеленовато-бледное, но... Ее глаза горели.

Невозможно описать это пламя в ее глазах — и даже нарисовать его не получится.

Ее глаза все еще оставались такими же серо-голубыми, как и мои. И все же... Я могла думать лишь о расплавленной руде. Ртуть в огне.

Она шагнула к нам. Все ее внимание было приковано к Рису.

Кассиан случайно встал на ее пути, плотно сжав крылья. Расставив на ковре ноги. Боевая позиция — обычная, но... его Сифоны мерцали.

— Ты знала, — протянул Кассиан, — что в последний раз, как я дрался в этом доме,

меня выставили отсюда на месяц?

Пылающий взгляд Нэсты скользнул к нему, все еще возмущенно — но с намеком на недоверие.

Он лишь продолжил:

— Конечно, это была вина Амрен, но никто мне не поверил. И никто не посмел прогнать *ее*.

Она медленно моргнула.

Но ее пылающий, расплавляющий взгляд стал смертным. Или таким смертным, как любой из нас мог быть.

Пока Люсьен не выдохнул:

— Что ты *такое*?

Казалось, Кассиан не мог осмелиться перевести свое внимание с Нэсты. Но моя сестра медленно посмотрела на Люсьена.

— Я заставила его дать что-то взамен, — сказала она с ужасающим спокойствием.

Котел. У меня волосы дыбом встали. Нэста пристально посмотрела на ковер, потом уставилась на стену.

— Я хочу пойти в свою комнату.

Понадобилось мгновение, чтобы понять, что она обращается ко мне. Я прочистила горло.

— Наверх по лестнице, потом направо. Вторая дверь. Или третья — какая тебе больше подойдет. Другая будет для Элейн. Нам нужно уйти через... — я покосилась на часы в гостиной, — два часа.

Слабый кивок был единственным выражением благодарности.

Мы смотрели, как она поднимается по лестнице, как ее лавандовое платье тянется за ней, одна ее тонкая рука обхватывает перила.

— Прости, — сказал Рис ей вдогонку.

Ее рука сжала поручень, даже с ее бледной кожей ее пальцы побелели, но она ничего не сказала, продолжая подниматься.

— Такое вообще возможно? — прошептал Кассиан, когда дверь в ее комнату закрылась. — Кто-то может *взять* что-то из сущности Котла?

— Похоже на то, — сказал Рис, размышляя, а потом сказал Люсьену: — Я так понял, что пламя в ее глазах не такое же, как твоя сила.

Люсьен покачал головой.

— Нет. Во мне ничего не отозвалось. Это было... Лед такой холодный, что он горел. Лед и все же... жидкость как пламя. Или пламя изо льда.

— Я думаю, что это смерть, — тихо сказала я.

Я уцепилась за взгляд Риса так, словно это было единственное, что удерживало меня в этом мире.

— Думаю, что эта сила — смерть. Смерть во плоти. Или любая сила, с которой Котел управляет такими вещами. Поэтому Костерез услышал это — услышал о ней.

— О Мать, — сказал Люсьен, проводя рукой по волосам.

Кассиан кивнул ему со всей серьезностью.

Но Рис потер подбородок, размышляя. Затем он просто сказал:

— Но Нэста не только победила Смерть — она ограбила ее.

Не удивительно, что она ни с кем не хотела говорить об этом — не хотела давать

показания на встрече. Для нас прошло всего пару секунд, когда она туда погрузилась.

Я никогда не спрашивала своих сестер о том, как долго длилось для *них* погружение в Котел.

— Азриэль знает, что ты смотришь, — протянул Рис, стоя перед зеркалом в нашей спальне, поправляя лацканы своего черного камзола.

В городском доме кипела деятельность, когда мы все подготавливались к отъезду. Мор и Амрен прибыли полчаса назад, первая направилась в гостиную, а вторая принесла платье для моей сестры. Я не осмелилась спросить Амрен, что она выбрала для Нэсты.

Тренировка, как сказала Амрен несколько дней назад. Во Дворе Кошмаров были магические предметы, которые моя сестра сможет изучить сегодня вечером, пока мы будем заняты с Кейром. Интересно, был ли Уроборос одним из них — и я мысленно сделала заметку спросить Амрен, что она знает о зеркале, которое так хочет Костерез. Которое я каким-то образом должна убедить Кейра отдать мне сегодня.

Люсьен предложил дать ему полезное дело, пока нас не будет, поэтому мы дали ему несколько текстов, лежащих на столе в гостиной, для чтения. Амрен лишь заворчала, узнав о его предложении, что я разъяснила Люсьену как положительный ответ.

Кассиан уже был на крыше, по обыкновению затачивая свои мечи. Я спросила его, являются ли *девять* мечей такой необходимостью, и он просто ответил, что не навредит быть готовым, и что если у меня достаточно времени на расспросы, то у меня должно быть достаточно времени на еще одну тренировку. Я быстро ушла, показывая ему неприличный жест.

Мои волосы все еще были влажными после ванны, которую я только что приняла, и я надела свои тяжелые серьги и посмотрела в окно нашей спальни, осматривая сад внизу.

Элейн молча сидела за одним из кованых столиков, а перед ней стояла чашка чая. Азриэль растянулся на шезлонге на серых камнях, расправив свои крылья и читая что-то, что выглядело как стопка отчетов — возможно, информация о Осеннем Дворе, которую он планирует представить Рису, когда разберется в ней полностью. Уже одетый для посещения Высеченного Города — жесткая красивая броня, так не подходящая этому прекрасному саду. И моей сестре, сидящей в нем.

— Почему не сделать *их* мейтами? — пробормотала я. — Почему Люсьен?

— Оставлю этот вопрос для Люсьена.

— Я серьезно.

Я повернулась к нему и скрестила руки.

— Что решает это? *Кто* решает это?

Рис поправил лацканы, прежде чем вытащить из них невидимую ниточку.

— Судьба, Мать, кружащиеся вихри Котла...

— *Рис*.

Он посмотрел на мое отражение в зеркале, пока я шагала к своему шкафу, распахивая двери, чтобы вытащить платье, которое я выбрала. Обрывки мерцающего черного — несколько более скромная версия того, что я надела во Двор Кошмаров месяцами ранее.

— Ты сказал, что твои мать и отец не подходили друг другу; *Тамлин* сказал, что его родители не подходили друг другу, — я сняла свой халат. — Так что это не идеальная система сочетаний. Что если, — я дернула подбородком в сторону окна, в сторону моей

сестры и говорящего с тенями в саду, — *это* то, что ей нужно? Разве в этом нет свободного выбора? Что если Люсьен хочет этого союза, но она — нет?

— Связь мейтов может быть отвергнута, — мягко сказал Рис, его глаза мерцали в зеркале, когда он упивался каждым дюймом обнаженной кожи, который я демонстрировала. — Это выбор. И иногда, да — связь делает плохой выбор. Иногда, связь всего лишь... предопределенная догадка, кто обеспечит сильнейшее потомство. На базовом уровне, только это, возможно. Какое-то естественное назначение, а не указание на по-настоящему сочетающиеся души.

Улыбка мне — от редкости, возможно, того, что у нас есть.

— Даже так, — продолжил Рис, — это всегда будет... буксиром. Женщинам проще игнорировать это, но мужчины... это может сводить их с ума. Это их суть, бороться до конца, но некоторые верят, что они имеют право на женщину. Даже когда связь отвергнута, они считают, что она принадлежит им. Иногда они возвращаются, чтобы бросить вызов мужчине, которого она сама выбрала. Иногда это заканчивается смертью. Это дико, это уродливо, но... Многие пары мейтов пытаются наладить отношения, веря, что Котел выбрал их по какой-то причине. Лишь спустя годы они понимают, что, возможно, это не идеальное спаривание душ.

Я вытащила украшенный драгоценными камнями темный пояс из ящика шкафа и набросила его на бедра.

— Значит, ты говоришь, что она сможет уйти — и Люсьен будет иметь право убить любого, с кем она пожелает быть.

Рис, наконец, отвернулся от зеркала, ее темная одежда безупречна — идеально сидит на нем. Сегодня без крыльев.

— Не право — не на моих землях. Делать это стало незаконным для мужчин на нашей территории уже давным-давно. Даже до того, как я родился. В других дворах, нет. На континенте есть территории, где верят, что женщина буквально *принадлежит* своему мейту. Но здесь нет. Элейн будет под нашей защитой, если она откажется от связи. Но это все еще будет связью, хотя и ослабевшей, которая будет преследовать ее до конца ее существования.

— Как думаешь, они с Люсьеном подходят друг другу?

Я вытащила пару босоножек, которые завязывались на моих голых бедрах, и просунула в них стопы, прежде чем начать возиться с завязками.

— Ты знаешь лучше меня. Но я скажу, что Люсьен преданный — довольно яростно.

— Как и Азриэль.

— Азриэль, — сказал Рис, — был поглощен мыслями об одной женщине последние пять веков.

— Разве для них не появится связь мейтов, если она существует?

Рис закрыл глаза.

— Думаю, это тот вопрос, которым задавался Азриэль каждый день с тех пор, как встретил Мор.

Он вздохнул, когда я закончила с одной ногой и начала со второй.

— Могу ли я попросить тебя *не* играть в сваху? Пусть они сами со всем разберутся.

Я встала, прижимая руки к бедрам.

— Я бы никогда не вмешалась в чужие дела!

Он лишь выгнул брови в молчаливом вызове. И я точно знала, о чем идет речь.

Мой желудок сжался, когда я села перед туалетным столиком и начала заплетать

волосы в корону. Возможно, я была трусихой, потому что не могла спросить это вслух, но сказала по связи, *Надругательство ли это — то, что я забралась в сознание Люсьена таким образом?*

Я не могу ответить на этот вопрос. Рис подошел и протянул мне шпильку.

Я вставила ее в участок косы. *Я должна была убедиться — что он не собирался схватить ее, чтобы продать нас.*

Он протянул мне еще одну. *И ты получила ответ?*

Мы работали в унисон, закалывая мои волосы. *Я так думаю. Дело не только в том, что он думал — там были... чувства. Я не чувствовала никаких злых намерений, никакого коварства. Лишь заботу о ней. И... печаль. Тоску.* Я покачала головой. *Должна ли я рассказать ему? Что я сделала?*

Рис заколол часть моих волос, до которой мне было трудно добраться. *Ты должна решить, стоит ли это успокоения твоей вины.*

Стоит ли это колеблющегося доверия Люсьену мне, этому месту. *Я пересекла границу.*

Но ты сделала это, чтобы обеспечить безопасность людей, которых любишь.

Я не понимала... Я замолчала, снова качая головой.

Он сжал мое плечо. *Не понимала что?*

Я пожалала плечами, оседая на мягком табурете. *Что это так сложно. Мое лицо нагрелось. Я знаю, что это звучит ужасно наивно —*

Это всегда сложно, и никогда не становится легче, не важно, как много веков я это делаю.

Я задвинула лишние шпильки в туалетный столик. *Это второй раз, как я проникаю в его сознание.*

Тогда скажи, что это был последний, и покончи с этим.

Я моргнула, поднимая голову. Я накрасила губы таким темным оттенком красного, что он были почти черными, и теперь они сжались в тонкую линию.

Он уточнил, *Что сделано, то сделано. Мучения из-за этого ничего не поменяют. Ты поняла, что это граница, которую ты не хочешь пересекать, так что ты не сделаешь такую ошибку снова.*

Я заерзала на своем табурете. *Ты бы так сделал?*

Рис задумался. *Да. И потом бы чувствовал такую же вину.*

Услышанное успокоило что-то во мне, глубоко внутри. Я кивнула, один раз, второй.

Если хочешь почувствовать себя немного лучше, добавил он, то технически Люсьен нарушил установленные нами правила. Так что ты имела полное право заглянуть в его разум, хотя бы для того, чтобы убедиться в безопасности своей сестры. Он первый пересек границу.

Это еще сильнее успокоило меня. *Ты прав.*

И это было решено.

Я смотрела на Риса в зеркало, когда темная корона появилась в его руках. Одна из вороньих перьев, которую я уже видела на нем — или его женский близнец. Тиара — которую он нежно, с благоговением, установил перед косой, которую мы прикололи к моей голове. Оригиналы короны... появился на голове Риса мгновением позже.

Вместе мы посмотрели на наше отражение. Лорд и Леди Ночь.

— Готова быть злой? — прошептал он мне на ухо.

Пальцы моих ног подогнулись от ласки в его голосе — и воспоминании о прошлом разе,

когда мы были во Дворе Кошмаров. Как я сидела у него на коленях — где блуждали его пальцы.

Я встала с табурета, полностью разворачиваясь к нему лицом. Его пальцы скользнули по моей голой коже вдоль ребер. Между моей грудью. По внешней стороне моих бедер. О, он тоже помнит.

— На этот раз, — выдохнула я, целуя завиток татуировки, выглядывающий из-за воротника его черного камзола, — я заставлю Кейра умолять.

ГЛАВА

25

Амрен не одела Нэсту в хитросплетенное платье из звездной пыли, в каких были мы с Мор. И она не одела Нэсту под свой стиль: в свободные штаны и короткую блузу. Она одела ее просто. Сурово.

Платье непроницаемого черного цвета тянулось по темному мраморному полу тронного зала Высеченного Города, его лиф и рукава плотно облегли, а вырез прикрывал основание ее бледной шеи. Волосы Нэсты были уложены в простом стиле, чтобы открыть ее лицо и свирепую чистоту ее глаз, когда она прошла через собравшуюся толпу, возвышающиеся резные столбы с вырезанными чешуйчатыми зверями на них, громадный помост и трон на его вершине... и не колебалась.

Напротив, Нэста лишь приподнимала подбородок с каждым шагом к этому помосту.

Один трон, поняла я — этот огромный трон из скрученных чешуйчатых зверей.

Рис тоже это понимал. Спланировал это.

Моя сестра и остальные остались у подножия помоста, занимая фланговые позиции у его основания. Ни страха, ни радости, ни света на их лицах. Азриэль, на стороне Мор, выглядел убийственно спокойным, когда рассматривал собравшихся. Когда он увидел Кейра, ожидающего рядом с золотоволосой женщиной, которая, должно быть, является матерью Мор, смотрящего на нас с насмешкой. *Ничего им не обещаю*, предупредила меня Мор.

Рис протянул мне руку, чтобы мы поднялись по ступеням. Я держала голову высоко, когда обхватила его пальцы и прошла несколько ступеней. Прямо к этому уединенному трону.

Рис только подмигнул, когда элегантно проводил меня до трона, движением таким же легким и плавным, как танец.

Толпа зашептала, когда я села, черный камень был холодным для моих голых бедер. Они прямо ахнули, когда Рис просто уселся на подлокотник трона, ухмыльнулся мне и сказал Двору Кошмаров:

— Поклонитесь.

Потому что они это не сделали. И со мной, сидящей на этом троне...

Их лица все еще были смесью шока и презрения, когда они все опустились на колени.

Я не смотрела на Нэсту, когда ей не оставалось ничего другого, как последовать их примеру.

Но я заставила себя посмотреть на Кейра, на женщину рядом с ним, на любого, кто

осмеливался встретиться со мной взглядом. Заставила себя вспомнить, что они все сделали с Мор, теперь склонившейся с ухмылкой на ее лице, когда она была еще ребенком. Некоторые придворные отводили глаза.

— Я истолкую отсутствие двух тронов как следствие того, что мы посетили вас так быстро, — сказал Рис с убийственным спокойствием. — И дам вам всем уйти, не содрвав вашу кожу с костей, как *мой* подарок в честь союза мейтов *вам*. Нашим верным подданным, — добавил он, слегка улыбаясь.

Я провела пальцем по чешуйчатой коже одного из зверей, из которых были сделаны подлокотники трона. Наш двор. Его часть.

И нам нужно, чтобы они сражались с нами. Чтобы они согласились на это — сегодня.

Губы, которые я нарисовала темной красной помадой, расплылись в ленивой улыбке. Навстречу помосту тянулись щупальца силы, но они не осмелились сделать первый шаг. Проверяют меня — на силы, которые у меня есть. Но не слишком близко, чтобы не оскорбить Рисанда.

Я позволила им приблизиться, принюхаться, пока говорила Рису и тронному залу:

— Конечно, любовь моя, они хотели бы сейчас встать.

Рис улыбнулся мне, потом толпе.

— Поднимитесь.

Они так и сделали. И несколько щупальцев силы осмелились подняться и сделать первый шаг.

Я внезапно атаковала.

Три задыхающихся звука пронеслись в шепчущейся толпе, когда я бросила когтистую магию на эти слишком любопытные силы. Вонзила когти глубоко и сильно. Кошка с птицей в лапах. Несколько из них.

— Хотите вернуть это обратно? — тихо спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

У подножия помоста Кейр хмуро посмотрел через плечо, серебряный обруч сверкал в его золотистых волосах. Кто-то скулил в конце комнаты.

— Разве вы не знаете, — промурлыкал Рис толпе, — что прикасаться к даме без ее разрешения невежливо?

В ответ я запустила свои когти глубже, магия тех, кто осмелился попытаться проверить меня, начала извиваться.

— Ведите себя хорошо, — пропела я толпе.

И отпустила.

Мое внимание привлекли три отдельных всплеска активности. Кто-то рассеялся, спасаясь бегством. Другой упал в обморок. И третий схватился за тех, кто стоял рядом, дрожа. Я запомнила их лица.

Амрен и Нэста подошли к основанию помоста. Моя сестра смотрела так, словно никогда не видела меня раньше. Я не осмелилась снять свою маску озадаченной холодности. Не осмелилась спросить, подняты ли щиты Нэсты — пробовал ли кто-то проверить и ее. Властное лицо Нэсты ничего не выражало.

Амрен склонил голову в нашу с Рисом сторону.

— С вашего позволения, Высший Лорд.

Рис махнул рукой.

— Иди. Развлекись.

Он дернул подбородком в сторону наблюдающей толпы.

— Еду и музыку. Сейчас же.

Ему повиновались. Мгновенно.

Моя сестра и Амрен исчезли, прежде чем толпа задвигалась, пробираясь сквозь высокие двери и темноту. Чтобы поиграть с некоторыми магическими предметами, содержащимися здесь — чтобы дать Нэсте попрактиковаться до того, как Амрен отыщет способ починить стену.

Несколько голов повернулись в их сторону — а затем быстро отвернулись, когда Амрен заметила их.

Показывая своего внутреннего монстра.

Мы все еще не рассказали ей о Костерезе — о посещении Тюрьмы. Что-то вроде вины появилось внутри меня. Хотя я полагаю, что должна привыкнуть к ней, когда Рис поманил пальцем Кейра и сказал:

— Комната для совещаний. Десять минут.

Кейр прищурился, услышав приказ, женщина рядом с ним все еще стояла с опущенной головой — всем видом изображая подчинение. Такой должна была стать Мор.

Моя подруга действительно смотрела на своих родителей с холодным безразличием. Азриэль был на шаг позади, следя за всем.

Я не позволила себе выглядеть слишком заинтересованной — слишком обеспокоенной — когда Рис предложил мне руку и мы поднялись с трона. И пошли обсуждать войну.

Комната для совещаний Высеченного Города была почти такой же огромной, как и тронный зал. Она была высечена в такой же темной скале, ее колонны были образованы такими же спутанными зверями.

Под высоким купольным потолком стоял громадный стол из черного стекла, который разбивал комнату на две части, как удар молнии, его углы были длинными и зубчатыми. Острыми, как бритва.

Рис занял место во главе стола. Я же заняла место на противоположном конце. Азриэль и Мор сели с одной стороны, а Кейр выбрал место на другой.

Рис откинулся на своем темном стуле, крутя в руках вино, которое секундой ранее ему налил слуга с каменным лицом. Сложно было заставить себя не поблагодарить мужчину, который наполнил мой кубок.

Но здесь я никого не благодарю.

Здесь я беру то, что принадлежит мне, и не выражаю ни благодарностей, ни извинений за это.

— Я знаю, почему вы здесь, — сказал Кейр без всяких предисловий.

— О?

Рис изогнул бровь.

Кейр рассмотрел нас, на его красивом лице появилось отвращение.

— Хайберн копошится. Твои легионы, — смешок в сторону Азриэля и иллирийцев, которых он представлял, — собираются.

Кейр сплел свои длинные пальцы и опустил их на темное стекло.

— Вы хотите попросить моих Несущих Тьму присоединиться к вашей армии.

Рис отпил вино.

— Ну, по крайней мере, ты избавил меня от хождений вокруг да около.

Кейр выдержал его взгляд, даже не моргнув.

— Признаюсь, что я... симпатизирую Хайберну.

Мор немного сдвинулась со своего места. Азриэль лишь уставился своим ледяным всевидящим взглядом на Кейра.

— Ты не единственный, — хладнокровно возразил Рис.

Кейр нахмурился, глядя на обсидиановую люстру, построенную на подобии венка цветущих в ночное время цветов, в центре каждого мерцающего серебряного фейского света.

— Слишком много общего между моими людьми и людьми Хайберна. Они, как и мы, оказались в ловушке.

— В последний раз, как я проверяла, — вмешалась Мор, — ты был волен делать все, что хочешь, на протяжении веков. Даже дольше.

Кейр лишь посмотрел на нее, пропуская вспышку гнева Азриэля.

— Оу, но разве мы здесь свободны? Даже не вся гора принадлежит нам — не тот дворец на ее вершине.

— Напоминаю, что *все* это принадлежит мне, — иронически заметил Рис.

— Этот склад ума позволяет мне счесть сдерживаемых людей Хайберна нашими... родственными душами.

— Если хочешь дворец наверху, Кейр, то он твой, — Рис скрестил ноги. — Я не знал, что ты хотел его так долго.

Ответная улыбка Кейра была почти коварной.

— Похоже, ты отчаянно нуждаешься в моей армии, Рисанд.

Опять этот полный ненависти взгляд на Азриэля.

— Разве летучие мыши-переростки больше не на должном уровне?

— Приходи к ним на тренировку, — тихо сказал Азриэль, — и узнай это сам.

За столетия своего жалкого существования Кейр, несомненно, овладел мастерством ухмылок.

И как он ухмыльнулся Азриэлю... зубы Мор блеснули в тусклом свете. Я сдержала себя, чтобы не сделать то же самое.

— Не сомневаюсь, — сказал Рис, изображая скуку, — что ты уже определился со своей ценой.

Кейр посмотрел через стол — на меня. Выглядя удовлетворенным, что я выдержала его взгляд.

— Так и есть.

Мое нутро сжалось от его слов, его взгляда.

Темная сила заполонила комнату для совещаний, заставляя ониксовую люстру звенеть.

— Выбирай осторожно, Кейр.

Кейр лишь улыбнулся мне, потом Рису. Мор оставалась совершенно неподвижной.

— Что ты дашь мне за шанс в этой войне, Рисанд? Ты был шлюхой Амаранты — но как насчет твоего мейта?

Он не забыл, как мы с ним обошлись. Как мы унизили его несколько месяцев назад.

И Рис... На его лице и в темноте, собравшейся около его стула, была лишь вечная неумолимая смерть.

— Сделка, которую заключили наши предки, дает тебе право выбрать, как и когда твоя армия поможет моей. Но она не гарантирует тебе право на сохранение жизни, Кейр, когда я от тебя устану.

Словно в ответ, невидимые когти со скрипом провели по стеклу, оставляя глубокие отметины на столе. Я вздрогнула. Кейр со страхом уставился на линии, которые теперь были в нескольких дюймах от него.

— Но думаю, что ты... решишь помочь мне, — продолжил Рис.

Я никогда не видела его таким спокойным. Не спокойным — но наполненным ледяной яростью.

Такой, какую я иногда видела в глазах Азриэля.

Рис щелкнул пальцами и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Приведите его.

Призрачный ветер открыл двери.

Я не знала, куда смотреть, когда вошел слуга в сопровождении высокой мужской фигуры.

На Мор, чье лицо побледнело от страха.

На Азриэля, который потянулся к своему кинжалу — Говорящему Правду — каждый его вдох настороженный, сосредоточенный, но не удивленный. Без намека на удивление.

Или на Эриса, наследника Осеннего Двора, когда он шагнул в комнату.

ГЛАВА

26

Так вот для кого было последнее пустое место.

И Рис...

Он оставался в своей небрежной позе, сидя на своем стуле, потягивая свое вино.

— С возвращением, Эрис, — протянул он. — Это уже сколько... пять веков прошло с твоего последнего посещения этого места?

Мор скользнула взглядом по Рису. Предательство — и боль. Это была боль, промелькнувшая в ее глазах.

Потому, что он не предупредил нас. Из-за этого... сюрприза.

Интересно, так ли хорошо я обуздала свои силы, как моя подруга, когда Эрис занял свободное место за столом, лишь слегка кивнув Кейру.

— Это действительно было давно.

Он исцелился с того дня на льду — даже следа не осталось от той раны, что нанес ему Кассиан. Его рыжие волосы были распущены, поверх его хорошо сшитого кобальтового жакета был шелк.

Что он здесь делает, пустила я по связи, не потрудившись скрыть чувства, бурлящие внутри меня.

Помогает убедиться, что Кейр согласится помочь, сказал Рис сжато. Сдержанно

Как будто он все еще держал всю мощь своего гнева под контролем.

Тени закружились вокруг плеч Азриэля, шепча ему на ухо, пока он смотрел на Эриса.

— Когда-то ты хотел завести связи с Осенним Двором, Кейр, — сказал Рис, опуская свой бокал с вином. — Ну, вот твой шанс. Эрис готов предложить тебе официальный союз — в обмен на твою помощь в этой войне.

Как, черт возьми, ты заставил его согласиться на это?

Рис не ответил.

Рисанд.

Кейр откинулся на спинку своего стула.

— Этого не достаточно.

Эрис фыркнул, наливая себе вино из графина, стоящего по центру стола.

— Я забыл, почему был так рад, когда наша сделка не состоялась в прошлый раз.

Рис стрельнул по нему предупреждающим взглядом. Эрис просто выпил вино залпом.

— Тогда что ты хочешь, Кейр? — промурлыкал Рис.

У меня возникло ощущение, что если Кейр снова выберет меня, то он окажется размазанным по стенке.

Но Кейр тоже должен это знать. И он просто сказал Рисанду:

— Я хочу выйти. Я хочу пространство. Я хочу, чтобы мои люди освободились от этой горы.

— У тебя есть все удобства, — наконец сказала я. — И все же этого не достаточно?

Кейр опять проигнорировал меня. Как, я уверена, он игнорирует большинство женщин в своей жизни.

— У тебя есть секреты, Высший Лорд, — сказал Кейр с полной ненависти улыбкой, переплетая руки и кладя их на стол.

Прямо над ближайшей царапиной.

— Мне всегда было интересно, куда вы все *уходите*, когда не находитесь здесь. Хайберн, наконец, ответил на этот вопрос — благодаря его нападению на... как его название? Веларис. Да. На Веларис. Город Звездного Света.

Мор застыла.

— Я хочу доступ к городу, — сказал Кейр. — Для себя и моего двора.

— Нет, — сказала Мор.

Слово эхом отразилось от столбов, стекла, скалы.

Я готова была с ней согласиться. Мысль обо всех этих людях и Кейре в Веларисе... Они испортят его своим присутствием, своей ненавистью и малодушием, своим презрением и жестокостью...

Рис не отказался. Не отверг предложение.

Ты же не серьезно.

Рис только смотрел на Кейра, когда ответил по связи, *Я ожидал этого — и я принял меры предосторожности.*

Я обдумала это. Встреча с управляющими Дворцов... Она была связана с этим?

Да.

Рис сказал Кейру:

— Будут условия.

Мор открыла рот, но Азриэль накрыл ее руку своей, покрытой шрамами.

Она отдернула руку, будто ее обожгли — обожгли так, как когда-то обожгли его.

Маска холодности Азриэля дрогнула от отказа. Однако Эрис тихо усмехнулся. Достаточно громко, чтобы ореховые глаза Азриэля пронзил гнев, когда он посмотрел на сына Высшего Лорда. Эрис лишь наклонил голову к Говорящему с тенями.

— Я хочу неограниченный доступ, — сказал Кейр Рису.

— Ты его не получишь, — сказал Рис. — Это будет ограниченное пребывание, ограниченное количество людей. И это будет решено позднее.

Мор посмотрела умоляющим взглядом на Риса. Ее город — место, которое она так любит —

Я почти услышала это. Треск, который, я знала, почти прозвучал среди нашего Внутреннего Круга.

Кейр, наконец, взглянул на Мор — отмечая ее отчаяние и гнев. И улыбнулся.

Он не хотел уходить отсюда.

Только хотел взять что-то, что, как он узнал, очень важно для его дочери.

Я бы с удовольствием вырвала ему глотку, когда он произнес:

— Отлично.

Рис лишь улыбнулся. Мор все смотрела и смотрела на него, от мольбы ее лицо сморщилось.

— Есть еще одна вещь, — добавила я, напрягая плечи. — Еще одна просьба.

Кейр соизволил заметить меня.

— О?

— Мне нужно зеркало Уроборос, — сказала я, вливая в свои вены лед. — Немедленно.

Удивление и интерес вспыхнули в карих глазах Кейра. Глазах Мор.

— Кто сказал тебе, что оно у меня есть? — тихо спросил он.

— Это имеет значение? Я хочу его.

— Ты вообще знаешь, что *такое* Уроборос?

— Следи за своим тоном, Кейр, — предупредил Рис.

Кейр наклонился вперед, упираясь предплечьями в стол.

— Зеркало... — он рассмеялся. — Считайте, что это мой подарок в честь связи мейтов.

И добавил сладким голоском:

— Если сможете взять его.

Не угроза, но...

— Что ты имеешь в виду?

Кейр поднялся на ноги, ухмыляясь, словно кот с канарейкой во рту.

— Чтобы взять Уроборос, предъявить на него права, сначала вам нужно посмотреть в него.

Он направился к дверям, не ожидая, пока его отпустят.

— И каждый, кто пытался это сделать, либо сошел с ума, либо был сломан без возможности исцелиться. Даже Высший Лорд или два, если верить легенде, — он пожал плечами. — Так что оно твое, если ты осмелишься посмотреть в него.

Кейр остановился у порога, когда двери открылись призрачным ветром. Он сказал Рису, пожалуй, своего рода спрашивая разрешения уйти:

— У лорда Танатоса... опять проблемы с его дочерью. Он просит моей помощи.

Рис лишь махнул рукой, как будто только что не отдал наш город этому мужчине. Кейр указал подбородком на Эриса.

— Я хочу поговорить с тобой — скоро.

Он будет злорадствовать из-за своей сегодняшней победы. Из-за того, что мы дали.

И потеряли.

Если нельзя получить Уроборос, по крайней мере без такого риска... Я отогнала от себя эту мысль, чтобы подумать об этом позже, когда ушел Кейр. Оставляя нас одних с Эрисом.

Наследник Осеннего Двора просто потягивал свое вино.

И у меня было ужасное чувство, что Мор ушла куда-то далеко, пока Эрис не поставил свой бокал и не сказал:

— Хорошо выглядишь, Мор.

— Не говори с ней, — тихо сказал Азриэль.

Эрис едко улыбнулся.

— Похоже, ты все еще обижаешься.

— Это соглашение, Эрис, — сказал Рис, — действует до тех пор, пока ты держишь рот на замке.

Эрис рассмеялся.

— Разве я не великолепно справился? Даже мой отец не подозревает, где я сегодня нахожусь.

Я посмотрела на него и своего мейта.

— Как это произошло?

Эрис посмотрел на меня. На корону и платье.

— Вы не подумали, что я знаю, что ваш говорящий с тенями придет разузнать, рассказал ли я отцу о твоих... силах? Особенно после того, как мои братья загадочным образом *забыли* о них. Я знал, что это лишь вопрос времени, пока кто-то из вас придет, чтобы позаботиться и о моих воспоминаниях, — Эрис постучал длинным пальцем по своей голове. — Слишком плохо для вас, что я кое-что узнал о даэмати. Слишком плохо для моих братьев, что я никогда не рассказывал им об этом.

Моя грудь сжалась. *Рис.*

Чтобы защитить меня от гнева Берона, чтобы не разрушить возможное сотрудничество с Высшими Лордами... *Рис.*

Было сложно сдержаться, чтобы мои глаза не загорелись.

Единственным ответом по связи была нежная ласка.

— Конечно, я не сказал своему отцу, — продолжил Эрис, снова потягивая свое вино. — Зачем тратить такую ценную информацию на этого ублюдка? Его ответом будет приказ выследить тебя и убить — не понимая, в каком дерьме мы из-за Хайберна, и что ты можешь быть ключом к прекращению этого.

— Значит, он планирует присоединиться к нам, — сказал Рис.

— Нет, если он узнает о вашем маленьком секрете, — ухмыльнулся Эрис.

Мор моргнула, будто понимая, что связь Риса и Эриса, его присутствие здесь... Взгляд, которым она посмотрела на меня, ясный и спокойный, сказал мне достаточно. В нем все еще были боль и гнев, но и понимание тоже.

— Так какая цена, Эрис? — спросила Мор, прислоняя голые руки к темному стеклу. — Еще одна маленькая невеста, которую ты сможешь мучить?

Что-то мелькнуло в глазах Эриса.

— Я не знаю, кто наговорил тебе такую ложь, Морриган, — сказал он с жестким спокойствием. — Скорее всего, ублюдки, которыми ты себя окружила.

Он улыбнулся Азриэлю.

Мор зарычала, грохоча стеклом.

— Ты ни разу не доказал обратное. И уж точно не тогда, когда ты оставил меня в том лесу.

— В этом были замешаны силы, о которых ты не подозревала, — холодно сказал Эрис.

— И я не собираюсь напрягаться, объясняя это тебе. Можешь думать обо мне все, что вздумается.

— Ты охотился на меня, словно на какое-то животное, — вмешалась я. — Думаю, мы предпочтем думать худшее.

Бледное лицо Эриса покраснело.

— Мне дали приказ. И послали сделать это с двумя моими... братьями.

— А как насчет того брата, которого ты преследовал вместе со мной? Тот, чью возлюбленную ты помог казнить у него на глазах?

Эрис положил руку на стол.

— Ты *ничего* не знаешь о том, что случилось в тот день. *Ничего*.

Тишина.

— Просвети меня, — сказала я.

Эрис уставился на меня. Я тоже уставилась на него.

— Как, по-твоему, он добрался до границы с Весенним Двором, — тихо сказал он. — Меня не было там — они сделали это. Спроси его. Я отказался. Это был первый и единственный раз, когда я не подчинился отцу. Он наказал меня. И к тому времени, как я освободился... Они хотели и его убить. Я убедился, что они это не сделают. Убедился, что Тамлин получил весть — анонимно — чтобы он примчался к своей границе.

Где два брата Люсьена были убиты. Люсьеном и Тамлином.

Эрис теребил нитку, торчавшую из его жакета.

— Не всем так повезло с семьей и друзьями, как тебе, Рисанд.

Лицо Риса выражало скуку.

— Похоже на то.

Это совершенно не стирало то, что он сделал, но...

— Какова цена, — повторила я.

— То же самое я сказал вчера Азриэлю, когда нашел его шпионящим в лесу моего отца.

Боль мелькнула в глазах Мор, когда она повернулась к Говорящему с тенями. Но Азриэль лишь посмотрел на нее и объявил:

— Когда придет время... мы поддержим Эриса как наследника престола.

Даже когда Азриэль говорил, его лицо потускнело от ледяной ярости. И Эрис был достаточно умен, чтобы, наконец, побледнеть. Возможно поэтому Эрис никому не рассказал о моих силах. Не только из-за этой сделки, но чтобы избежать гнева говорящего с тенями. Клинка, висящего у него на боку.

— Просьба все еще в силе, — сказал Эрис, овладевая собой, — чтобы просто убить моего отца и покончить с этим. Я могу прямо сейчас выделить вам войска.

О Мать. Он даже не пытался скрыть это — изобразить раскаяние. У меня чуть челюсть не отвисла от его намерений, обыденности, с которой он говорил.

— Соблазнительно, но слишком грязно, — ответил Рис. — Берон встал на нашу сторону в Войне. Надеюсь, в этот раз он снова так сделает, — подчеркнутый взгляд на Эриса.

— Он так и сделает, — пообещал Эрис, проводя пальцем по одной из царапин на столе.

— И он останется в блаженном неведении относительно... способностей Фейры.

Трон — в обмен на его молчание. И власть.

— Не обещай Кейру то, что тебе безразлично, — сказал Рис, взмахом руки отпуская его.

Эрис поднялся на ноги.

— Посмотрим.

Хмуρο глядя на Мор, он выпил свое вино и поставил бокал.

— Я удивлен, что ты все еще не можешь контролировать себя рядом с ним. На твоём прекрасном лице написаны все эмоции.

— Осторожно, — предупредил Азриэль.

Эрис посмотрел на него и Мор, слегка улыбнувшись. Незаметно для других. Словно он знал что-то, о чем не знал Азриэль.

— Я бы не тронул тебя, — сказал он Мор, которая снова побледнела. — Но когда ты трахалась с тем ублюдком —

Рис зарычал. И я тоже.

— Я знал, почему ты сделала это.

Опять та загадочная улыбка, от которой Мор сжалась. *Сжалась.*

— Так что я дал тебе твою свободу, в любом случае отменяя помолвку.

— *И что случилось дальше,* — прорычал Азриэль.

Тень пересекла лицо Эриса.

— Я сожалею лишь о нескольких вещах. И это — одна из них. Но... возможно, однажды, особенно когда мы стали союзниками, я скажу тебе, почему. Чего это мне стоило.

— Мне плевать, — тихо сказала Мор.

Она указала на дверь.

— Убирайся.

Эрис насмешливо поклонился ей. Всем нам.

— Увидимся на встрече через двенадцать дней.

ГЛАВА

27

Нэста и Амрен ждали нас снаружи тронного зала, обе выглядели раздраженными и уставшими.

Ну, мы все шестеро были такими.

Я не сомневаюсь в заявлении Кейра о зеркале — и риске взгляда на него... Никто из нас не может себе это позволить. Быть сломленным. Обезуметь. Никто из нас — не сейчас. Возможно, Костерез знал об этом. Дал мне дурацкое поручение, чтобы развлечь себя.

Мы не удосужились попрощаться с перешептывающимся двором и рассеялись в городской дом. В Веларис — в мир и красоту, ставшими теперь такими хрупкими.

В какой-то момент Кассиан спустился с крыши и присоединился к Люсьену в гостиной, и книги были разметаны по низкому столику, стоящему между ними. Оба поднялись на ноги, увидев выражения наших лиц.

Кассиан был на полпути к Мор, когда она повернулась к Рисанду и сказала:

— *Почему?*

Ее голос дрогнул.

И в моей груди что-то сломалось, когда по ее лицу потекли слезы.

Рис просто стоял и смотрел на нее. С нечитаемым выражением лица.

Наблюдая, как она ударила руками по его груди и закричала:

— Почему?

Он отступил на шаг.

— Эрис нашел Азриэля — наши руки были связаны. Я сделал все возможное, — он сглотнул. — Прости.

Кассиан смотрел на них, застыв на середине комнаты. И я полагаю, Рис мысленно рассказывал ему все, как и Амрен, и, возможно, даже Люсьену и Нэсте, судя по их удивленному морганию.

Мор повернулась к Азриэлю.

— Почему ты мне ничего не сказал?

Азриэль неуверенно взглянул на нее. Его крылья зашелестели.

— Потому что ты попыталась бы остановить его. И нам нужен был союз с Кейром — мы не могли позволить себе угрозу в лице Эриса.

— Вы работаете с этим ничтожеством, — вмешался Кассиан в то, что сейчас набирало обороты.

Он подошел к Мор, положив руку на ее спину. Он покачал головой, глядя на Азриэля и Риса, скривив губы в отвращении.

— Вам нужно было повесить гребаную голову Эриса на ворота.

Азриэль лишь смотрел на них с холодным безразличием. Но Люсьен скрестил руки, прислоняясь к спинке дивана.

— Я соглашусь с Кассианом. Эрис — змея.

Возможно, Рис не все ему рассказал. О том, что Эрис утверждал, что спасал своего младшего брата так, как мог. О его неповиновении.

— Все в твоей семье — подлецы, — сказала Амрен Люсьену из-под арки, где они с Нэстой остановились. — Но Эрис может оказаться лучшей альтернативой. Если он сможет найти способ убить Берона и убедиться, что сила перейдет к нему.

— Я уверен, что он сможет это сделать, — сказал Люсьен.

Но Мор все еще смотрела на Риса, по ее покрасневшим щекам тихо текли слезы.

— Дело не в Эрисе, — сказала она дрожащим голосом. — Дело *в этом месте*, — она махнула рукой на городской дом, на город. — Это мой дом, и ты позволяешь Кейру уничтожить его.

— Я принял меры предосторожности, — сказал Рис — его голос был таким, какого я не слышала уже долгое время. — Много. Начиная с встречи с правителями Дворцов, когда я заставил их согласиться никогда не обслуживать, не давать пристанище, не развлекать Кейра и любого из Двора Кошмаров.

Мор моргнула. Рука Кассиана поднялась до ее плеча и сжала его.

— Они разослали эту новость всем владельцем бизнеса в городе, — продолжил Рис, — всем ресторанам, магазинам и остальным заведениям. Так что Кейр и его люди могут прийти сюда... Но им здесь будут не рады. Они даже не смогут приобрести жилье.

Мор покачала головой, шепча:

— Он все равно уничтожит его.

Кассиан обнял ее за плечи, его лицо стало таким жестким, каким я его еще не видела, пока он изучал Риса. Потом Азриэля.

— Вам следовало предупредить нас.

— Следовало, — сказал Рис, хотя он и не жалел об этом.

Азриэль лишь оставался на шаг позади, его крылья были сжаты, а Сифоны мерцали. Наконец я вмешалась.

— Мы установим ограничения — о том, когда и как часто они будут приходить сюда.

Мор покачала головой, все еще глядя лишь на Риса.

— Если бы Амаранта была жива... — слово скользнуло по комнате, затемнило углы. — Если бы она была жива, и я предложила *работать* с ней — даже если бы это спасло всех нас — как бы ты себя чувствовал?

Никогда они не были так близки к тому, чтобы обсудить, что с ним произошло.

Я подошла к Рису, глядя его пальцы своими. Он обхватил мою ладонь.

— Если бы Амаранта предложила нам хоть малейший шанс на выживание, — сказал Рис с невозмутимым видом, — то мне было бы *все равно*, что она заставляла меня трахать ее все эти годы.

Кассиан вздрогнул. Вся *комната* вздрогнула.

— Если бы Амаранта прямо сейчас появилась у этой двери, — прорычал Рис, указывая на вход в фойе, — и сказала, что может дать нам шанс победить Хайберн, чтобы все вы были живы, *я бы поблагодарил гребаный Котел*.

Мор тряхнула головой, слезы снова потекли по ее щекам.

— Ты ведь не всерьез.

— Всерьез.

Рис.

Но связь, мост между нами... там была лишь завывающая пустота. Свирепствующая темная буря.

Слишком далеко — это зашло слишком далеко для их обоих. Я попыталась поймать взгляд Кассиана, но он внимательно следил за ними, его золотисто-коричневая кожа была неестественно бледной. Тени Азриэля сгустились, наполовину скрывая его от взглядов. И Амрен —

Амрен встала между Рисом и Мор. Они оба были выше ее.

— Я не давала этой группе распасться в течение сорока девяти лет, — сказала Амрен, и ее глаза вспыхнули, словно молния. — Я не позволю тебе разорвать все на кусочки сейчас, — она повернулась к Мор. — Сотрудничество с Кейром и Эрисом не прощает их. И когда война закончится, я буду охотиться на них и убью их вместе с тобой, если это то, что ты хочешь.

Мор ничего не сказала — хотя она наконец отвернулась от Риса.

— Мой отец отравит этот город.

— Я не дам ему сделать это, — сказала Амрен.

Я поверила ей.

И, думаю, Мор тоже, даже слезы, все еще стекающие по ее лицу... казалось, они как-то изменились.

Амрен повернулась к Рису, чье лицо сейчас было опустошенным.

Я сплела наши руки. *Я вижу тебя*, сказала я, говоря ему слова, которые я когда-то давно прошептала ему. *И это меня не пугает*.

Амрен сказала ему:

— Ты тщедушный ублюдок. Ты им всегда был, и всегда будешь. Но это не прощает тебя, мальчик, за то, что ты не предупредил нас. Не предупредил ее, что в этом задействованы те два монстра. Да, ты сделал правильный выбор — хорошо его обыграл. Но в то же время ты

обыграл его плохо.

Его глаза затуманились от чего-то, похожего на позор.

— Мне жаль.

Слова для Мор и Амрен.

Темные волосы Амрен покачивались, пока она приглядывалась к ним. Мор, наконец, покачала головой — больше признание, чем отрицание.

Я сглотнула и грубым голосом сказала:

— Это война. У нас мало союзников и они уже не доверяют нам.

Я встретила взглядом с каждым из них — со своей сестрой, Люсьеном, Мор, Азриэлем и Кассианом. Потом с Амрен. Потом со своим мейтом. Я сжала его руку, потому что вина сейчас глубоко вонзила свои когти в него.

— Вы все были на войне и вернулись с нее — в то время как я даже не была на поле битвы. Но... я знаю, что мы долго не продержимся, если... расколемся на кусочки. Изнутри.

Спокойные, почти бессвязные слова, но, наконец, Азриэль сказал:

— Она права.

Мор только посмотрела в его сторону. Могла бы поклясться, что вина омрачила глаза Азриэля, но он моргнул, и все пропало.

Амрен шагнула к Нэсте, когда Кассиан спросил меня:

— А что с зеркалом?

Я покачала головой.

— Кейр сказал, что оно мое, если я осмелюсь взять его. Видимо то, что ты видишь в нем, разрушает тебя — или сводит с ума. Никто никогда не смог исцелиться после него.

Кассиан выругался.

— Именно, — сказала я.

Это был риск, с которым, возможно, ни один из нас не был готов столкнуться. Не тогда, когда мы все нужны — каждый из нас.

Мор добавила, немного хрипло, расправляя черные складки на своем платье из тонкой материи:

— Мой отец сказал о нем правду. Я выросла на легендах об этом зеркале. Ни одна не была приятной. И не заканчивалась хорошо.

Кассиан нахмурился, глядя на Риса.

— И что —

— Вы говорите об Уроборосе, — сказала Амрен.

Я моргнула. *Дерьмо. Дерьмо* —

— Зачем вам это зеркало? — ее голос понизился.

Рис засунул руки в карманы.

— Если сегодня вечер правды... Потому что его попросил Костерез.

Ноздри Амрен раздулись.

— Вы ходили в Тюрьму.

— Твой старый друг передавал привет, — протянул Кассиан, прислонившись плечом к арке гостиной.

Лицо Амрен сжалось, а Нэста внимательно на них посмотрела. Изучая нас. Особенно когда серебряные глаза Амрен затуманились.

— Почему вы ходили.

Я открыла рот, но золото глаза Люсьена привлекло мое внимание. Завладело им.

Мое колебание, должно быть, было достаточным показателем моей осторожности.

Челюсть сжалась, и, с намеком на разочарование, Люсьен извинился и ушел в свою комнату.

Разочарование — и, возможно, досада. Я отбросила эти мысли — и то, что они со мной делали.

— У нас были вопросы к Костерезу.

Кассиан улыбнулся Амрен, когда Люсьен исчез.

— И к тебе тоже есть парочка.

Дымящиеся глаза Амрен вспыхнули.

— Вы собираетесь освободить Костереза.

Я просто сказала:

— Да.

Армия, состоящая из одного монстра.

— Это невозможно.

— Напомню, что *ты*, милая Амрен, сбежала, — возразил Рис. — И все еще свободна. Значит, это возможно. Возможно, тебе стоит рассказать нам, как ты сделала это.

Я поняла, что Кассиан подошел ближе к двери, чтобы быть ближе к Нэсте. Чтобы схватить ее, если Амрен решит, что ее не интересует, к чему идет этот разговор. Что ее не беспокоит мебель этой комнаты.

Возможно, поэтому Рис теперь был по другую сторону Амрен — чтобы отвлечь ее внимание от меня, а Мор позади нас, напряженная всем своим гибким телом.

Кассиан уставился на Нэсту — достаточно сильно, чтобы моя сестра, наконец, повернулась к нему. Встретила его взгляд. Его голова слегка наклонилась. Тихий приказ.

Нэста, к моему удивлению, подчинилась. Подошла к Кассиану, когда Амрен ответила Рису:

— Нет.

— Это не было просьбой, — сказал Рис.

Когда-то он признался, что даже просто спрашивать ее о чем-то она позволила ему лишь в последние годы. Но приказывая ей, давя на нее таким образом...

— Фейра и Кассиан говорили с Костерезом. Он хочет Уроборос в обмен на службу нам — на сражение с Хайберном на нашей стороне. Но нам нужно, чтобы ты объяснила, как вытащить его.

Сделки с Рисом или мной должно хватить, чтобы он нам подчинялся.

— Что-нибудь еще? — ее голос был слишком спокойным, слишком нежным.

— Когда мы покончим со всем этим, — сказал Рис, — то мое обещание все еще в силе: если хочешь, можешь использовать Книгу, чтобы вернуться домой.

Амрен уставилась на него. Было так тихо, что было слышно тиканье часов на каминной полке. И кроме этого — фонтан в саду —

— Отзови своего пса, — сказала Амрен убийственным тоном.

Потому что тень в углу за Амрен... это был Азриэль. В его руке со шрамами была обсидиановая рукоятка Говорящего Правду. Я не осознавала, что он двигался — хотя не сомневаюсь, что другие, скорее всего, знали это.

Амрен оскалилась. Красивое лицо Азриэля всего лишь дернулось.

Рис оставался на своем месте, когда спросил Амрен:

— Почему ты не хочешь нам рассказывать?

Кассиан обыденным движением поставил Нэсту за собой, его пальцы зацепились за юбки ее черного платья. Как будто он хотел успокоить себя, что она не стоит на пути Амрен. Нэста только поднялась на носочки, чтобы рассмотреть происходящее из-за его плеча.

— Потому что у камня под этим домом есть уши, у ветра есть уши — все они слушают, — сказала Амрен. — И если они расскажут... Они помнят, Рисанд, что они не поймали меня. И я не позволю им снова посадить меня в эту черную яму.

Мои уши дернулись, когда я установила щит.

— Никто за пределами этой комнаты не услышит.

Амрен посмотрела на книги, забытые на низком столике в гостиной.

Она нахмурилась.

— Я должна была что-то отдать. Я должна была отдать *себя*. Чтобы выйти, мне пришлось стать чем-то совершенно другим, чем-то, что не узнала бы Тюрьма. Так что я — я привязала себя к этому телу.

Я никогда не слышала, чтобы она запинаясь раньше.

— Ты говорила, что кто-то другой привязал тебя, — осторожно спросил Рис.

— Я соврала — чтобы покрыть то, что я сделала. Чтобы никто не знал. Чтобы избежать Тюрьмы, я сделала себя смертной. Бессмертной, как вы, но... смертной по сравнению с тем, кем я была. И кем я была... Я не чувствовала, не так, как вы. Не так, как я сейчас чувствую. Некоторые вещи — верность, гнев и любопытство — но не весь спектр, — опять этот взгляд вдаль. — Я была совершенной, по словам некоторых. Я не сожалела, не горевала — и боль... Я не испытывала ее. И все же... все же я оказалась *здесь*, потому что я не совсем похожа на других. Даже раньше, когда я была тем, кем была, я была другой. Слишком любопытной. Задавала слишком много вопросов. В тот день, когда в небе появился разрыв... это вызвало во мне любопытство. Мои братья и сестры сбежали. По приказу нашего правителя, мы опустошили города-близнецы, сравнивали их с землей, и все же они *убежали* от этого разрыва. Но я хотела посмотреть. *Я хотела*. Я не была рождена или воспитана, чтобы чувствовать такие эгоистичные вещи, как *желание*. Я видела, что случалось с моими родичами, которые заблуждались, которые научились ставить свои нужды превыше всего. Которые научились... чувствовать. Но я прошла сквозь ту слезу в небе. И вот я здесь.

— И ты отдала это все, чтобы выбраться из Тюрьмы? — тихо спросила Мор.

— Я отдала свое могущество — мое совершенное бессмертие. Я знала, что однажды я... почувствую боль. И сожаление. Я бы захотела, и я бы сгорела от этого. Я бы... упала. Но я была — там было заперто время... Мне было все равно. Я не чувствовала ветра на лице, не вдыхала запаха дождя... Я даже не помнила, каковы они. Я не помнила солнечного света.

Это привлекло внимание Азриэля — темнота говорящего с тенями отделилась, чтобы открыть глаза, полные понимания. *Заперто*.

— Так что я привязала себя к этому телу. Я запихнула глубоко в себя свое горящее могущество. Я отказалась от всего, чем была. Дверь камеры просто... открылась. И я вышла.

Горящее могущество... Оно все еще тлело в ней глубоко внутри нее, видимое только через дымку ее серых глаз.

— Это будет ценой освобождения Костереза, — сказала Амрен. — Вам придется привязать его к телу. Сделать его... Фэ. И я сомневаюсь, что он согласится на это. Особенно без Уробороса.

Мы молчали.

— Вам нужно было спросить меня, прежде чем идти, — сказала она, и в ее тоне опять

появилась резкость. — Я бы избавила вас от этой встречи.

Рисанд сглотнул.

— Ты можешь — освободиться?

— Не сама.

— Что случится, если это произойдет?

Амрен долго смотрела на него. Потом на меня. На Кассиана. Азриэля. Мор. Нэста. Потом, наконец, опять на моего мейта.

— Я не буду помнить вас. Вы все будете мне безразличны. Я либо убью вас, либо уйду. Что я чувствую сейчас... это будет незнакомо мне — чувства не будут влиять на меня. Все, чем я являюсь, это тело... я перестану этим быть.

— Что ты *такое*, — выдохнула Нэста, обходя Кассиана и становясь рядом с ним.

Амрен игралась с одной из своих серёг — черных жемчужин.

— Посыльный — и солдат-убийца. Для гневающегося бога, который управлял молодым миром.

Я могла почувствовать вопросы, появившиеся у остальных. Глаза Риса почти светились от них.

— Было ли Амрен твоим именем? — спросила Нэста.

— Нет, — дым закружился в ее глазах. — Я не помню имя, которое мне дали. Я использую Амрен, потому что... это долгая история.

Я почти умоляла ее рассказать эту историю, но прозвучали мягкие шаги, и потом —

— О.

Элейн вздрогнула — и я поняла, что она не слышит нас. Даже не подозревала, что мы здесь, благодаря щиту, не пропускающему ни одного звука.

Он мгновенно опустился. Но моя сестра осталась у лестницы. Она накинула поверх своей ночной рубашки шелковую шаль бледно-голубого цвета, ее пальцы сжали ткань, когда она взяла себя в руки.

Я немедленно подошла к ней.

— Тебе что-то нужно?

— Нет. Я... Я спала, но я слышала...

Она покачала головой. Посмотрела на наши официальные наряды, на темную корону на моей голове — и голове Рисанда.

— Я не слышала вас.

Азриэль шагнул вперед.

— Но ты слышала что-то другое.

Элейн, казалось, готова была кивнуть, то отступила на шаг.

— Думаю, это мне приснилось, — прошептала она. — Думаю, что все эти дни мне приснились.

— Позволь мне дать тебе горячее молоко, — сказала я, взяв ее за локоть, чтобы отвести ее в гостиную.

Но Элейн стряхнула мою руку, направляясь к лестнице. Когда она сделала пару шагов, то сказала:

— Я могу слышать ее — как она плачет.

Я обхватила перила.

— Кто?

— Все думают, что она мертва, — Элейн продолжала идти. — Но это не так. Она лишь

стала другой. Изменилась. Как и я.

— Кто, — надавила я.

Но Элейн все поднималась, и платок соскользнул с ее спины. Нэста подкралась ко мне. Мы обе втянули воздух, чтобы сказать что-то, я даже не знаю, что, но —

— Что ты видела, — сказал Азриэль, и я постаралась не вздрогнуть, когда он оказался сбоку от меня, хотя я не видела, как он двигался. Снова.

Элейн остановилась на середине лестницы. Медленно, она развернулась к нему.

— Я видела молодые руки, иссохшие от старости. Я видела коробку из черного камня. Я видела огненное перо, которое приземлилось на снег и растопило его.

Меня чуть не вывернуло. Один взгляд на Нэсту подтвердил, что она тоже почувствовала это. Увидела это.

Безумие. Элейн вполне могла сойти с ума —

— Оно рассердилось, — тихо сказала Элейн. — Оно очень сильно рассердилось, что у него что-то забрали. Так что оно заберет что-то у них в наказание.

Мы ничего не сказали. Я не знала, *что* сказать — о чем спросить. Если Котел и с *ней* что-то сделал...

Я столкнулась с Азриэлем, выставив между нами руку.

— Что это *значит*?

В светло-коричневых глазах Азриэля что-то появилось, когда он изучал мою сестру и ее слишком худое тело. И, не сказав ни слова, он рассеялся. Мор еще долго после его ухода смотрела на место, где он стоял.

Я подождала, пока все не уйдут — Кассиан и Рис ускользнули, чтобы обдумать возможности и недостатки наших потенциальных союзников, Амрен разбушевалась, чтобы избавиться от нас, и Мор ушла, чтобы насладиться, как она думала, последними мирными днями города, ее голос все еще был хрупким — прежде чем я затащила Нэсту в гостиную.

— Что случилось в Высеченном городе с тобой и Амрен? Вы не рассказали.

— Все было хорошо.

Я сжала губы.

— Что случилось?

— Она привела меня в комнату, наполненную сокровищами. Странными предметами. И они... — она потянула за облегающий рукав своего платья. — Некоторые из них хотели *причинить* нам *боль*. Как если бы они были живыми — имели сознание. Как... как во всех тех историях и лжи, которые нам скармливали за стеной.

— С тобой все в порядке?

Я не нашла никаких признаков повреждений на их обоих, и ни одна из них ничего не сказала —

— Это была тренировка. С формой магии, предназначенной для отпугивания злоумышленников, — она будто отвечала урок. — Как это будет со стеной. Она хотела, чтобы я разрушила их защиту — нашла слабые места.

— И исправила их?

— Просто нашла слабые места. Починка — другое дело, — сказала Нэста, ее глаза смотрели вдаль, когда она нахмурилась, глядя на все еще открытые книги на низком столике

перед камином.

Я вздохнула.

— Ну... хоть это прошло хорошо.

Ее взгляд снова заострился.

— У меня не получилось. Ни разу. Так что нет. Это не прошло хорошо.

Я не знала, что сказать. Сочувствие, вероятно, не дало мне промолчать. Так что я решила пойти другой дорогой.

— Нам нужно что-то делать с Элейн.

Нэста застыла.

— И какой выход ты видишь? Позволить твоему мейту забраться в ее разум, чтобы изменить существующее положение вещей?

— Я никогда этого не сделаю. Не думаю, что Рис вообще может... исправлять такие вещи.

Нэста шагнула к темному камину.

— У всего есть цена. Может, ценой ее молодости и бессмертия стала частичная потеря рассудка.

У меня подогнулись колени, и я села на мягкий диван.

— Какова была твоя цена?

Нэста остановилась.

— Возможно, видеть страдания Элейн — в то время, как я сама цела и невредима.

Я поднялась на ноги.

— Нэста —

— Не беспокойся.

Но я догнала ее, когда она уже шагала по лестнице. По ней спускался Люсьен — и вздрогнул при виде Нэсты.

Он отошел, чтобы она смогла пройти, и она пронеслась мимо его. От взгляда на его напряженное лицо я замерла — и вернулась в гостиную.

Я плюхнулась в ближайшее кресло, с удивлением обнаруживая, что на мне все еще мое черное платье, когда ткань оцарапала мою голую кожу. Как давно мы вернулись из Высеченного Города? Полчаса назад? Меньше? Разве я ходила в Тюрьму этим утром?

Было похоже, что прошли дни. Я опустила голову на расшитую спинку кресла и наблюдала, как Люсьен сел на подлокотник ближайшего дивана.

— Долгий день?

Я заворчала в ответ.

Его металлический глаз сощурился.

— Я думал, что Тюрьма — еще один миф.

— Ну, это не так.

Он взвесил тон, с которым я это произнесла, и скрестил руки.

— Позволь мне что-нибудь сделать. С Элейн. Я слышал — из своей комнаты. Было бы неплохо показать ее лекарю. Чтобы он обследовал ее снаружи и внутри.

Я так устала, что едва смогла сказать:

— Ты думаешь, что из-за Котла она сошла с ума?

— Я думаю, что она прошла через что-то ужасное, — осторожно возразил Люсьен. — И не помешает, чтобы ваш лучший целитель осмотрел ее.

Я потеряла лицо рукой.

— Хорошо, — я запнулась.

— Завтра с утра.

Мне удалось слегка кивнуть и, собравшись с силами, встать с кресла. Тяжесть — во мне была прежняя тяжесть. Будто я могу проспять сотни лет, и этого будет недостаточно.

— Пожалуйста, расскажи мне, — сказал Люсьен, когда я переступила порог фойе. — Что скажет целитель. И если — если тебе что-то от меня нужно будет.

Слова покинули меня, и я в последний раз кивнула ему.

Я знала, что Нэста не спит, когда проходила мимо ее комнаты. Знала, что она слышала весь наш разговор благодарю слуху Фэ. И знала, что она слышит, как я остановилась у комнаты Элейн, разок постучала и толкнула дверь головой, чтобы увидеть, как она спит — дышит.

Я послала Мадж, целительнице, которую обычно предпочитал Рисанд, просьбу прийти на следующий день к одиннадцати часам. Я не объяснила, зачем или к кому. Затем пошла в свою спальню, заползла на матрас и заплакала.

Я даже не знала, почему.

Сильные широкие руки прошли по моей спине, и я открыла глаза и увидела, что комната совершенно черная, а Рисанд сидит на матрасе рядом со мной.

— Хочешь что-нибудь поесть? — его голос был мягким, осторожным.

Я не подняла голову с подушки.

— Я снова чувствую... тяжесть, — выдохнула я разбитым голосом.

Риса ничего не сказал и обнял меня. Он все еще был в своем камзоле, будто только что пришел оттуда, где разговаривал с Кассианом.

В темноте я вдохнула его запах, наслаждаясь его теплотой.

— Ты в порядке?

Рис долго молчал.

— Нет.

Я обняла его, сильно прижимая к себе.

— Я должен был найти другой выход, — сказал он.

Я провела пальцами по его шелковистым волосам.

Рис прошептал:

— Если бы она... — он громко сглотнул. — Если бы появилась у этого дома... — я знала, о ком он говорит. — Я бы убил ее. Даже не выслушав ее. Я бы убил ее.

— Я знаю, — я бы тоже так сделала.

— Ты спросила меня в библиотеке, — прошептал он. — Почему я... Почему я все тяжести стараюсь взять на себя. Из-за сегодняшнего вечера. Из-за вида *плачущей Мор*. Я сделал плохой выбор. Пытался найти какой-то другой выход из того дерьма, в котором мы сейчас.

И при этом потерял что-то — *Мор* потеряла что-то.

Мы сидели, обнявшись, в тишине в течение нескольких минут.

Часов. Две души, обвившиеся в темноте. Я опустила свои щиты, полностью впуская его. Его сознание обвило мое.

— Ты рискнешь взглянуть в него — в Уроборос? — спросила я.

— Пока еще нет, — сказал Рис, сжимая меня сильнее. — Еще нет.

На следующее утро я еле вылезла с постели.

Амрен сказала, что Костерез не захочет быть привязанным к телу Фэ — она *утверждала* это. Но попробовать не помешает. Если это даст нам хоть маленький шанс не дать Рису пожертвовать всем...

Когда я проснулась, его уже не было. Стиснув зубы, я надела свои кожи и рассеялась к Дому Ветра.

Я подготовила свои крылья, когда попала под охрану, защищающую его, и сумела спланировать на тренировочный ринг на его плоской верхушке.

Кассиан уже ждал, положив ладони на бока. Наблюдая, как я спускаюсь...

Слишком быстро. Моя нога скользнула по грязи, я подпрыгнула...

— *Обратное сальто.*

Его предупреждение прозвучало слишком поздно.

Я врезалась в алую стену, прежде чем впечаталась лицом в красноватую скалу, но — клянусь, моя гордость пострадала так же, как и мои ладони, когда я отшатнулась назад, и крылья были слишком громоздкими за моей спиной. Плечи Кассиана дрожали от смеха, и в ответ я показала ему неприличный жест.

— Если ты так идешь на посадку, то убедись, что посадочного места достаточно.

Я нахмурилась.

— Урок усвоен.

— Или пространство, чтобы сделать вираж и кружиться, пока не замедлишься...

— Я поняла.

Кассиан поднял руки, но веселье исчезло с его лица, когда он смотрел, как я расправляю крылья и подхожу к нему.

— Ты хочешь сегодня пожестче или полегче?

Не думаю, что другие отдавали ему должное — за то, что он подмечал перемены в эмоциональном состоянии. Чтобы командовать легионами, полагаю, ему нужно видеть такие вещи, оценивать, когда его солдаты или враги сильны, разбиты или сломлены.

Я заглянула внутрь себя, туда, где сейчас были зыбучие пески, и сказала:

— Жестче. Я хочу уползать отсюда.

Я сняла кожаную куртку и закатала рукава своей белой рубашки.

Кассиан окинул меня оценивающим взглядом. Он пробормотал:

— Мне это тоже помогает — физическая активность, тренировки, — он расправил плечи, когда я начала разминаться. — Это всегда помогает мне сосредоточиться и овладеть собой. И после вчерашнего вечера... — он завязал свои темные волосы. — Мне определенно это нужно.

Я разминала ноги, и мышцы ныли от растяжки.

— Полагаю, способы преодоления этого бывают и похуже.

Кривая ухмылка.

— Действительно.

Последующий урок Азриэля состоял в том, чтобы стоять на ветру и пытаться запомнить его инструкции о потоках воздуха, и том, как тепло и холод могут формировать ветер и задавать скорость. Несмотря на это, он был тихим — отстраненным. Даже по его меркам.

Я ошиблась, спросив его, говорил ли он с Мор после того, как она ушла прошлым вечером.

Нет, он этого не делал. И все.

Даже если он все еще сжимал свою ладонь. Словно вспоминая ощущение руки, которую она вырвала из его прикосновения на той встрече. Снова и снова. Я не осмелилась сказать ему, что он сделал правильный выбор — что, возможно, ему следует поговорить с Мор, а не позволять чувству вины съедать его. Между ними двоими было много всего, и я не влезала в это.

Я действительно почти ползла к тому времени, как возвращалась в городской дом через несколько часов, обнаружив Мор за обеденным столом, жуящую огромное печенье, которое она купила по пути сюда.

— Выглядишь так, словно по тебе прошелся табун лошадей, — сказала она, жуя.

— Отлично, — сказала я, забирая у нее печенье и доедая его.

Она вскрикнула от возмущения, но щелкнула пальцами, и на гладком столе перед ней появилась тарелка с нарезанной дыней с кухни.

Прямо на стопке того, что выглядело как письма в разной почтовой бумаге.

— Что это? — спросила я, вытирая крошки со рта.

— Первые ответы Высших Лордов, — сладко сказала она, беря дольку зеленого фрукта и откусывая от него кусок.

Ни намек на вчерашние ярость и страх.

— Что приятного, хмм?

— Утром пришло первое письмо от Гелиона. Если читать между строк, то я думаю, он говорит, что хочет... присоединиться к нам.

Я выгнула брови.

— Это же хорошо — не так ли?

Она пожалала плечами.

— Мы не беспокоились на счет Гелиона. Два других... — она закончила с дыней, дожевывая. — Тэсан говорит, что он придет только если встреча будет проходить в действительно нейтральном и безопасном месте. Каллиас... он никому из нас не доверяет после... Подгорья. Он хочет взять вооруженную стражу.

День, Рассвет и Зима. Наши ближайшие союзники.

— Ни слова от других? — у меня внутри все сжалось.

— Нет. Весна, Осень и Лето все еще не прислали ответы.

— До встречи осталось мало времени. Что, если они вообще не ответят?

У меня не хватило духу спросить, сдержит ли Эрис данное слово и убедится, что его отец придет — и присоединится к нам. Не тогда, когда ее лицо светится.

Мор взяла еще кусочек дыни.

— Тогда нам придется решить, будем ли мы с Рисом тащить их за шкуру на встречу, или просто проведем ее без них.

— Я бы выбрала второй вариант, — нахмурилась Мор.

— Первый, — пояснила я, — не поспособствует заключению союза.

Хотя я удивлена, что Тарквин не ответил. Даже с его кровавой враждой с нами... Мужчина, которого я встретила, которым все еще восхищалась... Конечно, он бы захотел вступить в союз против Хайберна. Если только теперь он не захочет объединиться с ним, чтобы убедиться, что мы с Рисом навсегда будем стерты с лица Земли.

— Посмотрим, — сказала Мор.

Я выдохнула через нос.

— О прошлом вечере —

— Все хорошо. Это ничего, — быстрота ее речи говорила обратное.

— Это не ничего. Ты *вполне можешь* себя так чувствовать.

Мор взбила свои волосы.

— Ну, это не поможет нам выиграть войну.

— Нет. Но... я не знаю, что сказать.

Мор долго смотрела в окно.

— Я понимаю, почему Рис сделал это. Ситуацию, в которой мы оказались. Эрис... Ты знаешь, какой он. И если он действительно угрожал рассказать о твоих способностях отцу... Упаси Мать, я бы заключила такую же сделку с Эрисом, чтобы Берон не охотился на тебя, — в моей груди что-то расслабилось при этих словах. — Это просто... Мой отец знал — опять услышав об этом месте, он, вероятно, понял, что оно значит для меня. Для моего отца нет другой цены за помощь в этой войне. Нет. Рис тоже это знал. Пытался привести Эриса, чтобы подсластить сделку с моим отцом — и, возможно, избежать того, что произойдет с Веларисом.

Я подняла брови в немом вопросе.

— Мы говорили — Рис и я. Этим утром. Пока Кассиан надирал тебе задницу.

Я фыркнула.

— А что с Азриэлем?

Хорошо, что я решила не вмешиваться.

Мор снова принялась за дыню.

— Аз... У него был сложный выбор, когда Эрис нашел его. Он... — она закусил губу. — Я не знаю, почему ожидала, что он будет на моей стороне, почему это застигло меня врасплох.

Я сдержала себя, чтобы не предложить ей рассказать ему об этом. Мор пожала плечами.

— Это просто... все это застало меня врасплох. И я никогда не буду рада ни одному из тех условий, но... Мой отец победит, Эрис победит, все мужчины вроде них *победят*, если я позволю этому задеть меня. Если я позволю этому влиять на мое счастье, мою жизнь. Мои отношения со всеми вами, — она вздохнула, глядя в потолок. — Я ненавижу войну.

— Я тоже.

— Не только из-за смерти и ужаса, — продолжила Мор. — Но из-за того, что она делает с нами. Этих решений.

Я кивнула, даже если только начинала понимать. Выбор и стоимость.

Я открыла рот, но тут открылась входная дверь. Я взглянула на часы в гостиной. Правильно. Лекарь.

Сегодня утром я сказала Элейн, что Маджа придет к ней в одиннадцать, и получила уклончивый ответ. Но, полагаю, это лучше, чем прямой отказ.

— Ты откроешь дверь или это сделать мне?

Из-за дерзости вопроса Мор я показала ей неприличный жест, но когда я встала со стула, она схватила меня за руку.

— Если тебе что-то понадобится... Я буду здесь.

Я благодарно улыбнулась Мор.

— Как и я.

Она все еще улыбалась мне, когда я глубоко вздохнула, прежде чем направиться к двери.

Целительница ничего не обнаружила.

Я поверила ей — хотя бы потому, что Маджа была одной из немногих увиденных мною Высших Фэ с морщинами на темной коже и волосами цвета морской пены из-за возраста. Ее карие глаза все еще были ясны и горели внутренним теплом, и ее узловатые руки не тряслись, когда она обследовала тело Элейн, пока моя сестра терпеливо лежала на кровати, ничего не говоря.

Магия, сладкая и холодная, исходила от женщины, заполняя спальню Элейн. И когда она мягко обхватила руками голову Элейн, а я вздрогнула, Маджа лишь слегка улыбнулась, оборачиваясь на меня через свое худое плечо, и сказала, чтобы я расслабилась.

Нэста, наблюдая за происходящим из угла, молчала.

После долгой минуты Маджа попросила нас помочь приготовить для Элейн чай, при этом выразительно глядя на дверь. Мы обе приняли ее приглашение и оставили нашу сестру в ее солнечной комнате.

— Вы хотите сказать, что с ней что-то *не так*? — прошептала Нэста, когда старая женщина потянулась к лестничным перилам, чтобы помочь себе спуститься.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я держалась рядом с ней, чтобы ей если понадобится поддержка, я могла обхватить рукой ее локоть.

Маджа, напомнила я себе, вылечила Кассиана и Азриэля — и бесчисленное количество ранений до этого. Во время Войны она лечила крылья Риса. Она выглядела старой, но я не сомневалась в ее выдержке — и непреклонной воле помогать своим пациентам.

Маджа не соизволила ответить Нэсте, пока мы не спустились. Люсьен уже ждал в гостиной, Мор все еще была в столовой. Оба подскочили на ноги, но остались в комнатах, подходя к фойе.

— Я хочу сказать, — наконец сказала Маджа, оценивая Нэсту, а потом меня, — что я не нашла у нее никаких повреждений. С ее телом все хорошо — она слишком худая, и ей нужно больше есть и бывать на свежем воздухе, но ничего плохого. А что касается ее разума... Я не могу попасть в него.

Я моргнула.

— У нее щит?

— Ее сделал Котел, — сказала целительница, снова смотря на Нэсту. — Вы не похожи на нас. Я не могу попасть в места, на которых он оставил глубокий след.

Разум. Душа. Она бросила на меня предупреждающий взгляд.

— Я бы и не пробовала на вашем месте, Леди.

— Но вы думаете, что с ней что-то не так, даже если нет признаков? — спросила Нэста.

— Я уже видела людей, переживших эмоциональные потрясения. Ее симптомы могут

быть вызваны многочисленными невидимыми ранами. Но... она также была Сделана тем, что я не понимаю. Разве с ней что-то не так? — размышляла Маджа. — Мне не нравятся эти слова — *не так*. Другая, возможно. Измененная.

— Нужна ли ей какая-то помощь в дальнейшем? — сказала Нэста сквозь зубы.

Старая целительница указала подбородком на Люсьена.

— Посмотрите, что он может сделать. Если кто-то и может почувствовать, что что-то не так, то это мейт.

— Как.

Слово было произнесено как приказ.

Я хотела было предупредить Нэсту, чтобы она была повежливей, но Маджа сказала моей сестре, словно маленькому ребенку:

— Связь мейтов. Это мост между душами.

Из-за тона, с которым эти слова были сказаны, моя сестра напряглась, но Маджа уже ковыляла к выходу. Она сказала Люсьену:

— Попробуй посидеть с ней. Просто поговорить — почувствовать. Посмотрим, что ты сможешь узнать. Но не дави на нее.

Затем она исчезла.

Я повернулась к Нэсте.

— Немного уважения, Нэста —

— Позови другого лекаря.

— Нет, если ты собираешься и его вышвырнуть из этого дома.

— Позови другого лекаря.

Мор, обманчиво спокойная, шагнула к нам, и Нэста бросила на нее испепеляющий взгляд.

Я поймала взгляд Люсьена.

— Попробуешь?

Нэста зарычала:

— Даже не *пытаться* —

— Молчи, — огрызнулась я.

Нэста закрыла глаза.

Я оскалилась.

— Он *попробует*. И если он ничего не найдет, то я подумаю о том, чтобы позвать другого лекаря.

— Ты просто вытащишь ее сюда?

— Я собираюсь пригласить ее.

Нэста посмотрела на Мор, которая все еще стояла под аркой, наблюдая.

— И что *ты* будешь делать?

Мор улыбнулась моей сестре.

— Я посижу с Фейрой. Понаблюдаю.

Люсьен пробормотал что-то о том, что за ним не нужно следить, и мы все посмотрели на него с поднятыми бровями.

Он лишь поднял руки и сказал, что хочет освежиться, и направился в холл.

Это были самые дискомфортные полчаса в моей жизни.

Мы с Мор потягивали охлажденный мятный чай у огромного окна, ответы трех Высших Лордов лежали на маленьком столике между нашими одинаковыми стульями, и притворялись, что наблюдаем за залитой солнечным светом улицей, за детьми, Высшими Фэ и фейри, шныряющими с воздушными змеями, длинными узкими лентами и другими игрушками.

Притворялись, пока Люсьен и Элейн сидели в тишине перед темным камином, даже не притронувшись к чаю. Я не осмелилась спросить, пытается ли он залезть к ней в голову, или он чувствует связь как черный прочный мост, как мы с Рисом. Чувствуется ли нормальная связь мейтов совершенно по-другому.

Чашка с грохотом опустилась на блюдце, и мы с Мор оглянулись.

Элейн подняла чашку и отпила из нее, не отрывая от Люсьена взгляда.

Я знала, что Нэста, сидящая в столовой, вытянула шею, чтобы посмотреть.

Знала, потому что Амрен щелкнула пальцами перед моей сестрой, чтобы привлечь ее внимание.

Они возводили стены — в их умах, сказала мне Амрен, когда приказала Нэсте сесть за обеденный стол в столовой, прямо напротив ее.

Стены, которые Амрен учила ее чувствовать — находить в них дыры, которые она оставляла повсюду. И чинить их. Если вещи в Дворе Кошмаров не давали моей сестре понять, что нужно делать, то это была их следующая попытка — другой, невидимый путь. Не всякая магия вспыхивает и сияет, объявила Амрен, и выгнала меня.

Но признаки силы моей сестры... я их не слышала, не видела и не чувствовала. И это не давало объяснений, что они пытаются выманить из нее.

Наше внимание снова привлекло движение на улице, и мы обнаружили Риса и Кассиана прогуливающимися под низкими входными воротами, возвращающимися после их первой встречи с командующими Несущих Тьму Кейра — уже сплоченных и подготавливающих. По крайней мере, вчера все прошло хорошо.

Оба заметили нас в окне через секунду. И остановились.

Не входите, предупредила я по связи. *Люсьен пытается почувствовать, что не так с Элейн. По связи.*

Рис прошептал мои слова Кассиану, который склонил голову, наверно так же, как и Нэста, чтобы посмотреть на нас.

Рис иронически заметил, *Элейн об этом знает?*

Ее пригласили спуститься в гостиную на чай. Так что вот.

Рис снова зашептал Кассиану, который подавился смехом и развернулся, направляясь на улицу. Рис задержался, сунув руки в карманы. *Он собирается выпить. Я думаю присоединиться к нему. Когда я могу вернуться, не опасаясь за свою жизнь?*

Я показала ему неприличный жест через окно. *Какой большой, сильный иллирийский воин.*

Иллирийские воины знают, когда устраивать битвы. И когда Нэста наблюдает за всем, как ястреб, а вы двое кружитесь над ними, как стервятники... Я знаю, кто победит в

этой битве.

Я снова показала ему этот жест, и Мор поняла в достаточной степени, что я им хотела сказать, так что повторила мой жест. Рис тихо рассмеялся и поклонился.

Высшие Лорды прислали ответы, сказала я, когда он начал уходить. *День, Рассвет и Зима придут.*

Я знаю, сказал он. *И я только что получил новость от Крессеиды, что Тарквин раздумывает над приглашением.*

Лучше, чем ничего. Я так и сказала ему.

Рис улыбнулся мне, оглянувшись через плечо. *Наслаждайся своим чаем, ты, властная надзирательница.*

Пойми, я могу использовать надзирателя и для тебя.

У тебя их четверо в этом доме.

Я улыбнулась, когда он, наконец, добрался до низких входных ворот, где ждал Кассиан, который, видимо, в это время вытянул свои крылья, к восторгу полдюжины детей, которые теперь таращились на них.

В другой комнате Амрен прошипела:

— *Сосредоточься.*

Загремел обеденный стол.

Звук, казалось, напугал Элейн, потому что она быстро поставила чашку. Она поднялась на ноги, и Люсьен сделал то же самое.

— Прости, — выпалил он.

— Что... что это было?

Мор положила руку мне на колено, чтобы не дать мне подняться.

— Это... это был рывок. На связи.

Амрен отрезала:

— *Не смей...* злая девушка.

Потом Нэста уже стояла на пороге.

— Что ты сделал.

Слова были столь же острыми, как клинок.

Люсьен посмотрел на нее, потом подошел ко мне. Его челюсть сжалась.

— Ничего, — сказал он, и снова повернулся к своему мейту. — Прости — если это встревожило тебя.

Элейн направилась к Нэсте, которая, казалось, почти горела.

— Это было... странно, — выдохнула Элейн. — Будто ты потянул нить, привязанную к ребрам.

Люсьен выставил ей свои ладони.

— Прости.

Элейн лишь долго смотрела на него. И из ее взгляда исчезла ясность, когда она покачала головой, дважды моргнув, и сказала Нэсте:

— Идут вороны-близнецы, один белый и один черный.

Нэста хорошо скрыла свое опустошение. Разочарование.

— Что я могу сделать для тебя, Элейн?

Только с Элейн она говорила таким голосом.

Но Элейн снова покачала головой.

— Солнечный свет.

Нэста раздраженно посмотрела на меня, прежде чем потащила нашу сестру по коридору — в солнечный сад.

Люсьен подождал, пока стеклянная дверь откроется и закроется, и потом выдохнул.

— Там есть связь — это настоящая нить, — сказал он, больше себе, чем нам.

— И? — спросила Мор.

Люсьен провел руками по своим длинным рыжим волосам. Его кожа была темной — глубоко золотисто-коричневого цвета по сравнению с бледностью Элейн.

— И я добрался до края Элейн, когда она сбежала.

— Ты почувствовал что-нибудь?

— Нет... у меня не было времени. *Я чувствовал ее, но...*

Он покраснел. Что бы он почувствовал, это было не тем, что мы искали. Даже если я не представляла, что мы ищем.

— Мы снова можем попробовать — в другой день, — предложила я.

Люсьен кивнул, но выглядел неубежденным.

Амрен зло сказала из столовой:

— Кто-то должен забрать твою сестру. Ее урок еще не окончен.

Я вздохнула.

— Да, Амрен.

Люсьен обратил внимание на меня и письма, выполненные в разных стилях и написанные на разных бумагах. Его золотой глаз прищурился. Как эмиссар Тамлина, он, несомненно, узнал их.

— Дай угадаю: они согласились, но теперь наша головная боль — выбор места?

Мор нахмурилась.

— Какие-то предложения?

Люсьен связал свои волосы ремешком из коричневой кожи.

— У вас есть карта?

Думаю, теперь лишь я могу пойти за Нэстой.

— Эта сосна была не здесь минуту назад.

Азриэль тихо рассмеялся, когда двумя днями позже он сидел на вершущке валуна, наблюдая, как я вытаскиваю сосновые иглы из своих волос и куртки.

— Судя по ее размерам, я бы сказал, что она тут уже... двести лет как минимум.

Я нахмурилась, отряхивая щепки коры и свою ушибленную гордость.

Та холодность, та отчужденность, которые были от злости Мор и ее отказа... Они потеплели. Или из-за Мор, которая села рядом с ним за вчерашним ужином — молчаливое предложение прощения — или просто потому, что ему нужно было время, чтобы оправиться от всего этого. Даже я могла бы поклясться, что каждый раз, как Азриэль смотрел на Мор, вспыхивала вина. Что Кассиан думал об этом, о своей собственной злости на Азриэля... он лишь улыбался и отпускал пошлые шуточки. Радуюсь, что все стало как обычно — по крайней мере, пока.

Мои щеки горели, когда я забралась на валун, на котором он сидел. Он был примерно в пятнадцати футах над лесом, а за соснами сверкало озеро. Одной из этих сосен была та, с которой я столкнулась лицом, когда последний раз пыталась спрыгнуть с валуна и

просто *спланировать* на озеро.

Я уперлась руками в бока, осматривая расстояние до леса, сам лес, и озеро.

— Что я сделала не так?

Азриэль, который точил свой Говорящий Правду, посмотрел на меня своими карими глазами.

— Помимо дерева?

У говорящего с тенями было чувство юмора. Сдержанное и тихое, но... наедине, оно появлялось куда чаще, чем в нашей группке.

Последние два дня я потратила на то, чтобы просмотреть древние книги, ища хоть намек на способ починить стену, чтобы рассказать о нем Амрен и Нэсте, которые продолжали тихо, невидимо возводить стены в своих умах, или передать на обсуждение Рису и остальным; как нам ответить на поток сообщений, которыми теперь обменивались Высшие Лорды, решая, где будет проходить встреча. Люсьен действительно показал нам первоначальное местоположение, и еще несколько, когда его отклонили. Но это было ожидаемо, как сказал Люсьен, будто он участвовал в подобных вещах бесчисленное количество раз. Рис только кивнул в знак согласия — и одобрения.

И когда я этого не делала... Я посматривала еще *больше* книг, все, что Клото смогла найти для меня, все относительно Уробороса. Как овладеть им.

У зеркала была печальная слава. У каждого известного философа были размышления на его тему. Некоторые осмелились посмотреть в него — и сошли с ума. Некоторые лишь подошли к нему — и сбежали в ужасе.

Я не смогла найти никого, кто смог овладеть им. Посмотревших в зеркало и ушедших с зеркалом, завладев им.

Кроме Ткачихи из Леса — которая, безусловно, казалась достаточно безумной, возможно, из-за зеркала, которое она до смерти любила. Или, возможно, то зло, что скрывалось в ней, испортило и зеркало. Некоторые философы тоже это предполагали, хотя они не знали ее имени — лишь то, что темная королева когда-то обладала им, берегла его. Следила за миром через него — и использовала его, чтобы выслеживать красивых молодых девушек, чтобы сохранять вечную молодость.

Полагаю, семья Кейра, владеющая Уроборосом на протяжении тысячелетий, мало пользы извлекла из владения им. Это не воодушевляло. Не тогда, когда все тексты соглашались в одном: не было обходного пути. Не было лазейки. Столкнуться с ужасами в нем... это был единственный способ завладеть им.

Что означало, что мне, возможно, придется рассмотреть альтернативы — другой способ убедить Костереза присоединиться к нам. Когда у меня будет время.

Азриэль вложил в ножны свой легендарный боевой нож, и осмотрел крылья, которые я широко распахнула.

— Ты пытаешься управлять с помощью рук. Мускулы есть в твоих крыльях — и в твоей спине. Руки тебе не нужны — они лишь для баланса. И даже это больше для душевного спокойствия.

Так много слов я от него еще не слышала.

Он поднял брови, глядя, как я уставилась на него, и я закрыла рот. Я нахмурилась, смотря на обрыв.

— Снова? — проворчала я.

Мягкий смех.

— Если хочешь, можем найти более низкий выступ.

Я съежилась.

— Ты сказал, что *этот* был низким.

Азриэль откинулся назад, оперевшись на ладони, и стал ждать. Терпеливый, хладнокровный.

Но я чувствовала, как кора ободрала мои ладони, как мои колени врезались в неровную поверхность...

— Ты бессмертна, — тихо сказал он. — Тебя очень трудно сломать, — пауза. — Это то, что я говорил себе.

— Трудно сломать, — мрачно сказала я, — но все еще *больно*.

— Скажи это дереву.

Я рассмеялась.

— Я знаю, что обрыв не высокий, и что это не убьет меня. Ты не можешь просто... толкнуть меня?

Потому что передо мной препятствие в виде абсолютной веры и этих шатких движений, когда мои конечности немели.

— Нет, — простой ответ.

Я все еще колебалась.

Этот страх бесполезен. Я столкнулась с Аттором, падая с неба с расстояния тысячи футов.

И ярость от воспоминания, что он делал со своей ничтожной жизнью, что сделают еще больше подобных ему существ, заставила меня стиснуть зубы и сбежать с валуна.

Я широко раскрыла крылья, и спина протестующе заныла, когда они поймали ветер, но нижняя половина моего тела начала падать, мои ноги были мертвым грузом, когда мое сердце защемило...

Проклятое дерево появилось передо мной, и я резко повернула направо.

Прямо в другое дерево.

Сначала крылья.

Звук удара костей и сухожилий о дерево, потом землю, пронзил меня раньше боли. Как и тихие проклятия Азриэля.

Я издала какой-то звук. Сначала начали болеть ладони — потом колени.

Потом спина —

— Дерьмо, — смогла сказать я, когда Азриэль опустился передо мной.

— Ты в порядке. Просто потрясена.

Мир все еще вращался.

— Ты хорошо ушла в вираж, — сказал он.

— В другое дерево.

— Знание местности — половина полета.

— Ты уже говорил это, — огрызнулась я.

Он говорил. Только этим утром повторил раз десять.

Азриэль лишь сел на корточки и предложил мне руку. Моя кожа горела, когда я сжала его пальцы, и с меня полетело оскорбительно много сосновых иголок и обломков. Моя спина так пульсировала, что я опустила крылья, не заботясь, что они тащатся по грязи, когда Азриэль привел меня к озеру.

От ослепительного солнечного света, отражающегося в бирюзовой воде, его тени

исчезли, его лицо стало ясным и решительным. Более... человечным, чем я когда-либо его видела.

— Нет ни шанса, что я смогу летать в легионе? — спросила я, опустившись на колени рядом с ним, когда он склонился над моими ободранными ладонями с осторожностью и мягкостью.

Солнце очертило его шрамы, было видно каждое скрученное неровное пятно.

— Скорее всего, нет, — сказал он.

От его слов моя грудь сжалась.

— Но не помешает практиковаться до последнего момента. Никогда не знаешь, когда пригодятся полученные навыки.

Я вздрогнула, когда он достал большую занозу из моей ладони, а затем очистил ее.

— Мне было очень трудно научиться летать, — сказал он.

Я не осмелилась ответить.

— Большинство иллирийцев учатся этому еще в младенчестве. Но... полагаю, Рисанд рассказал тебе о моем раннем детстве.

Я кивнула. Он закончил с одной рукой и начал с другой.

— Из-за того, что я был уже слишком большой, у меня была боязнь полета — и я не доверял своим инстинктам. Учится этому так поздно... это смущало. Не только меня, но и всех в том военном лагере, в который я однажды прибыл. Но я учился, часто практикуясь в одиночку. Кассиан, конечно, первым нашел меня. Издевался надо мной, избил меня до полусмерти, а потом предложил обучать меня. На следующий день там был Рис. Они научили меня летать.

Он закончил со второй рукой и сел между камней, которые заскрежетали от его действия. Я села рядом с ним, укладывая свои болящие ладони на колени, позволяя своим крыльям повиснуть за мной.

— Из-за того, что это было так трудно... Через несколько лет после Войны Рис принес мне историю. Это был подарок — эта история. Для меня. Он... он пошел к Мириам и Дрейкону в их новый дом, причем сделал это секретно, да так, что мы ничего не подозревали, пока он не вернулся. Мы знали, что их люди не утонули в море, как все верили, как они хотели заставить всех думать. Понимаешь, когда Мириам освободила своих людей от королевы Черных Земель, она возглавила их — а их было почти пятьдесят тысяч — и провела через пустыню, весь путь до берегов Эритрийского моря, а воздушный легион Дрейкона обеспечивал им защиту. Но когда они добрались до моря, то обнаружили, что корабли, которые они наняли, чтобы те перевезли их через узкий канал к следующему королевству, были уничтожены. Уничтожены самой королевой, которая отправила свою оставшуюся армию, чтобы вернуть своих бывших рабов.

— У людей Дрейкона — Серафимов — есть крылья. Как у нас, но их крылья покрыты перьями. И в отличие от нас, их армия и общество позволяют женщинам командовать, сражаться, править. Все они одарены мощной магией ветра и воздуха. И когда они увидели, что эта армия увязалась за ними, они знали, что их собственные силы слишком немногочисленны, чтобы столкнуться с ними. Так что они рассекли само море — проложили дорогу через воду, весь путь до канала, и приказали людям бежать.

— Они так и сделали, но Мириам настояла на том, чтобы остаться на берегу, пока не уйдут все ее люди. Она не оставила позади себя ни одного человека. Ни одного. Они уже прошли половину пути в море, когда их настигла та армия. Серафимы были истощены — их

магия едва удерживала проход в море. И Дрейкон знал, что если они будут удерживать его дольше... та армия переправится на берег и убьет людей на другой стороне. Серафимы отбивались от авангарда на дне моря, и там были кровь, жестокость и хаос... И во время своей схватки они не увидели, как сама королева пронзила Мириам насквозь. Дрейкон не увидел. Он думал, что ей удалось выбраться, что ее унес один из его солдат. Он приказал разделенному морю сойтись, чтобы утопить вражеские силы.

— Но юный Серафим-картограф по имени Нефела увидела, как Мириам спускается. Возлюбленная Нефелы была одной из генералов Дрейкона, и это именно она поняла, что Мириам и Нефела пропали. Дрейкон пришел в бешенство, но их магия была истощена и никакая сила в этом мире не смогла бы сдержать море, когда оно сомкнулось, и никто не мог добраться до его мейта во время. Но Нефела сумела.

— Понимаешь, Нефела была картографом потому, что ее не приняли в ряды легиона. Ее крылья были слишком малы, а правое — недоразвито. И она была небольшой — достаточно невысокой, чтобы она была опасной прорехой на передовой, когда они сражались щитом к щиту. Дрейкон позволил ей попытаться из уважения к ее возлюбленной, но Нефела потерпела неудачу. Она едва держала щит Серафимов, и ее маленькие крылья были недостаточно сильны, чтобы она не отставала от остальных. Так что она стала бесценным картографом во время Войны, помогая Дрейкону и своей возлюбленной находить географические преимущества для их сражений. И еще она стала лучшей подругой Мириам за те долгие месяцы.

— И в тот день на морском дне Нефела вспомнила, что ее подруга находилась позади легиона. Она вернулась за ней, даже если остальные бежали к далекому берегу. Она нашла Мириам, пронизанную копьем королевы, истекающей кровью. Море начало сходиться — у противоположного берега. Убивая наступающую армию, которая убегала от наступающей воды.

— Мириам сказала Нефеле, чтобы та спасала себя. Но Нефела не бросила свою подругу. Она подняла ее и полетела.

Голос Азриэля смягчился от благоговения.

— Когда Рис разговаривал с Дрейконом по прошествии годов, у того все еще не было слов, чтобы описать то, что случилось. Это не поддавалось логике. Нефела, которая была недостаточно сильна, чтобы держать щит Серафимов, несла Мириам — по весу как три щита. И даже больше... Она *полетела*. Море обрушилось на них, но Нефела летела как лучший воин Серафим. Морское дно было лабиринтом из зубчатых скал, слишком узких, чтобы Серафим смог пролететь сквозь них. Они пытались сделать это во время побега и врезались в них. Но Нефела, с ее маленькими крыльями... Если бы они были хоть на *дюйм* шире, она бы не пролетела. И более того... Нефела взмыла над ними с умирающей Мириам в ее руках так быстро и умело, как величайшие из Серафимов. Нефела, которую не приняли, о которой позабыли... Она одолела саму смерть. Между ней и водой по обе стороны от нее почти не было пространства, когда она поднялась с морского дна; его стало еще меньше, когда она взлетела. И все же ее слишком маленький размах крыльев, ее деформированное крыло... она не подвели ее. Ни разу. Ни на взмах крыла.

Мои глаза горели.

— Она сделала это. Достаточно сказать, что возлюбленная Нефеле стала ее женой в ту же ночь, и Мириам... ну, она жива и по сей день благодаря Нефеле, — Азриэль поднял плоский белый камень и завертел его в руках. — Рис рассказал мне эту историю, когда

вернулся. И с тех пор мы лично адаптировали Философию Нефелы для нашей собственной армии.

Я выгнула бровь. Азриэль пожал плечами.

— Мы — Рис, Касс и я — иногда напоминаем друг другу, что то, что мы считаем своими самыми большими слабостями, иногда может быть нашей сильной стороной. И что самый неожиданный человек может изменить ход истории.

— Философия Нефелы.

Он кивнул.

— Судя по всему, каждый год в своем королевстве они устраивают Бег Нефелы в честь ее полета. На суше, но... Она и ее жена награждают нового победителя каждый год в память о том, что произошло в тот день, — он бросил камень в воду, и вода булькнула. — Так что мы будем тренироваться, Фейра, до последнего дня. Потому что мы никогда не знаем, что может изменить даже дополнительный час тренировки.

Я взвесила его слова и историю о Нефеле. Я встала на ноги и расправила крылья.

— Давай попробуем еще раз.

Я застонала, когда в ту же ночь еле добрела до нашей спальни, и обнаружила Риса за столом, просматривающего книги.

— Я предупреждал тебя, что Азриэль — бессердечный ублюдок, — сказал он, даже не взглянув на меня.

Он поднял руку, и в ванной комнате зажурчала вода.

Я проворчала спасибо и поплелась к ней, стиснув зубы от боли в спине, бедрах, костях. Все болело, и поскольку мышцам нужно было переформироваться из-за крыльев, мне нужно было оставаться с *ними*. Они шаркали по дереву и ковру, а потом опять по дереву. Я увидела ванну, из которой шел пар, и я заскулила, потому что мне придется потрудиться, чтобы залезть в нее.

Даже раздевание задействует мышцы, которые уже были на пределе.

В спальне скрипнул стул, а затем послышались по-кошачьи мягкие шаги, а потом —

— Уверен, что ты это уже знаешь, но тебе нужно действительно забраться в ванну, чтобы помыться, а не смотреть на нее.

У меня не было сил, чтобы даже посмотреть на него, и мне удалось сделать спотыкающийся чопорный шаг к ванне, когда он поймал меня.

Моя одежда исчезла, по-видимому, в прачечную внизу, и Рис подхватил меня на руки, опуская мое обнаженное тело в воду. С крыльями я еле влезла, и —

Я застонала от восхитительного тепла и лишь прислонила голову в краю ванны.

— Я сейчас вернусь, — сказал он, вышел из ванной и зашел в спальню.

Когда он вернулся, я поняла, что заснула, из-за его руки, которую он опустил на мое плечо.

— Выходи, — сказал он, но сам поднял меня, завернул в полотенце и понес меня к кровати.

Он положил меня на живот, и я заметила масла и бальзамы, которые он туда поставил, уловила слабый запах розмарина и — чего-то еще, вкусно пахнущего, но я слишком устала, чтобы разобрать, что это за запах. Его руки заблестели на свету, когда он нанес их на свои ладони, а потом его руки были на мне.

Я почти неприлично застонала, когда они начали массировать мышцы моей спины, которые ужасно болели. В воспаленных областях из меня вырывались довольно жалкие всхлипывания, но он мягко массировал их, пока напряжение не спадало от острой ослепляющей боли до тупой боли.

И потом он дошел до моих крыльев.

Когда мышцы расслаблялись, приходили освобождение и экстаз, и он, дразня, нежно задевал чувствительные зоны.

У меня загнулись пальчики на ногах, и его руки скользнули к моим икрам как раз тогда, когда он задел чувствительную точку, отчего у меня сжался живот. Он начал медленно подниматься, все выше и выше, вверх по моим бедрам, поддразнивая поглаживаниями, от которых я тяжело дышала. Поднимаясь вверх, пока он не добрался до моей попы, где его массаж был как профессиональным, так и греховным. И потом выше — поднимаясь к моей поясице, к крыльям.

Его прикосновения стали другими. Исследующими. Широкими поглаживаниями и прикосновениями, легкими, как перышко, дугами, завитками и прямыми, опаляющими линиями.

Я запылала, расплавляясь, и прикусила губу, когда он легко провел ногтем очень, очень близко к чувствительной точке.

— Как плохо, что у тебя все болит после тренировки, — задумчиво сказал Рис, лениво вырисовывая круги.

Я едва справилась со словами, которые были как мольбой, так и оскорблением.

Он наклонился, его дыхание согрело кожу между моими крыльями.

— Я когда-нибудь говорил тебе, что у тебя самый грязный рот, который я когда-либо слышал?

Я что-то пробормотало, что лишь подтверждало его слова.

Он усмехнулся и скользнул по краю этой чувствительной точки, прямо тогда, когда его вторая рука скользнула между моих ног.

Я беззастенчиво подняла бедра в тихом требовании. Но он лишь вырисовывал круги пальцем, так же лениво, как и гладил мое крыло. Он поцеловал мою спину.

— Как мне заняться любовью с тобой сегодня, дорогая Фейра?

Я извивалась, тербя складки одеяла подо мной, отчаянно напряженная, пока он доводил меня до конца.

— Какая нетерпеливая, — промурлыкал он, и его палец скользнул в меня.

Я застонала, ощущения слишком сильно, как он, держа одну руку между моих ног, второй все ближе и ближе приближался в той точке на моем крыле, словно хищник, кружащий вокруг своей добычи.

— Неужели это никогда не кончится? — задумчиво сказал он, больше себе, чем мне, когда он уже двумя пальцами скользил внутрь меня издевательскими ленивыми движениями. — То, что я хочу тебя каждый час, каждую секунду. Не думаю, что смогу так выдержать тысячу лет, — мои бедра двинулись к нему, заставляя его войти глубже. — Подумай только, как снизится моя производительность.

Я что-то прорычала, что, вероятно, было *не* очень романтично, и он усмехнулся, вынимая два пальца. Я протестующе заскулила.

Пока его рот не заменил его пальцы, его руки сжали мои бедра, чтобы поднять меня, чтобы предоставить ему лучший доступ, когда он наслаждался мной. Я застонала в подушку,

и он лишь зарылся глубже, насмехаясь и поддразнивая каждым движением.

Из меня вырвался низкий стон, мои бедра качнулись. Хватка Риса на них усилилась, удерживая меня от помощи ему.

— Нам так и не удалось сделать это в библиотеке, — сказал он, засовывая свой язык прямо в меня. — Мы должны исправить это.

— Рис, — его имя было мольбой на моих губах.

— Хммм, — сказал он, звук отдавался во мне...

Я тяжело дышала, сжимая в кулаке простынь.

Его руки, наконец, отпустили мои бедра, и я снова выдохнула его имя от благодарности и облегчения, ожидая, что он, наконец, даст мне то, что я хочу...

Но его рот сомкнулся вокруг пучка нервов, пока его рука... Она направилась прямо к той проклятой точке на внутренней стороне моего левого крыла, и слегка погладила ее.

Я хрипло закричала, когда волна наслаждения прошла через меня, и задрожала всем телом. И когда дрожь и звездный свет утихли...

Ужасная усталость накрыла меня, неизменная и бесконечная, как связь мейтов между нами. Рис скрутился позади меня, складывая мои крылья, чтобы он мог прижать меня к себе.

— Это был забавный эксперимент, — прошептал он в мое ухо, твердый и готовый, но когда я попыталась дотянуться до него, руки Риса сжались вокруг меня. — Спи, Фейра, — сказал он мне.

Поэтому я положила руку на его предплечье, наслаждаясь его силой, и прислонила голову в его груди.

— Я хочу, чтобы мы с тобой могли проводить дни вместе — вот так, — сказала я, когда мои веки опустились. — Только ты и я.

— Мы будем, — он поцеловал мои волосы. — Мы будем.

ГЛАВА

30

На следующий день мое тело все еще достаточно сильно болело, так что мне пришлось сообщить Кассиану, что я не приду на тренировку с ним. И с Азриэлем.

Возможно, это было ошибкой, потому что через несколько минут оба стояли в дверях городского дома, первый требовательно спросил, черт возьми, со мной не так, а второй принес мне мазь от боли в спине.

Я поблагодарила Азриэля за мазь и сказала Кассиану, чтобы он не лез не в свое дело.

И затем попросила его полететь с Нэстой в Дом Ветра вместо меня, потому что я точно не смогу лететь с ней — не пролечу даже несколько футов после рассеивания.

Кажется, моя сестра ничего не нашла о починке стены в своих книгах — и поскольку никто еще не показал ей библиотеку.. Я предложила свою помощь. Тем более, что после завтрака Люсьен пошел в городские библиотеки, чтобы найти хоть что-то о починке стены, задача, которую я с радостью ему поручила. Я чувствовала себя немного виноватой за то, что не показала ему Веларис, но... он казался очень энергичным. Даже больше, чем энергичным — казалось, что ему не терпится самому осмотреть город.

Двое иллирийцев прекратили осматривать меня и заметили, что мои сестры заканчивают завтрак, Нэста в бледно-сером платье, которое подчеркивало сталь ее глаз, а Элейн — в платье грязно-розового цвета.

Оба застыли. Но затем Азриэль слегка поклонился, в то время как Кассиан направился к обеденному столу и потянулся через плечо Нэсты прямо к кексу в маленькой корзине.

— Утро, Нэста, — сказал он, жуя кекс с черникой и лимоном. — Элейн.

Ноздри Нэсты раздулись, но Элейн посмотрела на Кассиана, дважды моргнув.

— Он сломал твои крылья, сломал твои кости.

Я попыталась заглушить воспоминание о том, как кричал Кассиан — воспоминание о луже крови.

Нэста устала в свою тарелку. Элейн, наконец, вышла из своей комнаты, но...

— Понадобится что-то большее, чтобы убить меня, — сказал Кассиан с ухмылкой, которая не затронула его глаз.

Элейн лишь сказала:

— Нет, не понадобится.

Темные брови Кассиана нахмурились. Я провела ладонью по своему лицу, прежде чем подошла к Элейн и прикоснулась к ее костлявому плечу.

— Может, я выведу тебя в сад? Растения, которые ты посадила, хорошо всходят.

— Я могу помочь ей, — сказал Азриэль, подходя к столу, когда Элейн молча поднялась.

У его уха не было теней, между его пальцами не кружилась тьма, когда он протянул руку.

Нэста следила за ним как ястреб, но ничего не сказала, когда Элейн взяла его за руку, и они пошли наружу.

Кассиан закончил со своим кексом, облизывая пальцы. Могла бы поклясться, что Нэста покосилась на него, наблюдая за его действиями. Он усмехнулся, будто тоже знал об этом.

— Готова к полету, Нэс?

— Не называй меня так.

Судя по тому, как загорелись глаза Кассиана, лучше бы она этого не говорила.

В какой-то момент я рассеялась в небо над Домом, посмеиваясь, когда ветер подхватил меня. Полагаю, это сестринская месть. Позиции Нэсты в целом.

К счастью, никто не видел мое неудачное приземление на веранду, и к тому времени, как в небе появилась темная фигура Кассиана, а волосы Нэсты отливали бронзой в солнечном свете, я счищала со своей кожаной формы грязь и пыль.

Когда Кассиан осторожно поставил мою сестру на ноги, ее лицо было румяным от ветра. Затем она шагнула к стеклянным дверям, даже не оглянувшись.

— Не стоит благодарности, — сказал Кассиан ей вслед, слегка повысив голос. Его руки сжались и повисли по бокам, будто он пытался избавиться от ощущения ее в своих руках.

— Спасибо, — сказала я ему, но Кассиан даже не попрощался, взмывая в небо и исчезая в облаках.

В библиотеке под Домом было темно и тихо. Двери открылись для нас, так же, как они открылись для нас с Рисом, когда я впервые сюда пришла.

Нэста ничего не сказала и только осматривала каждую полку, нишу и люстру, когда я повела ее вниз, где Клото нашла нам книги. Я показала ей небольшую читательскую зону, где я разместились, и указала на стол.

— Я знаю, что Кассиан у тебя в печенках сидит, но мне тоже любопытно. Откуда ты

знаешь, что тебе нужно искать в отношении стены?

Нэста провела пальцем по старинному деревянному столу.

— Просто знаю.

— Как.

— Я не знаю, как. Амрен сказала мне просто... посмотреть, поможет ли информация.

И, возможно, это пугает ее. Интригует, но пугает ее. И она не сказала Кассиану не из вредности, а потому, что она не хочет показать уязвимость. Отсутствие контроля.

Я не давила. Даже когда долго смотрела на нее. Я не знала, как — как начать разговор, как спросить, все ли с ней в порядке, могу ли я помочь ей. Я никогда не проявляла свою любовь к ней — я никогда не обнимала ее. Не целовала в щеку. Я не знала, с чего начать.

Так что я просто сказала:

— Рис дал мне план стеллажей. Думаю, что несколькими уровнями ниже ты сможешь найти больше о Котле и стене. Ты можешь подождать здесь, или —

— Я поищу с тобой.

В тишине мы пошли по наклонному пути, единственными звуками были шелест бумаги и редкий шорох одежды жриц о каменный пол. Тихо я объяснила ей, кто такие жрицы — почему они здесь. Я объяснила, что мы с Рисом планируем предложить убежище всем людям, которые готовы жить в Веларисе.

Они ничего не сказала, становясь все тише по мере нашего спуска, и чем глубже мы заходили, тем больше казалась черная яма справа от меня.

Мы подошли к пути из стеллажей, который уходил в гору длинным коридором, и когда мы шли по нему, вдоль стены начал загораться фейский свет в стеклянных шарах. Пока мы шли, Нэста осматривала полки и я читала названия — немного медленнее, все еще обдумывая, что подскажет чутье моей сестры.

Я не знала, что ты действительно не умела читать, — сказала Нэста, когда она остановилась у невзрачной секции, заметив, как я беззвучно произнесла название книги. — Я не знала, как далеко ты продвинулась на своих уроках — когда все это произошло. Я предполагала, что ты можешь читать так же легко, как и мы.

— Ну, я не могла.

— Почему ты не попросила нас научить тебя?

Я провела пальцем по аккуратному ряду шипов.

— Потому что я сомневалась, что вы согласитесь помочь.

Нэста застыла, как будто я ударила ее, в ее глазах появилась холодность. Она взяла книгу с полки.

— Амрен сказала, что Рис научил тебя читать.

Я покраснела.

— Да.

И здесь, глубоко под землей, где кроме нас была лишь тьма, я спросила:

— Почему ты отталкиваешь всех, кроме Элейн? *Почему ты всегда отталкивала меня?*

В ее глазах заиграли какие-то эмоции. Она сглотнула. На секунду Нэста закрыла глаза, резко вдыхая.

— Потому что —

Она замолчала.

Я почувствовала это в тот же момент, что и она.

Пульсацию и толчки. Словно... словно сдвинулась часть мира, словно оборвалась

струна.

Мы развернулись к освещенному пути, которым только что прошли через стеллажи, потом к темноте далеко, далеко позади.

Фейский свет на потолке начал трещать и тухнуть. Один за одним.

Все ближе к нам.

У меня был лишь иллирийский нож.

— Что это, — выдохнула Нэста.

— Беги, — сказала я.

Я не дала ей возразить, хватая ее за локоть и бросаясь к стеллажам впереди. Пока мы бежали, фейский свет загорался — и тьма, тянущаяся за нами, поглощала его.

Медленно — моя сестра была до ужаса медленной из-за ее платья, ее общей физической неподготовленности —

Рис.

Ничего.

Если защита Тюрьмы была достаточно плотной, чтобы наша связь не работала... Возможно, здесь она работает так же.

Приближалась стена — за ней был коридор. Второй наклонный путь: если пойти налево, то будешь подниматься, направо — спускаться...

Сверху спускалась тьма. Но чернильный мрак, ведущий вниз... чистый и свободный.

Я пошла направо.

— Быстрее, — сказала я ей.

Если бы могли справиться с тем, кто находится глубоко внизу, то, возможно, мы могли бы сократить путь, направившись прямо в яму. Я могла бы рассеяться —

Рассеяться. Я могу рассеяться *сейчас* —

Я схватила Нэсту за руку.

Прямо тогда, когда темнота позади нас остановилась, и из нее вышли двое Высших Фэ. Оба мужчины.

Один темноволосый, другой светловолосый. Оба в серых камзолах, расшитых нитью цвета кости. Я знала герб, который был вверху на их правых плечах. Знала их мертвые глаза.

Хайберн. *Здесь* Хайберн —

Я двигалась недостаточно быстро, когда один из них дунул в нашу сторону.

Когда голубая пыль фэбейна расплылась на мои глаза, мой рот, отнимая мою магию.

Судя по тому, что Нэсте задохнулась, она чувствовала примерно то же самое.

Но когда я отшатнулась, а слезы вымывали пыль из моих глаз, избавляясь от фэбейна, эти двое сфокусировались на Нэсте. Я схватила ее руку, пытаюсь рассеяться. Ничего.

Жрица в капюшоне опустилась на землю позади них.

— Было так легко попасть в их сознание, как только наш господин провел нас через защиту, — сказал один из них — темноволосый мужчина. — Заставить их думать, что мы ученые. Мы планировали прийти за тобой... Но, похоже, ты нашла нас первыми.

Все было сказано моей сестре. Лицо Нэсты было почти белым, хотя в ее глазах не было страха.

— Кто вы.

Светловолосый широко улыбнулся, и они приблизились к нам.

— Мы Вороны короля. Его глаза, глядящие вдаль, и его когти. И мы пришли, чтобы вернуть тебя.

Король — их господин. Он... О Мать.

Король здесь — в Веларисе?

Рис. Я ударила мысленной рукой по связи. Снова и снова. *Рис.*

Ничего.

Дыхание Нэсты участилось.

На их боках висели мечи — два у каждого. Их плечи были широкими, руки достаточно большими, чтобы мускулы просматривались под их одеждой.

— Вы никуда ее не заберете, — сказала я, беря в руки нож.

Как король сделал это — прибыл сюда незамеченным, и сломал нашу защиту? Если он в Веларисе... Я отбросила эти мысли, пропитанные ужасом. И что он может делать за пределами этой библиотеки, невидимый и скрытый —

— Ты тоже неожиданная находка, — сказал мне темноволосый. — Но твоя сестра... — он улыбнулся, обнажая свои слишком белые зубы. — Ты взяла что-то у Котла, девочка. Король хочет это вернуть.

Вот почему Котел не может разрушить стену. Не потому, что он потратил свою силу. А потому, что Нэста украла слишком много силы.

ГЛАВА

31

Я рассмотрела свои варианты.

Сомневаюсь, что Вороны короля достаточно глупы, чтобы болтать до тех пор, пока мои силы не вернуться. И если король действительно здесь... Я должна всех предупредить. *Немедленно.*

Это оставило мне три варианта.

Столкнуться с ними в рукопашном бою с одним ножом, в то время как у каждого из них по два меча, да и они достаточно мускулисты, чтобы хорошо ими владеть.

Попробовать убежать и попытаться выбраться из библиотеки — от чего могут пострадать или даже умереть жрицы, которые находятся ниже.

Или...

Нэста сказала им:

— Если он хочет то, что я взяла, то пусть сам приходит за этим.

— Он слишком занят, чтобы это сделать, — промурлыкал беловолосый мужчина, делая еще один шаг.

— А вы, видимо, нет.

Свободной рукой я сжала руку Нэсты. Она посмотрела на меня.

Мне нужно, чтобы ты доверилась мне, попыталась я донести до нее.

Нэста прочитала это в моих глазах — и едва заметно кивнула мне.

Я сказала им:

— Вы совершили серьезную ошибку, придя сюда. В мой дом.

Они захихикали.

Я ухмыльнулась и сказала:

— И я надеюсь, что оно разорвет вас на кусочки.

И я побежала, потянув за собой Нэсту. Не на верхние уровни.

А вниз.

Вниз в вечную черноту ямы, находящейся в сердце библиотеки.

И прямо в руки того, что скрывается внутри нее.

Поворот и вниз, поворот и вниз —

Полки и бумаги, мебель и темнота, запах затхлости и сырости, воздух становится тяжелее, темнота, словно роса, покрывает мою кожу —

Дыхание Нэсты рваное, ее юбки шелестят с каждым шагом.

Время — это лишь вопрос времени, когда одна из жриц свяжется с Рисом.

Но даже через минуту может быть слишком поздно.

Выбора нет. Никакого.

Впереди перестал загораться фейский свет.

За нами прозвучал низкий отвратительный смех.

— Не так уж и просто найти свой путь в темноте.

— Не останавливайся, — сказала я Нэсте, тяжело дыша, стремительно утаскивая нас в темноту.

Прозвучал пронзительный царапающий звук. Как будто кто-то провел когтем по камням. Один из Воронов пропел:

— Вы знаете, что случилось с ними — с королевами?

— Продолжай бежать, — выдохнула я, прижимая руку к стене, чтобы ориентироваться в темноте.

Скоро — скоро мы доберемся до дна, и тогда... И тогда столкнемся с чем-то настолько кошмарным, что Кассиан даже не хотел об этом рассказывать.

Меньшее из двух зол — или худшее из них.

— Самая младшая из них — эта сука со сморщенным лицом — вошла в Котел первой. Практически прошла по другим, чтобы сделать это, после того, как увидела, что он сделал с тобой и твоей сестрой.

— Не останавливайся, — повторила я, когда Нэста споткнулась. — Если я спущусь вниз, то ты *побежишь*.

Это был безоговорочный выбор. И это не пугало меня. Ни на секунду.

Теперь уже две пары когтей царапали камень.

— Но Котел... О, он *знал*, что у него что-то забрали. Не чувствовал, но... знал. Он был в ярости. И когда та молодая королева вошла в него...

Вороны засмеялись. Смеялись, когда наклонный путь выровнялся и мы оказались на дне библиотеки.

— О, он дал ей бессмертие. Он сделал ее Фэ. Но поскольку у него что-то забрали... Котел забрал у нее самое ценное. Ее юность, — они снова захихикали. — Вошла молодой женщиной... но вышла иссохшей старухой.

И из закоулков моей памяти всплыл голос Элейн: *Я вижу молодые руки, иссохшие от старости.*

— Другие королевы не захотели идти в Котел из страха, что случится то же самое. И

самая младшая из них... О, тебе нужно было слышать, как она говорила, Нэста Арчерон. О том, что *она* хочет с тобой сделать после того, как Хайберн закончит свое дело...

Идут вороны-близнецы.

Элейн знала. *Чувствовала* это. Она пыталась предупредить нас.

Внизу были старинные стеллажи. Или, по крайней мере, на ощупь это были они, когда мы наталкивались на бесчисленные твердые углы, пока бежали, ничего не видя.

Где оно, где оно —

Еще глубже в темноте, мы бежали.

— Нам уже надоедает эта погоня, — сказал один из них. — Наш господин ждет, что мы найдем вас.

Я громко фыркнула, и они это услышали.

— Я удивлена, что он вообще смог найти силы, чтобы разрушить защиту — ему, похоже, нужны магические предметы, которые делают его работу за него.

Другой зашипел, еще громче царапая стену:

— У кого, по-твоему, Амаранта украла книгу заклинаний много лет назад? Кто предложил развлечься, приклеив маски к лицам жителям Весеннего Двора в наказание? Другое небольшое заклинание, которым он сегодня воспользовался — чтобы сломать вашу защиту. Как жаль, что оно может быть использовано лишь раз.

Я изучала слабый луч света, который я едва разглядела — далеко и высоко над нами.

— Беги к свету, — сказала я Нэсте. — Я задержу их.

— Нет.

— Не пытайтесь благородствовать, если это то, о чем вы шепчетесь, — сказал один из Воронов за нашими спинами. — В любом случае мы поймаем вас обеих.

У нас не было времени — чтобы то, что находится здесь, внизу, нашло нас. У нас нет времени —

— *Беги*, — выдохнула я. — Пожалуйста.

Она колебалась.

— *Пожалуйста*, — умоляла я ее сорвавшимся голосом.

Нэста сжала мою руку.

И в следующую секунду она уже бежала прямо в центр ямы. К свету, который виднелся в вышине.

— Что... — рывкнул один из них, но я сделала выпад.

Все кости в моем теле дико болели, когда я врезалась в один из стеллажей. Потом еще раз. И еще.

Пока он не покачнулся и не рухнул, падая на тот, что находился рядом с ним. И на следующий. И на следующий.

Блокируя тот путь, которым ушла Нэста.

И мои шансы на побег тоже. Дерево скрипело и трещало, книги посыпались на камень.

Но впереди...

Я царапала и стучала по стене, когда я бросилась глубже в яму. Магии у меня почти не было.

— Мы все равно поймем ее, не переживай, — промурлыкал один из них. — Не хотелось бы, чтобы прелестные сестры были разлучены.

Где ты где ты где ты

Я не видела стену перед собой.

Сначала я ударила лицом, и мои зубы лязгнули. Я похлопала рукой, ничего не видя, нащупывая пролом, угол —

Стена продолжилась. Тупик. Если это тупик —

— Некуда больше идти, Леди, — сказал один из них.

Я продолжала двигаться, стиснув зубы, проверяя силу, которая все еще заморожена во мне. Нет даже ее капли, чтобы я осветила свой путь, чтобы узнала, где нахожусь —

Чтобы увидеть отверстия впереди —

Я застыла от ужаса. Нет. Нет, продолжай двигаться, продолжай идти —

Я протянула руку, отчаянно пытаюсь нащупать книжную полку. Конечно, они бы не установили полку рядом с зияющим отверстием в земле —

Мои пальцы встретили пустую тьму и проскользнули сквозь нее. Снова и снова.

Я споткнулась.

Мои пальцы уперлись в кожу — плотную кожу. Я потянулась и наткнулась ладонями на жесткие корешки книг, и почувствовала облегчение. Спасательный круг в бушующем море; я нащупала путь, держась за стеллаж, и теперь уже бежала. Он закончился слишком быстро. Я сделала еще один шаг вслепую, наталкиваясь ладонью до угла другого стеллажа. Прямо тогда, когда Вороны разочарованно зашипели.

Этот звук сказал мне достаточно.

Они упустили мой след — на мгновение.

Я осторожно двинулась вперед, прижимаясь спиной к полкам, восстанавливая дыхание, пока мои вдохи стали почти беззвучными.

— Пожалуйста, — выдохнула я в темноту, шепча. — Пожалуйста, помоги мне.

Где-то вдалеке древний пол задрожал от *взрыва*.

— Высшая Леди Ночного Двора, — прозвенел голос одного из Воронов. — Какую клетку нашему королю построить для тебя?

Страх убьет меня, страх —

В мое ухо зашептал мягкий голос, *Ты Высшая Леди?*

Голос был одновременно юным и древним, ужасным и красивым.

— Д-да, — прошептала я.

Я не ощущала тепла тела, не обнаружила никакого физического присутствия, но... я почувствовала это позади себя. Даже прижавшись к полкам, я чувствовала, что оно находится за мной. Вокруг меня. Как пелена.

— Мы чувствуем твой запах, — сказал другой Ворон. — И как твой мейт будет свирепствовать, когда узнаем, что мы забрали тебя.

— Пожалуйста, — выдохнула я, обращаясь к тому, что склонилось надо мной.

Что ты мне дашь?

Такой опасный вопрос. Никогда не заключай сделок, предупреждала меня Элис перед тем, как я ушла в Подгорье. Даже если сделки, которые я заключу... спасут нас. И приведут меня к Рису.

— Что ты хочешь?

Один из Воронов сказал:

— С кем она разговаривает?

Камень и ветер все слышат, все рассказывают. Они нашептали мне о твоём желании завладеть Костерезом. О сделке.

Мое дыхание участилось.

— И что с этого?

Я знал его когда-то давно. Прежде чем землю заполонили другие существа.

Вороны уже близко — слишком близко, судя по шипению одного из них:

— Что она бормочет?

— Она знает заклинания, как и наш господин?

Я прошептала тому, что скрывалось во тьме позади меня:

— Какова цена?

Шаги Воронов прозвучали так близко, что они были не дальше двадцати футов от меня.

— С кем ты говоришь? — спросил один из них.

Собеседник. Пошли мне собеседника.

Я открыла рот, но потом сказала:

— Чтобы... съесть?

От его смеха моя кожа покрылась мурашками. *Чтобы рассказывать мне о жизни.*

Впереди заколебался воздух — когда ко мне приблизились Вороны Хайберна.

— Вот ты где, — раздраженно сказал один из них.

— Это сделка, — выдохнула я.

Начала покалывать кожа на моем левом предплечье. Тот, кто позади меня... могла бы поклясться, что почувствовала, как оно улыбается.

Мне их убить?

— Да, п-пожалуйста.

Впереди вспыхнул свет, и я заморгала от ослепляющего шара фейского света.

Сначала я увидела Воронов-близнецов и этот шар света на их плечах — чтобы они смогли увидеть меня и схватить.

Их внимание переключилось на меня. Затем они посмотрели за мое плечо. За мою голову.

Их лица исказились от абсолютного неприкрытого ужаса. От того, кто стоял позади меня.

Закрой глаза, прошептало оно мне на ухо.

Я подчинилась, дрожа.

А потом я слышала лишь крики.

Пронзительный визг и мольбы. Треск костей, разбрызгивание крови, словно дождя, разрывание ткани, и крики, крики, *крики* —

Я так сильно зажмурила глаза, что было даже больно. Зажмурила их так сильно, что тряслась от этого.

Затем меня схватили теплые шершавые руки, оттаскивающие меня, и Кассиан сказал мне на ухо:

— Не смотри. *Не смотри.*

Я не смотрела. Я позволила ему увести себя. И почувствовала появление Риса. Почувствовала, как он приземлился на пол ямы с такой силой, что вся гора содрогнулась.

Тогда я открыла глаза. И обнаружила, что он стремительно несется к нам, ночь колышется вокруг него, на его лице такая ярость —

— Вытащи их.

Приказ, отданный Кассиану.

Позади нас все еще слышались крики.

Я потянулась к Рису, но он уже исчез, оставляя за собой шлейф тьмы.

Чтобы заслонить вид на то, куда он пошел.

Зная, что я посмотрю.

В ужасающей тишине Кассиан потащил меня к темному центру ямы. Там стояла Нэста с широко раскрытыми глазами, обнимая себя.

Кассиан лишь протянул ей руку. Словно в трансе, она подошла к нему. Его руки сжали нас обеих, а Сифоны вспыхнули, блестя в темноте кровавым светом.

И мы взмыли.

Прямо тогда, когда снова послышались крики.

ГЛАВА

32

Кассиан дал нам обеим по стакану бренди. Высокому стакану.

Нэста, сидя в кресле в семейной библиотеке высоко в Доме, выпила бренди залпом.

Я, сидя в кресле напротив нее, сделала глоток и вздрогнула от вкуса, а затем поставила свой стакан на низкий стол между нами.

— Выпей, — приказал Кассиан.

Но он был в ярости не из-за меня.

Нет — это было из-за того, кто был внизу. Из-за произошедшего.

— Ты ранена? — спросил меня Кассиан.

Он резко отчеканил каждое слово.

Я покачала головой.

Он не спросил Нэсту.. значит, он нашел ее первой. Сам убедился в том, что она не ранена.

— Король... город...

— Никаких признаков его присутствия.

Он напряг челюсть.

Мы сидели в тишине. Пока между открытыми дверями не появился Рис, при появлении которого сгустились тени.

Его руки были в крови — и больше ничего.

Так много крови, ярко-рубиновой в свете утреннего солнца.

Будто он голыми руками разорвал их на части.

Его глаза оледенели от ярости.

Но его взгляд опустился на мою левую руку с закатанным грязным рукавом.

На которой теперь была татуировка, словно тонкая полоса из черного железа, обернутая вокруг моего предплечья.

В моем дворе существует традиция делать отметки на коже, когда заключается сделка, сказал мне Рис в Подгорье.

— Что ты отдала ему?

Я не слышала такого тона с посещения Двора Кошмаров.

— Оно — оно сказала, что хочет собеседника. Кого-то, кто расскажет ему о жизни. Я согласилась.

— Это должна быть *ты*?

— Нет, — от тона его голоса и холодного выражения лица я залпом допила оставшееся бренди. — Оно просто сказало *кто-то*. И не уточнило, *когда*.

Я поморщилась, глядя на круговую черную полосу, по ширине с мой палец, которая обрывалась лишь в двух местах по бокам моего предплечья. Я попыталась встать, подойти к нему и взять его окровавленные руки в свои. Но мои колени все еще дрожали, так что я не смогла двигаться.

— Вороны короля мертвы?

— К тому времени, как я появился, они были почти мертвы. Но их мозги все еще работали, так что я смог забраться в их головы. И прикончить их, когда закончил свою работу.

Кассиан стоял с каменным лицом, глядя на окровавленные руки и ледяные глаза Риса.

Но мой мейт обратился к моей сестре.

— Хайберн охотится за тобой из-за того, что ты забрала у Котла. Королевы хотят твоей смерти в качестве мести — за то, что они не смогли стать бессмертными.

— Я знаю, — хрипло сказала Нэста.

— Что ты взяла?

— Я не знаю, — практически прошептала она. — Даже Амрен не может понять это.

Рис посмотрел на нее уничтожающим взглядом. Но Нэста посмотрела на меня — и я могла бы поклясться, что в ее взгляде читался страх, вина и... еще какая-то эмоция.

— Ты сказала мне бежать.

— Ты моя сестра, — сказала я ей.

Однажды она пыталась пересечь стену, чтобы спасти меня.

Она вздрогнула.

— Элейн —

— С Элейн все хорошо, — сказал Рис. — В городском доме был Азриэль. Люсьен туда направляется, а Мор уже почти на месте. Они знают об угрозе.

Нэста прислонила голову к подушке кресла, слегка скручиваясь.

Я сказала Рису:

— Хайберн проник в наш город. Снова.

— Ублюдок придержал это скоротечное заклинание до того момента, как оно действительно ему понадобилось.

— Скоротечное заклинание?

— Заклинание огромной силы, которым можно воспользоваться лишь раз — с ошеломляющим эффектом. Оно одно способно разрушить защитные заклинания... Он, скорее всего, выжидал все это время.

— Защитные заклинания...

— Амрен прямо сейчас приспособливает их к вещам такого рода. И после этого начнет прочесывать город, чтобы посмотреть, оставил ли король еще кого-то перед тем, как исчез.

За ледяной яростью скрывалась резкость, поэтому я сказала, *Какие-то проблемы?*

— Какие-то проблемы? — повторил он вслух, будто он не отличал мысленный разговор от настоящего. — Проблема в том, что эти *засранцы* вошли в мой дом и напали на моего *мейта*. Проблема в том, что мои собственные чертовы защитные заклинания сработали против меня, и ты заключила сделку с той *штукой*, чтобы не дать себя забрать. Проблема —

— Успокойся, — тихо, но жестко сказала я.

Его глаза горели, будто молния ударила в океан. Но он глубоко вздохнул, выдохнув через нос, и его плечи чуть-чуть расслабились.

— Ты видел, какое оно — то, что там внизу?

— У меня было достаточно предположений на его счет, так что я закрыл глаза, — сказал он. — Я открыл их только тогда, когда отошел от их тел.

Кожа Кассиана стала мертвенно-бледной. Он это видел. Он видел это снова. Но он ничего не сказал.

— Да, король прорвался сквозь нашу защиту, — сказала я Рису. — Да, все пошло плохо. Но мы не ранены. И Вороны дали нам кое-какую важную информацию.

Неаккуратный, поняла я. Рис был неаккуратным, убивая их. В обычной ситуации он оставил бы их живыми, чтобы потом их допросил Азриэль. Но он взял то, что ему было нужно, быстро и жестоко, и прикончил их. Он был более сдержанным с Аттором —

— Теперь мы знаем, почему Котел не работает в полную силу, — продолжила я. — Мы знаем, что Нэста для короля важнее, чем я.

Рис обдумал мои слова.

— Хайберн раскрыл свои карты, приведя их сюда. У него должны быть небольшие сомнения в своей победе, если он так рискнул.

Нэста выглядела так, словно ее сейчас стошнит. Кассиан молча наполнил ее стакан. Но я спросила:

— Как... как ты узнал, что мы в беде?

— Клото, — сказал Рис. — В библиотеке есть заколдованный колокол. Она позвонила в него, и этот звук дошел до всех нас. Кассиан прибыл первым.

Интересно, что происходило в первые минуты, когда он нашел мою сестру.

Будто прочитав мои мысли, Рис послал мне образ этих моментов, без сомнений любезно предоставленных Кассианом.

Паника — и ярость. Это было всем, что он знал, когда понесся в сердце ямы, пронзая древнюю тьму, которая когда-то потрясла его до глубины души.

Там была Нэста — и Фейра.

Первой он увидел Нэсту, пробирающуюся сквозь тьму, с широко раскрытыми глазами, у ее страха был острый запах, от которого он пришел в такую резкую ярость, что едва думал, едва дышал —

Он издала тихий животный звук — как раненый олень — когда увидела его. Когда он приземлился с такой силой, что у него треснули колени.

Он ничего не сказал, когда Нэста бросилась к нему, ее платье было грязным и помятым, ее руки потянулись к нему. Он раскрыл ей свои объятия, не в силах перестать приближаться к ней, тянуться к ней —

Но она схватила его за кожаные доспехи.

— Фейра, — прохрипела она, указывая назад своей свободной рукой, а второй сильно трясла его.

Сильно — такая неиспользуемая сила в этом стройном красивом теле.

— Хайберн.

Ему лишь это и надо было услышать. Он обнажил свой меч — затем Рис уже направлялся к ним, его сила была как проклятое богами извержение вулкана. Кассиан помчался вперед, в темноту, следуя на крики —

Я отстранилась, не желая видеть дальнейшее. Видеть, чему стал свидетелем Кассиан.

Рис подошел ко мне и поднял руку, чтобы пригладить мои волосы — но остановился, увидев кровь, стекающую по его пальцам. Вместо этого он осмотрел мою татуировку, теперь отмечающую мою левую руку.

— Пока нам не нужно приглашать его на ужин в честь солнцестояния, я смогу жить с этим.

— Ты сможешь жить с этим?

Я подняла брови.

Призрачная улыбка, даже после всего, что произошло, с чем нам теперь придется столкнуться.

— Теперь, по крайней мере, когда кто-то из вас будет плохо себя вести, я буду знать идеальное наказание. Спуститься вниз к той штуке и *разговаривать* в течение часа.

Нэста нахмурилась от отвращения, но Кассиан мрачно засмеялся.

— Спасибо, но я выберу мытье туалетов.

— Ваша вторая встреча, кажется, была не такой ужасной, как первая.

— На этот раз оно не пыталось меня *съесть*.

Но тени все еще сгустились в его глазах.

Рис тоже их видел. Видел их и тихо сказал, снова своим голосом Высшего Лорда:

— Предупреди всех, чтобы сегодня ночью все были в домах. Дети пусть уйдут с улиц на закате, после восхода луны все Дворцы закроются. Все, кто будут на улице, столкнутся с последствиями.

— Какими? — спросила я, теперь в мой живот обжигал алкоголь.

Рис сжал челюсть, и он посмотрел на сверкающий город за окнами.

— С охотящейся Амрен.

Когда мы прибыли в городской дом, Элейн уютно пристроилась на диване в гостиной рядом с слишком несерьезной Мор. Нэста прошла мимо меня прямо к Элейн и села рядом с ней с другой стороны, прежде чем обратила внимание на нас, стоящих в фойе. Ожидая — как-то ощущая, что скоро состоится собрание.

Люсьен, наблюдающий за улицей в переднее окно, повернулся к нам. На его боку висели меч и кинжал. На его лице не было ни тепла, ни юмора — лишь ожесточенная, мрачная решимость.

— Азриэль спускается с крыши, — сказал Рис, ни к кому конкретно не обращаясь, прислонившись к арке гостиной, и скрестил руки.

И, будто вызванный им, Азриэль вышел из теней лестницы и осмотрел нас с ног до головы. Его взгляд задержался на крови, засохшей на руках Риса.

Я стала у противоположной края арки, а Кассиан и Азриэль остались стоять между нами.

Рис на секунду замолчал, а потом сказал:

— Жрицы будут молчать о произошедшем сегодня. И жители города не узнают, *почему* Амрен сейчас готовится к охоте. Мы не можем допустить, чтобы узнали другие Высшие Лорды. Это может напугать их — и подорвет тот образ, который мы так долго создавали.

— Нападение на Веларис, — сказала Мор, сидя на диване, — уже показало, что мы

уязвимы.

— Это было неожиданное нападение, которое мы быстро остановили, — сказал Кассиан, а его Сифоны мерцали. — Аз убедился, что всплывшая информация показала нас победителями — способными победить в любом вызове, который нам бросит Хайберн.

— Сегодня мы это сделали, — сказала я.

— Это другое, — сказал Рис. — В первый раз у них был элемент неожиданности, что послужило нашим оправданием. Во второй раз... мы будем выглядеть неподготовленными. Уязвимыми. Мы не можем так рисковать перед встречей, которая состоится через десять дней. Так что мы будем выглядеть невозмутимыми, готовясь к войне.

Мор откинулась на диванные подушки.

— Войне, в которой у нас союзников, кроме Кейра, как в Прифиане, так и за его пределами.

Рис резко посмотрел на нее. Но Элейн тихо сказала:

— Королева может прийти.

Тишина.

Элейн уставилась на незажженный камин, в ее глазах — отсутствующая туманность.

— Какая королева, — сказала Нэста, жестче, чем она обычно говорила с нашей сестрой.

— Та, что была проклята.

— Проклята Котлом, — пояснила я Нэсте, отталкиваясь от арки. — Когда он был в ярости после твоего... ухода.

— Нет, — Элен посмотрела на меня, потом на нее. — Не эта. Другая.

Нэста вдохнула, успокаивая себя, и открыла рот, чтобы увести Элейн наверх, либо чтобы сменить тему.

Но Азриэль тихо спросил, делая шаг в гостиную:

— Какая другая?

Элейн нахмурилась.

— Королева — с пламенным оперением.

Говорящий с тенью наклонил голову.

Люсьен зашептал мне, все еще смотря на Элейн:

— Должны ли мы... ей нужно...?

— Ей ничего не нужно, — ответил Азриэль, посмотрев на Люсьена.

Теперь Элейн смотрела на главного шпиона — не мигая.

— Нам нужно... — Азриэль замолчал. — Провидица, — сказал он, больше для себя, чем для нас. — Котел сделал тебя провидицей.

ГЛАВА

33

Провидица.

Меня будто током пронзило.

Она знала. Она *предупреждала* Нэсту о Воронах. И в хаосе нападения это маленькое

откровение ускользнуло от меня.

Ускользнуло от меня как реальность и видения, посещавшие Элейн. *Провидица.*

Элейн повернулась к Мор, которая теперь смотрела на мою сестру, сидя рядом с ней на диване.

— Так ли это?

И слова, тон... они звучали так *нормально*, что моя грудь сжалась.

Мор осмотрела лицо моей сестры, будто взвешивая слова, вопрос, правду и ложь.

Наконец Мор моргнула, открывая рот. Словно ее магия наконец разрешила какую-то загадку. Она кивнула, медленно и однозначно. Люсьен медленно опустился на один из стульев перед окном, и его металлический глаз зажужжал, когда он посмотрел на мою сестру.

Полагаю, имело смысл и то, что один Азриэль прислушивался к ней. Мужчина, слышащий вещи, которые другие не слышат... Он, возможно, тоже страдал, как Элейн, пока не понял, каким даром обладает. Он спросил Элейн:

— Есть еще одна королева?

Элейн прищурилась, словно вопрос требовал какого-то внутреннего разъяснения, какую-то... дорожку, чтобы найти правильный путь к тому, что путало и мучило ее.

— Да.

— Шестая королева, — выдохнула Мор. — Королева, которая, как сказала золотая королева, не была больна...

— Она сказала не доверять другим королевам из-за этого, — добавила я.

И как только слова вылетели из моего рта... Это было похоже на то, как ты отходишь на несколько шагов от полотна, чтобы увидеть всю картину. Вблизи слова были запутанными и беспорядочными. Но издалека...

— Ты украла у Котла, — сказала я Нэсте, которая, казалось, была готова прыгнуть между всеми нами и Элейн. — Но что, если Котел сам *отдал* что-то Элейн?

С лица Нэсты сошли все краски.

— Что? — хрипло спросила она.

Люсьен, такой же мертвенно-бледный, хотел повторить вопрос Нэсты.

Но Азриэль кивнул.

— Ты знала, — сказал он Элейн. — О молодой королеве, превратившейся в старуху.

Элейн все моргала, а ее глаза снова стали ясными. Будто понимание, *наше* понимание... освободило ее из туманной сферы, в которой она находилась.

— Шестая королева жива? — спросил Азриэль, спокойным и ровным голосом главного шпиона Высшего Лорда, который сокрушал врагов и привлекал союзников.

Элейн задрала вверх голову, будто прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу.

— Да.

Люсьен все так же сидел, уставившись на мою сестру, будто никогда раньше ее не видел.

Я повернула лицо к Рису. *Потенциальный союзник?*

Я не знаю, ответил он. *Если остальные прокляли ее...*

— Какое проклятие? — спросил мой мейт, прежде чем закончил свою реплику, адресованную мне.

Элейн повернулась к нему. Еще раз моргнула.

— Они продали ее... какой-то тьме, какому-то... властному колдуну... — она покачала

головой. — Я не могу увидеть его. Чем он является. Он владеет ониксовым сундуком, который жизненно важен, важнее, чем все остальное... кроме них. Девушек. Он удерживает других девушек — таких, как она — но она... Днем она в одной форме, но ночью снова становится человеком.

— Птица с огненным оперением, — сказала я.

— Жар-птица днем, — сказал Рис, размышляя, — женщина ночью... Значит, она пленница этого властного колдуна?

Элейн покачала головой.

— Я не знаю. Я слышу ее — слышу ее крики. Неистовые. Полные ярости... — она вздрогнула.

Мор наклонилась вперед.

— Ты знаешь, почему другие королевы прокляли ее — продали ему ее?

Элейн посмотрела на стол.

— Нет. Нет — все это в тумане и тени.

Рис выдохнул.

— Ты можешь почувствовать, где она находится?

— Есть... озеро. Думаю, в глубине материка. Спрятанное среди гор и древних лесов, — Элейн сглотнула. — Он удерживает всех их в озере.

— Таких женщин, как она?

— И да, и нет. Их перья белые, как снег. Они скользят по воде — а она свирепствует в небесах над ним.

Мор сказала Рису:

— Что мы знаем о шестой королеве?

— Немного, — ответил Азриэль за него. — Мы мало что знаем. Она молода — ей около двадцати пяти. Скифия простирается вдоль стены, на востоке. Это самое маленькое царство среди владений человеческих королей, но изобилует торговлей и оружием. Ей управляет Васса, и я ни разу не получал отчеты с ее полным именем.

Рис задумался.

— Должно быть, она представляла серьезную угрозу, если королевы ополчились против нее. И учитывая их план...

— Если мы сможем найти Вассу, — вмешалась я, — она может сыграть огромную роль, убедив войска людей сражаться. И мы получим союзника на континенте.

— *Если* мы сможем найти ее, — возразил Кассиан, подходя к Азриэлю, слегка раскрыв крылья. — Это может занять месяца. Не говоря уже о мужчине, удерживающем ее в плену, который может оказаться сильнее, чем мы полагаем. Мы не можем так рисковать. И у нас времени, которое на это понадобится. Сначала нам нужно сосредоточиться на встрече с Высшими Лордами.

— Но от этого мы можем выиграть, — сказала Мор. — Возможно, у нее есть армия —

— Возможно, — отрезал Кассиан. Но если она проклята, то кто возглавит ее? И если ее владения так далеки... они будут путешествовать, как люди. Вспомни, как медленно они двигаются, как быстро умирают...

— Стоит попробовать, — возразила Мор.

— Ты нужна здесь, — сказал Кассиан.

Азриэль склонен был с ним согласиться, даже если молчал.

— Мне нужно, чтобы ты была на поле битвы — а не бродила по континенту.

По *человеческой* его половине. Даже если эти королевы собрали армию, которую отдадут Хайберну, они, без сомнения, встанут между тобой и Королевой Вассой.

— Не ты отдаешь мне приказы —

— Нет, это делаю я, — сказал Рис. — Не смотри на меня так. Он прав — ты нужна нам здесь, Мор.

— Скифия, — сказала Мор, тряся головой. — Я помню их. Они ездят на лошадях. Кавалерия может передвигаться гораздо быстрее —

— Нет.

По глазам Риса была видно, что он не отступится. Приказ был окончательным.

Но Мор снова попыталась.

— Есть причина, по которой Элейн видит такие вещи. Она говорила правду о постаревшей королеве, о нападении Воронов — *почему* она видит эти образы? *Почему* она слышит эту королеву? Это должно быть важным. Если мы проигнорируем это, то, возможно, мы проиграем.

Тишина. Я осмотрела их всех. Важные. Каждый из них *здесь* необходим. Но я...

Я втянула воздух.

— Я пойду.

Люсьен смотрел на Элейн, пока говорил.

Мы все посмотрели на него.

Рис посмотрел на Риса, а потом на меня.

— Я пойду, — повторил он, поднимаясь на ноги. — Чтобы найти шестую королеву.

Мор открыла и закрыла рот.

— Почему ты думаешь, что сможешь найти ее? — спросил Рис.

Не грубо, но с точки зрения командира. Сопоставляя навыки Люсьена с рисками и потенциальной выгодой.

— Это глаз... — Люсьен указал на свой металлический аппарат. — Он может видеть вещи, которые другие... не могут. Заклинания, скрывающие чары... Возможно, он поможет мне найти ее. И разрушить ее проклятие, — он посмотрел на Элейн, которая снова изучала свои колени. — Я здесь не нужен. Я буду сражаться, если понадобится вам, но... — он мрачно улыбнулся мне. — Я не принадлежу Осеннему Двору. И готов поспорить, что мне больше не рады д... в Весеннем Дворе, — он почти сказал *дома*. — Но я не могу сидеть здесь и *ничего* не делать. Эти королевы со своими войсками — тоже достаточно серьезная угроза. Так что используйте меня. Пошлите меня. Я найду Вассу, узнаю, сможет ли она... привести помощь.

— Ты войдешь на людскую территорию, — предупредил Рис. — Я не могу выделить тебе охранников...

— Они мне не нужны. Я путешествую быстрее, когда один, — он поднял подбородок. — Я найду ее. И если можно помешать тем армиям прийти сюда, или, по крайней мере, можно будет распространить ее историю среди людских войск... То я найду способ сделать и это тоже.

Мои друзья переглянулись. Мор сказала:

— Это будет... очень опасно.

Губы Люсьена изогнулись в полуулыбке.

— Отлично. Иначе я бы заскучал.

Лишь Кассиан усмехнулся в ответ.

— Я дам тебе иллирийское оружие.

Теперь Элейн настороженно наблюдала за Люсьеном. Часто мигая. Она не показывала признаков, что могла что-то видеть. Чувствовать. Никакого.

Рис оттолкнулся от арки.

— Я рассею тебя так далеко, как смогу — куда бы тебе не нужно было попасть, чтобы начать свое путешествие.

Люсьен действительно последнее время изучал все карты. Возможно, по воле силы, которая направляет нас всех. Мой мейт добавил:

— Спасибо.

Люсьен пожал плечами. И именно это заставило меня сказать напоследок:

— Ты уверен?

Он только посмотрел на Элейн, на чьем лице снова была спокойная пустота, пока она проводила пальцем по вышивке диванных подушек.

— Да. Позвольте мне хоть как-то помочь.

Даже Нэста казалась сравнительно обеспокоенной. Не из-за него, без сомнений, но из-за того, что если он будет ранен или убит... Что это сделает с Элейн? Разрыв связи мейтов... Я прогнала мысль о том, что это может сделать со мной.

Я спросила Люсьена:

— Когда ты хочешь уйти?

— Завтра, — я не слышала его самоуверенного тона уже... долгое время. — Сегодня я подготовлюсь, а отбуду завтра после завтрака.

Он добавил, обращаясь к Рису:

— Если тебе так будет удобно.

Мой мейт лениво махнул рукой.

— Мы создадим все условия, чтобы то, что ты собираешься сделать, Люсьен, получилось.

Снова наступила тишина. Если он сможет найти эту пропавшую королеву и, возможно, развернет хоть часть людских войск, или, по крайней мере, повлияет на смертные силы, находящиеся под влиянием Хайберна... Если я смогу найти способ заставить Костереза сражаться за нас, не прибегая к использованию этого ужасного зеркала... Будет ли этого достаточно?

Похоже, все решит встреча с Высшими Лордами.

Рис указал подбородком на Азриэля, который принял этот жест за приказ исчезнуть — без сомнения, чтобы проверить Амрен.

— Узнайте, напали ли на Кейра и его Несущих Тьму, — приказал мой мейт Мор и Кассиану, которые кивнули и тоже ушли.

Оставшись наедине с моими сестрами и Люсьеном, мы с Рисом поймали взгляд Нэсты.

И на этот раз моя сестра встала и подошла к нам, после чего мы втроем незаметно поднялись вверх. Оставляя Люсьена и Элейн одних.

Было сложно не задержаться на верхних ступеньках лестницы, не слушать, что они говорят.

Если они вообще что-то сказали.

Но я заставила себя взять руку Риса, вздрагивая от засохшей крови на его коже, и повела его в нашу ванную. Нэста сильно хлопнула дверью, заходя в свою комнату.

Рис молча наблюдал за мной, когда я повернула кран в ванной и взяла мочалку из ящика

у стены. Я села на край ванны, проверяя запястьем температуру воды, и похлопала рукой по фарфоровому бортику ванны рядом с собой.

— Садись.

Он подчинился и опустил голову, когда сел.

Я взяла одну из его рук, поднося ее к журчащему потоку воды, и подставила под воду.

Красная вода стекала с его кожи, смешиваясь с чистой водой в ванне. Я взяла мочалку и осторожно начала тереть, отмывая еще больше крови, и вода забрызгивала безукоризненно чистые рукава его камзола.

— Почему ты не защитил свои руки?

— Я хотел почувствовать это — как их жизни оборвались под моими пальцами.

Холодные ровные слова.

Я потеряла его ногти, кровь забилась в щели между кожей и ногтевой пластиной. И под ногти.

— Почему в этот раз все по-другому?

Не так, как с засадой Аттора, нападением Хайберна в лесу, нападением на Веларис... всем этим. Я и раньше видела, как он был в ярости, но он никогда... никогда не был таким отстраненным. Как если бы моральные принципы и доброта спрятались внутри, в замерзших глубинах, в которые он погрузился.

Я развернула его ладонь, приступая к участку между его пальцами.

— В чем смысл, — сказал он, — всей этой силы... если я не могу защитить наиболее уязвимых в своем городе? Если не замечаю начавшееся нападение?

— Даже Азриэль не заметил —

— Король использовал древнее заклинание и вошел во *входную дверь*. Если я не могу...

Рис покачал головой, и я отпустила теперь уже чистую его руку, потянувшись к другой. Вода еще сильнее окрасилась кровью.

— Если я не могу защитить их здесь... Как я могу...

Он сглотнул. Я приподняла его подбородок рукой. Ледяная ярость превратилась во что-то слегка разбитое и ноющее.

— Эти жрицы натерпелись достаточно. Я подвела их сегодня. В библиотеке... они больше не будут чувствовать себя в безопасности. Единственное место, принадлежащее только им, где они знали, что были защищены... Сегодня Хайберн забрал его у них.

И у него. Он ходил в библиотеку, чтобы исцелиться — почувствовать себя в безопасности.

Он сказал:

— Возможно, это наказание за то, что я забрал у Мор Веларис — предоставив Кейру в него доступ.

— Ты не можешь так думать — это плохо закончится.

Я отмыла его вторую руку, ополоснула мочалку, потом начала водить ей по его шее, вискам... Успокаивающие, теплые надавливания, не для того, чтобы отмыть его, а чтобы расслабить.

— Я не злюсь из-за сделки, — сказал он, закрывая глаза, когда я провела мочалкой по его лбу. — Если только ты... не беспокоишься о ней.

— Нет.

Рис открыл глаза, будто услышал улыбку в моем голосе, и смотрел на меня, пока я со шлепком швырнула тряпку в ванну и выключила воду.

Он все еще смотрел на меня, когда я взяла его лицо в свои мокрые руки.

— Произошедшее сегодня — не твоя вина, — сказала я, слова заполнили залитую солнечным светом ванную комнату. — Ничего из этого. Виноват Хайберн — и когда мы снова с ним столкнемся, то вспомним эти нападения, раны, нанесенные нашим людям. Мы забыли о книге заклинаний Амаранты — на свою беду. Но у нас есть своя Книга — надеюсь, что с заклинанием, которое нам нужно. И пока... пока мы будем готовиться, и мы примем последствия. Пока мы будем двигаться вперед.

Он повернул голову и поцеловал мою ладонь.

— Напомни мне повесить твою зарплату.

Я поперхнулась кашлем.

— За что?

— За мудрые советы — и другие важные услуги, которые ты мне оказываешь, — подмигнул он.

Я искренне рассмеялась и сжала его лицо, когда быстро поцеловала его.

— Бесстыдный флирт.

Наконец его глаза потеплели.

Так что я потянулась к полотенцу цвета слоновой кости и обернула мягкой тканью его руки, теперь чистые и теплые.

ГЛАВА

34

Амрен не нашла других убийц или шпионов из Хайберна во время ее долгой ночной охоты в Веларисе. Как она искала их, как она отличала друзей от врагов... Некоторые люди, как сказала мне Мор на следующее утро — после того, как *все* мы провели бессонную ночь — окропили пороги своих домов кровью ягненка. Своего рода предложение для нее. И оплата, чтобы она держалась подальше. Некоторые оставляли чаши с этой кровью на своих порогах.

Как будто все в городе знали, что вторая Высшего Лорда, эта невысокая женщина... она была монстром, защищающим их от других ужасов мира.

Большую часть прошедшего дня и ночи Рис провел с жрицами, убеждая их, что они в безопасности, накладывая на них новые защитные заклинания. Жрица, которая впустила их... по какой-то причине Хайберн оставил ее в живых. Она впустила Риса в свою голову, чтобы он посмотрел, что произошло: когда король сломал защитные заклинания скоротечным заклинанием, его Вороны представились двумя старыми учеными, чтобы заставить жрицу открыть им дверь, а затем пробрались в ее сознание, чтобы она впустила их без проверки. Пройти через это одной... Вчера Рис провел много времени с той жрицей. И Мор тоже.

Разговаривая, выслушивая тех, кто *может* говорить, держа за руку тех, кто не может.

И когда они, в конце концов, ушли... Между моим мейтом и его кухней установился мир. Давняя рваная рана, которая каким-то образом затянулась.

У нас мало времени. Я знала это. Ощущала это с каждым вдохом. Хайберн не идет.

Хайберн уже *здесь*.

До встречи с Высшими Лордами осталась неделя — и Нэста все еще отказывается присоединиться к нам.

Но все в порядке. Мы справимся. Я справлюсь.

У нас нет другого выхода.

Поэтому на следующее утро я стояла в фойе и наблюдала, как Люсьен вешает на плечо свой тяжелый рюкзак. Под его тяжелой курткой были иллирийские кожаные доспехи, под которыми были слои одежды, чтобы он смог выжить в разных климатических условиях. Он заплел свои рыжие волосы, которые струились по его спине — закрывая иллирийский меч, закрепленный на ней.

Вчера Кассиан предоставил ему свободный доступ к своему личному складу оружия, хотя мой друг сделал довольно экономный выбор. Меч, короткий меч, набор кинжалов. Колчан стрел и лук с ненапрянутой тетивой были привязаны к его рюкзаку.

— Ты точно знаешь место, в которое хочешь, чтобы Рис тебя доставил? — спросила я напоследок.

Люсьен кивнул, смотря на моего мейта, ожидающего у входной двери. Он доставит Люсьена на окраину людского континента — туда, откуда, как решил Люсьен, будет лучше всего начать свой путь. Азриэль настоял, чтобы он доставил его не дальше этого места. Судя по его донесениям, за тем местом слишком сильно наблюдали, и там было слишком опасно. Даже для одного из нас. Даже для самого могущественного Высшего Лорда в истории.

Я шагнула вперед, не дав времени Люсьену на отступление, и крепко обняла его.

— Спасибо, — сказала я, пытаюсь не думать обо всем этом оружии на нем — что ему, возможно, придется его использовать.

— Пришло время, — тихо сказал Люсьен, слегка сжимая меня. — Чтобы я что-то сделал.

Я отстранилась, смотря на его лицо со шрамами.

— Спасибо, — сказала я снова.

Я мне могла придумать, что еще сказать.

Рис протянул Люсьену руку.

Люсьен посмотрел на нее — а потом на лицо моего мейта. Я почти видела все эти отвратительные слова, которые они говорили друг другу. Повиснувшие между ними, между его протянутой рукой и рукой Люсьена.

Но Люсьен принял руку Риса. Молчаливое соглашение не только на перемещение.

Прежде чем темный ветер унес их, Люсьен посмотрел назад.

Не на меня, поняла я — а на кого-то позади меня.

На лестнице стояла Элейн, бледная и худая.

Они встретились взглядами и смотрели друг на друга.

Но Элейн ничего не сказала. Лишь спустилась на ступеньку.

Люсьен склонил голову в поклоне, чем скрыл блеск в своих глазах — тоску и грусть.

И когда Люсьен повернулся, чтобы дать Рису знать, что они могут уходить... Он не оглянулся на Элейн.

И не увидел, как она шагнула к лестнице — будто хотела ему что-то сказать. Остановить его.

После этого Рис с Люсьеном исчезли.

Когда я повернулась, чтобы предложить Элейн позавтракать, она уже уходила обратно.

Я ждала возвращения Риса в фойе.

В столовой, слева от меня, Нэста молча тренировалась возводить невидимые стены в своем уме — мы не видели Амрен после ее вчерашней ночной охоты. Когда я спросила, если какие-то успехи, моя сестра сказала:

— Амрен думает, что почти готова попробовать сделать то же самое на материальных предметах.

Вот и все. Я оставила ее, не осмелившись спросить, близка ли *и* Амрен к нахождению в Книге какого-либо заклинания, способного починить стену.

В тишине я считала минуты, одну за одной.

Затем в фойе закружился знакомый темный ветер, и я прерывисто выдохнула, когда Рис появился посреди ковра в коридоре. Ни признаков попадания в неприятности, ни ран и ушибов, но я обняла его за талию, чтобы почувствовать его, вдохнуть его запах.

— Все прошло хорошо?

Рис поцеловал меня в макушку.

— Так хорошо, как и мы ожидали. Теперь он на континенте, направляется на восток.

Он заметил, что Нэста тренируется, сидя за обеденным столом.

— Как держится наша новоявленная провидица?

Я отступила на шаг, чтобы объяснить, что я оставила Элейн одну, но Нэста сказала:

— Не называй ее так.

Рис недоверчиво посмотрел на меня, но Нэста снова начала листать свою книгу, выражение ее лица стало отсутствующим — пока она практиковалась в возведении стен, как ей приказала Амрен. Я ткнула его в ребра. *Не провоцируй ее.*

Уголки его рта приподнялись — выражение, полное злого восторга. *Могут ли я спровоцировать тебя взамен?*

Я сжала губы, чтобы не улыбаться —

Распахнулась входная дверь и в дом ворвалась Амрен.

Рис мгновенно повернулся к ней.

— Что?

Исчезла легкая игривость, расслабленная поза.

Бледное лицо Амрен оставалось спокойным, но ее глаза... В них пылала ярость.

— Хайберн напал на Летний Двор. Пока мы говорим, они осаждают Адриату.

ГЛАВА

35

Хайберн, наконец, сделал свой ход. И мы этого не ожидали.

Я знала, что Азриэль возьмет всю вину на себя. Один взгляд на Говорящего с тенями, который через несколько минут прокрался во входную дверь городского дома вместе с Кассианом, и я поняла, что он уже это сделал.

Мы стояли в фойе, а Нэста стояла у обеденного стола позади меня.

— Тарквин позвал на помощь? — спросил Кассиан Амрен.

Никто из нас не осмелился спросить, как она об этом узнала.

Амрен сжала челюсть.

— Я не знаю. Я получила сообщение, и больше ничего.

Кассиан кивнул и повернулся к Рису.

— Когда ты был в Летнем Дворе, у них были подготовленные передвижные боевые отряды?

— Нет, — сказал Рис. — Его армада разбросана вдоль побережья.

Рис посмотрел на Азриэля.

— Половина в Адриате, а другая разбита на части, — сказал Говорящий с тенями. — Его пешая армия переместилась к границе с Весенним Двором... после Фейры. Ближайшие отряды примерно в трех днях пути. Очень немногие могут рассеиваться.

— Сколько кораблей? — спросил Рис.

— Двадцать в Адриате, и они полностью вооружены.

Рис посмотрел на Амрен, подсчитывая в уме.

— Численность Хайберна?

— Я не знаю. Много. Это... думаю, что они проигрывают.

— Как точно звучало сообщение? — каждое слово пронизано чистой властью, не терпящей возражений.

Глаза Амрен сверкали как чистое серебро.

— Это было предупреждение. От Вариана. Чтобы мы сами подготовились к защите.

Абсолютная тишина.

— Принц Вариан послал тебе предупреждение? — тихо спросил Кассиан.

Амрен посмотрела на него.

— Это то, что делают друзья.

Стало еще тише.

Я встретила взгляд Риса, ощутила тяжесть, страх и гнев, закипающие за маской холодности.

— Мы не можем оставить Тарквина сражаться в одиночку, — сказала я.

Возможно, Хайберн вчера послал Воронов для того, чтобы отвлечь нас от наблюдения за другими дворами. Чтобы мы сосредоточились на Хайберне, а не на своем острове.

Внимание Риса переместилось на Кассиана.

— Кейр и его Несущие Тьму готовы к выдвижению. Как скоро смогут прилететь иллирийские легионы?

Рис в тот же момент рассеял Кассиана в военные лагеря, чтобы самому раздавать приказы. Азриэль исчез вместе с ними, идя на разведку в Адриату вместе со своими самыми надежными шпионами.

Тошнота подступила к горлу, когда Кассиан и Азриэль постучали по Сифонам на своих руках, и их тела покрыла чешуйчатая броня. Когда на каждом появилось по семь Сифонов. Когда изуродованные руки Говорящего с тенями проверили пряжки на его ноже и колчане, пока Рис призывал дополнительные мечи для Кассиана — два на его спине, по одному с каждой стороны.

Потом они ушли — спокойные и с каменными лицами. Готовые пролить кровь.

Через несколько мгновений пришла тяжело вооруженная Мор. Ее волосы были убраны назад, и она вся дрожала от нетерпения.

Но мы с Мор ждали — приказа выступить. Присоединиться к ним. Кассиан переместил иллирийские отряды ближе к южным границам, пока меня не было все эти недели, но даже так они не смогут лететь, не затратив несколько часов на подготовку. И поэтому Рису нужно рассеять их всех. *Всех* их. В Адриату.

— Вы будете сражаться?

Теперь Нэста стояла на лестнице городского дома, наблюдая, как мы с Мор готовимся. Скоро — Азриэль или Рис скоро свяжутся с нами, тогда, когда можно будет свободно рассеиваться в Адриату.

— Мы будем сражаться, если это потребуется, — сказала я, еще раз проверяя, надежно ли зафиксирован на моих бедрах ремень с ножами.

Мор тоже надела иллирийские кожи, но ее мечи были другими. Тоньше, легче, со слегка изогнутыми кончиками. Будто молния обрела материальный облик. Она сказала мне, что это мечи Серафимов. Которые ей подарил сам Принц Дрейкон во время Войны.

— Что вы знаете о битве?

Я не могла сказать, просто любопытствовала ли моя сестра или пыталась оскорбить.

— Мы знаем достаточно, — твердо сказала Мор, опуская свою длинную косу между мечей, скрещенных на ее спине.

Элейн и Нэста останутся здесь, а Амрен будет присматривать за ними. И присматривать за Веларисом, вместе с небольшим отрядом иллирийцев, которому Кассиан приказал разбить лагерь на горе над городом. Мор разминулась с Амрен, которая, по-видимому, направлялась к мяснику, чтобы пополнить свои запасы провизии, прежде чем она останется здесь — столь долго, сколько мы пробудем в Адриате. Если мы вообще вернемся.

Я снова встретила взгляд Нэсты. И увидела в ее глазах только настороженную сдержанность.

— Когда сможем, мы пришлем сообщение.

Грохотание полуночного грома коснулось стен моего разума. Тихий сигнал, промчавшийся сквозь земли и горы. Как если бы внимание Риса было приковано к чему-то другому — и он не смел прервать его.

Мое сердце заколотилось. Я схватила Мор за руку, чешуйки кожаных доспехов впились в мою ладонь.

— Они добрались. Идем.

Мор повернулась к моей сестре, и я никогда не видела ее такой... воинственной. Я знала, что скрывалось внутри ее, но это была Морриган. Женщина, *сражавшаяся* на Войне. Которая знала, как отнимать жизни мечом и магией.

— Это не то, с чем мы бы не справились, — сказала Мор Нэсте с дерзкой улыбкой, и затем мы исчезли.

Черный ветер ревел и разрывал меня, и я прильнула к Мор, когда она рассеивала нас через дворы, ее рваное дыхание отдавалось в моем ухе —

Потом появился ослепляющий свет, удушающая жара, крики, нарастающий грохот, скрежет металла —

Я покачнулась, широко расставляя ноги, часто моргая. Рассматривая происходящее вокруг.

Рис и иллирийцы уже вступили в схватку.

Мор рассеяла нас на бесплодную вершину одного из холмов, окружающих залив Адриаты в форме полумесяца, с которой открывался абсолютный обзор города-островка в его центре и материковой части города.

Вода залива была красной.

Из кривых черных столбов зданий и тонущих кораблей шел дым.

Люди вопили, солдаты перекрикивались —

Так много.

Я не ожидала, что здесь будет так много солдат. От обеих сторон.

Я думала, что они будут наступать аккуратными рядами. Что не будет повсеместного хаоса. Что иллирийцы не будут в небесах над городом и гаванью, обрушая свою силу и стрелы на армию Хайберна, которая заполонила город. Корабль за кораблем появлялись из горизонта, окружая все входы в бухту. И в бухте...

— Это корабли Тарквина, — сказала Мор с напряженным лицом, указывая на белые паруса, которые с устрашающей силой сражались с серыми парусами флота Хайберна.

Их превосходили по численности, и все же струи магии — воды, ветра и кнутов из лоз — продолжали атаковать любое судно, которое к ним приближалось. И те, кто прорывались сквозь их магию, сталкивались с солдатами, вооруженными копьями, стрелами и мечами.

И перед ними, надвигаясь на флот... были ряды иллирийцев.

Так много. Рис рассеял их сюда — всех их. Истощение его сил...

Мор сглотнула.

— Больше никто не пришел, — прошептала она. — Ни один двор.

Как не было и следов Тамлина и Весеннего Двора на стороне Хайберна.

Оглушительная стрела темной силы врезалась во флот Хайберна, сбивая корабли — но не много. Будто...

— Силы Риса либо уже израсходованы, либо... они чем-то ее ограничивают, — сказала я. — Большое количество фэбейна?

— Хайберн был бы глупцом, не используя его, — ее пальцы сжались и разжались.

Пот скатился по ее виску.

— Мор?

— Я знала, что это произойдет, — прошептала она. — В какой-то момент начнется другая война. Я знала, что на *этой* войне будут вестись бои. Но... Я забыла, как это ужасно. Звуки. Запахи.

Действительно, даже находясь на скалистом выступе высоко над городом, это... ошеломляло. Запах крови, мольбы и крики... Стоя посреди всего этого...

Элис. Элис ушла из Весеннего Двора, опасаясь, что я его разрушу — и пришла сюда. К *этому*. Я молилась, чтобы она была не в самом городе, молилась, чтобы она и ее племянники были в безопасности.

— Мы должны идти во дворец, — сказала Мор, распрямляя плечи.

Я не осмелилась прерывать сосредоточенность Риса, открывая проход в нашей связи, но, похоже, он все еще был способен раздавать приказы.

— Солдаты проникли с севера, и их укрепления окружены.

Я кивнула, и Мор обнажила свой тонкий извилистый клинок. Она блестела так же ярко, как и глаза Амрен, эта сталь Серафимов.

Я обнажила свой иллирийский клинок, металл был темным и древним по сравнению с живым серебряным пламенем в ее руке.

— Мы будем держаться близко — и ты не будешь терять меня из виду, — сказала Мор спокойно и четко. — Сначала осматриваем коридоры и лестницы, а потом идем по ним.

Я снова кивнула, не находя слов. Мое сердце бешено колотилось, мои ладони вспотели. Вода — я жалела, что не взяла воду. Во рту дико пересохло.

— Если ты не можешь заставить себя убивать, — добавила она без намека на осуждение, — то защищай мою спину.

— Я смогу сделать это... убийства, — прохрипела я.

В тот день в Веларисе я смогла.

Мор посмотрела, как я вцепилась в рукоятку своего меча, как я напрягла плечи.

— Не останавливайся и не медли. Мы будем продвигаться вперед, пока я не скажу отступить. Раненых оставляем целителям.

Никому их них это не нравится, поняла я. Мои друзья — они были на войне и вернулись с нее, и она не показалась им развлечением, они не позволили воспоминанием о ней омрачать свою жизнь. Но они готовы погрузиться в этой ад снова ради Прифиана.

— Пошли, — сказала я.

Каждое мгновение, которое мы потратили впустую, может оканчиваться чьей-то гибелью в сверкающем дворце у залива.

Мор сглотнула и рассеяла нас во дворец.

Вероятно, она бывала здесь пару раз, потому что знала, куда рассеять нас.

Средние уровни дворца Тарквина были общественным местом, находясь между нижними уровнями для слуг и низших фейри и сияющими жилыми апартаментами для Высших Фэ на уровнях выше. Когда я в последний раз видела этот огромный зал, свет был ясным и белым, отражаясь от покрытых ракушками стен, танцуя в бегущих по полу ручейках. Море за высокими окнами было бирюзовым, испещренным яркими сапфирами.

Теперь море задышалось от громадных кораблей и крови, ясные небеса, полные иллирийских воинов, которые напали на них, решительно и непоколебимо удерживая позиции. Толстые металлические щиты сверкали, когда иллирийцы снижались и поднимались, все больше покрываясь кровью. Если вообще возвращались в небеса.

Но мое задание было здесь. В этом здании.

Мы осматривали уровень, прислушиваясь.

Безумный шум эхом отзывался на лестничных пролетах, ведущих вниз, как и грохот ударов.

— Они забаррикадировались на верхних уровнях, — заметила Мор, когда я подняла брови.

Оставив низших фейри в ловушке внизу. Беспомощных.

— Ублюдки, — выдохнула я.

У низших фейри было не так уж и много магии — не столько, сколько у Высших Фэ.

— Сюда, — сказала Мор, указывая подбородком на лестницу, ведущую вниз. — Они на три этажа ниже, и они поднимаются. Пятьдесят из них.

Не хуже корабля.

Первые два убийства совершить было сложнее всего. Я не тратила физическую силу на группу из пяти воинов Хайберна — Высших Фэ, не похожих на незначительных существ вроде Аттора — направляющихся к забаррикадированной комнате, полной испуганных слуг.

Нет, даже если мое тело колебалось, прежде чем убить, то магия нет.

У ближайших двух воинов была слабая защита. Я прорвалась сквозь них с испепеляющей стеной из огня. Огонь, который потом забрался в их горла, сжигал все на своем пути.

И затем он испепелил их кожу, сухожилия и кости, отделяя головы от их тел.

Мор просто убила ближайшего к ней воина старым добрым обезглавливанием.

Она вертелась, а голова воина все еще падала, и отрезала голову другому, приближающемуся к ней.

Последний воин перестал пытаться прорваться через забаррикадированную дверь.

И посмотрел на нас безжизненными глазами, горящими ненавистью.

— Сделай это, — сказал он, его акцент был очень похож на акцент Воронов.

Он поднял свой меч, по желобу которого стекала кровь.

По другую сторону двери кто-то зарыдал от ужаса.

Воин бросился на нас, сверкнул меч Мор.

Но я ударила раньше, в его лицо брызнула струя чистой воды — ошеломляя его. Потом скользнула в его открытый рот, его горло, нос. Лишая его воздуха.

Он упал на пол, хватаясь за шею, пытаясь избавиться от воды, которая топила его.

Мы пошли дальше, даже не взглянув на него, и скоро его хрюканье от удушения стихло.

Мор покосилась на меня.

— Напомни мне не переходить тебе дорогу.

Я оценила ее попытку пошутить, но... смех был чуждым. Я лишь тяжело дышала, в моих венах циркулировала мания, и я осматривала все вокруг ясным взглядом.

Мы обнаружили еще восьмерых убитых и раненых, спальные помещения превратились в место, где воины Хайберна получали нездоровое удовольствие. Я не хотела заикливаться на том, что они делали, и только отмечала про себя это, так что знала, как убить быстро и легко.

Те, кто только убивал, умирали быстро.

Другие... Мы с Мор медлили. Не сильно, но их смерти были более медленными.

Двух из них мы оставили в живых — раненых и обезоруженных, но живых — чтобы их убили выжившие фейри.

Я дала им два иллирийских ножа, чтобы они сделали это.

Воины Хайберна начали кричать еще до того, как мы очистили этот этаж.

Внизу пол коридора был залит кровью. Стоял оглушающий грохот. Десяток воинов в серебряно-синей броне двора Тарквина сражались с большим количеством воинов Хайберна. Их оттесняли в коридор.

Их почти придвинули к лестнице, по которой мы только что шли, воины Хайберна шли на них плотными рядами, перешагивая — наступая *на* — тела павших воинов Летнего Двора.

Воины Тарквина ослабевали, даже если продолжали вращаться, продолжали сражаться. Ближайший, увидев нас, открыл рот, чтобы приказать нам бежать. Но потом он увидел броню, кровь на нас и наших мечах.

— Не бойся, — сказала Мор, когда я протянула руку и сгустилась тьма.

Воины обеих сторон закричали, отскакивая назад, зазвенела броня.

Но я изменила свои глаза, чтобы видеть в темноте. Как я делала это в иллирийском лесу, когда впервые пустила кровь Хайберна.

Мор, думаю, была рождена со способностью видеть во тьме.

Мы рассеивались по коридору, укрытому тьмой, короткими промежутками.

Я видела их ужас, когда убивала их. Но они не могли видеть меня.

Каждый раз, когда мы появлялись перед воинами Хайберна, неистовыми в непроглядной тьме, их головы падали. Одна за другой. Рассеяться; резануть. Рассеяться; глухой звук.

Пока не осталось ни одного, лишь куча их тел, лужа их крови.

Я изгнала тьму из коридора, обнаруживая воинов Летнего Двора изумленных и задыхающихся. Из-за нас. Из-за того, что мы сделали за одну минуту.

Я не смотрела слишком долго на резню, которую мы устроили. Как и Мор.

— Куда еще? — спросила я.

Мы очистили весь дворец, включая нижние уровни. Затем мы направились на улицы города, на крутой холм, ведущий к воде, переполненной воинами Хайберна.

Утреннее солнце поднялось выше, было невыносимо жарко, от пота наша кожа под иллирийской броней стала скользкой и припухшей. Я уже не отличала пот на моих ладонях от крови, покрывающей их.

Я много что перестала чувствовать, когда мы убивали и убивали, иногда сражаясь в прямом бою, иногда с помощью магии, иногда получая ушибы и небольшие раны.

Но солнце продолжало свой путь по небу, и в бухте продолжалась битва, линии иллирийских воинов наступали на флот Хайберна сверху, а армада Тарквина продвигалась сзади.

Медленно, мы очищали улицы от воинов Хайберна. Все, что я знала, это солнце, от которого на моей коже запекалась кровь, и ее медный запах достигал моих ноздрей.

Мы только что очистили узкую улицу, Мор, пройдя рядом с павшими воинами Хайберна, заботилась, что все, кто остался в живых... умерли. Я прислонилась к испачканной кровью каменной стене, прямо перед разрушенным передним окном портного, наблюдая, как ослепляющий меч Мор поднимается и опускается, словно яркая вспышка.

Вокруг нас, повсюду, крики умирающих были похожи на нескончаемые удары городских предупреждающих колоколов.

Вода — мне нужна вода. Хотя бы чтоб вымыть кровь их своего рта.

Не только свою кровь, но и кровь воинов, с которыми мы сражались. Кровь брызгала на мой рот, в нос, в глаза, когда мы убивали их.

Мор добралась до последнего мертвеца, и испуганные Высшие Фэ и фейри наконец высунули свои головы из дверных проемов и окон, примыкающих к улице, отделанной булыжниками. Ни следа Элис, ее племянников, или двоюродной сестры — или кого-то похожего на них, вреди живых или мертвых. Небольшое благословение.

Нам нужно продолжать движение. Их еще много — очень много.

Когда Мор зашагала ко мне, ступая сапогами по лужам крови, я вытянула мысленную руку в связь. К Рису — к чему-то, что было надежным и знакомым.

Мне ответили ветер и тьма.

Я лишь наполовину видела узкую улицу, кровь и солнце, когда посмотрела на другую сторону моста между нами. *Рис*.

Ничего.

Я потянулась на другую сторону, сталкиваясь с яростной бурей ночи и мрака. Если связь иногда ощущалась как живая полоса света, то теперь она была мостом обледеневшего обсидиана.

И на другой его стороне возвышался... его разум. Стены — его щиты... Они превратились в крепость.

Я приложила руку к черному алманту, мое сердце грохотало. С чем он столкнулся — что он *видит*, что его щиты стали настолько непроницаемыми?

Я не чувствовала его на другой стороне.

Там были лишь камень, тьма и ветер.

Рис.

Мор почти добралась до меня, когда он ответил.

Трещина в щите — такая быстрая, что мне не хватило времени ни на что, кроме как устремиться в нее, прежде чем она закрылась за мной.

Запечатывая меня внутри него.

Улицы, солнце, город исчезли.

Здесь был только он. И битва.

Смотря глазами Риса, как я когда-то делала это в тот день в Подгорье... Я чувствовала жар солнца, пот и кровь, стекающие по его лицу, соскальзывающие по шее под его черную иллирийскую броню — ощущала запахи моря и крови, находящиеся вокруг меня. Чувствовала истощение, охватывающее его, в его мускулах и его магии.

Чувствовала, как военный корабль Хайберна содрогнулся, когда он приземлился на его палубу, в каждой руке держа по иллирийскому мечу.

Шесть воинов погибли сразу же, их броня и тела превратились в красно-серебряный туман.

Остальные замерли, осознавая, кто приземлился возле них, в сердце их флота.

Медленно, Рис осмотрел головы в шлемах перед ним, подсчитывая оружие. Не то, чтобы это имело значение. Все они скоро станут пунцовым туманом или едой для зверей, кружащих в воде возле сражающейся армады. И тогда этот корабль станет обломками на волнах.

Как только он закончит. Он искал не обычных пехотинцев.

Потому что там, где сила, которая должна была выйти из него, уничтожая их... Там был приглушенный гул. Кто-то подавлял ее.

Он отследил его здесь — этот странный глушитель его силы, силы Сифонов. Как будто какое-то заклинание держало его силу в тисках. Чтобы ей было сложнее владеть.

Вот почему битва продолжалась так долго. Чистый, точный удар, с которым он намеревался приземлиться — единственный удар, который должен был спасти столько жизней... Он выскользнул из его рук.

Так что выследил его, этот глушитель. Пробивал свой путь через Адриату, чтобы

добраться до этого корабля. И теперь, когда на него навалилась усталость... Вооруженные воины вокруг Риса расступились — и появился он.

Пойманная в ловушку в сознании Риса, его силы были подавлены и тело уставшим, и я ничего не могла сделать, кроме как смотреть, как Король Хайберна вышел из нижних ярусов и улыбнулся моему мейту.

ГЛАВА

37

Кровь с кончиков мечей Риса стекала на палубу. Одна капля — две. Три.

О Мать. Король —

Король Хайберна был одет в свои собственные цвета: синевато-серый, вышитый нитью цвета костей. У него нет оружия. И на нем ни пятнышка крови.

В сознании Риса я не могла оборванно вдохнуть, мое сердце не могло бешено забиться. Я не могла ничего делать, кроме как смотреть — смотреть и молчать, чтобы не отвлекать его, не рисковать сбить его внимание даже на секунду...

Рис встретил темные глаза короля, яркие под тяжелыми бровями, и улыбнулся.

— Рад видеть, что ты все еще не сражаешься в собственных битвах.

Ответная улыбка короля была жесткой вспышкой белого.

— Я ждал, пока более интересная жертва найдет меня.

Его голос был холоднее, чем самая высокая вершина Иллирийских гор.

Рис не осмелился отвести от него взгляд. Не тогда, когда его магия выгнулась, выходя из всех углов, чтобы убить короля. Ловушка — это была ловушка, чтобы узнать, какой Высший Лорд первым выследит источник этого глушителя.

Рис знал, что кто-то из них — король, его приятели — будут поджидать здесь.

Он знал и пришел. Знал и не попросил нас *помочь* ему —

Если бы я хотел поступить по-умному, сказал мне Рис ровным, спокойным голосом, то нашел бы способ взять его живым, а Азриэль сломил бы его — заставил бы отдать Котел. И это послужило бы примером для остальных ублюдков, считающих, что смогут снести стену.

Нет, умоляла я его. Просто убей его — убей и покончи с этим, Рис. Закончи эту войну до того, как она действительно начнется.

Он замолчал, обдумывая мои слова. *Но смерть здесь, быстрая и жестокая... Его последователи, несомненно, обернутся против меня.*

Если бы он мог справиться с этим. Король не сражался. Не истощил свои силы. Но Рис...

Я почувствовала, что Рис оценивает свои шансы вместе со мной. *Позволь одному из нас прийти к тебе. Не сражайся с ним в одиночку —*

Потому что попытка взять короля живым, без полного доступа к его силе...

Информация струилась во мне, наполняя всем, что видел и узнавал Рис. От того, насколько хорошей форме находится Азриэль, чтобы помочь, зависит взятие короля живым. Он и Кассиан взяли несколько ударов на себя, но — ничего, с чем они бы не справились. Ничто не мешало иллирийцам по-прежнему сражаться со своими подчиненными. Пока что.

— Похоже, прилив меняет свое направление, — заметил Рис, когда армада вокруг них действительно оттолкнула силы Хайберна в море.

Он не видел Тарквина. Или Вариана и Крессеиду. Но Летний Двор все еще сражался. Все еще отталкивал Хайберна все дальше от гавани.

Время. Рису нужно *время* —

Рис ринулся к разуму короля — и *ничего* не нашел. Ни отпечатка, ни шепота. Как будто он был не чем иным, как злой мыслью и древней злобой —

Король щелкнул языком.

— Я слышал, что ты обольститель, Рисанд. И все же ты здесь ошупываешь и ласкаешь меня, словно зеленый юнец.

Уголок рта Риса дрогнул.

— Всегда приятно разочаровать Хайберна.

— О, напротив, — сказал король, скрещивая руки — отчего двинулись его мышцы под кожей. — Ты всегда был источником развлечений. Особенно для моей любимицы Амаранты.

Я почувствовала это — мысль, которую не удержал Рис. Он хотел стереть это имя из памяти живущих. Возможно, однажды он это сделает. Однажды он сотрет его из каждого сознания в этом мире, одного за другим, пока она не станет никем и ничем.

Но король знал это. Судя по его улыбке, он знал.

И все, что он сделал... Все это...

Убей его, Рис. Убей его и покончи с этим.

Это не так легко, четко ответил он. *Пока мы не обыщем этот корабль, не обыщем его на источник заклинания на наших силах, и не разрушим его.*

Но если он задержится намного дольше... Я не сомневалась, что у короля для нас подготовлена какая-то мерзкая неожиданность. Чтобы напасть в любой момент. Я знала, что Рис тоже осознавал это.

Знала, потому что он собрал свою магию, анализируя и оценивая, словно змея, готовая ударить.

— Судя по последнему отчету, полученному от Амаранты, — продолжил король, засаживая руки в карманы, — она все еще наслаждалась тобой.

Воины засмеялись.

Мой мейт привык к такому — к этому смеху. Даже если я хотела заорать на них, разорвать их на куски. Но Рис лишь заскрипел зубами, хотя король улыбнулся ему так, что я поняла, что ему хорошо известно, какие шрамы все еще заживают. Что делал мой мейт, чтобы отвлекать Амаранту. Почему он это делал.

Рис ухмыльнулся.

— Слишком плохо, что для нее все закончилось не так приятно.

Его магия скользнула по кораблю, выслеживая границу силы, сдерживающей наши войска...

Убей его — убей его сейчас. Слово было мантрой в моей крови, моем разуме.

В его тоже. Я могла слышать это так же ясно, как и свои собственные мысли.

— Такая удивительная девушка — твой мейт, — ласково сказал король.

Никаких эмоций, лишь капля гнева за холодным весельем.

— Сначала Амаранта, потом моя зверушка, Атор... И потом она пробивает все защитные заклинания вокруг моего дворца, чтобы помочь вам сбежать. Не говоря уже... —

низкий смех. — О моих племяннице и племяннике, — его глаза начали чернеть от ярости. — Она расправилась с Дагданом и Бранной — и из-за чего?

— Возможно, тебе стоит спросить у Тамлина, — Рис выгнул бровь. — Кстати, где он?

— Тамлин, — Хайберн смаковал его имя, его звучание. — У него есть планы на тебя, после того, что ты и твой мейт сделали с ним. С его двором. Какой бардак ему пришлось разгребать — хотя она определенно помогла мне доставить еще больше войск на его земли.

О Мать — о Мать, я *сделала* это —

— Она будет рада это услышать.

Слишком долго. Рис задержался слишком долго, и столкнуться с ним сейчас... Сражайся или убегай. Убегай или сражайся.

— Интересно, откуда у нее такие способности? Или от кого?

Король знал. Чем я являюсь. Чем я обладаю.

— Я счастливчик, что она является моим мейтом.

Король снова улыбнулся.

— На то малое время, что у тебя осталось.

Могла бы поклясться, что Рис стер слова из своей памяти.

Король непринужденно продолжил:

— Ты же знаешь, что попытка остановить меня отнимет у тебя все. Все, что у тебя есть. И все же этого не будет достаточно. И когда ты отдашь все и умрешь, Рисанд, когда твой мейт будет рыдать над твоим трупом, я возьму ее.

Рис не позволил ни одной эмоции прорваться сквозь свою маску холодной забавы, хотя внутри его ревела ярость, которая окружила меня, как мысль, как угроза. Она была как зверь, готовый нападать и защищать.

— Она победила Амаранту и Аттора, — возразил Рис. — Сомневаюсь, что на тебя уйдет больше усилий.

— Посмотрим. Возможно, когда все закончится, я отдам ее Тамлину.

Кровь Риса закипела от ярости. Как и моя.

Ударь или сбегай, Рис, снова умоляла я. *Но сделай это сейчас же.*

Рис собрал свою силу, и я почувствовала, как она поднимается внутри него, почувствовала, как он усилил свою хватку над ней.

— Заклинание перестанет действовать, — сказал король, махнув рукой. — Еще один маленький трюк, которому я научился, пока гнил в Хайберне.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — мягко сказал Рис.

Они лишь улыбнулись друг другу.

И потом Рис спросил:

— Почему?

Король знал, что он имел в виду.

— Для всех есть место, утверждал ты и тебе подобные, — фыркнул король. — Для людей, для низших фейри, для полукровок. В вашем новом мире было место для всех — до тех пор, пока они думали как вы. Но Лоялисты... Как они обрадовались, запирая нас. Смотря на нас с презрением, — он указал на воинов, наблюдающих за ними, сражающихся в бухте. — Хочешь знать, почему? Потому что мы страдали — когда вы подавили нас, когда вы заперли нас, — некоторые его воины замычали, соглашаясь. — Я не хочу провести еще пять веков, наблюдая, как мои люди склоняются перед человеческими свиньями — наблюдая, как они влачат жалкое существование, пока вы защищаете и нянчитесь с этими смертными,

предоставляя им свои ресурсы и богатства, *ничего* не получая взамен, — он наклонил голову. — Так что мы вернем то, что нам принадлежит. Что всегда было нашим, и всегда будет нашим.

Рис коварно усмехнулся.

— Ты, безусловно, можешь попробовать.

Мой мейт ничего больше не сказал и метнул в него копье силы, и выстрел был метким, будто он выпустил стрелу.

И когда оно достигло короля —

Оно прошло сквозь него.

Он покрылся рябью — потом стабилизировался.

Иллюзия. Тень.

Король рассмеялся.

— Неужели ты думал, что я сам появлюсь на битве? — он махнул рукой в сторону воинов, все еще наблюдающих за ними. — Кусочек — эта битва лишь для того, чтобы вы попробовали ее на вкус. Чтобы пробудить в вас аппетит.

Затем он исчез.

Магия, растекающаяся от корабля, маслянистое сияние, которое она накладывала на силы Риса... она тоже исчезла.

Рис предоставил честь воинам на борту этого корабля и других, окружающих его, по крайней мере поднять свои мечи.

Затем он превратил их всех в красный туман и осколки, качающиеся на волнах.

ГЛАВА

38

Мор трясла меня. Я знала это лишь потому, что Рис выкинул меня из своей головы в тот момент, когда освободил свою силу перед воинами.

Ты была здесь слишком долго, сказал он, ласково проводя темным когтем по моему лицу. Потом я вышла, споткнувшись о связь, и его щит захлопнулся за моей спиной.

— Фейра, — сказала Мор, впиваясь пальцами в мои плечи даже через мою броню. — *Фейра*.

Я моргнула, фокусируясь на солнце, крови и узкой улице.

Моргнула — и потом меня вырвало на бульжники.

Люди, потрясенные и застывшие, лишь смотрели.

— Сюда, — сказала Мор и обхватила рукой за талию, ведя меня в пыльную пустую аллею.

Подальше от наблюдающих глаз. Я с трудом преодолела город, залив и море — едва заметила, что сильный водоворот тьмы, воды и ветра теперь оттесняет флот Хайберна к горизонту. Как будто силы Тарквина и Риса освободились после исчезновения короля.

Я добралась до кучи упавших из полуразрушенного здания камней, когда меня снова вырвало. И еще раз.

Мор положила руку на мою спину, успокаивающе потирая ее, пока меня выворачивало.

— Я была в таком же состоянии после своей первой битвы. Все мы были.

Это была даже не битва — не в таком виде, как я представляла: армия против армии на каком-то непримечательном поле боя, хаотичная и грязная. Реальной битвы не было сегодня и на море — где иллирийцы теперь плыли к берегу.

Было невыносимо начинать подсчитывать, сколько из них вернулись.

Я не знала, как Мор, Рис, Кассиан или Азриэль могут выносить это.

И то, что я только что видела...

— Там был король, — выдохнула я.

Рука Мор замерла на моей спине.

— Что?

Я прислонила лоб к нагретому солнцем кирпичному зданию и рассказала ей — что я видела, находясь в голове Риса.

Король — он был здесь и все же не здесь. Еще одна уловка — еще одно заклинание. Не удивительно, что Рис не мог атаковать его разум: там не было самого короля, чтобы сделать это.

Когда я закончила рассказ, то закрыла глаза, сильнее прижимая лоб к кирпичу.

Кровь и пот все еще покрывали меня. Я попыталась вспомнить, как обычно чувствовала себя в своем теле, приоритетные задачи, свой взгляд на мир. Что делать со своими руками и ногами в спокойном положении? Куда я обычно девала свои руки, когда они не держали меч? Как *перестать* двигаться?

Мор сжала мое плечо, будто она поняла хаотичные мысли, чуждость моего тела. Война свирепствовала семь лет. *Лет*. Как долго продлится эта?

— Нам нужно найти остальных, — сказала она и помогла мне встать, прежде чем рассеяла нас обратно во дворец, возвышающийся над городом.

Я не могла заставить себя послать мысль по связи. Посмотреть, где находится Рис. Я не хотела, чтобы он видел меня — *чувствовал* меня — в таком состоянии. Даже если я знала, что он не осудит меня.

Сегодня он тоже пролил кровь на поле битвы. И многих других до этого. Все мои друзья это делали.

И я могла понять — на секунду, когда ветер закружил вокруг нас — почему некоторые правители, люди и Фэ, склонились перед Хайберном. Склонились, чтобы не столкнуться с этим.

Это не только цена жизни, которую разорвали, опустошили и растерзали. Это и изменение души — осознание того, что я, возможно, вернусь домой, в Веларис, даже увижу достижение мира и восстановление городов... но эта битва, эта война... Я буду тем, что навсегда изменилось.

Война останется со мной еще долго после своего завершения, как невидимый шрам, который, возможно, выцветет, но никогда не исчезнет полностью.

Но для моего дома, для Прифиана, людских территорий и так многих других...

Я буду очищать свои клинки и смывать кровь со своей кожи.

И я буду делать это снова и снова.

На среднем уровне дворца кипела активность: промокшие насквозь от крови воины Летнего Двора прихрамывали вокруг целителей и слуг, мчащихся к раненым, лежащим на

полу.

Ручеек, бегущий в центре зала, стал красным.

Сюда рассеивалось все больше и больше Высших Фэ, неся раненых с широко раскрытыми глазами.

Несколько иллирийцев — таких же окровавленных, но с ясными глазами — тащили своих раненых через открытые окна и балконные двери.

Мы с Мор осмотрели пространство, толпу людей, запах смерти и крики раненых.

Я попыталась сглотнуть, но мой рот был слишком сухим.

— Где —

Я узнала война в тот же момент, как он увидел меня.

Вариан, опустившись на колени над раненым воином, с перевязанными бедрами, замер, когда наши глаза встретились. Его загорелая кожа была залитой кровью столь же яркой, как рубины, которые они послали нам, его белые волосы были прилизаны, будто он только что снял свой шлем.

Он свистнул сквозь зубы, и возле него появился воин, заняв его место, зажимая жгут на бедре раненого мужчины. Принц Адриаты поднялся на ноги.

У меня не осталось магии, чтобы защитить себя. После того, как я увидела Риса с королем, там была лишь пустая яма, где внутри меня страх был бушующим морем. Но я почувствовала, как силы Мор окутали меня.

За мою голову была назначена награда. Ими.

Вариан подошел — медленно. Скованно. Будто все его тело болело. Хотя на его красивом лице ничего не отобразилось. Лишь дикая усталость.

Он открыл рот — потом закрыл. У меня тоже не было слов.

Так что Вариан прохрипел таким голосом, что я поняла, что до этого он очень долго кричал:

— Он в дубовом обеденном зале.

Тот, где я впервые обедала с ними.

Я лишь кивнула принцу и начала пробираться сквозь толпу, Мор держалась возле меня.

Я думала, что Вариан говорил о Рисанде.

Но именно Тарквин стоял в серебряных доспехах за обеденным столом, перед ним лежали карты и чертежи, кроме него в солнечном зале были Фэ Летнего Двора, либо тоже пропитанные кровью, либо чистые.

Высший Лорд Летнего Двора поднял свой взгляд со стола на нас, когда мы остановились на пороге. Смотри сначала на меня, потом на Мор.

Доброта и внимание, которые я видела в прошлый раз на лице Высшего Лорда, исчезли. Теперь были лишь мрачные, холодные эмоции, от которых у меня все переворачивалось внутри.

Кровь запеклась у тонкого пореза на его шее, засохшие кусочки посыпались, когда Тарквин посмотрел на людей в комнате и сказал:

— Оставьте нас.

Никто не осмелился дважды взглянуть на него, прежде чем выйти.

В прошлое мое пребывание здесь я совершила ужасную вещь. Я лгала и украла. Я вторглась в его мысли и обманула его, заставляя поверить в мою невиновность. Безобидность. Я не виню его за кровавые рубины, которые он послал. Но если он попытается отомстить сейчас...

— Слышал, что вы двое очистили дворец. И помогли очистить остров.

Его слова были сухими — безжизненными.

Мор наклонила голову.

— Твои воины храбро сражались рядом с нами.

Тарквин проигнорировал ее, уставившись на меня своими бирюзовыми глазами. Осматривая кровь, раны и кожаные доспехи. Потом связь мейтов на моем пальце, тусклую звезду сапфира, кровь просочилась между аккуратными изгибами и дугами металла.

— Я думал, что ты пришла, чтобы закончить начатое, — сказал мне Тарквин.

Я не осмелилась двинуться.

— Я слышал, что Тамлин забрал тебя. Потом я услышал, что Весенний Двор пал. Рухнул изнутри. Его люди восстали. И ты исчезла. И когда я увидел несущийся отряд иллирийцев... Я думал, что вы пришли и за мной тоже. Чтобы помочь Хайберну прикончить нас.

Вариан не сказал ему — о сообщении, которое он отправил Амрен. Не призыв к помощи, а торопливое предупреждение, чтобы Амрен себя спасла. Тарквин не знал, что мы придем.

— Мы бы никогда не стали союзниками Хайберна, — сказала Мор.

— Я разговариваю с Фейрой Арчерон.

Я никогда не слышала, чтобы Тарквин говорил с таким тоном. Мор оцетинилась, но промолчала.

— Почему? — спросил Тарквин, на его доспехах сверкал солнечный свет — на этих изысканных, перекрывающих друг друга чешуйках, сделанных по подобию рыбной чешуи.

Я не знала, что он имеет в виду. Почему мы обманули его и обокрали? Почему мы пришли на помощь? И то, и другое?

— Мы мечтаем об одном и том же, — все, что я смогла придумать в ответ.

Единое царство, в котором низшие фейри больше не будут унижаться. Лучший мир. Противоположный тому, за который сражается Хайберн. За который сражаются его союзники.

— Так ты оправдываешь свою кражу?

Мое сердце заколотилось.

Рисанд сказал из-за моей спины, скорее всего рассеявшись:

— У меня и моего мейта были причины, Тарквин.

Мои колени почти подогнулись от спокойствия его голоса, от забрызганного кровью лица, на котором все еще не было следов ранений, от темной брони — близнеца брони Азриэля и Кассиана — которая осталась нетронутой, не считая пары легких царапин, которые я едва различила. *Кассиан и Азриэль?*

В порядке. Присматривают за ранеными иллирийцами и разбивают лагерь на холмах.

Тарквин посмотрел на нас.

— Мейт.

— Разве это не было очевидно? — спросил Рисанд, подмигивая.

Но в его глазах была острота — резкая и призрачная.

Моя грудь сжалась. *Король оставил какую-то ловушку —*

Его рука скользнула по моей спине. Нет. Нет — я в порядке. Злюсь из-за того, что не увидел, что это была иллюзия, но... В порядке.

Холодный гнев на лице Тарквина почти не изменился.

— Когда ты вошла в Весенний Двор и обманула и Тамлина о своей истинной природе,

когда ты разрушила его территорию... Ты оставила открытую дверь для Хайберна. Они пришвартовались к его гаваням.

Не сомневаюсь, чтобы подождать, пока рухнет стена, и потом двинуться на юг. Тарквин зарычал:

— Было легко добраться до моей границы. Вы сделали это.

Могла бы поклясться, что почувствовала, как Рис вздрогнул по связи. Но мой мейт спокойно сказал:

— Мы ничего не сделали. Хайберн решает, как действовать, а не мы, — он дернул подбородком на Тарквина. — Мои воины останутся в лагере на холмах, пока ты не убедишься, что в городе безопасно. Потом мы уйдем.

— За это время вы опять планируете что-то украсть?

Рис застыл. Сомневаясь, поняла я, стоит ли извиняться. Объясняться.

Я избавила его от этого выбора.

— Окажите помощь своим раненым, Тарквин.

— Не приказывай мне.

Лицо бывшего адмирала Летнего Двора — принца, который командовал флотом в гавани до тех пор, пока на него не возложили титул. Я заметила усталость, затуманившую его глаза, гнев и горе.

Умерли люди. Много людей. Город, который он так упорно восстанавливал, люди, которые пытались побороть прошлое, шрамы, оставленные Амарантой...

— Мы в твоём распоряжении, — сказала я ему и вышла.

Мор держалась поблизости, и мы вышли в зал, где обнаружили скопление его советников и воинов, внимательно наблюдающих за нами. Позади нас Рис сказал Тарквину:

— У меня не было выбора. Я пытался *избежать* этого, Тарквин. Остановить Хайберна до того, как он зайдет так далеко.

Его голос был напряженным.

Тарквин лишь сказал:

— Убирайся. И захвати с собой свою армию. Теперь мы можем удерживать бухту, и они не застанут нас врасплох.

Тишина. Мы с Мор как остались за открытыми дверями, не разворачиваясь, но слушая. Слушая, как Рисанд сказал:

— Я достаточно насмотрелся на Хайберна на Войне, чтобы мог сказать, что это нападение всего лишь часть того, что король хочет начать, — пауза. — Приходи на встречу, Тарквин. Ты нужен нам — ты нужен Прифиану.

Опять тишина. Потом Тарквин сказал:

— Убирайтесь.

— Предложение Фейры все еще в силе: мы в твоём распоряжении.

— Забирай своего мейта и уходи. И я бы посоветовал тебе предупредить ее, чтобы она не раздавала Высшим Лордам приказы.

Я застыла, готовая развернуться, когда Рис сказал:

— Она Высшая Леди Ночного Двора. И может делать то, что хочет.

Фэ, стоявшие рядом, отпрянули. Теперь изучая меня, некоторые даже с раскрытыми ртами. По толпе поползли шепотки. Тарквин низко горько засмеялся.

— Ты любишь пренебрегать традициями.

Рис больше ничего не сказал, зазвучали его шаги по плиточному полу, пока его рука не

легла на мое плечо. Я посмотрела на него, осознавая, что на нас таращатся. На меня.

Рис поцеловал мой потный, вымазанный кровью висок, и мы исчезли.

ГЛАВА

39

Иллирийский лагерь остался на холмах над Адриатой.

В основном потому, что там было так много раненых, что мы просто не могли переместить их, пока они не подлечатся достаточно, чтобы пережить это.

Порванные крылья, свисающие кишки, растерзанные лица...

Я не знала, как мои друзья все еще стояли, поскольку они, как правило, ухаживали за ранеными, по мере своих возможностей. Я почти не видела Азриэля, который поставил палатку, чтобы систематизировать информацию, полученную от его разведчиков: флот Хайберна отступил. Не к Весеннему Двору, а в море. Нет никаких признаков других сил ждущих, чтобы напасть. Никаких новостей о Тамлине или Юриане.

Однако Кассиан... Он прихрамывал среди раненых, лежащих на сухой скалистой земле, и говоря похвалы или утешающие слова воинам, которых еще не осмотрели. Со своими Сифонами он мог быстро подлатать себя на поле битвы, но... ничего значительного. Ничего сложного.

Каждый раз, как мы пересекались, когда я носила медикаменты для целителей, работающих без отдыха, его лицо было мрачным. Изможденным. Он все еще был в своей броне, и, хотя он смыл кровь со своей кожи, она прилипла к его шее около нагрудника. Блеклость в его карих глазах была такой же, как и в моих. И Мор.

Но Рис... Его глаза были ясными. Живыми. Он был мрачным, но... Это на него смотрели воины. И он был тем, кем он должен был быть: Высшим Лордом, уверенным в своей победе, чьи силы разгромили флот Хайберна и спасли город невинных. Цена, которую пришлось заплатить его собственным воинам, была нелегкой, но это стоило победы. Он прогуливался по лагерю — наблюдая за ранеными, обсуждал информацию, переданную ему Азриэлем, со своими командирами — все еще находясь в своей иллирийской броне. Но без крыльев. Они исчезли до того, как он появился в зале Тарквина.

Село солнце, оставляя над городом, лежащим внизу, покрывало тьмы. Намного темнее, чем я видела в последний раз, живая и сверкающая в свете. Но эта новая тьма... Мы видели такую после нападения на Веларис — теперь мы знали это слишком хорошо.

Над лагерем пронеслись фейские огоньки, золотя когти крыльев всех иллирийцев, когда они работали или лежали, раненые. Я знала, что многие смотрят на меня — их Высшую Леди.

Но я не могла собраться с непринужденностью Риса. Его тихим торжеством.

Поэтому я продолжала носить чаши со свежей водой, унося окровавленные. Помогала удерживать кричащих воинов, пока мои зубы не скрипели друг о друга.

Я присела на опрокинутое ведро у палатки целителей только тогда, когда мои ноги уже не могли удерживать меня в вертикальном положении. Всего на пару минут — я посижу всего пару минут.

Я проснулась внутри другой палатки, лежа на куче меха, фейские огоньки светили тускло и мягко.

Рис сидел рядом со мной со скрещенными ногами, его волосы были в несвойственном ему беспорядке. Испещренные кровью — словно она была на его руках, когда он проводил ими по волосам.

— Как долго я была в отключке? — слова были скрежещущими.

Он поднял голову от бумаг, разложенных на меху перед ним.

— Три часа. До рассвета еще долго — тебе следует поспать.

Но я оперлась на локти.

— А тебе нет.

Он пожал плечами, отпивая из стакана с водой, стоящего рядом с ним.

— Это не я упал с ведра лицом в грязь, — его ухмылка исчезла. — Как ты себя чувствуешь?

Я почти сказала *Хорошо*, но...

— Я не все еще не знаю, что чувствовать.

Осторожный кивок.

— Начало войны такое... Занимает некоторое время, чтобы решить, что делать со всем, что она приносит. С ценой.

Я полностью села, просматривая бумаги, которые лежали вокруг него. Списки погибших. Около сотни имен на них, но...

— Ты знал их — тех, кто умер?

Его фиолетовые глаза закрылись.

— Нескольких. Тарквин потерял гораздо больше, чем мы.

— Кто расскажет их семьям?

— Кассиан. Он отправит списки, когда мы наступит рассвет — когда мы увидим, кто переживет ночь. Если он их знает, то он навестит их семьи.

Я вспомнила, как Рис однажды рассказывал мне, что просматривал списки погибших на Войне, ища своих друзей — страх, который они все чувствовали, ожидая увидеть в них знакомое имя.

Так много теней затуманило эти фиолетовые глаза. Я положила свою руку на его. Он изучал мои пальцы на его, дужки грязи под моими ногтями.

— Сегодня король пришел лишь для того, — сказал он наконец, — чтобы посмеяться надо мной. Нападение на библиотеку, эта битва... Это все способы поиграть со мной. С нами.

Я коснулась его щеки. Холодная — его кожа была холодная, несмотря на теплую летнюю ночь, опустившуюся на нас.

— Ты не умрешь на этой войне, Рисанд.

Его внимание переместилось на меня.

Я взяла его лицо в две руки.

— Не слушай то, что он говорит. Он знает —

— Он знает о нас. Наши истории.

И это напугало Риса до смерти.

— Он знал библиотеку... Он выбрал ее из-за того, что она значит для *меня*, а не только чтобы забрать Нэсту.

— Значит, мы узнаем, куда ударить его, и ударим сильнее. А еще лучше убьем его,

пока он не причинил еще вред.

Рис слегка покачал головой, отстраняя свое лицо от моих рук.

— Если бы мы боролись только с королем... Но с Котлом в его арсенале...

И по тому, как начали загибаться его плечи, как его подбородок начал быстро опускаться... Я снова взяла его за руку.

— Нам нужны союзники, — сказала я с горящими глазами. — Мы не можем нести всю тяжесть этой войны в одиночку.

— Я знаю.

Слова были серьезными — уставшими.

— Передвинь встречу с Высшими Лордами на ближайшее время. Через три дня.

— Я так и сделаю.

Я никогда не слышала такой интонации — такой тихости.

И именно из-за этого я сказала:

— Я люблю тебя.

Он поднял голову, его глаза были печальными.

— Было время, когда я мечтал услышать эти слова, — прошептал он. — Когда я думал, что никогда не услышу их от тебя.

Он указал на палатку — на Адриату, располагающуюся за ней.

— В наше путешествие сюда я впервые позволил себе... надеяться.

За звезды, которые слушают — и мечты, которые сбываются.

И все же сегодня, с Тарквином...

— Мир должен знать, — сказала я. — Мир должен знать, какой ты хороший, Рисанд — какие вы все удивительные.

— Я не могу сказать, стоит ли мне беспокоиться о том, что ты говоришь такие милые вещи обо мне. Наверное, колкости короля *задела* тебя.

Я сжала его руку, и он низко засмеялся, прежде чем поднял лицо, чтобы изучить мои глаза. Он наклонил голову.

— Мне *следует* беспокоиться?

Я еще раз положила руку ему на щеку, его шелковистая кожа теперь была теплой.

— Ты самоотверженный, храбрый и добрый. Ты больше, чем я когда-либо мечтала для себя, больше, чем я...

Слово застряло, и я сглотнула, глубоко вздохнув. Я не была уверена, что ему нужно это слышать после того, что сказал король, но мне нужно было сказать это. Теперь в его глазах танцевал звездный свет. Но я продолжила:

— На этой встрече с другими Высшими Лордами, какую роль ты будешь играть?

— Как обычно.

Я кивнула, предполагая, что он именно так и ответит.

— И другие тоже будут играть свои обычные роли.

— И?

Я убрала руку от его лица и положила ее над его сердцем.

— Думаю, пришло время нам снять маски. Перестать играть по ролям.

Он подождал, выслушивая меня.

— Веларис больше не в секрете. Король слишком много знает о нас — кто мы есть. Что мы есть. И если мы собираемся сотрудничать с другими Высшими Лордами... Думаю, им нужна правда. Им нужна правда, чтобы доверять нам. Правда о том, кто мы на самом деле —

кто такие Мор, Кассиан и Азриэль. Посмотри, как все плохо прошло сегодня с Тарквином. Мы не можем — мы не можем допустить, чтобы все так продолжалось. Поэтому больше никаких масок, никаких игр по ролям. Мы пойдем как мы сами. Как семья.

Во всяком случае, насмешки короля указали мне на это. Игры закончились. Больше не будет маскировок, не будет лжи. Возможно, он думал, что это побудит нас еще сильнее увязать в таких вещах. Но, чтобы получить шанс... возможно, мы выиграем, если пойдем в другом направлении. В честности. Когда мы будем стоять все вместе — именно теми, кто мы есть.

Я ждала, пока Рис скажет мне, что я еще молода и неопытна, что ничего не знаю о политике и войне.

Но Рис только погладил большим пальцем мою щеку.

— Они могут сильно разозлиться, что мы все эти столетия вешали им лапшу на уши.

— Тогда мы дадим им понять, что мы понимаем их чувства — и разъясним, что у нас не было другого способа защитить своих людей.

— Мы покажем им Двор Грез, — тихо сказал он.

Я кивнула. Мы покажем им — а также покажем Кейру, Эрису и Берону. Покажем, кто мы такие, нашим союзникам — и нашим врагам.

Звезды мерцали и горели в этих красивых глазах.

— А что насчет твоих сил?

Король тоже знает о них — или догадывается.

По его осторожной интонации я поняла, что он уже решил для себя. Но выбор за мной — он будет на моей стороне вне зависимости от моего решения.

И когда я подумала об этом...

— Думаю, они подумают, что мы манипулируем ими, показывая наши хорошие стороны, если выяснится, что твой мейт украл силу у них всех. Если король планирует использовать эту информацию против нас — мы разберемся с этим позже.

— Технически, сила была дарована, но... ты права. Нам нужно будет повести достаточно тонкую границу того, насколько мы покажем себя — обыграть это правильно, чтобы они не подумали, что это ловушка или какая-то махинация. Но когда дело дойдет до тебя...

Тьма затопила звезды в его глазах. Тьма убийц и воров, тьма неумолимой смерти.

— Ты можешь склонить чашу весов в пользу Хайберна, если кто-то из них раздумывает о союзе. Один только Берон попытается убить тебя, с войной или без нее. Сомневаюсь, что Эрис сможет удержать его от этого.

Могла бы поклясться, что военный лагерь содрогнулся от силы, которая загрохотала — от гнева. Голоса за пределами палатки опустились до шепота. Или вообще замолчали.

Но я наклонилась и слегка поцеловала его.

— Мы справимся с этим, — сказала я в его рот.

Он отодвинул свое лицо от моего, абсолютно серьезный.

— Мы сохраним все твои силы, кроме тех, что я дал тебе, скрытыми. Как моя Высшая Леди, ты должна была получить некоторую часть.

Я с трудом сглотнула, кивая, и сделала затяжной глоток из его стакана с водой. Больше никакой лжи, никаких хитростей — кроме моей магии. Пусть Тарквин будет первой и последней жертвой нашего обмана.

Я закусила губу.

— А что с Мириам и Дрейконом? Вы узнали, куда они могли пойти?

Вместе со своим крылатым легионом?

Казалось, этот вопрос преследовал его всюду, куда бы он ни пошел, пока он думал о том, что теперь ждет нас.

Рис вздохнул, снова пробегая глазами по спискам павших. Темные чернила, казалось, впитывали тусклый свет фейских огоньков.

— Нет. Шпионы Аза не обнаружили их следов ни на одной из прилежащих территорий, — он потер виски. — Как может исчезнуть целый народ?

Я нахмурилась.

— Полагаю, действия Юриана, направленные на их появление, сработали против него.

Юриан — на сегодняшней битве о нем ничего не слышали.

— Похоже на то, — он покачал головой, свет танцевал в его черных прядях волос. — Я должен был разработать с ними протоколы — века назад. Способы связи, как для них, так и для нас, если бы нам понадобилась помощь.

— Почему ты не сделал этого?

— Они хотели, чтобы мир забыл их. И когда я увидел, какой мирной стал Крит... Я тоже не хотел, чтобы мир вмешивался в их жизнь.

Его челюсть слегка напряглась.

— Если бы каким-то образом нашли их... этого было бы достаточно? Я имею в виду, если сначала мы предотвратим обрушение стены. Наши и Дрейкона войска, возможно даже и Королевы Вассы, если Люсьен найдет ее, против всего Хайберна?

Против всех уловок и заклинаний, которые король все еще собирается применить.

Рис на мгновение стал тихим.

— Возможно, этого бы хватило.

И из-за того, как его голос стал хриплым, как оплыли его глаза, я поцеловала его в рот, когда положила руку на его грудь и толкнула его на меха.

Его брови поднялись, но на его губах заиграла полуулыбка.

— В военном лагере мало возможностей для уединения, — предупредил он, какой-то свет опять появился в его глазах.

Я лишь оседлала его, расстегивая верхнюю пуговицу на его темном камзоле. И следующую за ней.

— Тогда, полагаю, тебе придется быть тихим, — сказала я, расстегивая его камзол, пока не раскрыла его, открывая рубашку под ним.

Я провела пальцем по витку татуировки, выглядывающего у его шеи.

— Когда я увидела, как сегодня ты столкнулся с королем...

Он провел пальцами по моим бедрам.

— Я знаю. Я чувствовал тебя.

Я потянула край его рубашки, и он приподнялся на локтях, помогая снять его камзол, а затем и саму рубашку. На его ребрах расцвел синяк, воспаленное пятно —

— Все в порядке, — сказал он, прежде чем я успела что-либо сказать. — Удачный выстрел.

— Из чего?

Опять же, эта полуулыбка.

— Копье?

Мое сердце остановилось.

— А...

Я слегка дотронулась до синяка, тяжело глотая.

— Смазанный фэбейном. Мой щит блокировал большую часть — но удара избежать не удалось.

Страх скрутил мой живот. Но я наклонилась и поцеловала его синяк.

Рис сделал глубокий вдох, его тело, кажется, расслабилось. Успокоилось.

Так что я снова поцеловала его синяк. Перемещаясь ниже. Он лениво вырисовывал круги на моем плече и спине.

Я почувствовала, как он окружил щитом нашу палатку, когда я расстегнула его штаны. Когда я проделала дорожку из поцелуев по его мускулистому животу.

Все ниже. Руки Риса скользнули к моим волосам, когда остаток его одежды исчез.

Я провела рукой по нему раз, второй — наслаждаясь его ощущением, знанием, что он здесь, что мы *оба* здесь. В безопасности.

Затем я повторила движения своим ртом.

Его рык наслаждения заполнил палатку, заглушая отдаленные крики раненых и умирающих. Жизнь и смерть — парящие так близко, шепчущие нам на уши.

Но я наслаждалась Рисом, удовлетворяя его своими руками, ртом, а затем и своим телом — и надеялась, что этот осколок жизни, который мы вознесли, этот приглушенный свет между нами, уведут смерть немного подальше. Хотя бы на день.

Лишь несколько иллирийцев умерли за ночь. Но высоко на холмах, крики и вопли людей Тарквина поднимались к нам вместе с вихрями дыма от все еще пылающих пожаров, которые устроил Хайберн. Они продолжали гореть, когда мы в ранние рассветные часы рассеялись обратно в Веларис.

Кассиан и Азриэль остались, чтобы возглавить новые иллирийские лагеря на наших южных границах — и они уйдут оттуда, чтобы полететь в Степи. Чтобы выразить свои соболезнования нескольким семьям.

Нэста ждала нас в фойе городского дома, а Амрен грызла себе локти в кресле перед незажженным камином в гостиной.

Ни следа Элейн, но прежде чем я успела спросить, Нэста спросила:

— Что случилось?

Рис посмотрел на меня, потом на Амрен, которая поднялась на ноги и теперь наблюдала за нами с таким же выражением лица, как и у Нэсты. Мой мейт сказал моей сестре:

— Там была битва. Мы выиграли.

— Мы знаем это, — сказала Амрен, ее маленькие ноги были почти бесшумными, когда она подошла к нам по ковру. — Что случилось с Тарквином?

Мор вздохнула, чтобы сказать что-то о Вариане, что, скорее всего, не закончилось бы хорошо для нас, так что я вмешалась:

— Ну, он не пытался убить нас сразу, как увидел, так что... все прошло мило?

Рис озадаченно посмотрел на меня.

— Королевская семья жива и здорова. Армада Тарквина понесла потери, но Крессеида и Вариан не пострадали.

Что-то сжатое на лице Амрен, кажется, расслабилось от его слов — его осторожного,

уклончивого ответа.

Но Нэста смотрела на нас, ее спина все еще была напряжена, а рот сжат в тонкую линию.

— Где он?

— Кто? — промурлыкал Рис.

— Кассиан.

Не думаю, что вообще когда-нибудь слышала его имя из ее уст. Кассиан всегда был *им* или *этим*. И Нэста... вышагивала в фойе.

Будто она волновалась.

Я открыла рот, но Мор перебила меня.

— Он занят.

Никогда не слышала ее голоса таким... резким. Ледяным.

Нэста посмотрела на Мор. Ее челюсть сжалась, потом расслабилась — будто она сражалась в какой-то битве, решая, задать вопрос или нет. Мор не отвела глаз.

Мор никогда не казалась обеспокоенной при упоминании бывших любовниц Кассиана. Возможно, потому что они никогда много не значили — не так, как можно было это считать значительным. Но если этот иллирийский воин больше не был физическим и эмоциональным ограничением между ней и Азриэлем... И, что еще хуже, если Нэста вызвала такое поведение...

Мор решительно сказала:

— Когда он вернется, держи свой раздвоенный язык за зубами.

Мое сердце бешено забилося, мои руки сжались по бокам от ее выпада, угрозы.

Но Рис сказал:

— Мор.

Она медленно — так медленно — посмотрела на него.

На лице Риса был лишь бескомпромиссный приказ.

— Мы отправимся на встречу через три дня. Отправь сообщения другим Высшим Лордам, чтобы они знали об этом. И я не собираюсь больше спорить о месте встречи. Пусть выберут место и покончим с этим.

На мгновение она пристально посмотрела на него, потом ее взгляд вернулся к моей сестре.

Лицо Нэсты не изменилось, ее холодность была непреклонной. Она была так неподвижна, что казалась едва дышащей. Но она не уклонилась. Не отвела глаз от Морриган.

Мор исчезла через мгновение.

Нэста лишь повернулась и направилась в гостиную, где я заметила книги, лежащие на низком столике у очага.

Амрен последовала за ней, бросив взгляд через плечо на Риса. От этого движения ее серая блузка достаточно сместилась, чтобы я заметила вспышку красного под тканью.

Ожерелье из рубинов, которое она носила под своей рубашкой, подарил Вариан.

Но Рис кивнул Амрен, и женщина спросила мою сестру:

— На чем мы остановились?

Нэста села в кресло, так сжавшись, что ее побелевшие суставы просвечивались через кожу.

— Ты объясняла, как формируются границы между дворами.

Слова были сдержанными — хрупкими. И — *Они занялись еще и уроками истории?*

Я потрясен так же, как и ты, что дом все еще стоит.

Я проглотила смех, переплетая наши руки и утаскивая его в коридор. Я уже давно не видела его таким... грязным. Нам обоим нужна ванна, но сперва мне нужно кое-что сделать.

Позади нас Амрен пробормотала Нэсте:

— Кассиан много раз был на войне, девочка. Он не просто так является генералом армии Риса. Эта битва всего лишь перепалка по сравнению с тем, что ждет впереди. Пока мы говорим, он, скорее всего, навещает семьи погибших. До встречи он вернется.

Нэста сказала:

— Мне все равно.

По крайней мере, она опять заговорила.

Я остановила Риса посреди коридора.

Из-за того, что в доме столько слушающих ушей, я сказала по связи, *Отведи меня в тюрьму. Сейчас же.*

Рис не задавал вопросов.

ГЛАВА

40

У меня не было кости, чтобы я взяла ее с собой. И, хотя каждый шаг вверх по склону, а затем вниз в темноту разрывал и ложился тяжким грузом на меня, я продолжала двигаться. Продолжала переставлять ноги.

У меня было ощущение, что Рис испытывает те же чувства.

Через два часа я стояла перед Костерезом, древний бог смерти все еще был в облике моего будущего сына, и я сказала:

— Выбери другой предмет, который ты хочешь получить.

Фиолетовые глаза Костереза вспыхнули.

— Почему Высший Лорд остался в коридоре?

— Ему не очень-то хочется видеть тебя.

Частичная правда. Рису было интересно, сработает ли удар по его гордости в нашу пользу.

— От тебя разит кровью — и смертью.

Костерез сделал глубокий вдох. Моего запаха.

— Выбери что-то другое, а не Уроборос, — сказала я.

Хайберн знает наши истории, истории наших возможных союзников. Оставалась надежда, что он не предвидит приближение Костереза.

— Я ничего не хочу, кроме своего окна в мир.

Я сдержала желание сжать руки в кулаки.

— Я могу предложить тебе так много других вещей.

Мой голос понизился, становясь льстивым.

— Ты боишься завладеть зеркалом, — Костерез склонил голову. — Почему?

— А ты не боишься его?

— Нет, — маленькая улыбка.

Он наклонился в сторону.

— Ты тоже испугался его, Рисанд?

Мой мейт не потрудился ответить, хотя он вошел, оперевшись на дверную раму, скрестив руки на груди. Костерез вздохнул, увидев его — грязь, кровь и смятую одежду, и сказал:

— О, вы мне больше нравитесь побитыми.

— Выбери что-нибудь другое, — повторила я.

И на этот раз не такое дурацкое.

— Что ты мне дашь? Богатство мне здесь не пригодится. Сила не пробьется через этот камень, — он усмехнулся. — Как насчет твоего первенца?

Таинственная улыбка, и он указал маленькой мальчишечьей рукой на самого себя.

Внимание Риса скользнуло на меня, удивление — удивление и что-то более глубокое, более нежное — мелькнуло на его лице. *Значит, не просто мальчик.*

Мои щеки вспыхнули. *Нет. Не просто мальчик.*

— Невежливо, Высочества, разговаривать, когда никто не может слышать вас.

Я стрельнула взглядом по Костерезу.

— Значит, ничего другого.

Ничего другого, что не сломит меня, если я просто посмотрю на это?

— Принеси мне Уроборос, и я твой. Даю слово.

Я оценила блаженное выражение лица Костереза, прежде чем пошла к выходу.

— Где моя кость? — вопрос пробился сквозь мрак.

Я продолжала идти. Но Рис бросил ему что-то.

— С обеда.

Послышалось возмущенное шипение Костереза, когда куриная кость заскользила по полу, пока мы уходили.

В тишине мы начали свой путь к выходу из Тюрьмы. Зеркало — мне нужно найти способ завладеть им. После встречи. Просто на тот случай, если оно действительно... уничтожит меня.

Как он выглядит?

Вопрос был мягким — неуверенным. Я знала, о ком он говорит.

Я переплела свои пальцы с пальцами Риса и крепко сжала их. *Давай я покажу тебе.*

И, пока мы шли в темноте к далекому, все еще скрытому свету, я показала ему.

К тому времени, как мы вернулись в городской дом, мы очень проголодались. И поскольку ни одному из нас не хотелось ждать приготовления еды, мы с Рисом направились на кухню, проходя мимо Амрен и Нэсты.

У меня уже слюнки текли, когда Рис открыл плечом дверь на кухню.

Но, когда мы увидели, кто находится внутри, мы остановились.

Элейн стояла между Нуалой и Керридвен за длинной столешницей. Все трое были покрыты мукой. Перед ними творился какой-то беспорядок.

Две служанки-шпионки сразу же поклонились Рису, и Элейн —

В ее карих глазах был легкий блеск.

Будто она наслаждалась времяпровождением с ними.

Нуала с трудом сглотнула.

— Леди сказала, что она голодна, так что мы пошли готовить ей что-нибудь. Но — она сказала, что она хочет узнать, как, так что... — руки, скрытые в тенях, поднятые в беспомощном жесте, мука сыпалась с них, словно снег. — Мы готовим хлеб.

Элейн мельком посмотрела на нас всех, и, когда ее глаза начали закрываться, я широко улыбнулась ей и сказала:

— Надеюсь, он будет скоро готов — я очень голодна.

Элейн слегка улыбнулась в ответ и кивнула.

Она была голодна. Она... делала что-то. *Училась* чему-то.

— Мы собираемся помыться, — объявила я, даже если мой живот заурчал. — Оставляем вас наедине с вашей выпечкой.

Я утянула Риса в коридор, прежде чем они закончили прощаться, и за нами закрылась дверь.

Я положила руку на грудь, прислонившись к деревянным панелям боковой части лестницы. Мгновением позже рука Риса накрыла мою.

— Это то, что я чувствовал, — сказал он, — когда я увидел твою улыбку той ночью, когда мы ужинали недалеко от Сидры.

Я наклонилась вперед, прислоняясь лбом к его груди, прямо над сердцем.

— Ей еще предстоит долгий путь.

— Как и нам всем.

Он погладил меня по спине. Я растворилась в его прикосновении, наслаждаясь его теплом и силой.

В течение долгих минут мы так и стояли. Пока я не сказала:

— Давай найдем место в городе, где можно поесть.

— Хम्म.

Он не отпускал меня. Наконец, я подняла глаза. И обнаружила, что его глаза сияют этим знакомым, озорным светом.

— Думаю, что я изголодался по чему-то другому, — промурлыкал он.

Пальцы ног подвернулись в моих сапогах, но я выгнула бровь и холодно сказала:

— О?

Рис куснул мою мочку уха, а потом прошептал мне на ухо, пока рассеял нас в нашу спальню, где две тарелки с едой теперь стояли на столе.

— Я задолжал тебе с прошлой ночи, мейт.

Он, по крайней мере, любезно позволил мне выбрать, чего я хочу первым: себя или еду.

Я сделала разумный выбор.

На следующее утро Нэста ждала нас за обеденным столом.

Не меня, поняла я, когда ее взгляд скользнул по мне, будто я была не больше, чем прислугой. Но кого-то другого.

Я держала рот на замке, не удосужившись сказать ей, что Кассиан все еще в военных лагерях. Если она не спросит... Я не стану вмешиваться.

Не тогда, когда Амрен утверждала, что моя сестра была близка — так близка — к тому, чтобы овладеть навыком, который замешан в потенциальном исправлении стены. Если только она сможет *отпустить* себя, сказала Амрен. Я не посмела предположить, что,

возможно, мир не совсем готов к такому.

Я съела свой завтрак в тишине, лишь моя вилка скреблась о тарелку. Амрен сказала, что она тоже близка к нахождению нужной нам вещи в Книге — того заклинания, которым овладеет моя сестра. Как Амрен поняла это, я не знала. Было неразумно спрашивать ее о таком.

Нэста заговорила лишь тогда, когда я встала.

— Ты пойдешь на встречу через два дня.

— Да.

Я приготовила себя к тому, что она собиралась сказать.

Нэста посмотрела на передние окна, будто все еще ожидая, все еще наблюдая.

— Ты оправилась на ту битву. Даже не задумываясь. Почему?

— Потому что я должна была. Потому что людям нужна была помощь.

Ее серо-голубые глаза были почти серебристыми в луче утреннего света. Но Нэста больше ничего не сказала, и, подождав еще несколько секунд, я ушла, рассеиваясь к Дому для моего урока полета с Азриэлем.

ГЛАВА

41

Следующие два дня были так забиты работой, что тот урок с Азриэлем был единственным разом, когда я с ним тренировалась. Говорящий с тенями вернулся после отправки сообщений о переносе встречи, которые написала Мор. По крайней мере, они согласились с датой. Но решение Мор о месте проведения встречи, несмотря на ее четкую формулировку, все они отвергли. Таким образом, бесконечная разборка между дворами продолжалась.

Раньше Подгорье было их нейтральной территорией для встреч.

Даже если бы его не запечатали, никто не собирался провести там встречу.

Так что начались споры о том, кто примет у себя всех Высших Лордов.

Ну, шесть из них. Берон, наконец, согласился прийти. Но не было вестей из Весеннего Двора, хотя мы знали, что сообщение было получено.

Пойдем мы все — за исключением Амрен и Нэсты, потому что Амрен настояла, что моей сестре нужно больше практики. Особенно после того, как прошлой ночью Амрен нашла отрывок из Книги, который *может* оказаться тем, что нам нужно, чтобы починить стену.

Лишь за несколько часов до ужина было принято решение о том, что все согласились на проведение встречи в Рассветном Дворе. Он был достаточно близок к серединным землям, и поскольку Каллиас, Высший Лорд Зимнего Двора, не позволил бы никому попасть на его территорию после ужасов, сотворенных Амарантой над его людьми, это было единственным другим местом, находящимся рядом с нейтральной серединной территорией.

Рис и Тэсан, Высший Лорд Рассветного Двора, были в хороших отношениях. Рассвет в основном был нейтральным во всех конфликтах, но, как один из трех Солнечных Дворов, их преданность всегда распространялась друг на друга. Не такой сильный союзник, как Гелион

Заклинатель из Дневного Двора, но его силы было достаточно.

Это не помешало Рису, Мор и Азриэлю собраться за обеденным столом в городском доме за ночь до встречи, чтобы обсудить все сведения, которыми они располагали о дворце Тэсана — о возможных ловушках и опасностях. И путей побега.

Я держала себя в руках, чтобы не расхаживать по комнате, чтобы не спросить их, превышают ли риски выгоду. В Хайберне многое пошло не так. Так многое будет происходить не так в этом мире. Каждый раз, как говорил Азриэль, я слышала его рев от боли, когда стрела пронзила его грудь. Каждый раз, как Мор начинала спорить, я видела ее бледное лицо, когда она отступала от короля. Каждый раз, как Рис спрашивал мое мнение, я видела его стоящим на коленях в крови его друзей, умоляющего короля не разрывать нашу связь.

Нэста и Амрен часто прерывали свое занятие в гостиной, когда Амрен вмешивалась с советом или предупреждением на счет встречи. Или когда Амрен цыкала на Нэсту, чтобы та сконцентрировалась, надавливая сильнее. Пока она сама просматривала Книгу.

Еще несколько дней, сказала Амрен, когда Нэста наконец поднялась наверх, жалуясь на головную боль. Еще несколько дней, и моя сестра, используя какую-то таинственную силу, сможет *делать* что-то. Но, добавила Амрен, если *она* сможет вовремя разгадать тот многообещающий отрывок из Книги. И после этого эта темноволосая женщина пожелала нам спокойной ночи — уходя читать, как она утверждала, пока ее глаза не начнут кровоточить.

Учитывая, какой пугающей была Книга, я не была полностью уверена, что она пошутит.

Другие, видимо, тоже.

Я едва притронулась к ужину. И я почти не спала той ночью, крутясь на простынях, пока не проснулся Рис и терпеливо выслушал, как я шепчу про свои страхи, пока они не стали все лишь тенями.

Рассвело, и я оделась, утро превращалось в солнечный, засушливый день.

Хотя мы собирались прийти на встречу такими, какие мы на самом деле есть, наши обычные наряды остались теми же: Рис в своем излюбленном черном камзоле и брюках, Азриэль и Кассиан в своей иллирийской броне, все семь Сифонов были отполированы и блестели. Мор заменила свое обычное платье красного цвета на полуночно-синее. В нем все еще были вырезы и струящиеся прозрачные юбки, но в то же время было и что-то... сдержанное. Королевское. Принцесса королевства.

Обычные наряды — за исключением моего.

Я не нашла нового платья. Потому что не было платья лучше, чем то, в котором я теперь стояла в фойе, в то время как часы на каминной полке пробили одиннадцать.

Рис все еще не спустился вниз, и не было ни Амрен, ни Нэсты, чтобы проводить нас. Мы собрались несколько минут назад, но... Я снова осмотрела себя. Даже в теплом освещении фойе, платье сверкало и переливалось, словно только что обработанный драгоценный камень.

Мы взяли мое платье с Звездопада и переделали его, добавив синие шелковые полосы к верхней части спины, и сверкающая ткань, будто сотканная из звездного света, струилась за мной вместо вуали или плаща. Если Рисанд был Торжеством Ночи, я была звездой, сияющей лишь благодаря его тьме, светом, видимым только из-за него.

Я нахмурилась, глядя на лестницу. Так будет, если он появится вовремя.

Мои волосы, которые Нуала собрала в витиеватой элегантной волной на моей голове, и перед ней...

Я заметила, что Кассиан уже третий раз за минуту смотрит на меня, и спросила:

— Что?

Уголки его губ дрогнули.

— Просто ты выглядишь так...

— Начинается, — пробормотала Мор, стуча красными ногтями по лестничным перилам.

Кольца сверкали на каждой костяшке, на каждом пальце; множество браслетов позвякивали друг о друга на ее запястьях.

— Официально, — сказал Кассиан, подарив ей скептический взгляд.

Он махнул рукой с Сифоном на меня:

— *Шикарно.*

— Тебе больше пятисот лет, — сказала Мор, печально качая головой, — ты опытный воин и генерал, тебя знают везде, и ты все еще не можешь раздавать дамам комплименты. Напомни мне, почему мы берем тебя на дипломатические встречи?

Азриэль, стоявший в тених у входной двери, тихонько усмехнулся. Кассиан стрельнул по нему взглядом.

— Что-то не вижу, чтобы *ты* декларировал стихи, брат.

Азриэль скрестил руки на груди, все еще слабо улыбаясь.

— Мне не нужно к этому прибегать.

Мор засмеялась, а я фыркнула, заработав удар в ребра от Кассиана. Я отмахнулась от его руки, но решила не толкать его в ответ лишь потому, что видела его впервые после Адриаты и тени все еще омрачали его глаза — и из-за нестабильного веса одной вещички на моей голове.

Короны.

Рис короновал меня на каждую встречу и прием, что мы устраивали, задолго до того, как я стала его мейтом, задолго до того, как я стала его Высшей Леди. Даже в Подгорье.

Я никогда не спрашивала о тиахах, диадемах и коронах, которые Нуала или Керридвен закрепляли на моих волосах. Никогда не возражала против них — даже до того, как у нас установились теперешние отношения. Но эта... Я присмотрелась к лестнице, когда послышались неторопливые, размеренные шаги Риса, идущего по ковру.

Эта корона была тяжелее. Это не было неприятным, но... было странно. И когда Рис появился на верхних ступенях лестницы, сверкая в своем черном камзоле, с выпущенными крыльями, такими блестящими, будто он полировал их, я снова оказалась в той комнате, куда он вчера привел меня поздней ночью, после того, как я разбудила его своим ерзаньем в постели.

Это было помещение на этаж выше библиотеки в Доме Ветра, и на нем было столько защитных заклинаний, что он несколько секунд преодолевал их. Лишь он и я — и наши будущие дети, добавил он с мягкой улыбкой — могут войти сюда. Если только мы приведем с собой гостей.

Комната была прохладной, холодного черного цвета — будто мы вошли в сознание спящего зверя. И в его круглом пространстве мерцали сверкающие островки света. Исходящего от драгоценностей.

Сокровища, накапливаемые десять тысяч лет.

Они были аккуратно организованы, лежа на возвышениях, открытых ящиках, бюстах и подставках.

— Семейные драгоценности, — сказал Рис с коварной усмешкой. — Какая-то их часть, которая нам не нравится, хранится во Дворе Кошмаров, чтобы они не бесились, и еще потому, что семья Мор иногда заимствует кое-что, но эти... они только для семьи.

Он провел меня мимо драгоценностей, которые сверкали как маленькие созвездия, стоимость каждой... Даже будучи дочерью купца, я не могла подсчитать стоимость хотя бы одной из них.

И в задней части комнаты, спрятанной в тяжелом мраке...

Я слышала о катакомбах на континенте, где в маленьких нишах хранили черепа возлюбленных и людей с дурной славой. В стене их были от десятков до сотен.

Здесь концепция была такой же: в скале была вырезана целая стена, на которой находились короны. У каждой из них было свое место, они лежали на черном бархате, каждая освещена —

— Светлячки, — сказал мне Рис, когда крошечные голубоватые шарики, украшающие арки каждого угла, заблестели, словно ночное небо.

На самом деле... То, что я приняла за маленькие фейские огоньки, находящиеся высоко под потолком... Все они были светлячками. Бледно-голубые и бирюзовые, их свет был шелковистым, как лунный свет, освещающая драгоценности своим древним, тихим огнем.

— Выбери одну, — прошептал Рис мне на ухо.

— Светлячка?

Он ущипнул меня за мочку уха.

— Не умничай.

Он отвел меня обратно к стене корон, каждая полностью отличалась от другой — такой же особенной, как и черепа.

— Выбери любую корону, которая тебе понравится.

— Я не могу... просто выбрать одну.

— Конечно ты можешь. Они принадлежат тебе.

Я выгнула бровь.

— На самом деле это не так.

— По закону и традициям все это — твое. Продавай их, расплавляй, носи их — делай все, что хочешь.

— И тебе будет все равно? — я указала на сокровищницу, стоимость вещей в которой превосходила стоимость большинства королевств.

— О, у меня есть парочка любимых, которые я могу убедить тебя оставить, но... Это твое. Все, до последнего кусочка.

Наши глаза встретились, и я знала, что он тоже вспомнил те слова, что я прошептала ему несколько месяцев назад. Что каждый кусочек моего все еще исцеляющегося сердца принадлежит ему. Я улыбнулась, и скользнула ладонью по его руке, прежде чем подошла к стене корон.

Однажды, когда я была во дворе Тамлина, мне дали корону, и я была в ужасе. Я боялась ее. И, полагаю, что никогда не беспокоилась из-за короны, когда мне давал ее Рис. Будто какая-то часть меня всегда знала, что я должна была быть именно здесь: на его стороне, как равная ему. Его королева.

Рис наклонил голову, будто говоря да — он видел, понимал и всегда знал.

Теперь, спускаясь по лестнице городского дома, Рис обратил все свое внимание на корону на моей голове. И чувств, отразившихся на его лице, было достаточно, чтобы Мор и Кассиан отвели взгляд.

Я позволила короне позвать себя. Я выбирала ее не по красоте или удобству, а по тяге, которую чувствовала к ней, прямо как с тем кольцом в домике Ткачихи.

Моя корона была сделана из серебра и бриллианфов, имея вид завихрений звезд и различных лунных фаз. На ее вершине был полумесяц из цельного бриллианта, окруженный двумя взрывающимися звездами. И с моим сверкающим платьем со Звездопада...

Рис сошел с лестницы и взял меня за руку.

Торжество Ночи — и Вечные Звезды.

Если он был ласковой, ужасающей тьмой, то я была сверкающим светом, видимым лишь из-за его теней.

— Я думала, что вы уезжаете, — сказала Нэста, появившаяся на лестнице.

Я подобралась, отводя взгляд от Риса.

На Нэсте было темно-синее платье, не было видно никаких украшений, ее волосы были собраны и тоже не украшены. Полагаю, что с ее ошеломляющей красотой, ей не нужны украшения. Это выглядело бы как драгоценности на льве. Но чтобы она была так одета...

Она зашагала вниз, и когда все замолчали, я поняла...

И постаралась не выглядеть как болван, смотря на Кассиана.

Они не видели друг друга с Адриаты.

Но воин лишь раз бегло осмотрел ее и повернулся к Азриэлю, чтобы что-то сказать. Мор внимательно наблюдала за обоими — предупреждение, что она дала моей сестре, тихо звенело между ними. И Нэста, Мать ее дери, выглядела помнящей об этом. Выглядела так, будто сдерживала себя, чтобы не прошипеть что-то, и просто подошла ко мне.

И мое сердце чуть не остановилось от удивления, когда она сказала:

— Ты красиво выглядишь.

Мор сказала:

— Это, Кассиан, то, что ты пытался сказать.

Он проворчал что-то, но мы решили проигнорировать его. Я сказала Нэсте:

— Спасибо. Ты тоже.

Нэста лишь пожала плечами.

Я продолжила:

— Почему ты так нарядно оделась? Разве ты не должна заниматься с Амрен?

Я почувствовала, как взгляд Кассиана скользнул на нас, почувствовала, как все они посмотрели на нас, когда Нэста сказала:

— Я пойду с вами.

ГЛАВА

42

Никто ничего не сказал.

Нэста только подняла подбородок.

— Я... — я никогда не слышала, чтобы она запинаясь на слове. — Я не хочу, чтобы меня запомнили как трусиху.

— Никто бы так не сказал, — тихо ответила я.

— Я бы сказала.

Нэста обвела нас всех взглядов, не задержав внимание на Кассиане. Не чтобы показать свое пренебрежение, но... чтобы не отвечать на тот взгляд, с которым он на нее посмотрел. Взгляд одобрения, даже больше этого.

— Это было чем-то отдаленным, — сказала она. — Война. Сражения. Но... больше это не так. Я помогу, если смогу. Если это означает... что я должна рассказать им о произошедшем.

— Ты отдала достаточно, — сказала я, и мое платье зашелестело, когда я отважилась сделать шаг к ней. — Амрен сказала, что ты почти овладела нужным тебе навыком. Ты можешь остаться — сосредоточиться на нем.

— Нет, — слово было четким и ясным. — Если я не попрактикуюсь день или два, то это ничего не изменит. Возможно, к тому времени, как мы вернемся, Амрен расшифрует то заклинание из Книги, — она пожала плечами. — Ты отправилась на битву за двор, который едва знаешь — которые почти не видят вас своими друзьями. Амрен показала мне кровавый рубин. И когда я спросила тебя, почему... ты сказала, что так было правильно. Людям нужна была помощь, — ее горло дернулось. — Никто не будет сражаться, чтобы спасти людей за стеной. Всем все равно. Но мне нет, — она играла со складкой своего платья. — Я сделаю это.

Рис подошел ко мне.

— Как Высшая Леди, Фейра больше не является моим эмиссаром в человеческих землях, — он осторожно улыбнулся Нэсте. — Хочешь эту работу?

Лицо Нэсты ничего не выражало, но я могла поклясться, что вспыхнула какая-то искра.

— Рассматривай эту встречу как испытательный срок. И я заставлю тебя заплатить бешеные деньги за мои услуги.

Рис слегка поклонился.

— Не ожидал ничего другого от сестры Арчерон.

Я ткнула его в ребра, и он рассмеялся.

— Добро пожаловать во двор, — сказал он ей. — У тебя будет адский денек.

И, к моему нескончаемому удивлению, Нэста улыбнулась.

— Дороги назад уже не будет, — сказал Кассиан Рису, указывая на его крылья.

Рис засунул руки в карманы.

— Полагаю, пришло время миру узнать, у кого на самом деле самый большой размах крыльев.

Кассиан засмеялся, даже Азриэль улыбнулся. Мор так посмотрела на меня, что я закусила губу, чтобы не застонать.

— Двадцать золотых марок на то, что драку устроят в первый час, — сказал Кассиан, все еще не смотря на Нэсту.

— Тридцать, и я ставлю на сорок пять минут, — сказала Мор, скрещивая руки.

— Не забывайте, что там даются обеты и действуют заклинания нейтралитета, — мягко сказал Рис.

— Не всегда нужны кулаки или магия, чтобы начать драку, — прощбетала Мор.

Азриэль сказал, стоя у двери:

— Пятьдесят, и я ставлю на полчаса. И ее начнет Осень.

Рис закатил глаза.

— Постарайтесь *не* выглядеть так, будто все вы поставили на них. И никакого мошенничества посредством провоцирования драк.

Их ответные улыбки были вроде как обнадеживающими. Рис вздохнул.

— Сто марок на драку, начавшуюся в первые пятнадцать минут.

Нэста тихо фыркнула. Но все они посмотрели на меня, ожидая.

Я пожалала плечами.

— Мы с Рисом — команда. Он может растрачивать все наши деньги на этой ерунде.

Все они выглядели глубоко оскорбленными.

Рис подсунул свою руку под мой локоть.

— Королева во всей красе...

— Даже не заканчивай это, — сказала я.

Он засмеялся.

— Приступим?

Он рассеет меня, а Мор теперь придется взять с собой Кассиана и Нэсту, а Азриэль сам о себе позаботится. Рис посмотрел на часы в гостиной и кивнул Говорящему с тенями.

Азриэль мгновенно исчез. Он прибудет первым — первым посмотрит, ожидает ли нас какая-нибудь ловушка.

В тишине, мы ожидали. Одну минуту. Две. Потом Рис выдохнул и сказал:

— Чисто.

Он переплел наши пальцы, крепко их сжимая.

Мор слегка расслабилась, и от ее движения засверкали ее драгоценности. Она подошла к Кассиану и взяла его за руку.

Но он напоследок подошел к Нэсте. И, когда мир начал превращаться в тени и ветер, я увидела, что Кассиан, возвышаясь над моей сестрой, которая вызывающе подняла подбородок, раскатисто сказал:

— Привет, Нэста.

Рис, кажется, приостановил наше рассеивание, когда моя сестра сказала:

— Значит, ты выжил.

Кассиан оскалил зубы в дикой ухмылке, слегка раскрыв крылья.

— Ты надеялась на другое?

Мор внимательно следила за ними, каждая мышца была напряжена. Она снова потянулась к его руке, но Кассиан отстранился от нее, не отводя глаз от пылающего взгляда Нэсты.

Нэста выпалила:

— Ты не пришел —

Она замолчала.

Мир, казалось, полностью замер на этом прерванном предложении, как и Кассиан. Он посмотрел ей в лицо, будто яростно читая какой-то отчет о боевых действиях.

Мор просто наблюдала, как Кассиан взял худенькую руку Нэсты в свою, переплетая их пальцы. Как он сложил свои крылья и, не глядя, поднял другую руку в сторону Мор, молча приказывая переместить их.

Кассиан не сводил глаз с глаз Нэсты, как и она. Не было никакой теплоты, никакой нежности на их лицах.

Лишь бушующая энергия, эта смесь презрения, понимания и огня.

Рис снова начал нас рассеивать, и прямо тогда, когда темный ветер охватил меня, я услышала, как Кассиан сказал Нэсте низким и грубым голосом:

— В следующий раз, Эмиссар, я приду поздороваться.

По рассказам Риса я примерно знала, что ожидать от Рассветного Двора, но даже то, что он мне рассказывал, не показывало реальность.

Сначала я увидела облака.

Огромные облака, дрейфующие в кобальтовом небе, мягкие и великолепные, все еще окрашенные розовыми остатками восхода, а их закругленные края были позолочены золотистым светом. Росистая свежесть утра парила в прохладном воздухе, пока мы смотрели на дворец на горе, уходящий спиральями высоко в небеса.

Если дворец над Двором Кошмаров был изготовлен из лунного камня, то этот был сделан из... солнечного камня. У меня не было слов, чтобы описать этот почти опаловый золотистый камень, который, казалось, содержал в себе сияние тысячи рассветов.

Лестницы, балконы, арки, веранды и мосты связывали башни и позолоченные купола дворца, фиолетово-голубой ореол утра взбирался на колонны и аккуратно покрывал камни, чтобы впитать золотой туман, окружающий их.

Окружающий, потому что гора, на которой стоял дворец... Это было причиной, по которой я сначала увидела облака.

Веранда, на которой мы появились, была пуста, за исключением Азриэля и худого провожатого в золотисто-рубиновом наряде Рассвета. Легкие, свободные одеяния — многослойные, и все же выгодно подчеркивающие фигуру.

Мужчина поклонился, его загорелая кожа была гладкой, молодой и красивой.

— Сюда, Высший Лорд.

Даже его голос был таким же прекрасным, как первый проблеск золотого солнца на горизонте. Рис ответил на его поклон легким кивком, и протянул мне руку.

Позади нас, идя рядом с Нэстой, Мор пробормотала:

— Если ты когда-нибудь захочешь построить новый дом, Рис, то черпай вдохновение из этого.

Рис бросил на нее недоверчивый взгляд через плечо. Кассиан и Азриэль тихо фыркнули.

Я посмотрела на Нэсту, когда проводник повел нас не в арке за верандой, а к спиральной лестнице, ведущей наверх — вокруг голой стены башни.

Нэста казалась такой же неуместной здесь, как и мы все — за исключением Мор — но...

На лице моей сестры было благоговение.

Абсолютное благоговение перед этим дворцом в облаках, зеленеющей сельской местности, рябившей далеко внизу, утыканной маленькими деревнями с домами с красными крышами и широкими, сверкающими реками. Бесконечная природа, богатая дарами лета, царившего здесь.

И мне было интересно, выглядело ли мое лицо так же — в тот день, когда я впервые увидела Веларис. Смесь благоговения, злости и осознания, что мир — большой и красивый, а иногда такой ошеломляющий, что невозможно выпить его до последней капли за раз.

На территории Рассвета были и другие дворцы — расположенные в небольших городах, специализированных на ремесле, часах и хитроумных устройствах. Здесь... посреди этих

маленьких деревень, расположенных на холмах, не было никакой промышленности. Ничего, кроме дворца, неба и облаков.

Мы поднялись по винтовой лестнице, обрыв был так близко к краю ступенек, уходя вниз, в гору, окрашенную теплыми цветами, покрытую скоплениями бледных роз и пушистых, пурпурных пионов. Красивая, красочная смерть.

На каждом шагу у меня замирало сердце, пока мы поднимались все выше и выше к башне, и Рис крепко держал мою руку.

Он не убрал крылья. И он ни разу не заколебался.

Его взгляд скользнул ко мне, веселый и вопрошающий. Он сказал по связи, *И ты думаешь, что мне нужно перестроить наш дом?*

Мы проходили мимо комнат под открытым небом, наполненных толстыми, шелковыми подушками и мягких ковров, мимо окон, сделанных из разноцветной мозаики, мимо ваз с лавандой и фонтанов, в которых журчала чистейшая вода в мягких лучах солнца.

Это не соревнование, сказала я ему.

Его рука сжала мою. *Ну, даже если у Тэсана дворец красивее, то мне единственному повезло иметь Высшую Леди.*

Я не удержалась и покраснела.

Особенно когда Рис добавил, *Сегодня, я хочу, чтобы ты была в постели в этой короне. Только в короне.*

Мерзавец.

Всегда.

Я улыбнулась, и он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

Мор пробормотала мольбу о том, чтобы ее избавили от мейтов.

Мы слышали приглушенные голоса, доносящиеся из комнаты под открытым небом на вершине башни из солнечного камня — некоторые глубокие, некоторые резкие, некоторые повышенные — прежде чем мы прошли последний виток вокруг нее, арочные окна без стекол не мешали нам слышать разговор находящихся внутри.

Трое уже здесь, предупредил меня Рис, и у меня возникло ощущение, что Азриэль теперь прошептал то же самое Мор и Кассиану. *Гелион, Каллиас и Тэсан.*

Высшие Лорды Дня, Зимы, и принимающего нас Рассветного Двора.

Что до Осени и Лета — Берона и Тарквина — их еще не было. Как и Весны.

Я все еще сомневалась, что Тамлин вообще придет, но Берон и Тарквин... Возможно, та битва заставила Тарквина передумать. И Берон достаточно ужасен, чтобы, возможно, уже присоединиться к Хайберну, несмотря на все старания Эриса.

Я заметила, как Рис сглотнул, когда мы делали последние шаги к открытому проходу. Длинный мост соединял другую половину башни с внутренней частью дворца, его перила покрыты бледными глициниями. Интересно, поднимались ли другие по этой лестнице, как и мы, или это оскорблением в нашу сторону.

Выставила щиты? Спросил Рис, но я была уверена, что он знал, что свой я выставила еще в Веларисе.

Так же, как я знала и то, что он выставил щиты, ментальные и физические, вокруг всех нас, несмотря на то, что встреча проходит на мирных условиях.

И, хотя его лицо было спокойным, а плечи разведены, я сказала, *Я вижу всего тебя, Рис. И нет такой части тебя, которую я не любила бы всем своим существом.*

В ответ его рука сжала мою, прежде чем он обвил моими пальцами свою руку, подняв

ее так, что мы, должно быть, выглядели очень аристократично, когда вошли в комнату.

Ты никому не подчиняешься, сказал он.

ГЛАВА

43

Комната была такой, какой я ее и представляла, и в то же время не была. Глубокие мягкие дубовые стулья были расставлены широким кругом в центре комнаты — их было достаточно для Высших Лордов и их представителей. Некоторые стулья, поняла я, были сделаны с учетом размещения крыльев сидящего.

Казалось, что для них это было не в новинку. Для крылатых Фэ, окруживших красивого стройного мужчину, которого, как я сразу же вспомнила, я видела в Подгорье. Если у иллирийцев были крылья как у летучих мышей, то у них... крылья были как у птиц.

У перегринов есть дальние родственные связи с Серафимами Дрейкона, и они составляют небольшой воздушный легион Тэсана, сказал мне Рис, говоря о скоплении мускулистых мужчин и женщин в золотой броне. Мужчина слева от него — его капитан и возлюбленный. Действительно, этот красивый мужчина стоял ближе других к своему Высшему Лорду, держа одну руку на эфесе меча. Связь мейтов еще не установилась, продолжил Рис, но я думаю, что Тэсан не осмеливался признаться в этом, пока правила Амаранта. Ей нравилось вырывать их перья — одно за другим. Однажды она сделала из них платье.

Я постаралась не вздрогнуть, когда мы шагнули на отполированный мраморный пол, камень, нагретый солнцем, которое выглядывало из-за открытых арок. Остальные посмотрели на нас, некоторые зашептались при виде крыльев Риса, но мое внимание привлекла истинная жемчужина комнаты: крошечный пруд.

Пространство между стульями, расставленными кругом, занимал не стол, а неглубокий круглый пруд, выдолбленный прямо в полу. Его темная вода была заполнена розовыми и золотистыми кувшинками, чьи листья были широкими и плоскими, будто мужские руки, а под ними лениво плавали рыбки цветов тыквы и слоновой кости.

Это, призналась я Рису, я, возможно, хотела бы иметь.

Через связь я услышала ироничный насмешливый ответ. *Сделаю себе заметку, что могу подарить его тебе на день рождения.*

Еще больше глициний обвивали колонны, окружающие комнату, а на столах, расположенных у некоторых стен, шелковым покрытием лежали пучки пионов винного цвета. Между вазами стояли тарелки и корзинки с едой — небольшие пирожные, копченое мясо и фрукты, а также оловянные кувшины, манящие свежестью напитков.

Тут были трое Высших Лордов.

Мы не единственные принарядились.

Мы с Рисом остановились на полпути к ним.

Я знала их всех — помнила по тем месяцам в Подгорье. Рис рассказал мне их истории в ходе наших тренировок. Интересно, почувствовали ли они свои силы внутри меня, когда посмотрели на нас.

Тэсан вышел вперед, его расшитые изящные ботинки бесшумно передвигались по полу. Его туника облегла его узкую грудную клетку, но свободные штаны — похожие на те, которые любит Амрен — развевались, пока он подходил к нам. Его загорелая кожа и темные волосы были поцелованы золотом, будто их постоянно золотил рассвет, но его глаза богатого коричневого цвета только что вспаханной земли были самой его очаровательной особенностью. Он остановился в нескольких футах от нас, рассматривая Риса и меня, а затем наших спутников. И крылья, которые Рис сложил за своей спиной.

— Добро пожаловать, — сказал Тэсан, его голос был таким же глубоким и богатым на оттенки, как и его глаза.

Его возлюбленный следил за каждым нашим вдохом, находясь на несколько футов позади, и, без сомнения, наши собственные друзья делали то же самое.

— Или, — размышлял Тэсан, — учитывая, что это ты назначил эту встречу, то, возможно, ты сам должен приветствовать нас?

Слабая улыбка появилась на идеальном лице Риса, между прядями его волос вились тени. Он немного меньше сдерживал свои силы. Все они так сделали.

— Я, возможно, и назначил эту встречу, Тэсан, но ты единственный был настолько любезен, что предложил провести ее в своем прекрасном дворце.

Тэсан кивнул в знак благодарности, возможно считая невежливым спрашивать о только что обнаруженных крыльях Риса, и повернулся ко мне.

Мы смотрели друг на друга, пока мои друзья поклонились ему, стоя позади меня. Как жена Высшего Лорда, я должна была сделать то же самое.

Но я просто стояла. И смотрела.

Рис не вмешивался — не на это первое испытание.

Рассвет — дар исцеления. Это был дар, который позволил мне спасти жизнь Рисанда. Когда я пошла к Сюриэлю, и в тот же день узнала правду, которая затем изменила все.

Я сдержанно улыбнулась Тэсану.

— Твой дом очарователен.

Но внимание Тэсана привлекла татуировка. Я знала, что он понял это тогда, когда заметил, что татуировка покрывает не ту руку. А потом и корону на моей голове. Его брови взлетели вверх.

Рис лишь пожал плечами.

Теперь к нам подошли два других Высших Лорда.

— Каллиас, — сказал Рису беловолосому мужчине, чья кожа была такой бледной, что казалась замороженной.

Даже его будоражащие голубые глаза были словно высеченными изо льда, пока он рассматривал крылья Риса и, казалось, сразу же потерял к ним интерес. На нем был камзол королевского синего цвета, расшитый серебряной нитью, а воротник и рукава были отделаны кроличьим мехом. Я подумала, что такой наряд слишком теплый для такого ясного дня, особенно с его меховыми коричневыми сапогами по колена, но, учитывая ледяное выражение его лица, возможно, в нем текла замороженная кровь. Три Высших Фэ, одетых в одежду таких же цветов, оставались на своих местах, а одна из них, великолепная молодая девушка, посмотрела прямо на Мор — и оскалилась.

Мор сделала то же самое, переступая с ноги на ногу, когда Каллиас открыл рот —

И тут моя подруга завизжала.

Завизжала.

Обе женщины кинулись друг к другу, и визг Мор превратился в тихие всхлипывания, когда она обвила руки вокруг этой стройной незнакомки и крепко ее обняла. Руки этой женщины дрожали, когда она тоже обхватила Мор.

Потом они смеялись, плакали и танцевали вокруг друг друга, останавливаясь, чтобы посмотреть на лица друг друга, вытереть слезы и снова начать обниматься.

— Ты выглядишь так же, — сказала незнакомка с улыбкой до ушей. — Кажется, это то платье, в котором я тебя видела в —

— Ты выглядишь так же! Носишь мех в разгар лета — как типично —

— Ты, кажется, прибыла в компании тех же подозрительных личностей —

— К счастью, в нашей команде есть пополнение —

Мор махнула рукой в мою сторону. Я не видела ее такой сияющей уже довольно долгое время.

— Вивиан, познакомься с Фейрой. Фейра, это Вивиан — жена Каллиаса.

Я посмотрела на Тэсана и Каллиаса, который наблюдал за своей женой и Мор с поднятыми бровями.

— Я пытался убедить ее остаться дома, — сухо сказал Каллиас, — но она пригрозила отморозить мои яйца.

Рис мрачно усмехнулся.

— Звучит знакомо.

Я бросила на него свирепый взгляд через плечо — как раз вовремя, чтобы увидеть, как ухмылка исчезла с лица Каллиаса и он серьезно посмотрел на Риса. В этот раз не только на крылья. У моего мейта и самого пропало веселое выражение лица, и между ним и Каллиасом повисло какое-то напряжение —

Но я уже подошла к Мор и Вивиан, и стерла любопытство со своего лица, когда пожала руку Вивиан, с удивлением обнаружив, что она теплая.

Ее серебряные волосы сверкали на солнце как свежий снег.

— Жена, — сказала Вивиан, прищелкивая языком. — Ты знаешь, мне это все еще кажется странным. Каждый раз, как кто-то произносит это слово, я оглядываюсь, будто речь идет о ком-то другом, а не обо мне.

Каллиас, все еще стоя возле Риса с непоколебимой осанкой, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Я все еще не решил, оскорбляет это меня или нет. Поскольку она говорит это каждый день.

Вивиан показала ему язык.

Но Мор положила руку на ее плечо и сжала его.

— Привыкнешь со временем.

На бледном лице Вивиан появился румянец.

— Да, я знаю — все изменилось после Подгорья, — ее темно-синие глаза скользнули к моим, и она склонила голову. — Спасибо — что вернула мне моего мейта.

— Мейты? — взвизгнула Мор, смотря на этих двоих. — Супруги и мейты?

— Вы двое вообще понимаете, что это серьезная встреча? — спросил Рис.

— И что рыба в пруду очень чувствительна к таким пронзительным звукам, — добавил Каллиас.

Вивиан показала им обоим вульгарный жест, из-за чего она мгновенно мне понравилась.

Рис посмотрел на Каллиаса с, как мне показалось, многострадальной мужской солидарностью. Но Высший Лорд никак не отреагировал на это.

Он лишь смотрел на Рис, снова посерьезнев — его лицо стало абсолютно холодным.

С Зимним Двором были... напряженные отношения, как сказала Мор, когда они спасли меня и Люсьена на замерзшем озере. Давняя злость из-за чего-то, произошедшего в Подгорье

Но тут, наконец, возле пруда показался третий Высший Лорд.

Однажды мой отец покупал и торговал золотыми и лазуритовыми кулонами родом из засушливого юго-восточного королевства, лежащего в руинах, где Фэ правили как боги посреди качающихся пальм и занесенных песком дворцов. Я была загипнотизирована их расцветкой и мастерством изготовления, но еще больше меня интересовала доставка мирра и инжира, доставляемых вместе с ними. И, когда я слонялась без дела в отцовском кабинете, он тайком приносил мне немного инжира. Даже сейчас я могла ощущать их сладость на своем языке, все еще чувствовала их земляной аромат, и я не могу объяснить, почему, но... Я вспомнила эти древние ожерелья и изысканные деликатесы, когда Высший Лорд подошел к нам.

Его одеяние было создано из одного полотна белой ткани — не халат, не костюм, а что-то среднее между ними, складками облекая его мускулистое тело. Золотой браслет в виде змеи обвил его мощный бицепс, нейтрализуя его почти светящуюся темную кожу, и светящаяся корона с золотыми шипами — как я поняла, лучами солнца — сверкала на его черных волосах.

Олицетворенное солнце. Могущественный, с ленивым изяществом, способный творить добро и быть разгневанным. Почти такой же красивый, как Рисанд. И каким-то образом — каким-то образом даже холоднее Каллиаса.

Его свита Высших Фэ была по количеству почти как наша, одетые в такие же одеяния разнообразных богатых цветов — кобальтового, пунцового и аметистового — некоторые с мастерски подведенными глазами, все в хорошей физической форме и излучающие здоровье.

Но, возможно, их физическая сила — *его* сила — была каким-то трюком.

Потому что Гелиона называли Заклинателем, и тысячи его библиотек, по слухам, содержали знания о мире. Возможно, все эти знания сделали его слишком осведомленным, слишком холодным, несмотря на его яркие глаза.

Или, возможно, он стал таким после того, как Амаранта разграбила некоторые из этих библиотек. Интересно, восстановил ли он то, что она взяла — или скорбит по тому, что она сожгла.

Даже Мор и Вивиан притихли, когда Гелион остановился на приличном расстоянии от нас.

Именно его сила вызволила моих друзей из Хайберна. Его сила заставляла меня светиться каждый раз, как мы с Рисом переплетались, и каждое сердцебиение приносило боль от радости.

Гелион дернул своим квадратным подбородком в сторону Риса, и лишь он, кажется, не был удивлен крыльям моего мейта. Но его глаза — разящий янтарь — остановились на мне.

— Тамлин знает, кем она является?

Действительно, его голос был холоднее, чем у Каллиаса. И вопрос — очень осторожно сформулирован.

Рис протянул:

— Если ты имеешь в виду красивая и умная, то да — думаю, он знает.

Гелион посмотрел на него ровным взглядом.

— Знает ли он, что она твой мейт — и Высшая Леди?

— *Высшая Леди?* — взвизгнула Вивиан, но Мор шикнула на нее, отводя ее в сторону, чтобы пошептаться.

Тэсан и Каллиас оценивающе посмотрели на меня. Медленно.

Кассиан и Азриэль как бы невзначай приблизились, словно ночной ветерок.

— Если он придет, — спокойно сказал Рис, — то, полагаю, мы это выясним.

Гелион мрачно рассмеялся. Опасный — он был смертельно опасен, этот Высший Лорд, поцелованный солнцем.

— Ты всегда мне нравился, Рисанд.

Тэсан шагнул вперед, даже сейчас будучи хорошим хозяином. Потому что этот смех, безусловно, обещал применение силы. Его возлюбленный и другие перегрины, казалось, заняли оборонительные позиции — как для того, чтобы охранять своего Высшего Лорда, так и как простое напоминание, что мы гости в их доме.

Но внимание Гелиона привлекла Нэста.

Она лишь посмотрела на него в ответ. Невозмутимая, не впечатленная.

— Кто твоя гостья? — спросил Высший Лорд Дня, слишком тихо, как на мой взгляд.

Кассиан ничего не обнаружил — ни следа того, что он знает Нэсту. Но он не сдвинулся ни на дюйм со своей оборонительной позиции. Как и Азриэль.

— Она моя сестра и наш эмиссар в человеческих землях, — сказала я ему, подходя к Нэсте. — И она расскажет свою историю, когда придут другие.

— Она — Фэ.

— Не может быть, — пробормотала Вивиан, и Каллиас пресек фырканье Мор, посмотрев на них с поднятыми бровями.

Гелион проигнорировал их.

— Кто Создал ее? — вежливо спросил Тэсан, отклоняя голову.

Нэста осмотрела Тэсана. Потом Гелиона. Затем Каллиаса.

— Хайберн, — просто ответила она.

Ни следа страха в ее глазах, в ее поднятом подбородке.

Ошеломленное молчание.

Но достаточно насмотрелась, как на мою сестру тарашатся. Я сплела наши локти, направляясь к стульям с низкой спинкой, которые, полагаю, были приготовлены для нас.

— Они бросили ее в Котел, — сказала я. — Вместе с моей второй сестрой, Элейн.

Я села, усадив Нэсту рядом с собой, и посмотрела на трех Высших Лордов без малейшей симпатии, лести или приличия.

— После того, как Высшая Жрица Ианфе и Тамлин продали им весь Прифиан и мою семью.

Нэста кивнула, молча подтверждая мои слова.

Глаза Гелиона вспыхнули, словно кузнечный горн.

— Это серьезное обвинение — особенно в отношении твоего бывшего возлюбленного.

— Это не обвинение, — сказала я, сложив руки на коленях. — Мы все были там. И теперь собираемся что-то с этим делать.

В связи вспыхнула гордость.

И затем Вивиан пробормотала Каллиасу, тыкнув его в ребра:

— Почему я тоже не могу стать Высшей Леди?

Остальные прибыли поздно.

Мы заняли свои места вокруг небольшого пруда, слуги Тэсана с безупречными манерами подносили нам тарелки с едой и бокалы с экзотичными соками, которые стояли на тех столах у стен. Беседа останавливалась и возобновлялась, Мор и Вивиан сидели друг напротив друга, чтобы поделиться всеми сплетнями, накопленными за пятьдесят лет.

Вивиан не было в Подгорье. Будучи подругой детства Каллиаса, он уберегал ее от ошибок на протяжении годов — и отправил эту остроумную женщину на пограничный пункт, где она оставалась десятилетиями, чтобы ее не впутывали в интриги его двора. Он также не позволял ей приближаться к Амаранте. Не позволял никому уловить запах его чувств к этой беловолосой женщине, которая не имела понятия — ни малейшего — что он любил ее всю свою жизнь. И в те последние моменты, когда заклинание забирало его силы... Каллиас использовал их остатки, чтобы предупредить ее. Чтобы сказать Вивиан, что он любит ее. И потом попросил ее защитить их людей.

Что она и сделала.

Как Мор с моими друзьями защищали Веларис, Вивиан замаскировала и охраняла маленький город, руководя им, предлагая безопасное пристанище всем, кто выжил.

Никогда не забывая о Высшем Лорде и своем друге, оказавшемся в ловушке в Подгорье, никогда не переставая искать способ освободить его.

Особенно пока Амаранта устраивала всякие ужасы в его дворе, чтобы сломить и наказать его народ. И все же Вивиан объединяла их. И за это правление страха — за все эти годы — она поняла, кем для нее был Каллиас, что она чувствовала к нему.

И в тот день, когда он вернулся домой, он рассеялся прямо к ней.

Она поцеловала его, прежде чем он смог вымолвить хоть слово. Затем он опустился на колени и попросил ее стать его женой.

Через час они пришли в храм и дали клятвы. И в ту ночь — *в процессе ну-ты-знаешь*, ухмыльнулась Вивиан Мор — связь мейтов, наконец, установилась между ними.

Эта история заняла наше время, пока мы ждали, потому что Мор хотела подробности. Много подробностей. Таких, что выходили за рамки приличия и заставляли Тэсана давиться своим бузинным вином. Но Каллиас улыбался своей жене и мейту так тепло и ярко, что, несмотря на свой ледяной окрас, *он* должен был быть Высшим Лордом Дня.

А не острый на язык брутальный Гелион, который следил за мной и моей сестрой, словно был орлом. Большим, золотым орлом — с очень острыми когтями.

Мне стало интересно, какова его звериная форма; отращивал ли он крылья, как Рисанд. И когти.

И Тэсан тоже — белые крылья как у бдительных пегринов, которые молчали, и его возлюбленный с ожесточенными глазами не произносил ни слова. Возможно, что у всех Высших Лордов Солнечных Дворов под кожей были крылья, подарок неба, которым владели их дворы.

Это было за час до того, как Тэсан объявил:

— Тарквин здесь.

У меня пересохло во рту. Опустилось неловкое молчание.

— Слышал про кровавые рубины, — ухмыльнулся Гелион Рису, играя с золотым

браслетом на своем бицепсе. — Это *та* история, которую я хочу услышать от тебя.

Рис лениво махнул рукой.

— Всему свое время.

Придурок, сказал он мне, подмигивая.

Но потом на верхней ступени лестницы, ведущей в комнату, появился Тарквин, а вместе с ним Вариан и Крессеида.

Вариан обследовал всех нас, ища того, кого здесь не было — и сердито посмотрел на Кассиана, который сидел слева от Нэсты. Кассиан просто самоуверенно ухмыльнулся.

Я разрушил одно здание, однажды сказал Кассиан о своем последнем посещении Летнего Двора. Где ему теперь было *запрещено появляться*. Видимо, даже его участие в битве не изменило этого.

Тарквин проигнорировал меня и Рисанда — проигнорировал всех нас, включая крылья Риса — когда принес расплывчатые извинения за опоздание, ссылаясь на нападение. Возможно, это правда. Или он до последнего раздумывал, приходить или нет, несмотря на то, что принял приглашение.

Он и Гелион были почти такими же напряженными, и лишь Тэсан, казалось, был с ним в хороших отношениях. Или хотя бы нейтральных. Каллиас стал даже холоднее — сдержаннее.

Но с приветствиями было покончено, и затем...

Один из свиты Тэсана прошептал ему, что прибыл Берон *совсеми* своими сыновьями. Улыбка тут же исчезла с лица Мор, как и с ее глаз.

Как и с моего.

Силы, исходящей от моих друзей, было достаточно, чтобы вскипятить воду в пруду у наших ног, когда через арку прошел Высший Лорд Осени, за ним, расположившись по рангу, его сыновья, и его жена — мать Люсьена — сбоку от него. Ее красновато-коричневые глаза просканировали комнату, будто она искала своего пропавшего сына. Они остановились на Гелионе, который насмешливо склонил свою темную голову. Она быстро отвела взгляд.

Однажды она спасла мне жизнь — в Подгорье. За то, что я спасла Люсьена.

Интересовалась ли она, где сейчас находится ее пропавший сын? Слышала ли она слухи, что я пустила, ложь, что я накрутила? Я не могла сказать ей, что Люсьен прямо сейчас находится на континенте, скрываясь от армий, охотясь на околдованную королеву. Чтобы найти крупицу спасения.

Берон — с тонким лицом и каштановыми волосами — не смотрел ни на кого, кроме собравшихся здесь Высших Лордов. Но его сыновья ухмыльнулись нам. Ухмыльнулись так, что перегрины взъерошили свои перья. Даже Вариан сверкнул зубами, предупреждая косой взгляд одного из них на Крессеиду. Их отец не удосужился усмирить их.

Но это сделал Эрис.

Стоя на шаг позади своего отца, Эрис прошептал:

— Хватит, — и его младшие братья выстроились в ряд.

Все трое.

Заметил ли это Берон или волновало ли это его, он ничего не выказал. Нет, он просто прошел полкомнаты, сложив перед собой руки, и нахмурился — словно мы были стаей дворняг.

Берон среди нас самый старый. Самый ужасный.

Рис спокойно поздоровался с ним, хотя его сила, словно темная гора, содрогнулась между нами:

— Неудивительно, что вы опоздали, учитывая, что твои сыновья были слишком медленными, пытаясь поймать моего мейта. Полагаю, это у вас семейное.

Губы Берона слегка скривились, когда он посмотрел на меня и мою корону.

— Мейт — и Высшая Леди.

Я посмотрела на него ровным скучающим взглядом. А потом и на его злобных сыновей. На Эриса.

Эрис лишь улыбнулся мне, весело и надменно. Будет ли он носить эту маску, когда прикончит своего отца и украдет его трон?

Кассиан наблюдал за, возможно, будущим Высшим Лордом так, как ястреб изучает свою следующую добычу. Эрис посмотрел на генерала-иллирийца и склонил голову в приглашении, незаметно похлопывая по животу. Показывая, что готов ко второму раунду.

Затем внимание Эриса переместилось на Мор, он посмотрел на нее с таким презрением, что я пришла в ярость. Мор лишь тупо уставилась на него. Скучающим взглядом.

Даже Вивиан закусила губу. Значит, она знает, что произошло с Мор — что может вызвать присутствие Эриса.

Не зная о той встрече, что уже произошла, о заключении этого проклятого союза. Азриэль был так неподвижен, что я не была уверена, что он вообще дышит. Заметила ли Мор, знала ли она, что, хотя она пыталась оставить в прошлом ту сделку, что мы заключили, эта вина все еще преследовала Азриэля, она не показывала и виду.

Они уселись — заняли последние места.

Не осталось свободных стульев.

Это сказало достаточно о намерениях Тамлина.

Я постаралась не обмякнуть в своем стуле, когда слуги начали обслуживать Осенний Двор, когда мы все заняли свои места.

Тэсан, как хозяин, начал первым.

— Рисанд, ты назначил эту встречу. Настоял на том, чтобы мы собрались раньше, чем планировалось первоначально. Теперь пришло время объяснить, к чему такая спешка.

Рис закрыл глаза — медленно.

— Уверен, что вторгшиеся армии, высаживающиеся на наших берегах, объясняют все достаточно.

— Так к чему именно ты нас призываешь? — спросил Гелион с сомнением, упираясь предплечьями в свои мускулистые, сверкающие бедра. — Собрать объединенную армию?

— Кроме прочего, — мягко сказал Рис. — Мы —

Его появление было почти таким же.

Почти таким же, как в ту ночь в старом домике моей семьи, когда распахнулась дверь, влетел зверь, впуская мороз, и зарычал на нас.

Он не беспокоил себя приземлением на балкон, и не потрудился взять с собой сопровождающих. У него не было свиты.

Словно вспышка молнии, норовистый, словно весенняя буря, он рассеялся прямо в комнату. И моя кровь стала холоднее льда Каллиаса, когда появился Тамлин и улыбнулся, словно волк.

Абсолютная тишина. Полная неподвижность.

Я почувствовала дрожь магии, которая скользнула по комнате, когда щит за щитом устанавливались вокруг каждого Высшего Лорда и его свиты. Тот, что Рисанд уже установил вокруг нас, теперь усилился... Пропитываясь яростью. Гневом и яростью. Даже если лицо моего мейта было скучающим — ленивым.

Я попыталась придать своему лицу ту холодную настороженность, с которой Нэста посмотрела на него, или неуловимое отвращение, появившееся на лице Мор. Я попыталась — и полностью провалилась.

Я знала его причуды, его характер.

Здесь был Высший Лорд, который разорвал наг на кровавые ленты; здесь был Высший Лорд, который пронзил Амаранту мечом Люсьена и зубами вырвал ее горло.

Все это сверкало в этих зеленых глазах, когда они остановились на мне, на Рисе. Зубы Тамлина были белыми, как подобранные воронами кости, когда он широко улыбнулся.

Тэсан поднялся, а его капитан остался сидеть рядом с ним — держа руку на эфесе своего меча.

— Мы не ожидали, что ты появишься, Тамлин.

Тэсан жестом указал на своих слуг, замерших в поклоне.

— Принесите Высшему Лорду стул.

Тамлин не оторвал своего взгляда от меня. От нас.

Его улыбка смягчилась — и все же стала более нервирующей. Более злобной.

На нем была его обычная зеленая туника — никакой короны, никаких украшений. И никакого нового патронаша на месте того, что я украла.

Берон протянул:

— Соглашусь, Тамлин, что я тоже не ожидал увидеть тебя здесь.

Тамлин так и не отвел взгляда от меня. Наблюдая за каждым моим вдохом.

— Слухи говорят, что твоя верность принадлежит кое-кому другому.

Взгляд Тамлина переместился — но вниз. К кольцу на моем пальце. К татуировке, украшающей мою правую руку под сверкающим бледно-голубым рукавом моего платья. Потом он поднялся — прямо к короне, которую я выбрала для себя.

Я не знала, что сказать. Что делать со своим телом, со своим дыханием.

Больше никаких масок, никакой лжи и уловок. Голая правда, которая теперь предстала перед ним. Что я сделала, пребывая в ярости, ложь, что я навешала ему на уши. Люди и земли, которые я сделала уязвимыми перед Хайберном. И теперь я вернулась к своей семье, своему мейту...

Мой горящий гнев охладился, превратившись во что-то заостренное и хрупкое.

Слуги приволокли стул — поставили его между стульями одного из сыновей Берона и свитой Гелиона. Ни один из них не был в восторге от этого, хотя они не были глупы, чтобы отпрянуть, когда Тамлин занял свое место.

Он ничего не сказал. Ни слова.

Гелион махнул рукой, которую покрывали шрамы.

— Тогда займемся делом.

Тамлин прочистил горло. Никто не посмотрел на него.

Не тогда, когда Тамлин уставился на руку Риса, которая лежала на моем сверкающем колене.

Отвращение в глазах Тамлина почти кипело.

Никто, даже Амаранта, никогда не смотрел на меня с такой ненавистью.

Нет, Амаранта не знала меня по-настоящему — ее ненависть была поверхностной, вызванной ее личной историей, которая все отравляла. Тамлин... Тамлин знал меня. И теперь ненавидел каждую мою частичку.

Он открыл рот, и я приготовилась к тому, что услышу.

— Кажется, вас можно поздравить.

Слова были плоскими — плоскими, и все же острыми, как его когти, которые теперь были спрятаны под его золотистой кожей.

Я ничего не сказала.

Рис только удержал взгляд Тамлина. Удержал его с ледяным выражением лица, и все же под ним бурлила презрительная ярость. Разрушительная ярость, пронзающая связь между нами и извивающаяся на ней.

Но мой мейт обратился к Тэсану, который сел обратно на свое место, но все еще находящийся далеко от спокойного состояния:

— Мы можем обсудить этот вопрос позже.

Тамлин спокойно сказал:

— Не останавливайтесь из-за меня.

Из глаз Рисанда исчез свет, будто рука тьмы стерла звезды. Но он раскинулся на стуле, поднимая свою руку с моего колена, чтобы лениво выводить круги на деревянном подлокотнике своего стула.

— Я не собираюсь обсуждать наши планы с врагами.

Гелион, сидящий по другую сторону пруда, улыбнулся, словно лев.

— Нет, — сказал Тамлин с такой же непринужденностью, — ты лишь трахаешься с ними.

Из моей головы вылетели все мысли, и звуки не достигали моих ушей.

Кассиан, Азриэль и Мор были неподвижны, словно смерть — их ярость исходила от них тихими волнами. Но даже если Тамлин и заметил или заботился о том, что трое самых смертоносных людей в этой комнате сейчас раздумывали над его убийством, он не показал и виду.

Рис пожал плечами, слегка улыбнувшись.

— Это кажется гораздо менее разрушительной альтернативой войны.

— И все же ты здесь, первым все начинаешь.

Моргание Рисанда было единственным признаком его замешательства.

Когти выскользнули из кулака Тамлина.

Каллиас напрягся, его рука скользнула к стулу Вивиан — будто он готовится броситься к ней и загородить ее. Но Тамлин лишь провел когтем по резному подлокотнику своего стула, слегка нажимая, как когда-то он проводил им по моей коже. Он улыбнулся, словно он точно знал, какие воспоминания это вызвало, но сказал моему мейту:

— Если бы ты ночью не украл мою невесту, то мне не пришлось бы прибегать к таким

радикальным мерам, чтобы вернуть ее.

Я тихо сказала:

— Когда я ушла от тебя, светило солнце.

Эти зеленые глаза скользнули на меня, остекленевшие и чужие. Он тихо фыркнул, а потом снова отвернулся.

Игнорируя.

Каллиас спросил:

— Почему ты здесь, Тамлин?

Коготь Тамлина впился в дерево, глубоко пробивая его, даже когда его голос оставался мягким. Я не сомневалась, что и этот жест был предназначен мне.

— Я обменял доступ к моим землям на возвращение женщины, которую любил, от садиста, который играл с сознаниями, как с игрушками. Я хотел бороться с Хайберном — хотел найти способ обойти сделку с королем, когда она вернется. Только вот Рисанд и его шайка превратили ее в одну из них. И она наслаждалась, сея смуту на моей территории, чтобы Хайберн мог захватить ее. Все из-за незначительной обиды — либо ее, либо ее... хозяина.

— Ты не можешь переиначивать эту историю, — выдохнула я. — Ты не можешь перекручивать ее, чтобы извлечь выгоду.

Тамлин только наклонил голову к Рису.

— Когда ты трахаешь ее, замечал ли ты когда-нибудь этот тихий звук, что она издает прямо перед тем, как кончить?

Мои щеки запылали. Это было не откровенным сражением, а неуклонным тщательным измельчением моего достоинства, моего авторитета. Берон сиял, наслаждаясь происходящим — пока Эрис внимательно за всем следил.

Рис повернул голову, осматривая меня с головы до пят. Затем снова повернулся к Тамлину. Он почти взорвался.

Но это Азриэль сказал голосом холодным, как смерть:

— Будь осторожен с тем, что говоришь о моей Высшей Леди.

Удивление вспыхнуло в глазах Тамлина — и исчезло. Исчезло, поглощенное чистой яростью, когда он осознал, что означала татуировка, покрывающая мою руку.

— Тебе было недостаточно сидеть рядом со мной, не так ли? — улыбка, полная ненависти, заиграла на его губах. — Однажды ты спросила меня, будешь ли ты моей Высшей Леди, и когда я сказал нет... — тихий смех. — Возможно, я недооценил тебя. Зачем прислуживать в моем дворе, если можно править в его?

Тамлин, наконец, повернулся к другим Высшим Лордам и их свитам.

— Они рассказывают сказки о защите наших земель и мире. И все же *она* пришла на мои земли и оставила их беззащитными перед Хайберном. *Она* захватила мою Высшую Жрицу и исказила ее разум — после того, как раздробила ей кости, чтобы досадить ей. И если вы задаетесь вопросом, что случилось с той человеческой девушкой, которая пошла в Подгорье, чтобы спасти нас... Посмотрите на мужчину, сидящего рядом с ней. Спросите его, какую выгоду он получит — какую выгоду *они* получают, если начнется или не начнется война. Будете ли вы сражаться с Хайберном лишь для того, чтобы получить Королеву и Короля Прифиана? Она доказала свою амбициозность — и вы видели, как он был более чем счастлив обслуживать Амаранту, чтобы оставаться невредимым.

Я напряглась, пытаясь перебороть желание огрызнуться, обхватить подлокотники

своего стула и зарычать на него.

Рис мрачно рассмеялся.

— Отлично сыграно, Тамлин. Ты учишься.

От его снисходительности лицо Тамлина исказила злость. Но он повернулся к Каллиасу.

— Ты спрашиваешь, почему я здесь? Могу спросить то же самое у тебя.

Он указал подбородком на Высшего Лорда Зимы, Вивиан — на других его сопровождающих, которые молчали.

— Хочешь сказать, что после Подгорья ты сможешь работать с ним?

Он поднял палец в направлении Риса.

Я хотела вырвать этот палец прямо из руки Тамлина. И скормить Мидденгардскому Червию.

Серебряное сияние вокруг Каллиаса потускнело.

Даже Вивиан казалась затуманенной.

— Мы пришли сюда, чтобы выяснить это.

Мор уставилась на подругу с немым вопросом. Вивиан, впервые с тех пор, как мы прибыли сюда, не посмотрела на нее. Не отрывая взгляда от своего мейта.

Рис тихо сказал им, каждому из них:

— Я не участвовал в этом. Вообще.

Глаза Каллиаса вспыхнули, как голубое пламя.

— Ты стоял у ее трона, когда отдавали приказ.

Я смотрела, как золотистая кожа Риса побледнела. Мое нутро сжалось.

— Я пытался остановить ее.

— Скажи это родителям двух десятков детей, которых она безжалостно убила, — сказал Каллиас. — Что ты пытался.

Я забыла. Забыла эту часть омерзительной истории Амаранты. Это произошло, когда я все еще была в Весеннем Дворе — донесение одного из знакомых Люсьена из Зимнего Двора, который смог уйти незамеченным. О двух десятках детей, убитых "болезнью". Амарантой.

Губы Риса сжались.

— Не проходит ни одного дня, чтобы я не вспоминал об этом, — сказал он Каллиасу, Вивиан. Их свите. — Ни дня.

Я не знала.

Он сказал мне однажды, все эти месяцы назад, что есть воспоминания, которыми он не может поделиться — даже со мной. Я полагала, что они касаются лишь того, что с ним делала Амаранта. Не... того, чему он стал невольным свидетелем. Вынужден был терпеть, будучи связанным и пойманным в ловушку.

И, стоя рядом с ней, будучи привязанным к Амаранте, пока она отдавала приказ убить этих детей —

— Воспоминания, — сказал Каллиас, — не вернут их обратно, не так ли?

— Нет, — прямо сказал Рис. — Нет, не вернут. И теперь я сражаюсь, чтобы убедиться, что такое никогда не произойдет снова.

Вивиан посмотрела на своего мужа и Риса.

— Меня не было в Подгорье. Но я слышала, Высший Лорд, как ты пытался... остановить ее.

Боль исказила ее лицо. Она тоже не могла предотвратить это, пока охраняла свою

небольшую часть земли.

Рис ничего не сказал.

Берон фыркнул:

— Наконец-то нечего сказать, Рисанд?

Я положила ладонь на руку Риса. И не сомневалась, что Тамлин заметил это. И меня это не волновало. Я сказала своему мейту, не потрудившись понизить голос:

— Я верю тебе.

— Сказала женщина, — возразил Берон, — которая выдала имя невинной девушки вместо своего — чтобы и ее убила Амаранта.

Я стерла из памяти эти слова, воспоминания о Клэр.

Рис сглотнул. Я сжала ладонь на его руке.

Грубым голосом он сказал Каллиасу:

— Когда твои люди восстали...

Я вспомнила, что они действительно восстали. Зима восстала против Амаранты. И дети... это было ответом Амаранты. Ее наказание за непослушание.

— Она была в ярости. Она хотела, чтобы ты умер, Каллиас.

С лица Вивиан исчезли все цвета.

Рис продолжил:

— Я... убедил ее в том, что это не принесет большой пользы.

— Кто знал, — задумчиво сказал Берон, — что член может быть настолько убедительным?

— Отец, — голос Эриса был низким и предупреждающим.

Потому Кассиан, Азриэль, Мор и я неотрывно смотрели на Берона. И никто из нас не улыбался.

Возможно, Эрис станет Высшим Лордом раньше, чем он планировал.

Но Рис продолжил свою речь:

— Она отказалась от идеи твоей смерти. Твои восставшие люди были мертвы — я убедил ее, что этого достаточно. Я думал, что с этим покончено, — его дыхание слегка сбилось. — Я узнал об этом тогда же, когда и ты. Я думаю, что она приняла то, что я вступился за тебя, как предупреждающий знак — и она ничего мне не рассказала. Она... заперла меня. Я пытался проникнуть в сознания воинов, что она отравила, но ее глушитель на моих силах был слишком силен, чтобы удержать их — и они уже все сделали. Она... она послала с ними даэматри. Чтобы...

Он запнулся. Сознания детей — они были разрушены. Рис сглотнул.

— Думаю, что она хотела, чтобы ты меня заподозрил. Чтобы у нас даже не возникало мысли о том, чтобы объединиться против нее.

То, что он, должно быть, видел в умах тех воинов...

— Где она тебя заперла? — спросила Вивиан, обнимая саму себя.

Я не была полностью готова к такому, когда Рис сказал:

— В ее спальне.

Мои друзья не скрывали своей ярости, своей печали от этих деталей, что он скрыл даже от них.

— Рассказы и слова, — сказал Тамлин, откидываясь на спинку своего стула. — Есть ли доказательства?

— *Доказательства...* — прорычал Кассиан, наполовину поднявшись со своего стула,

начиная раскрывать крылья.

— Нет, — вмешался Рис, когда Мор остановила Кассина рукой, заставляя его сесть.

Рис добавил Каллиасу:

— Но я клянусь в этом — жизнью своего мейта, — его рука, наконец, опустилась на мою.

Впервые с тех пор, как я знаю его, кожа Риса была липкой.

Я добралась до Риса по связи, даже когда Рис удерживал взгляд Каллиаса. У меня не было слов. Только я — только моя душа, когда я свернулась вокруг его возвышающихся щитов из черного адаманта.

Он знал, что произойдет здесь, когда мы появимся как мы настоящие, чего это будет стоить ему. Что ему придется показать кроме крыльев, которые он так сильно любит.

Тамлин закатил глаза. Потребовалась каждая частичка моего самообладания, чтобы не броситься на него — чтобы не вырвать его глаза.

Но, что бы Каллиас не увидел на лице Риса, его слова... Он пристально посмотрел на Тамлина, и снова спросил:

— Почему ты *здесь*, Тамлин?

На его челюсти очертились мышцы.

— Я здесь, чтобы помочь вам с сражением против Хайберна.

— Бред собачий, — пробормотал Кассиан.

Тамлин сердито посмотрел на него. Кассиан, аккуратно сложив крылья, снова откинулся на спинку своего стула, криво улыбнувшись ему в ответ.

— Прости нас, — вежливо вмешался Тэсан, — что мы сомневаемся. И не решаемся поделить своими планами.

— Даже когда у меня есть информация о передвижениях Хайберна?

Тишина. Тарквин, сидя по другую сторону пруда, наблюдал и слушал — то ли потому, что он был младше остальных, то ли потому, что знал, что выиграет больше, если позволит нам спорить друг с другом.

Тамлин улыбнулся мне.

— Почему, ты думаешь, я пригласил их в дом? На свою территорию? — он сердито рыкнул, и я почувствовала, как напрягся Рис, когда Тамлин сказал: — Однажды я сказал тебе, что буду бороться против тирании, против такого зла. И ты думаешь, что лишь из-за *тебя* я отступлюсь? — его зубы были белыми, как кости. — Ты с *легкостью* называешь меня монстром, несмотря на то, что я сделал для тебя, для твоей семьи, — он ухмыльнулся Нэсте, которая хмурилась от отвращения. — Ты видела, что *он* творил в Подгорье, и все же раздвинула перед ним ноги. Полагаю, что это справедливо. Он был шлюхой Амаранты на протяжении десятилетий. Почему бы тебе не стать его шлюхой взамен?

— Следи за языком, — огрызнулась Мор.

Я едва могла сглотнуть — едва могла дышать.

Тамлин полностью ее проигнорировал и махнул рукой в сторону крыльев Рисанда.

— Иногда я забываю — кто ты такой. На этот раз снял маску, или это еще одна уловка?

— Ты начинаешь утомлять, Тамлин, — сказал Гелион, ложа голову на руку. — Проводи свою любовную ссору в другом месте, и дай оставшимся обсудить войну.

— Тебе очень понравится эта война, учитывая, как хорошо для тебя прошла прошлая.

— Никто не говорит, что война не может быть прибыльной, — возразил Гелион.

Губы Тамлина скривились от беззвучного рычания, что заставило меня задуматься, ходил ли он к Гелиону, чтобы разорвать нашу с Рисом сделку — и отказался ли Гелион.

— Достаточно, — сказал Каллиас. — У нас есть свои мнения на счет того, как разобраться с Хайберном, — его ледяные глаза ожесточились, когда он снова посмотрел на Тамлина. — Ты здесь как союзник Хайберна или Прифиана?

Издавательский блеск, полный ненависти, исчез, уступая место стальной решимости.

— Я выступаю против Хайберна.

— Докажи это, — сказал Гелион.

Тамлин поднял руку, и перед его стулом, на небольшом столике, появилась стопка бумаг.

— Схемы группировки армий, боеприпасов, тайники фэбейна... Все, что тщательно собиралось все эти месяцы.

Все это предназначалось мне, когда я слегка опустила подбородок. Моя спина болела от того, что я ее так прямо держу, приступы боли возникали по обе стороны моей спины.

— Звучит прекрасно, — продолжил Гелион, — но где гарантия, что информация правдива — или что ты не действуешь от лица Хайберна, пытаясь ввести нас в заблуждение?

— Где гарантия, что Рисанд и его приспешники не действуют от лица Хайберна, и все это уловка, чтобы заставить вас подчиниться, самым того не осознавая?

Нэста пробормотала:

— Ты же не серьезно.

Мор так посмотрела на мою сестру, будто говоря, что он, определенно, не шутит.

— Если нам нужно объединиться против Хайберна, — сказал Тэсан, — то ты хорошо убеждаешь нас в обратном, Тамлин.

— Я просто предупреждаю, что они могут притворяться честными и дружелюбными, но факт остается фактом, что *он* пятьдесят лет согревал постель Амаранты, и пошел против нее лишь тогда, когда ситуация изменилась. Я предупреждаю вас, что, хотя он утверждает, что на его собственный город напал Хайберн, они отлично отбились — будто ожидали такого. Не думайте, что он не пожертвовал бы парочкой зданий и низшими фейри, чтобы заставить вас объединиться, думая, что вы имеете общего врага. Почему только Ночной Двор получил весть о нападении на Адриату — и они единственные смогли прибыть туда вовремя, сыграв роли спасителей?

— Они получили весть, — отрезал Вариан, — потому что я предупредил их.

Тарквин повернулся к своему двоюродному брату, высоко подняв брови от удивления.

— Возможно, ты тоже с ними работаешь, — сказал Тамлин Принцу Адриаты. — В конце концов, ты следующий по списку.

— Ты сумасшедший, — выдохнула я Тамлину, когда Вариан оскалился. — Ты слышишь, что *говоришь*? — я указала на Нэсту. — Хайберн превратил моих сестер в Фэ — после того, как *твоя* жрица-сучка продала их!

— Возможно, Рисанд уже поработил сознание Ианфе. И какая трагедия, оставаться всегда молодой и красивой. Ты хорошая актриса — уверен, что это семейное.

Нэста тихо засмеялась.

— Если хочешь кого-то обвинить во всем этом, — сказала она Тамлину, — то, возможно, тебе для начала следует посмотреть в зеркало.

Тамлин зарычал на нее.

Кассиан зарычал в ответ:

— *Осторожней.*

Тамлин посмотрел на мою сестру и Кассиана — его взгляд задержался на крыльях Кассиана, сложенных позади него.

И фыркнул.

— Похоже, что и другие предпочтения вытекают из генов семьи Арчерон.

Моя сила начала громыхать — будто встал бегемот, широко зевнув.

— Что ты хочешь? — прошипела я. — Извинений? Чтобы я заползла обратно в твою постель и играла хорошую маленькую женушку?

— Почему я должен хотеть вернуть испорченные товары?

Мои щеки запылали.

Тамлин зарычал:

— Как только ты позволила ему трахать себя как —

В один момент ядовитые слова вырывались из его рта — в котором выросли клыки.

Потом они остановились.

Рот Тамлина просто перестал издавать звуки. Он закрыл свой рот, открыл его — попытался снова.

Ни звука, даже рыка, не вышло из него.

На лице Рисанда не было улыбки, даже блеска от этого неуважительного развлечения, когда он откинул голову на спинку своего стула.

— Образ задыхающейся рыбки хорошо тебе подходит, Тамлин.

Остальные, смотрящие с презрением, весельем или скукой, теперь повернулись к моему мейту. Теперь в их глазах были тени страха, когда они поняли, что и кто именно сидел среди них.

Собрать, и все же нет. Тамлин был Высшим Лордом, таким же могущественным, как и любой из них.

За исключением одного, сидящего рядом со мной. Рис так же отличался от них, как люди от Фэ.

Они иногда забывали об этом — как глубок колодец его могущества. Какой силой владеет Рис.

Но, когда Рис отобрал у Тамлина способность говорить, они вспомнили.

ГЛАВА

45

Только мои друзья не удивились.

Глаза Тамлина горели зеленым огнем, вокруг него мерцал золотой свет, когда его магия пыталась освободиться от контроля Рисанда. Когда он все пытался и пытался говорить.

— Если вы хотите доказательств, что мы не сотрудничаем с Хайберном, — мягко сказал Рисанд всем им, — подумайте о том, что я мог бы потратить гораздо меньше времени, залезая в ваши сознания и заставляя вас действовать по моему указу.

Только Берон был достаточно глуп, чтобы засмеяться. Эрис лишь наклонился на своем стуле — преграждая путь к своей матери.

— И все же я здесь, — продолжил Рисанд, не удосужившись посмотреть на Берона. — Все мы здесь.

Абсолютная тишина.

Потом Тарквин, тихий и настороженный, прочистил горло.

Я ждала этого — удара, который, несомненно, он обрушит на нас. Мы были ворами, обманувшими его, мы мирно пришли в его дом и обокрали его, вторгнувшись в их сознания, чтобы убедиться в своем успехе.

Но Тарквин сказал мне, Рисанду:

— Несмотря на несанкционированное предупреждение от Вариана... — взгляд на его двоюродного брата, который не очень-то сожалел о своем поступке, — Вы единственные пришли на помощь. Единственные. И все же вы ничего не попросили взамен. Почему?

Голос Риса был немного хриплым, когда он спросил:

— Разве это не то, что делают друзья?

Едва различимая, тихая попытка.

Тарквин посмотрел на него. Потом на меня. И на остальных.

— Я отзываю кровавые рубины. Пусть между нами не будет долгов.

— Не жди, что Амрен вернет свой, — пробормотал Кассиан. — Она привязалась к нему.

Могла бы поклясться, что Вариан заулыбался.

Но Рис повернулся к Тамлину, у которого все еще был открыт рот. Его глаза все еще блестели. И мой мейт сказал ему:

— Я верю тебе. Что ты будешь сражаться за Прифиан.

Каллиас не казался таким убежденным. Как и Гелион.

Рис высвободил из-под контроля голос Тамлина. Я узнала это потому, что он тихо зарычал. Но Тамлин не стал ни нападать, ни говорить.

— Война уже развязана, — заявил Рисанд. — Я не хочу тратить свою энергию на споры с вами.

Лучший человек — мужчина. Его сдержанность, подбор слов... Все это показывало разум и силу. Но Рисанд... Я знала, что он пытался сказать. Даже если Тамлин и замешан в убийстве его семьи, даже когда он так действовал в Хайберне... Для нашего дома, для Прифиана, он отрешится от этого. Жертва, которая навредит лишь его душе.

Но Берон сказал:

-Ты возможно, и готов поверить ему, Рисанд, но как тот, кто делит с его двором границу, меня не так легко переубедить, — кривой взгляд. — Возможно, мой блудный сын может все прояснить. Пожалуйста, где он?

Даже Тамлин посмотрел на нас — на меня.

— Помогает охранять наш город, — сказала я.

Не совсем ложь.

Эрис фыркнул и посмотрел на Нэсту, которая тоже уставилась на него со стальным выражением лица.

— Жаль, что вы не привели другую сестру. Я слышал, что мейт нашего младшего братца — красавица.

Если они знали, что Элейн — мейт Люсьена... Это еще один способ, поняла я с небольшим ужасом. Другой способ навредить младшему брату, которого они ненавидели так яростно, так безосновательно. Сделка с Эрисом не включала защиту Люсьена. У меня пересохло во рту.

Но Мор спокойно сказала:

— Тебе определенно нравится себя слушать, Эрис. Хорошо знать, что некоторые вещи не меняются на протяжении веков.

Губы Эриса изогнулись в улыбку от ее слов, осторожная игра в притворство, что они годами не видели друг друга.

— Хорошо знать, что даже через пятьсот лет ты все еще одеваешься как шляха.

В первую секунду Азриэль сидел.

Во вторую он уже прорвался сквозь щиты Эриса вспышкой ярко-синего цвета, и повалил его на спину, разрушая дерево под собой.

— Дерьмо, — выругался Кассиан, и тут же —

Уперся в синюю стену.

Азриэль запечатал их, и его руки в шрамах обернулись вокруг шеи Эриса, и Рис сказал:

— Хватит.

Азриэль надавил, и Эрис заметался под ним. Никаких драк с использованием физической силы — здесь были правила на этот счет, но Азриэль, с той силой, что ему давали тени...

— *Достаточно*, Азриэль, — приказал Рис.

Возможно, эти тени, которые теперь извивались вокруг говорящего с тенями, *скрывали* его от гнева связывающей магии. Остальные не делали попыток вмешаться, будто думая о том же.

Азриэль опустил колено — и весь свой вес — на живот Эриса. Он молчал, вообще не издавал звуков, когда лишил Эриса воздуха. Пламя Берона врезалось в синий щит, снова и снова, но огонь отскочил и погас в воде. Тот, что избежал такой участи, был разорван его тенями.

— Отзови свою летучую мышь-переростка, — приказал Берон Рису.

Рис наслаждался этим, даже если бы не заключил сделку с Эрисом — и мог бы закончить это несколько секунд назад. Он посмотрел на меня, как бы говоря это. И побуждая меня к действию.

Я поднялась на удивление устойчивые ноги.

Я почувствовала, как они все напряглись, а взгляд Тамлина был как клеймо, когда я направилась к Говорящему с тенями, мое сверкающее платье тянулось за мной по полу. Когда я положила татуированную руку на твердый, почти невидимый щит и сказала:

— Пойдем, Азриэль.

Азриэль остановился.

Эрис хватал ртом воздух, когда эти руки со шрамами ослабили свою хватку. Когда Азриэль повернулся ко мне —

Его ледяная ярость приковала меня к месту.

Но под ней я почти видела образы, что преследовали его: рука, которую Мор отдернула, ее плач, расстройство, когда она кричала на Риса.

И теперь, позади нас, Мор тряслась в своем стуле. Бледная и трясущаяся.

Я только протянула Азриэлю руку.

— Садись рядом со мной.

Нэста уже пересела, и рядом с моим местом появился дополнительный стул.

Я не позволяла своей руке дрожать, когда держала ее протянутой. Когда ожидала.

Взгляд Азриэля вернулся к Эрису, сын Высшего Лорда сейчас тяжело дышал позади

него. И говорящий с тенями наклонился, чтобы что-то прошептать на ухо Эрису, отчего тот еще сильнее побледнел.

Но щит опустился. Тени растворились на свету.

Берон стрельнул — и его огонь отскочил от моего твердого щита. Я подняла свой взгляд на Высшего Лорда Осени.

— Теперь уже дважды мы надрали вам ваши задницы. Я думала, что ты устал от унижений.

Гелион засмеялся. Но мой взгляд вернулся к Азриэлю, который принял мою все еще протянутую руку и встал. Шрамы на его руках были грубыми по сравнению с моей кожей, но его кожа была как лед. Чистый лед.

Мор открыла рот, чтобы что-то сказать Азриэлю, но Кассиан положил руку на ее колени и покачал головой. Я отвела говорящего с тенями к пустующему стулу рядом с моим — потом подошла к столу, чтобы налить ему вина.

Все молчали, пока я предлагала ему и садилась.

— Они — моя семья, — сказала я, глядя на остальных, которые все еще сидели с поднятыми бровями от того, что я ждала его.

Тамлин просто с отвращением покачал головой и, наконец, втянул свои когти. Но я встретила пылающий взгляд Эриса, и мой голос был таким же холодным, как у Азриэля, когда я сказала:

— Меня не волнует, что мы сотрудничаем в этой войне. Если ты снова оскорбишь моего друга, то я не буду останавливать его в следующий раз.

Только Эрис знал, как далеко заходит это сотрудничество — информация, которая бы перевернула эту встречу, если бы обе стороны раскрыли ее. Информация, из-за которой его отец мог бы стереть его с лица земли.

Мор все смотрела и смотрела на Азриэля, который не взглянул на нее, а только впился в Эриса этим смертельным взглядом.

Эрис, поступил разумно, отведя глаза. И сказав:

— Извини, Морриган.

Его отец действительно рассмеялся от его слов. Но на лице Леди Осени засияло что-то вроде одобрения, когда ее старший сын снова уселся.

Тэсан потер виски.

— Это не сулит ничего хорошего.

Но Гелион ухмыльнулся своей свите, положив ногу на ногу, засветив свои мощные, гладкие бедра.

— Похоже, вы должны мне десять золотых марок.

Кажется, не мы одни делали ставки. Даже если никто из свиты Гелиона не улыбнулся, посмеиваясь.

Гелион махнул рукой, и стопка бумаг, которые собрал Тамлин, подлетели к нему с прозрачным ветром. По щелчку его пальцев — всех в шрамах от меча — другие стопки бумаг появились перед каждым стулом в комнате.

— Копии, — сказал он, не поднимая взгляда на нас, когда начал читать документы.

Удобный трюк — для мужчины, чье богатство заключается не в золоте, а в знаниях.

Никто из нас даже не сдвинулся, чтобы взять бумаги, которые лежали перед нами.

Гелион щелкнул языком.

— Если все это — правда, — объявил он, а Тамлин зарычал от его надменного тона, —

то я бы предложил две вещи: во-первых, уничтожить тайники Хайберна, в которых хранятся фэбейн. Мы долго не протянем, если они используют его в разнообразном оружии. Стоит рискнуть и уничтожить их.

Каллиас выгнул бровь.

— Как ты предлагаешь нам сделать это?

— Мы справимся, — предложил Тарквин. Вариан кивнул. — Мы задолжали им за Адриату.

Тэсан сказал:

— В этом нет необходимости.

Мы все, заморгав, посмотрели на него. Даже Тамлин. Высший Лорд Рассветного Двора просто сложил руки на коленях.

— Мой мастер-изобретатель ожидает уже несколько часов. Я бы хотел, чтобы теперь она присоединилась к нам.

Прежде чем кто-либо смог ответить, на краю круга появилась Высшая Фэ. Она так быстро поклонилась, что я увидела только ее светло-коричневую кожу и длинные шелковистые черные волосы. Ее одежда была похожа на одежду Тэсана, и все же — ее рукава были закатаны до предплечий, а туника расстегнута на груди. И ее рука —

Я догадалась, кто она такая, прежде чем она поднялась. Ее правая рука была из сплошного золота — механической. Как у Люсьена. Она щелкала и тихо жужжала, привлекая взгляды всех бессмертных в этой комнате, когда женщина повернулась к своему Высшему Лорду. Тэсан тепло улыбнулся, приветствуя ее.

Но ее лицо... Я задалась вопросом, создала ли Амрен свою внешность по образцу родословной этой женщины, когда привязывала себя к телу Фэ: острый подбородок, круглые щеки и ошеломляющие глаза. Но, когда глаза Амрен были порочным серебром, а у этой женщины глаза были темными, как оникс. И, осознавая — точно зная, что мы смотрим на ее руку, ее появление — она сказала Тэсану:

— Мой Лорд.

Тэсан жестом указал на женщину, возвышающуюся над собравшимися.

— Нуан — одна из моих самых искусных ремесленников.

Рис откинулся на спинку стула, подняв брови от узнавания ее имени, и указал подбородком на Берона и Эриса.

— Вы можете знать ее как ту, что обеспечила вашему.. блудному сыну, как вы называете его, способность использовать свой левый глаз после того, как Амаранта вырвала его.

Нуан кивнула, подтверждая его слова, ее губы сжались в тонкую линию, когда она посмотрела на семью Люсьена. Она только повернулась в направлении Тамлина — и он, конечно же, не удосужился признать, что знаком с ней, несмотря на прошлое, связывающее их, на их общего друга.

— И как это касается фэбейна? — настойчиво спросил Гелион.

Возлюбленный Тэсана напрягся от тона Высшего Лорда Дня, но один взгляд от Тэсана заставил мужчину расслабиться.

Нуан развернулась, ее темные волосы заскользили по плечам, когда она изучающе посмотрела на Гелиона. И не выглядела впечатленной.

— Потому что я нашла решение этой проблемы.

Тэсан махнул рукой.

— До нас дошли слухи, что на этой войне использовался фэбейн — использовался при нападении на твой город, Рисанд. Мы начали изучать этот вопрос до того, как он станет нашей смертельной слабостью, — он кивнул Нуан. — Помимо ее беспрецедентного мастерства, она еще и опытный алхимик.

Нуан скрестила руки на груди, сверкнув своей металлической рукой.

— Благодаря образцам, полученным после нападения на Веларис, я смогла сделать... противоядие, в каком-то роде.

— Как ты получила образцы? — настойчиво спросил Кассиан.

На ее щеках появился румянец.

— Я... слышала слухи и предположила, что Люсьен Вансерра будет там жить после... случившегося, — она все еще не смотрела на Тамлина, который молчал и сидел в задумчивости. — Мне удалось связаться с ним несколько дней назад — попросить его прислать образцы. Он сделал это — и не сказал вам, — добавила она быстро Рисанду, — потому что он не хотел, чтобы у вас появились большие надежды. Пока я не найду решение.

Не удивительно, что он так стремился одному отправиться в Веларис в тот день, когда ушел, чтобы помочь нам с исследованием. Я взглянула на Рису. *Похоже, Люсьен все еще хитрит.*

Рис не посмотрел на меня, хотя его губы дрогнули, когда он ответил, *Действительно.*

Нуан продолжила:

— Мать обеспечила нас всем, что нам может понадобиться на этой земле. Так что нужно было лишь найти, что именно она нам дала, чтобы противостоять этому веществу из Хайберна, которое способно уничтожать наши силы.

Гелион заерзал от нетерпения, и эта блестящая белая ткань скользнула по его мускулистой груди.

Тэсан тоже заметил его нетерпение и сказал:

— Нуан смогла быстро создать порошок, чтобы мы могли добавлять его в питье, еду, куда вам захочется. Он гарантирует иммунитет к фэбейну. Мои рабочие в трех городах уже производят как можно больше этого порошка, чтобы обеспечить им наши объединенные войска.

Даже Рис казался впечатленным его открытию, которое он скрыл от всех. *Удивлена, что сегодня у тебя нет своих грандиозных открытий,* насмешливо сказала я по связи.

Жестокая, красивая Высшая Леди, промурлыкал он с мерцающими глазами.

Тарквин спросил:

— А что с материальными предметами, сделанными из фэбейна? Во время битвы у них были перчатки, способные проходить через щиты, — он указал подбородком на Рису. — И тогда, когда они атаковали твой город.

— Против этого, — сказала Нуан, — у вас есть только ваша сообразительность, чтобы защитить себя.

Она не отвела взгляда от Тарквина, и он выпрямился, будто удивился, что она так сделала.

— Смесь, что я сделала, только защитит вас — и ваши силы — от того, чтобы быть опустошенными фэбейном. Возможно, если вас пронзят оружием с фэбейном, то наличие смеси в вашем теле сведет на нет его воздействие.

Наступила тишина.

Берон сказал:

— И мы должны довериться тебе, — он посмотрел на Тэсана, потом на Нуан, — и без сомнений глотнуть это... вещество.

— Ты бы лучше предстал перед Хайберном без каких-либо сил? — спросил Тэсан. — Мои мастера алхимики и изобретатели не дураки.

— Нет, — сказал Берон, нахмурившись, — но откуда она пришла? *Кто* ты? — последний вопрос был адресован Нуан.

— Я дочь двух Высших Фэ из Сиана, которые переехали сюда, чтобы дать своим детям лучшую жизнь, если это то, что вы хотели узнать, — сжато ответила Нуан.

Гелион требовательно спросил у Берона:

— И какое это имеет отношение к нашему делу?

Берон пожал плечами.

— Если ее семья из Сиана — который, напомню, сражался за Лоялистов — то чьим интересам она служит?

Янтарные глаза Гелиона вспыхнули.

Тэсан резко отрезал:

— Напомню тебе, Берон, что моя собственная мать родом из Сиана. И большая часть моего двора тоже. Будь осторожен с тем, что говоришь.

Прежде чем Берон прошипел свои возражения, Нуан сказала Высшему Лорду Осени и поднятым подбородком:

— Я дитя Прифиана. Я родилась здесь, на этой земле, как и твои сыновья.

Лицо Берона потемнело.

— Следи за тоном, девочка

— Ей не нужно ни за чем следить, — вмешалась я. — Не тогда, когда ты выворачиваешь на нее такое дерьмо, — я посмотрела на алхимика. — Я приму твоё противоядие.

Берон закатил глаза.

Но Эрис сказал:

— Отец.

Берон выгнул бровь.

— У тебя есть что добавить?

Эрис не вздрогнул, но, казалось, очень, очень тщательно подбирал слова.

— Я видел, какое действие производит фэбейн, — он кивнул мне. — Он действительно делает невозможным использование наших сил. Если он будет использоваться против нас на войне и не только...

— Если так, то мы столкнемся с этим сами. Я не буду рисковать своими людьми или семьей, чтобы проверить вашу *теорию*.

— Это не теория, — сказала Нуан, и ее механическая рука защелкала и зажужжала, когда она сдала ее в кулак. — Я бы не стояла здесь, если бы сомневалась в результате.

Женщина гордой и сложной профессии.

Эрис сказал:

— Я приму его.

Это было самое... порядочное, что я когда-либо слышала от него. Даже Мор заморгала от удивления.

Берон внимательно посмотрел на сына, из-за чего какая-то очень маленькая часть меня задумалась, что Эрис, возможно, вырос бы хорошим человеком, если бы у него был другой отец. Что этот хороший человек все еще прятался внутри него, веками покрываемый ядом.

Потому что Эрис... Каково ему было в Подгорье? В какие игры он играл — что он пережил? Сорок девять лет находясь в ловушке. Сомневаюсь, что он позволит такому снова случиться. Даже если из-за этого он будет перечить своему отцу — или, возможно, именно из-за этого.

Берон только сказал:

— Нет, не примешь. Хотя я уверен, что твоим братьям жаль слышать это.

Действительно, они выглядели довольно сконфуженными, что их главное препятствие на пути к трону не будет рисковать своей жизнью, проверяя на себе смесь, приготовленную Нуан.

Рис просто сказал:

— Тогда не принимай его. Я сделаю это. Весь мой двор примет, как и все мои воины, — он благодарно кивнул Нуан.

Тэсан сделала то же самое — благодаря ее и позволяя уйти — и мастер-изобретатель еще раз поклонилась и ушла.

— По крайней мере, у тебя есть воины, которым ты можешь дать это вещество, — мягко сказал Тамлин, прерывая свое ошеломляющее молчание. Улыбаясь мне. — Хотя, возможно, это тоже было частью плана. Вывести из строя моих воинов, пока ваши будут пользоваться ситуацией. Или это лишь для того, чтобы увидеть страдания моих людей?

В моем правом виске снова начало пульсировать.

Когти опять показались из-под его костяшек.

— Конечно, ты знала, когда настраивала моих людей против меня, что они останутся беззащитными перед Хайберном.

Я ничего не сказала. Даже когда выкинула из головы образы, которые начали появляться.

— Ты привела мой двор к падению, — сказал Тамлин с ядовитой тихостью. — И он пал. А деревни, которые ты так хотела помогать восстанавливать? Теперь от них остался лишь пепел.

Это я тоже заблокировала в своей голове. Он сказал, что они останутся нетронутыми, что Хайберн *обещал* —

— И пока вы готовили противоядие и выставляли себя спасителями, я пытался собрать своих воинов — восстанавливая их доверие, численность своей армии. Пытался собрать своих людей на востоке, куда еще не добрался Хайберн.

Нэста сухо сказала:

— Значит, ты не возьмешь противоядие.

Тамлин проигнорировал ее, даже когда его когти впились в подлокотник стула. Но я верила ему — что он перемещал на восток своей территории столько людей, сколько мог. Он говорил об этом еще до того, как я вернулась домой.

Тэсан прочистил горло и сказал Гелиону:

— Ты сказал, что у тебя есть два предложения, основанных на проанализированной тобой информации.

Гелион подал плечами, солнце заиграло на золотой нити, которой была расшита его туника.

— Действительно, хотя, кажется, Тамлин уже опередил меня. Нужно провести эвакуацию Весеннего Двора, — его янтарные глаза посмотрели на Тарквина и Берона. — Конечно же, твои северные соседи примут их.

Губы Берона скривились.

— У нас нет ресурсов для такого.

— Правильно, — сказала Вивиан, — потому что все слишком заняты, полируя каждую драгоценность в твоей сокровищнице.

Берон так посмотрел на нее, что Каллиас напрягся.

— Жен пригласили из вежливости, а не чтобы они были консультантами.

Сапфировые глаза Вивиан вспыхнули, будто вспышка молнии.

— Если война будет неудачной для нас, мы будем истекать кровью рядом с тобой, так что я думаю, что мы чертовски имеем право иметь голос в таких делах.

— Хайберн сделает с вами куда худшие вещи, чем убийство, — холодно сказал Берон. — Особенно с такими молодыми и симпатичными, как ты.

От рычания Каллиаса, сопровождаемого бурчанием Мор, вода в пруду пошла рябью.

Берон слегка улыбнулся.

— На прошлой войне были лишь трое из нас, — кивок Рису и Гелиону, чье лицо помрачнело. — Нелегко забыть, что Хайберн и Лоялисты делали с захваченными женщинами в своих военных лагерях. Что у них было заведено делать с женщинами-Высшими Фэ, которые либо сражались за людей, либо это делали их семьи, — он тяжело опустил руку на слишком тонкую руку своей жены. — Две ее сестры выиграли ей время для побега, когда армия Хайберна осадили их земли. Они так и не вышли из того военного лагеря.

Гелион внимательно наблюдал за Бероном, его взгляд пылал упреком.

Леди Осеннего Двора смотрела на пруд. С ее лица пропали краски. В моей голове вспыхнули образы Дагдана и Браннэ — вместе с трупами тех людей. Что они сделали с ними до и после того, как те умерли.

— Мы примем твоих людей, — тихо сказал Тарквин Тамлину. — Несмотря на твои действия в отношении Хайберна... твои люди невиновны. На моей территории много места. Мы примем всех их, если понадобится.

Короткий кивок от Тамлина был единственным выказыванием признательности и благодарности.

Берон сказал:

— Значит, Сезонные Дворы должны стать склепами и гостиницами, пока Солнечные Дворы останутся нетронутыми, здесь, на севере?

— Хайберн сосредоточил свои силы на южной части, — сказал Рис. — Чтобы быть ближе к стене — и к человеческим землям.

На этих словах мы с Нэстой обменялись взглядами.

Рис продолжил:

— Зачем идти через северные районы — через территории фейри на континенте, когда можно покорить Юг и пройти с него прямо на человеческие земли континента?

Тэсан спросил:

— И ты веришь, что человеческие армии будут служить Хайберну?

— Их королевы продали нас, — сказала Нэста.

Она подняла подбородок с достоинством, присущим всем эмиссарам.

— За дар бессмертия, королевы позволят Хайберну избежать любого сопротивления. Они вполне могли бы передать ему контроль над своими армиями, — Нэста посмотрела на меня и Риса. — Куда идти людям с нашего острова? Мы не можем эвакуировать их на

континент, и с нетронутой стеной... Многие скорее рискнуть остаться, чем пересекут стену.

— Судьба людей за стеной, — вмешался Берон, — нас не заботит. Особенно клочок земли без королевы и армии.

— Зато заботит меня, — сказала я, и это был голос не Фейры-охотницы и не Фейры Разрушительницы Проклятий, а голос Фейры Высшей Леди. — Люди практически беззащитны против нашего вида.

— Тогда защищайте их своими силами, — сказал Берон. — Я не буду посылать своих воинов, чтобы защищать рабов.

Моя кровь нагрелась, и я вздохнула, охлаждая ее, охлаждая магию, трещащую от этого оскорбления. Это ничем не поможет. Если невозможно вовлечь их всех в сотрудничество против Хайберна...

— Ты трус, — выдохнула я Высшему Лорду Осени.

Даже Рис напрягся.

Берон просто ответил:

— То же самое можно сказать и о тебе.

Мой живот скрутило.

— Я не обязана объясняться с тобой.

— Нет, но, возможно, с семьей той девочки — но они тоже мертвы, не так ли? Забиты и сожжены в собственных кроватях. Забавно, что теперь ты так стремишься защитить людей, когда раньше ты с радостью выдала их, чтобы спасти себя.

Мои ладони нагрелись, как если бы два солнца образовались и вертелись под ними. *Тише*, мурлыкнул Рис. *Он капризный старый ублюдок.*

Но я едва слышала его слова за путаницей образов: изуродованное тело Клэр, прибитое к стене; зола от дома Беддоров, которая покрыла снег, словно ключья теней; улыбка Аттора, когда он толкал меня, пока я шла по каменным залам Подгорья —

— Как и сказала моя леди, — протянул Рис, — она не должна объясняться с тобой.

Берон откинулся на своем стуле.

— Тогда, полагаю, мне тоже не нужно объяснять свои мотивы.

Рис выгнул бровь.

— Оставь свое ошеломляющее великодушие в стороне, *будешь* ли ты присоединиться к нашим силам?

— Я все еще не решил.

Эрис зашел так далеко, что посмотрел на отца взглядом, граничащим с упреком. Я не могла сказать, сделал он это из-за искренней тревоги или из-за того, что отказ может значить для *нашего* собственного тайного союза.

— Армиям нужно время на подготовку, — сказал Кассиан. — Вы не можете позволить себе роскошь просиживания своих задниц. Вам нужно уже сейчас собирать своих воинов.

Берон лишь усмехнулся.

— Я не слушаюсь приказов бастарда, рожденного шлюхой-низшей фейри.

Мое сердцебиение было настолько диким, что я могла слышать его в каждом уголке своего тела, чувствовала пульс в руках, в животе. Но это было ничто по сравнению с гневом на лице Кассиана — или ледяной яростью на лице Азриэля и Риса. И отвращением на лице Мор.

— Этот бастард, — сказала Нэста с абсолютной холодностью, хотя ее глаза запылали, — может стать единственным, кто будет стоять на пути войск Хайберна к твоим людям.

Она почти не смотрела на Кассиана, говоря это. Но он впился в нее взглядом — будто никогда раньше ее не видел.

Этот аргумент был бессмысленным. И меня не волновало, кто они или кем была я, когда сказала Берону:

— Убирайся, если не собираешься быть полезным.

Эрис благоразумно сидел с обеспокоенным видом. Но Берон продолжал игнорировать пристальный взгляд своего сына и зашипел на меня:

— Ты знала, что, пока твой *мейт* согревал постель Амаранты, большинство наших людей были заперты под той горой?

Я не соизволила ответить на его вопрос.

— Ты знала, что, пока его голова была между ее ног, большинство из нас сражались, чтобы наши семьи окончательно не стали ночными развлечениями?

Я попыталась выбросить эти образы из своей головы. Ослепительная ярость от того, что было сделано, что он делал, чтобы отвлекать Амаранту — секреты, которые он все еще скрывал из-за стыда или из-за нежелания делиться ими. Кассиан теперь дрожал, сдерживая себя. И Рис ничего не сказал.

Тарквин пробормотал:

— Этого достаточно, Берон.

Тарквин, который догадывался о жертве Рисанда, о его мотивах.

Берон проигнорировал его.

— И теперь Рисанд хочет сыграть героя. Шлюха Амаранты станет Истребителем Хайберна. Но если дело примет плохой оборот... — жестокая, холодная улыбка. — Встанет ли он на колени перед Хайберном? Или просто высунет свой —

Я перестала слышать слова. Перестала слышать все, кроме стука своего сердца и своего дыхания.

Пламя вырвалось из меня.

Яростное, раскаленное пламя, которое со взрывом полетело в Берона, как копьё.

ГЛАВА

46

Берон едва успел выставить щит, чтобы заблокировать мой удар, но пламя опалило руку Эриса — прямо через одежду. И бледную, милую руку матери Люсьена.

Остальные закричали, вскакивая на ноги, но я не могла думать, не могла слышать ничего, кроме слов Эриса, видеть эти моменты в Подгорье, свой ночной кошмар о том, как Амаранта ведет Риса через зал, испытания, что пришлось вынести Рису —

Фейра.

Я проигнорировала это слово, поднимаясь на ноги. И послала волну воды из пруда, чтобы окружить Берона и его стул. Создать пузырь без воздуха внутри.

Пламя врезалось в него, превращая воду в пар, но я надавила сильнее.

Я убью его. Убью его и с удовольствием покончу с этим.

Фейра.

Я не могла сказать, кричит ли это Рисанд или шепчет по связи. Возможно, и то, и другое.

Стена огня Берона врезалась в мою воду достаточно сильно, чтобы образовалась рябь, а пар зашипел, испаряясь.

Поэтому я обнажила зубы, посылая белый свет из кулака, пробивая его огненный щит — белый свет Дня. Разрушитель Заклинаний. Очищающий Барьеры.

Глаза Берона расширились, когда его щиты начали становиться тоньше. Когда вода начала прорываться сквозь него.

Потом на моем лице были ладони. И передо мной появились фиолетовые глаза, спокойные и все же настойчивые.

— Ты доказала свою точку зрения, моя любовь, — сказал Рис. — Убей его, и ужасный Эрис займет его место.

Тогда я убью их всех.

— Как эксперимент, это было бы очень интересно, — пропел Рис, — но это лишь усложнит дело.

В моем уме он прошептал, Я люблю тебя. Слова этого ублюдка, полного ненависти, ничего не значат. В его жизни нет радости. Нет ничего хорошего. А у нас есть.

Я начала слышать звуки — воду, стекающую в пруд, потрескивание пламени, дыхание окружающих нас людей, ругательства Берона, пойманного в ловушку затягивающегося кокона света и воды.

Я люблю тебя, снова сказал Рис.

И я отпустила свою магию.

Пламя Берона, словно цветок, раскрывающий свои лепестки, взорвалось — и отскочило от щита Риса, который он установил вокруг нас, не причинив никакого вреда.

Рис сделал это не для того, чтобы защититься от Берона.

А из-за того, что другие Высшие Лорды повскакивали со своих мест.

— Так вот как вы прорвались сквозь мои защитные заклинания, — пробормотал Тарквин.

Берон тяжело дышал, отчего выглядел так, будто может извергать огонь.

Но Гелион потер подбородок, снова садясь на свое место.

— Я все думал, куда она пропала — эта частичка. Такая маленькая — будто рыба потеряла чешуйку. Но я все еще ощущал ее, когда что-то задевало эту самую пустую точку.

Он ухмыльнулся Рису.

— Неудивительно, что ты сделал ее Высшей Леди.

— Я сделал ее Высшей Леди, — просто сказал Рис, выпуская мое лицо из своих ладоней, но все же не отходя от меня, — потому, что люблю ее. Ее сила была последним, что заставило меня принять такое решение.

У меня не было слов, лишь чувства.

Гелион спросил Тамлина:

— Ты знал о ее силах?

Тамлин смотрел на меня и Риса, и слова моего мейта повисли между нами.

— Это не ваше дело, — сказал он Гелиону. Всем им.

— Эти силы принадлежат нам. Так что думаю, что это наше дело, — буркнул Берон.

Мор так посмотрела на Берона, что этот взгляд заставил бы других мужчин бежать.

Леди Осени держалась за свою руку, где на ее коже цвета белой луны разрасталось

красное воспаление. Тем не менее, на ее лице не было ни капли боли. Когда я вернулась на свое место, я сказала ей:

— Мне очень жаль.

Ее круглые как блюдца глаза метнулись ко мне.

Берон выплюнул:

— Не разговаривай с ней, ты, мерзкая человечиска.

Рис разбил щит Берона, его огонь, его защиту.

Прорвался сквозь них как камень, брошенный в окно, и так сильно ударил своей темной силой по Берону, что его откинуло на спинку стула. А потом его стул распался, образовав под ним черную, сверкающую пыль.

Из-за чего Берон грохнулся на задницу.

Блестящая эбеновая пыль, движимая призрачным ветром, осела на пунцовый камзол Берона, оседая в его коричневых волосах клочками пепла.

— Никогда больше, — сказал Рис, засовывая руки в карманы, — не говори с моим мейтом в такой манере.

Берон поднялся на ноги, не удосуживаясь стряхнуть пыль, и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Эта встреча окончена. Надеюсь, что Хайберн убьет вас всех.

Но Нэста поднялась со своего стула.

— Эта встреча не окончена.

Даже Берон остановился от ее тона. Эрис оценивающе осмотрел расстояние между моей сестрой и своим отцом.

Она стояла, гордо расправив плечи, неподвижная, как стальная колонна.

— Вы — это все, — сказала она Берону, всем нам. — Вы все, что стоит между Хайберном и концом всего хорошего и достойного.

Ее взгляд, непоколебимый и жесткий, остановился на Бероне.

— Ты сражался против Хайберна в прошлой войне. Почему же тогда отказываешься сделать то же самое сейчас?

Берон не соизволил ответить. Но он не ушел. Эрис незаметно показал рукой своим братьям, чтобы они садились.

Нэста заметила это движение — призадумываясь. Будто осознавая, что она действительно привлекла все их внимание. Что важно каждое слово.

— Вы можете ненавидеть нас. Мне не важно, даже если сейчас ненавидите. Но мне не все равно, что вы позволите страдать и умирать невиновным. По крайней мере, стойте за них. За своих людей. Потому что Хайберн сделает их пример другим. Из всех нас.

— И откуда ты это знаешь? — усмехнулся Берон.

— Я была в Котле, — решительно сказала Нэста. — Он показал мне свое сердце. Он снесет стену, а потом убьет всех, не зависимо от того, по какую ее сторону вы живете.

Я не могла сказать, было это правдой или ложью. Лицо Нэсты ничего не выражало. И никто не осмелился отрицать ее слова.

Она посмотрела на Каллиаса и Вивиан.

— Я сожалею о потере тех детей. Потеря даже одного ужасна, — она покачала головой. — Но за стеной, я видела детей — целые семьи — которые умерли от голода, — она указала подбородком на меня. — Если бы не моя сестра... я была бы среди них.

Мои глаза горели, но я сморгнула слезы.

— Слишком долго, — сказала Нэста. — Слишком долго люди за стеной страдали и умирали, пока вы процветали в Прифиане. Не во время этого — царствования королевы, — она отшатнулась, словно ненавидела даже произносить имя Амаранты. — Но задолго до этого. Если вы сражаетесь за что-то — сражайтесь сейчас, чтобы защитить тех, о ком вы забыли. Дайте им знать, что они не забыты. Хотя бы в этот раз.

Тэсан прочистил горло.

— Несмотря на благородные стремления, условия Договора не требовали, чтобы мы присматривали за своими соседями-людьми. Их нужно было оставить в покое. Так что мы повиновались.

Нэста все еще стояла.

— Прошлое осталось в прошлом. Меня волнует то, что будет впереди. Я забочусь о том, что детям — как Фэ, так и людям — не причинили вреда. На вас возложили обязанности защищать эти земли, — она посмотрела в лица всем, кто стоял вокруг нее. — Как вы можете не сражаться за это?

Когда она закончила, то посмотрела на Берона и его семью. Только Леди и Эрис, казалось, приняли во внимание, даже были впечатлены, эту странную женщину, едва сдерживающую свой гнев.

У меня не было слов — чтобы передать, что у меня было на сердце. У Кассиана, кажется, тоже.

Берон только сказал:

— Я подумаю над этим.

Он посмотрел на свою семью, а затем они исчезли.

Эрис рассеялся последним, на его лице отражались противоречивые чувства, будто это было не тем, на что он рассчитывал. Что он ожидал.

Но потом он тоже исчез, и место, где они стояли, было пустым, не учитывая эту черную сияющую пыль.

Медленно, Нэста села, ее лицо снова стало холодным — словно это была маска, за которой она прятала все, что кипело внутри нее после исчезновения Берона.

Каллиас тихо спросил меня:

— Ты овладела льдом?

Я слегка кивнула.

— Всеми силами.

Каллиас почесал затылок, когда Вивиан положила руку ему на плечо.

— Это что-то меняет, Кал?

— Я не знаю, — признался он.

Вот так быстро этот альянс распался. Так быстро — из-за того, что я не сдержалась, моего —

Это все равно бы случилось, либо из-за этого, либо из-за чего-то другого, сказал Рис, стоя возле моего стула, играя одной рукой с блестящими вставками на спине моего платья. Лучше сейчас, чем потом. Каллиас не сорвется — ему лишь нужно время, чтобы самому во всем разобраться.

Но Тарквин сказал:

— Ты спасла нас в Подгорье. Потеря частички силы кажется достойной оплатой.

— Похоже, она взяла куда больше, чем ты полагаешь, — возразил Гелион, — если она была в пару секундах от того, чтобы утопить Берона, несмотря на защитные заклинания.

Возможно, их обошла их просто потому, что была Сделана — не входила в рамки того, о чем знали эти заклинания.

Сила Гелиона, теплая и чистая, прижалась к щиту, пробираясь сквозь воздух, разделяющий нас. Будто проверяя связь. Будто я была каким-то паразитом, отнявшим его силу. И он бы с радостью разорвал ее.

Тэсан заявил:

— Что сделано, то сделано. Кроме как убить ее, — сила Риса заполнила комнату при этих словах, — мы ничего не можем сделать.

Его тон не сильно успокаивал. Слова говорили о мире, хотя он был очень немногословен. Будто, если бы не Рис и его сила, он бы рассматривал возможность привязывания меня к алтарю и вскрытия меня, чтобы посмотреть, где его сила — и как вернуть ее.

Я встала, смотря Тэсану в глаза. Потом в глаза Гелиона. Тарквина. Каллиаса. Точно так, как это делала Нэста.

— Я не забирала ваши силы. Вы отдали их мне вместе с дарованием бессмертия. И я за благодарна и за одно, и за второе. Но теперь они мои. И я буду делать с ними то, что захочу.

Мои друзья поднялись на ноги, теперь становясь позади меня, а Нэста стала слева от меня. Рис шагнул к моему правому боку, но не дотронулся до меня. Позволяя мне быть самостоятельной, смотря на них всех.

Я сказала тихо, но с силой:

— Я буду использовать эти силы — мои силы — чтобы разбить Хайберна вдребезги. Я буду жечь их, топить, замораживать. Я буду использовать эти силы, чтобы лечить раненых. Чтобы разрушать защитные заклинания Хайберна. Я уже делала это, и сделаю это опять. И если вы думаете, что то, что я владею крупницами ваших сил — ваша самая большая проблема, то ваши приоритеты серьезно смещены.

По связи замерцала гордость. Высшие Лорды и их свиты промолчали.

Но Вивиан кивнула, задрав подбородок, и встала.

— Я буду сражаться с тобой.

Мгновением позже поднялась и Крессеида.

— Как и я.

Обе посмотрели на мужчин своих дворов.

Тарквин и Каллиас встали.

А потом и Гелион, ухмыляясь мне и Рису.

И, наконец, Тэсан — Тэсан и Тамлин, который едва дышал в мою сторону, почти не двигался и ничего не говорил за последние несколько минут. И это было наименьшей из моих проблем, так как теперь они все встали.

Шесть из семи. Рис ухмыльнулся по связи. Неплохо, Разрушительница Проклятий. Совсем неплохо.

ГЛАВА

47

Наше сотрудничество началось не очень хорошо.

Даже когда мы проговорили два часа после произошедшего... споры и колебания не останавливались. Пока там был Тамлин, никто не объявлял о численности своих воинов, вооружении и слабостях, которые имели.

Лишь когда вечер вытеснил день, Тэсан убрал назад свои волосы.

— Предлагаю вам остаться здесь на ночь и продолжить эту дискуссию утром – если только вы не хотите вернуться в свои дома на вечер.

Мы остаемся, сказал Рисанд. *Мне надо поговорить кое с кем из них наедине.*

Действительно, остальные казались готовыми остаться.

Даже Тамлин.

Нас проводили к выделенным нам покоем – солнечный камень превращался в насыщенно-золотой в свете лучей послеобеденного солнца. Тэсан и дрожащие охранники первыми проводили Тамлина. Он сделал мудрый выбор, решив не нападать ни Риса, ни меня во время дискуссии, хотя то, что отказывался даже признавать наше присутствие, не осталось незамеченным. И когда он уходил, вновь ожесточившись и дергано шагая, то не проронил ни слова. Отлично.

Затем Тарквин покинул зал, за ним Гелион. Остались только группа Каллиаса и наша.

Рис встал со своего места и запустил руку в волосы.

— Эта часть прошла неплохо. Похоже, *никто* из нас не выиграл пари о том, кто первым начнет драку.

Азриэль уставился в пол с каменным лицом.

— Прости.

Слова были сказаны без эмоций – отдаленно.

Он молчал, едва двигаясь после своей свирепой атаки. Мор потребовалось полчаса, чтобы перестать трястись после этого.

— Это он начал, — сказала Вивиан. — Эрис настоящий засранец.

Каллиас удивленно посмотрел на своего мейта.

— Что? – она сложила руки на груди. – Это правда.

— Возможно, — проговорил Каллиас со скрытой улыбкой, — но все еще неизвестно, будет ли Берон сражаться с нами.

— Если все объединяться, — хрипло сказала Мор, и это были ее первые слова за последние часы, — то Берон присоединится. Он слишком умен, чтобы рискнуть объединиться с Хейберном и понести потери. И, я уверена, если дела пойдут плохо, он с легкостью переметнется.

Рис кивнул, но повернулся к Каллиасу.

— Как много людей у вас есть?

— Недостаточно. Амаранта хорошо выполнила свою работу, — снова это чувство вины, что пульсировало по нашей связи. — У нас есть армия, которой Вив командовала и скрывала, но не больше. У вас?

Рис не показал того легкого напряжения, что скрутился внутри меня, как будто он был лишь мой.

— У нас есть значительные войска. Преимущественно иллирийские легионы. И несколько тысяч Несущих Тьму. Но нам нужен каждый воин, который может идти в строю.

Вивиан подошла к Мор, по-прежнему сидящей, все еще бледной, и положила руки на плечи подруги.

— Я всегда знала, что однажды мы будем сражаться плечом к плечу.

Мор подняла свои карие глаза. Но ее взгляд встретился с глазами Каллиаса, который, казалось, старался приложить все усилия, чтобы не показывать беспокойства. Мор посмотрела на Высшего Лорда, как бы говоря *Я позабочусь о ней*, прежде чем улыбнуться Вивиан.

— Этого почти достаточно, чтобы я начала переживать за Хейберна.

— Почти, — Вивиан злобно улыбнулась. — Но не совсем.

Нас привели к покоям, построенным вокруг огромной гостиной и личной столовой. Все это было вырезано из солнечного камня, украшено сияющими тканями, широкие подушки лежали вдоль густого ковра, и повсюду были витиеватые золотые клетки, в которых были птицы всех форм и размеров. Я наблюдала за павлинами, шествующими по многочисленным внутренним дворикам и садам, пока мы шли по дому Тэсана, а некоторые из них прятались в тених фиговых деревьев, растущих в горшочках.

— Как Тэсан смог удержать Амаранту подальше от этого места? — спросила я Риса, пока мы рассматривали гостиную, с которой открывался вид на туманные просторы деревень, расположенных далеко внизу.

— Это его личная резиденция, — Рис убрал крылья и плюхнулся на гору изумрудных подушек, лежащих недалеко от незажженного камина. — Скорее всего, он защитил его так же, как это делали Каллиас и я.

Я уверена, что это было решение, которое тяготило их многие десятилетия.

Но я посмотрела на Азриэля, теперь облокотившегося на стену рядом с окном от пола до потолка, тени порхали вокруг него. Даже птицы в своих клетках сохраняли тишину.

Я сказала по связи, *С ним все хорошо?*

Рис положил руки за голову, хотя его губы сжались. *Скорее всего, нет, но если мы попытаемся поговорить с ним об этом, то станет только хуже.*

Мор расположилась на диване — одним глазом осторожно наблюдая за Азриэлем. Кассиан сел рядом с ней, положив ее ноги к себе на колени. Он занял место самое близкое к Азриэлю — прямо между ним и Мор. Будто для того, чтобы при необходимости встать между ними.

Ты прекрасно справилась, добавил Рис. Со всем.

Несмотря на мой взрыв?

Именно из-за твоего взрыва.

Я встретила его взгляд, ощущая его эмоциональные переживания, когда я заняла обтянутый стул рядом с горой подушек, на которых расположился мой мейт. *Я знала, что ты силен. Но не представляла, что так превосходишь других.*

Глаза Риса были закрыты, когда он послал мне полуулыбку. *Я не уверен, что даже Берон знал до сегодняшнего дня. Догадывался, возможно, но... Теперь он жалеет о том, что не убил меня еще в колыбели.*

Дрожь побежала по моей спине. *Он знает о том, что Элейн — мейт Люсьена. Если он попытается навредить ей или забрать ее, то будет мертв.*

Бескомпромиссность вытеснила звезды из его глаз. *Я сам его убью, если он это сделает. Или возьму в заложники, чтобы это сделала ты. Думаю, мне понравится наблюдать за тобой.*

Буду иметь в виду, что могу сделать такой подарок на твой следующий день рождения. Я вонзила ногти в полированную ручку стула, дерево было гладким, как стекло. Ты действительно поверил заявлению Тамлина, что он будет работать на нашей стороне?

Да. На мгновение воцарилась тишина. И, скорее всего, мы оказали ему медвежьё услугу, не допуская рассмотрения иных возможностей. И, возможно, я начал думать о нем, как о жестоком воине.

Я чувствовала усталость – в костях, в дыхании. Это что-нибудь меняет?

С одной стороны, да. С другой... Рис посмотрел меня. Нет. Нет, не меняет.

Я моргнула, понимая, что потерялась в связи, но обнаружила, что Азриэль все еще стоит у окна, а Кассиан теперь массирует ноги Мор. Нэста молча удалилась в свою комнату – и осталась там. Я задумалась, что из-за того, что Берон ушел, несмотря на ее слова... Возможно, это выбило ее.

Я встала на ноги, расправляя складки своего мерцающего платья. Я должна проверить Нэсту. Поговорить с ней.

Рис глубже зарылся в свою гору подушек, смыкая руки за головой. Сегодня она отлично справилась.

Я почувствовала гордость от его похвалы, пока пересекала комнату. Но, когда я дошла до арки фойе, прогремел стук в дверь, что выходила в солнечный коридор. Я остановилась, прозрачные вставки моего платья заколыхались, переливаясь, словно тусклый голубой огонь в золотых огнях.

— Не открывай, — предупредила Мор, сидя на диване. — Даже со щитами, не открывай.

Рис поднялся на ноги.

— Мудрое решение, — сказал он, пройдя мимо меня к главной двери, — но это лишнее.

Он открыл дверь. Там был Гелион – один.

Гелион уперся рукой об дверную раму и улыбнулся.

— Как ты уговорил Тэсана отдать тебе комнаты с лучшим видом?

— Думаю, мои мужчины понравились ему больше твоих.

— Я думаю, что это из-за его фетиша на крылья.

Рисанд рассмеялся и полностью открыл дверь, приглашая его войти.

— А ты, между прочим, действительно научился изображать развязного ублюдка. Умело сделано.

Одеяние Гелиона заколыхалось от его изящных шагов, облекая его мощные бедра. Он увидел меня, стоящую у круглого стола в центре фойе и поклонился. Низко.

— Извиняюсь за то, что вел себя как сволочь, — сказал он мне. — Старые привычки и все такое.

В его янтарных глазах была забава и веселье. Легкость, от которой я светилась, когда испытывала чистое блаженство. Гелион нахмурился, глядя на Риса.

— Сегодня ты неестественно хорошо себя вел. Я поставил на то, что к концу встречи Берон будет мертв — и ты не можешь представить, как я был удивлен, когда он ушел живым.

— Мой мейт предположила, что мы выиграем больше, если будем самими собой.

— Ну, теперь я выгляжу таким же плохим, как Берон.

Он прошагал мимо меня, подмигнув, направляясь в гостиную. И ухмыльнулся Азриэлю.

— Кстати, теперь моей новой ночной фантазией станешь ты, надирающий задницу Эрису.

Азриэль только глянул через плечо на Высшего Лорда. Но Кассиан фыркнул.

— Я уже начал думать, когда начнутся заигрывания.

Гелион плюхнулся на диван напротив Кассиана и Мор. Он где-то оставил свою сияющую корону, но оставил браслет в форме золотого змея на правой руке.

— Прошло уже... четыреста лет, а вы трое все еще не приняли мое предложение.

Мор подняла голову в его сторону.

— К сожалению, мне не нравится делиться.

— Не узнаешь, пока не попробуешь, — промурлыкал Гелион.

Они втроем с постели... с ним? Должно быть, я заморгала, как идиотка, потому что Рис сказал мне, *Гелион любит и мужчин, и женщин. Обычно обоих в своей постели. И он преследует этих троих уже несколько столетий.*

Я задумалась — красота Гелиона, и другие... *Почему, черт возьми, они не сказали да?*

Рис рассмеялся, и все уставились на него с поднятыми бровями.

Мой мейт просто подошел ко мне и обнял за талию, целуя в шею. *Хочешь, чтобы к нам кто-то присоединился в постели, милая Фейра?*

От его интонации, его предложения моя кожа натянулась на моих костях. *Ты неисправим.*

Думаю, тебе понравится, когда тебя будут ублажать двое мужчин.

У меня подогнулись пальчики ног.

Мор прочистила горло.

— Что бы вы там мысленно не говорили, либо говорите вслух, либо уходите в другую комнату, чтобы нам не приходилось сидеть тут и дышать источаемыми вами запахами.

Я высунула язык. Рис снова рассмеялся, еще раз целуя меня в шею, прежде чем сказать:

— Извини, что задела твою нежную душу, кузина.

Я вырвалась из его объятий, из его прикосновений, от которых у меня все еще кружилась голова, отчего становилось трудно думать, и села на стул у дивана, на котором расположились Мор и Кассиан.

Кассиан сказал Гелиону:

— Твои войска уже готовы?

Веселье Гелиона исчезло — превращаясь в холодную расчетливость на его лице.

— Да. Они соберутся вместе с вашими в Мирмидоне.

Горный хребет, располагающийся на нашей общей границе. До этого он не делился такой информацией.

— Хорошо, — сказал Кассиан, растирая стопы Мор. — Оттуда мы направимся на юг.

— И где окончательно будет разбит лагерь? — спросила Мор, убирая ноги из рук Кассиана и поджимая их под себя.

Гелион проследил за изгибом ее голой ноги, и его янтарные глаза были немного застекленными, когда он посмотрел на нее.

Мор не отвела глаз от его разгоряченного взгляда. И острое осознание, казалось, нахлынуло на нее — будто каждый нерв в ее теле задрожал, просыпаясь. Я не осмелилась посмотреть на Азриэля.

Должно быть, многочисленные щиты были выставлены вокруг комнаты, вокруг каждой трещинки и щели, где могли затаиться шпионы, потому что Кассиан сказал:

— Мы объединимся с войском Тэсана, потом, в конце концов, расположимся вдоль юго-западной границы Каллиаса — возле Летнего Двора.

Гелион отвел взгляд от Мор, чтобы спросить Риса:

— Между тобой и милым Тарквином сегодня что-то проскочило. Ты действительно думаешь, что он присоединится к нам?

— Если ты имеешь в виду постель, то определенно нет, — сказал Рис с кривой ухмылкой, снова растягиваясь на подушках. — Но если ты имеешь в виду войну.. Да. Я верю, что он хочет сражаться. Но Берон, с другой стороны...

— Хайберн сосредоточен на юге, — сказал Гелион. — И независимо от того, что *ты* думаешь о Тамлине, Весенний Двор уже оккупирован. Берон должен понять, что его двор станет полем битвы, если он не присоединится к нам и не направится на юг, в особенности, если к нам присоединится Летний Двор.

Это значит, что Весенний Двор и земли людей понесут основные тяготы сражений.

— Прислушается ли Берон к голосу разума? — размышляла Мор.

Гелион постучал пальцем по резной ручке дивана.

— Он играл в игры на Войне, и это дорогого ему стоило. Его люди все еще помнят его решения — свои потери. Да даже его чертова жена помнит.

Гелион часто посматривал в сторону Леди Осени, пока мы были на встрече. Я спросила, осторожно и обыденно:

— Что ты имеешь в виду?

Мор покачала головой — не от того, что я произнесла, а от того, что произошло.

Гелион сосредоточил все свое внимание на мне. Было сложно не вздрогнуть от тяжести его взгляда, от его напряженности. Мускулистое тело было лишь маской, что скрывала за собой хитрый ум. Я задумалась, перенял ли Рис это от него.

Гелион закинул ногу на ногу.

— Две старшие сестры Леди Осени действительно были... — он искал подходящие слова. — Безжалостно убиты. Измучены, а затем убиты во время Войны.

Я отогнала воспоминания о криках Нэсты, рыданиях Элейн, когда ее тащили в Котел.

Тети Люсьена. Были убиты еще до его рождения. Рассказывала ли ему его мать эту историю?

Рис объяснил мне:

— Войска Хайберна к тому времени уже заполонили наши земли.

Гелион сжал челюсть.

— Леди Осени была отправлена к своим родственникам с сестрами и маленькими детьми. Чтобы разделить родословную, — он запустил руку в свои черные волосы. — Хайберн атаковал их поместье. Ее сестры дали ей время, дабы она сбежала. Не потому, что она жена Берона, а потому, что они любили друг друга. Яростно. Она пыталась остаться, но они убедили ее идти. Она так и сделала — бежала и бежала, но чудовища Хайберна были быстрее. Сильнее. Они загнали ее в ущелье, где она оказалась в ловушке на выступе, и чудовища были в нескольких шагах от нее.

Он долго молчал.

Слишком много деталей. Он знал так много деталей.

Я тихо произнесла:

— Ты спас ее. Ты нашел ее, ведь так?

Казалось, что над его густыми черными волосами засияла корона из света.

— Да.

Столько тяжести, злости и чего-то еще было в этом слове, что я внимательно

посмотрела на Высшего Лорда Дневного Двора.

— Что произошло?

Гелион не отвел от меня взгляда.

— Я разорвал чудовищ на части голыми руками.

Холодок пробежал по моей спине.

— Почему?

Он мог сделать это тысячей разных способов. Более простых способов. Не таких грязных.

Я вспомнила окровавленные руки Риса после нападения Воронов.

Гелион немного пододвинулся на кресле.

— Она была молодая, несмотря на то, что она была замужем за этим чудесным мужчиной почти два десятилетия. Слишком молодая для брака, на момент свадьбы ей было только двадцать.

Его рассказ был кратким. И двадцать — такая молодая. Почти столь же юная, как Мор, когда ее семья пыталась выдать ее за Эриса.

— И? — Опасный, дразнящий вопрос.

Его глаза вспыхнули столь же ярко, словно солнце.

Но это Мор холодно мне ответила:

— Однажды я слышала, Гелион, что она ждала, прежде чем согласиться на этот брак. Потому что она встретила кое-кого на балу равноденствия за год до этого.

Я старалась не моргать, не выдавать свое растущее любопытство.

Огонь превратился в уголь, и Гелион ухмыльнулся Мор.

— Интересно. А я слышал, что ее семья хотела занять внутренние связи для большего влияния, поэтому, не дав ей выбора, они продали ее Берону.

Продали ее. Мор раздула ноздри. Кассиан провел рукой по ее волосам. Азриэль немного развернулся от окна, хотя, я готова поклясться, он немного сильнее сложил крылья.

— Жаль, что это только сплетни, — мягко закончил Рис, — и никто не сможет их подтвердить.

Гелион крутил золотой браслет на своей мускулистой руке, перекручивая змея к центру бицепса. Я нахмурилась.

— Берон знает, что ты спас его жену на Войне?

Он не упоминал об этом на встрече.

Гелион издал смешок.

— Котел, нет, — он ответил, слегка скривившись, и я выпрямилась.

— У вас... был роман после того, как ты спас ее?

Его веселость лишь росла, и Гелион приложил палец к губам в притворном предупреждении.

— Осторожнее, Высшая Леди. Здесь даже птицы докладывают все Тэсану.

Я, нахмурившись, посмотрела на птиц в клетках, расставленных по всей комнате. Они все еще молчали, находясь рядом с тенями Азриэля.

Я наложил вокруг них щиты, сказал Рис через связь.

— Как долго длился ваш роман? — спросила я.

Эта замкнутая женщина... Я даже не могла себе этого представить.

Гелион фыркнул.

— Вежливо ли Высшей Леди спрашивать о подобном?

То, как он говорил, его улыбка...

Я только ждала, пытаюсь молчанием подтолкнуть его.

Гелион пожал плечами.

— Время от времени, несколько десятилетий. Пока Берон не узнал. Говорили, что до этого она была яркой и улыбчивой девушкой. И после того, что Берон сделал с ней... Ты видела, кем она стала.

— Что он сделал с ней?

— То же самое, что делает и сейчас, — Гелион махнул рукой. — Унижал, оставлял синяки там, где никто, кроме него, не увидит.

Я сжала зубы.

— Если ты был ее любовником, так почему не остановил его?

Не стоило этого спрашивать. Это было неуместно, судя по темной ярости, промелькнувшей на лице Гелиона.

— Берон — Высший Лорд, и она — его жена, мать его детей. Она решила остаться. *Решила*. И со всеми протоколами и правилами, *Леди*, ты обнаружила бы, что в большинстве ситуаций, как эта, все заканчивается *плохо* для того, кто вмешивается.

Я не отступила, не извинилась.

— Ты едва взглянул на нее сегодня.

— У нас были более важные дела.

— Берон никогда не обвинял тебя в этом?

— Публичное признание означало бы, что его *имущество* опозорило его самого. Так мы и продолжаем наш маленький танец на протяжении столетий.

Я почему-то засомневалась, что ,со всем его обаянием и неуважением, Гелион считал это танцем.

Но, если все закончилось столетия назад, и она никогда больше его не видела, позволяя Берону относиться к ней так отвратительно...

После всего того, что ты только что узнала, сказал Рис, *тебе лучше выглядеть менее шокированной*.

Я выдавила улыбку на своем лице.

— Вы, Высшие Лорды, так любите все драматизировать.

Улыбка на губах Гелиона не коснулась его глаз. Но Рис спросил:

— В своих библиотеках ты когда-нибудь сталкивался с упоминаниями о способе починить стену?

Гелион начал расспрашивать, почему мы хотели об этом знать, что Хайберн делал с Котлом... и Рис легко и непринужденно отвечал ему.

Пока мы говорили, я сказала через связь, *Гелион — отец Люсьена*.

Рис замолчал. Затем —

Святое адское пламя.

Его шок был как падающая звезда между нами.

Я осмотрела комнату, еле заметно взглянув на думающего о стене и ее восстановлении Гелиона, затем на мгновение осмелилась изучить Высшего Лорда. *Посмотри на него. Тот же нос и улыбка. Голос. Кожа Люсьена темнее кожи его братьев*. Золотисто-коричневая по сравнению с их бледностью.

И это объясняет, почему отец и братья его так ненавидят — почему они его мучают всю его жизнь.

Мое сердце сжалось. *И почему Эрис не хотел его смерти. Он не представляет угрозы для власти Эриса — и его трона. Я сглотнула. Гелион понятия не имеет, так ведь?*

Похоже, нет.

Любимый сын Леди Осени — не только из-за доброты Люсьена. Но из-за того, что он был ребенком, о котором она мечтала... от мужчины, которого она любила.

Берон, должно быть, узнал о романе, когда она уже была беременна Люсьеном.

Наверное, он догадывался, но не мог этого доказать — не тогда, когда она спала и с ним тоже. Отвращение Риса ощущалось и у меня во рту. *Я не сомневаюсь, что Берон раздумывал, убивать ли ее за это предательство даже спустя годы. Когда была возможность, что Люсьен его сын ... этого было достаточно, чтобы он засомневался, кто же отец ребенка.*

У меня не укладывалось это в голове. Люсьен — сын не Берона, а Гелиона. Тем не менее, его сила — огонь. Они подумали, что титул Берона может перейти к нему.

Семья его матери сильна — вот почему Берон хотел невесту из их родословной. У нее мог быть дар.

Ты никогда думал об этом?

Ни разу. Жаль, что я даже не задумывался.

Что это может значить?

Ничего — в итоге ничего. За исключением того факта, что Люсьен может быть единственным наследником Гелиона.

И это... ничего бы не изменило в это войне. Особенно для Люсьена на континенте, охотящегося на заколдованную королеву. Жар-птица... и владыка огня. Я задумалась, нашли ли они уже друг друга.

Дверь в фойе комнаты открылась и закрылась, и я напряглась при появлении Нэсты. Гелион остановил свое обсуждение стены и осторожно посмотрел на нее, как делал это раньше.

Заклинатель. Это был его титул.

Она оглядела его своим обычным презрительным взглядом.

Но Гелион поклонился ей так же, как и мне ранее — однако его улыбка была чувственной, из-за чего мое сердце слегка ускорило свой ритм. Неудивительно, что у Леди Осени не было шансов.

— Думаю, что мы не были представлены друг другу, — мурлыкнул он Нэсте. — Я...

— Мне наплевать, — сказала Нэста, проворачивая запястье и проходя мимо него в мою сторону. — Я хочу поговорить, — сказала она. — Прямо сейчас.

Кассиан закусил кулак, пытаясь не засмеяться, увидев ошеломленное лицо Гелиона. Полагаю, ему не часто так грубо отказывали особи любого пола. Я посмотрела на Высшего Лорда извиняющимся взглядом и вывела свою сестру из комнаты.

— Что такое? — спросила я, когда мы с Нэстой вошли в ее спальню, украшенную розовым шелком и золотом, с вкраплениями цвета слоновой кости по стенам. Роскошь этого места затмевала все наши дома.

— Нам надо уйти, — сказала Нэста. — Прямо сейчас.

Я была вся во внимании.

— В чем причина?

— Это неправильно. Что-то не так.

Я изучила ее и чистое небо за высокими окнами.

— Рис и другие почувствовали бы. Вероятно, ты просто впитываешь в себя всю силу, что собрана здесь.

— Что-то *не так*, — настаивала Нэста.

— Я не сомневаюсь, что ты это чувствуешь, но... если другие этого не чувствуют...

— Я *не такая*, как другие, — она сглотнула. — Нам нужно уходить.

— Я могу отправить тебя обратно в Веларис, но нам нужно кое-что здесь обсудить —

— Я не забочусь о себе, я —

Дверь открылась, и Кассиан зашел в комнату с серьезным выражением лица. Крылья и иллирийские доспехи в этой роскошной розовой комнате врезались в мою память, уже начиная выливаться в картину, когда он сказал:

— Что не так?

Он обследовал каждый ее дюйм. Словно ничего и никого не было рядом, кроме нее.

Но я сказала:

— Она чувствует, что что-то не так — говорит, что нам нужно покинуть это место.

Я ожидала отрицания, но Кассиан склонил голову.

— Что именно не так?

Нэста замерла, плотно сжав губы, обдумывая его интонацию.

— Это словно... страх. Будто... я что-то забыла и не могу вспомнить, что именно.

Кассиан смерил ее долгим взглядом.

— Я скажу Рису.

И он сказал.

Через мгновение Рис, Кассиан и Азриэль исчезли, оставив Мор и Гелиона в напряженной тишине. Я ждала их с Нэстой. Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Спустя полчаса они вернулись, качая головами. Ничего.

Ни во дворце, ни на землях вокруг него, ни в небе. Даже за милю отсюда. Ничего. Рис даже связался с Амрен, но и в Веларисе ничего не произошло — Элейн, к счастью, в целости и сохранности.

Однако никто из них не был столь глуп, чтобы подумать, что Нэста выдумала этот страх. Не с этой вземной силой в ее венах. Или, возможно, страх был остаточным последствием пребывания в Хайберне. Вроде той сокрушительной паники, что преследует меня иногда во снах.

Так что мы остались. Мы ужинали в своей личной столовой, Гелион присоединился к нам, не было вестей от Тарквина, Тэсана — и уж точно от Тамлина.

Когда Каллиас и Вивиан появились в разгар ужина, Мор выпихнула Кассиана с его места, освобождая его для своей подруги. Они болтали и сплетничали — хотя Мор и поглядывала на Гелиона.

И Высший Лорд Дневного Двора продолжал посматривать на нее.

Азриэль почти не говорил, тени все еще кружили над его плечами. Мор едва смотрела на него.

Мы ужинали и пили нескольких часов, пока ночь полностью не взяла главенство. И хотя Рис и Каллиас были напряжены и осторожничали в отношении друг друга... К концу трапезы они уже хотя бы разговаривали.

Нэста первая вылезла со стола, все еще осторожничая и находясь на грани. Остальные еще раз осмотрели все территории, прежде чем мы повалились на свои шелковые простыни мягких, воздушных кроватей.

Рис и я оставили Мор и Гелиона, которые болтали, сидя колено к колену на подушках в гостиной, а Вивиан и Каллиас уже давно вернулись в свою комнату. Я понятия не имела, куда подевался Азриэль – да и Кассиан, раз уж на то пошло.

И когда я вышла из ванной комнаты цвета слоновой кости и золота, громкий шепот Гелиона, и страстный смех Мор доносились из зала — когда они прошли мимо нашей двери, а затем дверь *ее* спальни со скрипом открылась и закрылась...

Крылья Рисанда были плотно сложены, когда он осмотрел на звезды за окнами нашей спальни.

— Почему?

Он знал, что я имела в виду.

— Мор страшно. И то, что Аз сделал сегодня, испугало ее до ужаса.

— Жестокость?

— Жестокость, как результат того, что он чувствует, сохранившегося чувства вины из-за сделки с Эрисом — и того, что с ними никогда не случится.

— Ты же не думаешь, что это продлится долго? И что переспать с Гелионом это *худший* из возможных вариантов?

Но я не сомневалась,, что Гелиону надо было отвлечься так же сильно, как и Мор. Из-за слишком долгих размышлений о людях, которых они любили — с которыми они не могли быть.

— Мор и Азриэль на протяжении веков заводили любовников, – сказал он, его крылья немного зашевелились. – Единственное различие – непосредственная близость.

— Звучит так, будто ты нормально к этому относишься.

Рис оглянулся через плечо туда, где я стояла у массивной кровати цвета слоновой кости, ее изголовье было вырезано в виде переплетенных лилий.

— Это их жизнь и их взаимоотношения. У них обоих было множество возможностей признаться в своих чувствах. Но они этого не сделали. Особенно Мор. Уверен, что по своим личным причинам. Мое вмешательство не изменит ситуацию к лучшему.

— Но — но он *любит* ее. Как он может спокойно сидеть?

— Он думает, что она счастливее без него, – его глаза сверкали от воспоминаний — о том, как он сам решил бездействовать. – Он думает, что недостойн ее.

— Похоже, это особенность всех иллирийцев.

Рис фыркнул, возвращая свой взгляд к звездам. Я подошла к нему и обвила руки вокруг его талии. Он раскрыл мне свои объятия, легонько потирая мои плечи, когда я положила голову на его грудь. Секундой позже его крылья изогнулись вокруг меня, окутывая своим затемненным теплом.

— Наступит день, когда Азриэль решит, продолжать борьбу за нее или отпустить ее. И это будет не из-за того, что кто-то ее оскорбит или переспит с ней.

— А что насчет Кассиана? Он запутался — и позволяет продолжаться этой чуши.

Рис криво улыбнулся.

— Кассиану тоже надо разобраться в некоторых вещах. В ближайшем будущем, я думаю.

— Он и Нэста ...?

— Я не знаю. Пока связь не сформируется полностью, ее трудно обнаружить.

Рис сглотнул, заостря свой взгляд на звездах. Я просто ждала.

— Знаешь, Тамлин все еще любит тебя.

— Я знаю.

— Это была гадкая встреча.

— Это все было гадко, — сказала я.

Берон и Тамлин высказались об Амаранте, что Рис вынужден был раскрыть...

— С тобой все в порядке? — я все еще чувствовала липкость его руки на моей коже, когда он говорил о том, что сделала Амаранта.

Он провел большим пальцем по моему плечу.

— Это было... нелегко. — Он добавил: — Я думал, меня вывернет прямо на пол.

Я обняла его немного сильнее.

— Мне жаль, что тебе пришлось поделиться этими вещами — жаль, что тебе... прости за все это, Рис.

Я вдохнула его запах. Выдохнула — мы сделали это.

— И я знаю что это, скорее всего, ничего не значит, но... Я горжусь тобой. Что ты был достаточно храбрым, чтобы рассказать им.

— Это не ничего не значит, — прошептал он. — То, что ты так думаешь обо мне — о сегодняшнем дне... — он поцеловал меня в висок, тепло ожило вдоль связи. — Это значит... У меня нет слов, чтобы объяснить, что это значит для меня.

Но когда любовь, радость и свет замерцали по связи... Я поняла.

Он взглянул на меня.

— А ты... в порядке?

Я положила голову на его грудь.

— Я просто чувствую... усталость. Печаль. Печаль из-за того, что все было так паршиво — однако... однако я *в бешенстве* от того, что произошло со мной и моими сестрами. Я... — я сделала глубокий вдох. — Когда я вернулась в Весенний Двор... — я сглотнула. — Я искала... их крылья.

Рис застыл, и я взяла его руку, крепко сжимая ее, когда он произнес:

— Ты нашла их? — слова чуть больше, чем выдох.

Я покачала головой, но, прежде чем скорбь на его лице переросла в нечто большее, я произнесла:

— Я узнала, что он сжег их — еще очень давно.

Рис молчал долгое время, не отрывая глаз от звезд.

— Спасибо тебе за то, что задумалась об этом — что рискнув, ты попыталась найти их, — единственный след — ужасные останки — его матери и сестры. — Я не... Я рад, что он сжег их, признался Рис. — Я мог бы с радостью убить его, за многие вещи, и все же... — он потер свою грудь. — Я рад, что он, по крайней мере, дал им покой.

Я кивнула.

— Я знаю.

Я провела большим пальцем по его ладони. И, возможно из-за суровой тишины, я добавила:

— Это странно, разделять эту комнату и кровать под одной крышей с ним.

— Могу представить.

Где-то в этом дворце Тамлин *лежал* в своей кровати — прекрасно понимая, что мы с Рисандом можем быть разделять эту постель. Прошлое запуталось и зарычалось, и я прошептала:

— Не думаю — не думаю, что смогу заниматься сексом здесь. Когда он так близко, —

Рис был спокоен. — Прости, если —

— Тебе не за что извиняться.

Я подняла глаза и обнаружила, что он смотрит на меня — не злой или разочарованный, а... грустный. Понимающий.

— Но я все равно хочу разделить с тобой эту кровать, — выдохнула я. — Я хочу, ты обнимал меня.

Звезды вновь ожили в его глазах.

— Всегда, — пообещал он, целуя меня в лоб, его крылья полностью укрыли меня. — Всегда.

ГЛАВА

48

Гелион покинул покои Мор еще до того, как мы проснулись — хотя я определенно слышала их всю ночь. Они были достаточно громкими, поэтому Рис поставил вокруг нашей комнаты щит. Азриэль и Кассиан так и не вернулись.

Когда Мор появилась на завтрак, она не выглядела как женщина, которая прокувыркалась всю ночь с прекрасным Высшим Лордом. Было что-то загадочное в ее карих глазах, да и кожа была бледной по сравнению с обычным золотистым цветом.

Последним пришел Кассиан, бодро приветствуя Мор:

— Ты выглядишь ужасно — Гелион не давал спуску всю ночь?

Она бросила в него ложку. Затем полетела и каша.

Кассиан поймал ложку и выставил щит от каши, его Сифон светился как пробудившийся янтарь. Каша упала на пол.

— Гелион хотел, чтобы ты присоединился, — спокойно произнесла она, наливая себе чай. — Довольно сильно.

— Возможно, в следующий раз, — сказал Кассиан, опускаясь на место рядом с собой. — Как твоя сестра?

— Она выглядит хорошо, но все еще встревожена.

Я не спросила о том, где он и Азриэль были всю ночь. Я не была уверена, что Мор хотела бы услышать ответ.

Кассиан положил себе на тарелку фрукты и выпечку, недовольно бурча из-за отсутствия мяса.

— Готовы к еще одному дню, полному споров и планирований?

Мор и я недовольно забурчали. Рис вошел в зал и рассмеялся, его волосы были все еще влажные после душа.

— Вот это настрой.

Несмотря на загруженность предстоящего дня, я улыбнулась своему мейту.

Он обнимал меня всю ночь, прижимая к своей груди, укрывая своими крыльями. Немного иной вид интима, по сравнению с сексом — более эмоциональный. Наши души переплелись, крепко держась друг за друга.

Когда я проснулась, его крылья так же были вокруг меня, его дыхание щекотало мое ухо.

Во рту пересохло, когда я начала рассматривать его спящее лицо, сердце закололо в груди. Я прекрасно понимала, как сильно я люблю его, но, смотря на него... Я чувствовала каждую клеточку своего тела, чувствовала, будто это все может сломать меня, уничтожить меня. И в следующий раз, как кто-то оскорбит его...

Мысли не покидали мою голову до конца завтрака, даже пока я одевалась и возвращалась в комнату на вершине дворца. Чтобы начать закладывать основу этого союза.

Я решила оставить вчерашнюю корону, но сменить платье с праздника Звездопада на блестящее черное платье, пошитое из шелка цвета вороньего крыла и украшенное мерцающей обсидиановой паутиной. Юбка струилась за мной, облегающие рукава заканчивались петелькой вокруг моего среднего пальца, на котором было ониксовое кольцо. Если вчера я была падающей звездой, то сегодня таинственное одеяние Риса делало меня Королевой Ночи.

Вся наша группа была одета соответствующе.

Вчера мы были собой – открытыми, дружелюбными и заботливыми. Сегодня мы покажем другим дворам, что мы собираемся поставить в противовес силам нашего врага. Чем мы ответим на его атаки.

Гелион вернулся к своей ошеломляющей, изворотливой отчужденности, развалившись в кресле, когда мы вошли в уютный зал в одной из башен дворца. Он одарил Мор взглядом, и его губы изогнулись в чувственной улыбке. Сегодня он блистал в наряде кобальтового цвета, что отливал золотом, подчеркивая его смуглую кожу, и золотых сандалиях, украшающих его ноги. Тени Азриэля спадали с его плеч и путались под ногами, сам же говорящий с тенями игнорировал Высшего Лорда, проходя мимо него. Он не показал ни единой эмоции, даже Мор, когда он присоединился к нам в фойе.

Она не спросила, где он был всю ночь и утро, Азриэль тоже молчал. Но он, по крайней мере, не казался склонным игнорировать ее. Нет, он просто вновь стал молчаливым наблюдателем, Мор выглядела довольной, что отпустила его, позволяя успокоиться, как только он развернулся, чтобы проводить нас на встречу. Видимо, он проверил зал несколько минут назад.

Тэсан был единственным, кто поприветствовал нас, когда мы прошли через арку, поросшую глициниями, но, бросив один взгляд на наши одежды и лица, он прошептал молитву Котлу. Его возлюбленный, снова одетый в доспехи капитана, оглядел нас, расправляя крылья, но остался сидеть с другими паломниками.

Тамлин пришел последним, и, когда он сел, то обвел нас всех взглядом. Я не стала приветствовать его.

Гелион не стал ждать разрешения Тэсана, чтобы начать. Он просто закинул ногу на ногу и произнес:

— Я тщательно просмотрел графики и данные, которые ты собрал, Тамлин.

— И? – бросил Тамлин.

Сегодня все *должно быть* хорошо.

— И, — Гелион говорил спокойно, остатки веселья прошлой ночи исчезли, — если ты быстро соберешь свои войска, и ты с Тарквином сможете удерживать передовые линии достаточно долго, чтобы те из нас, кто находится за Серединой, смогли привести подкрепление.

— Это не так легко, — процедил Тамлин сквозь зубы. — У меня осталась одна треть от всего войска, — его взгляд пробежался по мне. — После того, как Фейра уничтожила их веру в

меня.

Я сделала это — от ярости, нуждаясь в отмщении... Я не думала о последствиях. Не задумывалась о том, что нам могут *понадобиться* эти войска. Но —

Нэста начала хрипло и прерывисто дышать, поднимаясь со стула.

Я кинулась к ней, чуть ли не заплетаясь в юбке своего платья, когда она отпрянула назад, держа руку на груди.

Сделай она еще один шаг, и она бы упала в пруд, но Мор кинулась вперед, подхватывая ее.

— Что случилось? — потребовала Мор, держа мою сестру, когда ее лицо исказило что-то, похожее на — боль. Смятение и боль.

Пот выступил на лбу Нэсты, хотя ее лицо стало мертвенно-бледным.

— Что-то... — слово прервалось тихим стоном.

Она опустилась, и Мор поймала ее, глядя ей в лицо. Через мгновение Кассиан уже был рядом, обвивая руку вокруг ее спины, скалясь на невидимую угрозу.

— Нэста, — пробормотала я, добираясь до нее.

Нэста отвернулась от Кассиана, схватившись за живот, и опустошила в пруд содержимое желудка.

— Яд? — спросил Каллиас, подталкивая Вивиан за свою спину.

Она просто схватила его за руку. Тамлин все так же сидел, наблюдая за нами, его челюсть сжалась.

Но Гелион и Тэсан шагнули вперед, мрачные и сосредоточенные. Сила Гелиона кружила вокруг него, словно ослепительные мерцающие огоньки, аккуратно приземляясь на Нэсту.

Пылая золотом и розовым, Тэсан положил руку на руку моей сестры. Исцеляя ее.

— Ничего, — одновременно произнесли они.

Нэста прерывисто дышала, кладя голову на плечо Мор.

— Что-то не так, — смогла произнести она. — Не со мной. Не я.

Но с Котлом.

Рис молча вел беседу с Азриэлем и Кассианом, последний же следил за каждым вдохом моей сестры. Но оба иллирийца кивнули Рису и направились к открытому окну — чтобы улететь.

Нэста стонала, ее тело вновь напряглось, словно ее сейчас вновь вырвет. Но потом мы почувствовали это.

Земля затряслась под ногами. Дрожь пробежала по воздуху, камням и траве.

Словно какой-то великий бог дунул на землю.

Затем нас накрыл мощный удар.

Рис накрыл меня своим телом так быстро, что я не успела заметить, как начала *трястись* сама гора, потом *задрожал* и дворец. Мы упали на каменный пол, когда обломки попадали на нас, и я почувствовала, как он готовится рассеяться —

Затем все прекратилось.

Крик усиливался со стороны долины в низине. Но во дворце господствовала тишина. И среди нас тоже.

Нэста снова вывернуло, и в этот раз Мор позволила ей повалиться на пол.

— Что, *черт возьми*... — начал Гелион.

Но Рис поднялся с меня, его загорелое лицо лишилось цвета. Его губы были

бескровными, когда он посмотрел на юг. Далеко, далеко на юг.

Я почувствовала его волшебное копье, которое как падающая звезда пролетело над землей.

И потом он вновь посмотрел на нас, его глаза были устремлены прямо на меня. Я видела в них страх — сожаление и страх — от чего у меня во рту пересохло. Моя кровь застыла.

Рис сглотнул. Один раз. Второй. Затем он хрипло проговорил:

— Король Хайберна только что с помощью Котла атаковал стену.

Ропот — вскрики.

Рис сглотнул в третий раз, и земля ушла у меня из-под ног, когда он объявил:

— Стена пала. Разрушена. Как в Прифиане, так и на континенте, — он произнес это вновь, будто он старался убедить в этом себя. — Мы опоздали, были слишком медленными. Хайберн только что разрушил стену.

ГЛАВА

49

Связь Нэсты с Котлом, рассуждал Рис, когда мы собрались вокруг обеденного стола в городском доме, позволила ей почувствовать, что Король Хайберна объединяет его силы.

Так же, как и я могла использовать свою связь с Высшими Лордами, чтобы отслеживать следы их сил и найти Книгу и Котел. Сила Нэсты — ее бессмертие — так сильно связана с Котлом, что его ужасающее присутствие, когда он проснулся, коснулось и ее тоже.

Вот почему он охотился на нее. Не только из-за ее силы, что она забрала... но и из-за того, что Нэста была предупреждающим сигналом.

В течение несколько минут мы покинули Рассветный Двор. Тэсан пообещал в ближайшие несколько дней большую поставку противоядия от фэбейна всем Высшим Лордам и их войскам, и что его peregrины начнут сбор под предводительством его капитана — чтобы присоединиться к иллирийцам в небе.

Каллиас и Гелион поклялись, что их сухопутные войска придут так скоро, как это будет возможно. Только Тамлин, чья южная граница проходила по павшей стене, не учитывался — его войска были разрушены. Гелион сказал Тамлину, прежде чем тот покинул нас:

— Выведи своих людей. Собери тех воинов, что тебе еще подчиняются.

Тех, кто остались после меня.

Тарквин разделил его мнение и напомнил, что его обещание о безопасной гавани для Весеннего Двора все еще в силе. Тамлин не ответил ни одному из них. Не подтвердив, что он соберет войска, он рассеялся — даже не взглянув на меня. Небольшое облегчение, так как я все еще не решила, требовать его помощи или плюнуть на него.

Прощания были краткими. Вивиан крепко обняла Мор — потом, к моему удивлению, и меня. Каллиас лишь пожал руку Риса, это был осторожный и напряженный жест, затем он исчез со своим мейтом. Потом и Гелион покинул дворец, подмигнув нам всем. Тарквин ушел последним, Вариан и Крессеида шли подле него. Они решили, что его армада будет охранять

его города, пока основная часть его войска будет передвигаться по суше.

Сокрушительные голубые глаза Тарквина вспыхнули, когда он собрал свою силу, чтобы рассеять их. Но Вариан обратился ко мне и Рису:

— Скажите ей спасибо, — он положил руку на грудь, тонкая серебряно-золотая нить его пиджака засверкала в лучах утреннего солнца. — Скажите ей... — Принц Адриаты потрянул головой. — Я лично ей все скажу, когда увижу ее в следующий раз.

Это выглядело как обещание — что Вариан *увидит* Амрен, несмотря на войну. Затем они исчезли.

Берон так и не прислал вестей до того, как мы произнесли слова прощания и признательности Тэсану. Не было также и новостей о том, что Берон передумал. Или о том, что Эрис, возможно, убедил его.

Но это не беспокоило меня. И Нэсту тоже.

Если стена пала... Слишком поздно. Мы опоздали. Все эти поиски... Я должна была настоять, что если Амрен почти подготовила Нэсту, то нам нужно было отправиться прямо к стене. Посмотреть, что она может сделать, используя заклинание из Книги или нет.

Возможно, это была моя вина, что я хотела прикрыть ее, выработать ее силу, позволяя ей оставаться замкнутой в себе. Но если бы я постоянно надавливала...

Даже сейчас, сидя за обеденным столом в городском доме в Веларисе, я не решила, стоит ли риск потери моей сестры цены спасения жизней. Я не знала, как Рис и остальные принимали такие решения — на протяжении столетий. Особенно во время правления Амаранты.

— Мы должны были эвакуировать их еще месяцы назад, — произнесла Нэста, не прикоснувшись к курице и овощам в своей тарелке.

Это были первые слова за то время, что мы провели за едой.

Элейн все знала — ей рассказала Амрен. Сейчас она сидела за столом, выпрямив спину, ее глаза были более ясными, чем когда я видела ее в последний раз. Видела ли она это все, в своих скитаниях по свету, используя свое новое внутреннее зрение? Нашептывал ли ей об этом Котел, пока нас не было? Мне не хватило духу спросить ее.

Рис сказал Нэсте:

— Мы можем пойти этой ночью в ваше поместье — эвакуировать слуг и привести их сюда.

— Они не пойдут.

— Тогда, скорее всего, они умрут.

Нэста поправила вилку и нож около своей тарелки.

— Разве ты не можешь затащить их куда-нибудь южнее — подальше от этого?

— Столько людей? Нет, если сначала мы не найдем безопасное место, на что нужно потратить время, которого у нас нет, — размышлял Рис. — Если у нас будет корабль, они смогут уплыть —

— Они потребуют, чтобы с ними ушли их семьи и друзья.

Тишина. Это не варИанф. Тогда Элейн тихо сказала:

— Мы могли бы разместить их в поместье Грейсена.

Она произнесла это ровным голосом, и мы все посмотрели на нее.

Она сглотнула, ее тонкая шея была такой бледной, и объяснила:

— Поместье обнесено высокими стенами — сделанными из твердого камня. Там достаточно места для большого количества людей и припасов.

Все мы постарались *не* смотреть на ее кольцо, которое она все еще носила. Элейн продолжила:

— Его отец планировал что-то похожее уже... долгое время. У них есть оборонительные сооружения, склады... — неглубокий вдох. — И ясеневая роща, как и запас ясеневое оружие.

Кассиан заворчал. Несмотря на их силу, их мощь... Тем не менее, это дерево было создано, и что-то в ясене прорезалось прямо через защиту Фэ. Я знала это по собственному опыту — убила одного из стражников Тамлина стрелой, прошедшей через горло.

— Если фейри, которые будут нападать, владеют магией, — сказал Кассиан, и Элейн отшатнулась от его резкого тона, — то толстые стены ничего не дадут.

— Еще там есть потайные туннели, — прошептала Элейн. — Возможно, это лучше, чем ничего.

Иллирийцы переглянулись.

— Мы можем послать охрану... — начал Кассиан.

— Нет, — прервала его Элейн, ее голос был громче, чем в месяцы до этого. — Они... Грейсен и его отец...

Челюсть Кассиана сжалась.

— Тогда мы замаскируемся —

— У них есть гончие. Разведенные и обученные для охоты на вас. Для отслеживания вас.

Повисла натянутая тишина, пока мои друзья размышляли, как именно этих гончих обучали.

— Ты же не предлагаешь оставить их замок незащищенным? — Кассиан попытался говорить более мягко. — Даже с ясенем, этого не достаточно. Как минимум, нам нужно наложить защитные заклинания.

Элейн задумалась.

— Я могу поговорить с ним.

— Нет, — сказала я одновременно с Нэстой.

Но Элейн отмахнулась от нас.

— Если — если вы и... они, — взгляд в сторону Риса и моих друзей, — придете со мной, то собаки почуют ваш запах Фэ.

— Ты тоже Фэ, — напомнила ей Нэста.

— Зачаруй меня, — сказала Элейн Рису. — Сделай так, чтобы я выглядела как человек. На достаточное время, чтобы я смогла убедить его открыть ворота тем, кто ищет убежища. Возможно даже уговорить на то, чтобы вы наложили защитные заклинания вокруг их поместья.

И когда их гончие уловят наши запахи...

— Это может закончиться очень плохо, Элейн.

Она провела большим пальцем по железному обручальному кольцу с бриллианфом.

— Все уже закончилось плохо. Теперь нам осталось решить, как мы столкнемся с последствиями.

— Мудро, — сказала Мор, мягко улыбаясь Элейн.

Она посмотрела на Кассиана.

— Тебе нужно выступить с иллирийскими легионами сегодня.

Кассиан кивнул, но сказал Рису:

— Теперь, когда стены больше нет, нужно, чтобы ты прояснил иллирийцам некоторые вещи. Мне нужно, чтобы ты отправился а лагерь со мной — чтобы выступить с одной из твоих возвышенных речей, прежде чем мы отправимся в путь.

Губы Риса скривились в улыбке.

— Мы все можем пойти — а потом направиться в человеческие земли, — он осмотрел нас, городской дом. — У нас есть час на подготовку. Встретимся здесь — а потом отправимся в путь.

Мор и Азриэль сразу же рассеялись, а Кассиан шагнул к Рису, чтобы спросить его о воинах Двора Кошмаров и их подготовке.

Мы с Нэстой направились к Элейн, и заговорили одновременно.

— Ты уверена? — потребовала я, пока Нэста произносила:

— Я могу пойти — позволь мне поговорить с ним.

Элейн только поднялась на ноги.

— Он не знает тебя, — сказала она мне.

Затем она посмотрела на Нэсту открытым, озадаченным взглядом.

— И он ненавидит тебя.

Какая-то прогнившая часть меня задумалась, была ли их разорванная помолвка к лучшему. Или предложила ли Элейн это путешествие, прямо после того, как Люсьен покинул Прифиан, чтобы получить шанс на... Я не позволила себе закончить свою мысль.

Смотря на место, где стояли мои друзья до того, как рассеялись, я сказала:

— Нужно, чтобы ты поняла, Элейн, что если встреча примет плохой оборот... если он попытается навредить тебе или любому из нас...

— Я знаю. Вы будете защищать себя.

— Я буду защищать тебя.

Пустота затуманила ее глаза. Но Элейн подняла подбородок:

— Что бы ни случилось, не убивай его. Пожалуйста.

— Мы попробуем —

— Поклянись.

Я никогда не слышала от нее такого тона. Вообще.

— Я не могу в этом поклясться, — я не отступлюсь, не от этого. — Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать такого исхода.

Элейн, казалось, тоже поняла это. Она посмотрела на себя, на свое простое голубое платье.

— Мне нужно переодеться.

— Я могу помочь тебе, — предложила Нэста. Но Элейн покачала головой.

— Мне помогут Нуала и Керридвен.

И она ушла — со слегка напряженными плечами.

Нэста сглотнула. Я прошептала:

— Это не твоя вина — что стену разрушили до того, как мы смогли все остановить.

Ее глаза, в которых плескалась сталь, стрельнули на меня.

— Если бы я осталась и практиковалась —

— То ты бы просто находилась здесь, ожидая нашего возвращения со встречи.

Нэста разгладила складки на своем темном платье.

— Что мне теперь делать?

Цель, поняла я. Поставив перед ней задачу нахождения способа заделывания дыр в

стене... мы дали моей сестре то, что, возможно, наши человеческие жизни никогда не давали ей: точку опоры.

— Ты пойдешь с нами — в поместье Грейсена, и потом мы будем передвигаться вместе с войсками. Если ты связана с Котлом, но ты должна быть близко к нам. Чтобы рассказывать нам, когда его снова захотят задействовать.

Не совсем цель, но Нэста все равно кивнула.

Прямо когда Кассиан хлопнул Риса по плечу и направился к нам. Он остановился в паре футов от нас и нахмурился.

— Платья не подходят для полетов, леди.

Нэста не ответила.

Он выгнул бровь.

— Сегодня без ругательств и пререканий?

Но Нэста не двинулась навстречу ему, а ее лицо все еще было усталым и желтоватым.

— Я никогда не носила штаны, — сказала она.

Я могла бы поклясться, что Кассиан удивился. Но он взял себя в руки и протянул:

— Не сомневаюсь, что ты взбунтовалась бы, если бы тебе пришлось делать это.

Никакой реакции. Если Котел —

Кассиан встал на пути Нэсты, когда она попыталась пройти мимо него. И положил загорелую, грубую руку на ее лоб. Она смахнула ее, но он схватил ее за запястье, заставляя ее встретиться с ним взглядом.

— Если любой из людских придурков двинется, чтобы навредить тебе, — выдохнул он, — то ты убьешь их.

Он не пойдет — нет, он будет собрать всю мощь иллирийских легионов. Хотя к нам присоединится Азриэль.

Кассиан вложил один из своих ножей в руку Нэсты.

— Теперь яшень может убить тебя, — сказал он со смертельным спокойствием, когда она уставилась на лезвие. — Даже от царапины ты будешь испытывать недомогание и станешь достаточно уязвимой. Запомни, как расположены выходы в каждой комнате, каждом заграждении и дворе — отмечай их, когдаходишь туда, и отмечай, сколько мужчин находится возле тебя. Отмечай, где находятся Рис и остальные. Не забывай, что ты сильнее и быстрее. Нацеливайся на мягкие части тела, — добавил он, обвивая ее пальцами рукоятку. — И если кто-то возьмет тебя в захват...

Моя сестра молчала, пока Кассиан показывал ей чувствительные места мужчин. Не только пах, но и внутренняя часть стопы, и зажимание бедра, используя локоть как оружие. Когда он закончил, то отступил назад, и в его светло-коричневых глазах клубились какие-то чувства, которые я не узнавала.

Нэста осмотрела внушительный кинжал в своей руке. Затем подняла подбородок и посмотрела на него.

— Я приглашал тебя на тренировку, — с усмешкой сказал Кассиан, а затем ушел.

Я изучила Нэсту, кинжал, ее тихое, неподвижное лицо.

— Даже не начинай, — предупредила она меня и направилась к лестнице.

Я нашла Амрен, проклинаящую Книгу, в ее апартаментах.

— Мы уходим в течение часа, — сказала я. — У тебя здесь есть все, что тебе может

понадобиться?

— Да.

Амрен подняла голову, и в этих серебряных глазах бурлил гнев. Не на меня, поняла я с небольшим облегчением. А на тот факт, что Хайберн провел нас со стеной. Обставил *ее*.

Но это не моя проблема.

Не тогда, когда завертелись вести с встречи Высших Лордов. Не тогда, когда я снова увидела уходящего Берона, без обещаний помощи или воинов. Но тогда, когда я слышала, как Рис и Кассиан обсуждали, как мало воинов есть у других по сравнению с армией Хайберна.

Насмешка короля над Рисом теперь постоянно крутилась в моих мыслях.

Хайберн ожидал, что он отдаст все — *все* — чтобы остановить его. Заявлял, что лишь так у нас появится шанс в битве. И я знала своего мейта. Я знала, что Рис возьмет все на себя, разрушит себя, если это даст шанс на победу. На выживание.

Другие Высшие Лорды... Я не могла рисковать, рассчитывая на них. Гелион, со всей своей силой, не вступился даже за свою возлюбленную. Возможно, Тарквин. Но другие... Я не знала их. У меня на это не было времени. И я не буду рисковать их колеблющейся преданностью. Я не буду рисковать Рисом.

— Что тебе нужно? — огрызнулась Амрен, когда я все еще смотрела на нее.

— Под библиотекой есть существо. Ты знаешь его?

Амрен закрыла Книгу.

— Его зовут Бряксис.

— Что это?

— Ты не захочешь знать, девочка.

Я закатала рукав своего черного платья, которое радикально отличалось от лофта и его беспорядка.

— Я заключила с ним сделку, — я показала ей татуировку на своем предплечье. — Так что, полагаю, я должна знать.

Амрен встала, счищая пыль со своих серых брюк.

— Я слышала об этом. Глупая девчонка.

— У меня не было выбора. И теперь мы связаны друг с другом.

— И что с того?

— Я хочу попросить его об еще одной сделке. Мне нужно, что бы осмотрела защитные заклинания, которые удерживают его там — и разъяснила некоторые вещи.

Я не потрудились натянуть на лицо приятное выражение. Или безнадежность. Или благодарность. И я не потрудились стереть с лица холодность, когда добавила:

— Ты идешь со мной. Прямо сейчас.

ГЛАВА

50

Там не было жрицы, ожидающей, чтобы проводить нас к черной яме в сердце библиотеки. И на этот раз Амрен молчала.

Мы спустились на нижний уровень, в эту непроницаемую тьму, и единственным звуком

теперь были наши шаги.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала я в темноту, маячащую за светом, льющимся с верхних уровней.

Меня никто не звал.

— Я зову тебя. Я здесь, чтобы составить тебе компанию. Как часть нашей сделки.

Тишина.

Затем я почувствовала его, извивающегося и кружащегося вокруг нас, пожирающего свет. Амрен тихо выругалась.

Ты привела... кого ты привела?

— Кого-то вроде тебя. Или ты можешь быть похож на них.

Ты говоришь загадками.

Холодная, бестелесная рука коснулась моего затылка, и я постаралась сдержаться и не отступить обратно к свету.

— Бряксис. Тебя зовут Бряксис. И кто-то запер тебя здесь давным-давно.

Тьма остановилась.

— Я здесь, чтобы предложить тебе еще одну сделку.

Амрен не двигалась и молчала, как я и говорила ей, кивнув мне разок для подтверждения. Она действительно сможет разорвать защитные заклинания, удерживающие Бряксиса здесь — когда придет время.

— Идет война, — сказала я, внутренне сражаясь, чтобы мой голос оставался спокойным. — Ужасная война, которая вот-вот начнется здесь. Если я смогу освободить тебя, ты будешь сражаться за меня? За меня и моего Высшего Лорда?

Это существо — Бряксис — не ответило.

Я слегка подтолкнула Амрен локтем.

И она заговорила голосом таким же молодым и старым, как и у существа:

— Мы предложим тебе освобождение от этого места в обмен на помощь.

Сделка. Простая, могущественная магия. Столь же великая, как и та, что может быть скрыта в Книге.

Это мой дом.

Я задумалась.

— Тогда что ты хочешь взамен?

Тишина.

Солнечный свет. И лунный свет. Звезды.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что я не уверена, что даже как Высшая Леди Ночного Двора, смогу обещать ему такое, но Амрен наступила мне на ногу и прошептала:

— Окно. Сверху.

Не зеркало, как хотел Костерез. Но окно в горе. Нам придется дробить камень очень, очень глубоко, но —

— Так ли это?

На этот раз Амрен оттоптала мне ногу.

Бряксис прошептал мне на ухо, *Я смогу охотиться без ограничений на полях битв? Впитывать их страх и боязнь, пока не удовлетворюсь?*

Мне стало немного жаль Хайберна, когда я ответила:

— Да — только воинов Хайберна. И только до тех пор, пока будет идти война, — так

или иначе.

Опять тишина. *Что ты хочешь, чтобы я сделал?*

Я указала на Амрен.

— Она объяснит. Она разрушит защитные заклинания — когда ты понадобишься нам.

Тогда я подожду.

— Тогда это сделка. Ты будешь подчиняться нашим приказам на этой войне и сражаться за нас, пока ты будешь нам нужен, а взамен... мы принесем тебе солнце, луну и звезды. В твой дом.

Еще один заключенный, который полюбил свою камеру. Возможно, Бряксису и Костерезу нужно встретиться. Древний бог смерти и олицетворенные кошмары. Картина, ужасная, но все же очаровательная, начала проникать глубоко в мои мысли.

Я держала осанку настолько обычно, насколько могла, пока тьма кружилась вокруг меня, скользя между мной и Амрен, и прошептала в мое ухо, *Это сделка.*

Этот час я провела с пользой. Когда мы все снова собрались в фойе городского дома, чтобы рассеяться в иллирийский лагерь, я уже переделалась в свои боевые кожи, а моя новая татуировка была скрыта под одеждой.

Никто не спрашивал меня, куда я ходила. Хотя Мор осмотрела меня и сказала:

— Где Амрен?

— Все еще работает над Книгой, — ответила я прямо тогда, когда Рис рассеялся в городской дом.

Не ложь. Амрен останется здесь — пока она не понадобится нам на полях битвы.

Рис наклонил голову.

— И что она ищет? Стена пала.

— Что-нибудь, — сказала я. — Другой способ аннулировать силу Котла, который не включает в себя вытекание внутренностей моей головы через нос.

Рис съехался и открыл рот, чтобы возразить, но я прервала его.

— Должен быть другой способ — Амрен думает, что там *должен быть* другой путь. Не помешает поискать. И она может найти какое-нибудь заклинание, которое могло бы остановить короля.

И когда Амрен не сделает этого... она снесет те сложные защитные заклинания, которые удерживают Бряксиса под библиотекой — которые будут разорваны только тогда, когда я призову Бряксиса. Только тогда, когда войска Хайберна будут перед нами. Если я не смогу заполучить Уроборос для Костереза... то Бряксис лучше, чем ничего.

Я не была полностью уверена, почему не рассказала об этом другим.

Глаза Риса вспыхнули, борясь с мыслями о том, какую роль по отношению к Котлу мне потребуется исполнить, следуя этому другому пути, но он кивнул.

Я переплела наши пальцы, и он сжал мою руку.

Позади меня Мор взяла Нэсту и Кассиана за руки, готовясь рассеять их в лагерь, пока тени кружились вокруг Азриэля, а Элейн стояла возле него, широко раскрыв глаза от демонстрации силы мастера шпионов.

Но мы колебались — все мы. И я позволила себе в последний раз впитать в себя все это: мебель, дерево и солнечный свет. Прислушаться к звукам Велариса: смеху детей на улицах, песням чаек.

Я знала, что мои друзья тоже делали это. Рис прочистил горло и кивнул Мор. Потом она исчезла, как и Кассиан с Нэстой, которых она взяла с собой. Затем Азриэль осторожно взял Элейн за руку, будто боясь, что его шрамы причинят ей боль.

Оставшись наедине с Рисом, я наслаждалась мягким солнечным светом, проникающим из окон входной двери. Вдыхала запах хлеба, который Нуала и Керридвен испекли утром с Элейн.

— Существо в библиотеке, — пробормотала я. — Его зовут Бряксис.

Рис выгнул бровь.

— Оу?

— Я предложила ему сделку. Чтобы он сражался за нас.

Звезды заплясали в его фиолетовых глазах.

— И что сказал Бряксис?

— Только то, что ему нужно окно — чтобы видеть звезды, луну и солнце.

— Ты же объяснила ему, что нам нужно, чтобы он убивал только наших врагов?

Я толкнула его бедром.

— Библиотека — его дом. Он хочет лишь внести некоторые изменения.

Губы Риса расплзлись в кривой улыбочке.

— Что ж, полагаю, что теперь мне придется по-новому оформить собственный дом, чтобы соответствовать великолепию Тэсана, так что могу также добавить ко всему прочему и окно для бедняжки.

На этот раз я толкнула его локтем по ребрам. Он все еще был в своем наряде со встречи. Рис рассмеялся.

— Итак, наше войско немного выросло. Бедный Кассиан никогда не отойдет от вида своего новобранца.

— Как и Хайберн, если повезет.

— А Костерез?

— Он может сгнить там. У меня нет времени на его игры. Бряксиса будет достаточно.

Рис посмотрел на мою руку, будто мог видеть новую, вторую полосу под первой. Он поднял наши соединенные руки и поцеловал тыльную сторону моей ладони.

Мы снова молча посмотрели на городской дом, вбирая в себя мельчайшие детали, тишину, которая теперь была как слой пыли в нем.

Рис тихо сказал:

— Интересно, увидим ли мы его снова.

Я знала, что он говорит не только о доме. Но я привстала на носочки и поцеловала его в щеку.

— Увидим, — пообещала я, когда темный ветер начал переносить нас в иллирийский военный лагерь.

Я прижалась к нему и добавила:

— Мы увидим все снова.

И, когда этот поцелованный ночью ветер уносил нас, уносил на войну, уносил к бесчисленным опасностям... Я молилась, чтобы мое обещание исполнилось.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВЫСШАЯ ЛЕДИ

Даже в разгар лета в иллирийском лагере было сыро. Прохладно. Здесь бывают действительно прекрасные дни, заверил меня Рис, когда мы рассеялись и я нахмурилась, но сейчас, когда собраны войска, в любом случае лучше, чтоб было прохладнее. От жары все становятся раздражительными. Особенно, когда слишком жарко, чтобы сон был комфортным. И с учетом того, что иллирийцы и так довольно вспыльчивы... Облачность и ветер с туманом были благословением.

Но даже благоприятной погоды не было достаточно, чтобы собравшиеся воины выглядели обходительнее.

Я узнала лишь одного мускулистого иллирийца в полном обмундировании, который ждал нас. Лорд Девлон. На его лице все так же была презрительная усмешка — хотя от него не исходило откровенное презрение, как от нескольких других иллирийцев. Как у Азриэля и Кассиана, у них были темные волосы, а цвет глаз варьировался от светло-коричневого до карего. И, как и у моих друзей, их кожа была богатыми оттенками золотисто-коричневого цвета, у некоторых кожа была испещрена белыми рубцами от ран различной степени тяжести.

Но, в отличие от моих друзей, на их руках было лишь по одному или два Сифона. От этого семь Сифонов Азриэля и Кассиана казались почти вульгарными.

Но собравшиеся мужчины только посмотрели на Риса, будто двое иллирийцев, стоящих за ним, были всего лишь деревьями. Мы с Мор оставались возле Нэсты, которая переделалась в темно-синее удобное платье и теперь осматривала лагерь, крылатых воинов, огромное войско, собравшееся в лагере вокруг нас...

Элейн мы наполовину прикрыли своими телами. Учитывая отсталые взгляды иллирийцев на женщин, я предложила нам буквально оставаться на шаг позади остальных на этой встрече. В легионе было всего несколько женщин-воительниц... Сейчас не подходящее время, чтобы испытывать толерантность иллирийцев. Позже — позже, если мы выиграем эту войну. Если мы выживем.

Девлон заговорил:

— Значит, это правда. Стена пала.

— Временно, — пропел Рис.

На нем все еще были камзол и штаны, в которых был на встрече с Высшими Лордами. По каким-то причинам он не надел иллирийские кожи. И скрыл крылья.

Это потому, что они уже знают, что я тренировался с ними, что я — один из них. Им нужно напоминать, что я также и их Высший Лорд. И у меня нет никакого желания ослаблять свою власть среди них.

Слова были шелком, покрывающим царапины от когтей на моих ментальных щитах.

Рис начал раздавать не терпящие возражений холодные приказы о предстоящем передвижении на юг. Голосом Высшего Лорда — голосом воина, который сражался на Войне и не собирается проигрывать на предстоящих сражениях. Кассиан часто отдавал свои собственные приказы и пояснял некоторые вещи.

Азриэль — Азриэль просто смотрел на них всех. Он не хотел приходить в лагерь и несколько месяцев назад. Ему не нравилось снова быть здесь. Он ненавидел этих людей и свое наследие.

Остальные лорды продолжали поглядывать на Говорящего с тенями со страхом, яростью и отвращением. Он лишь смотрел убийственным взглядом на них в ответ.

Они все продолжали говорить, пока Девлон не посмотрел за плечо Риса — туда, где стояли мы. Нахмурившись, он посмотрел на Мор. Неодобрительно посмотрел на меня — и разумно решил сдержаться. А потом он заметил Нэсту.

— Что *это*? — спросил Девлон.

Нэста только пристально посмотрела на него, одной рукой фиксируя края своего серого плаща на груди. Один из других лордов лагеря сделал какой-то жест, изгоняющий зло.

— *Это*, — сказал Кассиан слишком тихо, — не ваше дело.

— Она ведьма.

Я открыла было рот, но Нэста решительно сказала:

— Да.

И я увидела, как девять взрослых, бывалых иллирийских военачальников вздрогнули.

— Иногда она может совершать поступки, присущие ведьмам, — пояснил Кассиан, — но нет, она — Высшая Фэ.

— Она Высшая Фэ не больше, чем мы, — возразил Девлон.

Пауза слишком затянулась. Даже Рис, казалось, потерял дар речи. Девлон был недовольным, когда мы впервые встретились, потому что я и Амрен были *Другими*. Будто он мог чувствовать такие вещи. Девлон пробормотал:

— Держите ее подальше от женщин и детей.

Я сжала свободную руку Нэсты в молчаливом предупреждении, чтобы она сохраняла спокойствие.

Мор фыркнула, отчего иллирийцы застыли. Но она извернулась, закрывая собой Элейн. Элейн только мигала, смотря с широко раскрытыми глазами на лагерь. На войска.

Девлон вздрогнул, увидев ее. Но Элейн обернулась в свой голубой плащ, отводя взгляд от этих высоких, мускулистых воинов, от военного лагеря, раскинувшегося до горизонта... Она была розой, цветущей посреди поля, покрытого грязью. На котором скакали лошади.

— Не бойся их, — сказала Нэста, слегка опустив голову.

Если Элейн была цветущим цветком в этом военном лагере, то Нэста... она была только что выкованным мечом, который только и ждет, чтобы пустить кровь.

Отведи их в нашу военную палатку, молча сказал мне Рис. Девлон действительно может выйти из себя, если будет находиться в обществе Нэсты еще хотя бы минуту.

Я бы хорошо заплатила, чтобы увидеть это.

Как и я.

Я скрыла улыбку.

— Давайте найдем теплые напитки, — сказала я своим сестрам, предлагая Мор присоединиться к нам.

Мы направились к самой большой палатке в лагере, над которой было черное знамя с горой и тремя серебряными звездами над ее вершиной. Воины и женщины, трудящиеся вокруг костров, молча следили за нами. Нэста смотрела на них в ответ. Элейн была сосредоточена на сухом, скалистом грунте.

Интерьер палатки был простым, но роскошным: низкую деревянную платформу, на

которой была установлена палатка, покрывали толстые ковры; по всей палатке были расставлены факелы с фейским светом, стулья и несколько кушеток были покрыты толстыми мехами. Массивный стол с несколькими стульями занимали половину основного пространства. И за занавеской в конце палатки... полагаю, там была наша кровать.

Мор плюхнулась на ближайшую кушетку.

— Добро пожаловать в иллирийский военный лагерь, леди. Постарайтесь держать себя в руках.

Нэста подошла к столу, на котором лежали карты.

— В чем разница, — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь, — между фейри и ведьмой?

— Ведьмы черпают силы не из своего личного резерва, — внезапно серьезно ответила Мор. — Они используют заклинания и древние предметы, чтобы получить больше силы, чем им предоставил Котел — и используют ее по своему усмотрению, совершая как хорошие, так и плохие поступки.

Элейн, откинув голову, молча осмотрела палатку. Ее золотисто-коричневые волосы колыхались от ее движений, а фейский свет танцевал на ее шелковых прядях. Половину волос она подняла, чтобы прическа скрывала ее уши, если чары спадут с нее в поместье Грейсона. Магия Тамлина не сработала на Нэсте — возможно и у Грейсона и его отца есть иммунитет к подобным вещам.

Наконец Элейн опустилась на стул рядом с Мор, ее нежно-розовое платье — красивее, чем ее обычные наряды — струилось за ней.

— Многие... многие из этих воинов умрут?

Я съежилась, но Нэста ответила:

— Да.

Я почти слышала слова, которые Нэста решила на произносить. *Хотя твой мэйт может умереть раньше них.*

Мор сказала:

— Когда будешь готова, Элейн, сообщи, и я зачарую тебя.

— Будет больно? — спросила Элейн.

— Когда Тамлин зачаровывал твои воспоминания, тебе не было больно, — сказала Нэста, прислонившись к столу.

Мор тихо сказала:

— Нет. Может... покалывать. Просто действуй так, будто ты все еще человек.

— Но я и сейчас веду себя так.

Элейн начала выкручивать свои тонкие пальцы.

— Да, — сказала я, — но... постарайся держать пророчества... при себе. Пока мы будем там.

Я поспешно добавила:

— Только если это не то, что ты не можешь сделать...

— Я могу, — сказала Элейн, расправляя свои худые плечи. — Я смогу.

Мор улыбнулась.

— Сделай глубокий вдох.

Элейн подчинилась. Я моргнула, и все уже было сделано.

Исчез слабый свет бессмертия; ее лицо слегка заострилось. Исчезли заостренные уши, изящество. Приглушились. Она стала однообразной — в той степени, в которой кто-то столь же красивый, как Элейн, мог быть однообразным. Даже ее волосы, казалось, потеряли свой блеск, золотой отлив стал медным, а коричневый — мышинным.

Элейн смотрела на свои руки, поворачивая их в разные стороны.

— Я и не представляла... какими обычными они выглядели.

— Ты все еще очаровательна, — мягко сказала Мор.

Элейн слегка улыбнулась.

— Полагаю, что из-за войны желание таких вещей становится несущественным.

На секунду Мор притихла.

— Возможно. Но ты не должна позволять войне украсть твою красоту у тебя, несмотря ни на что.

Ладонь Элейн была липкой в моей руке, когда Рис рассеял нас прямо в человеческие земли. Мор взяла Азриэля и Нэсту. И, хотя ее лицо было спокойным, когда мы оказались под жарой и солнечным светом разгара лета смертных, ее хватка на моей руке была такой же крепкой, как железное кольцо вокруг ее пальца.

Жара со всей своей тяжестью налегла на местность вокруг поместья, перед которым мы теперь стояли — каменная сторожевая вышка была единственным проходом, который я видела.

Единственный проход в возвышающейся каменной стене возвышался над нами, огромный, как какой-то гигантский зверь, такой высокий, что мне пришлось запрокинуть шею, чтобы увидеть острие, выступающее из его вершины.

Стража у толстых железных ворот...

Рис засунул руки в карманы. Щит вокруг нас уже был выставлен. Мор и Азриэль заняли оборонительные позиции по обе стороны от нас.

У этих ворот было двенадцать стражников. Все вооруженные, плотные шлемы, которые, несмотря на жару, были на них, скрывали их лица. Их тела, вплоть до сапог, тоже были скрыты под позолоченной броней.

Любой из нас мог прикончить их, даже не поднимая руки. И стена, которую они охраняли, ворота, у которых они несли пост... Не думаю, что они долго протянут.

Но... если мы наложим сюда защитные заклинания, а может даже и разместили тут бастион воинов Фэ... Через раскрытые ворота я разглядела обширные земли — поля, пастбища, рощи и озеро... И за ним... надежная громоздкая крепость из темно-коричневого камня.

Нэста была права. Это место похоже на тюрьму. Его лорд подготовился, чтобы переждать бурю внутри, король этих ресурсов. Но здесь было место. Много места для людей.

И та, которая должна была стать хозяйкой этой тюрьмы... Задрав голову, Элейн сказала страже, которая направила стрелы прямо на ее тонкое горло:

— Скажите Грейсену, что его невеста пришла к нему. Скажите ему... скажите ему, что Элейн Арчерон просит убежища.

Мы ждали за воротами, пока стражник оседлал лошадь и ускакал по длинной пыльной дороге к самой крепости. Громадное здание окружала вторая стена. С нашим зрением Фэ, мы смогли увидеть, как открываются *эти* ворота, а потом и другие.

— Как ты вообще с ним *познакомилась*, — прошептала я Элейн, пока мы стояли в тени дубов за воротами, — если он заперся здесь?

Элейн все смотрела и смотрела на далекую крепость.

— На бале — который устроил его отец.

— Я бывала на похоронах, которые были куда оживленнее, — пробормотала Нэста.

Элейн посмотрела на нее.

— Этому дому уже давно нужно прикосновение женской руки.

Никто из нас не сказал, что она вряд ли станет таковой.

Азриэль сохранял дистанцию в несколько шагов, словно тень одного из дубов. Но Мор и Рис... они следили за всем. За стражей, чей страх... его соленый, потный привкус щекотал нервы.

Но они были непоколебимы. И продолжали держать стрелы с наконечниками из ясеня наведенными на нас.

Прошло много времени. Затем, наконец, на далеких воротах крепости подняли желтый флаг. Мы подготовились.

Но один из стражников, стоящих перед нами, хмыкнул:

— Он сам выйдет к вам.

Нам не позволили зайти внутрь. Чтобы мы не увидели их защитные сооружения, ресурсы, которыми они обладали.

Сторожевая вышка была так далеко от крепости, чтобы мы смогли увидеть лишь то, что они нам позволяли.

Они провели нас внутрь, и, хотя мы пытались свести свою необычность к минимуму... Гончие, привязанные к стенам, зарычали. Довольно злобно, отчего стражникам даже пришлось увести их.

Главная комната сторожевой вышки была тесной и душной, особенно когда мы все вошли в нее, и, хотя я предлагала Элейн место перед закрытым окном, она решила стоять — перед всей нашей группой. Смотря на закрытую железную дверь.

Я знала, что Рис прислушивается к каждому слову, сказанному стражниками снаружи, а щупальца его силы высматривали любое изменение их намерений. Я сомневалась, что камень и железо здания смогут удержать любого из нас, и уж точно не тогда, когда мы все вместе, но... Позволяя им запереть нас здесь, оставив ожидать... Это поколебало мое хладнокровие. Заставило меня стать беспокойной, а мое тело покрыться холодным потом. Слишком маленькое пространство, слишком мало воздуха —

Все в порядке, успокаивал меня Рис. Это место не сможет тебя удержать.

Я кивнула, хотя он ничего не сказал, пытаюсь подавить ощущение давления стен и потолка на меня.

Нэста внимательно наблюдала за мной. Я призналась ей:

— Иногда... у меня бывают проблемы с маленькими пространствами.

Нэста долго смотрела на меня. И потом так же тихо сказала, хотя ее слышали все:

— Я больше не могу залезть в ванную. Мне приходится использовать ведра.

Я не знала — даже не задумывалась, что купание, погружение в воду...

Я знала, что мне лучше не брать ее за руку. Но я сказала:

— Когда вернемся домой, мы установим что-нибудь другое для тебя.

Могла поклясться, что в ее глазах мелькнула благодарность — что она хотела сказать что-то еще, но к нам приблизились лошади.

— Две дюжины стражников, — прошептал Азриэль Рису, а затем посмотрел на Элейн. — И Лорд Грейсен со своим отцом, Лордом Ноланом.

Элейн застыла, словно лань, когда слышались приближающиеся шаги. Я поймала взгляд Нэсты и увидела понимание в ее глазах, а затем кивнула.

Любая попытка навредить Элейн... Не важно, что я там наобещала своей сестре. Я бы позволила Нэсте разорвать их. Действительно, пальцы моей старшей сестры согнулись — будто на них появились невидимые когти.

Но тут распахнулась дверь, и —

Запыхающийся молодой человек выглядел так... по-человечески.

Красивый, с каштановыми волосами, голубыми глазами, но... как человек. Хорошо сложенный под легкой броней, высокий — возможно, смертный идеал рыцаря, который закинет красивую даму на свою лошадь и отправится с ней в закат.

Он так отличается от дикой силы иллирийцев, утонченной смертоносности Мор и Амрен. От моего собственного царпанья и кромсания — и от Нэсты.

Но, когда Элейн увидела Грейсена, из нее вырвался приглушенный звук. Его дыхание сбилось, пока он осматривал ее с ног до головы. Он, пошатываясь, шагнул к ней —

Широкая, покрытая шрамами рука схватила Грейсена за заднюю часть его доспехов, останавливая его.

Человек, который удержал молодого лорда, полностью зашел в тесную комнату.

Высокий и худощавый, с ястребиным носом и серыми глазами...

— Что это все значит.

Мы все уставились на него из-под нахмуренных бровей.

Элейн трясло.

— Сир — Лорд Нолан...

Слова покинули ее, когда она снова взглянула на своего жениха, который ни на секунду не сводил с нее голубых глаз.

— Стена пала, — сказала Нэста, подходя к Элейн.

Грейсен посмотрел на Нэсту. На его лице отразилось изумление: уши, красота... неземная сила, которая исходила от нее.

— Как, — сказал он низким, хриплым голосом.

— Меня похитили, — холодно ответила Нэста, и в ее глазах не промелькнул страх. — Меня забрали воины, которые вторглись на эти земли, и увели меня против моей воли.

— Как, — повторил Нолан.

— У них есть Котел — оружие. Он дает своему владельцу силу, с помощью которой можно... делать такие вещи. На мне ее тестировали.

Потом Нэста резко и кратко рассказала им о королевах, о Хайберне, и почему пала

стена.

Когда она закончила, Лорд Нолан лишь спросил:

— И кто ваши спутники?

Это была игра — и мы знали, что так и есть. Чтобы мы раскрыли, кто мы такие, хотя мы хорошо знали, в какой ужас их приводят *все* Фэ, не говоря уже о Высших Лордах...

Но я шагнула вперед.

— Меня зовут Фейра Арчерон. Это Рисанд, мой... муж, — я сомневалась, что они хорошо поймут значение слово *мейт*.

Рис подошел ко мне. Некоторые стражники переместились и зашептались в ужасе. Некоторые задрожали, когда Рис поднял руку — указывая за свою спину.

— Наша третья в команде, Морриган. И наш главный шпион, Азриэль.

Лорд Нолан, к его чести, не побледнел. В отличие от Грейсена, хотя тот твердо стоял на ногах.

— Элейн, — выдохнул Грейсен. — Элейн — почему ты с ними?

— Потому что она наша сестра, — ответила Нэста, а ее ногти все еще венчали невидимые когти. — И во время этой войны для нее нет места безопаснее, чем возле нас.

Элейн прошептала:

— Грейсен — мы пришли, чтобы просить тебя... — она умоляюще посмотрела на его отца. — Вас... Открыть ворота поместья для всех нуждающихся. Для их семей. Теперь, когда стена пала... Мы — они верят... Что на эвакуацию не хватит времени. Королевы не отправят помощь с континента. Но здесь — здесь у них может появиться шанс.

Никто из них не ответил, хотя теперь Грейсен смотрел на обручальное кольцо Элейн. В его голубых глазах появилась боль.

— Я бы поверил тебе, — тихо сказал он, — если бы ты не лгала мне с каждым вдохом.

Элейн заморгала.

— Я... я не...

— Неужели ты думала, — сказал Лорд Нолан, и мы с Нэстой заслонили Элейн, когда он шагнул к нам, — что можешь приходить в мой дом и обманывать своей фейской магией?

Рис сказал:

— Нам все равно, во что вы верите. Мы пришли лишь для того, чтобы попросить о помощи для тех, кто не может защитить себя.

— И какая в этом выгода? Чем вы рискуете?

— У вас есть оружие из ясеня, — сказала я. — Думаю, очевидно, какому риску мы подвергаемся.

— И твоя сестра тоже, — выплюнул Нолан. — Не забывай учитывать и ее.

— Любое оружие может навредить смертному, — мягко сказала Мор.

— Но ведь она не смертная? — ухмыльнулся Нолан. — Нет, надежные источники сообщили мне, что сначала Элейн Арчерон превратили в Фэ. И теперь ее *мейтом* стал сын Высшего Лорда.

— И кто именно сказал вам такое? — спросил Рис, выгибая бровь, не показывая ни гнева, ни удивления.

Послышались шаги.

Но мы все потянулись к оружию, когда Юриан зашел в сторожевую вышку и сказал:

— Я.

Юриан поднял свои загорелые руки, его ладони и пальцы были усеяны новыми мозолями. Новыми — потому что ему пришлось все эти месяцы тренировать свое переделанное тело, заново овладевая оружием.

— Я пришел один, — сказал Юриан. — Можете перестать рычать.

Элейн начало трясти — либо от разоблачения, либо от воспоминаний, которые всплыли при виде Юриана в ее голове, в голове Нэсты. Юриан склонил голову, смотря на моих сестер.

— Леди.

— Они не леди, — усмехнулся Лорд Нолан.

— Отец, — предупредил Грейсен.

Нолан проигнорировал его.

— По прибытию Юриан объяснил нам, что с тобой сделали — что сделали с вами *обеими*. Что хотят королевы континента.

— И что же? — спросил Рис, его голос был обманчиво проникновенным.

— Силу. Молодость, — пожал плечами Юриан. — Обычные вещи.

— Почему ты *здесь*? — потребовала я.

Убить его — мы должны *сейчас же* убить его, прежде чем он сможет причинить еще больший вред, убить его за тот стержень, которым он пронзил грудь Азриэля, за угрозы Мириам и Дрейкону, из-за которых, возможно, они исчезли и оставили нас сражаться в этой войне в одиночку...

— Королевы — змеи, — сказал Юриан, прислоняясь к краю стола у стены. — Они заслуживают безжалостной смерти за свое предательство. Мне было несложно следовать поручению Хайберна, когда он послал меня уговорить их присоединиться к нам. Лишь одна из них была достаточно благородной, чтобы играть в такие игры — зная, что мы вляпались в дерьмо, она обыграла ситуацию наилучшим образом. Но когда она помогла вам, остальные узнали об этом. И передали ее Аттору.

Глаза Юриана ярко заблестели — не безумием, поняла я.

Но ясностью.

И я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног, когда Юриан сказал:

— Он воскресил меня, чтобы я перешел на его сторону, веря, что я сошел с ума за те пятьсот лет, что Амаранта держала меня пойманным. Так что я переродился и обнаружил, что окружен своими старыми врагами — лицами, которые когда-то собирался убить. Я обнаружил, что нахожусь не на той стороне от стены, где человеческие королевства почти начали разрушаться.

Юриан посмотрел прямо на Мор, чей рот был сжат в тонкую линию.

— Ты была моим другом, — сказал он напряженно. — Мы сражались спиной к спине на некоторых битвах. И все же ты поверила мне с первого взгляда — поверила, что я вообще мог позволить им *сделать такое* с собой.

— Ты сошел с ума из-за... из-за Клитии. Это было *безумство*. Оно разрушило тебя.

— И я был рад сделать это, — прорычал Юриан. — Я был рад сделать это, если бы таким образом мы заполучили шанс на той войне. Меня не волновало, что станет со мной, что во мне сломается. Если бы из-за этого мы могли *освободиться*. И у меня было пятьсот лет, чтобы подумать об этом. Пока я был пленником своего врага. Пятьсот лет, Мор.

То, как он произнес ее имя, так знающе и интимно —

— Ты достаточно убедительно сыграл злодея, Юриан, — промурлыкал Рис.

Юриан повернулся к Рису.

— Ты должен был посмотреть. Я ждал, что ты *заглянешь* в мой разум, чтобы увидеть правду. Почему ты этого не сделал?

Рис долго молчал. Затем он тихо сказал:

— Потому что я не хотел видеть ее.

Видеть даже малейший след Амаранты.

— Ты хочешь сказать, — настаивала Мор, — что все это время ты действовал, чтобы помочь *нам*?

— Где еще придумывать способы убийства своего врага, узнавать его слабости, как не возле его самого?

Мы молчали, Лорд Грейсен и его отец наблюдали — или только его отец. Грейсен и Элейн просто уставились друг на друга.

— А как же одержимость поисками Мириам и Дрейкона? — спросила Мор.

— Это было тем, что от меня ожидали. Что ожидал Хайберн. И если он выполнит обязательство найти их... у Дрейкона есть легион, который способен изменить ход сражений. Вот почему я сотрудничал с ним на Войне. Не сомневаюсь, что Дрейкон все еще держит их в состоянии боевой готовности. К этому времени он уже должен был услышать новости. Особенно о том, что я ищу их.

Предупреждение. Единственный способ, которым Юриан смог послать его — делая из себя охотника.

Я сказала Юриану:

— Ты не хочешь убить Мириам и Дрейкона.

В глазах Юриана была предельная честность, когда он качнул головой.

— Нет, — грубо сказал он. — Я хочу просить их о прощении.

Я посмотрела на Мор. Но слезы затуманили ее взор, и она яростно сморгнула их.

— Мириам и Дрейкон исчезли, — сказал Рис. — И их люди тоже.

— Тогда найдите их, — сказал Юриан, а потом указал подбородком на Азриэля. — Пошли говорящего с тенями, пошли того, кому доверяешь, но *найди* их.

Тишина.

— Загляни в мой разум, — сказал Юриан Рису. — Загляни и сам посмотри.

— Почему сейчас? — спросил Рис. — Почему здесь?

Юриан удержал его взгляд.

— Потому что стена пала, и теперь я могу свободно перемещаться — чтобы предупредить здешних людей. Потому что... — он глубоко вздохнул. — Потому что Тамлин побежал прямо к Хайберну после того, как ваша встреча закончилась тем утром. Прямо в их лагерь на территории Весеннего Двора, где Хайберн теперь планирует завтрашнее наземное нападение на Летний Двор.

Юриан нам не враг.

Я не могла осмыслить это. Даже когда мы с Рисом *оба* заглянули в его разум.

Я недолго там пробыла.

Боль, чувство вины и ярость, то, что он видел и вытерпел...

Но Юриан говорил правду. Обнажил себя перед нами.

Он знал место, которое они планировали атаковать. Где, когда и численность воинов.

Азриэль исчез, даже не взглянув на нас — чтобы предупредить Кассиана и переместить легион.

Юриан сказал Мор:

— Они не убили шестую королеву. Вассу. Она видела меня насквозь — или мне так показалось — с самого начала. И предупредила их. Сказала им, что мое перерождение — плохой знак, и уговаривала объединить их армии, чтобы раздавить угрозу в зародыше. Но Васса была слишком дерзкой, слишком молодой. Она не играла в игры, как золотая королева, Деметра. Не видела похоти в их глазах, когда я рассказывал о силах Котла. Не знала, что с того момента, как я расставил сети из лжи Хайберна... они стали ей врагами. Они не могли убить Вассу — следующая в очереди на трон была куда более упрямой. Так что они нашли старого бога смерти за стеной, которому нравилось порабощать молодых девушек. Он проклял ее и забрал к себе... А весь мир верит, что все эти месяцы она болеет.

— Мы знаем, — сказала Мор, и никто из нас не осмелился посмотреть на Элейн. — Мы изучали этот вопрос.

И даже теперь, когда перед нами была голая правда... никто из нас не сказал, что Люсьен ушел за ней.

Хотя Элейн, похоже, вспомнила. Кто охотится на эту пропавшую королеву. И сказала Грейсену, застывшему и убитому горем:

— Я не собиралась обманывать тебя.

Его отец ответил:

— Трудно поверить в это.

Грейсен сглотнул.

— Ты думала, что можешь вернуться сюда — жить со мной в этой... лжи?

— Нет. Да. Я — я не знаю, чего я хотела —

— И ты связана с каким-то... мужчиной Фэ. Сыном Высшего Лорда.

Вообще-то, наследником другого Высшего Лорда, хотела я сказать.

— Его зовут Люсьен.

Я не была уверена, что когда-либо слышала, как она произносит его имя.

— Мне все равно, как его зовут.

Это были первые резкие слова от Грейсена.

— Он твой *мейт*. Ты вообще знаешь, что это означает?

— Это *ничего* не значит, — сказала Элейн ломающимся голосом. — Это *ничего* не значит. Меня не волнует, кто это решает или почему они —

— Ты принадлежишь ему.

— Я никому не принадлежу. Но мое сердце принадлежит тебе.

Лицо Грейсена ожесточилось.

— Я не хочу его.

Лучше бы он ударил ее, чем наносил словами такую глубокую рану. И видя, как она сжимается...

Я шагнула вперед, притягивая ее к себе.

— Вот как поступим. Вы примете столько людей, сколько сможете. Мы наложим на ваши стены защитные заклинания.

— Они нам не нужны, — ухмыльнулся Нолан.

— Мне продемонстрировать вам, — сказала я, — как вы ошибаетесь? Или ты прислушаешься к тому, что я могу разнести эти стены, только подумав об этом? И это не говоря уже о моих друзьях. После такого, Лорд Нолан, вы *захотите* наши защитные заклинания и нашу помощь. В обмен на пристанище для людей, которые нуждаются в безопасности.

— Мне не нужны здесь отбросы общества.

— Значит, только богатые и избранные смогут пройти через ворота? — спросил Рис, выгибая бровь. — Что-то я не представляю себе аристократов, которые будут здесь содержаться за счет работы на твоих землях, ловли рыбы в твоём озере и разделывания мяса.

— У нас здесь достаточно работников для этих дел.

Это происходило снова. Другая битва с твердолобыми людьми, полными ненависти...

Но Юриан сказал лордам:

— Я сражался рядом с вашим предком. И ему было бы стыдно, если бы вы закрыли ворота для тех, кто нуждается в помощи. Сделав это, вы плюете на его могилу. Хайберн доверяет мне. Одно мое слово, и я прослежу, что его легион наведется сюда. К вам.

— Ты хочешь защитить нас от врага, которого угрожаешь привести сюда?

Юриан пожал плечами.

— Я также могу убедить Хайберна держаться подальше от этого места. В этом он мне доверяет. Ты впускаешь всех людей... а я стараюсь изо всех сил держать его воинов подальше.

Он посмотрел на Риса, проверяя, сомневается ли тот в его словах.

Все мы всё еще были ошеломлены, чтобы даже пытаться выглядеть безучастно.

Но потом Нолан сказал:

— Я меня нет большой армии. Лишь значимое подразделение воинов. Если ты говоришь правду... — он посмотрел на Грейсена. — Мы примем их. Всех, кто придет.

Что-то я сомневалась, что старого лорда можно легко уговорить.

Особенно когда Грейсен сказал Элейн:

— Сними кольцо.

Пальцы Элейн сжались в кулак.

— Нет.

Ужасно. Все это плохо закончится —

— Сними. Его.

Теперь уже Нолан зашептал предупреждения сыну. Грейсен проигнорировал его. Элейн не двигалась.

— *Сними его!* — его крик отразился от камней.

— Достаточно, — сказал Рис убийственно спокойным голосом. — Леди оставит

кольцо, если она так хочет. Хотя никто из нас особо не расстроится, если она его снимет. Женщины обычно предпочитают золото и серебро железу.

Грейсен негодуяще посмотрел на Риса.

— Это начало? Ваши *мужчины* Фэ будут забирать наших женщин? Разве вам не хватает своих для секса?

— Следи за речью, мальчик, — сказал его отец.

Элейн побледнела от его вульгарной ругани.

А Грейсен лишь сказал ей:

— Я не буду жениться на тебе. Наша помолвка разорвана. Я приму всех людей, которые придут. Но не тебя. *Никогда*.

Слезы начали стекать по лицу Элейн, наполняя комнату соленым запахом.

Нэста шагнула вперед. Потом сделала еще шаг. И еще.

Пока не оказалась рядом с Грейсеном, быстрее, чем кто-либо смог увидеть.

Пока Нэста не дала ему такую сильную пощечину, что у него повернулась голова.

— Ты никогда ее не заслуживал, — прорычала она в его ошеломленное лицо, пока Грейсен обхватил руками лицо и, согнувшись, выругался.

Нэста оглянулась на меня. В ее глазах была ярость, неприкрытая и горящая. Но, когда она заговорила, ее голос был ледяным:

— Полагаю, мы здесь закончили.

Я молча кивнула. С гордостью королевы Нэста взяла Элейн за руку и повела ее к выходу из сторожевой вышки. Мор пошла за ними, прикрывая их спины, потому что снаружи их ожидали наставленные на них клинки и рычащие гончие.

Два лорда тоже вышли, даже не попрощавшись.

Оставшись с нами наедине, Юриан сказал:

— Передайте говорящему с тенями, что я извиняюсь за стрелу, пущенную ему в грудь.

Рис покачал головой.

— И что дальше? Полагаю, ты не только предупреждаешь людей, чтобы они прятались или бежали.

Юриан оттолкнулся от стола.

— А дальше, Рисанд, я вернусь в военный лагерь Хайберна и сообщу ему, что мои поиски Мириам и Дрейкона не увенчались успехом. После этого я отправлюсь на континент и посею раздор между королевскими дворами. Чтобы некоторые *важные* вопросы всплыли на их повестках дня. Кого они действительно поддерживают. Чего они на самом деле хотят. Они будут заняты этими вопросами — слишком беспокоясь о собственных внутренних противоречиях, чтобы приплыть сюда. И когда это будет сделано... кто знает? Возможно, я присоединюсь к вам на поле битвы.

Рис потер брови большим и указательным пальцами, и пряди его волос упали вперед, когда он опустил голову.

— Я бы не поверил ни слову, если бы сам не заглянул тебе в голову.

Юриан похлопал рукой по дверной раме.

— Скажи Кассиану, чтобы завтра он наступал на левый фланг. Хайберн поставил туда необученных аристократов, чтобы разбавить свои войска — они избалованны и неопытны. Окружите их, и они испугаются. Нападите на них всеми силами, и быстро — не давайте им времени, чтобы они сплотились или нашли в себе мужество, — Юриан мрачно улыбнулся, смотря на меня. — Я еще не поздравил тебя с убийством Дагдана и Браннэ. Хорошо, что от

них избавились.

— Я сделала это для тех Детей Благословенных, — сказала я. — Не во имя славы.

— Я знаю, — сказал Юриан, поднимая брови. — Почему, по-твоему, я решил доверять тебе?

ГЛАВА

55

— Я слишком стара для таких сюрпризов, — усмехнулась Мор, когда мы были в военной палатке на северной границе Зимнего Двора, где иллирийская армия остановилась на ночь, а вокруг свистел горный ветер.

Иллирийцы летели весь день, а здесь было достаточно удаленное место, чтобы скрыть армию даже такого размера. По крайней мере, до завтра.

Мы предупредили Тарквина — и отправили сообщения Гелиону и Каллиасу, чтобы они присоединились к нам, если успеют сделать это вовремя. Потому что за час до рассвета иллирийский легион поднимется в небо и полетит на юг, к полю битвы. Прямо тогда, когда Кейр и его командиры рассеют легион Несущих Тьму из Ночного Двора.

И тогда начнется бойня. С обеих сторон.

Если слова Юриана окажутся правдой. Кассиан поперхнулся, когда мы передали ему совет Юриана о проведении боя. Как сказал Азриэль, это было куда мягче, чем его собственный ответ.

Я, сидя на краю застланного мехами шезлонга вместе с Мор, спросила ее:

— Ты и не подозревала, что Юриан может быть... хорошим?

Она сделала большой глоток вина и откинулась на подушки, лежавшие у изголовья шезлонга. Мои сестры были в другой палатке, не такой большой, но такой же роскошной, по бокам от нее находились палатки Кассиана и Азриэля, а перед ней была палатка Мор. Никто не сможет попасть к ним без ведома моих друзей. Даже если теперь Мор была рядом со мной.

— Я не знаю, — сказала она, накрывая ноги тяжелым шерстяным одеялом. — Я никогда не была близка с Юрианом так, как с другими, но... мы сражались вместе. Спасали друг друга. Я просто думала, что Амаранта сломала его.

— Часть его сломлена, — сказала я, содрогнувшись от воспоминаний, что я видела, от чувств.

Я потянула ее одеяло на себя, укрывая ноги до колен.

— Мы все сломлены, — сказала Мор. — По-своему — в местах, которые никто не видит.

Я наклонила голову, что задать ей вопрос, но она спросила:

— Элейн... в порядке?

— Нет, — сказала я.

Элейн была не в порядке.

Когда мы рассеялись сюда, она тихо плакала. И даже спустя несколько часов, когда сюда прибыла армия и начали разбивать лагерь. Она не сняла кольцо. Она только положила

его на кровать в своей палатке, укрытой мехами и одеялами, и смотрела в пустоту.

Все крупницы надежды, все продвижения... исчезли. Мне хотелось вернуться и раздробить каждую кость в теле Грейсена, но я сопротивлялась этому желанию — хотя бы потому, что это даст Нэсте право разойтись. И смерть от рук Нэсты... кажется, придется придумать новое слово для *убийства*, когда она закончит с Грейсеном.

Так что Элейн тихо плакала, слезы никак не прекращались, и мне казалось, что и ее сердце истекает кровью. От проблеска надежды, который растоптали сегодня. Что Грейсен все еще любит ее, все еще хочет жениться на ней — и что их любовь превосходит даже связь мейтов.

Была пересечена последняя граница — для ее жизни на человеческих землях.

Только наш отец, где бы он ни был, оставался своего рода связью с ними.

Мор что-то прочитала на моем лице и поставила вино на небольшой деревянный столик у шезлонга.

— Нам нужно поспать. Я даже не знаю, зачем я пью.

— Сегодняшний день был... неожиданным.

— Это куда сложнее, — сказала она со стоном, накрывая меня всем одеялом и поднимаясь на ноги. — Когда враги становятся друзьями. И, полагаю, что наоборот тоже. Что я не увидела? Что я упустила или недосмотрела? Это заставляет меня покопаться в *себе* больше, чем в них.

— Еще один подарок войны?

Она фыркнула, направляясь к выходу из палатки.

— Нет — жизни.

Этой ночью я почти не спала.

Рис не пришел в палатку — он даже ни разу не зашел.

Когда темнота только начала рассеиваться, я выскользнула из нашей кровати, следуя за зовом связи мейтов, как делала это в тот день в Подгорье.

Он стоял на скалистом выступе, местами покрытом льдом, наблюдая, как звезды одна за одной исчезают над все еще дремлющем лагере.

Я молча обняла его талию, и он переместил свои крылья, чтобы притянуть меня к своему боку.

— Сегодня умрет много воинов, — тихо сказал он.

— Я знаю.

— Никогда не становится легче, — прошептал он.

Он смотрел на звезды с напряженным лицом, и серебро мерцало в его глазах. Только здесь, только сейчас, он показывает эту печаль — это беспокойство и боль. Но он никогда не сделает этого перед своими воинами; никогда перед своими врагами.

Он глубоко вздохнул.

— Ты готова?

Я буду в задних линиях вместе с Мор, чтобы почувствовать битву. К движению, ужасу и построению. Мои сестры останутся здесь, пока там не будет достаточно безопасно, чтобы рассеять их туда. Если сначала все не покатится к чертям.

— Нет, — призналась я. — Но у меня нет другого выбора, кроме как быть готовой.

Рис поцеловал меня в макушку, и мы молча смотрели на исчезающие звезды.

— Я благодарен, — сказал он через некоторое время, когда под нами зашевелился лагерь. — Что ты рядом со мной. Я не знаю, говорил ли тебе это — как я благодарен, что ты со мной.

Я сморгнула слезы и взяла его за руку. И положила ее на свое сердце, позволяя ему почувствовать его биение, пока еще раз напоследок поцеловала его, пока последняя звезда исчезала, пока воины под нами окончательно проснулись, готовые к битве.

ГЛАВА

56

Юриан был прав.

Мы были в его голове, но все еще сомневались. Все еще задавались вопросом, не изменит ли Хайберн своего местоположения или не нападет ли в другом месте.

Но полчища армии Хайберна были именно там, куда указал Юриан.

И когда иллирийцы искали их, пока они переходили из Весеннего Двора в Летний... воины Хайберна определенно были шокированы.

Рис скрыл нашу армию — всех их. Капли пота стекали по его вискам от напряжения, от удерживания такого огромного количества воинов спрятанными, что, пока мы летели мило за милей, нас нельзя было увидеть, услышать или почуять. Мои крылья были недостаточно сильны — так что Мор рассеивала нас по небу, не отставая от остальных.

Но прибыли мы все вместе. И когда Рис убрал щит, показывая иллирийцев, истосковавшихся по битве, выстроенных в небе в аккуратные, четкие ряды... Когда он открыл легион Несущих Тьму Кейра, выстроенных на земле в ночной пелене и доспехах из стали, яркой как звезды... Трудно было скрыть самодовольство при виде их паники.

Но армия Хайберна... она простиралась далеко назад и в стороны. Чтобы сметать все на своем пути.

— *ЩИТЫ*, — взревел Кассиан в первых рядах.

Один за другим замерцали красные, синие и зеленые щиты иллирийцев, перекрывая друг друга как рыбы чешуйки. Перекрываясь, как единый металлический щит, который каждый из них носил на левой руке, закрывая их от щиколоток до плеч.

Внизу перед воинами Кейра вспыхнули темные щиты.

Мор рассеяла нас к холму, поросшему деревьями, с которого открывался вид на поле, где, как считал Кассиан, ссылаясь на данные, разведанные Азриэлем, лучше всего их разгромить. Здесь был склон, покрытый травой — что шло нам на пользу. Мы держались на возвышенности; узкая, мелководная река протекала не очень далеко от войска Хайберна. Успех в битве, как утром за быстрым завтраком сказал мне Кассиан, зависит не от численности армий, а от выбора поля битвы.

Кажется, армия Хайберна быстро осознала свое невыгодное положение.

Но иллирийцы уже приземлились рядом с воинами Кейра. Кассиан, Азриэль и Рис были в первых рядах, все были одеты в черную иллирийскую броню, вооруженные так же, как и другие крылатые воины: щит в левой руке, иллирийский меч в правой, набор кинжалов и шлем.

Только шлемы показывали, кем они были. В отличие от гладких куполообразных шлемов других воинов, у Риса, Азриэля и Кассиана были черные шлемы, а пластины, защищающие щеки, были сделаны в форме вороньих крыльев и тянулись вверх. Хотя бритвенно-острые вороньи крылья всего лишь выступали с обеих сторон шлема прямо над ушами, но... Эффект, производимый ими, был ужасающий. Особенно с двумя другими мечами, прикрепленных к их спинам, перчатками, полностью закрывающими их руки, и Сифонами, сверкающими на черной брони Кассиана и Азриэля.

Сила Риса распространялась вокруг него, готовая обрушиться на правый фланг, в то время как Кассиан нацелился на левый. Рис должен был сохранить свои силы — на тот случай, если появится король. Или, что еще хуже — Котел.

Эта армия, какой бы она не была огромной... не похоже, что здесь был король, чтобы возглавить ее. Или Тамлин. Или Юриан. Это просто предвестие вторжения армии, которая придет позже, но достаточно значительное, чтобы урон... Не сложно было разглядеть ущерб, причиненный армией, завитки дыма, виднеющиеся в безоблачном летнем небе.

Мы с Мор почти ничего не сказали за следующие несколько часов.

Пока мы смотрели, я была не способна сказать что-либо, связать даже несколько слов. Либо из-за нашего неожиданного появления, либо нам просто повезло, но нигде не было видно фэбейна. И я благодарила Мать за это.

Даже если бы сегодня утром каждый воин в нашем лагере подмешал противоядие Нуан в свою кашу, это никак бы *помешало* оружию, пропитанному фэбейном, разрушать щиты. Только приостановило бы утечку магии, если он попадет в их организм либо в виде этого треклятого порошка... либо через рану от оружия, пропитанного им. Нам очень повезло, что сегодня его не использовали.

Потому что видя эту резню, тонкую границу контроля... В первых рядах не было места для меня, там, где иллирийцы сражались, полагаясь на силу своих мечей, своей мощи, и доверяя людям, находящимся сбоку от них. Даже воины Кейра сражались как один — послушные и непоколебимые, нападающие со сталью и тенями. Я стала бы щелью в этой непроницаемой броне — и что Кассиан и иллирийцы учинили с Хайберном...

Кассиан атаковал левый фланг. Сифоны высвобождали взрывы его силы, которые иногда отскакивали от щитов, иногда находили свою цель и разрывали плоть и кости.

Но где были выставлены магические щиты Хайберна... Рис, Азриэль и Кассиан посылали взрывные волны своих сил, чтобы уничтожить их. Оставляя их уязвимыми для Сифонов — или чистой иллирийской стали. И если они не падали от этого... Кейр и его Несущие Тьму подчищали за ними. Целенаправленно. Хладнокровно.

Поле стало лужей грязи вперемешку с кровью. Тела мерцали на утреннем солнце, свет отражался от их доспехов. Воины Хайберна испугались неразрывных рядов иллирийцев, которые все отталкивали их назад. Это разрушало их.

И когда разбили левый фланг, когда аристократы пали, отвернулись от других или убежали... Остальные воины Хайберна тоже начали впадать в панику.

Там был один командир на лошади, который не сдался так легко. Который не развернулся и не поскакал к реке.

Кассиан выбрал его как своего противника.

Мор до боли сжала мою руку, когда Кассиан вышел из нерушимой передовой линии щитов и мечей, а воины возле него мгновенно закрыли созданную им щель. На шлеме и броне Кассиана были разбрызганы грязь и кровь.

Он заменил свой высокий щит на круглый, который был прикреплен к его спине, сделанный из того же черного металла.

И потом он побежал.

Могла бы поклясться, что даже Рис остановился на другом конце поля битвы, чтобы посмотреть, как Кассиан пробивается сквозь вражеских воинов, направляясь к тому командиру Хайберна. Который понял, кто именно идет за ним, и начал искать оружие получше.

Кассиан был рожден для этого — этих полей, этого хаоса, жестокости и расчета.

Он не останавливался, будто зная местоположение сражающихся противников как позади, так и впереди себя. Казалось, что он дышал сражениями вокруг себя. Он даже уронил свой щит из Сифонов — чтобы приблизиться к ним, чтобы *почувствовать* удары стрел, которые он принимал на свой черный щит. Если он врезался этим щитом в воина, его вторая рука уже замахивалась мечом на другого.

Я никогда не видела ничего подобного — таких искусности и точности. Это было похоже на танец.

Должно быть, я произнесла это вслух, потому что Мор ответила:

— Для него битва и является танцем. Симфонией.

Она не сводила глаз с танца смерти Кассиана.

Три воина были достаточно храбры или глупы, чтобы попытаться сразить его. Кассиан уложил их и убил за четыре маневра.

— Святая Мать, — выдохнула я.

Это был тот, кто меня тренировал. Вот почему Фэ дрожали от звуков его имени.

Почему высокопоставленные иллирийские воины были так завистливы, что хотели его смерти.

Но там был Кассиан, и между ним и тем командиром больше никого не было.

Командир нашел брошенное копье. И бросил его.

Быстро и уверенно, и мое сердце пропустило один удар, пока оно летело к Кассиану.

Его колени согнулись, крылья сложились сильнее, щит крутанулся —

Он принял копье в щит с таким звуком, что я могла его услышать, затем вырвал его и продолжил бежать.

Через мгновение Кассиан уже вкладывал в ножны на спине свой меч и закреплял на ней щит.

И я бы спросила, почему он так поступил, но он уже подобрал другое упавшее копье.

Уже швырнул его, всем своим телом устремившись за броском, движением таким идеальным, что я знала, что однажды точно его нарисую.

Казалось, что все замерли, пока оно летело.

Даже с расстояния копье Кассиана пронзило свою цель.

Оно прошло прямо через грудь командира с такой силой, что сбilo мужчину с лошади.

Но когда он закончил свое падение, Кассиан уже был там.

Его меч поймал солнечный свет, когда клинок поднялся и опустился.

Кассиан выбрал отличную цель. Теперь воины Хайберна бежали. Прямо развернулись и побежали к реке.

Но они обнаружили, что на противоположном берегу их ожидает армия Тарквина, прямо там, где Кассиан приказал им появиться.

Пойманные в ловушку с Несущими Тьму Кейра позади себя и двумя тысячами воинов

Тарквина на другом берегу узкой реки...

Еще сложнее было наблюдать за происходящим — этой бойней.

Мор сказала мне:

— Все кончено.

Солнце было высоко в небе, а температура увеличивалась с каждой минутой.

— Тебе не нужно на это смотреть, — добавила она.

Потому что некоторые воины Хайберна сдались. Стали на колени.

Поскольку это была территория Тарквина, Рис позволил ему решать, что делать с пленниками.

С расстояния я заметила Тарквина только из-за его доспехов — богаче украшенных, чем у Риса, но все же вселяющих ужас. Кажется, главной идеей были рыбы плавники и чешуя, и его лазурный плащ ниспадал в грязь перед ним, когда он перешагнул через тела павших, чтобы добраться до нескольких сотен выживших врагов.

Тарквин уставился на опускающихся на колени вражеских воинов, а шлем скрывал выражение его лица.

Неподалеку Рис, Кассиан и Азриэль наблюдали за ним, разговаривая с Кейром и иллирийскими полководцами. Я не видела большого количества крыльев среди павших на поле. К счастью.

Но Тарквин был беспощаден, махнув рукой.

Некоторые воины Хайберна начали выкрикивать мольбы о пощаде, их предложения продажи информации были слышны даже нам.

Тарквин указал на нескольких из них, и их утащили его воины. На допрос. И я сомневалась, что это будет приятно.

Но другие...

Тарквин протянул к ним руку.

Мне понадобилась секунда, чтобы осознать, почему воины Хайберна бьют и царапают самих себя, а некоторые даже пытались уползти. Но затем один из них рухнул, и его лицо поймало солнечный свет. И даже с расстояния я могла сказать, что с его губ стекала вода.

С губ всех воинов Хайберна, которых Тарквин утопил на суше.

Я не видела Риса и остальных несколько часов — пока он раздавал приказы о том, куда нужно переместить военный лагерь иллирийцев с границы Зимнего Двора на край поля боя. Так что мы с Мор рассеивались из лагеря в лагерь, когда начался перенос вещей. Мы забрали моих сестер, когда Рис превратил большинство тел в черную пыль. Остались кровь и грязь, но мы занимали слишком выгодную позицию, чтобы уйти — или тратить время на нахождение другого места.

По Элейн было видно, что ее это не тревожит. Казалось, что она даже не заметила, что мы рассеяли ее. Она просто вышла из своей палатки в объятия Мор, а потом зашла в такую же палатку, перестроенную в новом лагере.

Впрочем, Нэста... Я говорила ей, что все в порядке. Но когда мы рассеялись на поле боя... Она уставилась на кровавую, грязную равнину. На оружие, которое воины обоих дворов собирали с тел павших врагов.

Нэста прислушивалась к тихим перешептываниям иллирийских воинов о том, как Кассиан бросил то копье, как он срубал воинов, будто стебли пшеницы, как он сражался,

будто Эналиус — их древнейший Бог-воин и первый иллириец.

Кажется, они давно не видели Кассиана в открытом бою. Они поняли, что он был юн, когда сражался на Войне, и теперь... взгляды, которыми они смотрели на Кассиана... они были такими же, как у Высших Лордов, когда они увидели силу Риса. Такой же, как он, и все же Другой.

Нэста всматривалась и вслушивалась во все это, пока вокруг нас строился лагерь.

Она не спросила, куда до ее прибытия подевали тела погибших. Она полностью игнорировала лагерь Кейра и его Несущих Тьму, который они разбили рядом с нашим — воины в черных доспехах, которые насмешливо смотрели на нее, на меня, на иллирийцев. Нет, Нэста только убедилась, что Элейн дремлет в своей палатке, и потом помогала разрезать белье на бинты.

Именно это мы и делали до раннего вечера, пока Рис и Кассиан не подошли к нам, все еще в своей броне. Азриэля рядом с ними не было.

Рис присел на бревно рядом со мной с глухим стуком и тихо поцеловал меня в висок. Он него пахло металлом, кровью и потом.

Его шлем шлепнулся на землю у наших ног. Я молча подала ему кувшин с водой и хотела подать еще и стакан, но Рис просто поднял кувшин и начал пить прямо из него. Вода хлынула по бокам, стекая на черный металл, покрывающий его бедра, и когда он, наконец, опустил его, он выглядел... уставшим. В его глазах была усталость.

Но Нэста вскочила на ноги, глядя на Кассиана, на шлем, который он сунул под руку, оружие, все еще выглядывающее из-за его плеча, которое нуждалось в очистке. Его темные волосы были как сосульки от пота, его лицо было перемазано в грязи, даже в тех местах, где был шлем.

Но она посмотрела на его семь Сифонов, тусклых красных камней. И затем сказала:

— Ты ранен.

Это привлекло внимание Риса.

Лицо Кассиана было мрачным, а глаза безжизненными.

— Все в порядке.

Даже слова были пронизаны истощением.

Но она потянулась к его руке — руке, в которой был щит. Кассиан, казалось, колебался, но потом протянул ей руку, постучав по Сифону. Броня скользнула назад по его предплечью, открывая —

— Ты должен понимать, что лучше не разгуливать с такой раной, — немного напряженно сказал Рис.

— Я был занят, — сказал Кассиан, не сводя глаз с Нэсты, которая изучала его опухшее запястье.

Как она обнаружила его, хотя он был в доспехах... Должно быть, она поняла это по его взгляду, по его позе.

Я и не понимала, что она достаточно внимательно наблюдала за иллирийским генералом, чтобы изучить его повадки.

— И все заживет до утра, — добавил Кассиан, подначивая Риса возразить.

Но пальцы Нэсты мягко исследовали его золотисто-коричневую кожу, и он зашипел, стиснув зубы.

— Чем я могу помочь? — спросила она.

Ее волосы были собраны в тугий пучок еще до этого, и пока мы работали, подготавливая

и разнося медикаменты, от жары и влажности несколько прядей выбились из ее прически и завились около ее висков, ее затылка. От солнца ее щеки приобрели светлый оттенок, и ее руки, голые из-за подвернутых рукавов, были испачканы грязью.

Кассиан медленно сел на бревно, на котором она недавно сидела, тихонько застонав — будто даже это движение давалось ему с трудом.

— Обычно помогает лед, но перевязка закрепит руку в одном положении на достаточное время, чтобы растяжение уменьшилось —

Она потянулась к корзине с бинтами, которые она нарезала, а затем к кувшину, который стоял у ее ног.

Я слишком сильно устала, чтобы сделать что-то, так что просто наблюдала, как она моет его запястье, его руку, нежно касаясь его пальцами. Слишком устала, чтобы спросить, обладает ли она магией, чтобы самой излечить его. Кассиан, казалось, тоже слишком утомился, чтобы разговаривать, пока она забинтовывала его запястье, только ворча, когда она слишком сильно или слабо его затягивала, если это вообще помогало. Но он смотрел на нее — не сводил глаз с ее лица, сосредоточенно нахмуренных бровей и сжатых губ.

И когда она аккуратно наложила повязку, когда Нэста отстранилась от него, Кассиан сжал ее пальцы здоровой рукой. Она подняла на него взгляд.

— Спасибо, — хрипло сказал он.

Нэста не отдернула руку.

Не открыла рот, чтобы сказать очередную колкость.

Она лишь смотрела на него, на его широкие плечи, даже более массивные в его красивой черной броне, на его сильную загорелую шею, на его крылья. И потом на его светло-коричневые глаза, все еще прикованные к ее лицу.

Кассиан провел большим пальцем по ее ладони.

Нэста, наконец, открыла рот, и я приготовилась услышать ее слова —

— Ты ранен?

При звуке голоса Мор Кассиан отдернул руку и повернулся к Мор с ленивой улыбкой.

— Ничего такого, что тебе пришлось бы оплакивать, не волнуйся.

Нэста отвела взгляд от его лица — посмотрела на свою теперь пустую руку, ее пальцы все еще были сжаты, будто его рука еще лежала в ней. Кассиан не посмотрел на Нэсту, когда она встала, схватила кувшин и пробормотала, что пойдет за водой в палатку.

Кассиан и Мор начали подшучивать, смеяться и говорить колкости друг другу об этой битве и тех, что впереди.

Некоторое время Нэста не возвращалась.

Я помогала раненым всю ночь, Мор и Нэста трудились вместе со мной.

Это был долгий день для всех нас, да, но другие... Они сражались часами. Судя по поджатым губам Мор, пока она перевязывала раны Несущих Тьму и иллирийцев, я осознала, что различные рассказы о битве легли тяжелым грузом на нее — не рассказы о славе и крови, а тот факт, что она не сражалась с ними.

Но с армией Несущих Тьму и иллирийцами... Мне было интересно, где она бы сражалась. Кем бы она командовала или за кого отвечала бы. Точно не с Кейром, но... Я не переставала думать об этом, даже когда наконец-то скользнула в объятия Риса в нашу теплую постель.

Его рука мгновенно обвилась вокруг моей талии, прижимая ближе.

— От тебя пахнет кровью, — пробормотал он в полумрак.

— Прости, — сказала я.

Я вымыла руки и предплечья перед тем, как лечь в кровать, но вымыться полностью... Я еле смогла преодолеть лагерь несколько мгновений назад.

Он провел рукой от моей талии до бедра.

— Ты, должно быть, вымотана.

— И *ты* тоже должен спать, — ухмыльнулась я, прижимаясь к нему, позволяя его теплу и запаху окутать меня.

— Не могу, — признался он, чмокнув меня в висок.

— Почему?

Его рука скользнула к моей спине, и я выгнулась ему на встречу.

— Требуется некоторое время — чтобы разобраться в себе после битвы.

Прошло несколько часов с тех пор, как сражение закончилось. Губы Риса начали свое путешествие от моего виска к челюсти.

И даже с навалившейся на меня усталостью, когда его губы коснулись моего подбородка, когда он оттянул мою нижнюю губу... я знала, о чем он спрашивает.

Рис глубоко вздохнул, когда я проследила контур его мускулистого пресса, удивляясь мягкости его кожи, под которой скрывалось сильное тело.

Он легко прикоснулся к моим губам.

— Если ты слишком устала... — сказал он, даже если он все еще был неподвижен, пока мои пальцы продолжали свое путешествие по очерченным мышцам его живота.

Я ответила ему поцелуем. И еще одним. Пока его язык не скользнул к моим сомкнутым губам, и я не открыла их для него.

Наше соединение было быстрым, и грубым, и я царапала его спину, гладила его крылья, пока мы оба не достигли пика.

На протяжении долгих минут мы не оставались в таком положении. Мои ноги были переброшены через его плечи, его грудь, поднимаясь и опускаясь, касалась моей в продолжительном эхо движений наших тел.

Затем он слегка отстранился от меня, нежно опустив мои ноги со своих плеч. Он поцеловал внутреннюю сторону каждого моего колена, а потом поставил их по обе стороны от себя, пока сам опускался на колени передо мной.

Татуировки на его коленях были практически скрыты смятыми простынями, а рисунок растянулся от его положения. Но я пробежала пальцами по вершинам гор, по трем звездам, вытатуированным над ними, пока он стоял на коленях между моих ног, смотря на меня сверху вниз.

— Я думал о тебе каждое мгновение, что провел на поле битвы, — сказал он мягко. — Это помогало мне сосредотачиваться, сконцентрироваться — провело меня через все это.

Я снова погладила татуировки на его коленях.

— Я рада. Я думаю... думаю, что какая-то часть меня тоже была с тобой на поле боя.

Я посмотрела на его доспехи, вычищенные и висящие на манекене рядом с небольшой гардеробной. Его крылатый шлем сиял, словно темная звезда в полумраке.

— Наблюдая за сегодняшней битвой... Она отличалась от той, что была в Адриате, — Рис только слушал, звезды в его глазах спокойно мерцали. — В Адриате я не... — я обдумала формулировку. — Хаос бойни в Адриате каким-то образом был проще. Не *простым*, я имею

В виду...

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

Я вздохнула и села, и мы оказались коленом к колену, лицом к лицу.

— Что я безуспешно объяснить, так это то, что нападения, которые были в Адриате и Веларисе... Я могу в них сражаться. Там есть люди, которых нужно защищать, и есть те, что творят беспорядок... Я могу — я с радостью буду сражаться в таких битвах. Но то, что я видела сегодня, такой способ ведения войны... — я сглотнула. — Ты будешь стыдиться меня, если я признаюсь в том, что не уверена, что готова к таким сражениям?

Линия против линии, взмахи и удары, пока я не буду отличать низ от верха, пока грязь и кровь не сотрут линии между врагами и чужаками, доверие воинам рядом со мной, как на свои собственные силы. И близость этого, звуков и масштабного кровопролития...

Он взял мое лицо в свои руки и поцеловал.

— Никогда. Я никогда не смогу тебя стыдиться. И уж точно не из-за этого, — он приблизился своим ртом к моему, разделяя наше дыхание. — Сегодняшняя битва отличалась от той, что была в Адриате и Веларисе. Если бы у нас было больше времени на твои тренировки в отряде, ты смогла бы с легкостью сражаться в рядах и удерживать свою позицию. Но только если бы ты этого сама захотела. И сейчас, эти первые бои... Пребывание в этой скотобойне — не то, чего я хотел бы для тебя, — он снова поцеловал меня. — Мы пара, — сказал он в мои губы. — Если ты когда-нибудь захочешь сражаться рядом со мной, это будет честью для меня.

Я подняла голову и свела брови.

— Теперь я чувствую себя трусихой.

Он провел большим пальцем по моей щеке.

— Никто никогда не подумает так о тебе — не после всего того, что ты сделала, Фейра, — пауза. — Война ужасна, и беспорядочна, и беспощадна. Воины, что сражаются, лишь ее часть. Не стоит недооценивать, что для них значит видеть тебя здесь — видеть, как ты ухаживаешь за ранеными и участвуешь в встречах и совещаниях.

Я задумалась, проводя пальцами по иллирийским татуировкам на его груди и плечах.

И, возможно, это были хорошие чувства после нашего соединения, возможно, это была сегодняшняя битва, но... я поверила ему.

Армия Тарквина не присоединилась к нашей, как армия Кейра, а скорее лишь расположилась поблизости. Азриэль посылал команды разведчиков одну за другой, чтобы те обнаружили остальных воинов Хайберна, узнали об их следующем шаге... Но он так ничего и не узнал.

Я все задавалась вопросом, был ли рядом с ним Тамлин — выложил ли он Хайберну все, что обсуждалось на встрече. Слабые стороны дворов. Я не осмелилась спросить об этом остальных.

Но я решила спросить у Нэсты, чувствовала ли она волнение сил Котла. К счастью, она сообщила, что ничего не почувствовала. Тем не менее... Я знала, что Рис часто связывался с Амрен в Веларисе — узнавая, нашла ли она что-нибудь в Книге.

И даже если бы она нашла альтернативный способ остановить Котел... Сначала нам нужно узнать, где Хайберн прячет всю свою армию. Не для того, чтобы столкнуться с ним — не в одиночку. Нет, чтобы мы могли привести остальных, чтобы закончить работу.

Но лишь после того, как мы узнаем, где находится остальная армия Хайберна — куда я должна буду направить Бряксиса. Будет плохо, если Хайберн узнает о существовании Бряксиса и скорректирует свои планы. Нет, только когда перед нами будет вся его армия... Лишь тогда я предрешу их кончину.

Первые три дня после битвы воины исцелялись и отдыхали. На четвертый день Кассиан приказал им выполнять подсобную работу, чтобы предотвратить неугомонность и шансы на опасную болтовню. Его первый приказ — вырыть ров по периметру всего лагеря.

Но на пятый день, когда ров был вырыт наполовину... Азриэль, тяжело дыша, появился посреди нашей военной палатки.

Хайберн каким-то образом полностью обошел нас, и его войска шли по границе между Осенним и Летним двором. Направляясь к границе с Зимним двором.

Мы не могли понять причины такого поворота событий. Азриэль тоже не мог понять. Они были в полудне полета от нас. Он уже отправил предупреждения Каллиасу и Вивиан.

Рис, Тарквин и другие несколько часов рассматривали и взвешивали наши возможности. Оставив это место на границе, мы будем действовать по плану Хайберна. Но если мы оставим без присмотра северную армию, то она будет продолжать продвигаться на север так далеко, как им это будет нужно. Мы не могли себе позволить разделить свою армию — нам не хватало воинов в запасе.

Пока Вариан не выдвинул свою идею.

Он прогнал всех капитанов и генералов, Кейр и Дэвлон выглядели не слишком довольными приказом, когда они выбежали из палатки. Остались лишь его сестра, Тарквин и моя собственная семья.

— Мы пойдём на север — и мы останемся.

Рис выгнул бровь. Кассиан нахмурился.

Но Вариан ткнул пальцем в карту, лежащую на столе, вокруг которого все мы стояли.

— Наложим чары — очень хорошие. Чтобы если кто-нибудь придет сюда, они увидят, услышат и почуют армию. Наложите такие заклинания, которые предостерегут их от реального прибытия сюда. Но пусть глаза Хайберна сообщают ему, что мы все еще здесь. Что мы решили остаться здесь.

— Пока мы будем идти на север вне поля зрения, — пробормотал Кассиан, потирая подбородок. — Это может сработать.

Затем, улыбаясь Вариану, он добавил:

— Если тебе когда-нибудь надоест солнечный свет, можешь приходить к нам в Веларис. Хотя Вариан нахмурился, что-то сверкнуло в его глазах.

Но Тарквин спросил у Риса:

— Ты можешь сделать такой обман чувств?

Рис кивнул и подмигнул мне.

— С помощью моего мейта.

Я молилась, чтобы я справилась с этим, потому что все они посмотрели на меня.

Я была почти полностью истощена к тому времени, как мы с Рисом закончили той ночью. Я следовала его указаниям, отмечая лица и детали, управляя магией изменения формы, чтобы создать их из воздуха и дать им собственную жизнь.

Это было как... нанесение тонкой пленки на всех, кто жил в лагере, которая потом

отделиться, когда мы уйдем — отделится и превратится в отдельную сущность, которая будет разгуливать, разговаривать и делать здесь всевозможные вещи. Пока мы отправимся перехватывать армию Хайберна, скрытые от взора Рисом.

Но это сработало. Крессеида, имеющая богатый опыт в наложении чар на себя, лично работала над воинами Летнего Двора. Мы с ней обе тяжело дышали и были потными через несколько часов, и я кивнула ей, выражая благодарность, когда она протянула мне воду. Она не была обученным воином, как ее брат, но ее надежное присутствие было необходимо для воинов — они смотрели на нее в поисках совета и стабильности.

Мы снова отправились в путь, к гораздо более крупному чудовищу, чем то, что пришло сюда. Воины Летнего Двора и легион Кейра не могли летать, но Тарквин глубоко осушил запасы своих сил, рассеяв всех их вместе с нами. К тому времени, как мы добрались до врага, он был полностью опустошен, но настаивал на том, что он все равно лучше сражается с использованием стали.

Мы обнаружили армию Хайберна на северном краю могучего леса, который тянулся вдоль восточной границы Летнего Двора.

Азриэль обследовал местность для Кассиана, подробно ее описав. Была вторая половина дня, и Хайберн уже готовился устроиться на ночь.

Кассиан позволил нашей армии отдыхать весь день, предчувствуя это. Зная, что после долгого похода в течение дня воины Хайберна будут истощены, сбиты с толку. Еще одно правило войны, сказал он мне. Знать, *когда* стоит начать битву, так же важно, как и поле боя.

Тяжелые дождевые облака плыли с востока, и солнце опускалось к деревьям за нами — высоким сикоморам и дубам — когда мы приземлились. Рис убрал чары, скрывающие нас.

Он хотел поднять шум — хотел, чтобы слухи о том, *кто* поджидает их на каждом шагу, распространились среди воинов Хайберна. Разрушили их.

Но они уже знали.

Я снова наблюдала из самого лагеря, расположенного на краю маленькой травянистой долины, где планировал остановиться Хайберн. Элейн нырнула в свою палатку, как только иллирийские воины установили ее. Только Нэста подошла к последним палаткам, чтобы посмотреть на битву в долине под нами. Мор присоединилась к ней, а затем и я.

Нэста не вздрогнула от столкновения и грохота битвы. Она только смотрела на одну фигуру в черной броне, возглавляющую ряды войска. Он приказывал *наступать* или *удерживать фланг*, выкрикивая это сквозь шум сражения.

Потому что к этой битве... Хайберн был готов. И выглядя уставшей армией, готовящейся остановиться на ночной отдых... Это была их уловка, прямо как и наша.

Воины Кейра первыми пошли в наступление, выпуская тени. Их передовая линия изогнулась.

Мор наблюдала за происходящим с каменным выражением лица. Я не сомневалась, что ее желание увидеть отца среди мертвых теперь только нарастало. Даже когда Кейр сумел сплотить Несущих Тьму, перестроив ту линию — только после того, как Кассиан прорычал ему приказ сделать это. И на другой стороне поля...

Рис и Тарквин были достаточно истощены, что сейчас действительно сражались на мечах с воинами Хайберна. И снова не было видно короля, Юриана или Тамлина.

Мор переступала с ноги на ногу, время от времени поглядывая на меня. Кровавое пролитие, жестокость — они пробудили какую-то часть ее. Пребывание здесь со мной... Это было не

тем местом, где она хотела быть.

Но это... это бегство за армией, перестраивание, чтобы удержать позиции...

Это не приведет к решению проблемы. Не надолго.

Прояснилось небо, и битва превратилась в прямом смысле этого слова грязное убийство. Сифоны вспыхивали, воины умирали. У Хайберна была их магия против наших сил, наконец появились стрелы, пропитанные фэбейном, вместе с облаками этого вещества, которые, к счастью, долго не продержатся из-за дождя. И не подействуют на нас — даже чуть-чуть — из-за противоядия Нуан в наших организмах. Только эти стрелы, которые мы успешно избегали, укрываясь щитами или разрушая их древко, позволяя камням падать с неба, не причиняя вреда.

Кассиан, Азриэль и Рис продолжали сражаться, продолжали убивать. Тарквин и Вариан держались вместе — разворачивали своих солдат, чтобы помочь снова разрывающихся линий воинов Кейра.

Слишком поздно.

С расстояния, сквозь дождь, мы хорошо видели, как темная линия воинов Кейра обрушилась под натиском кавалерии Хайберна.

— Черт, — выдохнула Мор, сильно сжимая мою руку до синяков. Теплый летний дождь промочил нашу одежду и волосы. — *Дерьмо*.

Словно прорванная плотина, воины Хайберна прорвались, раскалывая воинов Кейра пополам. Рев Кассиана было слышно даже с вершины холма — затем он взмыл в небо, уклоняясь от стрел и копий, его Сифоны были такими тусклыми, что они едва защищали его от них. Я могла бы поклясться, что Рис прорычал ему какой-то приказ — который Кассиан проигнорировал, и приземлился посреди, в самом *центре* вражеских сил, разрывающих наши линии, давая себе свободу.

Нэста резко и сильно втянула воздух.

Все больше и больше воинов Хайберна прорывались сквозь нас, уходя все глубже. Сила Риса обрушилась на их фланг, пытаясь отодвинуть их обратно. Но его сила была истощена, опустошена с прошлой ночи. Десятки воинов упали от прорывающихся теней, а не сотни.

— Перестройте линии, — бормотала Мор, отпустив мою руку, дождь стекал по ее лицу. — Перестройте чертовы линии!

Кассиан пытался. Азриэль бросился в бой, будучи тенями, охваченными синим светом, прокладывая себе путь к сражающемуся Кассиану, полностью окруженному противниками.

— О Мать, — тихо сказала Нэста.

Не от восхищения. Нет — нет, это был страх в ее голосе.

Как и в моем собственном, когда я сказала:

— Они смогут это исправить, — или я молилась, что они смогут.

Даже если эта битва... это еще не все, что Хайберн приготовил для нас.

Это было не все, что они приготовили для нас, и все же нас все отталкивали назад —

Красный вспыхнул в самом сердце битвы, словно взрывающийся уголек. И круг воинов умер.

Но все больше воинов Хайберна наступало на Кассиана. Даже Азриэль не мог подобраться к нему. Мой желудок снова и снова переворачивался.

Хайберн где-то скрывал большую часть своей силы. Наши разведчики не могли найти ее. *Азриэль* не мог найти ее. И Элейн... Как она сказала, она не смогла увидеть столь могучую армию. В своих видениях наяву и во сне.

Я мало знала о войнах, о битвах. Но это... это было как латание дыр в тонущей лодке.

Когда мы полностью промокли от дождя, когда Мор вышагивала, ругаясь из-за развернувшейся резни, груды тел начали появляться на нашей стороне, разрывающихся рядов воинов... я поняла, что мне нужно сделать, если я не могу быть там, сражаясь.

Кого я должна выследить — и расспросить о местонахождении истинной армии Хайберна.

Сюриэля.

ГЛАВА

57

— Определенно нет, — сказала Мор, когда я оттащила ее подальше от Нэсты, а шум битвы и дождя заглушил наши голоса. — *Определенно нет.*

Я повернула голову к долине, раскинувшейся под нами.

— Иди к ним. Ты теряешь время попусту здесь. Ты им нужна, — это было правдой. — Кассиану и Азу *нужно*, чтобы ты оттиснула передовые линии.

Потому что Сифоны Кассиана начали трещать.

— Рис *убьет* меня, если я оставлю тебя здесь.

— Рис так не поступит, и ты это знаешь. Он наложил защитные заклинания на лагерь, и я не совсем беззащитна, ну, ты знаешь.

Я не совсем *врала*, но... Сюриэль скорее всего не покажется, если рядом будет Мор. И если бы я сказала ей, куда собираюсь... не сомневаюсь, что она настояла бы на том, чтобы пойти со мной.

У нас не было столько времени, чтобы ожидать информацию от Юриана. О стольких вещах. Мне нужно уйти — сейчас же.

— Иди в бой. Заставь придурков Хайберна покричать.

Нэста слегка отвлеклась от наблюдения за резней и добавила:

— Помоги им.

Потому что там был Кассиан, выбравший новую цель в лице командира Хайберна. Надеющийся снова спугнуть воинов.

Мор нахмурилась, приподнимаясь на носочках.

— Просто — будь настороже. Вы обе.

Я мрачно посмотрела на нее — прямо в тот момент, как она бросилась к своей палатке. Я подождала, пока она снова не выйдет, закрепляя оружие, и отдала мне честь, прежде чем рассеяться. На поле битвы.

Прямо к Азриэлю — точно тогда, когда один воин почти ударил его в спину.

Мор полоснула мечом по горлу этого воина, прежде чем он смог опустить меч.

И затем Мор начала пробиваться к Кассиану, к разорванной передней линии за ним, ее влажные золотистые волосы были лучом света посреди грязи и темной брони.

Воины начали кричать. И даже сильнее, когда Азриэль, вспыхивая синими Сифонами, присоединился к ней. Вместе они прокладывали путь к Кассиану — или пытались это сделать.

Они прошли примерно десять футов, когда их снова окружили. Когда от давления их тел даже волосы Мор исчезли под грязью и дождем.

Нэста обхватила рукой свою голую, скользкую от дождя шею. Кассиан напал на еще одного капитана Хайберна — в этот раз медленнее, чем раньше.

Сейчас. Мне нужно идти сейчас — и быстро. Я сделала шаг назад.

Моя сестра прищурилась, глядя на меня.

— Ты уходишь?

— Я скоро вернусь, — сказала я.

Мне не хотелось думать, сколько наших воинов останется в живых к моему возвращению.

К тому времени, как я начала уходить, Нэста снова развернулась к битве, а из-за дождя волосы облепили ее голову. Возобновляя нескончаемое наблюдение за сражением генерала в долине внизу.

Мне нужно выследить Сюриэля.

И даже если Элейн не смогла увидеть расположение армии Хайберна... Стоило попробовать.

В ее палатке было тускло и тихо — звуки сражений были отдаленными, словно доносясь из снов.

Она не спала, безучастно смотря на тканевый потолок.

— Мне нужно, чтобы кое-что нашла для меня, — сказала я, всюду разбрызгивая воду, пока клала карту на ее ноги.

Возможно, я была не такой ласковой, какой должна была быть, но она, по крайней мере, села, услышав мою интонацию. Уставившись на карту Прифиана.

— Его называют Сюриэлем — он один из многих, кто носит это имя. Но... но он выглядит как-то так, — сказала я, протягивая руку, чтобы показать ей. Я колебалась. — *Могу я показать тебе?*

Карие глаза моей сестры были застеклены.

— Положу в твой разум картинку, — пояснила я. — Чтобы ты знала, как он выглядит.

— Я не знаю, как смотреть, — пробормотала Элейн.

— Ты можешь попробовать.

Мне следовало попросить Амрен обучить и ее тоже.

Но Элейн посмотрела на меня, на карту, и кивнула.

У нее не было ментальных щитов, не было барьеров. И ворота в ее разум... Прочное железо, покрытое цветочными лозами — или так должно было быть. Цветы были закрыты, спящие бутоны прятались за сплетением листьев и шипов.

Я прошла через них, просто подошла к ее разуму, и оставила там изображение Сюриэля, пытаюсь наполнить его надежностью — по правде, он выглядел ужасающе, но не причинил мне вреда.

Тем не менее, Элейн вздрогнула, когда я вышла оттуда.

— Зачем?

— У него есть нужные мне ответы. Сразу же.

Иначе у нас не *останется* воинов, чтобы сразиться с войсками Хайберна, когда мы вычислим их местоположение.

Элейн снова посмотрела на карту. На меня. Потом закрыла глаза.

Ее глаза двигались под веками, а кожа была такой тонкой и бесцветной, что синие вены под ней были похожи на небольшие ручейки.

— Он движется... — прошептала она. — Он движется по миру, словно... словно дуновение западного ветра.

— Куда он направляется?

Ее палец поднялся, паря над картой, над дворами.

Медленно, она опустила его.

— Вот, — выдохнула она. — Он идет туда. Прямо сейчас.

Я посмотрела, куда она ткнула пальцем, и кровь отхлынула от моего лица.

Серединные земли.

Сюриэль направляется в древний лес в Серединных землях. Только южнее — возможно, на несколько миль.

От Ткачихи из Леса.

Я рассеялась в пять прыжков. Я задыхалась, мои силы были почти на исходе благодаря чарам, что я накладывала вчера, вызванному пламени, которое я использовала, чтобы просохнуть, и рассеиванию от поля битвы прямо в сердце древнего леса.

Тяжелый, затхлый воздух был так же ужасен, как я и помнила, весь лес порос мхом, который облепил сучковатые буки и серые камни, лежащие повсюду. Потом была тишина.

Пока я прислушивалась, я размышляла, вдруг действительно стоило взять Мор с собой. Пока я прощупывала своей магией местность, пытаюсь найти его.

Мох смягчил мои шаги, когда начала идти. Всматриваясь, прислушиваясь. Как далекой, какой маленькой ощущалась та битва на юге.

Я сглотнула, и этот звук оглушал.

Существа, отличные от Ткачихи, рыскали по этим лесам. И сама Ткачиха... Стрыга, как ее назвал Костерез. Его сестра. Оба родственники ужасающего мужчины, скрывающегося в другой части мира.

Я обнажила свой иллирийский клинок, металл рассек плотный воздух.

Но позади меня раздался древний грубый голос:

— Ты пришла, чтобы убить меня или снова просить о помощи, Фейра Арчерон?

ГЛАВА

58

Я развернулась, но не спрятала меч.

Сюриэль стоял в нескольких футах от меня, и на нем был не тот плащ, что я дала ему несколько месяцев назад, а другой — более тяжелый и темный, ткань которого уже была потрепана и разорвана. Словно ветер, с которым он путешествовал, вонзал в него свои невидимые когти.

Прошло лишь несколько месяцев с того времени, как я видела его в последний раз —

когда он сказал мне, что Рис мой мейт. Казалось, что с тех пор прошла целая жизнь.

Он тихо щелкнул своими слишком большими зубами.

— Теперь мы встречались уже трижды. Уже трижды ты охотилась на меня. На этот раз ты послала дрожащую лань, чтобы она нашла меня. Я не ожидал увидеть ее глаза, выискивающие меня по всему миру.

— Прости, если это было грубо, — сказала я со всем спокойствием, что у меня было. — Но у меня срочное дело.

— Ты хочешь узнать, где Хайберн скрывает свою армию.

— Да. И другие вещи. Но давай начнем с этого.

Уродливая, ужасающая улыбка.

— Даже я не могу увидеть это.

У меня внутри все сжалось.

— Ты можешь видеть все, кроме этого?

Сюриэль так наклонил голову, что это напомнило мне, что действительно является хищником. И на этот раз не было ловушки, сдерживающей его.

— Он использует магию для маскировки — магию куда старше меня.

— Котел.

Еще одна ужасающая улыбка.

— Да. Эту могущественную, злую вещь. Эту чашу смерти и жизни, — он дрожал, и я могла бы поклясться, что от восторга. — У тебя уже есть тот, кто может выследить Хайберна.

— Элейн говорит, что не видит его — не может видеть сквозь его магию.

— Тогда используй другую, что отследить его.

— Нэсту. Использовать *Нэсту*, что отследить Котел?

— Подобное взывает к подобному. Король Хайберна не путешествует без Котла. Так что где Котел, там будет и он, и его армия. Попроси красивую воровку найти его.

У меня волосы встали дыбом.

— Как?

Он наклонил голову, словно прислушиваясь.

— Если она не умеет управлять силой... кости скажут за нее.

— Гадание — ты говоришь о гадании на костях?

— Да, — его потрепанная одежда колыхалась на призрачном ветру. — Костях и камнях.

Я снова сглотнула.

— Почему Котел не отреагировал, когда я соединила Книгу и произнесла заклинание, чтобы аннулировать его силу?

— Потому что ты не продержалась достаточно долго.

— Это убивало меня.

— Неужели ты думала, что можешь лишить его силы, не заплатив цену?

Мое сердце сбилось с ритма.

— Мне нужно — умереть, чтобы остановить его?

— Такое драматичное, это человеческое сердце. Но да — да, это заклинание вытянет из тебя жизнь.

— Есть ли... есть ли другое заклинание, кроме этого? Чтобы аннулировать его силу?

— Даже если оно существует, тебе все равно пришлось бы приблизиться к Котлу, чтобы сделать это. Хайберн не совершит ту же ошибку дважды.

Я сглотнула.

— Даже если мы обезвредим Котел... будет ли этого достаточно, чтобы остановить Хайберна?

— Это зависит от твоих союзников. Если они продержатся достаточно долго, чтобы сразиться позже.

— Что-то изменится, если и Костерез будет сражаться? *И Бряксис.*

У Сюриэля не было век. Но его молочные глаза вспыхнули от удивления.

— Я не вижу — не его. Он не... родился на этой земле. Его нить и была вплетена, — его рот сжался. — Ты так хочешь спасти Прифиан, что готова рискнуть и освободить его.

— Да.

В тот момент, как я обнаружу армию, я найшу на нее Бряксиса. Но что до Костереза...

— Он хочет... подарок. В обмен. Уроборос.

Сюриэль издал звук, который мог быть вздохом — от восторга или ужаса.

— Зеркало Начала и Конца.

— Да — но... я не могу получить его.

— Ты боишься посмотреть в него. Увидеть, что внутри.

— Это... сведет меня с ума? Сломит меня?

Сложно было не вздрогнуть от его чудовищного лица, от молочных глаз и рта без губ. Полностью сосредоточенного на мне.

— Только ты можешь решать, что ломает тебя, Разрушительница Проклятий. Только ты.

Не ответ — не совсем. Этого определенно недостаточно, чтобы рискнуть заполучить зеркало. Сюриэль снова прислушался к призрачному ветру.

— Скажи серебряноглазой, что ответ изложен на второй и предпоследней страницах Книги. Вместе они образуют ключ.

— Ключ к *чему*?

Сюриэль щелкнул своими костлявыми пальцами, которые были похожи на конечности ракообразного, состоящие из множества сочленений, которые кончиками касались друг друга.

— Ответ на вопрос, что вам нужно, чтобы остановить Хай —

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что произошло.

Чтобы увидеть в деревянной вещи, пронзившей шею Сюриэля, ясеневую стрелу. Понять, что то, что брызнуло на мое лицо, попадая на язык и имеющее привкус земли, было черной кровью.

Понять, что глухие удары, послышавшиеся еще до того, как Сюриэль успел закричать... это было еще большее количество стрел.

Сюриэль упал на колени, из его рта вышел задыхающийся звук.

Он боялся наги в тот день в лесу. Знал, что его могут убить.

Я подбежала к нему, выхватывая левой рукой нож, наклоняя меч.

Полетела еще одна стрела, и я нырнула за искривленное дерево.

Сюриэль вскрикнул от удара. Птицы взлетели, и звон в моих ушах —

И затем лес заполнился его затрудненным влажным дыханием. Пока веселый женский голос не прошебетал:

— Почему оно говорит с тобой, Фейра, когда не соизволило поговорить со мной?

Я знала этот голос. Эти скрытые насмешки.

Ианфе.

Здесь была Ианфе. А за ней два воина Хайберна.

ГЛАВА

59

Спрятавшись за деревом, я осмотрела окрестность. Я измотана, но... я могу рассеяться. Я могу рассеяться и исчезнуть. Однако ясеновая стрела, которую они пустили в Сюриэля...

Я встретила с ним взглядом. Он лежал на мхе, истекая кровью.

Такая же ясеновая стрела попала в Риса. Но моего мейта целились осторожно, чтобы только обезвредить его.

Эта же стрела была пущена, чтобы убить.

Этот рот со слишком большими зубами сформировал немое слово. *Беги.*

— У Короля Хайберна ушло *несколько дней* на разгадку того, что ты со мной сделала, — пробормотала Ианфе, приближаясь. — Я все еще не могу использовать большую часть своей руки.

Я не ответила. Рассеяться — мне следует рассеяться.

Черная кровь вытекала из шеи Сюриэля, и грубый наконечник стрелы выглядывал из-под его толстой кожи. Я не смогу исцелить его — пока эта ясеновая стрела все еще в его плоти. Пока они еще здесь.

— Я слышала от Тамлина, как ты поймала это существо, — продолжила Ианфе, подходя все ближе и ближе. — Так что я воспользовалась твоим методом. И оно *ничего* мне не рассказало. Но так как ты много раз с ним контактировала, то плащ, который я дала ему... — я почти видела улыбку на ее лице. — Простое отслеживающее заклинание, подарок от короля. Срабатывающее в твоём присутствии. Если ты снова придешь к нему.

Беги, снова произнес Сюриэль, и кровь стекала по его иссохшим губам.

В его глазах была боль. Настоящая боль, как у любого смертного существа. И если Ианфе доставит его живым к Хайберну... Сюриэль знал, что такое возможно. Однажды он умолял меня отпустить его... и все же он готов остаться. Чтобы я сбежала.

Его молочные глаза сузились — от боли и понимания. Казалось, что он говорил, *Да. Иди.*

— Король установил щиты вокруг моего разума, — сказала Ианфе, — чтобы когда я тебя нашла, ты не причинила мне вреда.

Я выглянула из-за дерева и увидела ее, стоящую на краю поляны. Нахмурившись, она смотрела на Сюриэля. На ней было ее бледное одеяние, голубой камень венчал ее капюшон. С ней лишь два стражника. Даже после всего... Она все еще недооценивала меня.

Я спряталась прежде, чем она смогла увидеть меня. Я снова встретила с взглядом с Сюриэлем.

И я позволила ему прочесть все эмоции, которые наконец сформировались во мне с абсолютной ясностью.

Сюриэль начал качать головой. Или попытался.

Но я подарила ему улыбку на прощание. И вышла на поляну.

— В ту ночь я должна была перерезать тебе горло, — сказала я жрице.

Один из стражников выстрелил в меня.

Я заблокировала стрелу стеной твердого воздуха, которая мгновенно раскололась.

Опустошена — у меня почти не осталось магии.

И если в него выстрелят ясеновой стрелой еще раз...

Ианфе сморщилась.

— Мне кажется, ты пересмотришь свою манеру речи. Я стала бы твоим лучшим защитником в Хайберне.

— Полагаю, сначала тебе придется меня поймать, — холодно сказала я — и побежала.

Могла бы поклясться, что древний лес освобождал мне дорогу.

Могла бы поклясться, что он прочитал мою последнюю мысль касательно Сюриэля и расчистил мне путь.

Но не для них.

Я сосредоточила все свои силы в ногах, чтобы держаться в вертикальном положении, пока бежала среди деревьев, перепрыгивая через камни и ручьи, уклоняясь от валунов, покрытых мхом.

И тем не менее эти стражники, даже *Ианфе*, смогли оставаться близко ко мне, даже когда они осыпали проклятиями деревья, которые, казалось, возникали на из пути, камни, которые попадались им под ноги. Мне нужно лишь ненадолго оторваться от них.

Лишь на пару миль. Отвести их от Сюриэля, чтобы тот смог убежать.

И убедиться, что они *заплатят* за то, что сделали. За все.

Я открыла свои чувства, позволяя им направлять меня. Лес сделает все остальное.

Возможно, она ждет меня. Возможно, это она приказала лесу очистить путь.

До меня добрались стражники Хайберна. Я бежала быстро, как олень.

Я начала узнавать деревья и булыжники.

Здесь я стояла с Рисом — здесь я флиртовала с ним. Здесь он развалился на ветке, ожидая меня.

Воздух позади меня рассекся — от стрелы.

Я повернула налево, почти врезавшись в дерево. Стрела прошла мимо.

Впереди вспыхнул свет. Яркий. Чистый.

Я захныкала от облегчения, и убедилась, что они это услышали.

Я выпрыгнула из ряда деревьев, покачиваясь, когда пролетела над камнями, ведущими в эту хижину из волос.

— *Помоги мне*, — выдохнула я, убеждаясь, что они тоже это слышали.

Деревянная дверь уже была приоткрыта. Мир замедлялся и прояснялся с каждым шагом, каждым сердцебиением, когда я пролетела через порог.

Прямо в хижину Ткачихи.

ГЛАВА

60

Я обхватила дверную ручку, переступив через порог, упираясь ногами в пол и собирая всю оставшуюся силу в руках, чтобы не закрывать дверь. Чтобы не запереть себя внутри.

Невидимые руки прижались к ней, но я стиснула зубы и уперлась ногой в стену, а в мои руки врезалось железо.

Комната, находящаяся за мной, была темной.

— Вор, — произнес прекрасный голос в темноте.

— Ты же знаешь, — тихо пробормотала Ианфе снаружи, медленно приближаясь, — что нам придется убить того, кто находится там с тобой. Какой эгоизм, Фейра.

Я тяжело дышала, удерживая дверь открытой, убеждаясь, что они не видят меня.

— Ты виделась с моим близнецом, — тихо прошипела Ткачиха — с намеком на удивление. — Я чувствую его запах на тебе.

Снаружи приближались Ианфе и стражники. Все ближе и ближе.

Где-то глубоко в комнате я почувствовала ее движение. Почувствовала, где она находится. И как она шагнула ко мне.

— Что ты, — выдохнула Ткачиха.

— Фейра, ты можешь быть довольно утомляющей, — сказала Ианфе.

Прямо возле меня. Я могла разглядеть ее бледное одеяние через трещину между дверью и порогом.

— Ты думаешь, что можешь устроить здесь засаду? Я видела твой щит. Ты истощена. И я не думаю, что тебе поможет трюк со свечением.

Ткачиха подкралась ко мне во мраке, и ее платье зашуршало.

— Кого ты привела, маленькая волчица? Кого ты привела ко мне?

Ианфе и ее стражники переступили через порог. И сделали еще шаг. Прямо в открытую дверь. Они не увидели меня в тени за ней.

— Ужин, — сказала я Ткачихе, перекручиваясь вокруг двери. И выпуская ручку.

Прямо в тот момент, когда дверь захлопнулась с такой силой, что вся хижина содрогнулась. Я увидела шар фейского света, который вызвала Ианфе, чтобы осветить комнату.

Увидела ужасное лицо Ткачихи, рот, полный кривых зубов, широко раскрытый от восторга и сильного голода. Богиня смерти и старости — изголодавшаяся по жизни. И перед ней была прекрасная жрица.

Я уже мчалась между деревьями, когда стражники и Ианфе начали кричать.

Их непрекращающиеся крики преследовали меня еще полмили. К тому времени, как я достигла места, где упал Сюриэль, они стихли.

Сюриэль лежал с расprostертыми руками, его костлявая грудь неравномерно вздымалась, его дыхание было прерывистым и неглубоким.

Он умирал.

Я опустилась на колени перед ним, погрузившись в окровавленный мох.

— Позволь мне помочь тебе. Я могу исцелить тебя.

Я сделаю это так же, как сделала с Рисом. Вытяну стрелу — и дам свою кровь.

Я потянулась к стреле, но сухая, костлявая рука обхватила мое запястье.

— Твоя магия... — прошептал он, — истощена. Не... трать ее.

— Я могу спасти тебя.

Он лишь сжал мое запястье.

— Я уже ушел.

— Что — что я могу сделать? — слова стали неубедительными — ломающимися.

— Останься... — выдохнул он. — Останься... до конца.

Я взяла его за руку.

— Мне жаль.

Я могла сказать лишь это. Я сделала это — я привела его сюда.

— Я знал, — выдохнул он, ощущая перемену моих мыслей. — Отслеживание... я знал о нем.

— Тогда зачем вообще пришел?

— Ты... была добра. Ты... сражалась со своими страхами. Ты была... доброй, — снова сказал он.

Я начала плакать.

— И ты был добр ко мне, — сказала я, не смахивая слезы, которые капали на его окровавленную, потрепанную одежду. — Спасибо тебе — что помогал мне. Когда больше никто этого не делал.

Он улыбнулся своим ртом без губ.

— Фейра Арчерон, — затрудненное дыхание. — Я сказал тебе — оставайся с Высшим Лордом. И ты так и сделала.

Он предупреждал меня об этом в нашу первую встречу.

— Ты — ты говорил о Рисе.

Все это время. Все это время —

— Оставайся с ним... и живи, чтобы увидеть, как все становится на свои места.

— Да. Я так и сделала — все так и было.

— Нет — пока еще нет. *Оставайся с ним.*

— Я буду, — я всегда буду.

Его грудь поднялась — потом опустилась.

— Я даже не знаю твоего имени, — прошептала я.

Сюриэль — это был титул, название его вида.

Он снова слегка улыбнулся.

— Это имеет значение, Разрушительница Проклятий?

— Да.

Его глаза потускнели, но он не сказал мне. Сказал лишь следующее:

— Тебе следует идти. Вещи похуже — дальше все будет еще хуже. Кровь... привлекает их.

Я сжала его костлявую руку, его жесткая кожа стала холоднее.

— Я могу побыть здесь еще немного.

Я убила достаточное количество животных, чтобы знать, когда тело близко к смерти. Уже скоро — через несколько вдохов.

— Фейра Арчерон, — снова сказал Сюриэль, глядя на листву деревьев, через которую выглядывало небо.

Он сделал болезненный вдох.

— Просьба.

Я наклонилась к нему.

— Все, что угодно.

Еще один вдох с шумом.

— Оставь этот мир... местом лучшим, чем то, в которое ты пришла.

И когда его грудь поднялась и навсегда опустилась, когда ускользнул его последний вдох, я поняла, почему Сюриэль приходил мне на помощь, снова и снова. Не просто из-за доброты... но потому, что он был мечтателем.

И это сердце мечтателя перестало биться в его безобразной груди.

Его внезапная тишина эхом отражалась от моей.

Я положила голову ему на грудь, на эту неподвижную грудку костей, и заплакала.

Я плакала и плакала, пока на мое плечо не опустилась сильная рука.

Я не узнала запаха, ощущения этой руки. Но я узнала голос, когда Гелион мягко мне сказал:

— Пойдем, Фейра. Здесь небезопасно. Пойдем.

Я подняла голову. Здесь был Гелион с мрачным лицом, его загорелая кожа была мертвенно-бледной.

— Я не могу просто оставить его здесь, — сказала я, не желая отпустить его руку.

Меня не интересовало, как Гелион нашел меня. Почему он нашел меня.

Он посмотрел на мертвое существо, сжав губы.

— Я позабочусь о нем.

Я позволила ему поднять меня на ноги. Позволила ему протянуть руку к Сюриэлю —

— Подожди.

Гелион подчинился.

— Дай мне свой плащ. Пожалуйста.

Нахмурившись, Гелион расстегнул свой плащ богатого малинового оттенка, пристегнутого к обоим его плечам.

Я не потрудились объяснить, когда укрыла тело Сюриэля хорошей тканью. Гораздо лучшей, чем то ненавистное тряпье, что Ианфе дала ему. Я аккуратно укрыла плащом Высшего Лорда его широкие плечи, костлявые руки.

— Спасибо, — в последний раз сказала я Сюриэлю, и отступила назад.

Пламя Гелиона было чистым, ослепительным белым.

Оно сожгло Сюриэля до пепла за секунду.

— Пошли, — снова сказал Гелион, протягивая руку. — Давай доставим тебя в лагерь.

От доброты его голоса что-то треснуло в моей груди. Но я взяла руку Гелиона.

Я могла бы поклясться, что, когда теплый свет унес нас, прах Сюриэля подхватил призрачный ветер.

ГЛАВА

61

Гелион рассеялся со мной прямо в лагерь. Прямо в военную палатку Риса.

Мой мейт был бледен. И его кожа, и его броня, и его волосы были забрызганы кровью и грязью.

Я открыла рот — чтобы спросить, чем закончилось сражение, или чтобы рассказать, что произошло.

Но Рис просто потянулся ко мне, прижимая к груди.

И из-за его запаха, теплоты и надежности... Я снова начала плакать.

Я не знала, кто был в палатке. Кто пережил битву. Но они все вышли.

Вышли, пока мой мейт держал меня, нежно укачивая, пока я все плакала и плакала.

Только когда я перестала плакать, он рассказал мне, что произошло. Когда смыл черную кровь Сюриэля с моего лица и рук.

Позже я вышла из палатки, пробираясь через грязь, уклоняясь от истощенных, уставших воинов. Рис шел за мной, но ничего не сказал, когда я зашла в другую палатку и посмотрела, кто и что было передо мной.

Мор и Азриэль стояли у койки, следя за каждым движением целительницы, которая сидела перед ней.

Она держала свои светящиеся руки над Кассианом.

И тогда я поняла — тишину, о которой когда-то рассказывал мне Кассиан.

Это она теперь была в моей голове, когда я посмотрела на грязное лицо, искаженное болью — он корчился от боли даже в бессознательном состоянии. Когда я услышала его тяжелое, влажное дыхание.

Когда я увидела разрез, изгибающийся от его пупка до нижней части его грудины. Разорванную плоть. Кровь — в основном просто струящуюся.

Я покачнулась — и Рис подхватил меня за локти.

Целительница не повернулась, чтобы посмотреть на меня, когда ее лоб сморщился от сосредоточенности, а руки вспыхнули белым светом. Под ними — медленно, края раны потянулись друг к другу.

Если сейчас все выглядит так плохо, то —

— Как, — прохрипела я.

Несколько мгновений назад Рис поведал мне о трех вещах:

Мы победили — с трудом. Тарквин опять решал, что делать с выжившими. И Кассиана серьезно ранили.

— Где ты была? — спросила у меня Мор.

Она была мокрая насквозь, окровавлена и покрыта грязью. Как и Азриэль. К счастью, они не получили серьезных ран, кроме незначительных царапин.

Я покачала головой. Я впустила Риса в свой разум, пока он удерживал меня. Показала ему все — рассказала о Ианфе, Сюриэле и Ткачихе. О том, что узнала от них. По глазам Риса я поняла, что он на мгновение он унесся в другое место, и я знала, что Амрен с Книгой уже в пути. Чтобы помочь Нэсте выследить Котел — или попробовать это сделать. Он может сам объяснить все Мор.

Он узнал о моем исчезновении только после того, как закончилась битва — когда он понял, что Мор сражается. И что меня больше нет в лагере. Он как раз добрался до палатки Элейн, когда Гелион сообщил ему, что нашел меня. Используя какой-то свой талант, который позволял ему чувствовать такие вещи. И вернул меня сюда. Расплывчатые, краткие сведения.

— Он — неужели он... — я не смогла закончить предложение.

Слова стали такими же чужими и труднодоступными, как звезды.

— Нет, — сказала целительница, даже не взглянув на меня. — Однако рана будет заживать еще несколько дней.

Действительно, ей пришлось прикоснуться к обеим краям раны — которые теперь начали переплетаться.

Желчь подступила к моему рту, при виде сырой плоти —

— Как? — снова спросила я.

— Он не стал нас дожидаться, — прямо сказала Мор. — Он продолжал сражаться — пытаться переформировать линии. Один из их командиров атаковал его. Он не отступил. К тому времени, как Аз добрался туда, он уже лежал.

Азриэль оставался хладнокровным, хотя сверлил глазами зашивающуюся рану.

Мор снова спросила:

— Куда ты *ходила*?

— Если вы собираетесь драться, — резко сказала целительница, — сделайте это снаружи. Моему пациенту не нужно это слышать.

Никто из нас не сдвинулся.

Рис провел ладонью по моей руке.

— Ты, как всегда, вольна идти, куда и когда захочешь. Но думаю, что Мор пытается сказать, что... попытайся оставить записку в следующий раз.

Он говорил обыденным тоном, но в его глазах была паника. Нет — не неконтролируемый страх, которому когда-то поддался Тамлин, но... настоящий ужас от осознания, что он не знает, где я, нужна ли мне помощь. Так же, как и я хотела бы знать, где он находится, нужна ли ему помощь, если бы он исчез, пока нас окружают противники.

— Прости, — сказала я. И ему, и остальным.

— Тебе не за что извиняться, — ответил Рис, прижимаясь ладонью к моей щеке. — Ты решила взять дело в свои руки и раздобыла для нас ценную информацию. Но... — он провел большим пальцем по моей скуле. — Нам повезло, — выдохнул он. — Остаться на шаг впереди — не попасться в когти Хайберна. Даже если сегодня... сегодня на поле битвы нам не так везло. Но циник во мне задается вопросом, покинет ли нас эта удача. И я предпочел бы, чтобы она не закончилась на тебе.

Должно быть, все они думали, что я молода и безрассудна.

Нет, сказал Рис по связи, и я поняла, что оставила свои щиты открытыми. *Поверь мне, если бы знала и половину того дерьма, что устраивали Кассиан и Мор, ты бы поняла, почему мы так не думаем. Я просто... Оставь записку. Или скажи мне в следующий раз.*

Ты бы отпустил меня, если бы я так и поступила?

Не мне давать тебе разрешение. Он поднял мою голову, и Мор с Азриэлем отвели взгляды. *Ты самостоятельная личность и сама делаешь выбор. Но мы мейты — я твой, и ты моя. Мы не даем разрешения, будто управляя движениями друг друга. Но... я мог бы настоять, что мне следует пойти с тобой. Больше для своего спокойствия, просто чтобы знать, что ты в безопасности.*

Ты был занят.

Легкая улыбка. *Если бы ты была одержима идеей похода на Серединные Земли, я бы перестал сражаться.*

Я ожидала, что он упрекнет меня в том, что я не дождалась, пока они не освободятся, отругает за все это, но... он наклонил голову.

— Интересно, простила ли тебя Ткачиха, — задумчиво произнес он.

Даже целительница, казалось, вздрогнула от этого имени — от его слов.

Дрожь побежала по моей спине.

— Я не хочу этого знать.

Рис низко рассмеялся.

— Тогда давай никогда не выяснять это.

Но веселье исчезло с его лица, когда он снова посмотрел на Кассиана. На рану, которая теперь была закрыта.

Ты не виновата в произошедшем с Сюриэлем.

Я выдохнула, когда веки Кассиана начали дрожать и подниматься. *Я знаю.*

Я уже добавила его смерть в мой постоянно растущий список вещей, за которые я скоро заставлю Хайберна заплатить.

Прошли долгие минуты, и мы стояли в тишине. Я не спрашивала, где Нэста. Мор почти не смотрела на меня. И Рис...

Он сел у подножия койки, когда Кассиан окончательно открыл глаза и застонал от боли.

— Вот что случается, — проворчала целительница, собирая свои вещи, — когда становишься напротив меча, — она нахмурилась, глядя на него. — Сегодня и завтра отдыхай. Я знаю, что лучше не настаивать еще и на третьем дне отдыха, но попытайся *не прыгать* возле лезвий в ближайшее время.

Кассиан просто удивленно моргал, глядя на нее, прежде чем она поклонилась Рису и мне и вышла.

— Насколько все плохо? — спросил он хриплым голосом.

— Насколько плоха твоя рана, — мягко сказал Рис, — или как сильно нам надрали задницы?

Кассиан снова заморгал. Медленно. Будто снотворное, которое ему дали, все еще действовало.

— Отвечая на второй вопрос, — продолжил Рис, и Мор с Азриэлем отступили на один-два шага, когда в голосе моего мейта послышалась сталь, — мы справились. Кейр принял на себя тяжелые удары, но... мы победили. С трудом. Отвечая на первый... — Рис оскалился. — *Никогда* не проворачивай такого дерьма снова.

Глаза Кассиана прояснились, когда он услышал вызов, гнев, и попытался сесть. Он зашипел, сердито глядя на красный, воспаленный надрез на своей груди.

— Были видны твои внутренности, ты, тупой придурок, — не выдержал Рис. — Аз не давал им вывалиться из тебя.

Действительно, на руках Говорящего с тенями была запеченная кровь — кровь Кассиана. И его лицо... равнодушное от... злости.

— Я воин, — решительно ответил Кассиан. — Это часть моей работы.

— Я приказал тебе *ждать*, — недовольно сказал Рис. — И ты проигнорировал мой приказ.

Я посмотрела на Мор, на Азриэля — в молчаливом вопросе, стоит ли нам оставаться здесь. Но они были слишком поглощены наблюдением за Рисом и Кассианом, чтобы заметить его.

— Разорвали линию, — ответил Кассиан. — Твой приказ — чушь собачья.

Рис уперся руками по обе стороны ног Кассиана и прорычал ему в лицо:

— Я твой *Высший Лорд*. Ты не можешь игнорировать приказы, которые тебе не по

нраву.

На этот раз Кассиану удалось сесть, и он выругался от боли, пронзившей его тело.

— Не цепляйся за титулы только потому, что злишься —

— Ты и твой треклятый драматизм сегодня на поле битвы почти *убили* тебя.

И хотя Рис почти выплюнул эти слова, в его глазах опять была паника. Как и в его голосе.

— Я не злюсь. Я *взбешен*.

— Значит тебе можно свирепеть из-за наших решений защищать *тебя* — а нас не позволено быть в ярости из-за тебя и *твоей* чуши о самопожертвовании?

Рис просто смотрел на него. Кассиан тоже уставился на него.

— Ты мог умереть, — сказал Рис, в его голосе была боль.

— Как и ты.

Они опять замолчали — и злость начала отступать.

Рис тихо сказал:

— Даже после Хайберна... я не могу этого выдержать.

Видеть его боль. Видеть любого из нас ранеными.

И как Рис говорил, как Кассиан наклонился вперед, снова морщась, и схватил Риса за плечо...

Я вышла из палатки. Оставила их, чтобы они поговорили. Азриэль и Мор последовали за мной.

Я прищурилась от бледного света — последнего перед настоящей темнотой. Когда мое зрение приспособилось... Нэста стояла у ближайшей палатки, и между ее ногами было пустое ведро. Ее влажные волосы были в беспорядке, а лицо забрызгано грязью. Видя нас, выходящих с мрачными лицами —

— Он в порядке. Его подлечили и он проснулся, — быстро сказала я.

Плечи Нэсты немного расслабились.

Она избавила меня от своих поисков, чтобы я смогла спросить ее о выслеживании Котла. Лучше сделать это сейчас, хоть в каком-то подобии уединенности. Особенно перед прибытием Армен.

Но Мор холодно спросила:

— Разве ты не должна была наполнить это ведро?

Нэста застыла. Посмотрела на Мор. Но Мор не вздрогнула от ее взгляда.

Через мгновение Нэста подняла свое ведро, на ее голених была запекшаяся кровь, и ушла, шлепая по грязи.

Я развернулась, обнаружив, что Азриэль направляется к палатке командиров, но Мор —

Она была сердитой. Она была *очень зла*, когда повернулась ко мне.

— Она не стала никому сообщать, что ты ушла.

Так вот откуда этот гнев.

— У Нэсты есть много качеств, но преданность, безусловно, одно из них.

Мор не улыбнулась. Не тогда, когда она сказала:

— Ты соврала.

Она стремительно понеслась к своей палатке, и после *такого* высказывания... У меня не было другого выбора, кроме как последовать за ней.

Пространство в основном занимали ее кровать и маленький стол, заваленный оружием и картами.

— Я не лгала, — сказала я, морщась. — Я просто... не сказала тебе, что планировала сделать.

Она уставилась на меня.

— Ты предложила мне *оставить тебя*, настаивая, что ты будешь в безопасности в лагере.

— Прости, — сказала я.

— Прости? *Прости?*

Она раскинула руки. Полетели комки грязи.

Я не знала, куда деться — даже как смотреть ей в глаза. Я и до этого видела ее расвирепевшей, но никогда... никогда она не сердилась на меня. У меня никогда не было друга, с которым я могла бы ссориться — который бы достаточно беспокоился из-за меня.

— Я знаю все, что ты собираешься сказать, все оправдания тому, почему я не могла пойти с тобой, — сорвалась Мор. — Но ни одно из них не оправдывает твою *ложь*. Если бы ты все объяснила, я бы отпустила тебя — если бы ты *доверяла* мне, я бы отпустила тебя. Или, возможно, отговорила тебя от идиотской идеи, которая почти *погубила* тебя. Они и *выслеживают* тебя. Они хотят наложить на тебя свои руки и *использовать* тебя. *Навредить тебе*. Ты видела лишь *небольшую часть* того, что Хайберн может сделать, что ему нравится делать. И чтобы сломить тебя, король сделает *все, что угодно*.

Я не знала, что еще сказать, кроме этого:

— Нам нужна была эта информация.

— Конечно же нужна. Но знаешь ли ты, какие чувства я испытала, когда смотрела Рису в глаза и говорила, что *понятия не имею*, где ты находишься? Осознавать — самой — что ты *исчезла* и, вероятно, одурачила меня, чтобы сделать это? — она начала мыть свое грязное лицо, размазывая грязь и кровь еще сильнее. — Я думала, что ты не настолько глупа. *Выше* подобных вещей.

От ее слов перед глазами вспыхнул огонь, опускаясь горячей линией по моему позвоночнику.

— Я не собираюсь это выслушивать.

Я повернулась, чтобы уйти, но Мор уже была тут и схватила меня за руку.

— О, да, не собираешься. Рис может лишь улыбаться и прощать, но все же есть *мы*, с которыми ты должна объясняться. Ты моя *Высшая Леди*. Ты понимаешь, что значат твои намеки, что ты не доверяешь нам, чтобы мы помогли тебе? Чтобы мы уважали твои желания, если ты хочешь что-то сделать в одиночку? Твоя *ложь* нам?

— Ты хочешь поговорить о лжи?

Я не знаю, как это вырвалось из меня. Жаль, что я не убила Ианфе собственноручно, только для того, чтобы избавиться от ярости, которая терзала меня изнутри.

— Как насчет того, что ты лжешь себе и всем нам *каждый день*?

Она застыла, но не ослабила хватку на моей руке.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Почему ты не идешь навстречу Азриэлю, Мор? Почему ты пригласила Гелиона в свою постель? Ты определенно не получила от этого удовольствие — я видела твой взгляд на следующий день. Так что перед тем, как обвинять меня во лжи, предлагаю тебе долго и пристально посмотреть на *себя* —

— Достаточно.

— Неужели? Не нравится, когда кто-то давит на тебя из-за этого? Из-за *твоих* решений?

Ну, мне тоже это не нравится.

Мор отпустила мою руку.

— Выметайся.

— Отлично.

Я не оглянулась, когда уходила. Интересно, слышала ли она мое грохочущее сердцебиение, когда я неслась по грязному лагерю.

Амрен нашла меня через двадцать шагов, держа в руках сверток.

— Каждый раз, как вы оставляете меня дома, *кого-то* умудряются выпотрошить.

ГЛАВА

62

Я не смогла заставить себя улыбнуться Амрен. Я едва смогла держать подбородок высоко.

Она посмотрела за мою спину, будто могла видеть путь, который я проделала от палатки Мор, запах битвы на мне.

— Будь осторожна, — предупредила меня Амрен, когда я подошла к ней и мы снова направились к нашей палатке, — с тем, как ты давишь на нее. Есть такая правда, с которой даже Морриган не сможет справиться.

Бурлящая ярость медленно превращалась во что-то холодное, тошнотворное и тяжелое.

— Мы все сражаемся время от времени, девочка, — произнесла Амрен. — Вы обе должны остыть. Поговорите завтра.

— Хорошо.

Амрен бросила на меня острый взгляд, ее волосы развивались от движений, пока мы шли к моей палатке.

Рис и Азриэль удерживали между собой Кассиана, пока аккуратно усаживали его в кресло за рабочий стол. Лицо главнокомандующего все так же было бледным, но кто-то нашел рубашку для него — и смыл кровь. Судя по тому, как Кассиан обмяк в кресле... Должно быть, он настоял на своем присутствии здесь. И по тому, как Рис легонько взъерошил его волосы, когда обошел стол... Эта рана тоже затянулась.

Рис выгнул бровь, когда я вошла, все еще притопывая ногами. Я покачала головой. *Расскажу позже.*

Когти ласково прошлись по моему самому дальнему барьеру — успокаивая.

Амрен положила Книгу на стол с такой силой, что этот звук эхом отразился от земли под нашими ногами.

— Вторая и предпоследняя страницы, — произнесла я, пытаюсь не дрожать от ощущения силы Книги, что наполнила всю палатку. — Сюриэль утверждал, что ключ, который ты ищешь, находится там. О том, как аннулировать силу Котла.

Я надеялась, что Рис рассказал Амрен обо всем, что произошло — и полагала, что он сказал кому-нибудь привести Нэсту, так как в следующую секунду она уже входила в палатку.

— Ты принесла их? — спросил Рис Амрен, пока Нэста молча подходила к столу.

Грязь покрывала ее ноги до щиколоток, моя сестра остановилась на другой стороне – подальше от кресла Кассиан. Она осмотрела его. Ее лицо ничего не выражало, но руки... Готова поклясться, что я заметила легкую дрожь в ее пальцах, прежде чем она сжала их в кулак и повернулась к Амрен. Кассиан еще немного смотрел на нее, прежде чем тоже повернуться к Амрен. Как долго Нэста стояла на том холме, наблюдая за битвой? Видела ли она, как он упал?

Амрен покопалась в кармане своего плаща цвета олова и швырнула черный бархатный мешочек на стол. Он застучало, ударившись о дерево.

— Кости и камни.

Нэста лишь наклонила голову при виде мешочка.

Твоя сестра пришла сразу же, когда я объяснил, что нам надо, произнес Рис. Думаю, болезненный вид Кассиана убедил ее не устраивать сцен сегодня.

Или же убедил мою сестру затеять ссору с кем-то другим.

Нэста подняла мешочек.

— Итак, я должна разбросать это, как уличный шарлатан, и они найдут Котел?

Амрен сдавленно рассмеялась.

— Что-то вроде того.

Дужки грязи были под ногтями Нэсты. Она, казалось, не обращала на это внимание, когда развязала маленький мешочек и высыпала его содержимое на стол. Три камня, четыре кости. Кости были коричневыми и отполированными временем; камни были белыми, словно луна, и гладкими, как стекло. На всех были тонкие буквы, которые я не могла вспомнить.

— Три камня для обличий Матери, — сказала Амрен, глядя на хмурую Нэсту. — Четыре кости... по каким-то причинам, которые придумали *шарлатаны*, и которые я не стала запоминать.

Нэста фыркнула. Рис тоже. Моя сестра спросила:

— Значит — я должна просто потрясти их в своих руках и кинуть? И как я придаю всему этому смысл?

— Мы можем выяснить это, — сказал Кассиан, его голос был грубым и измученным. — Но для начала поддержи их в руках и подумай — о Котле.

— Не просто *думай* о нем, — поправила Амрен. — Ты должна мысленно направить свой разум к нему. Найти связь, которая объединяет вас.

Даже я замерла от ее слов. И Нэста, теперь держа камни и кости в руке... Она не закрыла глаза.

— Я — должна... коснуться ее?

— Нет, — предупредила Амрен. — Лишь подойти поближе. Найти ее, но не контактировать.

Нэста все еще не двигалась. Она не могла пользоваться ванной, как она однажды сказала мне. Потому что воспоминания, которые всплывали —

Кассиан сказал ей:

— Ничто не может навредить тебе здесь.

Он выдохнул, тихо застонав, и поднялся на ноги. Азриэль попытался остановить его, но Кассиан отмахнулся от него и подошел к моей сестре. Он оперся рукой о стол, остановившись.

— Ничто не может тебе навредить, — повторил он.

Нэста все еще смотрела на него, когда окончательно закрыла глаза. Я наклонилась,

чтобы увидеть то, что не заметила до этого.

Нэста стояла у карты, сжимая кости и камни в руке над ней. Кассиан остался рядом с ней — вторая его рука лежала на ее спине.

И я поразились, что она позволила ему это — поразились так же сильно, как и забрызганной грязью руке, которую она вытянула. Концентрации, отображающейся на ее лице.

Ее глаза двигались под веками, будто осматривая мир.

— Я ничего не вижу.

— Иди глубже, — настаивала Амрен. — Найди эту нить между вами.

Она замерла, но Кассиан подошел ближе, и она снова сосредоточилась.

Прошла минута. Еще одна.

Нэста сморщилась. Ее рука затряслась.

Ее дыхание стало чаще и тяжелее, губы искривились, когда и она тяжело задышала сквозь зубы.

— Нэста, — тревожно произнес Кассиан.

— Тихо, — оборвала его Амрен.

Она издала тихий звук — от страха.

— Где это, девочка? — уговаривала ее Амрен. — Открой свою руку. Позволь нам посмотреть.

Пальцы Нэсты лишь сильнее сжались, ее костяшки стали такими же белыми, как и камни, которые она зажала в кулаке.

Слишком глубоко — куда бы она ни зашла —

Я потянулась к ней. Не физически, а своим разумом.

Если ментальные ворота Элейн был похож на спящий сад, то у Нэсты... Они были неприступной крепостью, острой и жестокой. Такой, что мне почудилось, что на эти пики когда-то насаживали людей.

Но они были широко распахнуты. И внутри...

Темнота.

Темнота, которой я никогда не видела, даже с Рисандом.

Нэста.

Я шагнула в ее разум.

Образы обрушились на меня.

Один за другим, и я увидела их.

Армию, которой простиралась до горизонта. Оружие, ненависть, широкие усмешки.

Я увидела короля, стоящего у карты в военной палатке. Рядом с ним был Юриан, несколько командиров и Котел, притаившийся в самом центре комнаты.

И там была Нэста.

Стоящая в этой палатке и смотрящая на короля, на Котел.

Застывшая на месте.

Ее лицо выражало чистый страх.

— Нэста.

Казалось, что она не слышала меня, лишь смотрела на них.

Я потянулась к ее руке.

— Ты нашла их. Я вижу — вижу, где это.

От лица Нэсты отхлынула кровь. Но она все-таки перевела свое внимание на меня.

— Фейра.

Удивление было в ее широких от ужаса глазах.

— Пошли обратно, — сказала я.

Она кивнула, и мы развернулись. Но я почувствовала его — мы обе почувствовали.

Не короля или его командиров, обсуждающих какой-то план. Не Юриана, который играл в свою смертельную игру, обманывая их. А Котел. Словно какое-то огромное существо открыло свой глаз.

Кажется, Котел почувствовал, что мы смотрим. Почувствовал нас *здесь*.

Я чувствовала, будто он хотел броситься на Нэсту. Я схватила сестру и побежала.

— Разожми кулак, — приказала я ей, когда мы побежали к железным воротам ее сознания. — Разожми его *сейчас же*.

Она задышалась, и эта чудовищная сила следовала за нами, словно черная волна.

— Разожми его *сейчас же*, или он пройдет за нами. Разожми его *сейчас же*, Нэста!

Я услышала слова, когда выбралась из ее разума — услышала их, потому что сама же прокричала их в палатке.

Вздыхнув, она разжала пальцы, и камни с костями упали на карту.

Кассиан обхватил ее за талию, когда она покачнулась. И зашипел от боли.

— Что за *чертовщина* —

— Смотрите, — выдохнула Амрен.

Никак нельзя сделать такой бросок — лишь магия могла сделать такое.

Камни и кости сложились в идеальный узкий круг вокруг точки на карте.

Нэста и я побледнели. Я видела масштабы армии — мы обе видели. Пока Хайберн отправлял нас на север, позволяя нам преследовать их в двух сражениях...

Король расположился на западной границе человеческой территории.

Между ними и поместьем нашей семьи не было и ста миль.

Рисанд позвал Тарквина и Гелиона, чтобы показать им наше открытие.

У нас слишком мало воинов, даже с тремя собранными здесь армиями, чтобы отправиться туда. Я показала Рисанду, что видела — и он показал это всем остальным.

— Каллиас скоро прибудет, — сказал Гелион, запустив руку в свои волосы цвета оникса.

— Ему придется привести с собой четыре тысячи воинов, — сказал Кассиан. — Сомневаюсь, что у него есть даже половина этого.

Рис все смотрел и смотрел на круг из костей и камней на карте. Я чувствовала, как гнев нарастает в нем — не только на Хайберна, но и на самого себя, за то, что не подумал о том, что он может играть с нами. Загнав нас сюда.

Мы выиграли эти два сражения — Хайберн выиграл эту войну.

Он знал, чего ожидать в Серединных Землях.

И Хайберн сейчас согнал нас всех сюда — в это место — чтобы он и его огромная армия смогли увести нас на север. Очистив юг, в конечном итоге подталкивая нас к Серединным Землям или заставляя разделиться, чтобы не попасть в смертельный клубок деревьев и их обитателей.

И если мы вступим с ними в бой... Мы просто обречем себя на смерть.

Никто из нас не был настолько глуп, чтобы строить какие-то планы о Юриане,

несмотря на его настоящую преданность. Лучшим выходом для нас является возможность выиграть время для прибытия наших союзников. Каллиаса. Тэсана.

Тамлин решил, на чьей он стороне в этой войне. И даже если бы он выбрал Прифиан, он не смог бы собрать армию после того, как я разрушила веру его людей в него.

А Мириам и Дрейкон... *У нас нет времени*, сказал мне Рис. *Чтобы выслеживать их — чтобы найти их и вернуться с их армией. Мы можем вернуться и обнаружить, что Хайберн стер с карт наши собственные войска.*

Но был еще и Косторез — если бы я рискнула получить его приз. Я не упомянула это, не предложила это. Пока точно не буду уверена — когда не буду почти без сознания от истощения.

— Остановимся на этом, — громко выдохнул Тарквин. — Встретимся завтра на рассвете. Принятие решений после долгого дня никому не поможет.

Гелион согласился и ушел. Было сложно не смотреть, не сравнивать его с Люсьеном. Их носы были одинаковыми — абсолютно идентичными. Как так получилось, что никто не обнаружил этого?

Полагаю, это последняя из моих проблем. Тарквин последний раз взглянул на карту и добавил:

— Мы найдем способ противостоять ему.

Рис кивнул, пока губы Кассиана изгибались в слабой улыбке. Он вернулся в свое кресло на время обсуждения, и сейчас пил лечебный настой, который ему принес Азриэль.

Тарквин отвернулся от стола, прямо тогда, когда вход в палатку заслонили широкие плечи —

Вариан. Он не смотрел на своего Высшего Лорда, его взгляд был прикован к Амрен, сидящей во главе стола. Будто он знал, что она здесь — или кто-то сказал ему об этом. И он побежал.

Глаза Амрен вспыхнули, когда она оторвалась от Книги из-за Вариана. Застенчивая улыбка расцвела на ее губах.

Грязь и кровь все еще были на его темной коже, покрывали его серебряные доспехи и короткие белые волосы. Казалось, что он не замечал никого вокруг, когда кинулся к Амрен.

И никто из нас не посмел заговорить с ним, когда Вариан опустился на колени перед креслом Амрен, взял ее удивленное лицо в свои широкие руки и крепко поцеловал.

ГЛАВА

63

Никто из нас не остался надолго после ужина.

Амрен и Вариан даже не потрудились присоединиться к нам.

Нет, она просто обвила ногами его талию, прямо перед нами, и он встал, подняв ее одним быстрым движением. Я не была полностью уверена, как Вариану удалось выйти из палатки, все еще целуя ее. Руки Амрен тянули его волосы, она издавала звуки, отвратительно похожие на мурлыканье, когда они исчезли в лагере.

Рис рассмеялся, когда мы все потеряли их из виду.

— Полагаю, Вариан решил так сказать Амрен, что он очень благодарен, что она приказала нам отправиться в Адриату.

Тарквин съежился.

— Мы будем чередоваться, присматривая за ними двумя на праздниках.

Кассиан хрипло усмехнулся и посмотрел на Нэсту, которая оставалась бледной и спокойной. То, что она видела, что я видела в ее голове...

Размер той армии...

— Еда или кровать? — спросил Кассиан Нэсту, и я честно не могла сказать, подразумевал ли он под этим какое-то приглашение.

Я хотела сказать ему, что он не в той форме.

Нэста только сказала:

— Кровать.

И в ее уставшем ответе точно *не было* никакого приглашения.

Мы с Рисом продолжили есть, спокойно обсуждая то, что мы видели. Я исчерпала все свои силы, так что едва успела закончить свою тарелку жареной баранины, прежде чем заползла на кровать и упала на одеяла. Рис разбудил меня только для того, чтобы стянуть с меня сапоги и куртку.

Завтра утром. Мы выясним, как справиться со всем завтра утром. Я поговорю с Амрен о том, чтобы, наконец, позвать Бряксиса, чтобы тот помог нам уничтожить эту армию.

Возможно, было что-то еще, чего мы не видели. Еще один шанс на спасение, кроме заклинания аннулирования сил.

Мои сны были запутанным садом, направившим свои колючки на меня, и я наткнулась на них.

Мне снился Сюриэль, истекающий кровью и улыбающийся. Мне снилось, как раскрытая пасть Ткачихи вгрызается в Ианфе, пока она все еще кричит. Мне снилось, что Лорд Грейсен — такой смертный и молодой — стоит на краю лагеря, призывая Элейн. Говоря ей, что он пришел за ней. Зовя ее поехать домой с ним. Что он нашел способ исправить то, что с ней сделали — снова сделать ее человеком.

Мне приснился Котел в палатке короля Хайберна, такой темный и дремлющий... Просыпаясь, когда мы с Нэстой появились там, невидимые и бестелесные.

Как он посмотрел на нас. *Знал* о нас.

Я чувствовала его взгляд даже теперь. В своих снах. Чувствовала, как он протягивает ко мне древнюю, черную конечность —

Я вздрогнула и проснулась.

Обнаженный Рис обнимал меня, его лицо смягчилось от сна. В темноте палатки я слушала его дыхание.

Треск костров снаружи. Сонные перешептывания воинов на посту. Ветер вздымал холщовые палатки, развевал флаги, венчающие их.

Я смотрела в темноту и слушала.

Кожа на моих руках покрылась мурашками.

— Рис.

Он мгновенно проснулся — и сел прямо.

— Что это?

— Что-то... — я так сильно прислушивалась, что мои уши заболели. — Здесь что-то есть. Что-то не так.

Он задвигался, призывая свои штаны и ремень. Я последовала его примеру, все еще пытаясь прислушаться, спотыкаясь пальцами о пряжки.

— Я спала, — прошептала я. — Мне снился Котел... что он снова *посмотрел* на меня.

— Дерьмо.

Слово было шипящим вдохом.

— Думаю, мы открыли дверь, — вздохнула я, натягивая сапоги. — Думаю... я думаю...

Я не смогла закончить предложение, когда я поспешил к выходу из палатки, а Рис шел за мной по пятам. Нэста. Мне надо найти Нэсту —

Золотисто-коричневые волосы вспыхнули в свете огня, и она уже была там, ища меня, все еще в своей ночной рубашке.

— Ты тоже это слышала, — задыхалась она.

Слышала — я не слышала, а просто *почувствовала* —

Маленькая фигурка Амрен выбежала из палатки, на ней было что-то, напоминающее рубашку Вариана. Она доходила ей до колен, и ее владелец был позади нее, как и Рис, с обнаженной грудью, и широко раскрытыми глазами.

Босые ноги Амрен были измазаны грязью и травой.

— Она пришла сюда — его сила. Я чувствую ее — кружащую вокруг. *Наблюдающую*.

— Котел, — сказал Вариан, нахмурившись. — Но — откуда ему *известно*, где мы?

— Мы зашли слишком глубоко, — сказала Амрен. — Он знает, где мы, как и мы знаем, где он находится.

Нэста подняла руку.

— *Слушайте*.

И тогда я услышала.

Это была песня и приманивание, несколько нот, которые пел голос одновременно мужской и женский, молодой и старый, преследующий и соблазнительный, и —

— Я ничего не слышу, — сказал Рис.

— Ты не были Созданы, — огрызнулась Амрен.

Но мы были. Мы трое...

Котел опять исполнил свою песню сирены.

Я отпрянула всем телом.

— Что он *хочет*?

Я почувствовала, что он уходит — почувствовала, как он скользнул в ночь.

Азриэль вышел из тени.

— Что это? — прошипел он.

Мои брови поднялись.

— Ты слышишь это?

Он встряхнул головой.

— Нет — но тени, ветер... Им страшно.

Котел снова запел.

Отдаленно — исчезающе.

— Думаю, он уходит, — прошептала я.

Кассиан споткнулся и пошатнулся, через мгновение присоединяясь к нам. Его рука была закреплена на груди. Мор пришла после него. Она только посмотрела на меня, как и я на нее, пока Рис вводил их в курс дела. Мы стояли все вместе в мертвой ночи —

Котел пропел последнюю ноту — затем замолчал.

Его присутствие, тяжелый вес... исчезли.

Амрен вздохнула.

— Хайберн знает, где мы сейчас находимся. Котел, скорее всего, хотел сам посмотреть.

После того, как мы раздражили его.

Я потеряла лицо.

— Давайте молиться, что мы видим такое в последний раз.

Вариан наклонил голову.

— Итак, вы трое... потому что вы были *Созданы*, вы можете слышать его? Чувствовать его?

— Похоже на то, — сказала Амрен, готовая утащить его обратно в место, в котором они были, чтобы закончить то, что им пришлось прервать на середине.

Но Азриэль тихо спросил:

— А как насчет Элейн?

Что-то холодное прошло через меня. Нэста просто посмотрела на Азриэля. Смотрела и смотрела —

Затем она побежала.

Ее босые ноги скользили по грязи, забрызгивая меня, когда мы понеслись к палатке нашей сестры.

— Элейн —

Нэста забежала в палатку.

Она остановилась так резко, что я врезалась в нее. Палатка — палатка была пуста.

Нэста бросилась внутрь, отбрасывая одеяла, как будто Элейн каким-то образом впечаталась в землю.

— *Элейн!*

Я побежала по лагерь, осматривая ближайшие палатки. Одним взглядом на Риса я передала то, что мы обнаружили внутри. Иллирийский меч появился в его руке, прежде чем он рассеялся.

Азриэль подошел ко мне, прямо в палатку, где теперь Нэста поднималась на ноги. Он сложил крылья, протискиваясь в узкое пространство, не обращая внимания на предупреждающие крики Нэсты, и опустился на колени рядом с койкой.

Он провел изуродованной рукой по смятым одеялам.

— Они все еще теплые.

Снаружи Кассиан выкрикивал приказы, пробуждая лагерь.

— Котел, — выдохнула я. — Котел исчез — ушел куда-то —

Нэста уже бежала туда, где мы слышали этот голос. *Выманивающий* Элейн.

Я знала, как это было сделано.

Мне приснилось это.

Грейсен стоял на краю лагеря, зовя ее, обещая ей любовь и исцеление.

Мы достигли роши деревьев на краю лагеря прямо тогда, когда из ночи появился Рис, его клинок теперь был закреплен на его спине. В его руках было что-то. Никаких эмоций не было на его настороженном лице.

Нэста издала звук, который напоминал всхлип, когда я поняла, что он нашел на краю леса. Что Котел оставил, в спешке возвращаясь в военный лагерь Хайберна. Или как насмешливый дар.

Темно-синий плащ Элейн, еще хранящий тепло ее тела.

Нэста сидела в своей палатке, обхватив голову руками. Она не говорила, не двигалась. Ушедшая в себя, цепляющаяся за целостность — вот как она выглядела. Как я себя чувствовала.

Элейн — ее забрали в армию Хайберна.

Нэста украла что-то жизненно важное у Котла. И в те моменты, когда Нэста выслеживала его... Котел узнал, что важно для *нее*.

Таким образом, Котел украл что-то взамен.

— Мы вернем ее, — сказал Кассиан, сидя на мягком подлокотнике шезлонга в небольшой гостиной и внимательно наблюдая за ней.

Рис, Амрен и Мор были на встрече с другими Высшими Лордами, сообщая им с произошедшем. Чтобы посмотреть, знают ли они что-то. Могут ли как-то помочь.

Нэста опустила руки, подняв голову. Ее глаза были красными, а губы поджаты.

— Нет, ты не сможешь, — она указала на карту на столе. — Я видела эту армию. Ее размеры, воинов. *Я видела ее*, и нет никаких шансов, что *кто-то* из вас проникнет в ее сердце. Даже ты, — добавила она, когда Кассиан снова открыл рот. — *И уж точно не тогда*, когда ты ранен.

И то, что Хайберн сделает с Элейн, что, возможно, уже делает —

Стоя в тени у входа в палатку, Азриэль сказал, будто в ответ на какой-то спор:

— Я верну ее.

Нэста посмотрела на Говорящего с тенями. Светло-коричневые глаза Азриэля горели золотым в тени.

Нэста сказала:

— Тогда ты умрешь.

Азриэль только повторил, яростно сверкнув глазами:

— Я верну ее.

С его тенями, у него может получиться сделать это. Но там будут защитные заклинания, которые тоже следует принимать во внимание, и древняя магия, и король со своими заклинаниями и Котлом...

На мгновение я увидела палитру красок, которые Элейн когда-то купила мне на деньги, которые она сохранила. Красная, желтая и синяя, которые я растягивала, которые использовала в рисунках на комодe в нашем доме. К тому моменту я уже давно не рисовала, не осмеливалась тратить деньги на себя... Но Элейн сделала это для меня.

Я встала. Встретила гневный взгляд Азриэля.

— Я пойду с тобой, — сказала я.

Азриэль только кивнул.

— Вы не сможете забраться в лагерь достаточно далеко, — предупредил Кассиан.

— Я пойду прямо в него.

И когда он нахмурился, я изменила форму своего тела. Не зачаровала, а действительно

изменила тело.

— Дерьмо, — выдохнул Кассиан, когда я закончила.

Нэста поднялась на ноги.

— Они уже могут знать, что она мертва.

Потому что я заполучила лицо Ианфе, ее волосы. На это ушли почти все остатки моей магии. Что-то еще... У меня может не хватить сил удерживать ее облик. Но есть и другие способы. Пути. Заполучить нужные мне вещи.

— Мне нужен один из твоих Сифонов, — сказал я Азриэлю.

Отенок синего был немного глубже, но ночью... они могут не заметить разницы.

Он вытянул ладонь, круглый, плоский голубой камень появился на ней, и бросил мне его. Я обхватила пальцами теплый камень, его сила отзывалась в моих жилах как неземное сердцебиение, когда я посмотрела на Кассиана.

— Где кузнец?

Лагерный кузнец ничего не спросил, когда я вручила ему серебряные подсвечники из моей палатки и Сифон Азриэля. Когда я попросил его сделать обруч. Немедленно.

У смертного кузнеца это заняло бы много времени. Но у Фэ...

К тому времени, как он закончил, Азриэль сходил к лагерной жрице и достал запасной набор их одеяний. Возможно, не точно такого же, как у Ианфе, но достаточно похожего. Так как она была Высшей Жрицей, никто не смел смотреть на нее слишком пристально. И задавать вопросы.

Я как раз надела обруч поверх капюшона, когда Рис зашел в нашу палатку. Азриэль сосредоточенно затачивал свой Говорящий Правду, а Кассиан работал с оружием, которое я закреплю под одеянием — надетым поверх иллирийских кож.

— Он почувствует твою силу, — сказала я Рису, прежде чем он смог что-то сказать.

— Я знаю, — хрипло сказал Рис.

И я поняла — поняла, что другие Высшие Лорды ни к чему не пришли.

Мои руки начали дрожать. Я знала расклад. Видела это в голове Нэсты несколько часов назад.

Рис приблизился ко мне, сжимая мои руки. Глядя на *меня*, а не на лицо Ианфе, как будто он мог видеть мою душу под ним.

— Вокруг лагеря наложены защитные заклинания. Ты не сможешь рассеяться. Ты сможешь войти — и выйти. А потом ты сможешь переместиться прямо сюда.

Я кивнула.

Он поцеловал меня в лоб.

— Ианфе продала твоих сестер, — сказал он, и его голос стал резким и решительным. — Справедливо, что ты используешь ее, чтобы вернуть Элейн.

Он обхватил мое лицо, и мы оказались нос к носу.

— Не отвлекайся. Не мешкай. Ты воин, а воины знают, когда начинать свои сражения.

Я кивнула, и наше дыхание смешалось.

Рис зарычал.

— Они взяли то, что принадлежит нам. И мы не позволим им остаться безнаказанными.

Его сила кружилась и извивалась вокруг меня.

— Ты не боишься, — выдохнул Рис. — Ты не дрогнешь. Ты не уступишь. Ты зайдешь, ты

заберешь ее, и ты снова выйдешь.

Я снова кивнула, удерживая его взгляд.

— Помни, что ты волчица. И тебя нельзя посадить в клетку.

Он еще раз поцеловал меня в лоб. Моя кровь закипала во мне, призывая пустить их кровь.

Я начала закреплять оружие, которое Кассиан выложил аккуратными рядами на столе, Рис помогал мне с ремнями и петлями, располагая их так, чтобы они не были видны под моей одеждой. Но я не могла взять с собой иллирийский меч — не было способа скрыть его и иметь доступ к нему. Кассиан дал мне дополнительный кинжал, чтобы компенсировать его отсутствие.

— Ты перенесешь их туда и обратно, говорящий с тенями, — сказал Рис Азриэлю, когда я подошла к главному шпиону, остро ощущая вес оружия и струящуюся тяжелую робу. — Мне все равно, скольких тебе придется убить, чтобы сделать это. Они обе должны выйти.

Азриэль серьезно, спокойно кивнул.

— Клянусь, Высший Лорд.

Формальные слова, официальные титулы.

Я взяла изуродованную руку Азриэля, и вес его Сифона врезался в мой лоб через капюшон. Мы посмотрели на Риса, на Кассиана и Нэсту, на Мор — прямо тогда, когда она появилась, затаив дыхание, остановившись у входа в палатку. Ее глаза остановились на мне, затем на Говорящем с тенями, и вспыхнули от шока и страха —

Но мы исчезли.

Темный ветер Азриэля отличалось от Риса. Он был холоднее. Острее. Он прорезался сквозь мир как лезвие, копьем летя к лагерю армии Хайберна.

Все еще была ночь, а рассвет, возможно, наступит через два часа. Азриэль приземлился в густом лесу на вершине холма, с которого виднелась окраину огромного лагеря.

Король использовал те же заклинания, которые Рис наложил вокруг Велариса и наших войск. Заклинания, скрывающие от взора, и отвлекающие людей, которые подходят слишком близко.

Мы приземлились прямо внутри них благодаря указаниям Нэсты. С прекрасным видом на город воинов, который уходил далеко в ночь.

Горели костры, они были так же многочисленны, как звезды. Звери рычали и шипели, дергаясь на поводках и цепях. Армия тянулась все дальше и дальше, затаившийся ужас, высасывающий жизнь из земли.

Азриэль молча исчез в темноте — пока не стал всего лишь моей собственной тенью.

Я отряхнула бледное одеяние жрицы, поправила обруч на своей голове и начала спускаться с холма.

Прямо в сердце армии Хайберна.

ГЛАВА

65

Первая проверка будет самой опасной — и информативной.

Пройти через стражников, стоящих на краю лагеря — и узнать, слышали ли они о кончине Ианфе. Узнать, какой властью Ианфе действительно здесь обладала.

Я придала лицу то блаженное, красивое выражение, с которым она всегда ходила, держа голову прямо, как она. Свое кольцо мейтов я перевернула и надела на другую руку, а несколько серебряных браслетов, которые Азриэль позаимствовал у лагерных жриц, болтались на моих запястьях. Я позволила им громко брнчать, как это было у нее, словно колокольчик на ошейнике кота.

Зверек — по моим предположениям, Ианфе не больше, чем зверек короля.

Я не видела Азриэля, но могла чувствовать его, будто Сифон, который заменял драгоценный камень Ианфе, связывал нас. Он обитал в каждой тени, осматривая пространство впереди и позади меня.

Шесть стражников, стоящие у входа в лагерь, следили за Ианфе, напыщенные в темноте, с неприкрытым отвращением. Я ожесточила свое сердце, *стала* ей, гордой и застенчивой, тщеславной и хищной, святой и чувственной.

Они не остановили меня, когда я прошла мимо них и вышла на длинную широкую улицу, которая проходила через весь бесконечный лагерь. Они не выглядели озадаченными или выжидающими.

Я не осмелилась расслабить осанку или даже вздохнуть с облегчением. Не тогда, когда я когда я направилась вниз по широкой дороге, проходя мимо палаток и кузниц, костров и — и вещей, на которые я не смотрела, к которым даже не поворачивалась, когда звуки, исходящие от них, достигали моих ушей.

В сравнении с этим местом Двор Кошмаров выглядел как людская гостиная, в которой сидели целомудренные девицы, вышивающие подушки.

И где-то в этой адской яме... Элейн. Котел подарил ее королю? Или она где-то посередине, пойманная в темный мир внутри Котла?

Я видела палатку короля во время гадания Нэсты. Кажется, она находится не очень далеко от моего текущего местоположения, возвышаясь как гигантский, колючий зверь в центре лагеря. Чтобы добраться до нее, мне предстоит пройти еще несколько препятствий.

Если мы сможем забраться так далеко незамеченными.

Ночное время сработало нам на руку. Воины, которые не спали, делали разные ужасные вещи либо стояли на страже и хотели их делать. Остальные спали.

Странно было осознавать, идя пружинистой походкой под звон украшений к сердцу лагеря, что Хайберну действительно нужен отдых.

Я почему-то думала, что он им не нужен — что их сила и ярость бесконечны и выходят за рамки обычного.

Но они тоже уставали. И ели. И спали.

Возможно, не так быстро и сильно, как люди, но нам повезло, что до рассвета еще два часа. Хотя как только солнце разгонит тени... Как только они ясно увидят неточности моей маскировки...

Было сложно рассматривать палатки, проходя мимо них, трудно сосредотачиваться на звуках лагеря, притворяясь кем-то, полностью привыкшему к ним. Я даже не знала, *была* ли у Ианфе здесь палатка — могла ли она находиться рядом с королем в любое время.

Я сомневалась в этом — сомневалась, что мы сможем пробраться прямо в его личную палатку и узнать, где ко всем чертям находится Элейн.

Огромный костер, потрескивая, горел в центре лагеря, звуки шумной попойки достигли

нас задолго до того, как мы смогли увидеть ее.

Через мгновение я поняла, что большинство воинов *не* спало.

Они были здесь.

Отмечали.

Некоторые свирепо скакали вокруг костра, их искаженные очертания были как перекрученные тени, летящие в ночи. Некоторые пили пиво из огромных дубовых бочек, которые я узнала — они были из запасов Тамлина. Некоторые кривлялись — некоторые просто наблюдали.

Но через смех, пение и музыку, громче треска огня... Были слышны крики.

Тени сгустились у моего плеча, напоминая мне о том, что не нужно бежать.

Ианфе бы не побежала — не показала бы тревоги. Снова послышались крики, и у меня во рту пересохло.

Я не могла этого вынести — позволять им и дальше звучать, смотреть, что они сделали

—

Рука-тень Азриэля схватила мою, подталкивая меня ближе. Ярость просачивалась сквозь его невидимые очертания.

Мы ленивой походкой обошли гулянку и увидели то, что было на другой ее стороне. Кричащая —

Это была не Элейн.

Это не Элейн свисала с дыбы возле импровизированного гранитного возвышения.

Это была одна из Детей Благословенных, молодая и стройная —

У меня скрутило живот, волна тошноты подступила к моему горлу. Рядом с ней были прикованы еще две девушки. Как они прогибались, раны на их обнаженных телах —

Клэр. Это было похоже на то, что сделали с Клэр. И как Клэр, они были оставлены там чтобы сгнить, чтобы вороны обязательно закончили начатое на рассвете.

Но эта девушка продержалась дольше.

Я не могу. Я не могу — не могу *оставить* ее здесь —

Но если я еще немного задержусь, то они увидят это. И привлечь к себе внимание...

Смогу ли я жить с этим? Однажды я убила двух невинных фейри, чтобы спасти Тамлина и его людей. Если я оставлю ее здесь, чтобы спасти свою сестру, то буду не лучше ее убийц...

Незнакомка. Я ее *не знаю* —

— Он ищет тебя, — протянул холодный мужской голос.

Я повернулась, обнаруживая Юриана, выходящего из-за двух палаток, поправляющего свой пояс для меча. Я посмотрела на возвышение. И будто невидимая рука смахнула дым...

Там сидел Король Хайберна. Он раскинулся на своем стуле, оперев голову о кулак, и на его лице читалось смутное удовольствие от наблюдения за весельем, пытками и мучениями. Подхалимством толпы, которая время от времени пила за его здоровье или поклонялась ему.

Усилием я придала своему голосу мягкость и веселье.

— Я была занята своими сестрами.

Юриан долго смотрел на меня, а потом его взгляд скользнул к Сифону на моей голове.

Я знала, что в этот момент он понял, кто перед ним. Его карие глаза вспыхнули — слегка.

— Где она, — выдохнула я.

Юриан самоуверенно усмехнулся. Не для меня, но для тех, кто наблюдал за нами.

— Ты увиваешься за мной несколько недель, — промурлыкал он. — Исходи из этого.

Мое горло сжалось. Но я положила руку на его предплечье, хлопая ресницами и подходя к нему поближе.

Озадаченное фырканье.

— Мне трудно поверить, что так ты заполучила его сердце.

Я постаралась не нахмуриться.

— Где она.

— В безопасности. Ее не трогали.

Моя грудь опустилась от его слов.

— Ненадолго, — сказал Юриан. — Его повергло в шок ее появление перед Котлом. Он запер ее. И пришел сюда, чтобы поразмыслить, что с ней делать. И как заставить вас заплатить за это.

Я пробежала пальцами по его руке, а затем положила ее над его сердцем.

— Где. Она.

Юриан наклонился, как будто он целовал меня, и прижал свой рот к моему уху.

— Ты же достаточно умна, чтобы убить ее прежде, чем забраться в ее кожу?

Мои руки сжались на его куртке.

— Она получила то, что заслуживала.

Я почувствовала, как Юриан улыбнулся.

— Она в его палатке. Закована цепями и небольшим заклиниванием из его любимой книжки.

Черт. *Черт*. Возможно, мне нужно было взять с собой Гелиона, который может сломить почти любое —

Юриан поймал мой подбородок между своим большим и указательным пальцами.

— Пошли в мою палатку, Ианфе. Посмотрим, что умеет делать этот симпатичный ротик.

Я изо всех сил постаралась не отшатнуться от него, но позволила Юриану положить руку на мою поясницу. Он усмехнулся.

— Похоже, на тебе уже какое-то оружие. И мое не понадобится.

Я подарила ему милую солнечную улыбку.

— Что за девушка на дыбе?

В его глазах мелькнула тьма.

— До нее были и другие, и еще больше будет после.

— Я не могу оставить ее здесь, — сказала сквозь зубы.

Юриан повел меня по лабиринту палаток, направляясь к внутреннему кругу.

— Твоя сестра или она — ты не сможешь вывести обеих.

— Приведи ее ко мне, и я сама все сделаю.

Юриан пробормотал:

— Скажи, что хочешь помолиться перед Котлом, прежде чем мы уединимся.

Я моргнула, осознавая, что здесь были стражники — стражники и гигантская палатка цвета костей впереди. Я сложила руки перед собой и сказала Юриану:

— Прежде чем мы... уединимся, я хотела бы помолиться перед великим Котлом. Чтобы поблагодарить за сегодняшнюю щедрость.

Юриан принял рассерженный вид — как возбужденный мужчина, которого задерживали.

— Поторопись, — сказал он, указывая подбородком на стражников по обеим сторонам

входа в палатку.

Я уловила взгляд, которым он посмотрел на них — как мужчина на мужчину. Они не скрывали свое раздражение, когда я прошла мимо них.

И так как я была *Ианфе*... я страстно улыбнулась каждому, оценивая, могут ли они делать завоевания другого рода, отличные от тех, что они собирались совершить в Прифиане.

Судя по ответной ухмылке одного из них, он был в моих руках.

Позже, сказала я ему взглядом. *Когда я закончу с человечешкой.*

Он начал поправлять свой пояс, когда я проскользнула в палатку.

Довольно темно — и холодно. Палатка была похожа на предрассветное небо.

Никакого фейского света. И в центре громадной палатки... темнота, поглощающая свет. Котел.

Волосы на моих руках встали дыбом.

Юриан прошептал мне на ухо:

— У тебя есть пять минут, чтобы вывести ее. Уходите к западному краю — там есть скала, с которой видна река. Я встречу вас там.

Я посмотрела на него.

Улыбка Юриана была белой вспышкой в этом мраке.

— Если услышишь крики, не паникуй.

Он отвлечет их. Он ухмыльнулся, смотря на тени.

— Надеюсь, ты сможешь унести троих, говорящий с тенями.

Азриэль никак не подтвердил своего присутствия здесь.

Юриан еще немного смотрел на меня.

— Сохрани кинжал для своего сердца. Если они поймают тебя живой, король... — он покачал головой. — Не дай им поймать себя живой.

А потом он ушел.

Секундой позже в углу палатки из глубоких теней появился Азриэль. Он указал подбородком на шторы за моей спиной. Я начала распевать одну из многочисленных молитв Ианфе, милую речь, которую она тысячу раз произносила при мне в Весеннем Дворе.

Мы понеслись по ковру, уклоняясь от столов и мебели. Все это время я распевала ее молитвы.

Азриэль отодвинул штору —

Элейн была в своей ночной рубашке. С кляпом во рту и сталью, светящейся фиолетовым, обернутой вокруг ее запястий. Ее глаза расширились, когда она увидела нас — Азриэля и *меня* —

Я изменила лицо Ианфе, возвращая свое, и подняла ладонь к губам, когда Азриэль опустился на колени перед ней. Я продолжала молиться, умоляя Котел сделать мое чрево плодовитым, снова и снова —

Азриэль осторожно достал кляп из ее рта.

— Ты ранена?

Она покачала головой, пожирая его взглядом, будто все еще не веря в наше появление.

— Ты пришел за мной.

Говорящий с тенями лишь наклонил голову.

— Поторопитесь, — прошептала я, а затем снова начала напевать молитву. Пока она не закончится, у нас есть время.

Вспыхнули Сифоны Азриэля, а тот, что был на моей голове, потеплел.

Ничего не случилось, когда магия соприкоснулась с узами. Ничего.

Мне осталось пропеть лишь пару строф своей молитвы.

Ее запястья и лодыжки связаны. Она не сможет сбежать, если не избавится от них.

Я потянулась к ней рукой, ища нить силы Гелиона, чтобы распутать заклинание короля на цепях. Но моя магия все еще истощена, ее остатки —

— У нас нет времени, — прошептал Азриэль. — Он идет.

Снова начались крики и одобряющие возгласы.

Азриэль подхватил Элейн, оборачивая ее связанные руки вокруг своей шеи.

— Крепко держись, — приказал он ей, — и не шуми.

Лай и вой заполонили ночь. Я сняла одеяние и положила Сифон Азриэля в карман, после чего достала два ножа.

— Через заднюю стенку?

Кивок.

— Приготовься бежать.

Мое сердце бешено застучало. Элейн смотрела на нас, но не дрожала. Не съеживалась.

— Беги и не останавливайся, — сказал он мне. — Мы помчимся к западному краю — к скале.

— Если Юриан и та девушка не успеют —

— Тогда ты уйдешь. Я заберу ее.

Я выдохнула, успокаивая себя.

Лай и рычание становились все громче — ближе.

— Сейчас, — прошипел Азриэль, и мы побежали.

Его Сифоны вспыхнули, и ткань задней стены палатки превратилась в ничто. Мы проскочили через нее прежде, чем стражники, стоящие поблизости, заметили это.

Они не отреагировали на нас. Только смотрели на дыру.

Азриэль сделал нас невидимыми — почти тенями.

Мы мчались между палаток, перепрыгивая через траву и грязь.

— Скорее, — прошептал он. — Тени долго не продержатся.

Потому что на востоке, позади нас... начало подниматься солнце.

Пронзительный вой раздался в умирающей ночи. И я знала, что они поняли, что мы сделали. Что мы были *здесь*. И даже если они не могли видеть нас... гончие Короля Хайберна чуяли нас.

— *Быстрее*, — прорычал Азриэль.

За нами содрогнулась земля. Я не осмелилась оглянуться.

Мы приблизились к стойке с оружием. Я спрятала свои ножи, освобождая руки, когда мы пронеслись мимо, и выхватила из стойки лук и колчан стрел. *Ясневые* стрелы.

Затрещали стрелы, когда я перебросила через плечо колчан. Когда я натянула стрелу.

Азриэль бежал прямо, огибая палатки.

И под углом... Я повернулась и выстрелила. В ближайшую гончую — и я поняла, что это была не собака, когда стрела вонзилась в ее голову.

А какой-то родственник наги — какое-то чудовищное, чешуйчатое существо, которое стояло на четырех конечностях, с рычащим змеиным лицом и ртом, полным белых зубов, которые могут раздробить кости —

Моя стрела прошла прямо через его горло.

Он упал, и мы обогнули палатку, мчась к все еще темной линии горизонта на западе.

Я выпустила еще одну стрелу.

Еще трое. Еще трое позади нас, и они приближаются с каждым шагом —

Я чувствовала их вокруг нас — командиров Хайберна, мчащихся с гончими, следуя за зверями, потому как сами они все еще не видели нас. Выпущенная мной стрела сказала им о расстоянии между нами. Но к моменту, как нас догонят гончие... появятся эти командиры. Убьют нас или утащат обратно.

Из-за шума в центре лагеря медленно пробуждались и другие.

Задрожал воздух, и я подняла глаза, видя дождь ясеневых стрел, выпущенных из-за наших спин. Многие были выпущены в слепой попытке поразить *любую* цель —

Синий щит Азриэля дрожал от ударов, но держался. Но наши тени дрогнули и исчезли.

Гончие приблизились, а две отделились от остальных — чтобы подрезать нас с боков. Чтобы окружить нас.

Потому что на другом конце лагеря была *скала*. Скала с очень, *очень* высоким обрывом, и бушующей рекой под ним.

И на его краю, завернувшись в темный плащ, стояла —

Это была та девушка.

Юриан оставил ее там — для нас. Куда ушел он сам... я его не видела.

Но позади нас, заполняя пространство, будто для этого использовалась магия... Заговорил король.

— Какие бесстрашные воры, — протянул он, слова звучали везде и нигде. — Как мне наказать вас?

Я не сомневалась, что защитные заклинания заканчиваются только за обрывом скалы. Это подтверждало и рычание гончих, которые, казалось, знали, что их добыча может исчезнуть меньше, чем через сто ярдов. Если мы сможем прыгнуть достаточно далеко, чтобы избавиться от них.

— *Выведи ее, Азриэль*, — попросила я его, тяжело дыша. — Я возьму другую.

— *Мы все* —

— *Это приказ*.

Одна попытка, беспрепятственный путь к краю скалы и к свободе, находящейся за ним

— Тебе нужно... — меня прервали.

Сначала я почувствовала удар, а потом боль. Иссущающую, *жгучую* боль в плече. Ясеневая стрела —

Я налетела на корягу, разбрызгивая кровь вокруг, и упала на скалистую почву с такой силой, что мои кости затрещали. Азриэль выругался, но с Элейн в его руках, сражение —

Через секунду здесь уже были гончие.

В одну я выпустила стрелу, и мое плечо заболело еще сильнее от движений. Гончая упала, открывая вид на пространство за собой.

Открывая вид на короля, шагающего вдоль ряда палаток, неторопливого и убежденного в своей победе, и лук свисал с его руки. Лук, из которого была выпущена стрела, теперь торчащая в моем теле.

— Если вас пытаться, то это будет слишком скучно, — размышлял король все еще разносящимся отовсюду голосом. — По крайней мере, если пытки будут традиционными, — каждый шаг был медленным, преднамеренным. — Как Рисанд разгневается. Как он будет

паниковать. Его мейт, наконец, пришел ко мне.

Прежде чем я успела предупредить Азриэля поторопиться, на меня бросились две другие гончие.

Одна прыгнула прямо на меня. Я подняла лук, чтобы избежать его челюстей.

Гончая разломила его надвое, отбрасывая дерево назад. Я схватила нож прямо тогда, когда вторая прыгнула –

Рев оглушил меня, оставляя звон в моей голове. Прямо в тот момент, как одну из гончих сбросили с меня.

Я знала этот рев, знала –

Зверь с золотистым мехом и закручивающимися рогами набросился на гончих.

— Тамлин, — сказала я, но его зеленые глаза сузились.

Беги, говорил он своим видом.

Вот кто бежал рядом с нами. Пытался найти нас.

Он разрывал и раздавливал гончих, полностью завладев их вниманием. Король остановился, и, хотя он все еще был далеко от меня, я ясно увидела удивление на его лице.

Сейчас. Я должна идти *сейчас* –

Я поднялась на ноги, вырывая стрелу с приглушенным криком. Азриэль был уже здесь, прошло не больше пары секунд –

Азриэль схватил меня за воротник, и паутинка голубого света растянулась на моем плече. Удерживая кровь от вытекания, создавая повязку до того времени, пока мы не доберемся до целителя –

— Тебе нужно лететь, — сказал он, задыхаясь.

Приближались еще шесть гончих. Тамлин все еще сражался с остальными, укрепляя свои позиции — сдерживая их.

— Нам нужно подняться в воздух, — сказал Азриэль, глядя на короля, который продолжил свое издевательски медленное шествие. — Ты сможешь это сделать?

Молодая женщина все еще стояла на краю скалы. Смотрела на нас с широкими глазами, а черные волосы разметались по ее лицу.

Я никогда не взлетала на бегу до этого. Я едва держалась в небе.

Даже если Азриэль возьмет эту девушку в свою свободную руку...

Я не позволила себе рассмотреть альтернативу. Я *поднимусь* в воздух. Продержусь достаточно долго, чтобы слететь со скалы и рассеяться, когда мы пройдем защитные заклинания.

Тамлин издал визг, похожий на те, что вырываются от боли, после которого последовал еще один рев, сотрясающий землю. Те гончие, что были вдалеке, теперь набросились на него. Он не дрогнул, не отступил ни на дюйм под их натиском –

Я вызвала крылья. Их вес и натяжение... Даже с повязкой из Сифона, боль от напряжения мышц затупляла мои чувства.

Я тяжело дышала через стиснутые зубы, когда Азриэль бросился вперед, взмахивая крыльями. Но на этом выступающем утесе недостаточно места, чтобы мы оба сделали это. Я внимательно проследила за его взлетом после пробежки, за взмахами его крыльев, за изменяющимся углом наклона его тела.

— *Хватайся за него!* — скомандовала Элейн человеческой девушке с широко раскрытыми глазами, когда Азриэль молнией пронесся мимо нее.

Девушка выглядела как лань, собирающаяся сбежать от волка.

Она не раскинула руки, когда они приблизились к ней.

Элейн закричала ей:

— *Если хочешь выжить, делай это сейчас!*

Девушка сбросила плащ, широко раскрывая руки.

Ее черные волосы развивались за спиной Азриэля, запутываясь в его крыльях, когда он практически утащил ее в небо. Но я видела, несмотря на то, что бежала, что бледные руки Элейн дернулись — схватили девушку за шею, удерживая ее изо всех сил.

И как раз вовремя.

Одна гончая освободилась от Тамлина стремительным прыжком. Я увернулась, готовясь к удару.

Но она устремилась не ко мне. Два быстрых шага по каменному выступу и еще один прыжок —

Рев Азриэля эхом отразился от скал, когда гончая врезалась в него, проводя своими острыми когтями по его спине, его крыльям —

Девушка закричала, но Элейн начала действовать. Пока Азриэль пытался удержать их в воздухе, удерживая их всех, моя сестра яростно ударила зверя по морде. По его глазам. И еще раз. И еще.

Он взревел от боли, и Элейн снова ударила его по морде своей голой, грязной ногой. Удар достиг своей цели.

С воплем боли он разжал свои когти — и упал в овраг.

Так быстро. Это случилось так быстро. И кровь — кровь струилась из его спины, его крыльев —

Но Азриэль держался в воздухе. Синий свет покрыл его раны. Останавливая кровотечение, делая устойчивыми его крылья. Я все еще бежала по скале, пока он развернулся, открывая вид на свое лицо, искаженное болью, пока все еще крепко удерживал двух женщин.

Но он увидел, кто увязался за мной. Кто побежал ко мне. И впервые с тех пор, как я знаю его, на лице Азриэля был ужас, когда он наблюдал за моим бегом.

Я взмахнула крыльями, ловя ногами восходящий поток воздуха, а потом сильно приземляясь обратно на землю. Я споткнулась, но продолжала бежать, продолжала взмахивать крыльями, оборачиваясь на крики —

Еще одна гончая прорвалась через Тамлина. Она рванула по узкому участку скалы, оставляя борозды от когтей на камнях. Я могла бы поклясться, что король засмеялся.

— *Быстрее!* — рыкнул Азриэль, кровь вытекала все сильнее с каждым взмахом крыла.

Я могла видеть рассвет сквозь лоскутки перепонки его крыльев.

— *Оттолкнись!*

Камни сотрясались от оглушительных шагов гончей, наступающей мне на пятки.

Впереди вырисовался конец скалы. А за ним — обрыв. И я знала, что гончая прыгнет за мной. Король хотел, чтобы она достала меня любой ценой, даже если мое тело разобьется о реку далеко, далеко внизу. С такой высоты я бы разбилась как яйцо, сброшенное с башни.

И он бы хранил то, что осталось от меня, как хранили Юриана, живого и в сознании.

— *Держи их высоко!*

Я вытянула свои крылья так далеко, как смогла. Тридцать шагов между мной и обрывом.

— *Подними ноги!*

Двадцать шагов. Солнце осветило восточный горизонт, окрашивая окровавленную

броню Азриэля в золотой цвет.

Король выпустил еще одну стрелу — две стрелы. Одну в меня, а одна полетела в незащищенную спину Элейн. Азриэль отразил обе, выставив голубой щит. Я не оглянулась, чтобы посмотреть, распространяется ли этот щит и на Тамлина.

Десять шагов. Я взмахивала крыльями, мышцы ныли, кровь просачивалась даже сквозь повязку из Сифона. Взмахивала ими, когда вызвала волну ветра, поднимающуюся из-под моих ног, воздух наполнил гибкую мембрану, отчего напряглись кости и сухожилия.

Мои ноги оторвались от земли. Затем снова врезались в нее. Я усилила ветер, изо всех сил махая крыльями. Гончая догнала меня.

Пять шагов. Я знала — знала, что какая бы сила не заставила меня научиться летать... Каким-то образом она знала. Что этот момент наступит. Все это — все это было для этого момента.

И всего в трех шагах от обрыва... За мной возник теплый ветер, пахнувший сиренью и свежей травой. Ветер... весны. Поднимая меня, наполняя крылья воздухом.

Мои ноги поднялись. И еще выше. И еще.

Гончая прыгнула за мной.

— *Заходи в вираж!*

Я наклонила тело в сторону, широко размахивая крыльями. Рассвет, овраг и небо наклонились и перевернулись прежде, чем я выровнялась.

Я оглянулась и увидела, как нага-гончая щелкает зубами в том месте, где были мои пятки. И затем рухнула вниз, падая в овраг и реку.

Король выстрелил снова, наконечник стрелы мерцал аметистовой силой. Щит Азриэля выдержал — еле-еле. Какой бы магией король ни обернул вокруг него — Азриэль закричал от боли.

Но он крикнул:

— *Лети,* — и я развернулась по направлению пути, по которому бежала, и моя спина задрожала от попыток удержать мое тело в вертикальном положении.

Азриэль повернулся и потерял высоту на пару футов, а девушка застонала от страха — после чего он выровнялся и поднялся ко мне.

Король выкрикнул команду, и дождь стрел вылетел из лагеря — осыпаясь на нас.

Щит Азриэля прогнулся, но выдержал. Я взмахнула крыльями, и боль опять пронзила мою спину.

Я прижала руку к ране прямо тогда, когда ударилась о защитные заклинания. Они все толкали меня, будто пытались удержать меня, задержать Азриэля там, где он сейчас всем весом навалился на них, из его раненых крыльев брызгала кровь, стекая по его разорванной спине —

Я выпустила вспышку белого света Гелиона. Обжигающую, опаляющую, расплавляющую.

В защите разрасталась дыра. Отверстие получилось достаточно широким.

Мы не колебались, когда нырнули в нее, когда я хватала ртом воздух. Но я оглянулась. Лишь раз.

Тамлина окружили гончие. Истекающий кровью, тяжело дышащий, все еще в звериной форме.

Король был примерно в тридцати футах от него, источая злость — он взбесился, когда увидел дыру, которую я опять проделала в его защитном заклинании. Тамлин воспользовался

его растерянностью.

Он не оглянулся на нас, когда прорвался к краю скалы.

И прыгнул — очень далеко. Дальше, чем любой зверь или Фэ смог бы. Тот ветер, что он послал в мою сторону, теперь поддерживал его, направляя к проделанной нами дыре.

Тамлин миновал ее и рассеялся, все еще не смотря на меня, после чего я схватила Азриэля за руку и мы тоже исчезли.

Силы Азриэля хватило лишь на то, чтобы перенести нас на окраину нашего лагеря.

Девушка, несмотря на ожоги и следы ударов на ее белоснежной коже, смогла идти.

Серый утренний свет озарил мир, роса оседала на наших лодыжках, когда мы пошли по лагерю. Азриэль все еще прижимал Элейн к своей груди. Все это время с него стекала кровь — всего лишь струйка по сравнению с потоком, который должен был вытекать из него. Кровотечение сдерживали лишь те остатки силы, которые он направил к ранам. Помощь — ему срочно нужен целитель.

Нам обоим. Я прижала руку к ране на плече, чтобы кровотечение не увеличивалось. Девушка дошла даже до того, что предложила использовать ее обрывки одежды, чтобы перевязать наши раны.

Я меня не хватало дыхания, чтобы объяснить ей, что я — Фэ, и что на моей коже был ясень. Мне нужно было увидеть целителя, прежде чем его щепки застрянут в затянувшейся ране. Так что я просто спросила ее имя.

Браер, сказала она хриплым от крика голосом. Ее зовут Браер.

Ее не беспокоила грязь, что хлюпала под ее ногами и забрызгала ее голые голени. Она только смотрела на палатки, на воинов, которые наткнулись на нас. Один увидел Азриэля и закричал целителю, чтобы тот поспешил к палатке главного шпиона.

Рис рассеялся перед нами до того, как мы прошли первый ряд палаток. Его глаза широко распахнулись при виде крыльев Азриэля, раны в моем плече и бледности моего лица. Он посмотрел на Элейн, а потом на Браер.

— Я не могла оставить ее, — сказала я, с удивлением обнаруживая, что сорвала голос.

Послышались бегущие шаги, а потом Нэста обогнула палатку, притормаживая в грязи.

Она всхлипнула при виде Элейн, которая все еще была в руках Азриэля. Я никогда не слышала, чтобы она издавала такие звуки. Ни разу.

Она не ранена, сказала я ей, в то помещение в ее разуме. Потому что слова... я не могла сформировать их.

Нэста еще раз побежала. Я потянулась к Рисанду, который с напряженным лицом подходил к нам —

Но Нэста добралась первой.

Я сдержала крик боли, когда Нэста обняла меня за шею и она сжала меня так крепко, что из меня вырвалось дыхание.

Она дрожала — дрожала, пока плакала и все повторяла:

— Спасибо.

Рис бросился к Азриэлю, забирая у него Элейн и осторожно опуская ее на ноги. Азриэль вздохнул, покачиваясь:

— Нам нужен Гелион, чтобы снять с нее цепи.

И все же не было похоже, что Элейн замечала их, когда она поднялась на цыпочки и

поцеловала Говорящего с тенями в щеку. И затем подошла ко мне и Нэсте, которая отступила назад на достаточное расстояние, чтобы осмотреть чистое лицо Элейн, ее ясные глаза.

— Нам нужно доставить тебя к Тэсану, — сказал Рис Азриэлю. — Сейчас же.

Прежде чем я смогла развернуться, Элейн обвила меня руками. Не помню, когда я начала плакать, чувствуя, как ее тонкие руки обхватили меня крепче стали.

Я не помнила целителя, который залатал меня, или как Рис отмывал меня. Как я рассказала ему, что случилось с Юрианом и Тамлином, как Нэста кружила вокруг Элейн, когда пришел Гелион, чтобы избавить ее от цепей, проклиная искусную работу короля, даже если и восхищался их качеством.

Но я помнила, как лежала на медвежьей шкуре, когда все закончилось. Как я почувствовала, что худое тело Элейн опускается рядом со мной и прижимается ко мне, достаточно осторожно, чтобы не коснуться перевязанной раны на моем плече. Я не осознавала, как я замерзла, пока ее тепло не окутало меня.

Мгновением спустя еще одно теплое тело улеглось слева от меня. До меня донесся запах Нэсты: огонь, сталь и бескомпромиссная воля.

Отдаленно я слышала, как Рис выводит остальных — чтобы они вместе с ним проверили Азриэля, который теперь находился под опекой Тэсана.

Я не знаю, как долго мы с сестрами пролежали так вместе, так же как и раньше, когда мы делили резную кровать в нашем ветхом домике. Раньше — во время сна, мы пинались, скручивались и сражались за малейший кусочек кровати, любое свободное место.

Но этим утром, когда солнце поднялось над миром, мы крепко обнимались. И не отпускали друг друга.

ГЛАВА

66

Каллиас и его армия прибыли к полудню.

Лишь этот звук заставил меня подняться с места, где мы с сестрами спали на полу. Это и мысль, которая пронзила меня.

Тамлин.

Его действия прикроют предательство Юриана. Без сомнений, Тамлин вернулся к армии Хайберна после встречи не для того, чтобы предать нас — а чтобы шпионить.

Хотя после прошлой ночи... вряд ли он снова приблизится к Хайберну. Не тогда, когда король сам все видел.

Я не знала, как об этом думать.

О том, что он спас меня — что отказался от своей игры, чтобы сделать это. Куда он ушел после рассеивания? Мы ничего не слышали о воинах Весеннего Двора.

И ветер, что он послал... Я никогда не видела, чтобы он использовал такую силу.

И в самом деле, Философия Нефелы. Слабостью, которая превратилась в силу, были не мои крылья и полет. А Тамлин. Если бы он не вмешался... Я не позволила себе закончить мысль.

Элейн и Нэста все еще дремали на медвежьей шкуре, когда я выскользнула из их сплетенных рук. Умыла свое лицо в медном тазе, который стоял у моей кровати. Судя по отражению в зеркале, у меня бывали и лучшие деньки. Недели. Месяцы.

Я отогнула воротник своей белой рубашки и нахмурилась, увидев забинтованную рану на своем плече. Я вздрогнула, разминая суставы — удивляясь тому, насколько она уже зажила. Однако моя спина...

Ноющая боль пульсировала и отзывалась по всей ее длине. И в моем животе тоже. Мышцы, которые я довела до предела, чтобы подняться в воздух. Нахмурившись своему отражению в зеркале, я заплела волосы и накинула куртку, шипя от боли в плече. Через день-два боль может достаточно притупиться, чтобы я смогла держать меч. Может быть.

Я молилась, чтобы Азриэль был в лучшей форме. Если сам Тэсан лечит его, то это возможно. Если нам повезет.

Я не знала, как Азриэль сумел продержаться в воздухе — остаться в сознании в те минуты в небе. Я не позволила себе думать о том, как, где и почему он научился так справляться с болью.

Я тихо попросила ближайшую иллирийку, управляющей хозяйством в лагере, найти еду для моих сестер. Элейн, вероятно, была очень голодна, и я сомневалась, что Нэста ела что-нибудь во время нашего отбытия.

Крылатая матрона только спросила, нужно ли и *мне* что-нибудь, и когда я сказала ей, что в порядке, она просто цокнула и сказала, что убедится, что я тоже поем.

У меня не хватило наглости попросить ее найти и для Амрен ее любимую пищу. Хотя я и сомневалась, что Амрен это нужно — после ее... занятий с Варианом прошлой ночью. Если только он не —

Я запретила себе думать об этом, направляясь к ее палатке. Мы нашли армию Хайберна. И увидев ее прошлой ночью... Я предложу Амрен свою помощь в расшифровывании того заклинания, на которое ей указал Сюриэль. Любую помощь, если это остановит Котел. И когда мы выберем наше последнее поле боя... тогда, и только тогда я натравлю Бряксиса на Хайберна.

Я почти добралась до ее палатки, мрачно улыбаясь в ответ на кивки и осторожные взгляды иллирийских воинов, когда увидела волнения прямо на краю лагеря. Сделав еще несколько шагов, я увидела, что находилось за тонкой разграничивающей линией травы и грязи — лагерь Зимнего Двора, который почти предстал перед нами во всем своем великолепии.

Войска Каллиаса все еще рассеивались с запасами и отрядами воинов. Его двор составляли Высшие Фэ с белоснежными волосами или волосами цвета темнейшей из ночей, а цвет кожи варьировался от бледных оттенков до богатого коричневого. Низшие фейри... он привел больше низших фейри, чем кто-либо из нас, если считать иллирийцев. Сложно было не смотреть на них во все глаза, когда я задержалась у края их лагеря.

Существа с длинными конечностями, похожие на оживленные льдинки, пронеслись мимо; они были достаточно высокими, чтобы расставлять кобальтово-серебряные знамена на верхушках палаток. Тележки тащили северные олени, твердо стоящие на копытах, и неуклюжие белые медведи в богато украшенных доспехах, некоторые из которых так хорошо понимали, куда нужно идти, что я бы не удивилась, если бы они заговорили. Белые лисы сновали туда-сюда под ногами, перенося что-то вроде сообщений, привязанных к их маленьким расшитым жилетам.

Наша иллирийская армия была жестокой, простой — немного украшений и абсолютное соблюдение рангов. Армия Каллиаса — или, я полагаю, армия Вивиан, которую она собрала во время правления Амаранты — состояла из частей, была красивой и переполненной. Упорядоченной, но все же кишасей жизнью. У всех было поручение, все старались выполнять его продуктивно и с гордостью.

Я заметила Мор, гуляющую с Вивиан и потрясающе красивой девушкой, которая выглядела как близнец или сестра Вивиан. Вивиан сияла, Мор на этот раз выглядела вялой. И когда она повернулась —

Мои брови поднялись. Человеческая девушка — Браер — была с ними. Вивиан держала ее под руку, а ее лицо все еще было в синяках и опухшим в некоторых местах, но... она робко улыбалась леди Зимнего Двора.

Вивиан увела Браер в сторону, весело щебеча, и Мор с возможной сестрой Вивиан задержались, наблюдая за ними. Мор сказала что-то незнакомке, отчего та улыбнулась — едва заметно.

Это была сдержанная улыбка, и она быстро исчезла. Особенно после того, как мимо прошел воин Высший Фэ, оскалившись на нее с каким-то насмешливым замечанием, после чего продолжил свой путь. Мор внимательно смотрела на лицо женщины — и быстро отвела взгляд, когда она оглянулась на нее, хлопая Мор по плечу, и ушла вслед за своей возможной сестрой и Браер.

Я вспомнила о нашем споре в тот момент, как Мор повернулась ко мне. Вспомнила слова, которые мы решили не произносить, те, которые мне не следовало говорить. Мор перебросила свои волосы через плечо и направилась прямо ко мне.

Я заговорила до того, как она смогла произнести что-нибудь:

— Ты отдала им Браер?

Мы зашагали в сторону нашего лагеря.

— Аз рассказал, в каком состоянии вы ее нашли. Не думаю, что пребывание среди готовых к сражению иллирийцев сильно успокоит ее.

— Армия Зимнего Двора намного лучше?

— У них есть пушистые животные.

Я фыркнула, качая головой. Эти огромные медведи действительно были пушистыми — если не брать во внимание их когти и клыки.

Мор внимательно посмотрела на меня.

— Ты поступила очень храбро, когда спасла Браер.

— Любой бы это сделал.

— Нет, — сказала она, поправляя свой узкий иллирийский жакет. — Я не уверена... Я не уверена, что даже я попыталась бы вытащить ее. Если бы я посчитала, что это стоит того. Я сделала достаточно выборов, которые потом плохо закончились, так что...

Она покачала головой.

Я сглотнула.

— Как Азриэль?

— Жив. Его спина в порядке. Но у Тэсана мало опыта в лечении крыльев иллирийцев так что заживление проходит... медленно. По-видимому, это отличается от лечения крыльев перегринов. Рис позвал Маджу, — целительницу из Велариса. — Она прибудет либо во второй половине дня, либо завтра, чтобы поработать над ним.

— Будет ли он... снова летать?

— Учитывая, что крылья Кассиана выглядели куда хуже, то я бы сказала, что будет. Но... возможно, не на этой битве. Не в ближайшее время.

У меня скрутило живот.

— Ему это не понравится.

— Никому из нас.

Потерять Азриэля на поле боя...

Мор, кажется, прочитала мои мысли, потому что сказала:

— Это лучше, чем быть мертвецом, — она провела рукой по своим золотистым волосам.

— Это было бы слишком легко — после того, как вчера все пошло не так. И когда я увидела, как вы двое исчезли... Я с ужасом подумала, что я могу не увидеть вас снова. Чтобы все исправить.

— Я сказала то, что на самом деле не хотела —

— Мы обе.

Она повела меня к деревьям на границе наших обоих лагерей, и по этой уединенности... Я поняла, что она хочет сказать мне что-то, что не предназначено для посторонних ушей. Что-то достаточно важное, чтобы я отложила мою встречу с Амрен на некоторое время.

Она прислонилась к высокому дубу, постукивая ногой по земле.

— Больше никакой лжи между нами.

Вина скрутила мой живот.

— Да, — сказала я. — Я... мне жаль, что я обманула тебя. Я просто... Я совершила ошибку. И мне жаль.

Мор потеряла лицо.

— Но ты была права, когда говорила обо мне. Ты была...

Ее руки дрожали, пока она опускала их. Она закусила губу, сглатывая. Наконец ее глаза встретились с моими — яркие, испуганные и страдающие. Ее голос дрогнул, когда она сказала:

— Я не люблю Азриэля.

Я все еще не двигалась. Только слушала.

— Нет, это тоже неправда. Я... я люблю его. Как свою семью. И иногда я задумываюсь, может ли это быть чем-то... большим, но... я не люблю его. Не так, как он меня, — последние слова были дрожащим шепотом.

— Ты когда-нибудь любила его? Как он тебя?

— Нет, — она обняла себя. — Нет. Я не... Понимаешь...

Я никогда не видела, чтобы она не могла найти слов. Она закрыла глаза, впиваясь пальцами в свою кожу.

— Я *не могу* так любить его.

— Почему?

— Потому что мне нравятся женщины.

На мгновение внутри меня была только тишина.

— Но... ты спишь с мужчинами. Ты спала с Гелионом...

И на следующий день выглядела ужасно. Измученной, а не удовлетворенной.

Не только из-за Азриэля, но... потому что это было не тем, что она хотела.

— Я получаю удовольствие и от них. От обоих, — ее руки дрожали так неистово, что она сжала их вокруг себя еще сильнее. — Но я знала, еще с того времени, как была ребенком, что мне нравятся женщины. Что мне... они привлекают меня куда сильнее, чем мужчины.

Что я связана с ними, забочусь о них на более глубоком душевном уровне. Но в Вытесанном Городе... Все они заботились о расширении родословной, заключая союзы посредством браков. Кто-то вроде меня... Если бы я вышла замуж за того, кого выберет мое сердце, то у меня не было бы детей. Род моего отца *прервался* бы на мне. Я знала это — знала, что никогда не смогу рассказать им. Никогда. Люди вроде меня... мы оскорбляем их. Считаем эгоистичными, потому что они не способны продолжить свой род. Так что я никогда не говорила об этом. И потом... потом мой отец обручил меня с Эрисом, и... Не только перспектива брака *с ним* пугала меня. Нет, я знала, что смогу выдержать его жестокость, бессердечие и холодность. Я была... Я *сильнее* его. Это... Мысль о том, что меня растили как призывную кобылу, что мне придется отказаться от этой части себя...

Ее губы дрогнули, и я потянулась к ее ладони, отрывая ее от другой руки. И мягко сжала ее, когда слезы начали стекать по ее покрасневшему лицу.

— Я переспала с Кассианом потому, что знала, что это мало что значит и для него тоже. Потому что я знала, что это подарит мне шанс на свободу. Если бы я сказала своим родителям, что предпочитаю женщин... Ты встречалась с моим отцом. Они с Бероном привязали бы меня к постели для брачной ночи с Эрисом. Буквально. Но с запятнанной репутацией... Я знала, что это мой шанс выбраться на свободу. И я видела, как Азриэль смотрит на меня... знала, что он чувствует. И если бы я выбрала его... — она покачала головой. — Это было бы несправедливо по отношению к нему. Так что я переспала с Кассианом, и Азриэль подумал, что я сочла его неподходящим, а потом все произошло и... — ее пальцы сжали мои. — После того, как Азриэль нашел меня с запиской, прибитой гвоздями к моему чреву... Я попыталась объяснить. Но он начал признаваться в своих чувствах, и я запаниковала, и... и чтобы *остановить* его, чтобы он не сказал, что любит меня, я просто развернулась и ушла, и... и после этого я уже не могла ничего объяснить. Ни Азу, ни другим, — она судорожно вздохнула. — Я сплю с мужчинами не только потому, что мне это нравится, но... еще и для того, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Рису на это плевать — не думаю, что это волновало бы и кого-то в Веларисе.

Кивок.

— Веларис... прибежище для таких, как я. Рита... ее владелица похожа на меня. Многие из нас ходят туда — и никто не обращает на это внимания.

Неудивительно, что она практически жила в доме развлечений.

— Но эта часть меня... — Мор вытерла слезы свободной рукой. — Это не имело большого значения, когда моя семья отреклась от меня. Когда они называли меня шлюхой и ничтожеством. Когда они причинили мне боль. Потому что эти вещи... это была не я. Это была неправда, и это было... несущественным. Они не смогли сломить меня, потому... потому что они никогда не затрагивали самую сокровенную часть меня. Они даже не догадывались. Но я спрятала ее... я спрятала ее потому... — она запрокинула голову, смотря в небо. — Потому что я жила в страхе, что моя семья узнает об этом — и будет осуждать меня, *причиняя* мне боль из-за единственной вещи, которая принадлежит только мне. Этой части меня. Я не хотела, чтобы они... не хотела позволить им уничтожить ее. Или даже попытаться. Поэтому я изредка... Во время Войны я впервые обзавелась возлюбленной.

Она долго молчала, смаргивая слезы.

— Это Нефела и ее возлюбленная — теперь, полагаю, ее жена — кто заставили меня осмелиться и попытаться. Они заставили меня ревновать. Не к ним лично, а просто... к тому, что у них было. Их открытости. Что они жили в месте, где люди спокойно к этому

относились. Но во время Войны, постоянно путешествуя по миру.. На тот момент рядом со мной не было никого из моего дома. На этот раз это было безопасно. И одна из человеческих королев...

Друзья, о которых она так страстно рассказывала, которых близко знала.

— Ее звали Андромаха. И она была... так красива. И добра. И я любила ее... так сильно.

Человек. Андромаха была человеком. Мои глаза защипало.

— Но она была человеком. И королевой — которая должна была продолжать свой королевский род, особенно в такое беспокойное время. Так что я ушла — отправилась домой после последней битвы. И когда я поняла, какую ошибку совершила, что мне все равно, что у нас будет примерно шестьдесят лет... В тот день установили стену, — она тихо всхлипнула.

— И я не могла... Я не смогла пересечь ее. Я пыталась. В течение трех лет я пыталась снова и снова. А к тому времени, как мне удалось найти дыру, через которую я потом прошла... Она уже был замужем. За мужчиной. И у нее была маленькая дочка — и еще одной она была беременна. Я не зашла в ее дворец. Даже не попыталась с ней встретиться. Просто развернулась и ушла домой.

— Мне жаль, — выдохнула я, мой голос сорвался.

— Она родила пятерых детей. И умерла в старости, в безопасности, лежа в своей кровати. И я снова увидела ее дух — в золотой королеве. Ее потомке.

Мор закрыла глаза, ее губы тряслись.

— Какое-то время я оплакивала ее. И когда она была живой, и после ее смерти. В течение нескольких десятилетий у меня не было любовников — ни мужчин, ни женщин. Но потом... однажды я проснулась и захотела... Я не знаю, чего я захотела. Ее противоположность. И я находила таких — женщин, мужчин. Несколько любовников за прошедшие века, женщины всегда держались в секрете — и, думаю, поэтому все еще сильнее усугубилось, поэтому они всегда заканчивали отношения. Я никогда не могла... открыто заявить о них. Никогда не выходила с ними в свет. Что же до мужчин... она никогда не была глубокой. Связь, я имею в виду. Даже если я все еще остро нуждалась в ней — время от времени, — мы засмеялись. — Но все они... Они отличались от Андромахи. Это было по-другому — здесь, — выдохнула она, положив руку на сердце.

— И мужчины-любовники... они были способом не дать Азриэлю понять, почему — почему я не замечаю его. Не двигаюсь ему на встречу. Понимаешь... ты знаешь, какой он замечательный. Какой особенный. Но если я пересплю с ним, даже лишь раз, просто чтобы *попробовать*, чтобы убедиться... думаю, что после стольких лет он подумает, что это кульминация — счастливый конец. И... думаю, что если после этого я открою ему правду, он может сломаться... Я не уверена, что смогу отдать ему свое сердце. И... я достаточно люблю его, чтобы желать, что он найдет кого-то, кто сможет по-настоящему полюбить его, как он того заслуживает. И я люблю себя... достаточно люблю себя, чтобы остепениться до того, как найду такого человека, — она пожала плечами. — Если бы я смогла набраться храбрости, чтобы сначала рассказать миру. Мой дар — истина, и все же всю свою жизнь я живу во лжи.

Я снова сжала ее руку.

— Ты расскажешь им, когда будешь готова. И я буду на твоей стороне, что бы ни произошло. До тех пор... Твой секрет в безопасности. Я никому не скажу — даже Рису.

— Спасибо, — выдохнула она.

Я покачала головой.

— Нет — спасибо тебе, что рассказала мне правду. Это честь для меня.

— Я хотела рассказать тебе; я поняла, что хочу сделать это в тот момент, как вы с Азриэлем рассеялись в лагерь Хайберна. И от мысли, что я не смогу рассказать тебе... — ее пальцы сжали мою ладонь. — Я пообещала Матери, что расскажу тебе все, если вы вернетесь в целости и сохранности.

— Похоже, она была рада принять сделку, — сказала я с улыбкой.

Мор вытерла лицо и ухмыльнулась. Но ухмылка быстро исчезла.

— Ты, должно быть, думаешь, что я ужасна, потому что вожу за нос Азриэля — и Кассиана.

Я задумалась.

— Нет. Нет, не думаю.

Так много всего обрело смысл после сказанного ей. Как Мор отворачивалась от пылкого взгляда Азриэля. Как она избегала романтической близости, но готова была защитить его, если чувствовала, что на кону его физическое или эмоциональное здоровье.

Азриэль любит ее, в этом я не сомневалась. Но Мор... Я была слепа. Не понимала, что существует чертовски хорошая причина, почему прошло пятьсот лет, а Мор все еще не приняла то, что Азриэль так очевидно предлагал ей.

— Как думаешь, Азриэль подозревает? — спросила я.

Мор разъединила наши руки и отошла на несколько шагов.

— Возможно. Я не знаю. Он слишком внимателен, чтобы не заметить, но... думаю, что он смущается каждый раз, как я привожу домой мужчин.

— А то, что у тебя было с Гелионом... Почему?

— Он хотел отвлечься от своих проблем, и я... — она вздохнула. — Всякий раз, как Азриэль ясно дает понять о своих чувствах, как в тот раз с Эрисом... Это глупо, я знаю. Это так *глупо* и жестоко, что я делаю это, но... я переспала с Гелионом просто для того, чтобы напомнить Азриэлю... Боги, я даже не могу произнести это. Когда произносишь это вслух, звучит еще хуже.

— Чтобы напомнить ему, что ты не заинтересована в нем.

— Я должна рассказать ему. Мне *нужно* ему рассказать. О Мать, после прошлой ночи, я должна сделать это. Но... — она перекинула свои золотистые волосы через плечо. — Это продолжается так долго. Так долго. Я боюсь взглянуть правде в глаза — боюсь рассказать ему, что он потратил пятьсот лет, тоскуя по тому, чего никогда не будет. Возможные последствия... сейчас меня все устраивает. Даже если я не могу.. не могу быть *собой настоящей*... все достаточно хорошо.

— Не думаю, что ты должна останавливаться на 'достаточно хорошо', — тихо сказала я. — Но я понимаю. И опять же... когда ты решишь, что время пришло, будь это завтра или через пятьсот лет... Я прикрою твою спину.

Она снова сморгнула слезы. Я развернулась к лагерю, и слабая улыбка расцвела на моих губах.

— Что? — спросила она, подходя ко мне.

— Я просто подумала, — сказала я с растущей улыбкой, — что когда ты будешь готова... Я подумала, что мне будет очень весело, когда я стану твоей свахой.

Ответная ухмылка Мор была ярче всего Дневного Двора.

Амрен уединилась в своей палатке и никого не впускала. Ни меня, ни Вариана, ни Рисанда.

Я, конечно, пыталась, шипя от усилий пробиться сквозь ее защитные заклинания, но даже магия Гелиона не смогла их сломать. И как бы я не требовала, уговаривала или умоляла, она не отвечала. На что бы Сюриэль ни указал мне в Книге... она, кажется, считала это даже более важным, чем причина, по которой я пришла поговорить с ней: чтобы она помогла мне освободить Бряксиса. Я могла бы сделать это без нее, поскольку она уже разрушила защитные заклинания, сдерживающие его, но... присутствие Амрен было бы... целесообразным. По крайней мере, для моей части сделки.

Я, возможно, была трусихой, но встретиться с Бряксисом лицом к лицу, привязать его к немного более осязаемому телу, и, наконец, привести сюда, чтобы он сокрушил армию Хайберна... Амрен куда лучше справилась бы и с разговорами, и с приказами.

Но так как я не собиралась кричать о своих планах на весь лагерь... Я осыпала Амрен проклятиями и стремительно унеслась в свою военную палатку.

И обнаружила, что мне в любом случае пришлось бы в корне изменить свои планы. Потому что даже приведи я Бряксиса к армии Хайберна... Она уже была не там, где она должна была быть.

Стоя рядом с массивным рабочим столом в военной палатке, окруженная со всех сторон Высшими Лордами и их командирами, я скрестила руки, когда Гелион переместил пугающее количество фигур по нижней половине карты Прифиана.

— Мои разведчики утверждают, что сегодня в полдень Хайберн начал передвижение.

Азриэль, взгромоздившийся на стуле, с плотно перебинтованными крыльями и спиной, с все еще сероватым от кровопотери лицом, кивнул.

— Мои шпионы сообщают о том же, — сказал он все еще хриплым от криков голосом.

Полыхающие янтарные глаза Гелиона сузились.

— Хотя он поменял направление. Раньше он планировал передвигаться на север — увести нас назад. Теперь он идет на восток.

Рис уперся руками о стол, его черные волосы упали на его лицо, когда он наклонился, чтобы посмотреть на карту.

— Значит, теперь он пойдет прямо через остров — но какова его конечная цель? Ему было бы намного лучше оплыть его. И я сомневаюсь, что он передумал сходить с нами в битве. Даже теперь, когда Тамлин оказался его врагом.

Они все были слегка удивлены, а некоторые даже расслабились, когда услышали об этом. Хотя мы и не знали, присоединится ли Тамлин со своим небольшим войском к нам. И Берон тоже.

Тарквин нахмурился.

— Потеряв Тамлина, он не понесет больших потерь, но Хайберн может встретиться с другими союзниками на восточном побережье — объединиться с армией человеческих королей с континента.

Азриэль покачал головой, вздрагивая от движения и боли в спине, вызванной им.

— Он отправил королей домой — и там они и остались, даже не начав собирать войска. Он не будет объединять их армии, пока сам не прибудет на континент.

Однажды он уничтожит нас. И если завтра мы потерпим неудачу... найдется ли кто-нибудь, кто осмелится бросить вызов Хайберну на континенте? Особенно после того, как королевы объединили свои войска под его знаменем —

— Возможно, он заставляет нас опять преследовать его, — сказал Каллиас, нахмурившись, а Вивиан смотрела на карту рядом с ним.

— Это не в стиле Хайберна, — сказала Мор. — В его действиях нет закономерности — он знает, что мы разгадали его первый замысел о том, как растянуть наши войска. Теперь он попробует сделать это по-другому.

Пока она говорила, Кейр — стоящий с двумя молчаливыми капитанами Несущих Тьму — внимательно смотрел на нее. Я приготовилась услышать от него очередную насмешку, но мужчина лишь вернулся к изучению карты. Эти встречи были единственным местом, где она признавала роль своего отца на этой войне — и даже тогда, даже сейчас, она почти не смотрела в его сторону.

Но это все равно лучше, чем откровенна враждебность, хотя я не сомневалась, что Мор не настолько глупа, чтобы набрасываться на Кейра, пока нам все еще нужны его Несущие Тьму. Особенно после того, как легион Кейра понес многочисленные потери во время второго боя. Даже если Кейр и был в ярости из-за этих жертв, то он не показывал этого — как и его воины, которые не разговаривали без необходимости с теми, кто не состоял в их рядах. Полагаю, они куда больше предпочитали молчание. И чувство самосохранения Кейра не давало ему открыть рот на этих встречах — и велело ему соглашаться со всеми отданными ему приказами.

— Хайберн все откладывает решающее сражение, — пробормотал Гелион. — Почему?

Я посмотрела на Нэсту, которая вместе с Элейн сидела у жаровни с фейским светом.

— У него все еще нет недостающей части. Силы Котла.

Рис наклонил голову, изучая карту, а потом посмотрел на моих сестер.

— Кассиан, — он указал на широкую реку, протекающую внутри Весеннего Двора. — Если бы нам пришлось свернуть на юг с того места, где мы находимся прямо сейчас, чтобы отправиться напрямиком в человеческие земли... ты бы пересек эту реку или отошел бы на восток, чтобы обойти ее?

Кассиан выгнул бровь. С его лица ушли вчерашние бледность и боль. Небольшое облегчение.

У противоположной стороны стола стоял Лорд Девлон, который, казалось, собирался высказать свое личное мнение. В отличие от Кейра, иллирийский командир не боялся проявлять свое презрение к нам. Особенно в отношении приказов Кассиана.

Но до того, как Девлон сумел высказаться, Кассиан сказал:

— Переправа через такую реку была бы опасной и отняла бы много времени. Река слишком широка. Даже учитывая рассеивание, нам пришлось бы строить лодки или мосты, чтобы перебраться через нее. И имея армию таких размеров... Мы бы пошли на восток, потом повернули бы на юг —

Кассиан замолчал и побледнел. Я посмотрела, куда теперь направляется армия Хайберна. На восток, по другому берегу этой реки. И с нашим текущим местоположением —

— Он хочет, чтобы мы вымотались, рассеивая своих воинов, — сказал Гелион, улавливая мысль Кассиана. — Сражаясь в битвах. И когда придет время, у нас не будет сил, чтобы рассеиваться через реку. Нам придется идти пешком — и проделать длинный путь, чтобы не пересекать ее.

Теперь заговорил Тарквин:

— Таким образом, он может идти на юг, зная, что мы отстаем от них на несколько дней. И войдет в человеческие земли, не получив сопротивления.

— Он мог сделать это с самого начала, — возразил Каллиас. Мои колени начали дрожать. — Почему сейчас?

И это Нэста ответила ему, все еще сидя у жаровни с фейским светом.

— Потому что мы оскорбили его. Я — и мои сестры.

Все посмотрели на нас.

Элейн прикрыла рот рукой и выдохнула:

— Он направляется к человеческим землям — хочет убить смертных. Назло нам?

— Я убила его жрицу, — пробормотала я. — Ты обокрала его Котел, — сказала я Нэсте.

— А ты... — я посмотрела на Элейн. — Твое похищение стало последней каплей.

Каллиас сказал:

— Только сумасшедший будет использовать такую армию только для того, чтобы отомстить трем женщинам.

Гелион фыркнул.

— Ты забываешь, что некоторые из нас сражались на Войне. Мы лично знаем, каким неуравновешенным он может быть. И что такие вещи вполне в его духе.

Я встретила взглядом с Рисом. *Что нам делать?*

Рис провел большим пальцем по моей ладони.

— Он знает, что мы придем.

— Я бы сказал, что он сильно преувеличивает то, насколько мы заботимся о смертных, — сказал Гелион.

Кейр выглядел так, будто согласен с ним, но решил мудро промолчать.

Рис пожал плечами.

— Он принял нашу озабоченность безопасностью Элейн как доказательство того, что сестры Арчерон имеют здесь власть. Он думает, что они убедят нас потащить наши задницы на поле боя, где у нас будет мало преимуществ, и нас уничтожат.

— Значит, мы не будем этого делать? — нахмурился Тарквин.

— Конечно будем, — сказал Рис, выпрямляясь во весь рост и задирая подбородок. — Они будут превосходить нас по численности, и мы будем вымотаны, и все это плохо закончится. Но это не имеет никакого отношения ни к моему мейту, ни к ее сестрам. Стена пала. Она исчезла. Это новый мир, и мы должны решить, как мы положим конец старому и начнем все заново. Мы должны решить, начнем ли мы с того, что оставим беззащитных на смерть. Такие ли мы на самом деле. Не отдельные дворы. Мы, как *народ* Фэ. Разве мы позволим людям бороться в одиночку?

— Тогда мы умрем вместе, — сказал Гелион.

— Отлично, — сказал Кассиан, глядя на Нэсту. — Если я расстанусь с жизнью, защищая тех, кому больше всего нужна защита, то решу, что умер не зря.

На этот раз Лорд Девлон одобрительно кивнул. Я задумалась, заметил ли это Кассиан — имело ли это для него значение. Его лицо ничего не выражало, не тогда, когда все его внимание было приковано к моей сестре.

— Как и я, — сказал Тарквин.

Каллиас посмотрел на Вивиан, которая печально ему улыбнулась. Я увидела в ней сожаление — о времени, которое они потеряли. Но Каллиас сказал:

— Нам нужно уходить завтра же, если мы хотим получить шанс остановить убийства.

— Даже раньше, — сказал Гелион, сверкая ослепительной улыбкой. — Через несколько часов, — он указал подбородком на Риса. — Ты должен понимать, что люди будут убиты

еще до того, как мы до них доберемся.

— Нет, если мы будем действовать быстрее, — сказала я, вращая плечом. Оно все еще болело и с трудом двигалось, но быстро заживало.

Все они выгнули брови.

— Сегодня, — сказала я. — Мы рассеемся — те из нас, кто может. К домам людей — к их городам. И мы рассеем так много людей, сколько сможем до рассвета.

— И где мы их разместим? — спросил Гелион.

— В Веларисе.

— Слишком далеко, — пробормотал Рис, изучая карту. — Чтобы рассеиваться так много раз.

Тарквин постучал пальцем по карте — по своей территории.

— Тогда разместим их в Адриате. Я пошлю туда Крессеиду — пусть она следит за ними.

— Нам понадобятся все наши илы, чтобы сразиться с Хайберном, — осторожно сказал Каллиас. — Тратя их на рассеивание людей —

— Это не трата, — сказала я. — Одна жизнь может изменить мир. Где бы вы все были, если кое-кто решил, что спасение моей жизни — лишь трата времени? — я указала на Риса. — Если бы *он* посчитал, что спасение моей жизни в Подгорье — трата времени? Даже если это будет двадцать семей, или десять... Они — не пустая трата. Не для меня — или для тебя.

Вивиан подарила своему мейту резкий, укоризненный взгляд, и Каллиасу хватило здравого смысла, чтобы пробормотать извинения.

Затем раздался голос Амрен, которая входила в палатку:

— Надеюсь, вы все проголосовали за сражение с Хайберном.

Рис выгнул бровь.

— Да. А что?

Амрен с грохотом положила на стол Книгу.

— Потому что нам это понадобится как отвлечение, — она мрачно улыбнулась мне. — Нам нужно добраться до Котла, девочка. Всем нам.

И я знала, что она имела в виду не Высших Лордов.

А нас четверых — тех, кто был Создан. Я, Амрен... и мои сестры.

— Ты нашла другой способ остановить его? — спросил Тарквин.

Острый подбородок Амрен дернулся, когда она кивнула.

— Даже лучше. Я нашла способ остановить всю его армию.

ГЛАВА

67

Нам потребуется доступ к Котлу — возможность дотронуться до него. Всем вместе.

Когда я сделала это в одиночку, то почти умерла. Но вместе с другими Созданными... Мы сможем выдержать его смертельную силу.

Если мы заполучим его, то сможем направить всю его энергию в один удар, чтобы связать короля и его армию. И стереть их с лица земли.

Амрен нашла заклинание, которое может сделать это. Прямо там, где, по словам

Сюриэля, оно было зашифровано в Книге. Вместо того, чтобы аннулировать силы Котла... мы можем уничтожить того, кто его контролирует. *И* всю его армию.

Но сначала нам нужно добраться до Котла. И с двумя войсками, готовыми вступить в бой...

Мы начнем действовать только тогда, когда сражение достигнет своего пика. Когда будет вероятность того, что Хайберн отвлечется на творящийся вокруг хаос. В том случае, если он не планирует использовать Котел на поле боя.

Хотя вероятность этого очень высока.

Нет ни шанса, что нам снова удастся проникнуть в их военный лагерь — не после того, как мы украли Элейн. Так что нам придется ждать, пока не мы попадемся в его ловушку. Ждать, пока мы не займем невыгодную позицию на выбранном им поле боя и придем измученными предыдущими битвами и походом. Измученные рассеиванием человеческих семей с его пути.

Что мы и делали. В эту ночь те из нас, кто мог рассеиваться...

Я отправилась в свою старую деревню вместе с Рисандом.

Я пошла в дома, в которых когда-то оставляла золото, когда была смертной женщиной.

Сначала они не узнавали меня.

Потом они понимали, кем я была.

Рис осторожно сдерживал их мысли, успокаивая их, пока я объясняла им ситуацию. Что случилось со мной, что на них надвигается. Что нам нужно сделать.

У них не было времени, чтобы собрать все свое имущество. Только пару вещей. И все они дрожали, пока мы проносились с ними по миру, в тепло раскидистого леса прямо за Адриатой, где нас уже ждала Крессеида с провизией и группой слуг, чтобы помочь им здесь обустроиться.

Вторая семья не поверила нам. Они думали, что это какая-то уловка фейри. Рис пытался сдержать их мысли, но их паника слишком глубоко укоренилась, а ненависть была осязаемой.

Они хотели остаться.

После этого Рис не дал им выбора. Он рассеял всю семью, пока все они кричали. Они все еще визжали, когда мы оставили их в том лесу среди других людей, которых рассеяли сюда наши товарищи, чтобы Крессеида задокументировала их и успокоила.

Так мы и продолжали. От дома к дому. От семьи к семье. Всех, кто был на пути Хайберна.

Всю ночь. Каждый Высший Лорд в нашей армии, каждый командир и знатный Фэ с даром или силой.

Пока мы не начали задыхаться. Пока в летнем лесу не образовался небольшой городок людей, жмущихся друг к другу. Пока даже сила Риса не ослабла, что он едва смог рассеяться обратно в нашу палатку.

Он потерял сознание еще до того, как его голова коснулась подушки, а крылья растянулись на кровати.

Слишком большая нагрузка, слишком много было возложено на его силу.

Я наблюдала за его сном, считая его вдохи.

Мы знали — все мы. Мы знали, что мы не уйдем с поля битвы.

Может, это вдохновит других на борьбу, но... Мы знали. Мой мейт, моя семья... все они будут сражаться, выигрывать нам время, рискуя своими жизнями, пока я, Амрен и мои

сестры будем пытаться остановить Котел. Некоторые могут пасть еще до того, как мы доберемся до него.

И они были готовы сделать это. Если они и боялись, то не показывали этого.

Я убрала прядь влажных от пота волос Риса с его лба.

Я знала, что он отдаст все еще до того, как мы попросим его об этом. Знала, что он попытается.

Это было такой же частью его, как руки или ноги, эта его нужда в самопожертвовании, в защите других. Но я не позволю ему сделать это — не до того, как сама попробую это сделать.

Амрен не упомянула Бряксиса в наших разговорах. Похоже, она забыла о нем. Но нам все еще предстоит вступить в битву завтра. И если Бряксис сможет дать моим друзьям и Рису хоть немного дополнительного времени, пока я буду выслеживать Котел... Если он может дать им даже малейший шанс на выживание... То и Костерез мог бы.

Меня не волновала его цена. Или риск, на который придется пойти. Не тогда, когда я смотрела на своего спящего мейта, на его усталое лицо.

Он уже отдал достаточно. И если это сломит меня, сведет меня с ума, разорвет на части... Завтра Амрен понадобится лишь мое присутствие, мое тело, когда мы доберемся до Котла. Все остальное... если это то, что мне нужно отдать, моя личная цена за шанс на их выживание... Я с радостью заплачу ее. Посмотрю в зеркало.

Так что я собрала остатки своей силы и рассеялась — на север.

В Двор Кошмаров.

Глубоко в горе была извилистая лестница. Она вела только в одно место: в комнату у самого ее пика. Я многое узнала за время своих исследований.

Я стояла у основания этой лестницы, всматриваясь в непроглядный мрак, а мое дыхание вырывалось облачками пара.

Тысяча ступеней. Вот сколько шагов разделяло меня и Уроборос. Зеркало Начала и Конца.

Только ты можешь решать, что сломит тебя, Разрушительница Проклятий. Только ты.

Я зажгла шар фейского света над головой и начала свой подъем.

ГЛАВА

68

Я не ожидала снега.

Или лунного света.

Комната должна была находиться под дворцом из лунного камня — туннели в необработанном камне горы вели наружу, открывая вид на сугробы и лунный свет.

Я стиснула зубы от сильного холода, а ветер завывал через щели так, как волки выли по ту сторону склона горы.

Снег сверкал на стенах и полу, забиваясь в мои сапоги с порывами ветра. Лунный свет, окрашивающий помещение в голубой и серебряный цвета, был достаточно ярким, чтобы я

погасила свой шар фейского света.

И там, на противоположной стене комнаты, снег покрыл его поверхность, его бронзовую раму...

Уроборос.

Это был массивный круглый диск — в мой рост. Даже выше. И металл рамы был вылит в форме огромного змея, а само зеркало было вставлено в виток, который он образовывал, пожирая свой собственный хвост.

Конец и начало.

И из-за расстояния, разделяющего нас, из-за снега... Я не увидела. Того, что находилось внутри.

Я заставила себя шагнуть вперед.

И еще раз.

Само зеркало было черным как ночь, и все же... абсолютно чистым.

Я видела свое приближающееся отражение. Видела руку, которую я выставила против ветра и снега, измученное выражение своего лица.

Переутомление.

Я остановилась в трех шагах от него. Я не осмелилась прикоснуться к нему.

Оно лишь показывало мое отражение.

Ничего.

Я осмотрела зеркало на наличие любых признаков... *чего-то*, что нужно отодвинуть или потрогать своей магией. Но там была только широко раскрытая пасть змея, и мороз сиял на его клыках.

Я вздрогнула от холода, потирая руки. Мое отражение сделало то же самое.

— Привет? — прошептала я.

Там ничего не было.

Холод обжигал мои ладони.

Вблизи поверхность Уробороса была похожа на серое, спокойное море. Первозданное. Спящее.

Но в его верхнем краю — движение.

Нет — движение не в зеркале.

А за мной.

Я была не одна.

Сползая по стене, занесенной снегом, большой зверь с когтями, чешуей, мехом и острыми зубами медленно спустился на пол. Направляясь ко мне.

Я сохраняла свое дыхание ровным. Не позволяла ему учуять свой страх — кем бы он ни был. Некий хранитель этого места, какое-то существо, которое пролезло через дыры —

Его громадные лапы, покрытые черно-золотым мехом, почти бесшумно ступали по полу. Он не из тех зверей, что охотятся в этих горах. Точно не с такими полосами темных чешуек на спине. И его большие, сияющие глаза —

У меня не было времени заметить его серо-голубые глаза, потому что зверь кинулся на меня.

Я крутанулась, удерживая в своей замерзшей руке иллирийский кинжал, низко пригнулась и нацелила кинжал на сердце зверя.

Но не последовало никакого удара. Только снег, холод и ветер.

Передо мной никого не было. И позади меня тоже.

На снегу не было отпечатков лап.

Я развернулась к зеркалу.

Там, где раньше стояла я... теперь сидел этот зверь, лениво размахивая чешуйчатым хвостом по снегу.

Наблюдая за мной.

Нет — не наблюдая.

Вглядываясь в меня. В мое отражение.

В то, что скрывалось внутри меня.

Мой нож застучал по камням и снегу. И я посмотрела в зеркало.

Когда я вошла в камеру, Костерез сидел, прислонившись к стене.

— В этот раз без сопровождения?

Я только посмотрела на него — на этого мальчика. Своего сына.

И на этот раз Костерез был очень тихим и спокойным.

Он прошептал:

— Ты получила его.

Я посмотрела в угол его камеры. Там появился Уроборос, снег и лед все еще покрывали его. Я могла призвать его в любое время, в любое место.

— Как.

Слова все еще были незнакомыми, странными.

Это тело, в которое я вернулась... оно тоже было странным.

Мой язык был сухим как бумага, когда я сказала:

— Я посмотрела.

— И что ты увидела? — Костерез поднялся на ноги.

Еще одна часть меня вернулась в мое тело. Этого было как раз достаточно, чтобы выдать легкую улыбку.

— Это не твое дело.

Потому что зеркало... оно показало мне. Так много всего.

Я не знала, сколько времени прошло. Время — оно было совсем другим в зеркале.

Но даже за несколько часов может произойти так много —

Я указала на дверь.

— Ты получил свое зеркало. Теперь выполняй свою часть. Битва ждет.

Костерез перевел взгляд с меня на зеркало. И улыбнулся.

— С большим удовольствием.

И то, как он это сказал... Я была выжата как лимон, моя душа обновилась и дрожала, но я все же спросила:

— Что ты имеешь в виду?

Костерез просто разгладил складки на одежде.

— Мне оно не нужно, — сказал он, указывая на зеркало. — Но ты в нем нуждаешься.

Я медленно моргнула.

— Я хотел посмотреть, стоишь ли ты моей помощи, — продолжил Костерез. — Мало кто может столкнуться со своей истинной сущностью и не убежать от нее — не сломаться от этого. Вот что показывает Уроборос тем, кто посмотрит в него: кто они есть, каждую подлую и порочную частичку. Некоторые смотрят в него и даже не осознают, что тот ужас,

который они видят, и есть *они сами* — даже когда страх лишает их разума. Некоторые имеют большое самомнение, а потом их уничтожает то маленькое, жалкое существо, которое они находят внутри. Но ты... Да, действительно необычна. Только за это я готов рискнуть и уйти отсюда.

Ярость — кипящая ярость начала заполнять дыры, оставленные тем, что я увидела в зеркале.

— Ты хотел посмотреть, *достойна ли я?*

Невинные люди *достойны* того, чтобы им помогли.

Кивок.

— Да. И ты достойна. И теперь я помогу тебе.

Я раздумывала над тем, стоит ли зарядить дверью в его лицо.

Но лишь тихо сказала:

— Хорошо.

Я подошла к нему. И я не боялась, когда обхватила холодную руку Костереца.

— Тогда приступим.

ГЛАВА

69

Наступил рассвет, окрашивая в золотые оттенки туманные низины, тянущиеся по равнинам земель смертных.

Хайберн сравнял с землей все, начиная с Весеннего Двора и заканчивая побережьем моря.

Включая мою деревню.

Когда мы проходили через нее, то увидели, что там ничего не осталось, кроме дымящегося пепла и расколотых камней.

И поместье моего отца... Третий дома все еще стояла, а остальная часть была разрушена. Окна были разбиты, а стены обрушены до фундамента.

Сад Элейн растоптали, оставив только лужу грязи. Величественный дуб на краю участка — в тени которого Нэста любила стоять и осматривать наши земли... Он был выжжен.

Они сделали это специально. Я знала это. Мы все знали. Король приказал убить весь наш скот. Накануне я вывела отсюда собак и лошадей — вместе со слугами и их семьями. Но богатства, личные вещи... Их разграбили или уничтожили.

Хайберн не задержался, чтобы уничтожить то, что осталось от дома, как сказал мне Кассиан, и предположил, что он не хотел, чтобы мы слишком приблизились к нему. Он обеспечил себе преимущество — выбор правильного поля битвы. Мы не сомневались, что нахождение пустых деревень на своем пути вызвало у короля гнев. Но было и достаточно городов и деревень, к которым мы не успели добраться вовремя.

Но на практике добраться до Хайберна оказалось сложнее, чем в теории, учитывая размеры нашей армии, состоящей из стольких по-разному обученных воинов, с таким количеством руководителей, раздающих указания о дальнейших действиях.

Иллирийцы были слишком вспыльчивыми — дергаясь на поводке даже под строгим командованием Лорда Девлона. Они были раздражены тем, что нам приходилось ждать остальных, что мы не могли просто полететь вперед и перехватить Хайберна, остановить его до того, как он выберет поле боя.

Я наблюдала, как Кассиан отчитывает двух разных командиров в течение трех часов — смотрела, как он распределяет ворчащих воинов на перетаскивание повозок и тележек с запасами, лишая некоторых чести быть на передовой. Как только другие увидели, что он выполняет то, о чем говорит, чем угрожает... жалобы прекратились.

Кейр и его Несущие Тьму тоже наблюдали за Кассианом — и были достаточно умны, чтобы держать свое недовольство в себе. Чтобы продолжать поход, и их темные доспехи покрывались грязью все сильнее с каждой пройденной милей.

В течение краткой полуденной остановки на большом лугу, мы с Нэстой залезли в одну из крытых повозок с запасами, чтобы переодеться в иллирийские боевые кожи. Когда мы вышли, Нэста даже закрепила кинжал на своем боку. На этом настоял Кассиан, хотя он и сам признал, что поскольку она была не обучена, то может как ранить себя, так и кого-нибудь другого.

Элейн... Она посмотрела на нас, когда мы вышли на колышущуюся траву из повозки, на наши ноги и округлости тела, выставленные напоказ, и залилась краской. Но тут вмешалась Вивиан, предлагая ей наряд Зимнего Двора, который был гораздо менее провокационным: кожаные штаны, но к ним шла голубая накидка, надеваемая поверх доспехов, закрывающая бедра, и ее воротник был отделан белым мехом. В такую жару это лишь доставит неудобства, но Элейн была достаточно благодарна, что не жаловалась, когда мы снова вышли из крытой повозки и подошли к своим ожидающим друзьям. Однако она отказалась от ножа, который ей дал Кассиан.

И побледнела от его вида.

Азриэль, все еще прихрамывая, просто оттолкнул Кассиана и предложил ей другой вариант.

— Это Говорящий Правду, — мягко сказал он ей. — Я не буду его использовать сегодня — так что я хотел бы, что ты взяла его.

Его крылья зажили, хотя теперь их пересекали длинные тонкие шрамы. Но Маджа предупредила его, что они были еще недостаточно сильными, чтобы он летал сегодня.

Утренний спор с Рисом был быстрым и ожесточенным: Азриэль настаивал, что *сможет* летать — и сражаться с легионами, как они и планировали. Рис был против. Кассиан тоже. Азриэль пригрозил, что превратиться в тень и все равно будет сражаться. На что Рис ответил, что если он даже попытается, то он привяжет Азриэля к дереву.

И Азриэль... Лишь когда Мор зашла в палатку и начала упрашивать его — *умолять* со слезами на глазах — он уступил. Согласился стать нашими глазами и ушами, ничего больше не делая.

И теперь, стоя посреди колышущихся луговых трав в своей иллирийской броне, с семью сияющими Сифонами...

Элейн с широко раскрытыми глазами посмотрела на клинок с черной рукояткой, который Азриэль держал в своей испещренной шрамами руке. На руны, выгравированные на темных ножнах.

— Он никогда не подводил меня, — сказал говорящий с тенями, темный клинок поглощал полуденный солнечный свет. — Некоторые говорят, что это магия и что он всегда

поражает свою цель, — он осторожно взял ее ладонь и вложил в нее рукоятку легендарного кинжала. — Он сослужит тебе добрую службу.

— Я... я не знаю, как им пользоваться —

— Я позабочусь, чтобы тебе не пришлось его использовать, — сказала я, и трава зашуршала под моими ногами, когда я подошла к ней.

Элейн обдумала мои слова... и медленно сомкнула пальцы вокруг кинжала.

Кассиан вытаращился на Азриэля, и я задумалась, как часто Азриэль отдавал кому-нибудь этот кинжал —

Никогда, сказал Рис, который как раз закончил закреплять свое оружие, прислонившись к повозке. *Я никогда не видел, чтобы Азриэль позволял кому-то прикасаться к этому ножу.*

Элейн подняла глаза на Азриэля, их глаза встретились, а его рука все еще лежала на рукоятке кинжала.

В голове я увидела картину: прекрасная олениха, а перед ней цветущая весна. Она стоит перед Смертью, а тени и ужасы прячутся за его плечом. Пространство между их телами — смесь света и тьмы. Единственная связующая нить... этот кинжал.

Я нарисую это, когда мы вернемся домой.

Прилипала.

Я оглянулась через плечо на Риса, который подошел к нашему небольшому кругу. Его лицо было более осунувшимся, чем обычно, морщинки, появившиеся от стресса, залегли в уголках его рта. И я поняла... Что не провела прошлую ночь с ним. Простую ночь — которая была последней. Мы потратили ее на рассеивание —

Не думай так. Не иди в эту битву с мыслью, что ты не уйдешь с поля боя. Его взгляд был острым. Твердым.

Стало трудно дышать. *Эта остановка — последний раз, когда мы все находимся вместе, разговаривая.*

Потому что эта последняя часть пути, в которую мы сейчас отправимся... Она приведет нас прямо к полю боя.

Рис выгнул бровь. *В таком случае мы могли бы пойти в эту повозку на несколько минут.*

Пространство там ограничено из-за оружия и запасов, но я что-нибудь придумаю.

Шутка — как для меня, так и для него. Я взяла его за руку, осознавая, что остальные тихо разговаривают, Мор, недавно пришедшая, полностью облачилась в темные доспехи, а Амрен... Амрен тоже была в иллирийских кожах. Таких маленьких — будто их сделали для ребенка.

Не говори ей, но так оно и есть.

Мои губы расплылись в улыбке. Но Рис посмотрел на нас всех, каким-то образом собравшихся на открытом участке луга, залитого солнцем, даже не получив на это приказа. Наша семья — наш двор. Двор Грез.

Все они притихли.

Рис посмотрел каждому в глаза, даже моим сестрам, а его рука поглаживала мою поясницу.

— Какую речь вы хотите услышать: вдохновляющую или угнетающую? — спросил он.

— Мы хотим, чтобы ты сказал все начистоту, — сказала Амрен.

Рис расправил плечи, элегантно складывая свои крылья.

— Я верю, что происходит по какой-то причине. Я не знаю, решается ли это Матерью,

Котлом или какими-то переплетениями Судьбы. И мне все равно. Но я благодарен за это, кто бы это не делал. Благодарен, что вас привели в мою жизнь. Если бы этого не случилось... я мог бы стать таким же ужасным, как то ничтожество, с которым мы сегодня столкнемся. Если бы я не встретил иллирийца, тренирующегося, чтобы стать воином, — сказал он Кассиану, — то я бы не узнал истинную глубину силы, стойкости, чести и верности.

Глаза Кассиана ярко заблестели. Рис сказал Азриэлю:

— Если бы я не встретил Говорящего с тенями, то я бы не узнал, что важна та семья, которую ты создаешь, а не та, в которой ты родился. Я бы не узнал, что значит по-настоящему надеяться, даже когда мир велит тебе впадать в отчаяние, — Азриэль склонил голову в знак благодарности.

Мор уже плакала, когда Рис обратился к ней.

— Если бы я не встретил свою кузину, то никогда бы не узнал, что свет можно найти даже в самой темной преисподней. Что доброта может расцвести даже среди жестокости, — она кивнула, вытирая слезы.

Я ожидала от Амрен остроумного замечания. Но она лишь ждала.

Рис склонил голову, посмотрев на нее.

— Если бы я не встретил миниатюрного монстра, который собирает сокровища даже ревностнее огнедышащего дракона... — на этих словах все засмеялись. Рис слегка улыбнулся. — Моя собственная сила давно уже поглотила бы меня.

Рис, наконец посмотрев на меня, сжал мою руку.

— И если бы я не встретил своего мейта... — слова покинули его, когда серебро окаймило его глаза.

По связи он сказал, *Я бы прождал тебя еще пятьсот лет. Тысячу лет. И если это все время, что нам дано... Ожидание стоило этого.*

Он смахнул слезы, стекающие по моему лицу.

— Я верю, что все произошедшее случилось именно так... чтобы я смог найти тебя, — он поцеловал еще одну мою слезинку.

И потом он сказал моим сестрам:

— Мы знаем друг друга совсем недавно. Но я верю, что вы оказались здесь, в нашей семье, тоже не просто так. И сегодня, возможно, мы узнаем, почему.

Он снова всех осмотрел — и протянул руку Кассиану. Кассиан взял ее, и протянул свою Мор. Потом Мор протянула свою руку Азриэлю. Азриэль — Амрен. Амрен — Нэсте. Нэсте — Элейн. И Элейн — мне. Пока мы все не соединились, не связали себя друг с другом.

Рис сказал:

— Мы пойдем на это поле и примем Смерть лишь тогда, когда она придет, чтобы отвести нас в Другой Мир. Мы будем сражаться за жизнь, за выживание, за наше будущее. Но если переплетениями Судьбы, Котлом или Матерью решено, что мы не уйдем с этого поля... — он вздернул подбородок. — Знать вас — великая радость и честь для меня. Называть вас своей семьей. И я благодарен — больше, чем можно выразить словами — что разделил это время со всеми вами.

— Мы благодарны, Рисанд, — тихо сказала Амрен. — Даже больше, чем ты думаешь.

Рис слегка улыбнулся, когда остальные забормотали, что согласны с ней.

Он снова сжал мою руку, когда сказал:

— Тогда давайте заставим Хайберна сильно *пожалеть*, что он знает нас.

Я почувствовала запах моря задолго до того, как мы увидели поле битвы. Хайберн сделал хороший выбор.

Огромная травянистая равнина тянулась до берега. Его войско остановилось в миле от моря.

Не было видно ее края, темное пятно тянулось до горизонта на востоке. За ними виднелись скалистые предгорья — какая-то часть его армии была расположена на них. Казалось, что даже равнина шла вверх по наклонной к востоку.

Я задержалась около Рисанда на широком холме с видом на равнину, а мои сестры, Азриэль и Амрен стояли позади нас. Впереди, в далекой передовой линии, Гелион, блистающий в золотых доспехах и развевающимся красном плаще, отдал приказ остановиться. Воины подчинились, занимая заранее определенные позиции.

А войско, которое было перед нами... они ожидали. Были готовы к битве.

Их так много. Я знала, даже не делая подсчеты, что они значительно превосходили нас по численности.

Кассиан спустился с небес с каменным выражением лица, а все его Сифоны приглушенно горели, когда он за несколько шагов пересек плоскую вершину холма.

— Этот мерзавец занял каждый дюйм возвышенностей и обеспечил себе преимущество. Если мы хотим разгромить их, нам нужно выгнать их с этих холмов. И я не сомневаюсь, что это он уже просчитал. И оставил нам множество сюрпризов.

Вдалеке начали рычать и выть наги-гончие. Судя по этому, они были очень голодны.

Рис только спросил:

— Как думаешь, сколько мы продержимся?

Кассиан сжал челюсть, бросая взгляд на моих сестер. Нэста внимательно наблюдала за ним; Элейн следила за армией, представшей перед нами, и ее лицо побледнело от страха.

— У нас есть пять Высших Лордов, и здесь только один из них. Вы все можете окружить нас щитами на какое-то время. Но не в наших интересах лишать вас сил подобным образом. У них тоже есть щиты — и Котел. Он был очень осторожен, не позволяя нам увидеть все, на что он способен. И я не сомневаюсь, что скоро мы это выясним.

— Вероятно, он будет использовать заклинания, — сказала я, вспоминая, что он обучал Амаранту.

— Убедитесь, что Гелион начеку, — сказал Азриэль, подходя к Рису. — И Тэсан тоже.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал Рис Кассиану.

Кассиан окинул взглядом нескончаемую армию Хайберна, а потом посмотрел на нашу.

— Скажем так, у нас проблемы. Щиты разрушены, повсюду беспорядок, он использует Котел... Несколько часов.

Я закрыла глаза. За это время я должна пересечь поле битвы, лежащее перед нами, найти место, где он держит Котел, и остановить его.

— Мои тени ищут его, — сказал мне Азриэль, читая все по моему лицу, когда я открыла глаза.

На этих словах он сжал челюсть. Ему приходилось самому искать его. Он раскрыл и вытянул крылья, будто проверяя их.

— Но защитные заклинания сильны — без сомнений, король усилил их после того, как ты прорвалась сквозь те, что были установлены вокруг лагеря. Возможно, тебе придется

идти пешком. После того, как начнется беспорядочная резня.

Кассиан опустил голову и сказал Амрен:

— Ты узнаешь, когда.

Она резко кивнула, скрещивая руки на груди. Я задумалась, попрощалась ли она с Варианом.

Кассиан похлопал Риса по плечу.

— По твоей команде я подниму иллирийцев в небо. После этого мы будем продвигаться вперед по твоему сигналу.

Рис отстраненно кивнул, его внимание все еще было приковано к многочисленному войску.

Кассиан отступил назад, но оглянулся на Нэсту. Ее лицо было неподвижным, как гранит. Он открыл рот, но, похоже, решил не произносить то, что готов был сказать. Моя сестра ничего не сказала, когда Кассиан поднялся в небо мощным взмахом своих крыльев. И все же она следила за его полетом, пока он не стал всего лишь темным пятнышком.

— Я могу сражаться на земле, — сказал Азриэль Рису.

— Нет, — его тон не терпел возражений.

Кажется, Азриэль сомневался в этом, но Амрен предупреждающе склонила голову, и он отступил, а тени сгустились у его пальцев.

Мы молча наблюдали, как наша армия выстраивается в ровные, непрерывные ряды. Наблюдали, как иллирийцы взмыли в небо по какой-то команде, которую Рис отослал Кассиану, формируя зеркальное отражение рядов и в небе. Сифоны засверкали разными цветами, щиты встали на свои места, как магические, так и металлические. Сама земля сотрясалась от каждого шага к разграничивающей линии.

Рис сказал в моей голове, *Если Хайберн заблокировал мою силу, то он почувствует, как я крадусь по полю битвы.*

Я знала, что он имел в виду. *Тебе нужно быть здесь. Если мы оба исчезнем, то он узнает.*

Пауза. *Тебе страшно?*

А тебе?

Его фиолетовые глаза поймали мой взгляд. Так мало звезд теперь сияло в них.

— Да, — выдохнул он. *Не за себя. За всех вас.*

Далеко впереди Тарквин прокричал команду, и наша объединенная армия остановилась, будто замерший могучий зверь. Лето, Зима, День, Рассвет и Ночь — силы каждого двора были четко обозначены различиями в цвете и броне. В фейри, которые сражались вместе с Высшими Фэ, неземными и смертоносными. Легион peregrinov Тэсана взмахивали крыльями в ряду рядом с иллирийцами, их золотые доспехи светились в сравнении с нашими сплошными черными доспехами.

Нигде не было видно Берона или Эриса — ни одного сообщения о том, что Осень присоединиться к нам. Или Тамлин.

Но армия Хайберна не перешла в наступление. С таким же успехом они могли бы быть статуями. И я знала, что неподвижность была скорее для того, чтобы лишить нас уверенности.

— Сначала мания, — объясняла Амрен Нэсте. — Обе стороны попытаются разрушить щиты, выставленные вокруг обеих армий.

Будто ей в ответ, они это и сделали. Моя магия заметалась в ответ на высвобождение

сил Высших Лордов — всех, кроме Рисанда.

Он сохранял свои силы для того момента, когда падут щиты. И я не сомневалась, что и сам Хайберн делал то же самое.

С обеих сторон дрогнули щиты. Некоторые умерли. Не многие, а лишь пару фейри. Магия против магии, земля дрожала, трава между армиями испепелилась и превратилась в золу.

— Я и забыла, насколько скучна эта часть, — пробормотала Амрен.

Рис стрельнул в нее холодным взглядом. Но затем бросился к краю нашего небольшого наблюдательного пункта, будто почувствовав, что вскоре тупиковая ситуация изменится. Он нанесет мощный, разрушительный удар по армии в тот момент, как их щиты прогнутся. Истинную приливную волну силы ночи. Он сжал руки в кулаки.

Слева от меня загорелись Сифоны Азриэля — готовые выпустить взрывные волны, вторя Рисанду. Он, возможно, не может сражаться, но он будет проявлять свою силу отсюда.

Я подошла к Рису. Впереди, наконец, задрожали щиты с обеих сторон.

— Я никогда не дарила тебе подарок по случаю нашего объединения, — сказала я.

Рис следил за битвой. Его сила громыхла под нами, вздымаясь из призрачного сердца мира.

Скоро. Это вопрос пары секунд. Мое сердце загрохотало, пот стек по лбу — не только из-за летней жары, теперь усилившейся на поле.

— Я все думала и думала, — продолжила я, — что тебе подарить.

Медленно, так медленно, взгляд Риса скользнул на меня. В его глазах была только бездна силы — которая скрывала звезды.

Я улыбнулась ему, купаясь в этой силе, и послала в его голову картинку.

Своего позвоночника, вдоль которого теперь были вытатуированы четыре фазы луны. И маленькая звезда сияла прямо посередине.

— Но, признаюсь, — сказала я, когда его глаза вспыхнули, — что это подарок для нас *обоих*.

Щит Хайберна начал рушиться. Моя магия вырвалась из меня, пробивая себе путь через мир. Снимая чары, которые я наложила пару часов назад.

Перед нашей передовой линией... Появилось облако тьмы, извиваясь и кружась внутри себя.

— О Мать, — выдохнул Азриэль.

Прямо когда мужская фигура появилась рядом с этим вихрящимся черным дымом.

Кажется, обе армии застыли от удивления.

— Ты завладела Уроборосом, — прошептал Рис.

Потому что перед Хайберном стояли Костерез и живое гнездо теней, Бряксис. Прошлой ночью я заключила Костереза в тело Фэ. Оба были обязаны подчиняться по бесхитростным сделкам, теперь вытатуированным на моей спине.

— Да.

Он осмотрел меня с ног до головы, ветер развевал его иссиня-черные волосы, когда он тихо спросил:

— Что ты видела?

Хайберн зашевелился, лихорадочно оценивая тех, кто теперь стоял перед ними. Костерез выбрал тело иллирийского воина в полном расцвете сил. Бряксис остался в темноте, кружащейся вокруг него, живой материи, которую он будет использовать, чтобы

раскрыть кошмары своих жертв.

— Себя, — сказала я наконец. — Я видела себя.

Это, возможно, единственная вещь, которую я никогда не покажу ему. Никому. Как я пряталась, свирепствовала и рыдала. Как меня рвало, как я кричала и царапала зеркало. Била по нем кулаками. И потом скрутилась калачиком, дрожа от каждой ужасающей, жестокой и эгоистичной частички, что я увидела внутри того монстра — внутри себя. Но я продолжала смотреть. И не отвернулась от него.

И когда я перестала дрожать, я осмотрела его. Все эти жалкие частицы. Гордость, лицемерие и стыд. Ярость, трусость и боль.

А потом я начала видеть другие вещи. Более важные — более существенные.

— И то, что я увидела, — тихо сказала я ему, когда Костерез поднял руку. — Думаю... думаю, что мне это понравилось. Я простила это — себя. Каждую часть.

Лишь теперь я поняла, что хотел сказать Сюриэль. Лишь я могу позволить плохому сломить себя. Лишь я могу владеть ими, заключать их в себе. И когда я поняла это... Уроборос подчинился мне.

Рис выгнул бровь, хотя по его лицу и пробежала дрожь страха.

— Ты любила все — и хорошее, и плохое?

Я слегка улыбнулась.

— Особенно плохое.

Казалось, что эти две фигуры вздохнули — темное облако Бряксиса сделало мощный вдох. Готовясь к удару. Я склонила голову к своему мейту.

— Это к долгой и счастливой жизни мейтов, Рис.

— Похоже, ты меня опередила.

— В чем?

Подмигнув мне, Рис указал на Бряксиса и Костереза. Там появилась еще одна фигура.

Костерез отшатнулся назад. И я знала — по стройной женской фигуре, по темным распущенным волосам, по вновь красивому лицу... Я знала, кто это.

Стрыга — Ткачиха.

И на темных волосах Ткачихи... Сверкал бледно-голубой драгоценный камень.

Украшение *Ианфе*. Кровавый трофей. Ткачиха улыбнулась своему близнецу, насмешливо кланяясь ему, и повернулась к войску, раскинувшемуся перед ней. Костерез прекратил свое медленное отступление, смотря на свою сестру еще несколько долгих моментов, а потом снова повернулся к армии.

— Знаешь, ты не единственная, кто может заключать сделки, — протянул Рис с озорной улыбкой.

Ткачиха. Рис уговорил *Ткачиху* присоединиться к нам —

— Как?

Он наклонил шею, показывая маленькую, скручивающуюся татуировку за своим ухом.

— Я послал Гелиона торговаться от своего имени — вот почему он был в Серединных Землях в тот день, когда он нашел тебя. Чтобы предложить снять сдерживающее заклинание с Ткачихи... в обмен на ее сегодняшние услуги.

Я уставилась на своего мейта. Потом ухмыльнулась, не скрывая жестокости.

— Хайберн даже не подозревает о том аде, что вот-вот опустится на них.

— За воссоединение семьи, — сказал Рис.

А потом Ткачиха, Костерез и Бряксис бросились на Хайберна.

— Ты действительно сделала это, — пробормотала Амрен, изумленно наблюдая, как трое бессмертных врезались в ряды воинов Хайберна, после чего раздались крики.

Тела падали перед ними; они оставляли за собой горы тел — от некоторых оставались лишь бледные тени, заключенные в доспехи. Костерез и Стрыга высасывали из них жизни. Некоторые сбегали от того, что видели в Бряксисе — олицетворении их самых потаенных страхов.

Рис все еще улыбался мне, когда вытянул руку в направлении армии Хайберна, теперь пытающейся приспособиться к распространяющемуся хаосу.

Он растопырил пальцы.

Обсидиановая сила вырвалась из него.

Огромный кусок армии Хайберна просто...

Окутался туманом.

Красным туманом, и там, где стояли воины, остались лишь металлические стружки.

Рис тяжело задыхался, а его взгляд стал немного диким. Удар был хорошо рассчитан. Он разделил армию надвое.

Азриэль выпустил вторую взрывную волну — синий свет прорезал теперь уже незащищенный фланг.

Разъединяя их еще сильнее.

Иллирийцы перешли в движение. Это и был сигнал Риса.

Они рухнули с небес — прямо в тот момент, как со стороны Хайберна в небо поднялся легион существ, похожих на Аттора. До этого они скрывались среди пеших воинов. Загорелись Сифоны, высвобождая щиты — и иллирийцы с убийственной точностью выпустили град стрел.

Но легион Атторов был хорошо подготовлен. И когда они ответили дождем своих стрел... Древки были ясеневыми, но наконечники были сделаны из фэбейна. Даже с противоядием Нуан в венах наших воинов, оно не распространяется на их магию — и нет никакой защиты против самого камня. Стрелы из фэбейна прорезались сквозь щиты Сифонов так же легко, как режется масло. Король приспособил — улучшил — свое оружие.

Некоторые иллирийцы начали быстро падать. Другие осознали угрозу и прикрылись металлическими щитами, отцепляя их от своих спин.

На земле воины Тарквина, Гелиона и Каллиаса перешли в наступление. Хайберн освободил своих гончих — и других зверей.

И когда эти две стороны атаквали друг друга... Рис послал еще один выстрел своей силы, после которого последовала волна силы Тарквина. Пронзая и разделяя ряды воинов Хайберна на неравные группы.

И все это время Бряксис... Я смогла разглядеть лишь расплывчатые очертания постоянно изменяющихся когтей, клыков, крыльев и мышц, меняющихся и вертящихся внутри темного облака, которое поражало и разбивало воинов. Кровь разбрызгивалась везде,

где оно касалось кричащих воинов. Казалось, что некоторые умирали уже просто от ужаса.

Костерез сражался рядом с Бряксисом. В его руках была лишь кривая сабля из слоновой кости. Он размахивал ей перед собой, будто скашивая пшеницу.

Воины падали замертво перед ним — даже до того, как их достигал порыв ветра, вызванный взмахом сабли. Даже это тело Фэ не могло вместить его смертельную силу — подавлять ее.

Воины убегали от него. От Ткачихи. Потому что по другую сторону от Костереза, оставляя за собой иссушенные тела... Стрыга разрывала воинов спутанным клубком черных волос и белых рук.

К счастью, наши собственные воины не мешкали, когда бежали к врагу. И я посылала оглушительные приказы по двухсторонней связи, которая теперь объединяла меня с Костерезом и Бряксисом, напоминая им, стиснув зубы, что на наших воинов нападать *нельзя*. Только на Хайберна и его союзников.

Оба сопротивлялись приказу, пытаясь освободиться.

Я собрала каждый клочок ночи и звездного света и зарычала на них, чтобы они *повиновались*.

Могла бы поклясться, что из-за этого в ответ пришло потустороннее чувство *собственного достоинства*, неприсущее богам.

Но они послушались. И не набросились на наших воинов, которые, наконец, сошлись с рядами воинов Хайберна.

Шум от столкновения двух армий... У меня не было слов, чтобы его описать. Элейн закрыла уши, съеживаясь.

Мои друзья были там, внизу. Мор сражалась с Вивиан, следя за ней, как до этого пообещала Каллиасу, пока он сам выпустил свою силу в виде дождя острых льдинок, наносящих порезы. Кассиан — я даже не могла увидеть его за пылающими вспышками его Сифонов рядом с передовыми линиями, темно-красное сияние посреди злобных теней Несущих Тьму Кейра, которые они использовали в своих интересах: ослепляя группы воинов Хайберна в неожиданной тьме... а затем еще раз ослепляя их, срывая с них эти тени и оставляя их под прямыми солнечными лучами. Оставляя только свои ждущие мечи.

— Обстановка накаляется, — сказала Амрен, хотя наши линии — особенно иллирийцы и перегрины Тэсана — все еще держались.

— Еще рано, — сказал Рис. — Большая часть армии еще не вовлечена в сражения. Нам нужно сосредоточить их на чем-то другом.

Начиная с того, что Рис выйдет на поле боя.

Мой желудок сжался. Армия Хайберна пришла в движение, продвигаясь вперед. Ткачиха, Костерез и Бряксис бросились глубоко во вражеские ряды, но воины Хайберна быстро заполняли созданные ими дыры в рядах.

Гелион проревел нашим передовым линиям, чтобы они держали позиции. Стрелы взлетали и сыпались с обеих сторон. Те, что были с наконечником из фэбейна, поражали своих жертв. Снова и снова. Будто король заколдовал их, чтобы они всегда достигали своей цели.

— Все закончится еще до того, как мы сможем спуститься с этого холма, — огрызнулась Амрен.

Рис зарычал на нее.

— *Еще рано* —

Прозвучал горн — на севере.

Обе армии замерли, чтобы посмотреть, откуда исходит звук.

И Рис выдохнул:

— Сейчас. Тебе нужно идти *сейчас*.

Потому что на линии горизонта на севере замаячила армия...

Три армии. Одна шла под ярко-оранжевым знаменем Берона.

Вторая — под знаменем Весеннего Двора цвета зеленой травы.

И еще одна... состоящая из смертных в железных доспехах. С кобальтовым знаменем с выделяющимся на его фоне барсуком. Гербом Грейсена.

На вершине нашего холма появился Эрис, заслоняя собой вид, с головы до пят облаченный в серебряные доспехи, с красным плащом, развевающимся за его плечами. Рис предупреждающе зарычал, слишком погрузившись в свою силу, чтобы контролировать себя.

Эрис лишь опустил руку на эфес своего прекрасного меча и сказал:

— Мы подумали, что вам может понадобиться помощь.

Потому что небольшая армия Тамлина, и воины Берона и Грейсена... Теперь они бежали, рассеивались и стреляли в воинов Хайберна. И возглавлял армию смертных...

Юриан.

Но Берон. *Берон* пришел.

Эрис заметил наше удивление и сказал:

— Тамлин заставил его. Притащил моего отца за шкуру, — призрачная улыбка. — Это было восхитительно.

Они пришли — и Тамлину удалось сплотить своих людей, которых я с такой радостью настроила против него —

— Тамлин ждет приказов, — сказал Эрис. — Юриан тоже.

Голос Риса был хриплым — низким.

— А твой отец?

— Мы решаем одну проблему, — сказал Эрис и указал на войска своего отца.

Потому что его братья, приближающиеся к передовым линиям, вспышками рассеивались сквозь вражеских воинов. Обходя их первые ряды, направляясь прямо к обозам, которые были разбросаны по войску Хайберна.

Обозам, полным фэбейна, поняла я, когда голубой огонь затрещал на них, превращая их в пепел даже без следов дыма. Его братья рассеивались к каждому тайнику, каждому складу оружия. Пламя взрывалось на их пути.

Уничтожая запасы смертоносного фэбейна. Сжигая его до основания, без остатков. Будто кто-то — Юриан или Тамлин — сказал им, где именно каждый из них будет находиться.

Рис заморгал, и это было единственным признаком его удивления. Он посмотрел на меня, потом на Амрен, и кивнул. *Иди. Сейчас*.

Пока Хайберн сосредоточился на приближающейся армии — пытался просчитать риски, остановить хаос, устроенный целенаправленными атаками Берона и его сыновей. Пытался выяснить, что, черт возьми, там делает Юриан, и как много их слабых мест он знает. И как теперь он этим знанием воспользуется.

Амрен провела моих сестер вперед, хотя Элейн тихо всхлипнула при виде герба Грейсена.

— Сейчас. Быстро и тихо, как тени.

Мы пойдём вниз — *туда*. Бряксис и Костерез все еще измельчали, все еще убивали врагов в своих небольших зонах. И Ткачиха... Где Ткачиха —

Там. Медленно прокладывает узкую дорогу посреди кровавого боя. По распоряжению Риса, отданному секунды назад.

— Сюда, — сказала я им, следя за отвратительным путем Стрыги.

Элейн трясло, она все еще смотрела на армию смертных и своего жениха. Нэста следила за иллирийскими легионами, стремительно летающих в небе непоколебимыми рядами.

— Полагаю, что мы будем идти по дорожке тел, — пробормотала Амрен. — Как Ткачиха узнает, где находится Котел?

Рис слушал нас, хотя мы и развернулись, его пальцы погладили мои в молчаливом прощании. Я просто сказала:

— Судя по всему, у нее неестественно чуткое обоняние.

Амрен фыркнула, и мы стали по бокам от моих сестер. Мы надеялись, что чары невидимости позволят нам обойти южный край поля битвы — вместе с тенями Азриэля, пока он будет наблюдать за нами. Но как только мы окажемся перед вражескими воинами...

Я оглянулась, когда мы приблизились к краю холма. Лишь раз. На Риса, который теперь разговаривал с Азриэлем и Эрисом, объясняя план, который нужно передать Тамлину, Берону и Юриану. Братья Эриса вернулись к своему войску — по всей территории, занимаемой армией Хайберна, теперь горел огонь. Этого не достаточно, чтобы остановить их, но... по крайней мере, с фэбейном мы теперь разобрались. На данный момент.

Внимание Риса переключилось на меня. И даже с битвой, кипящей вокруг нас, с этим развергшимся адом... На мгновение мы были единственными людьми на этой равнине.

Я открыла свои ментальные щиты, чтобы поговорить с ним. Еще одно прощание, еще одно —

Нэста вздрогнула, судорожно вдохнув. Споткнулась и потянула за собой Амрен, когда попыталась удержаться в вертикальном положении.

Рис сразу оказался рядом с ней, еще до того, как я все поняла. Котел.

Хайберн расшевелил Котел.

Амрен выкарабкалась из-под Нэсты, оборачиваясь к полю битвы.

— *Щиты* —

Эрис рассеялся — без сомнений, чтобы предупредить своего отца.

Нэста оперлась на локти, волосы вылезли из ее косы, а кровь отхлынула от ее губ. Она зарылась в траву.

Магия Риса выстрелила из него, огибая всю нашу армию, его дыхание стало влажным скрежетом —

Нэста сжала руками траву, когда она подняла голову, просматривая горизонт.

Будто она могла видеть, куда придется удар Котла.

Сила Риса все вытекала из него, готовясь принять удар. Вспыхнули Сифоны Азриэля, растягивая кобальтовый щит вокруг Риса, его дыхание было таким же тяжелым, как у моего мейта —

И затем Нэста начала кричать. Не от боли. А имя. Снова и снова.

— *КАССИАН*.

Амрен потянулась к ней, но Нэста взревела:

— *КАССИАН!*

Она вскочила на ноги, будто подпрыгивая в небо.

Ее тело задрожало, и она упала, снова пытаясь встать.

Из рядов иллирийцев выскочила фигура, стрелой летя к нам, быстро махая крыльями, красные Сифоны ярко горели —

Нэста застонала, извиваясь на земле.

Казалось, что сама земля вздрогнула в ответ.

Нет — не в ответ ей. А в ужасе от того, что вырвалось из армии Хайберна.

Я поняла, почему король занял эти скалистые предгорья. Не для того, чтобы заставить нас взбираться вверх, если мы сумеем оттеснить их так далеко. Но для того, чтобы высоко разместить Котел.

Потому что атака тараном из смертельно-белого света, обрушившаяся на нашу армию, исходила из скалистого откоса. Примерно на том же уровне, что и наши иллирийские легионы были в небе — когда легион Атторов рухнул на землю, ныряя в укрытия. Оставляя иллирийцев открытыми.

Кассиан был в полпути от нас, когда взрыв Котла попал в иллирийских воинов.

Я видела, что он кричит — но ничего не слышала. Мощь этой силы...

Она раздробила щит Азриэля. А затем и Рисанда. И после этого разрушила те, что были сделаны из Сифонов.

И теперь там, где мгновение назад были тысячи воинов...

На наших пеших воинов посыпался пепел.

Нэста знала. Она уставилась на меня с ужасом и агонией на лице, а потом посмотрела на небо, ища Кассиана, который замер на месте, будто разрываясь между стремлением прийти к нам и снова вернуться к небольшим рядам иллирийцев и перегринов. Она знала, куда придется удар.

Кассиан был прямо в его центре. Или должен был быть, если бы она не позвала его.

Рис смотрел на нее так, будто тоже это знал. Будто он не знал, как себя вести: отругать ее за вину, которую теперь будет чувствовать Кассиан, или поблагодарить за то, что она спасла его.

Тело Нэсты снова одеревенело, и из нее вырвался тихий стон.

Я почувствовала, как Рис извергает свою силу — тихий предупредительный сигнал.

На этот раз другие Высшие Лорды подняли щиты, поддерживая тот, который выставил он.

Но Котел не ударил в то же место дважды. И Хайберн был готов испепелить часть своего собственного войска, если бы это означало уничтожение силы нашего.

Кассиан снова мчался к нам, потому что Нэста растянулась на земле, когда Котел снова выстрелил.

Прямо в своих воинов. Туда, где Костерез хладнокровно разрывал воинов на кусочки, высасывая из них жизнь дуновением и порывами смертельного ветра.

Неземной женский крик раздался из глубин войска Хайберна. Сестринское предупреждение — и боль. Прямо к тот момент, когда белый свет налетел на Костереза.

Но Костерез... Я могла бы поклясться, что он обернулся на меня, когда сила Котла врезалась в него. Могла бы поклясться, что он улыбнулся — и его улыбка была совсем не отвратительной.

Он был здесь — и исчез.

Котел уничтожил его без каких-либо усилий.

Я почти ничего не слышала, не могла думать после высвобождения силы Котла.

При виде пустого, взорванного участка равнины, на котором находился Костерез. Внезапный холодок пробежался вдоль моего позвоночника — словно стирая татуировку с кожи.

А потом воцарилась тишина — в какой-то зоне моего разума, когда двусторонний поводок контроля исчез в бесконечной темноте. Ничего после себя не оставляя.

И мне стало интересно, кто вырежет его смерть на кости в Темнице.

Вырезал ли он ее заранее для себя на стенах той камеры. Хотел ли он убедиться, что я достойна не для того, чтобы насмеяться надо мной, а потому, что хотел, чтобы его кончина... хотел, чтобы его смерть была достойна того, чтобы ее вырезали.

И когда я смотрела на эту опустошенную часть равнины, на все еще падающий с неба пепел, оставшийся от иллирийцев... Я задумалась, сделал ли это Костерез. Дошел ли до того места, о котором так любопытствовал.

Я воздала ему тихую молитву — и всем воинам, которые в один момент были здесь, а в следующий стали пеплом, развеваемом ветром... воздала молитву о том, чтобы они нашли то, что надеялись найти.

Иллирийцы вытащили меня из тишины, из звона, все еще стоящего в моих ушах. Даже когда наши воины начали паниковать после высвобождения мощи Котла, оставшаяся часть иллирийского легиона переформировала линии и понеслась вперед, а паломники Тэсана теперь полностью смешались с ними.

Армия смертных Юриана, состоящая из людей Грейсена и других... К их чести, они не проявили нерешительности. Не убежали, даже когда один за другим начали спускаться.

Если Котел нанесет еще один удар...

Лоб Нэсты был прижат к траве, когда Кассиан приземлился с такой силой, что содрогнулась земля. Он потянулся к ней и, задыхаясь, произнес:

— Что такое, что —

— Он снова успокоился, — выдохнула Нэста, позволяя Кассиану усадить ее.

Он осмотрел ее лицо. Его собственное лицо выражало опустошение и ярость. Знал ли он? Что она крикнула ему, зная, что он придет... Что она сделала это, чтобы спасти его?

Рис только приказал ему:

— Возвращайся обратно. Ты нужен воинам.

Кассиан оскалился.

— Что, *черт возьми*, мы можем противопоставить этому?

— Я иду туда, — сказал Азриэль.

— Нет, — огрызнулся Рис.

Но Азриэль расправил крылья, и солнечный свет выделил его новые, длинные шрамы на мембране.

— Привяжи меня к дереву, Рис, — тихо сказал Азриэль. — Давай, — он начал

проверять крепления на своем оружии. — Я вырву его из земли и полечу с ним на своей чертовой спине.

Рис просто уставился на него — на его крылья. Затем на оставшихся иллирийцев.

И наш шанс на победу...

Нэста никуда не пойдет. Она едва держится в сидячем положении. И Элейн... Амрен придерживала ее, пока ее рвало на траву. Не из-за Котла. А из-за абсолютного ужаса.

Но если мы не остановим Котел до того, как он восстановит свои силы... Нас уничтожат парой таких ударов. Я встретила взглядом с Амрен. *Можно ли это сделать — только со мной?*

Ее глаза сузились. *Возможно. Пауза. Может быть. Нигде не было сказано, как много нас должно быть. Нас двоих... может быть достаточно.*

Я поднялась на ноги. Под таким углом обзора битва стала выглядеть еще хуже.

Гелион, Тарквин и Каллиас изо всех пытались удерживать наши позиции. Юриан, Тамлин и Берон все еще сражались на северном фланге, а иллирийцы и перегрины сошлись с воздушным легионом; Несущие Тьму Кейра были теперь лишь следами теней посреди этого хаоса, но...

Но этого было недостаточно. И несметные полчища Хайберна... Они начали оттеснять нас.

Начали побеждать нас.

К тому времени, как мы с Амрен пересечем поле битвы... Что на нем останется?

Кто останется?

И тут прозвучал еще один горн.

Я знала, что он не принадлежал нашим союзникам.

Так же, как знала и то, что Хайберн выбрал это место для битвы не только из-за его физических преимуществ... но и из-за географических.

Потому что по морю, плывя с востока, с Хайберна...

Появилась армада.

Так много кораблей. Все переполнены воинами.

Я заметила взгляды между Кассианом, Азриэлем и Рисом, когда они увидели, что другая армия выплывает из-за наших спин.

Не другая армия. *Остаток* войск Хайберна.

Мы оказались загнанными в ловушку между ними.

Амрен выругалась.

— Нам, возможно, придется бежать, Рисанд. Прежде чем они сойдут на берег.

Мы не сможем сражаться с двумя армиями. Не справлялись даже с одной.

Рис повернулся ко мне. *Если ты успеешь пересечь поле битвы вовремя, то сделай это. Попытайся остановить войско. Короля. Но если ты не сможешь, когда все пойдет к чертям... Когда никого из нас не останется...*

Не надо, умоляла я его. *Не говори этого.*

Я хочу, чтобы ты сбежала. Мне все равно, какой ценой. Ты сбежишь. Уберешься подальше и будешь жить, чтобы сразиться в другой раз. И ты не будешь оглядываться.

Я начала качать головой. *Ты говорил, что не будет никаких прощаний.*

— Азриэль, — тихо сказал Рис. Хрипло. — Ты поведешь оставшихся иллирийцев на северный фланг.

Вина — вина и страх зарябили в глазах моего мейта, когда он отдал этот приказ. Зная,

что Азриэль еще не исцелился полностью —

Азриэль не дал Рису возможности передумать. Не попросался ни с кем из нас. Он взмыл в небо, и его все еще исцеляющиеся крылья усиленно забились, когда он полетел к сражающемуся северному флангу.

Армада подплыла ближе. Воины Хайберна, почувствовав, что скоро их подкрепление сойдет на берег, воодушевились и усилили натиск. Так усилили, что линии иллирийцев прогнулись. Азриэль подлетал к ним все ближе и ближе, и Сифоны оставляли за ним след из голубого пламени.

Рис наблюдал за ним еще несколько секунд, и сглотнул, прежде чем сказать:

— Кассиан, на тебе южный фланг.

Вот и все. Последние моменты... последний раз, как я вижу всех их.

Я не убегу. Если все пойдет к чертям, то я приложу все силы и ценой своего последнего вдоха уничтожу это войско и короля. Но прямо сейчас...

Армада Хайберна подплыла прямо к отдаленному пляжу. Если я не пойду сейчас, то мне придется пробираться прямо через них. Ткачиха уже замедлилась на восточном фронте, ее танцу смерти мешало слишком большое количество вражеских воинов. Брякис продолжал прорываться сквозь линии, оставляя за собой горы тел. Но этого все еще было недостаточно. Все, что планировалось... этого было недостаточно.

Кассиан сказал Рису, мне, Нэсте:

— Увидимся на другой стороне.

Я знала, что он имеет в виду не поле боя.

Его крылья дернулись, готовясь поднять его.

Оглушающий звук горна прорезал мир.

Десятка горнов, соединяющихся в совершенной, могущественной гармонии.

Рис замер.

Остолбенел, услышав отдаленное звучание этих горнов. С востока — с моря.

Он повернул голову ко мне, обхватил меня за талию и взмыл со мной в небо. Мгновением позже Кассиан был рядом с нами, держа Нэсту на руках — будто она тоже потребовала посмотреть.

И там... выплывая из-за восточной линии горизонта...

Я не знала, куда смотреть.

На крылатых воинов — тысяч воинов — летящих прямо к нам, высоко над океаном. Или на армаду кораблей, далеко растягивающихся под ними. Кораблей было даже больше, чем в армаде Хайберна. Гораздо, гораздо больше.

Я поняла, кто это такие, в тот момент, как воины с белыми, оперенными крыльями стали видны четче.

Серафимы.

Легион Дрейкона.

И эти корабли под ними... Так много разных кораблей. Тысячи кораблей от бесчисленных наций. Люди Мириам. Но другие корабли...

Из-за облаков к нам вылетел загорелый темноволосый воин Серафим. И Рис рассмеялся, так что я поняла, кто он такой. Кто теперь был перед нами, широко улыбаясь.

— Знаешь, вы могли бы и попросить помощи, — протянул мужчина — *Дрейкон*. — Вместо того, чтобы мы узнавали обо всем по сплетням. Кажется, мы прибыли как раз вовремя.

— Мы искали вас — и обнаружили, что вы ушли, — сказал Рис — но в его глазах стояли слезы. — Трудновато было просить о помощи.

Дрейкон фыркнул.

— Да, мы уже поняли. Мириам поняла — почему от вас все еще не было слышно ни слова, — его белые крылья были почти ослепительно яркими на солнце. — Три века назад у нас были проблемы на границах, и мы наложили чары, чтобы защитить остров. Завязанные на... ну, ты знаешь. Чтобы любой, кто будет проходить мимо, видел только руины и решал развернуться и уйти, — он подмигнул Рису. — Это была идея Мириам — она подсмотрела это у вас, в вашем городе, — Дрейкон слегка поморщился. — Как оказалось, они сработали *слишком* хорошо, потому что мы были скрыты как от врагов, *так и* от друзей.

— Хочешь сказать, — тихо сказал Рис, — что все это время вы были на Крите.

Дрейкон поморщился.

— Да. Пока... мы не слышали о Хайберне. Что Мириам... снова ищут.

Юриан. Лицо принца напряглось от ярости, но он посмотрел на меня, потом на Нэсту и Кассиана, острым испытующим взглядом.

— Нам помочь вам или мы будем просто висеть здесь, разговаривая?

Рис наклонил голову.

— В свободное время, Принц, — он посмотрел на армаду, теперь направляющуюся к войску Хайберна. — Ваши друзья?

Уголки губ Дрейкона расползлись в стороны.

— Мне кажется, это ваши друзья, — мое сердце остановилось. — Там есть несколько кораблей Мириам, и она с ними, но большая их часть приплыла к вам.

— Как, — резко сказала Нэста, и это не было похоже на вопрос.

Дрейкон указал на корабли.

— Мы встретили их, когда летели сюда. Увидели, как они пересекают канал, и решили присоединиться к ним. Вот почему мы немного припоздали — хотя мы немного подталкивали их.

Действительно, ветер наполнял их белые паруса, ускоряя их приближение к армаде Хайберна.

Дрейкон потер челюсть.

— Я не могу даже начать рассказывать вам запутанную историю, что они поведали мне, но... — он покачал головой. — Их возглавляет королева по имени Васса.

Я начала плакать.

— Которую, видимо, нашел —

— Люсьен, — выдохнула я.

— Кто? — Дрейкон нахмурился. — О, мужчина с глазом. Нет. Он встретил их позже — рассказал им, куда идти. Вообще-то, придти *именно сейчас*. Вы, мужчины Прифиана, слишком назойливы. Хорошо, что мы уже летели к вам, чтобы узнать, нужна ли вам помощь.

— Кто нашел Вассу, — сказала Нэста все тем же равнодушным тоном. Будто она уже откуда-то знала.

Корабли смертных подплыли поближе. Их было так много — очень много, и на них было так много различных флагов, которые я только начала видеть четче, благодаря моему зрению Фэ.

— Он зовет себя Принцем Торговцев, — сказал Дрейкон. — По-видимому, он несколько месяцев назад обнаружил, что человеческие королевы — предательницы, и с тех

пор начал собирать независимую армию смертных, чтобы противостоять Хайберну. Ему удалось найти Королеву Вассу — и они вместе возглавили эту армию, — Дрейкон пожал плечами. — Он рассказывал мне, что у него есть три дочери, которые живут здесь. И что он подводил их на протяжении долгих лет. Но в этот раз он их не подведет.

Корабли, возглавляющие армаду смертных, стали ясно видны, как и золотые надписи на их боках.

— Он назвал три своих личных корабля в их честь, — сказал Дрейкон с улыбкой.

И там, плывя вперед... Я увидела имена этих кораблей.

Фейра.

Элейн.

И возглавлял движение против Хайберна, скользя по волнам, непоколебимый и без малейших крупиц страха...

Нэста.

И мой отец... наш отец стоял у штурвала.

ГЛАВА

72

Ветер сдул слезы, которые потекли по лицу Нэсты после того, как она увидела корабли нашего отца.

После того, как она увидела корабль, на котором он решил плыть в бой, названный в честь дочери, которая ненавидела его за то, что он не сражался за нас, которая ненавидела его за смерть нашей матери, за бедность, отчаяние и потерянные годы.

Дрейкон сухо сказал:

— Я так понимаю, вы с ним знакомы?

Наш отец, который ушел месяцы назад и не давал о себе знать.

Как сказали мои сестры, он ушел, чтобы присутствовать на совещании насчет угрозы за стеной. Узнали ли они на том совещании, что нас предали наши же люди? И не был ли он потом послан на поиски помощи под такой строжайшей секретностью, что не рискнул отправить нам сообщение, чтобы оно не попало не в те руки?

Для нас. Для меня, моих сестер.

Рис сказал Дрейкону:

— Это Нэста. А это мой мейт, Фейра.

Мы с Нэстой не перевели взгляд на принца. Мы только смотрели на флот нашего отца — на корабли, которые он назвал в нашу честь.

— Говоря о Вассе, — сказал Рис Дрейкону, — ее проклятье... снято?

Армада смертных и войско Хайберна сближались, и я знала, что у столкновения будет фатальный исход. Видела, как поднимаются магические щиты Хайберна. Видела, как Серафимы поднимают свои.

— Смотрите сами, — сказал Дрейкон.

Я прищурилась на что-то, мечущееся между кораблями смертных. Летящее над водой со скоростью падающей звезды. Направляющееся к Хайберну. Красное, золотое и белое —

текущее как расплавленный металл.

Я могла бы поклясться, что воины на кораблях Хайберна начал впадать в панику, когда оно вырвалось из линий армады смертных и сократило разрыв между ними.

Когда оно широко распахнуло крылья, оставляя за собой след из искр и угольков, падающих на волны, и я поняла, что — *кто* — теперь летел на вражеское войско.

Жар-птица. Горящая с таким же жаром и яростью, как сердце кузницы.

Васса — потерянная королева.

Рис поцеловал слезы, стекающие по моему лицу, когда эта королева жар-птица врезалась в ряды флота Хайберна. Оставляя за собой горящие обломки кораблей.

Армия моего отца и смертных растянулась в ширину. Чтобы расправиться с остальными.

Рис сказал Дрейкону:

— Спускай свой легион на землю.

Небольшой шанс — дурацкая надежда на победу. Или на прекращение кровопролития.

Глаза Дрейкона остекленели, и я поняла, что он передает этот приказ на большие расстояния. Интересно, есть ли в этом легионе Нефела и ее жена — была ли та давняя битва на морском дне последним разом, когда они обнажали мечи.

Рис, казалось, тоже думал о прошлом. Потому что он пробормотал Дрейкону, перекрикивая грохот, доносящийся с моря и битвы внизу:

— Юриан здесь.

Обыденная самоуверенная изящность принца исчезла. Холодная ярость превратила черты его лица во что-то ужасающее. И его карие глаза... они стали абсолютно черными.

— Он сражается за нас.

Дрейкон не выглядел убежденным, но все же кивнул. Он указал подбородком на Кассиана.

— Полагаю, ты Кассиан.

Генерал слегка кивнул. Я увидела тени в его глазах — от потери воинов.

— Мой легион — твой. Используй его по своему усмотрению.

Кассиан бегло осмотрел наших сражающихся воинов, северный фланг, который Азриэль собирал воедино, и дал Дрейкону несколько кратких приказов. Дрейкон взмахнул своими белыми крыльями, резко контрастирующими с его медово-коричневой кожей, и сказал Рису:

— Между прочим, Мириам зла на тебя. Последний раз вы были у нас в гостях триста пятьдесят один год назад. Если мы выживем, будь готов извиняться.

Рис рассмеялся.

— Скажи этой ведьме то же самое.

Дрейкон усмехнулся и исчез, сильно взмахнув крыльями.

Рис и Кассиан смотрели ему вслед, а потом перевели взгляд на армаду, теперь вовлеченную в открытое кровопролитие. Там был наш отец — наш отец, который ни разу *на моей памяти* не пользовался оружием —

Жар-птица спустила ад на корабли.

Буквально. Пылающий, расплавленный ад, врезаюсь в корабли и отправляя паникующих воинов на дно моря.

— Сейчас, — сказала я Рису. — Нам с Амрен нужно идти сейчас.

Стоял полный хаос. Пока битва бушевала во всех направлениях... Мы с Амрен сможем сделать это. Возможно, король будет занят.

Рис хотел спустить меня обратно на землю, где нас все еще ожидали Амрен и Элейн. Но Нэста сказала:

— Подожди.

Рис подчинился.

Нэста уставилась на армаду, на нашего отца, сражающегося в ней.

— Используй меня. Как приманку.

Я закрыла глаза в тот же момент, как Кассиан сказал:

— Нет.

Нэста проигнорировала его.

— Король, вероятнее всего, находится рядом с Котлом. Даже если вы доберетесь туда, то вам придется сразиться с ним. Вытащите его оттуда. Заставьте его уйти подальше. Ко мне.

— Как, — тихо произнес Рис.

— Это палка о двух концах, — пробормотала Нэста, будто от слов моего мейта ее осенило. — Он не знает, как много я взяла. И если... если я сделаю видимость того, что собираюсь использовать его силу... Он примчится ко мне. Просто для того, чтобы убить.

— Он *убьет* тебя, — прорычал Кассиан.

Ладонь Нэсты сжалась на его руке.

— Это... часть, в которой выходишь ты.

Чтобы охранять ее. Защищать ее. Чтобы расставить ловушку для короля.

— Нет, — сказал Рис.

Нэста фыркнула.

— Ты не мой Высший Лорд. Я могу делать то, что пожелаю. И поскольку он почувет, что ты со мной... Тебе тоже нужно убраться подальше.

Рис сказал Кассиану:

— Я позволю тебе пожертвовать собой ради этого.

Я была склонна согласиться.

Кассиан посмотрел на истощенных иллирийцев, которые теперь держались изо всех сил под командованием Азриэля.

— Аз руководит войсками.

— Я сказал *нет*, — взорвался Рис.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил таким тоном, ни с Кассианом, ни с кем-то другим из них.

Кассиан уверенно сказал:

— Это наш единственный шанс на отвлекающий маневр. Чтобы заманить его как можно дальше от Котла, — его руки сжались на Нэсте. — Ты отдал все, Рис. Ты прошел через *ад* для нас, делал это на протяжении *пятидесяти* лет, — он никогда не затрагивал эту тему — если только вскользь. — Ты думаешь, что я не знаю, что случилось? Я знаю, Рис. Все мы знаем. И мы знаем, что ты сделал это, чтобы спасти нас, чтобы уберечь нас, — он покачал головой, солнечный свет сверкал на его темном крылатом шлеме. — Позволь нам отблагодарить тебя. Позволь нам вернуть долг.

— Вам нечего возвращать, — сказал Рис сломавшимся голосом, раздавливая мое сердце.

Голос Кассиана тоже сломался, когда он произнес:

— Я должен расплатиться с твоей матерью — за ее доброту. Позволь мне сделать это по

этой причине. Позволь мне выиграть вам время.

— Я не могу.

Не думаю, что за всю историю Иллирии когда-либо был такой спор.

— Ты можешь, — мягко сказал Кассиан. — Ты можешь, Рис, — он лениво усмехнулся.

— Отдай нам хоть чуть-чуть славы.

— Кассиан —

Но Кассиан спросил Нэсту:

— У тебя есть все нужное?

Нэста кивнула.

— Амрен показала мне достаточно. Что нужно делать, чтобы сосредоточить в себе силы.

И если мы с Амрен сможем вдвоем управлять Котлом... Предложенная ими приманка...

Нэста посмотрела вниз на Элейн — наша сестра следила за кровопролитной битвой.

Потом она посмотрела на меня. И тихо сказала:

— Скажи Отцу... спасибо.

Она крепко обняла Кассиана, ее серо-голубые глаза засияли, а потом они исчезли.

Рис напрягся, пытаясь не последовать за ними, когда они спланировали к роще позади поля битвы.

— Он может выжить, — мягко сказала я.

— Нет, — сказал Рис, спуская нас к Амрен и Элейн. — Он не выживет.

Рис перенес Элейн на самые дальние окраины нашего лагеря. И когда он вернулся, то поцеловал меня в губы, после чего взмыл в небо, устремляясь в сердце битвы — в самые тяжелые сражения. Мне было невыносимо смотреть на него — видеть, куда он приземлился.

Мы остались наедине с Амрен. Она сказала мне:

— Сделай нас невидимыми и беги так быстро, как сможешь. Не останавливайся; пытайся не убивать. Это оставит след.

Я кивнула, проверяя оружие. Теперь над нашими головами пронеслись Серафимы, их крылья блестели, как снег на солнце. Я окутала нас чарами, вуалируя нас и заглушая издаваемые нами звуки.

— Быстро, — повторила Амрен, ее серебряные глаза были похожи на грозовые тучи. — Не оглядывайся.

Так что я не стала этого делать.

ГЛАВА

73

Котел был расположен на высокой скале с хорошим обзором на происходящее внизу.

Ткачиха сделала свою работу хорошо. От основных постов и стражников остались лишь мокрые красные груды костей и кожи. И я знала, что когда увижу ее снова... она будет еще более ослепительно красивой.

Сила Амрен раз за разом вспыхивала, прорываясь через защитные заклинания на нашем пути, пока мы не добрались до дорожки, оставленной Стрыгой. Какими бы ни были

заклятия, наложенные королем... Амрен была к ним готова. *Жаждала* их. Она разрывала их всех с дикой улыбкой на губах.

Но серый холм был наводнен командирами Хайберна, довольные тем, что их подчиненные сражаются внизу. Ожидающие, пока на поле боя настоящих воинов отделят от основной массы. Я слышала, как они обсуждали, с кем из наших воинов они хотели бы сразиться сами.

Гелион и Тарквин были самыми популярными.

Дальше шел Тамлин. Тамлин, за его двуличность и ложь. И Юриан. Как они будут страдать.

Вариан. Азриэль. Кассиан. Каллиас и Вивиан. Мор. Они произносили имена моих друзей так, будто они были лошадьми на скачках. Кто продержится достаточно долго, чтобы столкнуться с ними. Кто приведет сюда симпатичного мейта Лорда Зимы. Кто окончательно сломит Морриган. Кто принесет домой крылья иллирийцев и приколет их к стене. Моя кровь кипела, хотя мои кости дрожали. Я надеялась, что Бряксис сожрет их всех — но сначала они обмочатся от ужаса.

Но я осмелилась оглянуться. Лишь раз.

Мор и Вивиан в ближайшее время не доберутся до этого лагеря. Они сдерживали большую группу воинов Хайберна, вместе с той беловолосой женщиной, которую я видела в лагере Зимы, и отрядом громадных медведей, которые разрывали воинов на части своими огромными лапами.

Амрен предупреждающе зашипела, и я развернулась, когда мы начали карабкаться по спокойной стороне серого холма. Стрыги нигде не было видно, хотя она точно останавливалась здесь, у подножия холма, на котором был установлен Котел. Я уже чувствовала его внушающее ужас присутствие — манящее к себе.

Мы с Амрен медленно взбирались вверх. Прислушиваясь после каждого шага.

Позади нас бушевала битва. В небесах, на земле и на море.

И я не думала... даже с Дрейконом и армией смертных... я не думала, что все идет хорошо.

Мои ладони вцепились в острый серый камень скалистого утеса, тело напряглось, когда я подтянулась, хотя Амрен взбиралась вверх с легкостью. Нэсте нужно поторопиться, приманивая короля к себе, или мы столкнемся с ним лицом к лицу.

Мое внимание привлекло движение у основания скалы.

Я обмерла.

Там стояла красивая черноволосая девушка. Уставившаяся на нас, шурясь и принюхиваясь.

На ее красных — *окровавленных* — губах расцвела улыбка. Открывая ее окровавленные зубы. Ее улыбка предназначалась мне.

Стрыга. Ткачиха выжидала. Пряталась здесь. Пока мы не прибудем.

Она провела белоснежной рукой по татуировке в виде полумесяца на своем предплечье. Метка от сделки с Рисом. Напоминание — и предупреждение.

Идти. Поторопиться.

Она развернулась к скалистой тропе, наполовину скрытой от нашего взора. Камень Ианфе, покоившийся на ее голове, был обрызган кровью. Она направилась прямо к стражникам, которые там находились, из-за которых нам пришлось взбираться по скале,

чтобы не столкнуться с ними. Некоторые из них затряслись. Стрыга улыбнулась — ужасной улыбкой, полной ненависти — и накинулась на них.

Отвлекающий маневр.

Амрен вздрогнула, но мы снова начали движение вверх. Стражники сосредоточились на устроенный ей убийствах, выбегая со своих постов выше по холму, чтобы преградить ей путь.

Быстрее — у нас не так много времени. Я чувствовала, как Котел собирает силу — Нет. Не Котел.

Эта сила... она исходит откуда-то *сзади*.

От Нэсты.

— Хорошая девочка, — пробормотала Амрен.

Прямо перед тем, как она схватила меня за воротник куртки и впечатала мое лицо в камень, пригибаясь.

В тот момент, когда пара сапог начала спускаться по узкой тропе. Я знала звуки этих шагов. Они преследовали меня в моих кошмарах.

Король Хайберна прошел мимо нас. Сосредоточившись на Стрыге, на отдаленном грохоте силы Нэсты.

Ткачиха остановилась, увидев, кто к ней направляется. И улыбнулась, а с ее подбородка стекала кровь.

— Как ты прекрасна, — пробормотал он, его голос был соблазняющим мурлыканьем. — Как великолепна, древняя богиня.

Она погладила свои темные волосы, переброшенные через тонкое плечо.

— Ты можешь поклониться, король. Как сделал это когда-то.

Король Хайберна подошел прямо к ней. Улыбнулся, глядя на совершенное лицо Стрыги.

Потом он взял ее лицо в свои широкие ладони, быстрее, чем она смогла среагировать, и свернул ее шею.

Так ее нельзя убить. Ткачиха — богиня смерти, само ее существование бросало вызов нашему. Так что это не убило ее, хотя ее позвоночник и хрустнул. Если бы король не бросил ее тело на растерзание двум нагам-гончим, крутящимся у подножия холма.

Они без колебаний ринулись к безжизненному телу Ткачихи.

Даже Амрен издала звук испуга.

Но король уставился на север. В направлении Нэсты.

Эта сила — *ее* сила — снова подскочила.

Маня, как теперь Котел на вершине этой скалы зывал ко мне.

Он посмотрел на море — на бушующую там битву.

Я могла бы поклясться, что он улыбнулся, прежде чем рассеяться.

— Сейчас, — выдохнула Амрен.

Я не могла сдвинуться. Кассиан и Нэста — даже Рис думал, что у них нет шанса на выживание.

— Ты не дашь им погибнуть понапрасну, — огрызнулась Амрен, и в ее глазах сияло настоящее горе.

Она знала, что вот-вот случится. Шанс, который нам дали.

Я проглотила свое отчаяние, свой ужас, и поднялась на холм — на утес.

Туда, где находился Котел. Незащищенный. Ожидающий нас.

В маленьких ладонях Амрен появилась Книга. Котел был почти в ее рост. Грозная черная яма ненависти и силы.

Я могу оставить это. Прямо сейчас. Остановить эту армию — и короля, прежде чем он убьет Нэсту и Кассиана. Амрен раскрыла Книгу. Смотря на меня в ожидании.

— Положи руку на Котел, — тихо сказала она.

Я подчинилась.

Бесконечная сила Котла хлынула в меня, волна, грозящая подмять меня под себя, шторм без конца.

Я едва держалась в этом мире, почти не помнила свое имя. Я цеплялась за то, что увидела в Уроборосе — цеплялась за каждое отражение и воспоминание, с которым я столкнулась и подчинила себе, хорошее, злое и нейтральное. Кто я, кто я, кто я —

Амрен смотрела на меня долгое мгновение. И ничего не прочла из Книги. Не вложила ее в мои руки. Она захлопнула золотые страницы и выкинула Книгу за спину.

Амрен солгала. Она не планировала подчинить короля и его армию, используя Котел и Книгу.

И какой бы ни была ее ловушка... Я попала прямо в нее.

ГЛАВА

74

Я овладела собой перед лицом черной пасти Котла. Собрала все свои силы.

Амрен только сказала:

— Мне жаль, что я обманула тебя.

Я не могла убрать руку. Не могла оторвать пальцы. Меня разрывали на кусочки, медленно, тщательно.

Я вышвырнула свою магию, отчаянно нуждаясь в какой-нибудь связи с этим миром, чтобы спастись, чтобы не быть поглощенной этой вечной, ужасной вещью, которая теперь пыталась затянуть меня в свои объятия.

Огонь, и вода, и свет, и ветер, и лед, и ночь. Все сплотилось. Все подвели меня.

Стерлась какая-то граница, и мой разум скользнул в распростертые объятия Котла.

Я почувствовала, как он *трогает* меня.

И потом мое сознание раздвоилось.

Наполовину я была здесь, молча стоя рядом с Котлом, с рукой, приклеенной к его черному боку.

Наполовину... в другом месте.

Летя над миром. Выскивая. Котел охотился на ту силу, что подошла так близко... И теперь дразнила его.

Нэста.

Котел искал ее, так же, как и король.

Он скользил по полю битвы так, как насекомое скользит по поверхности пруда.

Мы проигрывали. Сильно. Серафимы и иллирийцы были залиты кровью и стянуты на землю. Азриэль тоже был на земле, его крылья тащились по кровавой грязи, пока он под бесконечным натиском сражался на мечах. Местами были сломлены ряды наших пеших воинов, а Кейр кричал своим Несущим Тьму, чтобы они возвращали свои позиции, и струи

теней вились за ним.

Я увидела Рисанда. В центре этих прорванных линий. Забрызганного кровью, красивс сражающегося.

Я увидела, как он оценивает наше положение — и преобразуется.

Сначала появились когти. Заменяя пальцы рук и ног. Затем появились темные чешуйки или, возможно, перья, которые я не смогла разглядеть, покрывая его ноги, руки, грудь. Его тело исказилось, кости и мышцы выросли и изменились.

Звериная форма, которую скрывал Рис. Которую ненавидал использовать.

Если только ситуация не была достаточно затруднительной, чтобы это сделать.

Прежде чем Котел унес меня от него, я смогла увидеть, что случилось с его головой, его лицом.

Это было кошмаром. В нем не осталось ничего человеческого или фейского. Это было существо, которое живет в черных ямах и появляется только по ночам, чтобы поохотиться и развлечься. Лицо... оно принадлежало тем существам, что были высечены на скале в Дворе Кошмаров. Из которых состоял его трон. Трон, который не только утверждал его власть... но и то, что скрывалось внутри него. И с его крыльями...

Воины Хайберна начали убегать.

Гелион увидел, что произошло, и тоже начал бежать — но к Рису.

Тоже преобразаясь.

Если Рис был летающим кошмаром, сотканным из теней и холодного лунного света, то Гелион был его дневным эквивалентом.

Золотое оперение, острые когти, пернатые крылья —

Мой мейт и Высший Лорд Дня вместе набросились на армию Хайберна.

Пока они не остановились. Пока стройный, низкий мужчина не вышел к ним — без сомнений, один из командиров Хайберна. Рык Риса сотряс землю. Но это Гелион, излучая белый свет, выступил к этому мужчине, погрузив когти глубоко в грязь.

У командира не было даже меча. На нем был лишь прекрасный серый наряд, а выражение его лица было скучающим. Вокруг него закрутился аметистовый свет. Гелион зарычал на Риса — отдавая приказ.

И мой мейт кивнул, кровь стекала по его пасти, и опять бросился в бой.

Оставляя командира и Гелиона Заклинателя, чтобы те сошлись один на один. Заклинание против заклинания.

Воины по обеим сторонам начали убегать.

Но Котел унес меня от них, когда Гелион выпустил в командира поток света, после чего его противника больше там не было.

Приди, пела сила Нэсты. Приди.

Котел уловил ее запах и со свистом понесся на него.

Мы прибыли как раз перед королем.

Котел начал тормозить у поляны. Начал извиваться и отступать назад, как змея, готовящаяся к нападению.

Там стояли Нэста и Кассиан, его меч был наготове, а в глазах Нэсты пылал ее внутренний, дьявольский огонь.

— Приготовься, — выдохнула она. — Он идет.

Сила, которую Нэста сдерживала...

Она убьет Короля Хайберна.

Кассиан был для отвлечения — пока сама она обрушит на короля удар.

Казалось, что время замедлилось и исказилось. Темная сила короля стремительно приближалась к нам. К этой поляне, на которой меня нельзя было увидеть или услышать, где я была лишь клочком души, которую нес темный ветер.

Король Хайберна рассеялся прямо перед ними.

Сила Нэсты собралась в одно целое — и исчезла.

Кассиан не двигался. Не решался.

Потому что Король Хайберна держал перед собой моего отца, приставив к его шее меч.

Вот почему он осмотрел море. Он знал, что Нэста обрушит на него смертельный удар в тот же момент, как он появится перед ней, и единственный способ избежать этого...

Щит из человека. Такого, чтобы она задумалась дважды, прежде чем позволить ему умереть.

Наш отец был забрызган кровью, хуже, чем когда я видела его в последний раз.

— Нэста, — выдохнул он, заметив уши, изящество Фэ. Силу, пылающую в ее глазах.

Король улыбнулся.

— Какой любящий отец — привел целую *армию*, чтобы спасти своих дочерей.

Нэста ничего не сказала. Кассиан осмотрел поляну, ища любые преимущества, оценивая варианты развития событий.

Спаси его, умоляла я Котел. *Помоги моему отцу*.

Котел не ответил. У него не было голоса, не было сознания, за исключением базовой потребности вернуть то, что у него было украдено.

Король Хайберна наклонил голову, посмотрев на бородатое и загорелое лицо моего отца.

— С тех пор, как ты последний раз был дома, многое изменилось. Твои три дочери стали Фэ. Одна даже *весьма* успешно вышла замуж.

Мой отец смотрел на мою сестру. Игнорируя монстра позади себя, он сказал ей:

— Я полюбил тебя в тот момент, как впервые взял на руки. И я... я так сожалею, Нэста — моя Нэста. Прости, за все.

— Пожалуйста, — сказала Нэста королю. Слово было гортанным и хриплым. — Пожалуйста.

— Что ты дашь мне, Нэста Арчерон?

Нэста все смотрела на моего отца, который качал головой. Рука Кассиана дернулась, поднимая меч. Пытаясь прицелиться.

— Ты вернешь то, что взяла?

— Да.

— Даже если мне придется вырезать это из тебя?

Наш отец зарычал:

— Не накладывай на мою дочь свои грязные лапы —

Я слышала треск еще до того, как поняла, что произошло.

До того, как я увидела, что голова моего отца перекрутилась. Увидела, как свет покидает его глаза.

Нэста не издала ни звука. Не выказала никакой реакции на то, что Король Хайберна свернул нашему отцу шею.

Я начала кричать. Кричать и метаться внутри хватки Котла. Умоляя его остановить это — вернуть его обратно, положить этому конец —

Нэста посмотрела на тело моего отца, когда оно рухнуло на землю.

И, как и предполагал король... Сила Нэсты вспыхнула.

Но не Кассиана.

Стрелы ослепительного красного полетели в Короля Хайберна, щит сомкнулся вокруг Нэсты, когда Кассиан бросился вперед.

И когда Кассиан добрался до короля, который смеялся и, казалось, был не против сразиться на мечях... Я уставилась на тело отца на земле. На его открытые, невидящие глаза.

Кассиан оттолкнул короля от его тела, сойдясь с королем мечом и магией. Но это не продлится долго. Он делал это для того, чтобы отвлечь его внимание — чтобы Нэста могла сбежать.

Чтобы я смогла закончить то, за что моя семья отдавала свои жизни. Но Котел все еще удерживал меня здесь.

Даже когда я пыталась вернуться обратно на тот холм, где Амрен предала меня, использовала меня для своей личной цели —

Нэста опустилась на колени перед нашим отцом, ее лицо было пустым. Она посмотрела в его все еще открытые глаза.

И осторожно их закрыла. Руками твердыми, как камень.

Кассиан отпихнул короля еще дальше в рошу. Раздались его крики.

Нэста наклонилась вперед, чтобы поцеловать забрызганный кровью лоб нашего отца.

И когда она подняла голову...

Котел затрясся.

Потому что в глазах Нэсты, окутывая ее кожу... Неограниченная сила.

Она посмотрела на короля и Кассиана. Прямо в тот момент, когда нас достигли стоны боли Кассиана.

Сила вокруг нее дрогнула. Нэста поднялась на ноги.

Затем закричал Кассиан. Я посмотрела на него. Отводя взгляд от отца.

Меньше, чем в двадцати футах от нас, на земле лежал Кассиан. Крылья — все в дырах. Из них вытекала кровь.

Кость выглядывала из его бедра. Его Сифоны потускнели. Они были пусты.

Он опустошил их еще до того, как пришел сюда. Исчерпал их силу.

Но он пришел — из-за нее. Из-за нас.

Он тяжело дышал, из его носа текла кровь. Когда он попытался подняться, его руки дрогнули.

Над ним стоял Король Хайберна, протягивая руку.

Кассиан выгнулся, поднимаясь с земли, мыча от боли. Где-то в его теле хрустнула кость. — Остановись.

Король обернулся через плечо, когда Нэста шагнула вперед. Кассиан беззвучно двигал губами, умоляя ее бежать, кровь стекала с его губ на мох.

Нэста осмотрела его побитое тело, боль в глазах Кассиана, и наклонила голову.

Это движение было не человеческим. И не фейским.

Исключительно животное.

Абсолютно хищное.

И когда ее глаза снова поднялись на короля...

— Я собираюсь убить тебя, — сказала она тихо.

— Правда? — спросил король, выгибая бровь. — Потому что мне в голову лезут куда более интересные мысли о том, что я могу сделать с тобой.

Только не снова. Я не смогу снова наблюдать за таким развитием событий. Стоя здесь, ничего не делая, пока те, кого я люблю, страдают.

Котел подкрался к Нэсте, будто он был гончей у ее ног.

Нэста сжала кулаки.

Король фыркнул. И наступил на крыло Кассиана.

Затрещали кости. И его крик —

Я замолотила по Котлу. Замолотила и зацарапала.

Нэста взорвалась.

Вся эта сила, вся сразу —

Король рассеялся.

Ее сила пронеслась через деревья позади него, превращая их в золу. Пронеслась через поле боя, очертив низкую дугу, и врезалась прямо в ряды Хайберна. Убивая сотни воинов даже до того, как они поняли, что произошло.

Король появился в тридцати футах от нее и засмеялся при виде дымящейся разрухи, представшей перед ним.

— Великолепна, — сказал он. — Практически не обучена, дерзка, но великолепна.

Нэста снова сжала кулаки, словно собирая силу.

Но она всю ее вложила в один удар. Ее глаза снова стали серо-голубыми.

— Иди, — смог выдохнуть Кассиан. — *Иди.*

— Это кажется знакомым, — размышлял король. — Это он или другой бастард полз к тебе в тот день?

Кассиан сейчас действительно полз к ней, таща за собой сломанные крылья и ноги, оставляя на траве и корнях кровь.

Нэста бросилась к нему, опускаясь на колени.

Не для того, чтобы поддержать его.

А чтобы забрать его иллирийский меч.

Кассиан попытался остановить ее, когда она встала. Когда Нэста направила этот меч на Короля Хайберна.

Она ничего не сказала. Сохраняя самообладание.

Король усмехнулся и наклонил свой собственный меч.

— Мне проверить, чему тебя научили иллирийцы?

Он был перед ней еще до того, как она смогла повыше поднять меч.

Нэста отпрыгнула, блокируя его меч своим, широко распахнув глаза. Король снова сделал выпад, и Нэста опять уклонилась и ушла назад, в рошу.

Уводя его подальше — подальше от Кассиана.

Ей удалось пройти еще несколько футов, когда король заскучал.

В два приема он обезоружил ее. Затем он ударил ее по лицу с такой силой, что она упала.

Кассиан выкрикнул ее имя, снова пытаясь подползти к ней.

Король вложил свой меч в ножны, возвышаясь над ней, когда она оттолкнулась от земли.

— Ну и? Что еще у тебя есть?

Нэста повернулась и выкинула руку.

Белая, горящая сила выстрелила из ее ладони и врезалась в его грудь.

Уловка. Чтобы он подобрался поближе. Чтобы усыпить его бдительность.

От ее силы он отлетел назад, деревья прогнулись под ним. Одно за другим.

Котел, казалось, успокоился. Это было всем, что осталось. Всем, что осталось от ее силы.

Нэста поднялась на ноги, шатаясь по поляне, кровь выступила на ее губе от удара, а потом она рухнула на колени перед Кассианом.

— Поднимайся, — всхлипнула она, подталкивая его за плечо. — *Вставай.*

Он попытался — и упал.

— Ты слишком тяжелый, — умоляла она, но все еще пыталась поднять его, пальцы цеплялись за его черную, окровавленную броню. — Я не могу... он идет —

— Иди, — простонал Кассиан.

Ее удар перестал тащить короля по лесу. Теперь он бросился к ним, срывая занозы и листья со своего камзола — не торопясь. Зная, что она не уйдет. Наслаждаясь ожиданием убийства.

Нэста стиснула зубы, снова пытаясь поднять Кассиана. Из него вырвался рваный стон боли.

— *Иди!* — рявкнул он ей.

— Я не могу, — выдохнула он ломающимся голосом. — *Я не могу.*

Те же самые слова, что сказал ему Рис.

Кассиан замычал от боли, но поднял свои окровавленные руки — чтобы схватить ее лицо.

— В своей жизни я не сожалею ни о чем, кроме этого, — его голос дрожал с каждым словом. — Что у нас не было времени. Что у меня не было времени с *тобой*, Нэста.

Она не остановила его, когда он наклонился вперед и поцеловал ее — целомудренно. Так, как он мог себе позволить.

Кассиан тихо сказал, стирая слезу, которая покатилась по ее лицу:

— Я снова найду тебя в следующем мире — в следующей жизни. И у нас будет это время. Обещаю.

Король Хайберна вышел на поляну, темная сила клубилась у кончиков его пальцев.

И даже Котел замер от удивления — удивления или какого-то... *чувства*, когда Нэста посмотрела на короля и смерть, вьющуюся у его рук, а потом на Кассиана.

И закрыла тело Кассиана своим.

Кассиан замер — а затем его рука скользнула по ее спине.

Вместе. Они уйдут вместе.

Я предлагаю тебе сделку, сказала я Котлу. Я предлагаю тебе свою душу. Спаси их.

— Романтично, — сказал король, — но опрометчиво.

Нэста не сдвинулась со своего места, защищая собой Кассиана.

Король поднял руку, и сила вихрилась в его руке как темная галактика.

Я знала, что они оба умрут, когда эта сила ударит по ним.

Что-нибудь, умоляла я Котел. *Что угодно* —

Рука короля начала падать.

И затем остановилась. Из нег вырвался задыхающийся звук.

На мгновение я подумала, что Котел ответил на мои мольбы.

Но когда черное лезвие прошло через горло короля, я поняла, что это сделал кто-то другой.

Элейн вышла из-за тени за ним и загнала Говорящий Правду по рукоятку в шею короля, рыча ему на ухо:

— *Не трогай мою сестру.*

ГЛАВА

75

Котел замурлыкал от присутствия Элейн, в то время как Король Хайберна резко упал на колени, хватаясь за кинжал, торчащий из его горла. Элейн отступила на шаг.

Он захлебывался, кровь лилась из его рта, и посмотрел на Нэсту. Моя сестра поднялась на ноги.

И пошла не к Элейн. А к королю.

Нэста обхватила рукой обсидиановую рукоятку Говорящего Правду.

И медленно, будто наслаждаясь усилием, которое она прикладывала... Она начала поворачивать клинок. Крутить не само лезвие — а делать им оборот *внутри* его шеи.

Элейн бросилась к Кассиану, но воин тяжело дышал — мрачно улыбался и задыхался — пока Нэста все поворачивала лезвие внутри шеи короля. Перерезая кожу, кости и сухожилия.

Нэста посмотрела вниз на короля, прежде чем окончательно отрезать его голову, в то время как он все еще пытался поднять руки, чтобы вытащить из себя лезвие.

И взгляд Нэсты... он был таким же, как в тот день в Хайберне. Когда она указала на него пальцем в обещании смерти. Она слегка улыбнулась — будто тоже об этом вспомнила.

И затем она надавила на кинжал, словно рабочий, перемещающий спицу огромного, тяжелого колеса.

Глаза короля вспыхнули — а потом голова упала с его плеч.

— Нэста, — простонал Кассиан, пытаясь добраться до нее.

Кровь короля забрызгала ее кожи, ее лицо.

Казалось, что это ее не волнует, когда она наклонилась. Когда она взяла упавшую голову короля и подняла ее. Подняла в воздух и уставилась на нее — в мертвые глаза Хайберна, его открытый рот.

Она не улыбнулась. Только смотрела и смотрела.

Беспощадная. Непреклонная. Жестокая.

— Нэста, — прошептала Элейн.

Нэста моргнула и, кажется, только после этого поняла, чью голову она держала.

Что они с Элейн сделали.

Голова короля упала из ее окровавленных рук.

Кажется, Котел тоже понял, что она сделала, когда голова ударилась о мшистую землю. Что Элейн... Элейн защищала эту воришку. Элейн, которую он одарил такими силами, найдя ее такой прекрасной, что захотел дать ей *что-то*... Он не навредит Элейн, даже если это означает не вернуть то, что у него забрали.

Он отступил, когда глаза Элейн опустились на нашего мертвого отца, лежащего на

другой поляне.

Когда она закричала от увиденного.

Нет. Я бросилась к ним, но Котел был слишком быстрым. Слишком сильным.

Он потянул меня назад — через поле битвы.

Казалось, никто не знал, что король был мертв. И наши армии...

Рис и другие Высшие Лорды полностью отдались монстрам, живущим под их кожей, оставляя за собой горы умирающих воинов, разорванных, выпотрошенных или разорванных надвое. И Гелион —

Высший Лорд Дня был весь в крови, его золотой мех был опален и порван, но он все еще сражался с командиром Хайберна. Командир оставался невозмутимым. Его лицо излучало спокойствие. Как будто он знал — сегодня его шансы на победу над Гелионом Заклинателем очень высоки.

Мы унеслись от него, дальше по полю. К Бряксису — все еще сражающемуся. Сдерживающему вражеские ряды для людей Грейсена. Черное облако, которое прорезало для них путь, защищало их. Бряксис, сам Страх, охраняющий смертных.

Мы пронеслись мимо Дрейкона и черноволосой женщиной, чья кожа была цвета темного меда, и оба сражались с —

Юрианом. Они сражались с Юрианом. У Дрейкона с ним были старые счета — как и у Мириам.

Мы удалились от них так быстро, что я не смогла услышать, о чем они говорили, не смогла увидеть, действительно ли Юриан сражался с ними или пытался отбиваться от их атак, попутно объясняясь с ними. Мор присоединилась к их сражению, окровавленная и хромающая, и закричала на них — это была наименьшая из наших проблем.

Потому что наши армии...

Хайберн нас подавлял. Без короля, без Котла, но они все еще делали это. Страсть, которую король взрастил в них, их вера в то, что их обидели и забыли... Они продолжали сражаться. Ничего не успокоило бы их, кроме полного восстановления того, на что, как они все еще верили, они имели полное право — чего они *заслуживали*.

Их было так много. Так много. А мы все были истощены.

Котел мчался назад, возвращаясь к самому себе.

И тут раздался рев боли — рев, который я узнала, даже в другой, душераздирающей форме.

Рис. *Рис* —

У него проблемы, ему нужна *помощь* —

Котел погрузился в самого себя, и я снова оказалась на вершине горы.

Снова смотрела на Амрен, которая ударяла меня по лицу, выкрикивая мое имя.

— *Глупая девчонка,* — рывкнула она. — *Сражайся с ним!*

Рис был ранен. Рис проигрывал —

Я скользнула обратно в свое тело. Моя ладонь все еще была на боку Котла. Живая связь. Но, когда Котел погрузился в себя... Я моргнула. Я *могла* моргать.

Амрен выдохнула.

— *Что, черт возьми* —

— Король мертв, — сказала я, мой голос был холодным и чужим. — И ты тоже скоро будешь.

Я убью ее за это, за то, что она предала нас по каким-то причинам —

— Я знаю, — тихо сказала Амрен. — И в этом мне нужна твоя помощь.

Я почти отпустила Котел от ее слов, но она покачала головой.

— Не разрывай его — контакт. Мне нужно, чтобы ты была... каналом.

— Я не понимаю.

— Сюриэль — передал через тебя сообщение. Мне. Только мне.

Я нахмурилась.

Амрен сказала:

— Ответ, содержащийся в Книге, был не заклинанием контроля. Я солгала об этом. Это было... освобождающее заклинание. Для меня.

— Что?

Амрен посмотрела на битву внизу, крики умирающих достигали нас.

— Я думала, что нужны твои сестры, чтобы они помогли тебе контролировать Котел, но после того, как ты посмотрела в Уроборос... Я знала, что ты сможешь сделать это. Только ты. И только я. Потому что когда ты освободишь меня с помощью силы Котла, моя настоящая форма... Я уничтожу эту армию. Каждого воина.

— Амрен —

Но мужской голос сзади меня умоляюще произнес:

— *Не надо.*

Вариан, измазанный в крови, вышел к нам по каменистой дорожке, задыхаясь.

Амрен ухмыльнулась.

— Как собака по запаху.

— Не надо, — сказал Вариан.

— Освободи меня, — сказала Амрен, игнорируя его. — Позволь мне покончить с этим.

Я начала качать головой.

— Ты... ты *исчезнешь*. Ты сказала, что если ты освободишься, то больше не будешь нас помнить, больше не будешь *собой*.

Амрен слегка улыбнулась — и мне, и Вариану.

— Я наблюдала за ними на протяжении многих эр. Людьми — в моем мире тоже были люди. И я наблюдала, как они любят, ненавидят — ведут бессмысленные войны и находят сладостный покой. Наблюдала, как они создают жизнь, строят *миры*. Я... Мне никогда не разрешались такие вещи. Я не была создана для этого, мне не было приказано так себя вести. Так что я наблюдала. И в тот день, как я пришла сюда... это был мой первый эгоистичный поступок. Очень долгое время я думала, что это такое наказание за непослушание своему Отцу, за *желания*. Я думала, что этот мир был каким-то адом, в который он меня запер за неповиновение.

Амрен сглотнула.

— Но я думаю... я задумываюсь, знал ли мой Отец. Видел ли он, как смотрела на их любовь, ненависть и жизнь, и открыл ту дыру в мир не в наказание... а как подарок, — ее глаза сверкали. — Ибо это был дар. Это время — с тобой. Со всеми вами. Это был дар.

— Амрен, — сказал Вариан и опустился на колени. — *Умоляю* тебя —

— Скажи Высшему Лорду, — тихо сказала она, — чтобы он оставил мне чашу.

Не думаю, что в моем сердце есть еще место для скорби. Я обхватила Котел еще сильнее.

— Скажу.

Она посмотрела на Вариана, невеселая улыбка появилась на ее красных губах.

— Больше всего я наблюдала за теми людьми, что были влюблены. Я никогда этого не понимала — *как* все происходит. *Почему* это происходит, — она замерла в шаге от Котла. — Хотя думаю, что узнала это с тобой. Возможно, это был последний подарок.

Лицо Вариана скривилось от боли. Но он ничего больше не сделал, чтобы остановить ее.

Она повернулась ко мне. И произнесла в моем разуме слова — заклинания, о котором я должна думать, которое должна чувствовать и *сотворить*. Я кивнула.

— Когда я освобожусь, — сказала нам Амрен, — не бегите. Это привлечет мое внимание.

Твердой рукой она потянулась ко мне.

— Я рада, что мы встретились, Фейра.

Я улыбнулась ей, склонив голову.

— Я тоже, Амрен. Я тоже.

Амрен обхватила мое запястье. И заскочила в Котел.

Я сражалась. Я сражалась с каждым вдохом, чтобы закончить заклинание, моя рука наполовину погрузилась в Котел, когда Амрен ушла под черную воду, которая его наполняла. Я произносила слова голосом, произносила их сердцем, кровью и костями. Выкрикивала их.

Ее ладонь выпустила мое запястье, испаряясь, как роса под утренним солнцем.

Заклинание завершилось, отскочив от меня, и я откинулась назад, отпуская Котел. Вариан поймал меня до того, как я упала, и крепко обхватил меня, когда мы оба посмотрели на черный Котел, его неподвижную поверхность.

Он выдохнул:

— Она —

Все началось глубоко, глубоко под нами. Будто она ушла в ядро земли.

Я позволила Вариану оттащить меня на пару шагов, когда пульсация прогрехотала из-под земли, направляясь к нам, к Котлу.

У нас времени хватило лишь на то, чтобы броситься за ближайший камень, когда она достигла нас.

Котел разлетелся на три части, раскрываясь, как расцветший цветок — и затем появилась она.

Она вырвалась из нескончаемой раковины, ослепляя нас светом. Светом и пламенем.

Она ревела — от победы, ярости и боли.

И я могла бы поклясться, что я увидела большие, широко распахнутые, горящие крылья, каждое перо которых было раскаленным угольком. Могла бы поклясться, что над ее пылающими волосами парила корона ослепительного света.

Она остановилась. Существо, которое было внутри Амрен, остановилось.

И посмотрело на нас — на поле битвы и всех наших друзей, на нашу семью, все еще сражающуюся.

Как бы говоря, *Я вас помню*.

А потом она исчезла.

Она распахнула крылья, пламя и свет окружили ее, и она была как горящий бегемот, обрушившийся на армии Хайберна.

Они начали бежать.

Амрен опустилась на них как молот и серно-огненный дождь.

Она пронеслась сквозь них, сжигая их, выпивая их смерти. Некоторые умирали от малейшего шороха от ее движений.

Я слышала, как взревел Рис — и этот звук был таким же, какой издала она. Победа, ярость и боль. И предупреждение. Предупреждение не убегать от нее.

Понемногу она уничтожила бесконечную армию Хайберна. Понемногу, она уничтожила отбрасываемую ими тень, их угрозу. Страдания, принесенные ими.

Она сокрушила командира Хайберна, почти нанесшего смертельный удар Гелиону. Сокрушила его так, будто он был стеклянным. И оставила от него лишь пепел.

Но эта сила — она исчезала. Тлела уголек за угольком.

И все же Амрен направилась к морю, где сражались армии моего отца и Вассы, как и люди Мириам. Целые корабли, набитые воинами Хайберна, замирали в тишине после того, как она проносилась мимо них.

Как будто она забирала жизнь прямо из них. Даже когда ее собственная жизнь разрушалась.

Амрен добралась до последнего корабля — самого последнего вражеского корабля — и была лишь пламенем, носимым ветром.

И когда этот корабль тоже вымер...

Там был только свет. Яркий, чистый свет, танцующий на волнах.

ГЛАВА

76

Слезы стекали по забрызганной кровью щеке Вариана, пока мы смотрели на море, туда, где исчезла Амрен.

Внизу, по всему полю, наши воины начали победоносно, радостно кричать.

А на горе... абсолютная тишина.

Я посмотрела на Котел, разломанный на три части.

Возможно, это сделала я. Освободив ее, я вызвала распад Котла. Или, возможно, Амрен со своей высвобожденной силой... была слишком большой даже для Котла.

— Нам нужно идти, — сказала я Вариану.

Остальные будут искать нас.

Мне нужно добраться до отца. Похоронить его. Помочь Кассиану.

Проверить, кто еще умер — а кто выжил.

Пустота — внутри меня были только усталость и пустота.

Мне удалось встать. Сделать один шаг, прежде чем я почувствовала его.

Это был... Котел. Или его отсутствие.

Это были пустота и материя, отсутствие и присутствие. И... он просачивался в мир.

Я осмелилась приблизиться к нему. И то, что я увидела в разрушенном Котле...

Это была пустота. Но в то же время и *не* пустота — новообразование.

Оно не принадлежало этому месту. Не принадлежало оно и другому месту.

А потом на моем лице были руки, разворачивающие меня, касающиеся меня.

— Ты ранена, ты —

Лицо Риса было разбитым — окровавленным. Его руки все еще оканчивались когтями, его клыки были все еще длинными. Он только начал выходить из звериной формы.

— Ты... ты освободила ее...

Он заикался. Трясся. Я вообще не была уверена, как ему удастся стоять.

Я не знала, с чего начать. Как объяснить.

Я впустила его в свой разум, его присутствие было нежным — он был так же измучен, как и я. Я позволила ему увидеть своего отца. Нэсту и Кассиана. Короля. И Амрен.

Все.

Включая *то*, что находилось позади нас. Дыру.

Рис заключил меня в объятия — всего на секунду.

— У нас проблема, — пробормотал Вариан, указывая за наши спины.

Мы посмотрели туда, куда он указывал. Туда, где внутри частей Котла была трещина в мире... И она росла.

Нас предупреждали, что Котел нельзя уничтожить. Потому что он связан со всем нашим *миром*.

Если Котел будет уничтожен... то и мы все тоже.

— Что я наделала, — выдохнула я.

Я спасла наших друзей — только для того, чтобы проклясть нас всех.

Созданный. Созданный и не Созданный.

Я сломала его. Я смогу создать его заново.

Я побежала к Книге, распахивая ее.

Но выгравированные золотые символы могло прочесть только одно существо на этой земле, и она ушла. Я бросила эту чертову вещь в пустоту внутри Котла.

Она исчезла и не больше не появлялась.

— Ну, ты хотя бы попыталась, — сказал Рис.

Я повернулась к нему, но его лицо было напряженным. Мрачным.

— Я не знаю, что делать, — прошептала я.

Рис посмотрел на развалины, оставшиеся от Котла.

— Амрен сказала, что ты — канал. — Я кивнула. — Так стань им снова.

— Что?

Он посмотрел на меня так, будто я была сумасшедшей, и сказал:

— Переделай Котел. Создай его заново.

— С помощью *чьей* силы?

— Моей.

— Ты... ты истощен, Рис. Как и я. Как мы все.

— Попытайся. Сделай мне одолжение.

Я моргнула, паника немного поубавилась. Да — да, с ним, с моим мейтом...

Я подумала о заклинании, которое Амрен показала мне. Если я слегка изменю его... Это рискованно. Но должно сработать.

— Лучше, чем ничего, — сказала я, выдохнув.

— Вот это настрой.

Смех искрился в его глазах.

Мертвые милями протянулись вокруг нас, крики раненых и скорбящих начали усиливаться, но... Мы остановили Хайберна. Остановили короля.

Возможно... в этом деле нам тоже повезет.

Я потянулась к нему — и рукой, и разумом.

Его щиты были подняты — сплошные стены, которые он установил во время битвы. Я провела рукой по одной из них, но она не исчезла. Рис улыбнулся мне и поцеловал.

— Напомни мне никогда не попадать Нэсте под горячую руку.

Он все еще мог *шутить* — нет, это был способ вытерпеть. Для нас обоих. Потому что альтернатива шуткам... Опустошенное лицо Вариана, молча наблюдающего за нами, было альтернативой. И с этой вещью перед нами, последнее задание...

Я выдавила смешок.

И я все еще улыбалась, слегка, когда снова положила руку на обломки Котла.

Там была дыра. Без воздуха. Там не могла существовать никакая жизнь. Никакой свет.

Там было... там было то, что существовало в начале. Прежде чем мир вырвался из него.

Оно не принадлежало этому месту. Возможно, однажды, когда земля состарится и умрет, когда исчезнут звезды... может быть тогда мы вернемся в это место.

Не сегодня. Не сейчас.

Я была одновременно сущностью и ничем.

И позади меня... Сила Риса была нитью. Нескончаемым ударом молнии, который исходил от меня к... этому месту. Чтобы быть созданным по моему желанию.

Созданный и не Созданный.

Из дальних уголков своей памяти, своего человеческого разума... Я вспомнила стенную роспись, что видела в Весеннем Дворе. Спрятанную в пыльной, неиспользуемой библиотеке. Она рассказывала историю Прифиана.

Она рассказывала историю Котла. *Этого* Котла.

И когда его держали женские руки... Из него потекла жизнь.

Я потянула свою, и сила Риса побежала через меня.

Объединенные. Соединенные в одно. Вопрос и ответ.

Я не боялась. Не с ним.

Я сложила ладони лодочкой, как если бы осколки Котла могли уместиться в них. Целая вселенная в моих ладонях.

Я начала проговаривать последнее найденное Амрен для нас заклинание. Проговаривать, обдумывать и чувствовать. Словами, дыханием и кровью.

Сила Риса текла через меня, из меня. Появился Котел.

Свет затанцевал по трещинам в том месте, где все три обломка соединялись.

Здесь — здесь мне нужно укрепить их. Объединить. *Скрепить*.

Я положила руку на бок Котла. Необработанная, жестокая сила вытекала из меня и создавала каскад.

Я откинулась назад, не боясь этой силы, мужчины, который удерживал меня.

Она все вытекала и вытекала, прорвавшаяся плотина ночи.

Трещины заискрились и расплылись.

Пустота начала заползать обратно.

Больше. Нам нужно больше.

Он дал мне еще силы. Рис передал мне все.

Я была носителем, сосудом, связью.

Я люблю тебя, прошептал он в моей голове.

Я только прислонилась к нему, наслаждаясь его теплом, даже в этом несуществующем месте.

Сила содрогнулась внутри него. Обернулась вокруг Котла. Я снова и снова произносила заклинание.

Первая трещина исчезла.

Потом вторая.

Я почувствовала, как он дрогнул позади меня, услышала его влажный вдох. Я попыталась обернуться –

Я люблю тебя, снова сказал он.

Третья и последняя трещина начала затягиваться.

Его сила начала трещать. Но продолжала вытекать.

Я вложила в нее и свою, искры, снег, свет и воду. Вместе, мы отдали все. Мы отдали все до последней капли.

Пока Котел не стал целым. Пока то, что в нем содержалось... не вернулось на место. Было заперто внутри него.

Пока я почувствовала, как солнце согревает мое лицо. И увидела, что Котел стоит передо мной — под моей рукой.

Я убрала пальцы с его ледяного железного бока.

Всмотрелась в его чернильную глубину.

Никаких трещин. Целый.

Я прерывисто выдохнула. Мы сделали это. Мы сделали –

Я обернулась.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять это. То, что я увидела.

Рис растянулся на скалистой земле, крылья распластались под ним.

Он выглядел так, будто спит.

Но когда я вдохнула –

Ее не было.

Того, что поднималось и опускалось с каждым вдохом и выдохом. Что вторило каждому сердцебиению.

Связи мейтов.

Ее не было. Она исчезла.

Потому что его грудь... она не двигалась.

И Рис был мертв.

ГЛАВА

77

В моей голове была лишь тишина. Только тишина, а потом я начала кричать.

Я все кричала и кричала.

Пустота в моей груди, моя *душа* без этой связи, этой *жизни* –

Я трясла его, выкрикивала его имя и трясла его, и мое тело перестало мне

принадлежать, и теперь *оно* лишь удерживало меня здесь, мне *не хватало* его, и я не могла остановить свои крики —

А потом пришла Мор. И Азриэль, покачиваясь, помог прийти Кассиану. Он был почти таким же окровавленным и держался на ногах лишь благодаря синим перепончатым повязкам из Сифонов, покрывающих все его тело. Их обоих.

Они что-то говорили, но я могла слышать лишь его последнее "*Я люблю тебя*", которое было не признанием, а прощанием.

Он знал. Он *знал*, что ничего не осталось, и придется отдать все. Что это будет *стоить* ему всего. Он не убирал свои щиты, чтобы я не увидела, потому что в таком случае не согласилась бы, я бы лучше позволила миру *умереть* вместо *того*, что он сделал, и эта *пустота*, где был он, где были мы —

Кто-то пытался оттащить меня от него, и я издала какой-то звук, который мог быть рычанием или криком, и они отпустили меня.

Я не могу жить с этим, не могу вынести этого, не могу *дышать* —

Там были руки — незнакомые руки на его шее. Прикасающиеся к нему —

Я ринулась к ним, но кто-то удержал меня.

— Он посмотрит, можно ли что-нибудь сделать, — хрипло сказала Мор.

Он. Тэсан. Высший Лорд Рассвета. С даром исцеления. Я снова бросилась к нему, чтобы умолять его, чтобы просить его —

Но он покачал головой. Глядя на Мор. На остальных.

Тут был Тарквин. Гелион. Задыхающиеся и избитые.

— Он..., — выдохнул Гелион, а потом покачал головой, закрывая глаза. — Конечно, он сделал, — сказал он больше себе, чем кому-то другому.

— Пожалуйста, — сказала я, и я не была уверена, к кому обращаюсь.

Мои пальцы цеплялись за броню Риса, пытаюсь добраться до сердца, скрывающегося под ней.

Котел — может быть Котел —

Я не знаю заклинаний. Как опустить его туда и убедиться, что *он* вернется —

Чьи-то руки накрыли мои ладони. Они были измазаны в крови и все в порезах, но были нежными. Я попыталась отстраниться, но они крепко держали меня, когда Тарквин стал на колени позади меня и сказал:

— Мне жаль.

Эти два слова разрушили меня. Разрушили меня так, что я даже не знала, что могу быть настолько сломанной, разрывая все связи и стирая границы.

Оставайся с Высшим Лордом. Последнее предупреждение Сюриэля. *Оставайся... и наблюдай, как все встает на свои места.*

Ложь. Ложь, и Рис тоже лгал мне. *Оставайся с Высшим Лордом.*

Оставайся.

Ибо там... разорванные остатки связи мейтов. Качающиеся на призрачном ветре внутри меня. Я схватилась за них — потянулась их, будто он мог ответить.

Оставайся. Оставайся, оставайся, оставайся.

Я цеплялась за эти остатки и обрывки, хватая пустоту, скрывающуюся за ними.

Оставайся.

Я подняла взгляд на Тарквина, поджимая губы. Потом я посмотрела на Гелиона. И Тэсана. Берона и Каллиаса, возле которого плакала Вивиан. И я зарычала:

— *Верните его.*

Их лица ничего не выражали.

Я закричала на них:

— *ВЕРНИТЕ ЕГО.*

Ничего.

— Вы сделали это для меня, — сказала я, тяжело дыша. — *Теперь сделайте для него.*

— Ты была человеком, — осторожно сказал Гелион. — Это не одно и то же —

— Мне плевать. Сделайте это.

Когда они не сдвинулись, я собрала всю свою силу, готовясь проникнуть в их разум и заставить их, не заботясь, какие правила и законы при этом нарушу. Мне плевать на это, лишь бы —

Тарквин вышел вперед. Он медленно протянул руку в моем направлении.

— За то, что он отдал, — тихо сказал он. — Сегодня и много лет назад.

И когда семя света появилось на его ладони... Я снова начала плакать. Наблюдая, как оно падает на голую шею Риса и исчезает под его кожей, и вспыхивает отражение этого света.

Гелион шагнул вперед. Зернышко его силы, вспыхнув, упало на кожу Риса.

Потом это же сделал и Каллиас. И Тэсан.

Пока там не остался только Берон.

Мор обнажила меч и приставила его к его горлу. Он дернулся, не увидев, как она движется.

— Я с легкостью могу совершить еще одно убийство, — сказала она.

Берон послал ей испепеляющий взгляд, но отмахнулся от меча и вышел вперед. Он практически швырнул пятнышко света в Риса. Но это меня не волновало.

Я не знала заклинания, не знала силы, из которой оно создается. Но я была Высшей Леди.

Я вытянула руку. И пожелала, чтобы появилась искра жизни. Но ничего не произошло.

Я вдохнула, успокаиваясь, вспоминая, как она выглядит.

— Скажи, как это сделать, — прохрипела я.

Тэсан кашлянул и шагнул ко мне. Объясняя суть силы и чего-то еще, что меня не волновало, но я слушала его, пока —

Вот. Маленькая, как семя подсолнечника, она появилась на моей ладони. Частичка меня — моей жизни.

Я осторожно положила ее на горло Риса, покрытое засохшей кровью.

И как только он появился, я поняла, что упустила.

Здесь стоял Тамлин, призванный смертью одного из Высших Лордов или позванный кем-то из присутствующих. Он был весь в грязи и крови, его новый патронаш ножей был почти пуст.

Он посмотрел на Риса, безжизненно раскинувшегося передо мной. Посмотрел на нас всех — со все еще вытянутыми ладонями.

На его лице не было доброты. И сочувствия.

— Пожалуйста, — сказала я ему.

Потом Тамлин посмотрел на нас — меня и моего мейта. Выражение его лица не изменилось.

— *Пожалуйста,* — всхлипнула я. — Я... я дам тебе *все* —

На этих словах в его глазах что-то изменилось. Но в них не появилась доброта. В них вообще не отражались его эмоции.

Я положила голову на грудь Рисанда, пытаюсь услышать даже слабое сердцебиение сквозь его броню.

— Все, что угодно, — выдохнула я, ни к кому не обращаясь. — Все.

Раздался звук шагов по скалистой земле. Я сильнее вцепилась в Риса, готовая к тому, что еще кто-то попытается оттащить меня.

Шаги затихли позади меня и не продолжались достаточно долго, так что я оглянулась.

Там стоял Тамлин. И смотрел на меня. В его зеленых глазах переполняло какое-то чувство, которое я не смогла распознать.

— Будь счастлива, Фейра, — тихо сказал он.

И уронил последнее зернышко света на Рисанда.

Я не была свидетелем того, как это делали для меня.

Так что я просто держалась за него. За его тело, за клочки, оставшиеся от нашей связи.

Останься, молила я. *Останься*.

Свет мерцал за моими закрытыми веками.

Останься.

И в тишине... Я начала рассказывать ему.

О первой ночи, когда встретила его. Когда услышала голос, зовущий меня к холмам. Когда я не смогла сопротивляться его зову, и теперь... теперь я задумалась, принадлежал ли тот голос, взывающий ко мне на Каланмэй, ему. Его ли голос привел меня в то место той ночью.

Я рассказала ему, как влюбилась в него — о каждом взгляде, переданной записке и смехе, что он вытянул из меня. Я рассказала ему обо всем, что мы сделали, и что это значило для меня, и обо всем, что я все еще хотела сделать. О *жизни*, все еще маячащей перед нами.

И в ответ... раздался глухой удар.

Я открыла глаза. Еще один удар.

И затем его грудь поднялась, поднимая и мою голову.

Я не могла двигаться, не могла дышать —

Рука коснулась моей спины.

Затем Рис простонал:

— Если вы все здесь, то либо все пошло очень, очень плохо, либо очень хорошо.

Сокрушенный смех вырвался из Кассиана.

Я не могла поднять голову, не могла ничего делать, кроме как держать его, наслаждаясь каждым ударом сердца, вдохом и гулом его голоса, когда Рис сказал скрипучим голосом:

— Вы будете рады услышать, что... Моя сила осталась моей. Ничего не было украдено.

— Ты знаешь, как красиво появиться, — протянул Гелион. — Или мне нужно сказать уйти?

— Ты ужасен, — огрызнулась Вивиан. — Это даже отдаленно не смешно —

Я не слышала, о чем они еще говорили. Рис сел, поднимая меня со своей груди. И смахнул пряди волос, приклеившиеся к моим влажным щекам.

— *Оставайся с Высшим Лордом*, — прошептал он.

Я не поверила в это — пока не посмотрела ему в лицо. В его глаза, в которых сверкали

звезды.

Не позволяла себе поверить, что это не какая-то галлюцинация —

— Это реально, — сказал он, целуя меня в лоб. — И... есть еще один сюрприз.

Он указал исцеленной рукой на Котел.

— Кто-нибудь, выловите дорогую Амрен, пока она не простудилась.

Вариан развернулся к нам. Но Мор бросилась к Котлу, и издала вопль, когда добралась до него —

— Как? — выдохнула я.

Там уже были Азриэль и Вариан, помогая Мор вытащить Амрен из темной воды.

Ее грудь вздымалась и опускалась, ее лицо осталось таким же, но...

— Она была там, — сказал Рис. — Когда запечатывался Котел. Уходя... туда, куда мы ушли.

Из Амрен потекла вода, и ее вырвало на скалистую землю. Мор хлопала ее по спине, помогая ей избавиться от содержимого желудка.

— Так что я протянул ей руку, — тихо продолжил Рис. — Чтобы посмотреть, захочет ли она вернуться.

И когда Амрен открыла глаза, когда Вариан издал сдавленный стон облегчения и радости —

Я знала — что она отдала, чтобы вернуться. Она стала просто Высшей Фэ.

Ее серебряные глаза были чистыми. Неподвижными. В них не было дымки, не было горящего тумана.

Обычное существо, никаких следов ее бывшей силы.

И когда Амрен улыбнулась мне... Я подумала, что это могло быть ее последним даром.

Что это все... все это могло быть даром.

ГЛАВА

78

Среди огромного поля трупов и раненых было одно тело, которое я хотела похоронить.

Только Нэста, Элейн и я вернулись на ту поляну после того, как Азриэль дал ясно понять, что битва окончательно завершилась.

Попытавшись взять себя в руки, я позволила Рису исчезнуть из моего поля зрения, чтобы проконтролировать наши разрозненные армии, выяснить, кто умер, а кто выжил, и навести некое подобие порядка.

Я готова была умолять Риса пойти с нами, чтобы мне не приходилось выпускать его руку, за которую я крепко ухватилась после того, как услышала его прекрасное, ровное сердцебиение, снова звучавшее в его теле.

Но эта задача, это прощание... В глубине души я знала, что там должны быть только мои сестры и я.

Так что я выпустила руку Риса, поцеловала его раз, второй, и оставила его в военном лагере помочь Мор дотащить едва стоящего Кассиана до ближайшего целителя.

Нэста наблюдала за ними, когда я добралась до нее и Элейн на окраине лагеря, где

начиналась роща. Это она каким-то образом исцелила Кассиана после того, как отрезала голову королю? Или это бессмертная кровь Кассиана и повязки Азриэля исцелили его достаточно, чтобы он стоял, даже со сломанными крылом и ногой? Я не спросила свою сестру, и она не ответила, когда взяла ведро воды из все еще окровавленных рук Элейн, и я последовала за ними через деревья.

Тело Короля Хайберна лежало на поляне, и вороны уже собирались возле него.

Нэста плюнула на него, прежде чем мы приблизились к нашему отцу. Вороны едва успели отлететь вовремя.

Крики и стоны раненых были приглушенным шумом — другой мир, отдаленный от солнечной поляны. От крови, все еще свежей на мхе и траве. Я постаралась не обращать внимания на металлический запах — крови Кассиана, крови короля, крови Нэсты.

Только наш отец не истекал кровью. У него не было такой возможности. И Мать проявила небольшое милосердие, потому что вороны еще не принялись за него.

Элейн молча вымыла его лицо. Причесала его волосы и бороду. Привела в порядок его одежду.

Где-то она нашла цветы. Она положила их ему на голову, на его грудь.

Мы смотрели на него, не издавая ни звука.

— Я люблю тебя, — прошептала Элейн ломающимся голосом.

Нэста ничего не сказала, а выражение ее лица было нечитаемым. В ее глазах были тени. Я не сказала ей, что увидела — позволила им самим рассказать мне все, когда они будут готовы.

Элейн выдохнула:

— Должны мы... прочитать молитву?

Я вспомнила, что таких вещей в человеческом мире нет. Мои сестры не знали молитв. Но в Прифиане...

— Мать примет тебя, — прошептала я, извлекая из памяти слова, которые не слышала с того дня в Подгорье. — Пройди через ворота; почувствуй бессмертную землю молока и меда. Пламя заискрилось под моей рукой. Это все, что я могу сделать. Все, что осталось.

— Не бойся зла. Не чувствуй боли.

Мои губы дрожали, когда я выдохнула:

— Войди в вечность.

Слезы текли по бледным щекам Элейн, когда она поправила выбившийся цветок, хрупкий, с белыми лепестками, на груди нашего отца, а затем вернулась ко мне и кивнула.

Выражение лица Нэсты не изменилось, когда я подожгла тело нашего отца.

Ветер начал развеивать его прах через считанные секунды.

Мы долго смотрели на выжженный участок земли, и солнце над нашими головами поднималось все выше.

Позади нас трава зашелестела от шагов.

Нэста развернулась, но —

Люсьен. Это был Люсьен.

Люсьен, изможденный и окровавленный, жадно глотающий воздух. Как будто он бежал сюда от самого берега.

Его глаза нашли Элейн, и его плечи слегка опустились. Но Элейн только обняла себя и осталась стоять рядом со мной.

— Ты ранена? — спросил он, подходя ближе.

Осматривая ее руки, на которых запеклась кровь.

Он остановился, заметив отрубленную голову Короля Хайберна на другом краю поляны. Нэста все еще была в его крови.

— Я в порядке, — тихо сказала Элейн.

И затем спросила, заметив, что он в крови, его одежда разорвана, а оружие еще не очищено:

— Ты —

— Ну, я хотел не сражаться в битвах весь остаток своей жизни, но... да, я не пострадал.

Слабая улыбка расцвела на губах Элейн. Но Люсьен заметил обгорелую траву за нами и сказал:

— Я слышал — что произошло. Сожалею о твоей потере. Потере для всех вас.

Я просто подошла к нему и обвила его шею руками, даже если это было не то объятье, на которое он надеялся.

— Спасибо тебе — что пришел. На битву, я имею в виду.

— Мне нужно рассказать тебе одну чертовски хорошую историю, — сказал он, крепко сжимая меня. — И не удивляйся, если Васса припрет тебя к стенке, как только разберется с кораблями. И сядет солнце.

— Она действительно —

— Да. Но твой отец, будучи посредником... — он грустно, едва заметно улыбнулся, глядя на сожженную траву. — Ему удалось договориться с *хозяином* Вассы, чтобы она пришла сюда. На какое-то время, но... лучше, чем ничего. Но да — королева ночью, жар-птица днем. — Он выдохнул. — Отвратительное проклятье.

— Человеческие королевы все еще на свободе, — сказала я.

Может быть, я выслежу их.

— Ненадолго, если Васса что-нибудь предпримет.

— Звучит так, будто ты ей восхищаешься.

Люсьен покраснел, взглянув на Элейн.

— У нее скверный характер и грязный рот. — Он иронично посмотрел на меня. — Вы прекрасно поладите.

Я ткнула его в ребра.

Но Люсьен снова посмотрел на спаленную траву, и его забрызганное кровью лицо стало торжественным.

— Он был хорошим человеком, — сказал он. — И очень сильно любил вас.

Я кивнула, не в силах сформировать слова. Мысли. Нэста только моргнула, что служило признаком того, что она все слышала. Элейн просто сильнее обняла себя, и еще несколько слез покатались по ее щекам.

Я решила избавить Люсьена от мучения раздумий о том, прикоснуться ли к ней, так что взяла его под руку и начала уходить, позволяя моим сестрам самим решить, последовать за нами или остаться — если они хотели побыть в одиночестве перед этой сожженной травой.

Элейн последовала за нами.

Нэста осталась.

Элейн догнала нас и уставилась на Люсьена. Он заметил это.

— Я слышал, что ты нанесла смертельный удар, — сказал он.

Элейн посмотрела вперед, на деревья.

— Это Нэста. Я только ударила его кинжалом.

Люсьен, казалось, подыскивал слова для ответа, но я сказала ему:

— Ну и куда теперь? Обрато с Вассой?

Слышал ли он о роли Тамлина — о помощи, которую он нам оказал? Судя по всему, он знал об этом. Кто-то, возможно, мой мейт, сообщил ему.

Люсьен пожал плечами.

— Сначала я буду здесь. Чтобы помочь. Потом... — он еще раз посмотрел на Элейн. — Кто знает?

Я слегка подтолкнула локтем Элейн, которая прищурилась на меня, а затем выпалила:

— Ты можешь прийти в Веларис.

Он все это видел, но любезно кивнул.

— С удовольствием.

Пока мы возвращались в лагерь, Люсьен рассказывал нам о своем путешествии — как он выслеживал Вассу, как он обнаружил ее, уже находящуюся с моим отцом, ведущую армию на запад. Как Мириам и Дрейкон нашли их, пока сами спешили нам на помощь.

Я все еще размышляла над его рассказом, когда заскочила в свою палатку, чтобы наконец-то переодеться, в то время как Люсьен с Элейн отправились умыться. И, возможно, поговорить.

Но когда я вошла, то обнаружила, что внутри кто-то разговаривает. Много голосов, один из которых принадлежит моему мейте.

Я шагнула внутрь и поняла, что в ближайшее время мне не удастся сменить одежду.

Потому что в кресле перед жаровней сидел Принц Дрейкон, Рис, все еще измазанный е крови, развалился на диване напротив него. И на подушках рядом с Рисом сидела очаровательная женщина, ее темные волосы спадали на спину роскошными кудрями, и она уже улыбалась мне.

Мириам.

ГЛАВА

79

Улыбающееся лицо Мириам было больше похоже на лицо человека, чем Высшей Фэ. Но, как я вспомнила, когда она и Дрейкон поднялись на ноги, чтобы поприветствовать меня, она была Фэ лишь наполовину. У нее были изящные заостренные уши, но... в ней все еще было что-то от людей. В ее широкой улыбке, озарившей ее карие глаза.

Мне она сразу же понравилась. Грязь была разбрызгана по ее козам — отличающимся от иллирийских, но очевидно, что они были сделаны для того, чтобы крылатые воины не теряли тепло в небе — и несколько пятен крови покрывали ее темно-медовую кожу в области шеи и ладоней, но она, кажется, их не замечала. Или ей было просто наплевать. Она протянула мне руки.

— Высшая Леди, — сказала Мириам, ее акцент был таким же, как у Дрейкона. Раскатистым и богатым.

Я взяла ее руки, с удивлением обнаружив, что они сухие и теплые. Она сжимала мои пальцы, пока я произносила:

— Я слышала о вас так много — спасибо, что пришли.

Я бросила взгляд на Риса, который все еще лежал на диване, наблюдая за нами с поднятыми бровями.

— Для кого-то, кто только что был мертвым, — сказала я, — ты выглядишь удивительно расслабленным.

Рис ухмыльнулся.

— Я рад, что ты снова в свойственном тебе настроении, дорогая Фейра.

Дрейкон фыркнул и взял мои руки, сжимая их с такой же силой, как и его мейт.

— Он просто не хочет тебе говорить, моя леди, что он чертовски стар и *не может* встать прямо сейчас.

Я повернулась к Рису.

— Ты —

— В порядке, в порядке, — сказал Рис, махнув рукой, хотя и тихо застонал. — Хотя теперь ты, наверное, поняла, почему я не навещал этих двоих так долго. Они до ужаса жестоки со мной.

Мириам засмеялась, снова плюхаясь на подушки.

— Твой мейт как раз рассказывал нам *вашу* историю, поскольку ты, похоже, уже слышала нашу.

Так и есть, но даже когда Принц Дрейкон изящно сел обратно в свое кресло и я уселась на стул рядом с ним, просто наблюдая за ними двумя... Я хотела знать все. Однажды — не завтра и не послезавтра, но... однажды, я хочу услышать их историю целиком. Но пока что...

— Я... видела вас двоих. Когда вы сражались с Юрианом.

Дрейкон сразу же застыл, а Мириам закрыла глаза, когда я спросила:

— Он... он мертв?

— Нет, — сказал Дрейкон.

— Мор, — вмешалась Мириам, нахмурившись, — в итоге убедила нас не... выяснять отношения.

Но они это сделают. Судя по выражению лица Дрейкона, принц все еще не был убежден. И, судя по призрачному блеску в глазах Мириам, во время этого боя произошло гораздо больше, чем они готовы были признаться. Но я все же спросила:

— Где он?

Дрейкон пожал плечами.

— После того, как мы его не убили, я даже думать не хочу, куда он смылся.

Рис слегка улыбнулся.

— Он с людьми Лорда Грейсена — присматривает за ранеными.

Мириам осторожно поинтересовалась:

— Вы... дружите с Юрианом?

— Нет, — сказала я. — Просто... не думаю, что мы друзья. Но... все, что он сказал, оказалось правдой. И он помог мне. Значительно.

Они только кивнули и обменялись долгими взглядами, невысказанные слова повисли между ними.

Рис спросил:

— Я, кажется, видел Нефелу во время битвы — есть ли шанс того, что я поздороваюсь с ней, или она теперь слишком важна, чтобы беспокоиться обо мне?

Смех — прекрасный смех — танцевал в его глазах.

Я выпрямилась, улыбаясь.

— Она здесь?

Дрейкон выгнул темную бровь.

— Ты знаешь Нефелу?

— Знаю о ней, — сказала я и посмотрела на вход в палатку, будто она вот-вот зайдет в нее. — Я... это долгая история.

— У нас есть время, чтобы выслушать ее, — сказала Мириам, а потом добавила: — Или... думаю, немного времени.

Потому что нам действительно нужно разобраться со многими вещами. Включая — Я покачала головой.

— Позже, — сказала я Мириам и ее мейту.

Доказательство, что мир может существовать без стены, без Договора.

— Есть что-то... — я послала мысль Рису по связи, получив кивок одобрения от него, прежде чем задать вопрос: — Ваш остров все еще засекречен?

Мириам и Дрейкон обменялись виноватыми взглядами.

— Извиняемся за это, — сказала Мириам. — Кажется, чары сработали *слишком* хорошо, если не пропустили посланников с хорошими намерениями. — Она покачала головой, ее красивые кудри двигались вслед за ее движениями. — Мы бы прибыли раньше — мы ушли оттуда в тот момент, когда поняли, какая у вас проблема.

— Нет, — сказала я, трясая головой, пытаюсь подобрать слова. — Нет — я не виню вас. О Мать, мы должны вам... — я выдохнула. — Мы все у вас в долгу. — Дрейкон и Мириам так не считали, но я продолжила: — Я имею в виду, что... если бы нужно было спрятать предмет, обладающий ужасающей силой... Крит все еще подходит для этого?

Они опять обменялись взглядами, взглядами между мейтами.

— Да, — сказал Дрейкон.

Мириам выдохнула:

— Ты говоришь о Котле.

Я кивнула. Его притащили в наш лагерь, и теперь его охраняли все иллирийцы, которые еще могли стоять. Ни один из Высших Лордов не спросил о нем — пока. Но я знала, какие яростные споры могут возникнуть, какие внутренние войны начнутся за право хранить Котел.

— Ему нужно исчезнуть, — мягко сказала я. — Временно. — Я добавила: — Прежде чем кто-нибудь вспомнит о нем и предъявит на него свои права.

Дрейкон и Мириам задумались, между ними шла внутренняя беседа, возможно даже по связи мейтов.

— Когда мы будем уходить, — наконец сказал Дрейкон, — один из наших кораблей может немного потяжелеть.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Когда вы собираетесь уходить? — спросил Рис, выгибая бровь.

— Уже выгоняешь нас? — спросил Дрейкон с полуулыбкой.

— Через несколько дней, — не без иронии сказала Мириам. — Как только наши раненные будут готовы отправиться в путь.

— Отлично, — сказала я.

Они все посмотрели на меня. Я сглотнула.

— Я хотела сказать... Не то, чтобы я была рада тому, что вы уходите... — в глазах Мириам вспыхнул интерес, мерцая. Я улыбнулась про себя. — Я хочу, чтобы вы были здесь. Потому что я хочу провести собрание.

Днем позже... Я не знала, как все собрались вместе так быстро. Я просто объяснила, чего хочу, что нам *нужно* сделать, и... Рис и Дрейкон все организовали.

Здесь не было подходящего места — не тогда, когда в лагерях такой беспорядок. Но было одно местечко — в нескольких милях отсюда.

И когда зашло солнце и полуразрушенное имение моей семьи заполнили Высшие Лорды и принцы, генералы и командиры, люди и Фэ... У меня все еще не было слов, чтобы выразить свои чувства. О том, что мы все собрались в гигантской гостиной, единственным местом в старинном поместье моей семьи, которое еще можно было использовать, и действительно проводим... это собрание.

Я проспала всю ночь, глубоко и безмятежно, и Рис лежал рядом со мной. Я не отпускала его, пока на рассвете солнечный свет не проник в нашу палатку. И затем... военные лагеря переполняли изувеченные, раненые и мертвые воины. На этой встрече будут переговоры между различными армиями, лагерями и народами.

Это заняло весь день, но к вечеру я уже была в разрушенном фойе, Рис и остальные были рядом со мной, позади нас на потрескавшемся мраморном полу валялась разбитая массивная люстра.

Первыми прибыли Высшие Лорды. Начиная с Берона.

Берон, который даже не взглянул на своего сына-который-не-был-его-сыном. Люсьен, стоящий рядом со мной, тоже не признавал присутствия Берона. Как и Эриса, когда тот зашел в комнату вслед за отцом.

Эрис был в ушибах и порезах достаточно серьезных, так что он должен быть в ужасном состоянии после того, как вчера закончилась битва. Об этом говорил и грубый порез от щеки до шеи, который только-только зажил. Мор удовлетворительно проворчала, увидев его — или, возможно, разочарованно, так как рана не была смертельной.

Эрис прошел мимо так, будто не слышал ее, но он и не усмехнулся. Наоборот, он просто кивнул Рису.

Это было молчаливое обещание: скоро. Скоро, возможно, Эрис окончательно получит то, что так желает — и призовет нас к выполнению своей части сделки.

Но мы не кивнули ему в ответ. Ни один из нас.

И уж тем более не Люсьен, который продолжал упорно игнорировать своего старшего брата.

Но по мере того, как Эрис шел по комнате... Я могла бы поклясться, что в его глазах было что-то вроде печали — вроде сожаления, когда он посмотрел на Люсьена.

Тамлин переступил порог мгновением позже.

У него была повязка на шее и на руке. Он пришел один, как и на первую встречу.

Знал ли он, что этот разрушенный дом был приобретен на те деньги, что он дал моему отцу? Из-за доброты, которую он выказал им?

Но внимание Тамлина привлекла не я. Он смотрел на того, кто стоял слева от меня. На Люсьена.

Люсьен вышел вперед с высоко поднятой головой, хотя его металлический глаз и

жужжал. Мои сестры уже сидели в гостиной, готовые сопроводить наших гостей на предназначенные им места. Это мы тоже тщательно планировали.

Тамлин остановился на расстоянии нескольких шагов. Никто из нас не проронил ни слова. Не тогда, когда Люсьен открыл рот.

— Тамлин —

Но Тамлин посмотрел на одежду, которую теперь носил Люсьен. Иллирийские кожи. Он с таким же успехом мог облачиться в черный, цвет Ночного Двора.

Сложно было удерживать язык за зубами и не объяснить ему, что у Люсьена не было другой одежды, и что по одежде нельзя судить, кому ты предан —

Тамлин просто покачал головой, отвращение плескалось в его зеленых глазах, и прошел мимо нас. Ничего не сказав.

Я вовремя посмотрела на Люсьена, чтобы увидеть вину и опустошение, мерцающие в его красновато-коричневом глазу. Рис действительно рассказал Люсьену о тайной помощи Тамлина. О его участии в том, чтобы Берон появился здесь. О том, как он спас меня в лагере. Но Люсьен остался рядом с нами, когда Тамлин занял свое место в гостиной справа от нас. И не посмотрел на своего друга даже раз.

Люсьен не настолько глуп, чтобы вымаливать прощение.

Эта беседа, эта конфронтация — все это произойдет в другое время. В другой день, на другой неделе или месяце.

Я потеряла счет тем, кто пришел после. Дрейкон и Мириам, а также толпа их людей. Включая —

Я подскочила, увидев стройную темноволосую женщину, которая шла справа от Мириам, и ее крылья были намного меньше, чем у остальных Серафимов. Я посмотрела на Азриэля, который стоял рядом с Рисом, весь перевязанный и с шинами на крыльях, наложенными после того, как он переусердствовал вчера. Говорящий с тенями кивнул в подтверждение. Нефела.

Я улыбнулась легендарной воительнице-писарю, когда она заметила мой взгляд. В ответ мне она ухмыльнулась.

Вошли Каллиас и Вивиан, сопровождаемые той женщиной, которая на самом деле оказалась ее сестрой. Затем Тарквин и Вариан. Тэсан и его избитый капитан peregrinov — крепко взявшись за руки.

Берон разумно решил не приближаться к ним — а Эрис только время от времени посматривал на них. Наблюдая.

Гелион, окруженный несколькими своими капитанами и генералами, прихрамывал, но все же выдавил мрачную улыбку.

— Наслаждайтесь этим, пока есть возможность, — сказал он нам с Рисом. — Сомневаюсь, что мы будем так же едины, когда выйдем отсюда.

— Спасибо за слова поддержки, — строго сказала я, и Гелион рассмеялся, когда растянулся на своем месте.

Все больше и больше людей заполняли комнату, напряженные беседы прерывались взрывами смеха или приветствиями. Рис, наконец, сказал нашей семье отправиться в комнату — пока мы с ним остались ждать.

Мы все ждали и ждали, на протяжении долгого времени.

Я поняла, что им потребуется больше времени, чтобы добраться сюда. Так как они не могли рассеиваться или с такой же скоростью передвигаться по миру.

Я собиралась развернуться и пойти в комнату, чтобы начать без них, когда две мужские фигуры показались в темном дверном проеме.

Юриан. И Грейсен.

А за ними... небольшая группа других людей.

Я с трудом сглотнула. Теперь начинается самая трудная часть.

Грейсен выглядел так, словно готов был развернуться и уйти, свежий порез рассекал его щеку, и он нахмурился, но Юриан подтолкнул его. Под левым глазом Юриана расцвел темный синяк. Уж не Мириам и Дрейкон поставили его? Но я бы поставила на Мириам.

Грейсен только сдержанно мне кивнул. А Юриан ухмыльнулся.

— Вы будете сидеть на противоположных концах комнаты, — сказала я.

Подальше от Мириам и Дрейкона. И от Элейн.

Никто из них не ответил, гордо и величаво пройдя в комнату, полную Фэ.

Рис поцеловал меня в щеку и пошел за ними. Оставляя —

Как и обещал Люсьен, теперь, когда наступила темнота, Васса нашла меня.

Она прибыла последней — последний участник этой встречи. Она решительно пронеслась через порог, затаив дыхание, и остановилась лишь в футах от меня.

Ее распущенные волосы отливали красноватым золотом, густые темные ресницы и брови обрамляли самые потрясающие голубые глаза, которые мне доводилось видеть. Она была красивой, ее веснушчатая золотисто-коричневая кожа блестела. Она была лишь на пару лет старше меня, но... на вид была моложе. Игривая. Неистовая и неприрученная, несмотря на ее проклятие.

Васса сказала с певучим акцентом:

— Ты Фейра Разрушительница Проклятий?

— Да, — сказала я, ощущая, как Рис прислушивается к нам из другой комнаты, где остальные теперь начали успокаиваться. Ожидая меня.

Полные губы Вассы сжались.

— Сожалею о твоём отце. Он был прекрасным человеком.

Нэста, выходя из гостиной, замерла, услышав ее слова. Осмотрела Вассу с ног до головы. Васса поступила так же.

— Ты Нэста, — объявила она, и я задумалась, какими словами описал ее наш отец, что она ее узнала. — Сожалею и о твоей утрате.

Нэста просто рассматривала ее с холодным безразличием.

— Слышала, что ты убила Короля Хайберна, — сказала Васса, ее темные брови сузились, когда она снова посмотрела на Нэсту, выискивая под ее голубым платьем признаки воина.

Васса только пожала плечами, когда Нэста не ответила ей, и сказала мне:

— Он был для меня лучшим отцом, чем мой собственный. Я многим обязана ему и буду чтить его память всю свою жизнь.

От взгляда, который Нэста бросила на королеву, могла завянуть трава у разрушенной входной двери. И лучше не стало, когда Васса обратилась ко мне:

— Можешь ли ты разрушить мое проклятие, Фейра Арчерон?

— Поэтому ты согласилась прийти так быстро?

Слабая улыбка.

— Отчасти. Люсьен предположил, что у тебя есть дары. Как и других Высших Лордов. Как и его отец — настоящий отец. Гелион.

Она продолжила, прежде чем я успела ответить.

— У меня осталось не так много времени — прежде чем мне придется вернуться к озеру. К нему.

К лорду смерти, который держал ее на поводке.

— Кто он? — выдохнула я.

Васса только покачала головой, махнув рукой, когда ее глаза потемнели, и повторила:

— Можешь ли ты разрушить мое проклятие?

— Я — я не знаю, как разрушать такие заклинания, — призналась я.

Ее лицо вытянулось. Я добавила:

— Но... мы можем попробовать.

Она задумалась.

— Пока наши армии лечатся, я не смогу уйти еще некоторое время. Возможно, это даст мне... лазейку, как высказался Люсьен, чтобы остаться здесь подольше. — Она еще раз покачала головой. — Обсудим это позже, — объявила она. — Как и угрозу, которую представляют мои подруги королевы.

Мое сердце сбилось с ритма.

Губы Вассы изогнулись в жестокой улыбке.

— Они попытаются вмешаться, — сказала она. — Во все мирные переговоры. Хайберн отослал их еще до битвы, но я не сомневаюсь, что они достаточно умны, чтобы способствовать этому. Не растрчивать здесь своих воинов.

— Но они сделают это где-то еще? — потребовала Нэста.

Васса перекинула гладкие волосы через плечо.

— Посмотрим. А ты подумаешь о том, как мне помочь.

Я подождала, пока она уйдет в гостиную, прежде чем выгнула бровь, удивляясь ее приказу. Она либо не знала, либо не задумывалась о том, что я *тоже* полноправная королева.

Нэста ухмыльнулась.

— Удачи с *этим*.

Я нахмурилась, подавляя беспокойство, от которого в моем животе уже скручивался узел, и сказала:

— Куда ты идешь? Начинается встреча.

— Почему я должна быть там?

— Ты почетный гость. Ты убила короля.

Тени замерцали на ее лице.

— Ну и что.

Я моргнула.

— Еще ты наш эмиссар. Поэтому ты должна быть там.

Нэста посмотрела на лестницу, и я заметила что-то, что она сжимала в кулаке.

Маленькая фигурка, вырезанная из дерева. Я не смогла понять, что это за животное, но узнала дерево. Узнала эту работу.

Одна из маленьких фигурок, которую наш отец вырезал за последние годы, пока... пока почти ничего не делал. Я посмотрела на ее лицо, прежде чем она заметила мое внимание.

Нэста сказала:

— Ты думаешь, что это сработает — эта встреча?

С таким количеством ушей Фэ, находящихся рядом, я бы не осмелилась сказать что-то,

кроме правды.

— Я не знаю. Но я готова попробовать. — Я протянула руку своей сестре. — Я хочу, чтобы ты была там. Со мной.

Нэста задумалась, смотря на мою протянутую руку. На мгновение мне показалось, что она уйдет.

Но потом она взяла меня за руку, и вместе мы вошли в комнату, набитую людьми и Фэ. Обе части этого мира. *Все* части этого мира.

Высшие Фэ от каждого двора. Мириам и Дрейкон и их свита. Люди со многих территорий.

Все смотрели на меня и Нэсту, когда мы вошли, когда мы подошли к Рису и остальным, поворачиваясь к собравшимся в комнате. Я старалась не съеживаться при виде разрушенной мебели, которую расставили по всей комнате, чтобы обеспечить как можно больше сидячих мест. От вида порванных обоев, наполовину болтающихся штор. Но это было лучше, чем ничего.

Полагаю, что эти же слова применимы и к нашему миру.

Все притихли. Рис легонько подтолкнул меня вперед, слегка погладив по спине, когда я шагнула вперед. Я подняла подбородок и оглядела комнату. И улыбнулась всем, людям и Фэ — мирно собравшихся здесь.

Мой голос был чистым и непоколебимым.

— Меня зовут Фейра Арчерон. Раньше я была человеком — теперь я Фэ. Оба мира я называю своим домом. И я хочу обсудить пересмотр Договора.

ГЛАВА

80

Разделенный мир не может процветать.

Это первое собрание длилось часами, многие стали вспыльчивыми от изнеможения, но... основа была заложена. Произошел обмен историями. Рассказами с обеих сторон стены.

Я рассказала им свою историю.

Всю.

Я рассказала ее незнакомцам, которые не знали меня, я рассказала ее своим друзьям, и я рассказала ее Тамлину, с каменным лицом стоящим у дальней стены. Я сообщила им о годах нищеты, о испытаниях в Подгорье, о любви, которую я обрела и отпустила, о любви, которая исцелила и спасла меня. Мой голос не дрожал. Мой голос не срывался. Почти все, что я увидела в Уроборосе — я позволила и им увидеть это. Рассказала им об этом.

И когда я закончила, Мириам и Дрейкон шагнули вперед, чтобы рассказать свою собственную историю.

Еще один проблеск надежды, что мы сможем доказать, что люди и Фэ могут не только работать вместе, жить вместе, но и стать друг для друга гораздо большим. Я выслушала все до последнего слова — и не стала стирать слезы, которые время от времени выкатывались из моих глаз. Я только сжимала руку Риса, не выпуская ее.

Были рассказаны и другие истории. Некоторые противоречили нашей. Об отношениях,

которые плохо закончились. О совершенных преступлениях. О боли, которую никогда не простят.

Но это было началом.

Нужно проделать еще большую работу, построить доверительные отношения, но в отношении возведения новой стены...

Было решено повременить с решением о том, нужна ли она опять. Многие высказались против этой идеи. Многие люди, и они имели на это полное право, были настроены подозрительно. Все еще существовали другие территории Фэ, с которыми придется бороться — те, которые купились на обещания Хайберна. Соблазнились ими.

Сильнее всего Высшие Лорды ругались из-за возможности появления новой стены. И с каждым произнесенным словом, как и сказал Гелион, временное единство трещало по швам и рассыпалось на кусочки. Границы дворов были пересмотрены.

Но они, по крайней мере, остались до конца — до раннего утра, когда мы, наконец, решили, что остальные вопросы будут отложены до другого дня. И они будут обсуждены в другом месте.

На это потребуется время. Время, исцеление, доверие.

И я задавалась вопросом, будет ли дорога, на которую мы вышли — путь к истинному миру — самой сложной и самой длинной из всех.

Остальные уходили, рассеивались, улетали или растворялись в темноте, направляясь к своим военным отрядам, дворам или народам. Я смотрела на них из открытого дверного проема поместья, пока они не стали лишь тенями в ночи.

Ранее я видела, как Элейн выглядывает из окна — наблюдая, как Грейсен уходит со своими людьми, даже не взглянув на нее. В тот день он осознавал, что говорил. Заметил ли он, что Элейн все еще носит его обручальное кольцо, что Элейн все смотрела и смотрела на него, когда он уходил в ночь... я не знаю. Пусть Люсьен смириться с этим — пока что.

Я вздохнула, прислоняясь головой к растрескавшейся каменной дверной раме. Роскошная деревянная дверь была полностью разрушена, ее обломки все еще были разбросаны по мраморному полу позади меня.

Я узнала его запах еще до того, как услышала его приближающиеся шаги.

— Куда теперь пойдешь? — спросила я, даже не оглядываясь, когда Юриан остановился за мной и уставился во тьму.

Мириам и Дрейкон быстро ушли, чтобы помочь своим раненым — и похитить Котел, доставив его на один из своих кораблей, прежде чем другие Высшие Лорды вспомнят о его местонахождении.

Юриан прислонился к двери напротив меня.

— Королева Васса предложила мне место в своем дворе.

Действительно, Васса все еще оставалась внутри, оживленно болтая с Люсьеном. Полагаю, что если у нее есть время только до рассвета, прежде чем она опять превратится в жар-птицу, то у нее каждая минута на счету. Люсьен, как это ни удивительно, хихикал, расслабив плечи и наклонив голову, слушая ее.

— Ты согласился?

Лицо Юриана было мрачным — усталым.

— Какой двор может быть у проклятой королевы? Она связана с тем лордом смерти — в какой-то момент ей нужно вернуться к его озеру на континенте. — Он покачал головой. — Слишком плохо, что король был так эффектно обезглавлен твоей сестрой. Держу пари, что

он бы смог найти способ снять с нее проклятие.

— И впрямь, слишком плохо, — пробормотала я.

Юриан удовлетворенно хмыкнул.

— Думаешь, у нас есть шанс? — спросила я, указывая на отдаленные человеческие фигуры, все еще идущие в направлении лагеря. — На мир между всеми нами?

Юриан долго ничего не говорил.

— Да, — мягко сказал он. — Я так думаю.

И я не знаю, почему, но это успокоило меня.

Я все еще размышляла над словами Юриана несколько дней спустя, когда военный лагерь, наконец, свернули. Когда мы окончательно попрощались со всеми, дав обещания — некоторые более искренние, чем другие — встретиться снова.

Когда мой двор, моя семья, рассеялись в Веларис.

Солнечный свет все еще просачивался в окна городского дома. Запах цитрусовых, моря и свежее испеченного хлеба все еще заполнял каждую комнату.

И вдалеке... Дети все еще смеялись на улицах.

Дом. Дом остался таким же — дом был нетронут.

Я так сильно сжала руку Риса, что подумала, что он пожалуется, но он только стиснул мою ладонь в ответ.

И хотя мы все вымылись, когда теперь мы стояли здесь... на нас все еще была грязь. Как кровь, которая никогда не смывается.

И я поняла, что хотя дом действительно остался таким же, но мы... мы, возможно, нет.

Амрен пробормотала:

— Полагаю, мне теперь придется есть настоящую еду.

— Колоссальная жертва, — усмехнулся Кассиан.

Она показала ему вульгарный жест, но ее глаза сузились при виде его все еще перевязанных крыльев. Ее глаза — нормальные серебряные глаза — скользнули к Нэсте, которая держалась за перила лестницы, как будто она собиралась уйти в свою комнату.

Моя сестра почти не разговаривала, практически ничего не ела за прошедшие дни. Она не посещала Кассиана, пока он был у целителя. И она все еще не поговорила со мной о том, что произошло.

Амрен сказала ей:

— Удивлена, что ты не взяла с собой голову короля, чтобы сделать из нее чучело и повесить на стену.

Нэста стрельнула по ней взглядом.

Мор цокнула языком.

— Некоторые сочтут такую выходку признаком дурного вкуса, Амрен.

— Я спасла ваши задницы. Я имею право говорить то, что хочу.

И на этом Амрен вышла из дома и зашагала по улицам города.

— У новой Амрен причуд больше, чем у старой, — мягко сказала Элейн.

Я рассмеялась. Остальные присоединились ко мне, и даже Элейн широко улыбнулась.

Все, кроме Нэсты, которая уставилась в пустоту.

Когда был разрушен Котел... Я не знала, лишило ли это сил и ее. Разрушило ли это их связь. Или она все еще жила где-то внутри нее.

— Пойдемте, — сказала Мор, закидывая одну руку на плечи Азриэля, а второй осторожно обвивая Кассиана, и повела их в гостиную. — Нам нужно выпить.

— Мы откроем хорошие бутылки, — Кассиан позвал Риса через плечо, все еще прихрамывая на едва вылеченную ногу.

Мой мейт отвесил раболепный поклон.

— Оставьте хотя бы чуть-чуть и мне.

Рис посмотрел на моих сестер, потом подмигнул мне. Тени битвы все еще нависали над нами, но это подмигивание... Я все еще содрогалась от ужаса, что это может быть не настоящим. Что все это какой-то лихорадочный сон, который мне показывает Котел.

Это реально, промурлыкал он в моей голове. Я буду доказывать это тебе позже. Часами.

Я фыркнула и принялась наблюдать, как он, использовав поиск еды как предлог, пошел по коридору, засунув руки в карманы.

Оставшись в фойе со своими сестрами, все еще слегка улыбающейся Элейн и Нэстой с каменным лицом, я перевела дыхание.

Люсьен остался, чтобы помочь раненым людям, все еще нуждающимся в исцелении Фэ, но пообещал, что вернется сюда, когда закончит с этим. А что касается Тамлина...

Я с ним не поговорила. Я почти не видела его после того, как он сказал мне быть счастливой и вернул мне моего мейта. Он покинул собрание еще до того, как я успела ему что-нибудь сказать.

Так что я передала Люсьену записку, чтобы он отдал ее ему, если увидит его. Что, как я знала — произойдет. Люсьен сказал, что до того, как прийти сюда, ему нужно будет сделать одну остановку. И я поняла, что он под этим подразумевал.

Моя записка Тамлину была короткой. Она содержала все, что мне нужно было ему сказать.

Спасибо.

Надеюсь, что ты тоже найдешь счастье.

И это было правдой. Не только из-за того, что он сделал для Риса, но... Даже с бессмертием, в жизни не так много времени, чтобы тратить его на ненависть. На том, чтобы чувствовать ее и нести в мир.

Так что я пожелала ему всего хорошего — всей душой, надеясь, что однажды... Что однажды, возможно, он столкнется со скрытыми страхами, разрушительной яростью, выедающей его изнутри.

— Итак, — сказала я своим сестрам. — Что теперь?

Нэста просто развернулась и поднялась по лестнице, каждый шаг был медленным и чопорным. Она закрыла дверь с решительным грохотом, как только добралась до своей спальни.

— После отца, — прошептала Элейн, все еще глядя ей вслед, — не думаю, что Нэста —
— Знаю, — прошептала я. — Думаю, что Нэсте нужно разобраться... во многом.

Слишком много.

Элейн повернулась ко мне.

— Мы поможем ей?

Я вертела в руках конец косы.

— Да, но не сегодня. И не завтра. — Я выдохнула. — Когда... когда она будет готова.

И мы тоже будем готовы.

Элейн кивнула, улыбаясь мне, и это была неуверенная радость — и *жизнь*, что сияли в ее глазах. Обещание будущего, сияющего и приятного.

Я повела ее в гостиную, где Кассиан держал в каждой руке по бутылке янтарного ликера, Азриэль уже тер виски, а Мор брала тонкие хрустальные бокалы с полки.

— Что теперь? — задумчиво сказала Элейн, наконец отвечая на мой вопрос, когда ее внимание переместилось на окна, выходящие на солнечную улицу. Ее улыбка выросла, и она была достаточно яркой, чтобы осветить даже тени Азриэля, находящиеся в комнате. — Я хочу разбить сад, — объявила она. — После всего этого... думаю, миру нужно больше садов.

Моя горло сжалось, и я не смогла ей незамедлительно ответить, так что просто поцеловала ее в щеку, а затем произнесла:

— Да — я тоже так думаю.

ГЛАВА

81

Рисанд

Даже находясь на кухне, я слышал их всех. Жадные глотки определенно самого старого имеющегося у меня ликера, потом звон таких же старинных хрустальных бокалов.

Затем смех. Глубокий, раскатистый — это Азриэль. Смеется со слов Мор, от которых она и сама залилась смехом, пьяно хихикая.

А потом другой смех — серебристый и живой. Красивее музыки, которую играют в бесчисленных залах и театрах Велариса.

Я стоял у окна на кухне и смотрел на сад, разросшийся во всем своем летнем величии, не различая растения, за которыми Элейн Арчерон ухаживала все эти недели. Просто смотрел — и слушал этот прекрасный смех. Смех моего мейта.

Я потер грудь рукой от его звучания — от радости в нем.

Их разговор продолжался, возвращаясь к прежнему ритму жизни, и все же... Близко. Мы были очень близки к тому, чтобы не увидеть все это снова. Это место. Друг друга. И я знал, что этот смех... отчасти он звучал и из-за этого. Как вызов и благодарность.

— Ты будешь с нами пить, или собираешься просто смотреть на цветочки весь день? — голос Кассиана прорезал мелодичные звуки.

Я обернулся, обнаруживая, что он и Азриэль стоят в кухонном проеме, держа в руках выпивку. Еще одна была в изуродованной руке Азриэля — он вызвал голубоватый ветер, чтобы поднести мне ее.

Я обхватил холодный, тяжелый хрустальный бокал.

— Опрометчиво подкрадываться к своему Высшему Лорду, — сказал я им, делая глубокий глоток.

Обжигающий ликер потек по моему горлу, согревая желудок.

— Это держит тебя начеку в твоем преклонном возрасте, — сказал Кассиан, делая глоток. Он прислонился к дверям. — Почему ты тут прячешься?

Азриэль стрельнул по нем взглядом, но я фыркнул, делая еще один глоток.

— Ты действительно открыл хорошие бутылки.

Они ждали. Но снова зазвучал смех Фейры, сопровождающийся хохотом Элейн и Мор. И когда я опустил свой взгляд на своих братьев, то увидел понимание на их лицах.

— Это реально, — тихо сказал Азриэль.

Никто не засмеялся и не высказался по поводу жжения в моих глазах. Я сделал еще один глоток, чтобы смыть комок в горле, и подошел к ним.

— Давайте не будем делать этого еще пятьсот лет, — сказал я немного хрипло и чокнулся с ними бокалом.

Азриэль улыбнулся, а Кассиан выгнул бровь.

— И что мы будем делать до тех пор?

Помимо установления мира и покоя, помимо королев, которые определенно станут проблемой, помимо восстановления нашего разрушенного мира...

Мор позвала нас, требуя, чтобы мы принесли им гору еды. *Внушительную*, добавила она. *И много хлеба.*

Я улыбнулся. Улыбка стала еще шире, когда снова раздался смех Фейры — и я почувствовал его по связи, сверкающей ярче, чем весь Звездопад.

— До тех пор, — сказал я своим братьям, обнимая их за плечи, и направился с ними в гостиную.

Я посмотрел вперед, в сторону этого смеха, этого света — и того видения будущего, которое показала мне Фейра, прекраснее всего, о чем я только мог мечтать — всего, о чем я мечтал в давние одинокие ночи, когда лишь звезды составляли мне компанию. Все еще несбывшаяся мечта — но это не навсегда.

— До тех пор мы будем наслаждаться каждой секундой этого времени.

ГЛАВА

82

Фейра

Рисанд был на крыше, яркие звезды казались близкими, а плитка под моими голыми стопами все еще хранила тепло после солнечного дня.

Он сидел на одном из маленьких железных стульев, в темноте, без бутылки ликера — просто он, звезды и город.

Я скользнула ему на колени и позволила ему обнять меня.

Мы долго сидели в тишине. После того, как закончилось сражение, мы почти не оставались наедине, и тогда он был слишком уставшим, так что мог только спать. Но сегодня... Его рука пробежалась по моему бедру, голому в тех местах, где подвернулась моя ночная рубашка.

Он выглядел пораженным, когда действительно посмотрел на меня, а потом рассмеялся мне в плечо.

— Я должен был знать.

— Продавщицы дали мне ее бесплатно. В благодарность за спасение от Хайберна. Возможно, мне следует делать это чаще, если таким способом я получаю бесплатное нижнее белье.

Потому что на мне было красное кружевное нижнее белье — под соответствующей красной ночной рубашки, которая была до неприличия прозрачной, показывая то, что скрыто под ней.

— Разве тебе никто не говорил? Ты отвратительно богата.

— Просто потому, что у меня есть деньги, это не значит, что я должна тратить их.

Он сжал мое колено.

— Хорошо. Нам тут нужен кто-то, кто грамотно распоряжается деньгами. Я тратил золото налево и направо благодаря нашему Двору Грез, который пользовался моей неслыханной щедростью.

Из меня вырвался гортанный смех, когда я положила голову на его плечо.

— Амрен все еще твоя Вторая?

— Наша Вторая.

— Пустые слова.

Рис лениво выводил круги на моей обнаженной коже вдоль моего колена и нижней части бедра.

— Если она этого хочет, то все так и останется.

— Даже если теперь у нее нет больше ее сил?

— Теперь она Высшая Фэ. Уверен, что она выявит у себя скрытые таланты, которыми будет вселять в нас ужас.

Я снова рассмеялась, наслаждаясь его рукой на своей коже, теплом его тела.

— Я слышал тебя, — тихо сказал он. — Когда я... умер.

Мной снова начало овладевать напряжение от затянувшегося страха, который не давал мне спать уже несколько ночей — страх, который, я не сомневалась, скоро отпустит меня.

— Те минуты, — сказала я, когда он начал успокаивающе выводить длинные линии на моем бедре, — Рис... я никогда не хочу пережить такого опять.

— Теперь ты знаешь, что я чувствовал тогда в Подгорье.

Я вытянула шею, чтобы посмотреть на него.

— Больше *никогда* мне не ври. Не о таких вещах.

— А о других, значит, можно?

Я крепко сжала его руку, и он засмеялся, разжимая мою руку.

— Я не мог допустить, чтобы вы, *дамы*, заработали всю славу за наше спасение. Какому-то мужчине пришлось бы забрать у вас частичку триумфа, чтобы вы не смогли попить нас своим хвастовством до конца времен.

На этот раз я ударила его по руке.

Но он обхватил меня за талию и прижал к себе, вдыхая мой запах.

— Я слышал тебя даже после смерти. Это заставило меня оглянуться. Заставило меня задержаться — немного дольше.

Прежде чем уйти в то место, о котором я однажды пыталась рассказать Костерезу.

— Когда придет время уйти туда, — тихо произнесла я, — мы отправимся вместе.

— Это сделка, — сказал он и нежно поцеловал меня.

Я пробормотала в его губы:

— Да.

Кожа на моей левой руке заколола. Волна тепла разнеслась по ней.

Я посмотрела вниз и обнаружила еще одну татуировку — почти такую же, как та, которая когда-то украшала ее, правда теперь была еще и черная полоса от сделки,

заклоченной с Бряксис. Он изменил ее так, чтобы она огибала ее, незаметно делая ее частью завитушек и спиралек.

— Я скучал по ней, — невинно сказал он.

Теперь его левую руку украшала такая же татуировка. Не до пальцев, как у меня, но от запястья до локтя.

— Подражатель, — едко заметила я. — Она смотрится лучше на мне.

— Хммм. — Он проследил контур моего позвоночника, а затем ткнул на две точки, расположившиеся вдоль него. — Милая Бряксис исчезла. Ты понимаешь, что это значит?

— Что я должна выследить ее и вернуть в библиотеку?

— О, ты, безусловно, должна это сделать.

Я перевернулась на его коленях, обвивая руками его шею, и сказала:

— И ты пойдешь со мной? В это приключение — и все остальные?

Рис наклонился вперед и поцеловал меня.

— Всегда.

Кажется, звезды засияли ярче ему в ответ, подбираясь ближе к нам, чтобы понаблюдать. Его крылья зашуршали, когда он устроил нас поудобнее и углублял поцелуй, пока я не перестала дышать. И потом мы взлетели.

Рис держал меня на руках, унося нас высоко в звездную ночь, а город под нами был ее сияющим отражением.

Музыка доносилась из кафе на берегу реки. Люди смеялись, идя рука об руку по улицам и переходя Сидру по мостам. Некоторые мерцающие участки все еще содержали темные точки — груды щебня и разрушенные здания — но даже они были освещены маленькими огоньками. Свечами. Прелестными и бросающими вызов темноте.

Нам нужно будет больше таких моментов в будущем — пока мы будем идти по тому пути, что раскинулся перед нами. К новому миру. Такому, который я оставлю местом лучшим, чем в которой пришла.

Но пока... эти моменты, с этим городом, раскинувшимся внизу, миром, в котором мы живем, наслаждение с трудом завоеванным миром и спокойствием... Я тоже этим наслаждалась. Каждую секунду. Каждым звуком, запахом и изображением, что поселились в моей голове, и их было столько, что мне понадобится целая жизнь — даже несколько — чтобы нарисовать их.

Рис выровнял полет, посылая мысль в мой разум, и широко улыбнулся, когда я выпустила крылья.

Он отпустил меня, и я плавно выскользнула из его рук, купаясь в теплом ветре, ласкающем каждый дюйм моего тела, втягивая воздух, пропитанный запахами соли и цитрусовых. Мне понадобилось несколько взмахов, что сделать все правильно — поймать ощущение и ритм. А потом я успокоилась, выравниваясь.

И я полетела. Высоко паря.

Рис кружил рядом со мной, и когда он снова мне улыбнулся, когда мы плавали среди звезд, огней и ветерка, пахнущем морем, когда он показал мне все чудеса Велариса, сверкающую Радугу, которая была как живая река цвета под нами... Когда он коснулся своим крылом моего, просто потому, что он мог, потому, что он хотел этого и у нас было бесконечное количество ночей, чтобы делать это, чтобы смотреть на все вместе...

Дар.

Все это.

